

Российская академия наук
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)

А. М. Соколов

АЙНЫ: ОТ ИСТОКОВ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

*Материалы к истории становления
айнского этноса*

Санкт-Петербург
2014

УДК (94+39)=(521)
ББК 63.3+63.5(5Япо)
С59

Ответственный редактор
кандидат исторических наук В. Д. Косарев

Рецензенты:
доктор исторических наук Е. А. Резван,
доктор исторических наук И. Ф. Попова

Соколов А. М.

С59 Айны: от истоков до современности. (Материалы к истории становления айнского этноса). — СПб.: МАЭ РАН, 2014. — 766 с.

ISBN 978-5-88431-259-3

Монография посвящена древней истории Японии в связи с этногенезом айнов, а также комплексному изучению культуры этого народа и охватывает значительный временной интервал.

В течение долгого времени автор собирал материал, основываясь на археологических, письменных, этнографических и антропологических источниках. Изучение богатого опыта, накопленного предшественниками, а также знакомство с открытиями российских и зарубежных ученых, сделанных недавно, позволило установить время становления айнов, очертить исконную территорию их проживания и, в целом, составить исторический портрет.

Часть работы, касающаяся «доайнской» истории, содержит описание различных культур, существовавших на Японском архипелаге и сопредельных территориях (Сахалине и Курильских островах) с эпохи неолита до XII—XIII вв. Здесь описывается хозяйственный уклад носителей этих культур, их социальная организация, предметы быта и культа. Наиболее ярко региональные отличия проявлялись в производстве керамики, поэтому на ее исследовании делается наибольший акцент. В части работы, касающейся айнов, дается подробное описание различных реалий их жизни, при этом особое внимание уделяется материальной культуре, недостаточно освещенной в отечественной литературе. Наиболее значимые предметы наглядно показаны на иллюстративном материале (многие из них публикуются в России впервые). Работа также содержит фрагменты средневековых японских рукописей и редкие фотографии.

Глубокая проработка темы, новый подход к айнской проблеме и обилие редкого материала делают исследование интересным для специалистов и широкого круга читателей, изучающих историю Японии и Дальнего Востока.

ISBN 978-5-88431-259-3

© А. М. Соколов, 2014
© МАЭ РАН, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Глава I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АЙНОВ	
Зарубежные источники	9
Российские источники	60
Глава II. ДРЕВНЯЯ ЯПОНИЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ (САХАЛИН, КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА). ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ	
Каменный век	85
Становление японской народности.	
Культуры яёй, кофун, дзокудзёмон, сацумон	129
Эмиси	187
Айны	210
Глава III. ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО АЙНОВ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ	
Общественный строй	224
Территориальное деление	228
Семейные отношения и обряды жизненного цикла	237
Социально-экономическое положение и вопросы обычного права	251
Формы общения	262
Культурно-экономические отношения с японцами и русскими	268
Глава IV. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ АЙНОВ	
Рыболовство и морской зверобойный промысел	291
Средства передвижения по воде	312
Охота	323
Средства передвижения по суше	348
Собирательство и земледелие	357
Животноводство	373
Ремесла	379

Глава V. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА	
Религиозные воззрения	412
Культы и обряды	424
Предметы погребального культа	441
Ритуал распития священных напитков	453
Инау	460
Культовые атрибуты	480
Шаманство	497
Глава VI. ВОЕННОЕ ДЕЛО	
Айны на войне	506
Навыки военного дела и фортификации	516
Защитное снаряжение	523
Вооружение	542
Глава VII. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА	
Жилища	556
Утварь	588
Одежда	633
Сопутствующие атрибуты одежды	663
Украшения	696
Принадлежности для курения	705
Музыкальные инструменты	714
Заключение	722
Библиография	726

ОТ АВТОРА

«Ни громкого разговора, ни неумеренного смеха, а еще менее спора не заметили мы вовсе... Скромность их чрезвычайна; они никогда ничего не требуют и не просят, даже и даваемое им принимают сумняся, действительно ли то для них назначено... Такая подлинно редкие качества, коими обязаны они не возвышенному образованию, но одной только природе, возбудили во мне то чувство, что я народ сей почитаю лучшим из всех прочих, которые доныне мне известны» [Крузенштерн 1810: 85, 86].

Айны (айну, дословно «человек») — народ, происхождение и история которого уже более ста лет вызывают неослабевающий интерес ученых. Эти люди разительно отличаются от окружающего населения внешним обликом, языком, многими элементами традиционной материальной и духовной культуры. К великому сожалению, в наши дни сохранилось лишь около двадцати тысяч представителей айнского этноса, да и из них большая часть уже подверглась значительной ассимиляции.

Лишь немногие айны разговаривают на родном языке. Большинство давно забыло его и перешло на японский. Наряду с этим исконные обычаи перестали играть в жизни айнского общества существенную роль. На смену самобытным культам пришли буддистские ценности, традиционный образ жизни почти полностью уступил место современному укладу японцев.

Ныне айны расселены на севере Японского архипелага, на о. Хоккайдо (до 1869 г. — Эдзо или Эдзогасима). В прошлом территория их проживания была гораздо шире и включала северо-восточные земли Хонсю, южную часть Сахалина (яп. Карафуто или Китаэдзоти), Курильские острова (яп. Тисима), часть Нижнего Приамурья и южную оконечность Камчатки. Непосредственное влияние на айнов оказывали на Сахалине нивхи и ороки, затем народы Нижнего Амура, японцы и русские, на Камчатке и северных островах Курильской гряды — ительмены и русские, на Южных Курилах, северо-востоке Хонсю, а также Хоккайдо — японцы¹.

¹ С 20-х годов XIX в. немногочисленная группа айнов проживала на Командорских островах. Их переселила туда Российско-Американская компания как промысловых рабочих [Спеваковский 1992: 9].

Региональные особенности айнов проявлялись прежде всего в языке, некоторых обычаях, поведении, предметах быта и культуре². Вместе с тем айнская культура воспринимается как несомненно единое целое — объединяют ее общие религиозные традиции, социальная организация общества и многие другие аспекты.

В XIX в. «северные территории» (Курилы, Сахалин и отчасти Камчатка) стали объектом пристального внимания России и Японии. Внешняя политика двух держав, направленная на расширение сфер влияния в Тихоокеанском регионе, привела к поэтапному переселению айнов с Сахалина и Курильских островов на Хоккайдо. Айны Сахалина и Курильских островов со второй половины XX в. перестали существовать как этнос.

Между тем в прошлом айны были многочисленным, преуспевающим и воинственным народом, который славился своей смелостью как на охоте, так и на войне. Веками они вели жестокие войны, отстаивая собственные владения от посягательств врагов или захватывая новые, выгодные с промысловой точки зрения территории. Однако самым беспощадным противником, которого им так и не удалось одолеть, стали эпидемические болезни, унесшие в XVIII–XIX вв. огромное число жизней.

Существенный культурный феномен айнов — отсутствие у них письменности³. История собственного народа и другая важная информация на протяжении веков передавалась из уст в уста. Эта история, полная драматизма, нашла отражение в исключительно богатом фольклоре, который содержит не только мифологические версии о сотворении мира, происхождении людей и деяниях божеств, но и череду наиболее важных событий.

Российские и зарубежные ученые посвятили изучению айнов огромное количество исследований. По айноведению, помимо работ общетеоретических, существует множество статей частного характера и монографий по таким дисциплинам, как лингвистика,

² На основе материалов, собранных в течение XVIII–XIX вв., специалисты выделили 14 диалектов айнов Хоккайдо (Якумо, Осямамбэ, Кусиро, Бихоро, Асахигава, Наёро, Соя, Титосэ и др.), 6 диалектов айнов Сахалина (Отихо, Тарантомари, Маока, Сираура, Райтиска, Наиро), диалекты айнов Курильских островов (южно-курильский и северо-курильский), диалект айнов Камчатка [Спеваковский 1992: 10].

³ По мнению ряда исследователей, в архаической форме письменностью владели предки айнов.

археология, антропология, этноэкология. Тем не менее трудно найти работу, в которой начало становления айнского этноса, его расцвет и увядание показаны в неразрывном единстве. Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собой попытку комплексного анализа айнской культурной истории, начиная с ранней фазы ее сложения. При этом внимание сосредоточено на материальной культуре — аспекте, сравнительно слабо освещенном в научной литературе.

Значительный временной интервал, в пределах которого рассматриваются айны, потребовал привлечения обширного количества разного рода источников. Там, где речь идет о древней истории, упор сделан на археологические данные, при изучении более поздних эпох акцент смещается на письменные документы и этнографический материал. Особого внимания заслуживают японские рукописи по айнам. Лишь немногие из них известны в России, тогда как за несколько столетий японцам удалось всесторонне охарактеризовать жизненный уклад айнов, их обычаи и нравы. Поэтому важной целью работы стало введение в научный оборот обширного корпуса японских источников. Изучение каждого из них требует огромного количества времени, поэтому мы затронем лишь некоторые аспекты, наиболее интересные с нашей точки зрения.

Обращение к разным по характеру источникам важно и тем, что помогает рассмотреть айнов с разных сторон и составить о них целостное представление. В свое время известный российский этнограф Л. Я. Штернберг писал: «Основная причина, почему айнская проблема остается до сих пор столь темной и решается столь различно, заключается в том, что каждая из выдвинутых до сих пор теорий пыталась решить вопрос на основании какого-нибудь признака: одни — антропологического, другие — лингвистического, третьи — на основании одного какого-нибудь культурного признака... Если айнская проблема может быть, хотя и не окончательно, решена, но по крайней мере правильно поставлена, то лишь на основании всей совокупности признаков, как антропологических и лингвистических, так и в особенности на основании комплекса материальной и духовной культуры» [Штернберг 1929: 336].

Создание настоящей книги стало возможным благодаря содействию многих ученых, которым автор выражает глубокую признательность. В первую очередь хотелось бы поблагодарить заведующую кафедрой иностранных языков СПбГУКИ И. И. Басс и сотрудников

Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН — В. А. Киселя, Е. В. Иванову, А. Ю. Синицына, И. А. Алимова, Е. Г. Цареву. Они помогли обработать значительный по составу и объему материал, неоднократно перечитывая рукопись, высказывали критические замечания, давали ценные указания. В. А. Кисель и Е. В. Иванова, в частности, предложили оптимальный план структурирования материала, И. А. Алимов осуществил перевод с китайского языка фрагмента из хроник династии Тан, в котором упоминаются айны.

Значительную помощь в редактировании работы оказал исследователь культуры айнов и айнского языка В. Д. Косарев. Благодаря ему удалось избежать ошибок в транскрипции айнских слов, уточнить значение многих из них, а в некоторых случаях точнее истолковать старинные айнские обычаи. В трактовке современных данных по археологии, антропологии и этнографии оказали помощь, в том числе консультациями, В. П. Грицкевич (СПбГУКИ), Ч. М. Таксами, С. А. Корсун, А. Г. Козинцев, С. В. Березницкий, О. В. Яншина, Н. В. Майкова (МАЭ РАН), А. М. Кабанов, В. В. Щепкин (ИВР РАН), М. М. Прокофьев (Сахалинский областной краеведческий музей), И. А. Карапетова (Российский этнографический музей).

Среди зарубежных исследователей хотелось бы назвать специалиста по айнам Сасаки Тосикадзу, археолога Судзуки Кэндзи, историка Танимото Акихиса (Центр по изучению культуры айнов и коренных народов Севера при Университете Хоккайдо), а также Джозефа Крэйнера (Университет Хосэй), Акино Сигэки, Тани Масахиро, Такахаси Тадаси, Цуда Рёко, Кихара Хитоми (Фонд развития и изучения айнской культуры), Огихара Синко (Университет Тиба), Хигути Томодзи (Университет Иватэ), Кондо Масаки, Сасаки Сиро, Ёсимото Синобу, Сёда Синъя (Государственный этнологический музей Осака), Масато Тамура, Дэриха Кодзи, Адзума Сюнсуке (Музей истории освоения Хоккайдо), Номото Масахиро (Музей народа айну), Исикава Наоаки (Музей Отару), Ябунака Такэси (Музей народного творчества Сидзунай), Игараси Сатоми (Хоккайдский музей современного искусства), Кодзима Кёко (Университет Саппоро Гакуин), Миядзаки Кацунори (Университет Кюсю). Без их содействия данная работа не состоялась бы⁴.

⁴ В тексте долгота гласных в японских географических названиях, названиях памятников архитектуры и археологии, а также в именах и фамилиях не указывается.

Глава I

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АЙНОВ

Зарубежные источники

В древности Япония, так же как и сопредельные территории, имела сложную этническую историю. Археологический материал и письменные источники свидетельствуют о том, что там обитали различные племена, в том числе айноидные. Информация об этих племенах впервые была отражена на страницах древнекитайских сочинений «Шань хай цзин (山海经)» («Книга гор и морей») (конец III — начало II в. до н.э.) и «Сун шу (宋書)» («История [династии] Сун») (южное царство Сун, 420—479 г. н.э.). Предки айнов в них упоминаются под названием *маоминь* (毛民) («волосатый народ»), а также *маожень* (毛人) («волосатые люди») (рис. 1) [Каталог гор и морей 1977: 123; Сунь Цзинь-цзы 2001: 53; Kojima 2009: 24].

Наиболее полное описание населения древней Японии (II—III вв. н.э.) содержится в «Вэй чжи (魏志)» («История государства Вэй») (около 297 г.), в разделе, посвященном «Стране Во» (Wa).

В Вэйчжи сообщается: «Японцы находятся на юго-восток от [области] Дайфан, среди Большого моря, по гористым островам, образуют уделы. Ныне 30 владений имеют сообщения через послов-переводчиков. Из областей [Китая] достигают Японии вдоль морского побережья. Плывая водой, проходя через Ханьго [Южную Корею] то на юг, то на восток, достигают на северном побережье [Японии владений] Гоусйе, Ханьго, через 7000 с лишком ли» [Кюнер 1961: 171].

Далее в источнике перечисляются большие и малые владения, которыми правила женщина (Нюй-ван), страна, находящаяся к югу, Гоуну(го), где все мужчины покрывали лица и тела татуировками, страна к востоку. «Еще имеется страна карликов, помещающаяся на юг от них. Люди ростом в 3—4 фута. Отстоит эта страна от [страны] государя-женщины в 4000 с лишком ли. Еще имеются страны нагих, чернозубых, в свою очередь лежащие на юго-восток от них. Если

Рис. 1. *Маоминь* (волосатый народ). «Шань хай цзин гуан чжу» (1667).
Источник: [Kojima 2009: 25]

ехать на судне, то можно прибыть в один год, посетить и расспросить» [Там же: 174].

Из «Вэй чжи» трудно понять, какие именно племена имели отношение к протоайнам и где они обитали, вполне очевидно лишь то, что различные владения существовали порознь. Интересно упоминание о могущественной царице Пимико (Бимиху), управлявшей областью Яматай (предположительно в 173–248 гг.). Она обладала таким влиянием, что несколько раз отправляла в Китай послов с данью.

По всей видимости, время правления Пимико сопоставимо с эпохой Дзимму (согласно японским мифам, годы жизни: 711–585 гг. до н.э.) — основателя первого межплеменного союза, а также с эпохой Судзина (по разным мнениям, рубеж III–IV вв. н.э.)¹ [Косарев. URL: <http://kosarev.press.md/Japan>]. С легендарным Дзим-

¹ Многие ученые считают, что реально существовавшим историческим лицом и первым правителем являлся не Дзимму, а Судзин.

му связан так называемый «Восточный поход» обитателей Кюсю в Центральную Японию на Хонсю².

В походе на Хонсю Дзимму пришлось столкнуться с различными племенами, в том числе *цутикумо* (土蜘蛛) — «земляными пауками». Информация об этом нашла отражение в ранних японских письменных источниках VIII в. «Кодзики (古事記)» («Записи о делах древности») (712) и «Нихон сёки (日本書紀)» («Анналы Японии») (720).

В одном из свитков Анналов говорится: «...государево войско (после прибытия в бухту Сираката) построилось и пешим ходом направилось в Татута. Однако дорога была крутой и обрывистой, и строем идти было невозможно. Тогда они вернулись и стали совершать переход через гору Икома, желая попасть во внутреннюю часть страны. Узнал об этом Нагасунэ-бико и говорит: “Ох, не иначе как сын Небесных богов и его спутники намерены отнять у меня страну”, и тоже кликнул всех своих воинов, устроил засаду на склоне Кусавэ-но сака и затеял сражение. Стрела, боль несущая, угодила в руку Итусэно микото, воинство государя никак не могло продвигаться вперед [Нихон сёки 1997, т. 1: 179].

В данном фрагменте слово *цутикумо* не указывается, однако известно, что Нагасунэ-бико означало «Юноша — длинные ноги» и являлось косвенным указанием на обитателей землянок — «земляных пауков» [Там же: 430]. Имеется еще пассаж, в котором речь идет о Мити-но оми-но микото, собравшем по приказу Дзимму в местечке Осака своих воинов и спевшем песню: «Хоть говорят люди, что один [воин] эмиси равен ста, но они [сдались] без сопротивления!»³ [Там же: 187].

Собственно *эмиси* (*эбису*) (蝦夷) появляются дальше в разделе, повествующем о периоде правления императора Кэйко (70–130), где прямо сказано, что император отправлял на борьбу с дикарями

² Миф о «Восточном походе», по всей видимости, не имеет отношения к какому-то конкретному периоду времени, но отражает «вектор движения, надо полагать, весьма протяженного во времени» [Косарев. URL: <http://kosarev.press.md/Japan>].

³ Предполагается, что название *цутикумо* могло возникнуть вследствие сильной обволашенности представителей данной группы населения, а также по причине использования ими подземных жилищ. Не исключено, что *цутикумо* являлись отличной от *эмиси* локальной общностью, поэтому и получили другое название [Древние фудоки 1969: 47; Спесваковский 1988: 8].

в северо-восточные области Хонсю старшего сына Ямато Такэру-но Микото. Несмотря на то что история, показанная в летописях, — всего лишь миф, описание облика *эмиси*, о котором речь пойдет ниже, свидетельствует о некотором сходстве с айнами [Кодзики 1994: 72; Нихон сёки 1997, т. 1: 243, 246].

Следует подчеркнуть, что наименование *эмиси*, в отличие, например, от *айну*, не является этническим. Древние японцы использовали его для обозначения населения северных окраин государства, не подчинявшегося центральному правлению. Трудно сейчас сказать, в какой степени это население обладало реальными чертами айнских предков.

Вслед за «Кодзики» и «Нихон сёки» информация об *эмиси* попала в китайский источник «Тун дянь (通典)» («Всеобщий свод») (766–801) ученого-историка Ду Ю (735–812), а затем в «Синь Тан шу (新唐書)» («Новая история [династии] Тан») (1060).

Интересно, что в историко-географических описаниях древней Японии, известных под общим названием «Фудоки (風土記)» («Описание обычаев земель») (VIII в.), инородцы часто упоминаются под названием *цутикумо* («земляные пауки»), о которых речь шла выше. Согласно хроникам, *цутикумо* проживали не только в северо-восточных, но и в южных районах Японии, чересполосно с *кумасо* и *хаято* [Древние фудоки 1969: 140]. Кроме этого, на п-ове Кии «земляные пауки» соседствовали с *ама*, *кудзу* и неизвестными *обито*.

Уже к VIII–IX вв. *кумасо* были частично истреблены, частично ассимилированы японцами и перестали существовать как отдельная общность [Таксами, Косарев 1990: 11]. Та же участь постигла и остальных инородцев. Что касается *эмиси*, то объектом пристального внимания они стали со второй половины VIII в., когда началось активное освоение северо-восточных земель Хонсю. Постепенно японцам удалось отбить у туземцев значительные территории и закрепиться на них.

С IX в. население завоеванных земель японцы стали чаще называть не *эмиси*, а *фусю*: 俘囚, что дословно означало «пленник», но имело смысл «ояпонившиеся туземцы», а также словом *ифу* 夷俘. Эти перемены отражали изменения в общественном сознании японцев по поводу негативной оценки «варваров» [Лим 2010: 140; Kikuchi 1999: 36].

Примечательно, что в японских письменных источниках VIII в. встречаются первые упоминания о предметах каменного

века. Так, в описании провинции Хитати содержатся сведения о раковинных кучах, а в «*続日本紀* (Сёки нихонги)» («Продолжение анналов Японии») (797) — о каменных наконечниках стрел и копий [Воробьев 1958: 12]. В частности, в летописи Хитати говорится: «В 12 сато западнее почтового двора Хирацу есть холм, называемый О:куси. В древности [здесь] жил человек огромного роста, тело его находилось на холме, а руки выкапывали из прибрежного песка большие ракушки хамагури. Съеденные им ракушки, накапливаясь, образовывали холмы. Люди того времени называли это место “О:кудзири”, и теперь это место называют холм О:куси» [Древние фудоки 1969: 53].

Подобные описания, конечно же, не носят научного характера. Они лишь показывают интерес древних японцев к необычным вещам и явлениям.

К XI в. относится появление такого важного источника по изучению туземцев северной Японии, как изобразительный материал. Речь идет о серии иллюстраций о жизни принца Сётоку (574–622), так называемом «Сётоку-тайси э-дэн (聖徳太子絵伝)» («Повествования в картинках о жизни и деятельности принца Сётоку») [Sasaki 1993: 217].

«Сётоку-тайси э-дэн» стали создаваться в связи с формированием культа Сётоку — известного реформатора Японии. В основу некоторых из них легли легенды о покорении племен *эмиси*.

Самым ранним из известных образцов «Сётоку-тайси э-дэн» является работа кисти художника Хата Титэй, датирующаяся 1069 г. Изначально эта картина была написана в жанре *ямато-э* на раздвижных перегородках *сё:дзи* в храме Хорю-дзи в Нара⁴. В 1788 г. ее перенесли на ширму, а в 1878 г. преподнесли от храма Хорю-дзи императорской фамилии. В настоящее время столь ценный экспонат хранится в Токийском государственном музее [Ibid.].

На картине изображены трое мужчин с выпученными глазами и оскаленными ртами. По всей видимости, художник никогда не видел настоящих *эмиси* и нарисовал их так, как они представлялись японцам в то время.

XI в. ознаменовался двумя войнами — девятилетней (1051–1062) и трехлетней (1083–1087). Эти войны были описаны японцами в ис-

⁴ Жанр *ямато-э* сложился в X–XII вв. Картины писались тушью и цветными красками по бумаге или шелку.

точниках «Муцу ваки (陸奥話記)» («Повествование о событиях в Муцу») (конец XI—XII в.) и «О:сю:госаннэнки» (奥州後三年記) («Хроника второй трехлетней войны в области О:сю:») (середина XIV в.)⁵. В данных произведениях показано упорное противостояние эмиси и японцев, причем первые предстают храбрыми и умелыми воинами, способными сражаться и в пешем строю, и верхом на лошадях.

Информация о том, что у *эмиси* северных районов Японии были лошади, фиксируется еще в анонимном документе X в. «Руйдзю сандайкяку (類聚三代格)» («Классифицированное собрание уголовных положений трех правлений»), где описаны правления Конин (810–824), Дзёкан (859–877) и Энги (901–923), и в историческом сочинении «Фусо: рьякки (扶桑略記)» («Сокращенные записи страны Фусо: (Японии)»), которое составил монах буддийской школы Тэндай Коэн в XII в. Согласно «Руйдзю сандайкяку», например, чиновникам в Тохоку запрещалось заниматься личной торговлей лошадьми *эмиси* [Мацумото 2006: 18, 25].

С конца XII в. центр деятельности *эмиси* переместился на Эдзо (Хоккайдо). Приблизительно в это время (в XI—XII вв.) жителей острова, а также северных областей Тохоку японцы стали именовать *эдзо* (蝦夷 (иероглифы те же, что и в написании *эмиси*)) [Мацумото 2006: 5]. До сих пор неизвестно, является ли это слово собственно японским.

В свое время Киндайти Кёсукэ высказал мнение, что название *эдзо* (а также *эмиси*) изначально могло являться искаженным айнским словом *эндзю*, что означало «человек»⁶ [Kojima 2009: 50; Хако-мори. URL: <http://www.emishi-ezo.net>]. Видимо, появление в японском языке слова *эдзо* было неслучайно — оно указывает на определенный этап в становлении айнского этноса и айнского самосознания.

⁵ В «О:сю:госаннэнки», записях, составленных в 1347 г., довольно подробно рассматривается ход Трехлетней войны (1083–1087). В настоящее время среди японских исследователей распространено мнение, что эти записи воспроизводят более древние документы, составленные предположительно в XII в.

⁶ До недавнего времени *эндзю* (*энтю* или *энтю*) было одним из само-названий сахалинских айнов, к тому же это наименование сохранялось в хоккайдском диалекте, но только в молитвах и народных преданиях [Кюнер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 2].

В одном из источников XIV в. — «Сува даймё:дзин э-котоба (諏訪大明神画詞)» («Иллюстрированное повествование о великом божестве Сува») — коллективном труде, составленном в 1356 г. при участии Сува Энтю и Фудзивара Такамори, указывается, что население Эдзо не было однородным. Здесь проживали *хиномото*, *карако* и *ватарито*. Из описания можно понять, что некоторые из них имели облик айнов⁷.

Источник «Сува даймё:дзин э-котоба» интересен тем, что в нем помещались иллюстрации, выполненные Фудзивара Такамори и некоторыми другими художниками. К сожалению, оригинальный свиток с иллюстрациями был утерян [Sasaki 1993: 219].

К XIII–XIV вв. айны активизировали свою деятельность на Сахалине, оказавшись в поле зрения китайских летописцев⁸. Важные сведения о сахалинских айнах содержатся в хрониках династии Юань (1271–1368) «Юань ши (元史)» («История [династии] Юань»). В данном источнике, однако, как и в японских памятниках того же времени, нет слова *айну*. Население Сахалина с айнскими обычаями обозначается этническим названием — *ку-и* (骨鬼)⁹ [Левин, Дубровина 1969: л. 1; История династии 2003. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/>].

Согласно «Юань-ши», нивхи (*цзилими*) обратились к юаньской администрации с просьбой оказать помощь в войне с айнами, которые часто нападали на них, и в 1264 г. войска Юань организовали против айнов военный поход.

Информация об айнах встречается и в ряде других китайских сочинений историко-географического характера — «Кайюань синь

⁷ Известно, например, что область расселения *ватарито* включала южную часть острова. В отличие от других туземцев, представители этой общности считались более цивилизованными и были знакомы с японскими обычаями.

⁸ По всей видимости, появление айнов на Сахалине не было следствием простой миграции с Хоккайдо, поскольку предки айнов жили на острове в глубокой древности и в течение длительного времени развивались преимущественно на собственной основе [Косарев. URL: <http://kosarev.press.md/Ainu>]. В то же время хоккайдцы неоднократно проникали на Сахалин, и они, несомненно, внесли значительный вклад в становление самобытной айнской культуры.

⁹ Китайцы называли айнов также *ку-у*, *ку-ву*, *ку-э*, *гу-вэй*, *ку-вэй*, а их непосредственные соседи нивхи и ороки — *куги*. По мнению Л. Шренка, китайцы заимствовали название *ку-и* у нивхов [Шренк 1883: 133].

чжи (開原新志)» («Новые записи области Кайюаня») эпохи Юань (1271–1368) и «Ляодун чжи (遼東志)» («Описании Ляодуна») периода династии Мин (1368–1644). Здесь айны фигурируют под названием ку-у (苦兀). В хрониках упоминаются охотничьи орудия ку-у, их оружие, одежда и некоторые обычаи, связанные с погребальным культом [История династии 2003. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/>; Сунь Цзинь-цзы 2001: 59].

Касательно туземцев Японских островов, в XIV в. было создано несколько произведений из серии «Сётоку-тайси э-дэн». Это картины из храма Корю-дзи в Киото (1305), храма Дзёгу-дзи в Ибараки (около 1320 г.), храма Ситэнно-дзи в Осака (1323), храма Хонсё-дзи в Андзё: (приблизительно XIV в.), а также рисунок из частной коллекции (1324) (рис. 2, 3). Рисунок интересен тем, что здесь показана своеобразная одежда *эдзо*, подобная айнской. В целом же ранние изображения «Сётоку-тайси э-дэн» передают лишь общее впечатление об *эмиси* (*эдзо*), в некоторых случаях напоминающих китайцев [Kojima 2009: 101; Sasaki Toshikazu 2001: 68].

Один из источников первой половины XVI в. — «Сэйсуйдзи-энги (聖水寺縁起)» («История храма Сэйсуй-дзи») (1517) — содержит рисунки Тоса Мицунобу, где запечатлен сюжет покорения *эмиси* полководцем Саканоуэ Тамурамаро (758–811). Туземцы изображены в облике страшных сказочных существ, образы которых были почерпнуты из буддийских сказаний. Вероятно, художник никогда не видел настоящих *эдзо* и выразил только негативное отношение к ним. Впрочем, с течением времени информации об *эдзо* накапливалось все больше, и изображения начали приобретать более реалистичный характер. Одно из них можно найти в энциклопедическом словаре Тэрадзима Рёан «Вакан сансай дзюэ (和漢三才図会)» («Японо-китайский иллюстрированный сборник трех миров») (1713) в разделе об инородцах (рис. 4) [Sasaki 1993: 219].

На Западе достоверная информация об айнах *Эдзо* стала появляться во второй половине XVI — начале XVII в. со слов европейских миссионеров — португальцев Луиса Фройса (1532–1597), Игнасио Морэйра (1538–1600), а также итальянца Джироламо де Анджелиса (1568–1623). Они сделали интересные наблюдения.

Луис Фройс в своих отчетах “*Epistolae Japonicae*” (1565) описал внешность айнов, их одежду из шкур животных, отдельные обычаи. В частности, он отметил обычай использовать при питье сакэ палочки *икуниси*. Игнасио Морэйра в сочинении “*Iezoguminsula*” (1591),

Рис. 2. Эмиси. «Сётоку-тайси э-дэн» из храма Корю-дзи (Киото) (1305).
Источник: [Sasaki 1993: 218]

Рис. 3. Эмиси. «Сётоку-тайси э-дэн» (1324).
Источник: частная коллекция

Рис. 4. Эдзо. «Вақан сансай дзуэ», Тэрадзима Рёан (1713).

Источник: [Kojima 2009: 145]

указывая на северные земли Японии, зафиксировал их айновское название “ainomohori”. Кроме этого, Джироламо де Анджелис в записях “Relatione del Regno di Iezo” (1618–1621) отметил торговую деятельность айнов с японцами, описал различные предметы их материальной культуры — доспехи, оружие, одежду, в том числе орнаменты. Это первые сведения, освещающие айновское изобразительное искусство [Анучин 1876: 80; Sasaki 1993: 219; Sasaki Toshikazu 2001: 97].

Следует отметить, что наряду с миссионерами немногочисленные сведения об айнах в первой половине XVII в. были получены посланником английской торговой компании Джоном Сарисом (1580–1643), посетившим Японию в 1613 г., и начальником голландской торговли в Японии Франсуа Кароном (1600–1673), прожившим в Японии более 20 лет (с 1619 по 1641 г.). Сведения эти во многом неточны, так как основывались не на личных наблюдениях, а на рассказах японских путешественников. Д. Сарис, в частности, сравнивая туземцев южной и северной частей Эдзо, отметил, что первые были одинакового роста с японцами, а вторые — «очень малы, точно карлики» [Шренк 1883: 127, 268].

С изгнанием христианских миссионеров из Японии право посещения страны было оставлено только за голландцами. В 1643 г. для исследования Северной Японии они снарядили экспедицию в составе двух кораблей под командованием М. Г. Фриса и Г. К. Схепа. Оба корабля («Кастрикум» и «Брескенс») в самом начале экспедиции разошлись из-за шторма, поэтому проводили свои изыскания независимо один от другого. «Брескенс» пересек пролив, отделявший Хонсю от Хоккайдо, прошел вдоль юго-восточного берега Хоккайдо, а затем, держась восточного и северо-восточного направления, достиг Курильского о-ва Симушир. «Кастрикум» прошел до юго-восточной оконечности Хоккайдо, затем исследовал северо-восточную часть острова, достиг островов Уруп, Итуруп, Кунашир, а также Сахалина. На Сахалине экспедиция М. Г. Фриса посетила районы Анива и Терпения.

Некоторые сведения, полученные в ходе экспедиции, были собраны в отдельной книге “*Koorte beschryvinghe van het Eylandt by de Japanders Eso genaemt, nevens de manieren, zeden, ommegangh, ende gestalte des selfs Inwoonderen; soo als het eerst in den Jare 1643 van't Schip Castricum bezeylt ende ondervonden is*” (1646), опубликованной в Амстердаме без имени автора. Часть материалов нашла отражение в работе голландского географа Н. К. Витсена “*Noord en Oost Tartarey*” (1692). Наиболее важные данные — записи штурмана Корнелиса Куна, которые под названием “*Reise van Maarten Gerritz Vries in 1643 naar her noorden en oosten van Japan volgens het Journal gehouden door C. J. Coen op het Schip Castricum*” издал голландский ученый П. А. Леопе (1858). В записях содержится информация об айнах Сахалина и Южных Курил: одежде, оружии, утвари, предметах культа, жилищах, редких захоронениях. Описываются внешний облик туземцев и татуировки [Анучин 1876: 83, 84; Плавание 1990. URL: <http://www.vostlit.info>; Тьерд де Граф 1992: 97].

После голландской экспедиции изучение айнов западноевропейцами прекратилось на длительное время.

Отдельные сообщения о жизни и быте айнов можно обнаружить в японских произведениях XVII в. В то время правительство страны начало предпринимать попытки политической инкорпорации Эдзо в систему японской феодальной империи.

К числу наиболее ранних документов относятся «Синра-но кироку (新羅之記録)» («Записи Синра») (1646), «Эдзосимаки (蝦夷島記)» («Заметки об Эдзо») (1681?) и «Кайфу:мару кидзи (快風丸記事)»

(«Записи с корабля Кайфу:мару» — рассказы представителей клана Мито) (1689). Данные источники содержат информацию об айнах Хоккайдо южной части (Мацумаэ), западной (Исикари), а также отдаленных глубинных районов острова (*о:куэдзо*). В частности, здесь упоминаются события из истории крупного айнского восстания середины XV в. под предводительством Косямаина. Ко второй половине XVII в. относятся также источники «Митинокуни цугаругун-но эдзу (陸奥国津軽郡之絵図)» («Иллюстрированное описание уезда Цугару области Митинокуни») и «Дзассё (雜書)» («Записи о разном (клана Намбу)»), в которых речь идет об айнах Хонсю на территории п-ва Цугару и п-ва Симокита [Sasaki 1995: 30; Sasaki Toshikazu 2001: 67].

Значительно больший интерес к айнам японцы стали проявлять лишь с XVIII в. Он отразился в отчетах государственных инспекторов и служащих, посещавших земли Эдзо, в летописях местных феодальных кланов, путевых записках и дневниках. Среди наиболее значительных работ можно отметить отчет служащего бакуфу Мацумия Кандзан «Эдзоданхикки (蝦夷談筆記)» («Рассказы и заметки об эдзо») (1710) и труд Араи Хакусэки «Эдзоси (蝦夷志)» («Описание Эдзо») (1720)¹⁰.

Мацумия Кандзан посещал Мацумаэ, сопровождая чиновника, инспектировавшего японские владения в северных землях. Информацию об айнах он получил от переводчика с айнского языка. Переводчик, в частности, поведал историю о восстании Сякусяина, произошедшем в 1669 г.

Араи Хакусэки, в отличие от Мацумия, никогда не был на Эдзо. Сведения о местных жителях он собрал из имеющихся в то время источников, а также от тех людей, которым случалось общаться с туземцами.

Так или иначе в «Эдзоданхикки» и «Эдзоси» были описаны географические особенности острова, верования и обычаи айнов

¹⁰ Араи Хакусэки (1657–1725) — главный советник при шестом сёгуне Токугава Иэнобу (1662–1712; сёгун — в 1709–1712 гг.), представитель конфуцианской школы, автор многочисленных трудов по истории Японии. Работа «Эдзоси», составленная в 1720 г., в настоящее время считается важнейшим источником по изучению айнской культуры эпохи Кинсэй (XVII–XIX вв.). Систематизировав и упорядочив знания об эдзо с позиций научной мысли того времени, Араи Хакусэки дал целостное представление о них и тем самым оказал значительное влияние на многих японских исследователей [Kikuchi 1999: 199].

Рис. 5. Женский и мужской портреты айнов Хоккайдо.
«Эдзоси», Араи Хакусэки (1720).

Источник: [Arai 1720 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp/>]

и приведены другие данные, малоизвестные до этого. Более того, в «Эдзоси» некоторые аспекты материальной культуры представлены иллюстративными материалами. Среди иллюстраций есть портретные изображения (рис. 5).

Японские ученые считают, что работа «Эдзоси» стала отправной точкой в развитии такого жанра японской живописи, как *айну-э* или *айнуфудзоку-э*.

Надо сказать, что словом *айну-э* обозначаются рисунки японских художников, на которых запечатлены бытовые сценки из жизни айнов либо их портреты. Хотя, как отмечалось выше, жители северных областей Японии в японском изобразительном искусстве стали появляться уже с XI в., в узком смысле термин *айну-э* принято использовать именно в отношении картин, создававшихся после «Эдзоси» (1720) и до середины XIX в. [Sasaki 1993: 217].

Первым автором собственно картин *айну-э* считается Кодама Тэйрё, родившийся в конце XVII в. в Мацумаэ (Хоккайдо). Показательными работами Кодама Тэйрё являются «Мацумаэ Эсаси-дзу бё:бу (松前江差図屏風)» («Ширмы с видом Мацумаэ и Эсаси») и «Эдзо

Рис. 6. Предметы материальной культуры айнов Хоккайдо. «Эдзо кокуфу: дзуэ», Кодама Тэйрё (середина XVIII в.). Собрание Кодама Сакудзаэмон. Источник: [Baba, Kodama 2000: 56]

кокуфу: дзуэ (蝦夷国風図絵)» («Иллюстрации обычаев эдзо»). На них запечатлены торговая деятельность в Эсаси, охота айнов, айнские праздники, различного рода предметы материальной культуры (рис. 6). Изображения сделаны вполне реалистично [Ibid.: 226].

Возвращаясь к Араи Хакусэки, важно отметить, что он одним из первых обратил внимание на раковинные кучи, а также на древние каменные орудия и керамику. Остатки былых культур фиксировались и до него. К 1623 г., в частности, относится упоминание о керамике, выкопанной в Камэгаока. Однако Араи Хакусэки попытался не просто описать находки, но и осмыслить их. Он, например, выдвинул гипотезу, согласно которой древние артефакты принадлежали обитателям Маньчжурии *сушеням* (*сюкусин*) и *сушени* могли являться предками айнов [Воробьев 1958: 12].

В дальнейшем интерес к древностям у японцев проявлялся все больше и больше. Киути Сэкитэй, глава Школы любителей камней, возникшей в середине XVII в., составил несколько томов «Унконси (雲根志)» («Записки о камне») (1772–1801), где описал каменные наконечники стрел, жезлы, молоты, магатама и прочий инвентарь каменного века.

Наряду с попытками исследовать остатки древних культур, в первой половине XVIII в. усилилось внимание к айнам. Уже тогда появился анонимный труд, посвященный айнам Курил, — «Эторофуто: хё:рю:ки (エトロフ島漂流記)» («Записки об Итурупе») (1712). Впрочем, большая часть работ касалась все же обитателей Эдзо.

В 1739 г. горный инженер Сакакура Гэндзио, исследовавший на Эдзо рудники, создал рукопись «Хоккайдзуйхицу (北海隨筆)»

(«Повествование о северных землях»), известную также под названием «Эдзо Мацумаэ карасу (蝦夷松前烏)» («Мацумайский ворон»). Труд состоял из пяти разделов, каждый из которых включал несколько рассказов. Речь в разделах шла об айнских обычаях, ремесленной продукции, лекарствах, ядах. В конце рукописи помещался небольшой словарь. В этом источнике впервые в японской историографии появилось слово *айну* [Петрова, Горегляд 1963: 154; Щепкин 2011: 150; Kikuchi 1999: 199]. Несколько позднее видным японским мыслителем конца XVIII в. Хаяси Сихэй был написан труд «Сангоку цу:ран дзусэцу (三国通覽図説)» (1785) («Иллюстрированный всеобщий обзор трех стран»).

Частично трактат «Сангоку цу:ран дзусэцу» автор посвятил айнам, а частично — описанию Кореи, островов Рюкю и Огасавара¹¹. В разделе об айнах Хаяси Сихэй дает географический обзор их владений, включая Хоккайдо, Сахалин, Курильские острова и Камчатку, а также приводит важные сведения об обычаях, медицине, питании, предметах материальной культуры. Работа была снабжена многочисленными иллюстрациями и картами [Щепкин 2011: 31, 34].

В 1785 г. правительство сёгуната, заинтересованное в получении достоверной информации об Эдзо (Хоккайдо), Тисима (Курилах) и Карафуто (Сахалине), организовало первую государственную экспедицию, одному из участников которой — географу Могами Токунай (1755–1836) — удалось проникнуть на о-ва южной гряды Курил — Уруп и Итуруп. Результаты экспедиции были изложены в работах «Эдзосо:си (蝦夷草紙)» («Записки об Эдзо») (1790) и «Ватарисима хикки (渡島筆記)» («Записки о землях Ватарисима») (1808). В 1807 г. бакуфу повторно отправило экспедицию на Сахалин с участием младшего чиновника по делам северных территорий Мамия Риндзо (1780–1844) и картографа Мацуда Дэндзиро (1769–1843). Путешественники смогли собрать подробные сведения не только об айнах, но и о нивхах, проживавших на западном и восточном побережье Сахалина.

Мамия Риндзо побывал на острове еще раз в 1808–1809 гг. На этот раз ему удалось добраться до Дерена — китайского административного поста, расположенного в Низовьях Амура. Сведения, почерпнутые им на Амуре, легли в основу работы «То:дацу кико: (東韃紀行)» («Поездка в Восточную Татарию»), а на Сахалине —

¹¹ Значительная часть трактата была переведена на русский язык научным сотрудником ИВР РАН В. В. Щепкиным.

иллюстрированного труда «Хокуибункайёва (北夷分界余話)» («Повесть о северных границах»). Они были составлены со слов Мамия Риндзо одним из служащих бакуфу Мураками Тэсукэ и изданы лишь в середине XIX в. после смерти путешественника¹².

Существует версия «Хокуибункайёва», аналогичная по содержанию и известная под названием «Китаэдзо дзусэцу (北蝦夷図説)» («Иллюстрированное описание северного Эдзо»). В 1955 г. ее перевел на английский язык Джон А. Харрисон (Университет штата Флорида, США) под названием “*Kita Yezo zusetu or a Description of the Island of Northern Yezo by Mamiya Rinzo:*”, а затем на русский язык — В. В. Переславцев [Описание 1990: 112].

В 1828 г. изобразительный материал из «Хокуибункайёва» повторно воспроизвел Кавахара Кэйга. Работа этого прославленного нагасакского художника стала известна под названием «Карафуто фу:дзоку дзу (樺太風俗図)» («Иллюстрации обычаев на Карафуто»). В настоящее время она находится в Токийском государственном музее.

С конца XVIII — начала XIX в. северные области путешественники начали посещать сравнительно часто. Поэтому культура айнов Хоккайдо, Сахалина и Курильских островов была хорошо описана в документах того времени. Примером могут служить словарь айнского языка Уэхара Кумадзиро и Абэ Тёдзабуро «Мосиогуса (藻汐草)» («Мосиогуса») (1792), работа Хата Авакимару (Мураками Симанодзё) (1760–1808) «Эдзосима кикан (蝦夷島奇観)» («О чудесах, увиденных на Эдзо») (1799–1800), сочинение Хата Авакимару, Мураками Тэйсукэ и Мамия Риндзо «Эдзо сэйкэй дзусэцу (蝦夷生計図説)» («Иллюстрированное описание быта эдзо») (1823). В них содержатся географические данные, обзор флоры и фауны, описание быта и обычаев местного населения. Особого внимания заслуживают разделы «Эдзо сэйкэй дзусэцу» об айнских жилищах, предметах культа и вооружении, а также разделы «Эдзосима кикан» о татуировках, доспехах, лодках и даже древней неолитической керамике¹³. Примеча-

¹² В работах Мамия Риндзо часто встречается название одной из коренных народностей Сахалина — *сумэрэнкуру*. Считается, что этим словом путешественник называл нивхов.

¹³ В Рукописном фонде Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения хранится рукопись (7-я и 8-я тетради рукописи) «Хигаси-эдзо ико: (東蝦夷彙考)» («Обзор восточных эдзо»). Документ представляет собой воспроизведение части «Эдзо сэйкэй дзусэцу». Переведен на русский язык В. В. Щепкиным.

Рис. 7. Карта Эдзо. «Эдзо фудзоку ниндзё:-но сата фудзу»,
Могами Токунай (1790).

Источник: [Mogami 1790 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

тельно, что Могами Токунай, неоднократно посещавший Хоккайдо и Сахалин, составил подробную карту островов (рис. 7) [Петрова, Горегляд 1963: 159, 169; Sasaki 1995: 44; Sasaki Toshikazu 2001: 74].

Помимо всего прочего, имеется множество других источников конца XVIII — начала XIX в. Среди них — записи Мацумаэ Хиронага «Мацумаэси (松前志)» («Заметки о Мацумаэ») (1781); Хидая Кюдзиро «Хигасиэдзоти Аккэси, Киитаппу, Кунасири иккэн (東蝦夷地あくけし、きいたつぷ、くなしり一件)» («Отчет по обследованию восточных земель Эдзо, Акукэси, Киитаппу, Кунашира») (1785); Сато Гэнрокуро «Эдзотииккэн (蝦夷地一件)» («Отчет по обследованию земель Эдзо») (1786), «Эдзосю:и (蝦夷拾遺)» («Собрание того, что осталось об Эдзо»), «Эдзосю:ихои (蝦夷拾遺補遺)» («Дополнение к Собранию») (1786); Кусихара Сэйхо «Эдзо котовадза дзокува (蝦夷諺俗話)» («Повествование об увиденном на Эдзо») (1792); Тани Гэнтан «Эдзофудзоку дзусики (蝦夷風俗図式)» («Зарисовки, характеризующие обычаи и нравы эдзо») (1799); Михо Кидзаэмон

«Карафуту ханаси (唐太話)» («Повествование о Карафуту») (1800); Ёсида Юри «Хигасиэдзоти никки (東蝦夷地日記)» («Дневники о землях восточных эдзо») (1800); Кондо Дзюдзо «Хэнъё:бункайдзукко: (辺要分界図考)» («Иллюстрированные разыскания о территориях и границах») (1805); Хабуто Масаясу «Кю:мэйко:ки (休明光記)» («Записи о славе просвещенного царствования» (записи служащих бакуфу)) (1807), а также труд Тэйдзо Баба «Эдзо дзаики якусэцу» («Перевод сведений об Эдзо») (1809).

Источник «Эдзосю:и» интересен тем, что в нем в качестве самоназвания айнов фигурирует слово *каи* [Kikuchi 1999: 198]. Необходимо отметить и многотомное издание «Кю:мэйко:ки», которое включает информацию об освоении японцами новых земель (в военном и культурном отношении) и контактах с русскими, а также трактат «Эдзо дзаики якусэцу», где собраны переводы записок иностранных, в первую очередь голландских, мореплавателей, побывавших на Хоккайдо с начала XVIII в. [Позднеев 1909, т. 1: XLIV].

Среди произведений, чье авторство не установлено, — сочинения «Карафутосё киран (唐太嶼奇覽)» («Об удивительном на Карафуту») (1809), «Хигасиэдзоти какубасё ё:су тайгайгаки (東蝦夷地格場所様子大概書)» («Очерк о местах басё восточного Эдзо») (1808–1811) и «Мацумаэсайдзикисо:ко: (松前歳時記草稿)» («Черновые наброски об обрядах и праздниках в Мацумаэ») (начало XIX в.).

На конец XVIII — XIX в. приходится расцвет творчества большинства художников, изображавших айнов. Известность получили Какидзаки Хакиё, Тани Гэнтан, Тисима Сюнри, Хаясака Бунрэй, Хирасава Бёдзан, Нисикава Хокуё. Многие из художников занимались исследованием земель Эдзо, поэтому писали картины, исходя из богатого жизненного опыта [Sasaki 1993: 219; Uchida 2004: 96].

Следует отметить мастера Какидзаки Хакиё (1764–1826), прославившегося серией из 12 айнских портретов «Исю:рэцудзо:», написанных по указу главы клана Мацумаэ Митихиро в 1790 г. Эти айны отличились перед кланом при подавлении мятежа 1789 г., произошедшего на Кунашире и в близлежащей области Хоккайдо — Мэнаси.

Изображения Тобу из Момбецу и других айнов в серии «Исю:рэцудзо:» считаются наиболее ранними реалистично написанными портретами.

Во второй половине XVIII в. в японских письменных источниках появилось довольно много информации об айнах северо-вос-

точных районов Хонсю. Важное место среди них занимает сочинение географа и врача Фурукава Косёкэн (1726–1807) «То:ю:дзакки (東遊雜記)» («Заметки о путешествии по востоку») (1788). В составе группы инспекторов бакуфу Фурукава Косёкэн удалось побывать и на северо-востоке Хонсю (области Муцу, Дэва), и на юге Хоккайдо (область Мацумаэ). Он составил обзор северных территорий Японии и указал на айнские обычаи, получившие распространение среди местного населения [Otsuka 1993: 114].

Значительный интерес представляют записи Мурабаяси Гэнсукэ, занимавшего пост *сюкуро*: города Охата (область Симокита) в феодальном владении клана Намбу¹⁴. В то время Охата был ключевым пунктом на торговом пути в земли Эдзо, и Мурабаяси Гэнсукэ собрал ценную информацию об общественной жизни города. Так, в его труде «Гэнсиманпицуфу:донэнпё: (原始漫筆風土年表)» («Ранние заметки (о Симокита) в хронологическом порядке») (1820) нашли отражение сведения о перемещении служащих и солдат, принудительном труде, поставках через море стройматериалов и налогов. Отмечены распоряжения властей, запрещавшие местным японцам следовать айнскими обычаям, и их постоянные нарушения [Ibid.: 112]. Айны из Симокита упоминаются и в анонимном источнике «Эдзо кокусики (蝦夷國私記)» («Личные записи об Эдзо») (1751–1764).

Айнам соседней с Симокита области посвятили свои заметки летописцы клана Цугару, составившие «Окуни никки (御国日記)» («Дневники клана Цугару») (велись с середины XVII в.). Кроме летописцев о цугарских айнах писали служащий Айсака Хёэмон в работе «Цугару итто:си (津軽一統志)» («Описание Цугару») (1731), литератор Хэдзуцу Тосаку в «То:ю:ки (東遊記)» («Записи о путешествии по востоку») (1784), ученый Кимура Кэндзи в «Хокко:нитироку (北行日録)» («Дневник о путешествии на север») (1793), путешественники Хирано Садахико в «О:миндзуи (奥民図彙)» («Сообщение о населении Муцу») (1788) и Сугаэ Масуми в «Сотогахам дзутахи (外が浜づたひ)» («Описание Сотогахамы») (1788)¹⁵ [Ibid.].

¹⁴ Из Охата отправлялись корабли в Хакодате. До середины XVIII в. важную роль играл другой маршрут — с п-ова Цугару (р-н Минмая) до Мацумаэ [Otsuka 1993: 112].

¹⁵ Сотогахамы — старое название побережья бухты в Муцу на п-ове Цугару.

Отметим, что Кимура Кэндзи известен не только своими записями, но и коллекцией айнской одежды из луба (айнск. *аттуси*) с Хоккайдо, где побывал в 1799 г. Приобретенные *аттуси* сохранились до сегодняшнего дня — они считаются старейшими из точно атрибутированных¹⁶. К заслугам Сугаэ Масуми, в свою очередь, можно отнести составление в 1780 г. альбома с изображениями керамики. Данный альбом стал очередной работой, посвященной древним памятникам, интерес к которым у японцев не угасал.

Спустя некоторое время после издания альбома в Японии было создано Общество любителей раритетов. В 1824–1825 гг. обществом публиковались заметки, в которых, помимо каменных орудий и керамических сосудов, нашли отражение глиняные антропоморфные фигурки *догу* и различного рода украшения. Впрочем, тогда научной значимости древностей еще не уделялось существенного значения, «господствовала оценка предметов с точки зрения их редкости, красоты и связанных с ними представлений» [Воробьев 1958: 13].

Из письменных и изобразительных источников по айнам второй половины XIX в. следует указать на записи служащего клана Хиросаки Хирао Росэн «Мацумаэ кико: (松前記行)» («Записи о путешествии в Мацумаэ») (1855?) и на серию иллюстраций одного из служащих клана Намбу «Бакумацуки Мороран фу:буцудзу (幕末期もロラン風物図)» («Виды Мороран заключительного периода правления сёгуната Токугава»). В первом источнике фиксируются айнские обычаи среди японцев, во втором показаны различные стороны быта айнов юго-западной части Хоккайдо. Кроме этого, врач и писатель Оути Хиросада составил значительный труд «То:кай ява (東蝦夷夜話)» («Вечерние рассказы о восточных эдзо») (1861).

Оути Хиросада в течение трех лет жил среди айнов восточной части Хоккайдо и много путешествовал по острову. Ему удалось описать местный быт и обычаи туземцев (частично айнского населения южных Курильских островов), показать межкультурные контакты с другими племенами на Сахалине и азиатском материке. Имеются иллюстрации и карты, которые были выполнены художниками Тадзаки Соун и Хасимото Гёкуран [Петрова, Горегляд 1963: 170].

¹⁶ К XVIII в. относятся также халат аттуси из старых коллекций МАЭ РАН и халат из Национального музея этнологии Лейдена. Автор благодарит за консультацию по данному вопросу Сасаки Сиро (Государственный этнологический музей Осака).

Заслуживает внимания двухтомное иллюстрированное издание «Нисиэдзо дзукан (西蝦夷図巻)» («Иллюстрации западного Эдзо»), составленное в середине XIX в. неизвестным автором. Здесь собран материал по разным темам, начиная от видовых изображений (Хакодатэ, Титосэ, Исикари и др.) и заканчивая рисунками отдельных растений и предметов материальной культуры. К рисункам даны краткие аннотации.

В 1849–1860-х гг. многочисленные экспедиции на южные Курильские острова (Кунашир, Итуруп и Уруп), Сахалин и Хоккайдо совершил известный географ и путешественник Мацуура Такэсиро (1818–1888). Проведя значительное время среди айнов, он многое узнал о различных сторонах их традиционной культуры.

Сведения, почерпнутые в ходе трех экспедиций на Курилы, были изложены М. Такэсиро в труде «Санко: Эдзо нисси (三航蝦夷日誌)» («Дневник трехкратного плавания в земли Эдзо») (1850), сведения из поездки на Сахалин описаны в «Кита эдзо ёси (北蝦夷余誌)» («Дополнительные записи о северных эдзо») (1854) и «Карафутоникки (唐太日記)» («Дневник Карафутто», совместно с Судзуки Наотаро) (1854–1857), а данные по экспедициям на Хоккайдо нашли отражение в работах «Эдзониссё: (蝦夷日誌集)» («Собрание дневников с Эдзо»), «Эдзодзимбуцуси (蝦夷人物誌)» («Заметки об эдзо»), «Такэсиронисси (武四郎日誌)» («Дневники Такэсиро»), «Эдзо манга (蝦夷漫画)» («Зарисовки из жизни и быта эдзо»), «Нисиэдзо нисси (西蝦夷日誌)» («Дневники о западном Эдзо»), «Хигасиэдзо нисси (東蝦夷日誌)» («Дневники о восточном Эдзо»), «Исикари нисси (石狩日誌)» («Исикарский дневник»), «Ю:бари нисси (夕張日誌)» («Юбарский дневник»), «Кусури (Кусиро) нисси (久摺日誌)» («Кусурский дневник»), «Токати нисси (十勝日誌)» («Токатский дневник»), «Тэсио нисси (天塩日誌)» («Тэсиоский дневник»), большинство из которых написано в 1860–1862 гг. (рис. 8)¹⁷. В данных источниках описываются географическое положение островов, их флора, фауна, а также быт и обычаи айнов, включая особенности семейных отношений, племенного разделения, системы управления, языка. Текст нередко сопровождается иллюстрациями, которые выполнял либо сам автор, либо другие художники — Тадзаки Соун, Хасэгава Сэттэй, Хасимото Гёкуран и др.

¹⁷ Ксилографы и рукописи дневников Мацуура Такэсиро хранятся в Рукописном фонде Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН.

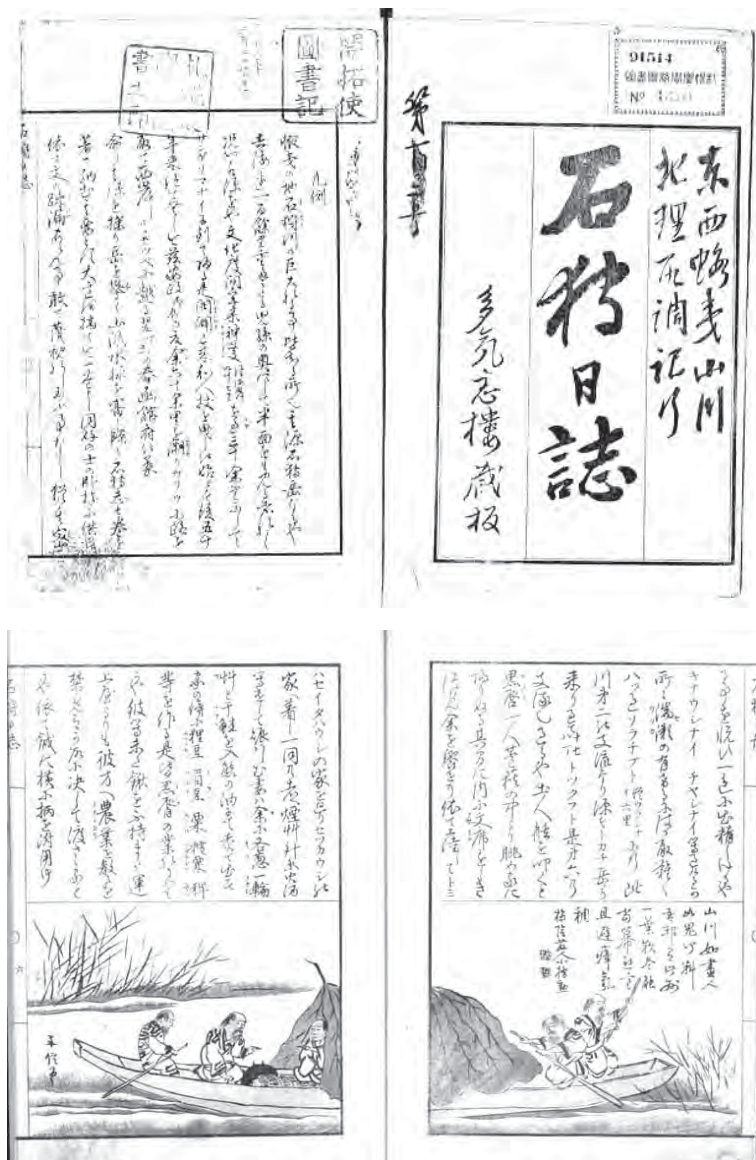

Рис. 8. Страницы труда Мацуура Такэсиро «Исикари нисси» (1860).
 Источник: [Matsuura 1860 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

Если говорить о японских источниках середины XIX в. по айнам Сахалина, можно назвать труды Мацуда Дэндзиро «Хокуидан (北夷談)» («Повествование о северных эдзо») (1822) и Судо Канэнори (Хидэносукэ) «Китаэдзо гатё: (北蝦夷画帖)» («Иллюстрированный альбом о северных эдзо») (1857) [Петрова, Горегляд 1963: 159, 169; Sasaki 1995: 44; Sasaki Toshikazu 2001: 71, 74]. В количественном отношении таких источников было еще сравнительно мало.

Среди художников XIX в. наиболее прославился Хирасава Бёдзан (1822–1876). Его кисти принадлежит работа «Айну фу:дзоку дзю:никагэцу бё:бу (アイヌ風俗十二ヶ月屏風)» («Ширма с временами года и обычаями айнов»), картины «Кумаокури дзу (熊送り図)» («Изображение медвежьего праздника»), «Айну кумагари-но дзу (アイヌ熊狩の図)» («Изображение охоты айнов на медведей») и другие произведения (рис. 9). Несколько картин Хирасава Бёдзан имеется в собраниях Омского областного музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля, а также Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН¹⁸.

Примечательно, что в XIX в. в Японии стали появляться неточные репродукции картин предшественников, а также новые работы, отражавшие не реальность, а лишь умозрительные представления авторов об айнах [Sasaki 1993: 219, 222, 224].

Что касается европейцев, то немногочисленные упоминания о камчатских айнах встречаются у шведского подполковника Ф. И. Страленберга (1676–1747). Он принимал участие в полтавской битве, был взят в плен и сослан в Сибирь. В Сибири в течение 13 лет Ф. И. Страленберг проводил географические изыскания и сбор этнографического материала, в том числе об айнах.

В 1787 г. Сахалин посетил французский путешественник Ж. Ф. Лаперуз (1741–1788). Ж. Ф. Лаперуз обследовал Татарский пролив и западное побережье Сахалина, а также цепь Курильских островов и Камчатку. На западном берегу Сахалина мореплаватель встречался с айнами и нивхами и оставил о них ряд этнографических наблюдений, включая сведения о внешнем облике, одежде из луба, татуировках, украшениях. Эти сведения были опубликованы в книге “Voyage autour du monde” (1797).

¹⁸ Работы другого художника XIX в., подписанные «Хако Сандзин», хранятся также в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН.

Рис. 9. Айны Хоккайдо, исполняющие традиционный танец.
Хирасава Бёдзан (середина XIX в.). Собрание Кодама Сакудзаэмон.
Источник: [Ainu-no shiki 1999: 79]

В 1795–1798 гг. берега Хоккайдо, Сахалина и Курильских островов исследовала английская экспедиция под руководством капитана В. Р. Броутона (1762–1821). В. Р. Броутон изучил юго-восточное побережье Хоккайдо, особенно окрестности Вулканического залива, так же как и Лаперуз, посетил Татарский пролив, достиг о. Симушира.

Описывая айнов Вулканического залива, английский капитан обратил внимание на их наружность, в первую очередь на татуировки у женщин. Интересно, что, указывая на месторасположение татуировок, В. Р. Броутон отметил кисти рук, область вокруг рта, а также лоб. Обычай татуировать лоб встречался далеко не у всех айнов, поэтому замечание В. Р. Броутона наглядно характеризует одну из особенностей айнов данного региона. Кроме этого, в записях содержится информация об одежде из луба и шкур, поясах с аксессуарами, ушных и шейных украшениях, пище, утвари, лодках, жилищах, клетках с медведями и орлами.

Касательно орлов В. Р. Броутон предположил, что их откармливали для еды, но на самом деле это делалось в культовых целях. Дело в том, что на Сахалине орел был в числе главнейших священных животных наравне с медведем. Об этом свидетельствует одно из старинных преданий *уцэськома*, записанное Б. О. Пилсудским, на что в свое время обратил внимание В. Д. Косарев. Кроме того, орлы имели важное товарное значение: орлиные перья можно было выгодно продавать японцам.

Сохранились редкие изображения клеток с орлами в иллюстрированном труде Ниияма Сицу «Сюндо: хэнтай («蠢動変態»)» («Превращения несмышленишей»). Источник был составлен приблизительно в одно время с экспедицией В. Р. Броутона — в 1792 г. Так или иначе заметки англичан вошли в книгу “A Voyage of Discovery to the North Pacific Ocean” (1804). Несомненно, они заслуживают высокой оценки.

Знакомству с айнской культурой европейцы во многом обязаны голландцу Исааку Титцингу (1745–1812), который во второй половине XVIII в. руководил голландской факторией в Нагасаки. Из Японии он привез довольно много рукописей, в том числе об айнах. Некоторые рукописи И. Титцинг переводил сам, и они были изданы еще при жизни ученого, а некоторые были переведены и опубликованы гораздо позднее.

Несколько слов следует сказать о Г. Ю. Клапроте (1783–1835) — немецком востоковеде, работавшем в начале XIX в. в Импе-

раторской Академии наук Санкт-Петербурга. Предполагается, что Г. Ю. Клапрот составил перевод японского источника Хаяси Сихэй «Сангоку цу:ран дзусэцу», о котором говорилось выше. Переведя данную работу, ученый снабдил ее сведениями из других источников и опубликовал в 1832 г. [Щепкин 2011: 39].

В первой половине XIX в. изучение айнов продолжил немецкий ученый Филипп Франц Зибольд (1796–1866) (рис. 10). Ф. Ф. Зибольд приехал в Японию в качестве врача голландской фактории в 1823 г. и долгое время находился в Нагасаки. Сохранились записи ученого об айнах, зарисовки, а также коллекция предметов материальной культуры. Они были опубликованы в Лейдене в 1832–1835 гг. в книге «Ниппон, материалы для описания Японии» (“Nippon, Archiv zur Beschreibung von Japan”) (рис. 11).

Когда голландский исследователь П. Леопе в 1858 г. издавал заметки о путешествии мореплавателя де Фриса, Ф. Ф. Зибольд дополнил их географическими и этнографическими заметками. Более того, вслед за Г. Ю. Клапротом он перевел часть труда Хаяси Сихэй «Сангоку цу:ран дзусэцу» на голландский язык [Там же].

Рис. 10. Ф. Ф. Зибольд (1796–1866). Источник: фото Д. Крэйнера

Рис. 11. Страницы труда Ф. Ф. Зибольда «Nippon, Archiv zur Beschreibung von Japan» (1827). Источник: [Siebold 1827]

Следует отметить, что в своих трудах по айнам Ф. Ф. Зибольд использовал информацию, почерпнутую из работ японских путешественников, главным образом Мамя Риндзо и Могами Токунай. Например, в работу «Ниппон» вошло много иллюстраций из «Хокуибункайёва».

Интересно, что изобразительный материал из «Хокуибункайёва», прежде чем попасть в «Ниппон», сначала был воспроизведен нагасакским художником Кавахара Кэйга. Работа этого мастера «Карафуто фу:дзоку дзу» («Иллюстрации обычаев на Карафуто») упоминалась ранее. Используя копии, сделанные Кавахара Кэйга, голландцы создали для «Ниппон» литографические рисунки. При этом если Кавахара Кэйга относительно точно скопировал материал «Хокуибункайёва», то голландцы для экономии места и средств брали несколько сцен с разных листов и объединяли их в одно целое [Степанова 2013: 267]. Хорошим примером служит иллюстрация, на которой показаны на заднем плане — айнские жилища, на среднем — нивхи, а на переднем — ороки [Sasaki 2013: 27]. В оригинальном источнике каждой тематике отведен отдельный лист¹⁹.

Основную часть этнографической коллекции Ф. Ф. Зибольда (113 предметов) также составляют вещи, полученные от японцев. В настоящее время они хранятся в музеях Лейдена, Берлина, Мюнхена и Мангейма [Olschleger 2011: 136]. К числу ценнейших экспонатов Национального музея этнологии Лейдена, в частности, можно отнести халат айнов Хоккайдо из древесного луба (айнск. *аттуси*). Он был подарен Ф. Ф. Зибольду Могами Токунай и, хотя точно не атрибутирован (датируется XVIII в.), считается одним из старейших в мире²⁰ [200 JAHRE 1996: 140].

В отличие от Ф. Ф. Зибольда, его сын Генрих Филипп Зибольд (1852–1908) в 1878 г. лично предпринял поездку на Хоккайдо и некоторое время даже жил среди айнов (рис. 12). Он собрал коллекцию айнских вещей, а также информацию о быте туземцев, преимущественно области Сару. В 1881 г. в Берлине вышло в свет небольшое издание Г. Ф. Зибольда “Ethnologische Studien über die Aino auf der

¹⁹ Кроме рисунков Кавахара Кэйга, в «Ниппон» вошли литографические листы с работами голландского художника Карла Губерта Вильнёва, находившегося в Японии вместе с Ф. Ф. Зибольдом [Степанова 2013: 267].

²⁰ Автор благодарит за консультацию Сасаки Сиро (Государственный этнологический музей Осака).

Рис. 12. Г. Ф. Зibold (1852–1908). Источник: фото Д. Крэйнера

Insel Yesso”. Вещи, приобретенные на Хоккайдо (около 70 предметов), оказались в Этнологическом музее Вены [Ibid.].

В 1854 г. к Японским островам подошла американская эскадра под командованием командора М. К. Перри (1794–1858). Для западных стран это было знаменательное событие, поскольку оно послужило началом «открытия» Японии и знакомства с ее малоизвестной культурой. Участникам экспедиции удалось собрать некоторые сведения и об айнах Хоккайдо, главным образом южной части острова. Частично они вошли в сочинение Ф. Л. Гаука по истории экспедиции “Narrative of the Expedition of an American Squadron (Comm. Perry) to the China Seas and Japan” (1856), частично — в исследование соавторов Д. К. Нотта и Д. Р. Глиддона “Indigenous Races of the Earth” (1857).

Прекращение изоляции страны стало важным событием и для самих японцев. Они получили возможность ознакомиться с новейшими достижениями европейско-американской науки и заложить методологическую основу для развития таких дисциплин, как антропология и археология.

Первые научные археологические раскопки в Японии были осуществлены американцем Э. Морзом. В 1877 г. Э. Морз раскопал раковинную кучу в Омори (Хонсю (Канто)), а позднее опубликовал результаты исследований в статье “Shell mounds of Omori” (1879).

Открытия, сделанные Э. Морзом, пробудили интерес у молодых японских и зарубежных археологов к памятникам древности, и деятельность по изучению этих памятников стала стремительно набирать обороты. В 1879 г. Т. Сасаки и Х. Иидзима исследовали раковинную кучу Окадайра (Хонсю (Канто)), англичанин Д. Милн и Э. Морз осуществили ряд раскопок на Хоккайдо.

Активная деятельность многих ученых привела к тому, что в 1886 г. при Токийском императорском университете было создано Антропологическое общество, в 1896 г. при Токийском императорском музее — Археологическое общество, а в 1895 г. на Хоккайдо — Антропологическое общество г. Саппоро. Ученые, собиравшиеся вокруг этих обществ, публиковали результаты своих изысканий в периодических изданиях, устраивали лекции и выставки по археологии Японии, в том числе и по айнской тематике.

Почти сразу после первых археологических раскопок внимание исследователей сосредоточилось на айнской проблеме. Стали обсуждаться гипотезы о принадлежности памятников каменного века Японии айнам и, наоборот, об отсутствии связей древних обитателей островов Японского архипелага как с айнами, так и с японцами. Последняя гипотеза, сторонником которой являлся Э. Морз, нашла поддержку заведующего отделением антропологии Токийского императорского университета и председателя токийского Антропологического общества профессора Цубои Сёгоро (1863—1913). Ученый считал, что обитателями Японии некогда были *коропк-гуру* — карликовый народ, сведения о котором сохранились в айнском фольклоре. Доказательством этого, по мнению Цубои Сёгоро, в частности, являлось несоответствие облику айнов неолитических фигурок *догу*, отличия предметов материальной культуры у айнов и древних жителей Японии.

Свои взгляды Цубои Сёгоро излагал в многочисленных статьях «Журнала Антропологического общества», «Журнала востоковедения» и других периодических изданиях. Одна из них — «*Koropokkuru Hokkaido: ni sumishi narubeshi* (コロポックル北海道に住みしなるべし)» («Коропокгуру — жители Хоккайдо») (1887)²¹. Однако эти взгляды подверглись серьезной критике и в дальнейшем не нашли продолжения. Несмотря на это, работы, посвященные древней истории Японии, в том числе различным вопросам неолита (раковинным кучам, фигуркам *догу* и др.), до сих пор не утратили научной значимости.

Одним из критиков теории Цубои Сёгоро относительно народа *коропокгуру* стал известный археолог и антрополог профессор Токийского университета Коганэи Ёсикиё (1859–1944). Отстаивая теорию связи неолитического населения Японских островов с айнами, Коганэи Ёсикиё указал на сходства их антропологических типов, некоторых предметов материальной культуры, а также орнамента.

Коганэи Ёсикиё изучил серию черепов айнов Хоккайдо из разных районов острова и сравнил их с черепами айнов Сахалина. Он предположил, что сахалинские айны представляют собой менее смешанную группу, которая лучше хоккайдской сохранила исконный айнский антропологический тип. Во время экспедиции на о. Шикотан ученый также провел антропологическое исследование курильских айнов, сопоставив результаты с данными по другим регионам, и пришел к заключению, что айны Курил, Сахалина и Хоккайдо представляют единый этнос. Антропологии и этногенезу Коганэи Ёсикиё посвятил статьи “*Beiträge zur Physischen Anthropologie der Aino*” (1894), “*Ueber die Urbewohner von Japan*” (1903), “*Zur Frage der Abstammung der Aino und ihre Verwandtschaft mit anderen Volkern*” (1927).

Вторая половина XIX в. ознаменовалась изучением айнов с точки зрения не только археологии и антропологии, но также языкознания и этнографии.

²¹ Следует отметить, что в 1907 г. археологический отряд Токийского императорского университета во главе с Цубои Сёгоро провел раскопки на Сахалине. Были исследованы стоянки в окрестностях селений Кайдзука (ныне — Соловьевка) и Кита-кайдзука (Сусуйская стоянка (Сусуя-1)). Удалось найти множество обломков керамических сосудов, каменных и костяных орудий [Прокофьев 2006: 25].

В 1873 г. в Японию прибыл английский ученый Б. Х. Чемберлен (1850–1935). Автор многочисленных исследований в области японской литературы и культуры, он занял место профессора японской филологии Токийского университета и одним из первых серьезно занялся изучением айнского языка. В частности, Б. Х. Чемберлен сделал попытку лингвистического исследования топонимики Японии с позиций языка айнов.

Б. Х. Чемберлен совершил несколько поездок на Хоккайдо, собрал ценный лингвистический материал, а в 1887–1888 гг. опубликовал ряд исследований по айнскому языку и фольклору, среди которых — работа “The language, Muthology and Geographical Nomenclature of Japan viewed in the Light of Aino Studies” (1887). Важной заслугой можно считать также сбор коллекции айнских предметов. В настоящее время они находятся в Этнологическом музее Пита Риверса (Оксфорд) [Olschleger 2011: 134].

В 1878 г. Хоккайдо посетил миссионер-англичанин Дж. Бэчелор (1854–1944). Ему суждено было стать одним из наиболее выдающихся исследователей айнской культуры среди европейцев, ведь на Хоккайдо он прожил 63 года.

Дж. Бэчелор занимался не только изучением айнов, но и их образованием, улучшением условий жизни. Ученый предпринял попытку создать айнскую письменность на латинской основе, к тому же он впервые перевел на айнский язык христианскую религиозную литературу.

Особой заслугой Дж. Бэчелора стало составление айнско-англо-японского словаря, выдержавшего четыре издания (1887, 1905, 1926, 1938 гг.), публикация таких работ, как “The Ainu of Japan” (1892), “The Ainu and their Folk-lore” (1901). При этом исследователь собрал значительные по объему коллекции айнских вещей, которые по сей день хранятся в оксфордском Этнологическом музее Питта Риверса и музеях США²² [Котани 1992: 58; Спевачковский 1988: 12; Olschleger 2011: 134].

²² Во время пребывания на Хокайдо Б. О. Пилсудского (1903), а затем и известного специалиста по народам Сибири В. Н. Васильева (1912) ученые встречались с Бэчелором, делились опытом и даже вместе совершали поездки в айнские деревни. Встреча с Дж. Бэчелором, несомненно, оказала большое влияние на исследовательскую деятельность российских этнографов.

В 1887 г. в Японии проводил исследования американский ученый Р. Хичкок (1851–1923). На Хоккайдо, подобно своим предшественникам, он приобрел коллекцию предметов айнской культуры, опубликовал иллюстрированное этнографическое исследование “The ainos of Yezo, Japan” (1891), в котором представил статистические данные на конец XIX в., рассмотрел некоторые обычаи, составил описание айнской одежды, жилищ, погребений. В частности, внимания заслуживают указания на погребения в деревянных гробах, часто практиковавшиеся айнами Сахалина и в меньшей степени айнами Хоккайдо, а также описание разновидностей надмогильных столбов [Hitchcock 1891: 465].

С 1892 г. в Японии работал шотландец Н. Г. Манро (1863–1942). Особое значение он уделял древней истории Японии и археологии, чему и посвятил отдельную монографию “Prehistoric Japan” (1908, 1911). В ней нашли отражение такие вопросы, как расовые особенности древнего населения, его социальное устройство и хозяйственная деятельность. Была предпринята попытка систематизации накопленного до этого археологического материала.

На Хоккайдо Н. Г. Манро наблюдал айнов не только со стороны, но и непосредственно «изнутри», поскольку некоторое время жил в айнской деревне. Этот исследователь собрал 166 предметов, хранящихся в настоящее время в Королевском музее Шотландии, а в 1930 г. в Нибутани даже снял фильм «Иомантэ» («Проводы медведя»). После смерти ученого вышла его работа по айнским культам “Ainu Creed and Cult” (1963) [Olschleger 2011: 136].

Что касается антропологических исследований айнов западноевропейскими учеными, в первую очередь следует назвать англичанина Д. Бёска. Он составил описание черепа айна Хоккайдо и опубликовал его в статье “Description of an Aino skull” (1868). Другой англичанин Д. Б. Дэвис изучил еще три черепа и женский скелет, поместив результаты проделанной работы в “Description of the Skeleton of an Aino Woman and of three Skulls of Men of the same race” (1870). Вслед за этим была издана статья немецкого антрополога В. Денница “Bemerkungen uber Ainos” (1874). С этого времени вопросам антропологии и этногенеза айнов ученые разных стран стали уделять большое внимание.

Среди видных немецких исследователей рубежа веков — врач и антрополог Эрвин Бельц (1849–1913). Одним из первых он указал на сходство айнов с европеоидами и выдвинул гипотезу об их проис-

хождении от древнего европеоидного населения Восточной Азии. Эта гипотеза отчасти была изложена в статье “Die koeperlichen Eigenschaften der Japaner” (1883), отчасти — в других публикациях. Она нашла продолжение у французского антрополога Ж. Монтандона (1879–1945), автора работ по антропологии и этнографии айнов Хоккайдо “Au pays des Ainou. Exploration anthropologique” (1927) и “La civilization ainou et les cultures arctiques” (1937).

Французский географ Вивьен де Сен-Мартен (1802–1897), известность которому принес монументальный труд “Histoire de la géographie” (1873), основываясь на данных антропологии, первый высказал идею о южном происхождении айнов. По его мнению, айны являлись потомками древней «океанической» расы, которая некогда заселяла острова Юго-Восточной Азии.

Сторонниками теории «южного происхождения» стали не только многие зарубежные ученые, такие как немецкий географ Оскар Пешель и японский антрополог Коганэи Ёсикиё, но и отечественные антропологи — Л. Я. Штернберг, Т. А. Трофимова, Н. Н. Чебоксаров, М. Г. Левин.

Изучением быта и нравов айнов занимались англичанин Сэн-Джон, опубликовавший статью “The Ainos, aborigenes of Jezo” (1872), С. К. Холланд, издавший заметки “On the Ainos” (1873), известный путешественник, художник и антрополог А. Генри-Сэвидж Лэндор, перу которого пренадлежит статья “Alone with the Hairy Ainu” (1893). Работы снабжены иллюстративным материалом и наглядно представляют как внешний облик айнов, так и различные предметы их материальной культуры, включая оружие. Позднее английский капитан Г. Д. Сноу, побывавший на Курилах в 1875-х гг., опубликовал этнографические наблюдения “Snow Notes on the Kuril Islands” (1897), а британский дипломат, специалист по истории и языку Японии и Кореи В. Г. Астон написал статью “The Japanese Gohei and Ainu Inao” (1901).

Образ жизни и обычаи айнов также нашли отражение в других трудах: французского миссионера Мерме де Кашона “Les Ainos” (1863), американского натуралиста А. С. Бикмора “The Ainos or hairy men of Yesso, Saghalien and the Kurile Islands” (1868), бывшего Генерального консула Германской империи в Токио Макса Брандта “Ueber die Ainos” (1872), немецких ученых Германа Риттера “Ueber eine Reise in Sudwestlichen Theile von Jezo” (1874) и Г. Шурца “Zur Ornamentik der Aino” (1896), польского антрополога И. С. Копер-

ницкого “O Kosciach I czaszkach Ainosow” (1882), “Czaszki Ainosow wedchug powych materialow” (1886) и шотландского фольклориста Д. Мак-Ричи “The Ainos” (1892).

В конце XIX в. большой вклад в изучение курильских айнов внес польский лингвист Б. Дыбовский, описавший некоторые обычаи туземцев и составивший словарь их языка “Słownik narzecza Ainów, zamieszkujących wyspę Szumszu w łańcuchu kurylskim przy Kamczatce” (1892). За год до выхода словаря Б. Дыбовского другой польский ученый, специалист по религиям И. Радлинский опубликовал небольшой айнско-польско-латинский словарь “Słownik narzecza ainow” (1891).

Период деятельности польских ученых совпал с началом переселения айнов Курильских островов на Хоккайдо, куда немного позднее были вывезены и айны Сахалина.

Характерно, что в конце XIX — начале XX в. многие путешественники уделяли внимание не столько изучению айнов, сколько сбору этнографических коллекций. В этом смысле интересна деятельность Х. М. Хиллера, американского врача и этнографа. Окончив Пенсильванский университет, он долгое время путешествовал по Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии и в 1901 г. побывал на Хоккайдо. В южных районах острова — селениях Си-раой, Биратори и Мотомуроран — Х. М. Хиллер собрал предметы быта и культа айнов, которые в настоящее время представлены в Музее археологии и этнографии Пенсильванского университета (Филадельфия).

В 1900 г. Хоккайдо посетил профессор Колумбийского университета и специалист по морской биологии Д. Башфорд. На побережье Вулканического залива, в местности Ибури и окрестностях реки Сару исследователь собрал около 250 предметов и передал их в Американский музей естественной истории (Нью-Йорк) [Kotani 1999: 139].

Другим известным американским собирателем айнских коллекций стал антрополог Чикагского университета профессор Ф. В. Старр. Один раз в 1904 г. и два раза в 1910 г. он посетил Хоккайдо, где приобрел не только богатую этнографическую коллекцию, но также картины айну-э и фотографии с айнами. Основная часть коллекции — 320 предметов — попала в Бруклинский музей искусства (Нью-Йорк), еще 68 предметов — в музей Логан Белойтского колледжа (Белойт) [Ibid.: 142].

Интересно, что некоторые айнские коллекции из американских музеев приобретались не американцами, а японцами, стажировавшимися в Америке и Европе во второй половине XIX в. Примером может служить коллекция из 40 предметов по хоккайдским и сахалинским айнам, преподнесенная профессором Агрокультурного колледжа Хоккайдо И. Нитобэ Американскому музею естественной истории по просьбе известного ученого и покровителя этого музея Джеймса Артура [Ibid.: 141].

Кроме того, сбором айнских коллекций занимались специалист по аграрным вопросам В. С. Кларк, геолог Б. С. Лиман и другие американские исследователи, приглашавшиеся в Японию для модернизации хозяйства и экономики страны. Коллекции попадали в различные музеи, среди которых — Национальный музей естественной истории Смитсоновского института (Вашингтон), Музей антропологии Мичиганского университета (Энн Арбор), Общественный музей Милуоки (Милуоки), Лос-Анджелесский музей естественной истории (Лос-Анджелес), Королевский музей Онтарио в Канаде (Торонто).

Наиболее активная деятельность европейских собирателей в целом пришлась на то же время, что и американских. Так, коллекцию, включавшую 52 предмета, привез с Хоккайдо Макс Брандт (Берлинский этнологический музей), около 200 предметов — немецкий предприниматель Адольф Даттан (музеи Вены, Франкфурта, Дрездена, Осло, Лейдена), около 50 предметов — немецкий врач Бото Шейбе (Этнологический музей Лейпцига), более 150 предметов — немецкий путешественник Герман Шоде (Берлинский этнологический музей) и 148 предметов — ученый Адольф Фриц (Музей Бремена). Сахалинские айны были представлены значительно меньше хоккайдских — главным образом в собраниях Вильгельма Йоста (Берлинский этнологический музей, музеи Дрездена, Лейдена, Копенгагена, Кёльна, Мюнхена) и Адриана Якобсена (Берлинский этнологический музей) [Olschleger 2011: 134].

Возвращаясь к теоретическим исследованиям конца XIX — начала XX в., следует назвать работу известного японского военного деятеля и историка второй половины XIX — начала XX в. Окамото Рюносукэ (1852–1912) «Нитиро ко:сё: Хоккайдо: сико: (日魯交渉北海道史稿)» («Материалы для истории Хоккайдо в связи с отношениями Японии и России») (1898), отметив ее крайнюю тенденциозность. Этот автор попытался с исторической точки зрения обосновать

вать права Японии на «северные территории», для чего привлек множество исторических данных, включая сведения об айнах и их взаимоотношениях с кланом Мацумаэ. Обоснованную критику работе «Нитиро ко:сё: Хоккайдо: сико:» дал в своих исследованиях истории Японии российский востоковед Д. Позднеев [Позднеев 1909, т. 1: 15].

Значительный вклад в изучение прошлого Хоккайдо внес японский историк и археолог Коно Цунэкити (1862–1930). Состоя на службе в отделе по колонизации острова, он неоднократно совершал инспекционные поездки во все его уголки, даже самые отдаленные. В ходе этих поездок ученый встречался с айнами, делал этнографические заметки, попутно исследовал памятники археологии. Ему удалось собрать довольно обширный материал и опубликовать несколько статей, в том числе «Хоккайдо: сэнси дзидай-но исэки ибуцу нараби ни дзинруй (北海道先史時代の遺跡遺物並に人種)» («Население и исторические памятники Хоккайдо в древности») (1899).

В 1900 г. Коно Цунэкити совершил экспедицию на Курильские острова. Он побывал на Кунашире, Итурупе, Парамушире, Шумшу, исследовал здесь археологические памятники айнской и японской культур, а чуть позднее — и на Сахалине. По результатам экспедиций были изданы статьи «Китатисима-но танкэн дан (北千島の探見談)» («Сообщение об изучении северного Тисима») (1900) и «Тяси сунавати эдзо-но торидэ (チャシ即ち蝦夷の砦)» («Тяси — эдзоские крепости») (1905). Огромная археологическая коллекция, собранная Коно Цунэкити в течение жизни, в настоящее время хранится в Музее города Асахикава [Прокофьев 2006: 13, 14, 16].

К числу известных археологов, несомненно, можно отнести Исикава Тэйдзи (1864–1932) — сотрудника отдела геологических изысканий при Управлении губернаторства Хоккайдо. Во время своих путешествий по острову Исикава Тэйдзи занимался изучением древних стоянок, раковинных куч, сбором археологического материала. По результатам исследований он опубликовал несколько статей, среди которых — «Хоккайдо: ни ойтэ айну дзинруй кэнкю: -но кю:му то сэкки дзидай дзю:мин-но бумпу (北海道ニ於テアイヌ人種研究ノ急務ト石器時代住民ノ分布)» («Об обитателях Хоккайдо в эпоху каменного века и насущные задачи изучения айнов») (1889). Еще один известный археолог Яги Содзабуро (1866–1942) в работе «Нихон ко:когаку (日本考古学)» («Археология Японии») (1904) представил хронологическую периодизацию древнеяпонской куль-

Рис. 13. Тории Рюдзо (1870–1953). Источник: [Прокофьев 2006: 31]

туры. Он дал описание различных категорий археологических находок, кроме этого, привел ценные антропологические сведения.

На первую половину XX в. приходится деятельность профессора Токийского императорского университета Тории Рюдзо (1870–1953) (рис. 13). Этот выдающийся ученый отличался широтой научных интересов и долгое время провел в зарубежных экспедициях на Тайване, в Маньчжурии, Внутренней Монголии, Юго-Западном Китае, на Сахалине, Нижнем Амуре, а также на Курильских островах.

На Курильские острова Тории Рюдзо был командирован Токийским университетом в 1899 г., там он сосредоточил свое внимание на айнах. Тории Рюдзо охватил буквально все стороны жизни туземцев: внешний облик и антропологические данные, фольклор и язык, обычаи и нравы. Ученый собрал важные статистические данные.

Материалы, полученные на Курилах, легли в основу научных трудов «Тисима айну (千島アイヌ)» («Айны Тисима») (1903) и “Archeologiques et Ethnologiques. Les Ainou des Iles Kouriles” (1919). Наряду с этнографическим и антропологическим очерками сюда вошли проблемы этногенеза: была предпринята попытка сравнить курильских айнов с различными северными народами и обосновать их близость к древнему коренному населению Японии. В связи с этим одна из работ Тории Рюдзо «Юси идзэн-но Ниппон (有史以前乃日本)» («Доисторическая Япония») (1919) посвящена изучению каменного века в Японии. В ней приводятся археологические очерки отдельных районов, научно описываются различные памятники и группы инвентаря [Позднеев 1909, т. 1: 26; Прокофьев 2006: 35; Torii 1919: 158].

Период деятельности Тории Рюдзо совпал с научно-исследовательской работой коллекционера и археолога Нагао Матароку (1872–1955). Нагао Матароку работал на Хоккайдо в системе народного образования. Проявив большой интерес к истории края, он занялся археологическими изысканиями и стал собирать предметы древности и айнской культуры. В результате появилась уникальная коллекция, включавшая находки, обнаруженные на Хоккайдо, а также во время экспедиций на Курилах и Сахалине. В 1930–1940-х годах эта коллекция демонстрировалась в Японии на различных выставках. К сожалению, она почти вся погибла в 1945 г. во время бомбардировок американской авиации [Прокофьев 2006: 39].

Другой известный деятель — Кимура Синроку (1903–1941), служащий полицейского управления Хоккайдо, — долгое время провел на Сахалине. В разных районах острова молодой исследователь осуществлял раскопки стоянок и раковинных куч, собирал подъемный материал. Значительное время он посвятил изучению остатков древних укреплений *тяси*.

Коллекция Кимура Синроку хранится в Сахалинском государственном областном краеведческом музее. Среди публикаций ученого — статьи «Карафуту ни окэру тяси ни цуйтэ (樺太に於けるチャ

シに就きて)» («О тяси на Карафуто») (1933), «Исэки тяси-но цуйка (遺跡チャシの追加)» («Дополнительный материал по остаткам тяси») (1934) и «Карафуто-но сэкки дзидай (樺太の石器時代)» («Каменный век Карафуто») (1937) [Там же: 64].

Особое внимание к Курильским островам и южному Сахалину проявил доктор медицинских наук археолог Баба Осаму (1892–1979). Раскопками на Курилах этот ученый занялся еще в 1930-х годах — на Шумшу и Парамушире изучил памятники охотской и айнской культур, собрал значительный археологический материал, затем в 1935–1938 гг. вел раскопки на Сахалине в районе оз. Тарайка. Кроме подъемного материала на Сахалине, Баба Осаму удалось приобрести этнографические айнские коллекции. Большая их часть хранится в Музее северных культур г. Хакодате. Результаты раскопок нашли отражение в работах «Карафуто-но ко:когакутэки гайкан (樺太の考古学的概観)» («Археологический обзор Карафуто») (1940), «Карафуто айну-но тойтисэ ни цуйтэ (樺太アイヌの穴居家屋「トイチセ」に就いて)» («Землянки айнов Карафуто») (1951), «Карафуто, Тисима ко:ко миндзоку си (樺太・千島考古・民族誌)» («Заметки по археологии и этнографии Карафуто и Тисима») (1979) [Там же: 45].

Изучением северной Японии и окрестных территорий в то время занимались и другие археологи, такие как Гото Сюити и Сибата Цунэси. Они внесли значительный вклад в освоение нового материала и его систематизацию.

В 1937 г. на базе антропологической секции при Университете Хоккайдо был создан Институт культуры Севера, который сыграл заметную роль в объединении хоккайдских археологов и антропологов. С 1939 г. он начал издавать «Бюллетень Института культуры Севера» [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 10].

Среди антропологов в Японии большую известность получил Киёно Кэндзи (1885–1955). Значительное внимание в своих исследованиях ученый уделял неолитическим погребениям, воссоздавая по сохранившимся останкам облик древнего человека. Он сопоставлял неолитические черепа с различными айнскими и японскими краниологическими сериями и выявил различия между ними. Результаты его исследований были опубликованы в работах «Нихон сэкки дзидай дзин кэнкю: (日本石器時代人研究)» («Исследование человека каменного века Японии») (1928), «Нихон рэкиси-но акэбоно (日本歴史のあけぼの)» («На заре истории Японии») (1947) и «Кодай дзинкоцу-но кэнкю: ни мотодзуку нихондзинсю рон

(古代人骨の研究に基づく日本人種論) («Японская раса на основании изучения останков древнего человека») (1949).

В первой половине XX в. значительно увеличилось количество публикаций по айнам. Наибольшую известность среди айноведов получил профессор Хоккайдского университета Киндаити Кёсукэ (1882–1971), автор множества статей и монографий по истории айнской культуры, этнографии, языку и фольклору айнов (рис. 14).

Рис. 14. Киндаити Кёсукэ (1882–1971) в окружении айнов.
Источник: [Kindaichi 1925: 5]

Киндаити Кёсукэ глубоко изучал айнский язык, собирал и переводил айнские легенды и предания. Он прекрасно знал духовную и материальную культуру айнов, поэтому не только дал ее всестороннюю характеристику, но и осветил происхождение некоторых малоизученных обычаев. Среди публикаций Киндаити Кёсукэ «Айну-но кэнкю: (アイヌの研究)» («Изучение айнов») (1925), “Ainu life and legends” (1941) и другие работы, в том числе изданный после войны многотомный труд «Айну дзёдзиси ю:кар сю: (アイヌ叙事詩ユーカラ集)» («Собрание айнского эпоса юкар») (1959).

Одним из учеников Киндаити Кёсукэ был Тири Масихо (1909–1961), айн по происхождению, профессор Хоккайдского университета, первый из айнов, получивший степень доктора наук. На Хоккайдо и Сахалине Тири Масихо долгое время занимался исследованием языка и фольклора родного народа. Ученый быстро завоевал признание как выдающийся специалист в данной области. Немало времени Тири Масихо посвятил различным вопросам этнографии, неоднократно принимал участие в археологических раскопках древних стоянок и раковинных куч. Назовем некоторые его работы: «Айну-но сэцува (アイヌの説話)» («Сказания айнов») (1933), «Айну минтансю (アイヌ民譚集)» («Собрание айнского фольклора») (1937), «Айнуго-но сёкубуцумэй ни цуйтэ (アイヌ語の植物名に就いて)» («О названиях растений в айнском языке») (1943) и «Айнуго ню:мон (アイヌ語入門)» («Введение в айнский язык») (1955).

Сбору айнского фольклора посвятила себя и старшая сестра Тири Масихо Тири Юкиэ (1903–1922). После скорострительной кончины Тири Юкиэ в молодом возрасте вышла ее книга «Айну синё:сю: (アイヌ神謡集)» («Сборник айнских легенд») (1923).

Врач, археолог и лингвист Вада Бундзиро (1898–1959) особое внимание уделял такому малоизученному аспекту айнской культуры, как медицина. Значительное время он работал на Сахалине, где собрал много уникальной информации о народных рецептах сахалинских айнов, их лекарствах и ядах. Одну из своих статей «Докуя (毒矢)» («Ядовитые стрелы») (1941) ученый посвятил свойствам аконита. Он также занимался изучением айнского языка и сбором фольклора, исследованием древних стоянок и раковинных куч. По фольклору, в частности, была опубликована статья «Карафуто айну ни цутавару мукасибанаси (樺太アイヌに伝わる昔話)» («Легенды айнов Карафуто») (1941).

Проблемы языка и фольклора нашли особенно полное отражение в трудах другого исследователя — айна Каяно Сигэру. Можно указать на такие его работы, как «Уэпэкэр сютайсэй (ウエペケレ集大成)» («Полное собрание уэпэкэр») (1974), «Айнуго дзитэн (アイヌ語辞典)» («Словарь айнского языка») (2002), а также на более ранний труд по этнографии «Айну-но мингу (アイヌの民具)» («Айнские народные орудия») (1926).

Среди зарубежных исследователей-айноведов предвоенной поры известен шведский лингвист О. Гердман, опубликовавший работу “World parallels between Ainu and other languages” (1926), а также французский археолог и антрополог Андре Леруа-Гуран, написавший “Eine Reise zu den Ainu” (1938). Кроме этого, значительный вклад в сбор музейных коллекций внес венгерский ученый и путешественник Баратоши-Балог Бенедек. В 1914 г. он посетил Хоккайдо и Сахалин, где приобрел множество предметов культа и быта айнов. Около 500 экспонатов было передано в Музей Гамбурга, а 300 экспонатов — в Будапештский этнографический музей.

В том же году, что и Баратоши, на Хоккайдо побывал шведский ботаник Торил Вульф. Изучая айнов, путешественник приобрел около 300 предметов, которые в настоящее время хранятся в Этнологическом музее Стокгольма [Olschleger 2011: 136].

Во время Второй мировой войны научное изучение айнов сократилось. Несмотря на это, в указанный период Нисидзуру Садаёси опубликовал небольшую книгу «Карафуто айну (樺太アイヌ)» («Айны Карафуто») (1942), Касай Такэтиё — «Карафуто айну-но миндзоку (樺太アイヌの民俗)» («Народность айну Карафуто») (1943), Ямамото Юко — «Карафуто айну-но дзю:кё (樺太アイヌの住居)» («Дома айнов Карафуто») (1943) и «Карафуто гэнси миндзоку-но сэйкацу (樺太原始民族の生活)» («Жизнь аборигенов острова Карафуто») (1944). Как видно из названий, эти работы посвящались айнам Сахалина (Карафуто). В них давалась краткая характеристика быта туземцев, их обычаев, предметов материальной культуры. Некоторые из разделов, касающиеся погребального обряда, вооружения, а также жилищ, содержат редкие и ценные сведения.

Археологическая наука военной поры находилась в упадке и в послевоенный период развивалась довольно медленно. С одной стороны, многие исследователи занялись обработкой уже накопленных материалов и изданием обобщающих работ, с другой — они готовились к новым экспедициям.

На Хоккайдо археологи начали с раскопок раковинных куч Моёро около г. Абасири и пещеры Омогари. Особенно проявил себя энтомолог и археолог Коно Хиромити (1905–1963). Во время исследования хоккайдских памятников ученый обнаружил ритуальные предметы, кости древнего человека, другие ценные находки, ставшие объектом многих дискуссий. Кроме того, на Хоккайдо и Сахалине Коно Хиромити продолжил этнографические исследования айнов, начатые еще в довоенный период. Он изучил их жилища, предметы культа, некоторые обычаи. Результаты этнографических и археологических изысканий нашли отражение в его работах «Хоккайдо: сэкки дзидай гайё: (北海道石器時代概要)» («Обзор каменного века Хоккайдо») (1935), «Кайдзука дзинкоцу-но надзо то айну-но иомантэ (貝塚人骨の謎とアイヌのイオマンテ)» («Загадка человеческих костей в раковинной куче и айнский медвежий праздник») (1935), «Айну-но сэйкацу (アイヌの生活)» («Жизнь айнов») (1956) и «Айну-но гэйдзюцу (アイヌの芸術)» («Искусство айнов») (1958) [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 11; Прокофьев 2006: 84].

С середины XX в. важная роль отводится археологическим лабораториям научных центров Японии. В 1949 г. экспедиция Университета Васэда провела раскопки на островах Рисири и Рэбун, в 1949–1951 гг. экспедиция Токийского университета исследовала хоккайдские памятники неолита Дзитинъяма, Микасаема, Отоэ, Карибуто. Кроме того, раскопками занимались любительские общества, которые стали в большом количестве создаваться при муниципалитетах и музеях. Они издавали отчеты, статьи и другие научные материалы.

В 1949–1950 гг. в Ивадзюку и Гонгэнъяма (префектура Гумма (Хонсю)) археологам удалось обнаружить каменные орудия периода палеолита. С этого времени ученые принялись изучать памятники докерамических культур и разрабатывать периодизации палеолита и неолита.

Наряду с теоретическим осмыслением древних культур Японии многие ученые уделяли внимание этногенезу айнов. Один из них — профессор Токийского университета историк и этнограф Ока Масао (1898–1982). Занимаясь происхождением японцев, он выделил айнов в качестве важного этнического компонента японской нации и связал их с дзёмонцами. Свои взгляды Ока Масао изложил в трудах «Нихон миндзоку (нихон миндзоку бунка-но кэйсэй) (日本民族(日本民族文化)の形成)» («Японская нация (формирование

японской культуры») (1956) и «Идзин сонота — нихон миндзоку = бунка-но гэнрю: то нихон кокка-но кэйсэй (異人その他—日本民族=文化の源流と日本国家の形成)» («Отличные люди и другое. Японская нация = распространение культуры и формирование японской нации») (1979).

Огромный вклад в развитие археологии Хоккайдо и Хонсю, а также Сахалина был сделан профессором университетов Тохоку и Мияги археологом Ито Нобуо (1908–1987) (рис. 15). Его деятельность охватывала значительный период времени и была связана со многими открытиями. На Хоккайдо Ито Нобуо исследовал памятники Эбэцу, Сираой, Асахикава, Кусиро, Нэмуру, Эсаси, Вакканай, Соя, на Сахалине — Товада, Сони-Кайдзука, Хигаси-Тарайка, Сирануси и др. Он провел множество раскопок также в Тохоку и других районах Хонсю.

На Сахалине ученому удалось обнаружить самую древнюю на тот период керамику (возрастом 6 тыс. лет). Кроме того, он внимательно изучил керамику охотской культуры и разработал для нее

Рис. 15. Ито Нобуо (1908–1987). Источник: [Прокофьев 2006: 108]

свою классификационную схему. Во время одной из экспедиций на Южном Сахалине Ито Нобуо сделал уникальные этнографические находки — айнские кожаные доспехи.

Неоднократно Ито Нобуо занимал научные должности в разных университетах и исследовательских учреждениях, избирался членом различных комитетов и обществ, в том числе членом Общества исторических памятников Карафуту. Ему принадлежат многочисленные труды, такие как «Карафуту ни окэру Сина сики додзэ: (樺太に於ける支那式土城)» («Земляные укрепления китайского типа на Карафуту») (1936), «Карафуту сюцудо-но дзэ:мон доки (樺太出土の縄紋土器)» («Дзёмонская керамика, обнаруженная на Карафуту») (1937), «Китами сюцудо-но варабитэто: ни цуйтэ (北見出土の蔵手刀に就いて)» («О мечех варабитэто:, обнаруженных в Китами») (1938), «Сэндай тихо:-но кодай бунка (仙台地方の古代文化)» («Древняя культура области Сэндай») (1941), «Кодай То:хоку тихо:-но но:гё: (古代東北地方の農業)» («Земледелие в древнем Тохоку») (1950) [Воробьев 1958: 15; Прокофьев 2002: 82; 2006: 108, 116].

Вторая половина XX в. была отмечена новыми важными открытиями в археологии доисторической Японии. В 1970-х годах на о-ве Кюсю в пещере Сэмпукудзи (Нагасаки) была обнаружена керамика с налепным бобовидным орнаментом *то:рю:мон*, относящаяся к более раннему времени, чем керамика с налепными жгутами *рю:кисэнмон*, долгое время считавшаяся в Японии самой древней. В памятниках Усирино (префектура Ибараки) и Одайямамото-1 (префектура Аомори) также удалось найти не менее древнюю керамику без орнамента, а чуть позднее в восточных районах Хонсю появились и новые находки керамики с налепными жгутами. Это вызвало бурную полемику среди археологов и заставило по-иному взглянуть на классификационные схемы предшествующего периода. Археологи Оцука Татино, Сакамото Акира и др., изучавшие находки, попытались разработать новые классификации, определить пути проникновения древней керамики на Японские острова [Murakami 2007: 5].

Вопросами каменного века Северной Японии, помимо японских ученых, активно занимались зарубежные авторы. 1950–1970-е годы отмечены публикациями европейских исследователей — Г. Д. Грота “Prehistory of Japan” (1951), Дж. Е. Киддера “A reconsideration of the ‘pre pottery’ culture of Japan” (1954), “Japan before Buddhism” (1959), Р. К. Бёдсли “Japan before history: a survey of the archaeological record”

(1955), американских и канадских археологов — Х. Бефу и Ч. С. Чарда “Preceramic cultures in Japan” (1960), Р. Е. Морлана “The preceramic period of Hokkaido: an outline” (1967), В. М. Харлея “The Hamanasuno Projekt” (1974). Большое внимание они уделяли хронологии и происхождению древних культур, а также их локальным особенностям. Исследуя каменные орудия, керамику, остатки фауны и флоры, они охарактеризовали связи Японии с культурами азиатского континента, Сибири и другими регионами [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 33; Чард, Морлан 1970: 115].

Историю освоения северных земель японскими колонистами и их взаимоотношения с айнами осветил в своих работах Такакура Синитиро (1902–1990). Можно назвать такие его труды, как «Айну сэйсаку си (アイヌ政策史)» («История политики по отношению к айнам») (1943), «Хоккайдо: такусёку си (北海道拓殖史)» («История колонизации Хоккайдо») (1947), «Хоккайдо: си ни цуйтэ (北海道史について)» («Об истории Хоккайдо») (1949). Данную тему в дальнейшем продолжил Окуяма Рё, среди известных сочинений ученого — «Хоккайдо: си кэнкю:-но аюми (北海道史研究のあゆみ)» («Шаги в изучении истории Хоккайдо») (1964), «Айну суйбо: си (アイヌ衰亡史)» («История гибели айнов») (1966) и «Айну — котан-но хика (アイヌ—コタンの悲歌)» («Айны — элегия котан») (1970).

Натори Такэмицу (1905–1988) значительное внимание уделял духовной стороне айнской культуры. Предметам культа он посвятил работы «Карафуту Тисима-но инау то итокпа (樺太千島のイナウトイトクパ)» («Инау и итокпа айнов Карафуту и Тисима») (1959) и «Айну-но ханая то юёку сакэбаси (アイヌの花矢と有翼酒箸)» («Ритуальные стрелы айнов и палочки икупасуй») (1985). Его монографию о ритуальных стрелах и палочках можно без преувеличения назвать монументальным справочным изданием, в котором приводится история бытования этих предметов, дается подробная их классификация, разъясняется значение наносившихся на них рисунков и символических знаков. Некоторые работы, такие как «Айну то ко:когаку (アイヌと考古学)» («Айны и археология») (1972), касаются ранних этапов истории айнов и их предков.

Различными вопросами айнской культуры занимался Сарасина Гэндзо. В трудах «Кума мацури (熊祭)» («Медвежий праздник») (1955), «Айну минва сю: (アイヌ民話集)» («Собрание айнских сказаний») (1963) и «Айну — рэкиси то миндзоку (アイヌ—歴史と民族)» («Айны: история и обычаи») (1968) исследователь дал описание

некоторых промысловых занятий айнов, их религиозных воззрений, фольклора, предметов быта и культа, коснулся общих вопросов этнографии и истории. Другой ученый — Хаяси Ёсисигэ — сосредоточил внимание на земледелии. Этот подсобный вид хозяйственной деятельности туземцев он описал в статьях «Айну-но хасю гидзюцу то сайбай сакумоцу (アイヌの播種技術と栽培作物)» («Искусство посева у айнов и выращивание зерновых») (1960) и «Айну-но но:ко: бунка-но кигэн (アイヌの農耕文化の起源)» («Происхождение земледельческой культуры айнов») (1964).

Научные интересы Фудзимото Хидэо касались погребального обряда и этногенеза. Они нашли отражение в статьях «Айну-но хака — ко:когаку кара мита айну бунка си (アイヌの墓—考古学からみたアイヌ文化史)» («Могилы айнов — история айнской культуры с позиций археологии») (1964), «Хоккайдо:-но фумбо о мэгуру мондай (北海道の墳墓をめぐる問題)» («Вопросы, касающиеся погребений Хоккайдо») (1965). Кубодэра Ицухико изучал фольклор и культуры. Среди его трудов — «Карафуту айну-но сяманидзуму (樺太アイヌのシヤマニズム)» («Шаманизм у айнов Карафуту») (1961), «Сару айну-но инау ни цуйтэ (沙流アイヌのイナウに就いて)» («Об инау айнов области Сару») (1971), «Айну-но мукасибанаси (アイヌの昔話)» («Айнские предания») (1972), «Айну-но бунгаку (アイヌの文学)» («Айнская литература») (1977).

Кроме этого, по вопросам культов и погребальных обрядов в 1970-е годы неоднократно публиковал статьи Оцука Кадзүэси. Проблемы общественного устройства и систему родства освещал Ватанабэ Хитоси. Историю военной конфронтации айнов и клана Мацумаэ проанализировал Синъя Гё, в том числе в работе «Айну миндзоку тэйко си (アイヌ民族抵抗史)» («История сопротивления айнов») (1974).

В послевоенное время особый интерес к айнам стали проявлять американские ученые. Достаточно назвать статьи профессора Университета Кэттеринга Б. К. Эттера “Traditions and Culture of the Vanishing Aborigines of Japan” (1949), антрополога и этнолога Д. Б. Корнела “Ainu assimilation and cultural extinction” (1964), К. Шустера “The Ainu Inao. Some Comparative considerations” (1968), а также работы лингвиста Э. П. Хэмпа “On the problem of Ainu and Indo-European” (1968) и археолога Ч. С. Чарда “A new Look at the Ainu Problem” (1968). Несколько позднее, в 1970–1980-е годы, список публикаций существенно расширился. М. И. Хилгер, занимавшаяся вопросами этнологии и антропологии, написала моногра-

фию “Together with the Ainu: a Vanishing People” (1971), специалист по духовной культуре сахалинских айнов, исследовательница Эми-ко Онуки-Тирни — работы “Sakhalin Ainu Folklore” (1969) и “Spatial Concepts of the Ainu of the Northwest Coast of Southern Sakhalin” (1972), профессор социологии П. Гейзер совместно с антропологом и лингвистом Ф. Пенем — труд “The Ainu: the Past in the Present” (1977), а специалист по языку, истории Японии и айнскому фольклору Д. Л. Филиппи — работу “Songs of Gods, Songs of Humans. The Epic Tradition of the Ainu” (1979).

Каждая из перечисленных публикаций наряду с общими сведениями приоткрывала завесу над той или иной малоизученной стороной айнской культуры. В частности, Онуки-Тирни в “Spatial Concepts...” подробно рассмотрела модель традиционной космогонии айнов, сферы деятельности различных божеств и их функции; Ф. Пен и П. Гейзер, основываясь на полевых исследованиях, осветили систему родства и брачные отношения у айнов бассейна р. Сапу, названия работ — “Sakhalin Ainu Folklore” или “Songs of Gods, Songs of Humans...” — говорят сами за себя [Спеваковский 1986: 48; Ohnuki-Tierney 1972: 443].

Среди немецких специалистов внимания заслуживают труды востоковеда И. Радера “Etymological vocabulary of Japanese, Corean and Ainu” (1956), Н. Р. Адами “Verzeichnis der europaischsprachigen Literatur ueber die Ainu” (1981), Х. Д. Ольшлегера “Technology, Settlement and Hunting Ritual” (1999). Одну из своих статей “Ainu Collections in European Museums” (2011) Х. Д. Ольшлегер посвятил анализу айнских коллекций в европейских музеях. Японскими и айнскими коллекциями за рубежом также занимался профессор Университета Хосэй Джозеф Крэйнер.

Отметим также профессора Познаньского университета доктора филологических наук, специалиста по языку айнов и народов Дальнего Востока А. Ф. Маевича и работу “Dzieje i legendy Ainow” (1983), а также датского лингвиста Рефсинга Кирстена и его монографию “The Ainu language: the morphology and syntax of the Shizunai dialect” (1986). Подобного рода исследования в настоящее время особенно актуальны, поскольку освещают уже утраченный пласт культуры.

В настоящее время японскими учеными ежегодно издается большое количество работ, посвященных айнам. Авторы многих из них — сотрудники Центра по изучению культуры айнов и коренных

народов при Университете Хоккайдо, Музея истории освоения Хоккайдо, Музея айну в Сираой, Центра изучения культуры айнов Хоккайдо, а также других научно-исследовательских учреждений. Отметим лишь некоторых исследователей, затрагивающих различные айноведческие аспекты, и их публикации.

В первую очередь это крупнейший специалист по истории, этнографии айнов и живописи айну-э Сасаки Тосикадзу. Он много лет изучает коллекции картин на айнскую тематику, хранящиеся в Японии и за рубежом, при этом пристальное внимание уделяет творчеству известного художника середины XIX в. Хирасава Бедзан. Когда проводилась атрибуция российских коллекций живописи, в которых обнаружили работы прославленного художника, этот эксперт помог идентифицировать уникальные экспонаты. Среди публикаций ученого можно отметить работы «Айну-э ни миру до:буцу (アイヌ絵にみる動物)» («Животные на картинах айну-э») (1993), «Ainu-e: A Historical Review» (1999), «Айну ни вататта нихон сэйхин (アイヌに渡った日本製品)» («Японская продукция, которая передавалась айнам») (2001), «Айнубункаси но:то (アイヌ文化誌ノート)» («Заметки по айнской культуре») (2001), «Ару айну-э-но кайсяку (あるアイヌ絵の解釈)» («Разъяснение некоторых картин айну-э») (2002). В «Айнубункаси но:то», в частности, исследуется происхождение одежды, приводятся ее характеристика и типологизация, а также подробно рассматриваются ремесла и предметы декоративно-прикладного искусства [Sasaki 2001: 52].

В области археологии лидирующее положение занимает Утагава Хироси. Большинство его работ посвящено изучению Хокайдо и этногенезу айнов. Среди них — «Хоккайдо: ни окэру Сацумонсикидоки дзидай-но татэанасики дзю:кё ато (北海道に於ける擦文式土器時代の竪穴式住居址)» («Остатки полуподземных жилищ периода керамики сацумон на Хоккайдо») (1966), «Хоккайдо: (北海道)» («Хоккайдо») (1973), «Айну бунка сэйрицу си (アイヌ文化成立史)» («История становления айнской культуры») (1992), «Токоро тяси ато исэки-но тё:са сэйка (トコロチャシ跡遺跡の調査成果)» («Результаты изучения остатков укрепления тяси Токоро») (2001). В данных работах дается обзор древних жилищ, погребений, раковинных куч и оборонительных сооружений, рассматриваются типологические разновидности керамики, характеризующие локальные культуры Хокайдо и прилегающих с севера областей. Автор часто прослеживает параллели доайнских и айнской культур [Utawaga 1992: 246].

Хиракава Ёсинага, также занимающийся вопросами археологии, опубликовал статью «Кинсэй айну фумбо-но ко:когакутеки кэнкю: (近世アイヌ墳墓の考古学研究)» («Археологическое исследование айнских погребений периода Кинсэй») (1984), в которой обобщил данные об айнских погребениях. Работа ценна тем, что воссоздает облик айнов названной эпохи, неизвестный по письменным и этнографическим источникам. Автор заставляет по-новому взглянуть на некоторые погребальные традиции, обнаруживающие параллели с неолитом [Hirakawa 1984: 414].

Следует отметить научную деятельность специалистов в области языкознания Мураяма Ситиро и Мурасаки Кёко. Мураяма Ситиро принадлежат публикации «Айну го-но кигэн (アイヌ語の起源)» («Происхождение айнского языка») (1992) и «Китатисима айнуго (北千島アイヌ語)» («Язык айнов северного Тисима») (1971), а Мурасаки Кёко — «Карафуту айнуго (樺太アイヌ語)» («Язык айнов Карафуту») (1976) и «Карафуту айнуго ко:сё: сирё: (樺太アイヌ語口承資料)» («Материалы по устной традиции в языке айнов Карафуту») (1989).

Занимаясь диалектом сахалинских айнов, Мурасаки Кёко исследовала записи песен, сделанные Б. О. Пилсудским на Сахалине в 1902–1905 гг. при помощи фонографа. Восковые валики с песнями были обнаружены в Польше и восстановлены в 1980-х годах группой ученых Хоккайдского университета под руководством Т. Асакура. В одной из серии статей «Записи Б. О. Пилсудского любовных песен сахалинских айнов», переведенных с английского языка на русский В. Г. Сваловой, Мурасаки Кёко сравнила ритмический строй и содержание песен Б. О. Пилсудского со звуковыми данными из других источников [Мурасаки 1992: 45].

Важные проблемы антропологии рассматриваются в работах профессора Университета Рюкю Исида Хадзимэ и профессора Университета Тохоку Додо Юкио. Значительное внимание они уделяют сравнительному анализу костных останков айнов и древнего населения Хоккайдо [Dodo, Ishida 1990: 280]. Общие вопросы истории и этнографии освещают Кикиути Исао, Сасаки Каору, Оцука Кадзуёси, Мориока Кэндзи, Кобаяси Кодзи, Удзииэ Хитоси, Мураками Коити, Усиро Хироси, Сэгава Такуро, Эмори Сусуму, Сасаки Сиро, Огихара Синко, Кохара Тосихиро.

Огихара Синко, почетный профессор Университета Тиба, и Кохара Тосихиро, профессор, сотрудник Центра изучения культу-

ры айнов Хоккайдо, неоднократно публиковали статьи по айнским коллекциям музеев России. Одна из совместных работ так и называется — «Айнские коллекции в России» (2007). Оба ученых проделали огромную работу по атрибуции российских коллекций и их популяризации за рубежом — уникальные экспонаты из России неоднократно демонстрировались на крупных выставках Японии, неизменно пользуясь большим успехом.

Российские источники

Уже в первой половине XVII в. владения русских в Сибири простирались до Охотского моря и Камчатки. В 40-х годах XVII в. казаки, достигшие дальнего Востока (отряды Ивана Москвитина и Василия Пояркова), со слов эвенков и нивхов, получили первую информацию об айнах Сахалина.

Не исключается, что отряду Москвитина в 1640–1641 гг. удалось побывать на Курилах. Следы русских мореходов были обнаружены там капитаном голландского судна М. Г. Фрисом, посетившим Курилы в 1643 г. Сохранилось также сообщение колымского казака Никифора Малгина о том, что приблизительно в середине XVII в. он бывал в тех местах [Таксами, Косарев 1990: 44].

В 1697 г. землепроходец Владимир Атласов, стоявший во главе казачьего отряда, повстречался с камчадалами Камчатки. У туземцев он выкупил потерпевшего незадолго до этого кораблекрушение японского торговца Дэмбэя. Как известно, в 1702 г. Петр I встречался с Дэмбэем в предместье Москвы — Преображенском, а в 1705 г. определил японца учителем японского языка в математическую судоходную школу Петербурга²³.

Под впечатлением от доклада Атласова о камчатской пушнине, а также от рассказов Дэмбэя в 1702 г. Петр издал указ, «предписывающий освоение Камчатки и сбор сведений о Японии для подготовки к установлению торговых контактов с этим государством» [Стефан 1990: 30]. Волей якутского воеводы исполнение указа было возложено на атамана Данилу Анциферова и есаула Ивана Козыревского.

²³ Первые сведения русских о японцах относятся к более раннему времени — середине XVII в. Их получил от нижнеамурских нивхов Степан Васильевич Поляков — участник амурского похода Я. П. Хабарова 1652 г. [Полевой 1994: 97].

В 1711 г. И. Козыревский со своими сподвижниками проник на первый курильский остров Шумшу, вступив в контакт с камчадалами, вытесненными до этого с Камчатки. Русские, не имея возможности продвинуться дальше на юг, получили некоторые сведения о южных островах от туземцев [Там же: 33]. Еще один поход И. Козыревского, состоявшийся в 1713 г., оказался более удачным — казаки высадились на второй остров Парамушир, где вступили в бой с айнами [Русские землепроходцы 1982: 57, 58; Елизарьев 2007: 577].

При помощи переводчика-японца по имени Санэмон, находившегося в составе экспедиционного отряда, И. Козыревский получил подробную информацию о других районах Курильской гряды и, кроме этого, сделал «чертеж Камчатки, Курильских и Японских островов». Таким образом, были получены некоторые сведения не только о Курилах, но и о Японии [Полонский 1994: 4; Русские землепроходцы 1982: 58; Стефан 1990: 33].

Из военного похода казаки И. Козыревского привезли трофеи: «одежды кропивные, дабинные и шелковые, сабли и котлы» [Ксенофонтова 1969: 287]. Это были типично айнские вещи, которые вначале отправили в Якутск, а затем в Москву, в «казну великого государя». Не исключено, что некоторые из них попали в Кунсткамеру, которая была основана по указу Петра I в 1714 г., куда на протяжении XVIII в. поступали все ранние восточные коллекции. Впрочем, судьба айнских вещей И. Козыревского до сих пор неизвестна [Ксенофонтова 1969: 280; Синицын 1999: 9].

Отметим, что в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (наследнике петровской Кунсткамеры) есть коллекция старинных предметов быта и культа айнов Курильских островов, и среди них — халат из луба (айнск. *amtsucu*). Халат датируется предположительно XVIII в. и наряду с упоминавшимися халатами из коллекций Кимура Кэндзи и Ф. Ф. Зибольда считается очень старым. Возможно, история происхождения халата (как и других вещей) связана с походами И. Козыревского.

Вслед за И. Козыревским на Курильские острова по распоряжению Петра I была направлена экспедиция во главе с геодезистами И. М. Евреиновым и Ф. Ф. Лужиным. В 1720—1721 гг. они побывали на Камчатке и Курилах, достигнув центральной группы о-вов вплоть до Симушира.

У Симушира исследователи попали в сильный шторм и оказались выброшенными на Парамушир. Здесь состоялась их встреча

с айнами. Мореплаватели получили от туземцев все необходимое, починили судно и благополучно вернулись на Камчатку в Большерецк. По результатам экспедиции была составлена карта с указанием 14 островов. В 1722 г. карту и отчет И. М. Евреинов представил царю.

В 1737 г. на Камчатку прибыл крупный русский географ XVIII в. С. П. Крашенинников — тогда начинающий исследователь. Он находился здесь четыре года, занимаясь широкими естественно-научными и этнографическими изысканиями. С. П. Крашенинников составил словари языка аборигенов, собрал богатый фольклорный и этнографический материал (рис. 16).

Согласно С. П. Крашенинникову, айнов было около 500 человек, проживали они на мысе Лопатка и соседних островах. Итурупские и урупские айны называли себя *кых-куши*, обитатели других Курильских островов — *куши* [Крашенинников 1994, т. 1: 115, 120].

В экспедиции С. Крашенинникова принимал участие Осип Аргунов, служивший в Якутской воеводской канцелярии и прикомандированный к Крашенинникову академиком Г. Ф. Миллером. Он вел наблюдения, записи, составлял географические и этнографические отчеты. В 1740 г. О. Аргунов перешел в распоряжение Г. В. Стеллера и на следующий год по его указанию отправился на Курильские острова. Посетив о-ва Шумшу и Парамушир, путешественник составил «Описание на Первом острове живущих курилов, о их обычаях и поведении» (1741), в котором охарактеризовал местные «быт, обычаи, нравы, верования, методы воспитания детей и лечение болезней, показал значение контактов с русскими... попытался определить основные различия во внешнем виде айнов-курилов и ительменов-камчадалов» [Полевой 1988: 72, 73, 76].

В 1738–1739 гг. к берегам Японии была направлена экспедиция русского мореплавателя М. Шпанберга (?–1761). Участникам экспедиции удалось побывать на Курильских островах и встретиться с айнами. Они отметили некоторые особенности быта туземцев, их обычаи, вполне вероятно, приобрели какие-то вещи. Все собранные коллекции были доставлены в Россию. Достоверно известно, что некоторые японские вещи в 1742 г. попали в Кунсткамеру²⁴.

²⁴ К сожалению, большинство ранних восточных коллекций Кунсткамеры погибло во время пожара в 1747 г. Сохранившиеся экспонаты остались без точного описания.

Собраніе словъ Курильскаго языка	
богѣ, камуй.	Дорога, ру.
Дьяволѣ, уинѣ-камуѣ.	Лѣсѣ, ни.
Небо, ниссѣ.	Дерево, янтураснѣ.
Облака, уурарѣ.	Море, Апуйка.
Вѣтрѣ, ксерѣ.	Озеро, по.
буря, исупу.	рѣка, пепѣ.
дождь, сиругѣнѣ.	рѣчка, мемѣ.
Снѣгѣ, упашѣ.	Песокѣ, ошѣ.
Градѣ, каукигѣ.	Грязь, шейнипой.
Громѣ, умѣ.	Камень, поина.
Молнія, камуй-сѣуунѣ.	Желѣзо, каани.
Солнце, } чупу.	Человѣкѣ, аину.
Луна, } чупу.	Отецѣ, мичи.
Звѣзда, кешѣ.	Мать, аалу.
день, по.	Сынѣ, кпугу.
Утро, нисѣпѣ.	Дочь, кпоммачи.
Полдень, пѣбананашкѣ.	братѣ большой, кѣупи.
Вечерѣ, онууманѣ.	— меньшей, какѣ.
Ночь, сиркуннѣ.	Сестра большая, кса.
Полночь, упаканнашкѣ.	— меньшая, уармашѣ.
Годѣ, пѣюанѣ.	Мужѣ, какаѣ.
Земля, котанѣ.	Жена, кмачи.
Гора, опгурѣ.	Отрокѣ, пумпу.
Пригорокѣ, оннанѣ-опгурѣ	дѣвочка, пумашѣ.
Огонь, апѣ.	Господинѣ, тонѣ.
дымѣ, сѣупуя.	Слуга, усѣху.
Жарѣ, апѣушашѣ.	Служанка, ксѣугѣ.
Вода, пи.	Голова, паопѣ.
Полс, сѣешѣ.	Волосы, чу.
	борода

Рис. 16. Страница словаря языка айнов Курил.
 «Описание земли Камчатки» Крашенинникова (1756).
 Источник: [Крашенинников 1994: 185]

В 1750 и 1753 гг. на Курильские острова совершил поездку сборщик подати Николай Сторожев, а спустя чуть более 10 лет, в 1766 и 1767 гг., — казачий сотник И. Черный. Во время экспедиции, целями которой были сбор подати и приведение местного населения в российское подданство, И. Черный жестоко обходился с туземцами, чем вызвал всеобщую неприязнь и враждебное отношение. Он составил черновой журнал, в котором описал 19 островов Курильской гряды. В этом журнале упоминаются и айны [Русские экспедиции по изучению 1989: 11].

Так или иначе, с середины XVIII в. русские начали активно осваивать Курилы. В разных местах Курильской гряды стали появляться русские поселения.

Все ранние сведения об айнах Курильских островов были суммированы в работе А. С. Полонского «Курилы», опубликованной в «Записках Русского географического общества» в 1871 г.

Врач по образованию, А. С. Полонский долгое время служил на флоте, кроме того, состоял членом совета Главного управления Восточной Сибири в Иркутске. Во время службы в Сибири он начал собирать сведения о российских мореплавателях и путешествиях на Тихом океане [Полонский 1994: 5].

В работе «Курилы» нашли отражение физико-географические особенности районов, заселенных айнами, история освоения этих районов русскими мореплавателями, краткое антропологическое описание айнов, важнейшие аспекты их материальной и духовной культуры. Через несколько лет после публикации она была переведена на японский язык известным общественным и политическим деятелем Т. Эномото.

Многие архивные материалы, использованные А. С. Полонским (сам он на Курилах, видимо, не был), впоследствии были утрачены. В частности, в 1869 г. почти полностью сгорел Иркутский архив, в котором хранилась значительная часть документации по Тихоокеанскому региону [Там же].

В 1778 г. отдаленные Курильские острова посетил иркутский посадский Д. Я. Шабалин. Информация об этом также содержится у А. С. Полонского, который указывает, что на Курилах Д. Я. Шабалин через переводчика общался с айнскими старшинами, от которых узнал много интересных фактов, в частности об их вооружении и охотничьем снаряжении. Кроме этого, в бухте Аткись он встречался с японцами и обменивался с ними подарками. Русские

получили японскую одежду и посуду, которую отправили в Петербург.

Через переводчика Чикина Д. Я. Шабалин договорился с японцами о встрече на Кунашире в следующем году, и эта встреча состоялась. Русским снова удалось приобрести одежду, лаковую утварь, а также боевой доспех со шлемом. Кроме японцев, русские неоднократно встречались и с айнами²⁵.

В конце XVIII в. к русским поступали сведения не только о курильских айнах, но и об айнах Хоккайдо. В 1792–1793 гг. А. Э. Лаксман в качестве официального посла от императрицы Екатерины II посетил Хоккайдо, где сделал важные наблюдения о туземцах.

Из путешествия в Японию А. Э. Лаксман привез интересную коллекцию вещей, включавшую предметы декоративно-прикладного искусства и вооружения японцев, а также два предмета с Курильских островов — снегоступ и модель лодки (предположительно айнские). Частично эти приобретения поступили в 1794 г. в Кунсткамеру, где хранятся поныне.

В 1799 г. по инициативе мореплавателя, промышленника и купца Г. И. Шелихова была образована Российско-Американская компания. К ней перешли все российские владения на Тихом океане, в том числе на Курилах и Сахалине. Эти острова стали исследоваться более активно [Позднеев 1909, т. 1: 220].

На Урупе Г. И. Шелихов попытался основать русское поселение. В 1795 г. туда было отправлено 38 русских и два алеута под начальством В. К. Звездочетова. Однако грубое обращение вызвало у туземцев волну недовольства и вынудило русских покинуть остров. Они переселились на Итуруп, а оттуда вернулись на Камчатку. Впоследствии Российско-Американская компания для участия в промысловой деятельности стала посылать на Курилы не русских, а алеутов, расселившихся там к 1860 г. (вплоть до Урупа) в большом количестве [Анучин 1876: 98].

В 1805 г. на Сахалине (а также на Хоккайдо) побывали участники кругосветной экспедиции под руководством И. Ф. Крузенштерна, который подробно описал южное побережье Сахалина и залив Анива, восточное побережье, залив Терпения и северо-

²⁵ Переговоры с японцами закончились предложением торговать в Нагасаки. Но русские, не видя в этом выгоды, обратили свое внимание на Алеутские острова [Полонский 1871: 455, 461].

восточную оконечность острова. Участник экспедиции — натуралист, врач и художник В. Г. Тилезиус фон Тиленау выполнил несколько айнских портретов (с натуры и по памяти) и ряд зарисовок с видом залива Румянцева (Хоккайдо) и Анива (Сахалин). Судовой мастер И. П. Корюкин изобразил лодку айнов Сахалина, а лейтенант шлюпа «Надежда» Е. Е. Левенштерн — айнов, их жилища, лодки, ножи, курительные трубки²⁶ [Шафрановская, Комиссаров 1985: 80].

Рисунки Е. Е. Левенштерна выполнены с натуры акварелью, карандашом, пером. Они содержатся в написанном на немецком языке дневнике мореплавателя (рис. 17). В частности, в нем Е. Е. Левенштерн писал, что айны строят традиционные жилища из соломы, в центре устраивают очаг, а над ним вешают котел; около отверстия для дыма, оставленного в крыше, коптят сельдь. Летом туземцы носят халаты из луба, а зимой — собачьи и медвежьи шубы; женщины на губах и руках делают татуировки в виде полосок.

Кроме дневников и рисунков Е. Е. Левенштерна, сохранился словарь айнского языка натуралиста и этнографа Г. И. Лангсдорфа.

В экспедиции Крузенштерна принимал участие Н. П. Резанов, который в качестве представителя российского правительства был направлен в Японию с дипломатической миссией. После неудавшихся переговоров он самостоятельно предпринял попытку военного вмешательства и в 1805 г. разработал план нападения на японские поселения, располагавшиеся на Сахалине и Курилах.

Командирами судов для предстоящего похода Н. П. Резанов назначил состоявших на службе Российско-Американской компании лейтенанта Н. А. Хвостова и мичмана Г. И. Давыдова. Они атаковали японские посты и, помимо этого, вступили в переговоры с айнами [Ксенофонтова 1969: 293].

В 1806 г. Н. Хвостов встречался с айнами на южном побережье Сахалина в Анива. Айнскому вождю была вручена «серебряная медаль на владимирской ленте» и документ, подтверждавший переход этого селения в подданство Российской империи [Российско-Американская компания 1994: 157]. Весной 1807 г. Н. Хвостов вновь побывал в заливе Анива вместе с Г. Давыдовым, который составил небольшой словарь айнского языка.

²⁶ Экспедиция И. Ф. Крузенштерна осуществлялась на приобретенных в Великобритании небольших кораблях «Нева» и «Надежда».

Рис. 17. Портреты айнов. Е. Е. Левенштерн (1805).
Источник: [Шафрановская, Комиссаров 1985: 82]

В июне 1807 г. после окончания экспедиции суда возвратились в Охотск, и начальник охотского порта И. Н. Бухарин, расценив действия Н. Хвостова и Г. Давыдова как государственное преступление, арестовал их. Все трофеи были конфискованы. Частично российская сторона постаралась вернуть Японии японские вещи, принеся японскому правительству официальные извинения. Частично вещи отправили в Петербург — Александр I распорядился передать их в Эрмитаж, а затем в Кунсткамеру.

Вслед за экспедицией Н. Хвостова и Г. Давыдова айны Курил, а также Хоккайдо оказались в поле зрения капитана В. М. Головнина, занимавшегося изучением Шантарских и Курильских островов. В 1807 г. В. М. Головнин на шлюпе «Диана» совершил путешествие на Камчатку, а затем отправился исследовать Курильские острова. В 1811 г. на Кунашире он был захвачен японским гарнизоном в плен и оказался в Японии. Во время пребывания в Японии В. М. Головнин узнал много интересного о японской культуре и дал ее описание в работе «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. С приобщением замечаний его о Японском государстве и народе» (1816). В этом труде нашли отражение некоторые айнские обычаи. Обращают на себя внимание, в частности, указания В. М. Головнина на наземные жилища хоккайдских айнов.

В целом японцы неохотно допускали свободное общение между местным айнским населением и иностранцами, на что в свое время указывал А. Э. Лаксман.

Следует отметить, что первая половина XIX в. стала важным этапом в формировании айнских коллекций Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН. В 1826 г. в Музей поступили четыре предмета курильских айнов (одежда, курительные трубки, колчан) от Адмиралтейского департамента, а в 1840-х годах — ряд предметов от И. Г. Вознесенского (1816—1871), участника экспедиции 1839—1849 гг. в Северо-Западную Америку.

В коллекции И. Г. Вознесенского 28 экспонатов. Среди них — стрелы с костяными и металлическими наконечниками, колчаны, луки, принадлежности к самострелу, ложки, сумочки из травы, корзины, модели лодок и чашка японского производства. Как в России, так и за рубежом подобных предметов курильских айнов немного, поэтому все перечисленные экспонаты представляют большую ценность.

Среди ранних сообщений об айнах Сахалина следует назвать заметки морского офицера В. А. Римского-Корсакова. В 1852 г. он командовал шхуной «Восток». На этом судне совершил путешествие к берегам Японии, а оттуда — в устье реки Амур, где занимался гидрографическими исследованиями и съемками. Ему также было поручено осмотреть Татарский пролив и юго-западную часть Сахалина. Высадившись на Сахалине в 1853 г., В. А. Римский-Корсаков встретился с айнами, подробно описал их быт и нравы. Его заметки были опубликованы в «Морском сборнике» (1858).

В 1850-е годы вышло указание российского правительства об исследовании дальневосточных регионов. Экспедицию, которую условно называют «Амурской» (1850–1854), возглавил капитан-лейтенант Г. И. Невельской. Трудно переоценить значение экспедиции, ведь Г. И. Невельскому и его сподвижникам удалось изучить и присоединить к России обширный край, включавший Приморье, Приамурье и о-в Сахалин²⁷. В 1854 и 1855 гг. началось планомерное заселение края русскими крестьянами [Смоляк 1954: 77].

Экспедиционным отрядом на Сахалине руководил Н. В. Буссэ. В заливе Анива при его непосредственном участии был заложен пост Муравьевский. Сохранились записи Н. В. Буссэ об айнах, в которых показан их внешний облик, обычаи, подробно описаны взаимоотношения с японцами и нивхами. Эти и некоторые другие сведения вошли в «Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени» (1861–1863), составленное П. А. Тихменевым.

Кроме Н. В. Буссэ, к айнам проявил интерес соратник Г. И. Невельского лейтенант Н. В. Рудановский. Он занимался топографической съемкой, географическим описанием местности. Попутно изучая туземцев, Н. В. Рудановский составил словарь их языка, включающий около 400 слов, и собрал подробные статистические данные об айнских селениях [Там же].

В 1859–1862 гг. Русское географическое общество организовало новую Амуро-Сахалинскую экспедицию, руководителем которой стал специалист в области ботаники и геологии Ф. Б. Шмидт. Один из участников экспедиции, доктор А. Д. Брылкин, сосредото-

²⁷ Важным открытием экспедиции Невельского было точное установление того, что Сахалин — это остров, а не полуостров, как считалось до этого.

чил внимание на устном творчестве айнов Сахалина. В «Записках Сибирского отдела Русского Императорского географического общества» (1864. Т. VII) он опубликовал айнскую колыбельную песню [Осипова 2008: 24].

Планомерное изучение российскими исследователями культуры айнов получило распространение во второй половине XIX в.²⁸ Так, в 1876 г. Д. Н. Анучин опубликовал капитальный труд «Племя айнов (материалы по антропологии Восточной Азии)», в котором он дал полную историографическую справку по айнам, а также их этнографическую характеристику и анализ теории происхождения. Российский читатель получил возможность ознакомиться с переводами ряда уникальных ранних документов по айнам, составленных японскими и европейскими путешественниками и миссионерами, а также с документами отечественных исследователей [Анучин 1876: 176]. В 1870-х годах в свет вышли статьи по этнографии айнов Сахалина Ф. М. Депрерадовича и М. М. Добротворского.

Ф. М. Депрерадович находился на военной службе Российской империи, и его жизнь была связана с военной карьерой. В 1865 г. он был назначен адъютантом командующего войсками Восточно-Сибирского округа, в 1868 г. стал начальником Сахалинского отряда, получив под свое начало военные посты. Ф. М. Депрерадович собрал обширные сведения о духовной и материальной культуре местного населения, большая часть которых вошла в «Сборник историко-статистических сведений о Сибири» (1877).

М. М. Добротворский, врач по профессии, начал службу в Восточной Сибири. В 1867 г. он был командирован на Сахалин, где прослужил более пяти лет. Труды М. М. Добротворского представляют уникальные исследования в области медицины и языка айнов. К их числу относится «Айнско-русский словарь» (1875) на 2060 слов, в котором, помимо лексики айнов Сахалина, Хоккайдо, Куриль-

²⁸ В России тогда наблюдался повышенный интерес к Японии. Во многом он был обусловлен политическими событиями того времени. Например, в связи с тем, что в 1870 г. в Японии была учреждена Русская духовная миссия, издавалось множество небольших работ по объему работ, в которых давалась краткая характеристика японской культуры. В некоторых работах того времени имеются данные и об этническом составе Японии, и об айнах.

ских островов и Камчатки, приводится подробный этнографический очерк.

В этом очерке М. М. Добротворский отмечал, что к изучению языка аборигенов русских подталкивали тесные контакты с айнами. Поскольку по-айнски говорили почти все местные японцы, то этот язык стал средством общения между русскими и японцами [Добротворский 1875: 32].

Еще одно интересное наблюдение касалось проблемы местных названий и трудности полевых исследований: для обозначения одних и тех же предметов у айнов существовало много слов. Отчасти различия в прочтении были обусловлены особенностями диалектов. Кроме того, в айнском языке были буквы (*б* и *п*, *с* и *ш*, *о* и *у*, *е* и *и*), имевшие «среднее» произношение. Поэтому одни и те же айнские слова этнографы нередко записывали по-разному, в зависимости от того, как слышали. Более того, постоянно общаясь со своими соседями (японцами, нивхами и русскими) и слыша слова своего языка в искаженном виде, айны легко привыкали к таким искажениям и при общении с иностранцами намеренно использовали их сообразно тому, как те их произносили. Некоторые составители айнских словарей, не будучи профессиональными этнографами и лингвистами, не учитывали этой особенности (скорее всего, даже не знали о ней) — они фиксировали слова с явно искаженным звучанием [Там же: 5].

Вслед за работами Ф. М. Депперадовича и М. М. Добротворского ряд статей, посвященных айнам, был опубликован в краеведческих и периодических изданиях, таких как «Известия Русского географического общества» и «Известия Сибирского отделения Русского географического общества». В конце XIX — начале XX в. вышел трехтомный труд Л. И. Шренка «Об инородцах Амурского края» (1883–1903). Еще в 1853–1857 гг. ученый возглавил экспедицию, отправленную на Амур и Сахалин по инициативе Петербургской академии наук. Он посетил многие селения на Сахалине, в Приамурье, на Курильских островах и составил их описание.

Одним из достоинств работы Л. И. Шренка стало то, что, кроме собственных полевых наблюдений, он суммировал и изложил существовавшие к тому времени знания о жителях Дальнего Востока, собранные русскими путешественниками за 30 лет — с 1850 по 1880 г. [Смоляк 1954: 78].

В 1880-х годах участником новой экспедиции на Сахалин от Русского географического общества стал зоолог И. С. Поляков

(1845–1887). Целью экспедиции было исследование острова в физико-географическом, естественно-историческом и антропологическом отношении, в том числе изучение следов деятельности древних, вымерших к тому времени народов [Анучин 1952: 103].

И. С. Поляков прибыл на Сахалин в 1881 г. Несколько месяцев он занимался изучением ороков и айнов в районе залива Терпения, затем совершил путешествие по южному Сахалину, достиг Корсаковского поста и там провел важные археологические изыскания айнских погребений [Поляков 1884: 14]. Ученый также посетил селения айнов Могун, Такоэ, Найбучи, Найоро, Сиска, Касни, побывал в верховьях реки Сусуя и Поронай [Там же].

В 1882 г. состоялась поездка И. С. Полякова в Японию. Около восьми месяцев он изучал там фауну и флору и, кроме этого, исследовал археологический материал известных в то время памятников каменного века (стоянки Омори и Синагава). И. С. Поляков не только описал археологический материал, но и рассмотрел его в связи с древними культурами Приморья и Сахалина [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 34]. Результаты экспедиций были опубликованы в «Отчете об исследованиях на острове Сахалине, в Южно-Уссурийском крае и в Японии» (1884).

Активной и плодотворной представляется деятельность А. В. Григорьева, занимавшего в 1892–1903 гг. должность секретаря Русского географического общества. Еще в 1879 г. он был включен в состав экспедиции к устью Енисея. Причиной экспедиции стала неудача шведского мореплавателя А. Е. Норденшёльда, совершавшего тихоокеанское путешествие; его шхуне пришлось встать на зимовку недалеко от Берингова пролива. Для розыска мореплавателей по инициативе одного из организаторов экспедиции А. М. Сибирякова к устью Енисея был отправлен корабль, на котором и оказался А. В. Григорьев.

После короткой остановки в Японии (Иокогама) судно (с Григорьевым на борту) двинулось дальше по направлению к Берингову проливу, но наскочило на мель близ о. Хоккайдо [История полувековой... 1896: 688].

В Японии А. В. Григорьев занимался изучением айнов. На Хоккайдо в районе Вулканического залива он составил небольшой словарь их языка и собрал значительную этнографическую коллекцию — 60 экспонатов, в том числе произведения японской живописи на айнскую тематику *айну-э*. Весной 1880 г. А. В. Григорьеву

также удалось приобрести в Токио несколько иллюстрированных рукописей на японском языке, которые ныне хранятся в Институте восточных рукописей Российской академии наук в Санкт-Петербурге и представляют большую научную ценность.

Вслед за А. В. Григорьевым айны Хоккайдо оказались в поле зрения путешественника и ученого Григория де-Воллана, который около шести лет прожил в Японии и за это время успел внимательно изучить местных жителей. В работе «В Стране восходящего солнца» (1903) исследователь подробно описал айнскую одежду, жилища, особенности хозяйственной деятельности и некоторые обычаи.

Следует напомнить, что Сахалин, этот малоизученный остров, еще в 1858 г. по указу царского правительства стал местом ссылки²⁹. Не удивительно, что среди первых исследователей были не только мореплаватели и ученые, но и военные и каторжане. Именно они начали систематическое и многостороннее изучение айнов и других коренных жителей — нивхов и ороков, разрабатывая основы соответствующей методологии. Одним из ссыльных, ставшим впоследствии известным ученым, был Л. Я. Штернберг (1861–1927) (рис. 18)³⁰.

В 1891 г. состоялась поездка Л. Я. Штернберга на северо-западный и северо-восточный берега Сахалина. Путешественник проделал длительный путь по суше и воде, добравшись до мыса Марии — самой северной оконечности острова. В 1892–1893 гг. ученый предпринял несколько экспедиций по реке Поронай, обследовав южную и юго-западные области, а в 1894 г. вновь посетил западное побережье. Он изучил обрядность, систему родства, хозяйственную деятельность и другие аспекты культуры туземного населения (нивхов, ороков и айнов), подкрепив концепцию южного происхождения айнов, базировавшуюся до этого главным образом на антропологическом материале. Результаты научных изысканий ученого нашли отражение в таких трудах, как «Культ инау у племени айнов» (1905) и «Айнская проблема» (1929).

²⁹ Сначала высылка каторжан на Сахалин была эпизодической и лишь к началу 1870-х годов приобрела постоянный характер. Одной из важнейших причин являлось стремление заселить южную часть острова и уменьшить там японское влияние [Елизарьев 2007: 386].

³⁰ Будучи студентом, Л. Я. Штернберг принимал участие в деятельности партии «Народная воля». В 1886 г. он был арестован и приговорен к ссылке на десять лет.

Рис. 18. Л. Я. Штернберг (1861–1927). Источник: [Гаген-Торн 1975]

В пользу гипотезы южного происхождения, по убеждению Л. Я. Штернберга, свидетельствует сходство предметов материальной культуры айнов и народов Юго-Восточной Азии, Индонезии, Полинезии, Меланезии и некоторых других областей (ткацкий станок, набедренные повязки, отравленные стрелы, варганы, стружки *инау*); сходство фонетики и других элементов айнского языка с полинезийской языковой группой; антропологическое сходство. Первоначальной родиной айнов, считал ученый, могла быть Западная Австронезия [Штернберг 1929: 337]. Автор, однако, в то время не мог учесть куда более длительное, чем считалось ранее, пребывание айнских предков на Японских островах и ряд других, еще не известных науке факторов, противоречащих его теории.

Среди этнографических сборов, сделанных Л. Я. Штернбергом на Сахалине, — атрибуты медвежьего праздника айнов и деревянные изделия со стружками *инау*. В настоящее время они хранятся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (№ 656).

Рис. 19. Б. О. Пилсудский (1866–1918). Источник: [Прокофьев 2006: 35]

Б. О. Пилсудский (1866–1918) оказался на Сахалине, как и Л. Я. Штернберг, но на два года раньше его, в качестве ссыльного (рис. 19). Он исследовал на острове практически все крупные айньские поселения. В 1898–1899 и 1902 гг. ученый собирал этнографический материал на Южном Сахалине, в 1902–1903 гг. — на Восточном побережье, в 1904–1905 гг. — в центральных и северных областях, а в 1903 г. вместе с польским этнографом и писателем В. А. Серошевским (1858–1945) — на Хоккайдо. Здесь Б. О. Пилсудский и В. А. Серошевский посетили айньские селения Сираой и Биратори.

В ходе экспедиций удалось составить подробное описание малоизученных обрядов, собрать уникальный материал по фольклору (в частности, было записано несколько десятков валиков для фонографа с легендами и обрядовыми песнями) и много предметов материальной культуры. Значительная часть вещей поступила в Музей антропологии и этнографии (это наиболее многочисленные поступления Музея). Кроме того, немало экспонатов было переда-

но в Российский этнографический музей (Санкт-Петербург), будущий Сахалинский областной краеведческий музей в Александровске (ныне — Южно-Сахалинск), Приморский государственный объединенный музей им. Арсеньева (Владивосток).

В 1899–1902 гг. одну из экспедиций Русского географического общества на Сахалин возглавил зоолог П. Ю. Шмидт. На западном побережье Сахалина, в селении Маука, он собрал 42 предмета, включая орудия охоты, рыболовства, а также утварь и одежду. Эти предметы составили раннюю коллекцию Российского этнографического музея.

Начало XX в. ознаменовалось выходом в свет фундаментального труда по истории Японии и айнской культуре востоковеда Д. М. Позднеева — «Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материкам Азии и России» (1909). Ученый указал на круг проблем, связанных с этногенезом древнего населения и социально-политическим устройством общества, описал события, связанные с открытием Японии русскими флотоводцами, дал всеобъемлющий обзор японских источников. Особое внимание Д. М. Позднеев уделил внешней политике клана Мацумаэ по отношению к айнам. В хронологическом порядке он изложил основные события, происходившие во время правления того или иного главы клана.

В 1912 г. состоялась специальная экспедиция к айнам Сахалина и Хоккайдо под руководством сотрудника Русского музея В. Н. Васильева. Сбор предметов производился на средства Этнографического отдела Русского музея (который позднее стал Российским этнографическим музеем).

На Сахалине В. Н. Васильев объездил множество айнских поселений, располагавшихся на восточном и западном побережье (сел. Большой Такой, Рёри, Найбучи, Айхама, Одасан, Сирарока, Мануэ, Охакотан, Тоннайча, Маука, Тарантомари и др.), а на Хоккайдо сосредоточил деятельность в селении Биратори. Ученый привез свыше полутора тысяч предметов, многие из которых были приобретены в Биратори и в настоящее время составляют значительную часть фонда Российского этнографического музея [Горбачёва, Карапетова 2007: 39; Огихара, Кохара 2007: 13].

По результатам экспедиции В. Н. Васильев составил «Краткий отчет о поездке к айнам островов Иезо и Сахалина» (1914). Он описал жилища, одежду, пищу и некоторые обычаи туземцев [Васильев 1914: 9].

Особая заслуга в изучении айнского фольклора принадлежит известному российскому востоковеду Н. А. Невскому (1892—1937). Результаты его многолетних исследований, преимущественно айнов Хоккайдо, нашли отражение в работе «Айнский фольклор» (1972). Некоторые рукописи Н. А. Невского до сих пор недостаточно изучены и мало известны в научных кругах.

В первой половине — середине XX в. внимание многих ученых сфокусировалось на вопросах этногенеза. Так, Е. Г. Кагаров опубликовал специальную статью «Новейшие теории происхождения айну» (1931). В отношении происхождения айнов развернулась полемика. В ее рамках обсуждалась гипотеза южных корней айнов и их связей с расами Австронезии. Сторонниками этой гипотезы стали известные антропологи Т. А. Трофимова, Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров [Дебец 1934: 72; Левин 1958: 286; Трофимова 1932: 99]. Также активно дискутировалась проблема монголоидности. Т. А. Трофимова, в частности, подчеркивая генетическое родство айнов с группой австронезийских народов, отнесла появление у них монголоидных признаков к древней эпохе. Она высказала мнение, что айны — промежуточный антропологический тип, заключавший в себе и австралоидную, и монголоидную линии развития [Трофимова 1932: 99].

М. Г. Левин, участник Амуро-Сахалинской антрополого-этнографической экспедиции АН СССР (1947), обратил внимание на северные монголоидные черты айнов как позднее заимствование от соседних народов. Он также указал на краниологические отличия сахалинских и хоккайдских айнов, на айнские черты внутри сахалино-амурского антропологического типа — нивхов. Рассмотрев вопрос о древнейшей истории Японских островов, ученый дополнил данные антропологии подробной археологической справкой [Левин 1949б: 26, 28; 1951: 487; 1958: 252, 258, 286, 303].

Большое внимание М. Г. Левин уделял этнографическим исследованиям. При его участии, например, были опубликованы «Историко-этнографический атлас Сибири» (1961) и статья «Старинные культовые изображения медведей у сахалинских айнов» (1964).

Заслугой Н. Н. Чебоксарова стало то, что он отметил некоторые схожие черты айнов с южными монголоидами: «Речь здесь может идти как о смешении уже сложившихся монголоидных и австралоидных типов, так и о древних связях между ними». Кроме этого, исходя из географической локализации айнов, Н. Н. Чебок-

саров выделил их среди австралоидной расы как представителей отдельной курильской ветви [Чебоксаров 1951: 309, 310, 315].

В современной антропологии взгляды на этногенез айнов существенно изменились. Они представлены, например, в работах А. Г. Козинцева, сторонника теории североазиатского монголоидного происхождения. Большое сходство айнов с монголоидами ученому удалось обнаружить по краниометрическим признакам, дерматоглифике и некоторым другим параметрам [Козинцев 1983: 40; Kozintsev 1993: 109, 117; Козинцев 2008: 356]. Есть также гипотеза, относящая отдаленных предков айнов к особой палеосибирской (палеоазиатской, древнеевразийской) большой расе, не являющейся монголоидной [Косарев 2008: 188].

В первой половине XX в. возрос интерес к истории Японии. Известный востоковед-филолог академик Н. И. Конрад написал работу «Япония. Народ и государство. Исторический очерк» (1923), историк, академик Е. М. Жуков — «История Японии» (1939). В связи с проблемами этнической истории Японии выдающийся археолог, этнограф и историк А. П. Окладников обратил внимание на айнов и их предков. В статье «К вопросу о древнейшем населении Японских островов и его культуре» (1946) он поставил вопрос о путях заселения Японского архипелага, указав при этом на важные связи между древними культурами Хоккайдо и Северо-Восточной Азии [Окладников 1946: 18, 25]. Наконец, значительным событием послевоенного времени стала выставка «Айны — жители Южного Сахалина и Курильских островов», состоявшаяся в 1946 г. в Государственном музее этнографии народов СССР (РЭМ). На выставке был представлен как этнографический, так и иллюстративный материал — богатые фотоколлекции музея [Потапов 1946: 216].

В 1930–1950-е годы стали появляться первые обобщающие труды по археологии Сахалина. До этого российские и советские ученые успели изучить лишь незначительное число сахалинских памятников, к тому же полученные данные не были систематизированы.

В 1950-х годах изучением древних культур Сахалина занималась Р. В. Козырева (Чубарова). Ее исследования заложили основу современной сахалинской археологической школы. Среди многочисленных публикаций можно назвать монографию «Древний Сахалин» (1967).

Тогда же на Сахалине работал этнограф и археолог, сотрудник географо-этнографического сектора Сахалинской научно-исследо-

вательской базы АН СССР Б. А. Жеребцов. В круг его интересов входили в основном айны. На юго-западном побережье о. Сахалина, в селении Староайнское (Райтиси), Б. А. Жеребцов собрал множество археологических и этнографических предметов [Василевский. История URL: <http://journal.sakhgu.ru/archive/2004-05-2.doc>; Прокофьев 1988: 144]. Все они поступили в фонды Сахалинского областного краеведческого музея. Уникальность коллекции такова, что повторить подобного рода сборы не удалось никому из советских этнологов. Несколько раз часть предметов демонстрировалась на выставках в Японии [Прокофьев 2005: 5].

С 1960-х годов на Сахалине развернули деятельность археологи В. А. Голубев, Р. С. Васильевский и В. О. Шубин. Они провели комплексные исследования памятников палеолита и неолита, разрабатывали периодизации этих эпох, изучали локальные культуры. Полученные результаты нашли отражение в работах Р. С. Васильевского «Древние культуры Тихоокеанского Севера» (1973), В. А. Голубева «Изображения животных и рыб в искусстве охотской культуры» (1976) (совместно с М. М. Прокофьевым), В. О. Шубина «Новые данные по археологии Сахалина и Курильских островов» (1986). В. А. Голубев и В. О. Шубин возглавили археологические лаборатории, которые были сформированы в составе Южно-Сахалинского государственного педагогического института и Сахалинского областного краеведческого музея [Василевский. История URL: <http://journal.sakhgu.ru/archive/2004-05-2.doc>].

Известный российский ученый Н. Н. Диков в 1961 г. организовал экспедицию на Камчатку. Ему удалось выявить около полусотни древнеителменских стоянок и поселений. В 1972–1979 гг. южные районы Камчатки исследовала археологическая экспедиция Т. М. Диковой. Ее, в частности, заинтересовали вопросы расселения на Камчатке айнов. Она установила, что следы пребывания там айнов датируются временем не ранее XVII в. [Дикова 1983: 167]. Данные, полученные в ходе экспедиции, легли в основу работы «Археология Южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов» (1983).

В 1960–1970-х годах специальные археологические экспедиции стали направляться на Курильские острова. Сотрудники различных организаций, от Южно-Сахалинского государственного педагогического института до Института этнографии АН СССР, вели на Курилах исследования остатков айнских поселений, древних артефактов с петроглифами и пр. В экспедициях участвовали

археологи В. А. Голубев, А. П. Окладников, А. П. Деревянко, историки и этнографы Ч. М. Таксами, М. М. Прокофьев, лингвист Ю. В. Кнорозов и другие ученые.

Еще в 1948 г. инженер-геолог Дальневосточного геологического управления Г. М. Власов обнаружил на Итурупе (в кальдере вулкана Богдан Хмельницкий, расположенном на п-ове Чирип) неизвестные рисунки и знаки на камнях. Уже тогда исследователь предположил, что это айнские письмена. Лишь спустя 14 лет на месте находок Г. М. Власова начались планомерные археологические изыскания [Прокофьев, Косарев 2010: 107].

По результатам изучения петроглифов Итурупа Ю. В. Кнорозов попытался обосновать гипотезу о существовании древней айнской письменности. В качестве сравнительного материала он использовал знаки, которые айны вырезали на ритуальных палочках икуниси, надгробных столбах и других предметах материальной культуры. В 1980-х годах при участии Ю. В. Кнорозова, Ч. М. Таксами и А. Б. Спеваковского вышла статья «Пиктографические надписи айнов».

Следует кратко упомянуть об археологии Японии в трудах российских исследователей. В первую очередь это статьи археолога-востоковеда В. Е. Ларичева, например «Палеолит и мезолит Японии» (1970). Кроме того, обзор материалов по палеолиту, накопленных к 1975 г., дал А. П. Деревянко в работе «Каменный век Северной, Восточной, Центральной Азии» (1975). Чуть позже вышла книга Р. С. Васильевского «По следам древних культур Хоккайдо» (1981), а затем монография Р. С. Васильевского, Е. Л. Лаврова и Чан Су Бу «Культуры каменного века северной Японии» (1982), где, в частности, авторы проводят интересные сравнения погребальных обрядов дзёмонцев и айнов [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 35].

Проблемами археологии и в настоящее время продолжают активно заниматься Р. С. Васильевский, А. А. Василевский, С. В. Горбунов, О. А. Шубина, И. А. Самарин, Н. В. Плотников, В. А. Дерюгин, М. М. Прокофьев. Они опубликовали много работ по археологическим культурам Тихоокеанского региона и Дальнего Востока, в которых важное место отводится айнам.

Старший научный сотрудник Сахалинского областного краеведческого музея М. М. Прокофьев — автор многочисленных публикаций по археологии и этнографии айнов, среди которых — «Археологические памятники о. Итуруп (по результатам разведок 1983,

1985 гг.)» (1986) и «Водный транспорт аборигенов Сахалина» (1995) (совместно с Ю. Н. Павлюченко). Он также написал подробное исследование о жизни и деятельности японских археологов и этнологов «Японские ученые — исследователи Южного Сахалина и Курильских островов (конец XIX — первая половина XX в.). Библиографические очерки» (2006), уникальное в своем роде: до этого подобных публикаций в России не было. Благодаря деятельности М. М. Прокофьева были опубликованы многие айнские коллекции Сахалинского музея, в том числе в 2005 г. был издан «Каталог коллекций Б. А. Жеребцова по этнографии айнов Южного Сахалина из селения Староайнское (Райтиси) за 1948 г. в собрании Сахалинского областного краеведческого музея».

Немалый вклад в этнографию айнов внесли уже упомянутые исследователи Ч. М. Таксами и А. Б. Спеваковский. В частности, Ч. М. Таксами опубликовал «Материалы МАЭ по этнографии айнов» (1969), монографию «Кто вы айны? Очерк истории и культуры» (1990) (совместно с В. Д. Косаревым), работу «Поездка к айнам о. Хоккайдо» (1996), а А. Б. Спеваковский — монографию «Духи, оборотни, демоны и божества айнов (религиозные воззрения в традиционном айнском обществе)» (1988), статью «Современные айнские праздники» (1998). Кроме того, историк, профессор Дальневосточного государственного гуманитарного университета П. Я. Гонтмахер в своих работах «История декоративного искусства айнов» (1990) и «Айны: историко-этнографические очерки (XIX—XX вв.)» (2009) (совместно с М. В. Осиповой) разносторонне охарактеризовал искусство айнов.

Признанный специалист по истории Японии, сотрудник Института этнологии РАН С. А. Арутюнов посвятил значительную часть научного творчества айноведению. Особое место в его исследованиях отводится проблемам становления японской народности и месту, которое в нем занимали айны. Названную тему он рассмотрел в статье «Об айнских компонентах в формировании японской народности и ее культуры» (1957), а затем в работе «Древний восточно-азиатский и айнский компоненты в этногенезе японцев» (1962, дис.). В последующих трудах С. А. Арутюнов дал всеобъемлющий обзор различных сторон айнской культуры.

В 2002 г. в Институте наследия Бронислава Пилсудского при Сахалинском областном краеведческом музее его директор В. М. Латышев издал четырнадцать текстов, собранных Б. О. Пилсудским.

Сборник, названный «Фольклор сахалинских айнов», включает вступительную статью В. М. Латышева, оригинальный текст песен, записанных кириллицей, перевод на русский язык и примечания. Помощь в подготовке рукописи к печати оказали М. М. Прокофьев и историк Г. И. Дударец — специалист по Сахалину и Курильским островам. Песни относятся к двум жанрам — *туита* (сказки) и *уцьяськома* (старинные предания). Они были записаны Б. О. Пилсудским в 1903 г. в селениях Такое, Серароко, Отосан и некоторых других.

Также заслуживают внимания работы А. Г. Лебедева «Традиционная одежда айнов: XIX — начало XX в.» (2006, дис.) и М. В. Осиповой «Обычай и обряды айнов в системе культурного взаимодействия с аборигенами Нижнего Амура и о. Сахалин» (2006, дис.). А. Г. Лебедев сосредоточил внимание на айнском костюме, представив его всестороннюю характеристику, а М. В. Осипова рассмотрела особенности промысловой, семейно-бытовой и похоронной обрядности айнов. Она выделила единый амуро-сахалинский обрядовый комплекс и определила место, которое занимали в этом комплексе айны.

Год спустя М. В. Осипова издала монографию «Айны: женский взгляд на мир и пространство» (2007) (совместно с П. Я. Гонтмахером), затем труд «Айны острова Сахалин: Традиции и повседневность. Очерки обрядовой культуры» (2008) и ряд статей, одна из которых — «Потомки сахалинских айнов на Нижнем Амуре» (2010).

Особо следует отметить работу научного сотрудника Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) В. В. Щепкина «Трактат Хаяси Сихэй “Кайкоку Хэйдан” как памятник военно-политической мысли Японии эпохи Эдо (1603–1867)» (2011, дис.). Она содержит переведенный на русский язык раздел трактата «Сангоку цу:ран дзусэцу», где имеются ценные сведения о хозяйственной деятельности айнов.

Музыковед-ориенталист М. В. Есипова обратилась к такой интересной и недостаточно хорошо изученной теме, как музыкальные инструменты. Она посвятила им статью «Проблема происхождения музыкальных инструментов айну в свете исторических этнических процессов в Восточной, Северной и Юго-Восточной Азии и Океании» (2012 г.). Айнские музыкальные инструменты М. В. Есипова рассматривает и в других работах.

Айнская проблема, как видим, объединяет широкий круг специалистов, в том числе тех, кто уделяет внимание фольклору.

А. М. Кабанову, занимавшему до своей скоростижной кончины должность старшего научного сотрудника Института восточных рукописей РАН, принадлежит особая заслуга в изучении рукописей Н. А. Невского. В статье “The Ainu materials collected by Nikolai Nevski” (1991) он представил краткий очерк жизни и научной деятельности известного востоковеда, обзор собранных им архивных материалов, предложил их классификацию и дал комментарии. Тексты включают множество эпических сказаний и священных песен, записанных в Отару и Осака в 1920-х годах [Kabanoff 1991: 115].

Следует также отметить статьи по айнскому фольклору заведующей кафедрой японской филологии Института стран Азии и Африки МГУ А. Р. Садовой — «Сказания айнской земли» (1998) и «Айны и рюкюцы: народные верования, фольклор и мифология» (2009).

Среди специалистов по языкознанию не прекращаются дискуссии о происхождении и особенностях айнского языка. Обсуждается вопрос о его месте среди различных языковых групп. Востоковед-филолог В. М. Алпатов в статье «Айнский язык» (1997) представил общую характеристику этого языка, рассмотрел диалектные различия, особенности лексики, фонемный состав и другие важные аспекты.

В. Д. Косарев, много лет изучающий айнов, предпринял попытку сопоставить слова и морфемы их самобытного языка и языков индоевропейской семьи. Обнаружились, хотя и в ограниченном числе, достаточно убедительные соответствия, которые автор, учитывая возраст культуры дзёмон на Японских островах, реликтовый характер и архаичность айнского языка, гипотетически относит к предшествующей сложению индоевропейской семьи лингвистической ситуации (к ностратической общности).

Кроме того, В. Д. Косарев перевел с английского языка малоизвестное исследование Б. О. Пилсудского, составил и опубликовал на его основе айнско-русский словарь «Ainu-nuca itaku comen. Bronislav Pilsudski kari. Karaxtun itakhu. Айнско-русский словарь по Брониславу Пилсудскому. Сахалинский диалект» (2004). В словаре представлены около 6 тыс. слов и приложения по грамматике.

Взгляды по различным вопросам культуры айнов В. Д. Косарев также изложил в статьях «Айны: идеология природопользования» (1988), «Опасное сходство: айнско-индоевропейские параллели» (2006), «Символ — язык — знак — письмо (в связи с проблемой гипотетической письменности айнов)» (2007), «“Айнская пробле-

ма” сегодня: кто такие дзёмонцы и кто такие айны?» (2008). В соавторстве с М. М. Прокофьевым вышла его статья «Петроглифы острова Итуруп в связи с проблемой протописьменности айнов» (2010), написана работа «Айны Хоккайдо, Сахалина и Курил: Проблемы расового сложения и этнического развития» (2013).

В частности, в статье «Петроглифы острова Итуруп» продолжена сложная тема, которой уделял внимание еще Ю. В. Кнорозов. Ученые обращают внимание на то, что итурупские знаки неоднородны, формировались, видимо, в течение длительного времени, при этом некоторые из них обнаруживают сходство с рунами пещеры Тэмия (юго-запад о-ва Хоккайдо) и относятся, вероятнее всего, к одной и той же системе протописьма. Что касается времени, авторы гипотетически указывают период финального дзёмона [Прокофьев, Косарев 2010: 107].

Проблемами языка в настоящее время занимаются А. Ю. Бугаева, автор статей “Grammar and Folklore Texts of the Chitose Dialect of Ainu (Idiolect of Ito Oda)” (2004) и «Аппликативные конструкции в айнском языке» (2010), А. Ю. Акулов, опубликовавший статьи «История языка айну» (2005), «История языка айну: первое приближение» (2007), «Современное состояние языка и культуры айну» (2007), «Язык айну в контексте исторической перспективы» (2009), «Реконструкция традиционных представлений айну о мире (по материалам анализа фольклорных текстов)» (2010), и некоторые другие исследователи.

Представленный обзор (далеко не полный) научных работ российских, а также зарубежных исследователей, посвященных айнской тематике, свидетельствует о возрастающем интересе к проблеме происхождения айнов, их фольклору, духовной культуре, к айноведению в целом. Деятельность ученых на этом поприще, помимо всего, содействует поддержанию и развитию айнского этноса, сохранению его обычаев и языка, находящихся на грани исчезновения, богатой сокровищницы фольклора.

На Сахалине и Курилах, к сожалению, айнов давно нет, поэтому изучение особенностей культуры исконных обитателей этих регионов — дело крайне сложное. Но и в наши дни российские и зарубежные айноведы последовательно продолжают наращивать знания в области, заложенной основоположниками айноведения в XIX — начале XX в., проделавшими огромную работу по описанию обычаев и сбору этнографических коллекций.

Глава II

ДРЕВНЯЯ ЯПОНИЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ (САХАЛИН, КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА). ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Каменный век

В Японии археологические раскопки памятников каменного века (палеолита) стали проводиться сравнительно недавно — во второй половине XIX в. Начало было положено американским ученым Э. Морзе, исследовавшим в 1877 г. раковинную кучу Омори на Хонсю в области Канто. Хотя к настоящему времени изучено большое количество других древних стоянок, разбросанных по всей территории Японии, каменный век на архипелаге продолжает вызывать много вопросов. Отчасти это объясняется неравномерной изученностью отдельных регионов, отчасти — отсутствием публикаций по накопленному материалу и недостатком сводных работ, в которых анализируется материал из разных областей.

Разработка проблемы палеолита представляется весьма важной в свете изучения этнокультурных процессов, имевших место в то отдаленное время в Восточной Азии и на сопредельных с Японским архипелагом территориях. Особенно остро ощущается потребность в исследовании локальных очагов культур северной Японии, оказавших значительное влияние на культуру районов Приморья и Приамурья. Поэтому важной задачей является обобщение накопленных к настоящему времени знаний и обогащение их новыми данными, полученными методами таких дисциплин, как археология и антропология.

В истории Японии было время, когда она составляла с Азиатским материком одно целое: сухопутные мосты, соединявшие острова и материк, фиксируются на разных стадиях плейстоцена (2 млн лет назад — 11 тыс. лет назад). Окончательное отделение

архипелага в результате таяния ледников произошло лишь в начале голоцена — 10 тыс. л.н. Тогда Япония приобрела современные очертания [Деревянко 1985: 47; Кузьмин 2005: 51; Левин 1958: 259].

Неизвестно, когда человек впервые проник на Японский архипелаг. Имеются находки предположительно периода раннего палеолита (150–35 тыс. л.н.), такие как кость человека из Усигава префектуры Айти (100 тыс. л.н.), каменные орудия из Такэномори и Охира префектуры Фукусима (90–40 тыс. л.н.). Бесспорных свидетельств заселения человеком Японии ранее указанных дат ныне нет [Деревянко 1985: 52; Лаптев 2007: 17].

Большое количество археологических памятников приходится на поздний палеолит (30–13 тыс. л.н.). Основываясь на анализе каменных индустрий, исследователи отмечают, что уже тогда существовали различия в культурном развитии между северными и южными областями архипелага. Так, на севере в большей степени развивались традиции, характерные для соседних культур Приморья и Приамурья, на юге же — для культур Юго-Восточной Азии. Эти наблюдения позволили сделать вывод о том, что человек мог проникнуть на территорию Японии с Азиатского континента (по сухопутным мостам) и через Сахалин, и через Корею. Постепенно здесь образовалось раннеродовое общество, которое занималось охотой, рыболовством и собирательством.

Необычайно сложно определить этническую принадлежность древнего человека. Решением этой задачи уже много лет занимаются антропологи, исследуя сохранившиеся костные останки. Интересный памятник в этом отношении — стоянка Минатогава, расположенная на о. Окинава. Здесь были найдены кости, датируемые временем около 18–16 тыс. л.н. Находки демонстрируют признаки восточноазиатской расы, не обнаруживая отчетливых айнских или айноидных особенностей, хотя существует мнение о наличии некоторого сходства с неолитическим населением — дзёмонцами [Алексеев 1985: 32, 33; Kozintsev 1993: 116].

Череп на одном хорошо сохранившемся скелете со стоянки Минатогава оказался похож на череп представителя верхнепалеолитического населения Южного Китая [Моисеев 2009: 146]. Это важное открытие указывает на древние связи, которые установились между южными областями Японии и Китая. Существует даже предположение, что неолитические обитатели Японского архипелага (дзёмонцы) ведут происхождение от палеолитического «человека

Минатогава» [Тураев 2010: 78]. К сожалению, останки палеолитического человека Северной Японии практически не изучены, и о связях с северными областями можно догадываться лишь по археологическим находкам каменных орудий [Adachi, Shinoda, Umetsu, Matsumura 2009: 256].

На стоянках, раскопанных в разных местах Японского архипелага, сохранились нуклеусы, отщепы и пластины, датируемые временем более 25–20 тыс. л.н. (стоянки Сукубай-Санкакуяма, Камисихора-Симаки (Хоккайдо), Гонгэнъяма, Каминагано, Хосино (Канто)). Среди часто встречающихся находок — ножевидные предметы, скребки, резцы, рубила, остроконечники, топоры, тесла. Некоторые частично обработаны ретушью или шлифовкой.

Поскольку на Хоккайдо встречаются изготовленные на микропластинах предметы (стоянки Сиратаки, Хороккодзава, Татикарусюнай, Товарубэцу, Сакоцу), датируемые временем 20–12 тыс. л.н., ученые считают, что хоккайдские памятники того времени генетически связаны с материком и входят в широкий круг микропластинчатых культур Восточной и Северной Азии [Васильевский 1981: 17; Деревянко 1985: 52, 53, 56; Adachi, Shinoda, Umetsu, Matsumura 2009: 255]. На юге появление изделий на микропластинах отмечено рубежом 15 тыс. лет. До этого времени там развивалась техника бокового скалывания отщепов [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 19; Деревянко 1985: 63–65].

Распространение микропластинчатой индустрии на островах Японского архипелага, видимо, было обусловлено обилием сырья — обсидиана и происходило постепенно с севера на юг¹. Немаловажную роль в этом процессе играли глобальные климатические изменения. В то время наблюдалось общее потепление, а в северных районах, кроме всего прочего, наметился переход к новым пищевым ресурсам — растительным и речным².

¹ Установлено, что обсидиан из Сиратаки (Хоккайдо), использовавшийся уже 20–25 тыс. л.н., ввозился в южные районы Сахалина (стоянки Сокол, Долинск). Это лишний раз подтверждает существование древних межкультурных контактов с северными областями [Табарев 2004: 36].

² Если в северной Японии получило развитие прибрежное собирательство, а также речное и морское рыболовство (лососевый промысел), то на юге примерно до 11 тыс. л.н. преобладали собирательство и охота. Таким образом, прослеживаются важные отличия в хозяйственно-экономической основе культур [Боднев 2001: 18, 37, 39].

Следует отметить, что в некоторых восточных и северо-восточных областях Хонсю обнаруживаются не микропластинчатые технологии, а макролитические. Это хорошо видно на примере культуры микосиба, получившей распространение в районах Тохоку, Тюбу, Канто (стоянки Тёдзьякубо, Одай-ямамото (Тохоку), Микосиба (Тюбу), Камино (Канто) и др.)³. Некоторые каменные орудия культуры микосиба сходны с орудиями современной ей осиповской археологической культуры Приамурья.

Совершенствование в позднем палеолите технологии расщепления сырья и появление рубящих орудий с подшлифовкой способствовали развитию производства изделий из дерева, в том числе лодок. Уже к периоду плейстоцено-голоценового рубежа «в прибрежно-островной части Юго-Восточной, Восточной и Северо-Восточной Азии практически все археологические культуры демонстрируют факты наличия и использования водного транспорта» [Табарев 2004: 27, 28]. Развитие водного транспорта стимулировало древнего человека к перемещению на дальние расстояния.

Период времени в конце плейстоцена — начале голоцена, в интервале 13000/13500–10000 л.н. (мезолит), часто называют протодзёмон или *incipient jomon* (яп. *со:со:ки*) [Табарев 2004: 12; Юо:mon jidai kenkyu 2001: 84 98; Kumagai 2001: 138]. В это время более четко обозначилась хозяйственная специфика регионов и дифференциация локальных культур (Хоккайдо, Хонсю, Кюсю, Сикоку), наметился переход к полуоседлому образу жизни, появилась первая керамика. Вполне вероятно, что именно тогда формировалась религиозно-мифологическая мировоззренческая система древнего человека [Васильевский, Лавров, Чан: 1982: 22; Левин 1958: 279; Табарев 2004: 31, 57].

Появление керамики в Японии 13,5–13 тыс. л.н. фиксируется одновременно и на севере, и на юге, при этом по орнаментации и способу обработки в разных регионах она существенно отличается [Деревянко 1985: 62, 65; Окладников, Бродянский, Чан 1980: 53]. Гончарство могло проникать извне: на юге — с Азиатского материка через Корейский полуостров, а на севере — с Нижнего Приамурья (осиповская культура) и Приморья. Впрочем, велика вероятность

³ В памятниках Микосиба археологи обнаруживают бифасы-наконечники, а также крупнопластинчатые скребки и резцы.

его возникновения на местной основе вследствие благоприятных хозяйственно-экономических условий⁴ [Боднев 2001: 36].

Обжиг сосудов производился на открытых кострах или очагах при низких и средних температурах. Существует точка зрения, что формовка изначально делалась на шаблоне, то есть методом обмазки заранее подготовленной основы⁵ [Воробьев 1958: 18]. Данная гипотеза пока не доказана. В настоящее время наиболее древним считается метод кольцевого налепа, получивший широкое распространение в регионах Приморья, Приамурья, Сахалина, Китая и Кореи.

По форме дна в северной и северо-восточной Японии выделяется керамика плоскодонная, круглодонная и остродонная, по форме тулова — высокие вазы с прямым или отгнутым наружу венчиком и низкие широкие горшки [Боднев 2001: 35, 36].

Хоккайдская керамика возрастом 13 тыс. л.н. включала неорнаментированные сосуды (стоянка Хигаси-Рокуго-2) (материалы доклада О. Яншиной «Древнейшие керамические комплексы Японии. ИИМК РАН, 19.03.2012). Кроме этого, имеются находки, датирующиеся 12,5–12 тыс. л.н., — сосуды с ногтеобразным (яп. *цумэ-гатамон*) и надкольчатый (яп. *ситоцумон*) декором (стоянка Тайсё-3 в Обихиро), а также находки возрастом более 10 тыс. л.н.: фрагменты тонкостенных сосудов с широким пояском у венчика, украшенным вдавлениями крученого шнура (памятник Оаса в Эбэцу), и фрагменты неорнаментированных сосудов (стоянки Хигасикусиро-1, 2 в Кусиро) (рис. 1) [Грищенко 2009: 11; Taisho:3 iseki URL: <http://www.pref.hokkaido.lg.jp>].

Среди керамики северо-востока Хонсю — неорнаментированные сосуды времени около 12,7–13,5 тыс. л.н. (памятник Одай Ямамото-1), а также сосуды, относящиеся к несколько более поздней эпохе, с декором: налепными жгутами, различного рода штампами и отверстиями⁶ (рис. 2).

⁴ В настоящее время доказывается, что сначала керамика появилась на севере Хонсю (стоянка Одай-Ямамото-1). Отсюда 13–12 тыс. л.н. она распространилась по всему архипелагу.

⁵ Из веток и травы изготовляли форму, обмазывали ее изнутри глиной и обжигали. Форма сгорала, и получалось готовое изделие. Отпечатки на стенках сосуда от формы служили декором.

⁶ В регионе Тохоку орнаментированная керамика представлена сосудами с налепными жгутами (памятники Омотэдэтэ-1, Хатгядзава-1), отверстиями по венчику (памятник Омотэдэтэ-1), ногтеобразными штампами

Рис. 1. Керамический сосуд около 12,5–12 тыс. л.н.
Стоянка Тайсё-3. Мемориальный музей г. Обихиро (Хоккайдо (Обихиро)).
Источник: фото И. Шевкомуда

Рис. 2. Фрагмент керамического сосуда около 12,7–13,5 тыс. л.н.
Памятник Одай Ямамото-1 (префектура Аомори). Комитет по вопросам
образования г. Сотогахана. Источник: фото О. Яншиной

Распространение похожей керамики в Оаса (Хоккайдо) и Тюбу (Хонсю, пещеры Муроя), в южной части Тохоку и Канто (Хонсю, верховья бассейна реки Тонэ) свидетельствует о межкультурных связях, существовавших в то время [Боднев 2001: 31; Васильевский, Лавров, Чан 1982: 113; Kumagai 2001: 136; Murakami 2007: 19].

Форму ранних сосудов юга, к сожалению, восстановить пока не удалось. Здесь встречаются фрагменты круглодонных горшков с рельефным венчиком. В отличие от северных и восточных районов, украшением служили налепные жгуты и бобовидный орнамент — налепы, напоминающие половинку боба (яп. *то:рю:мон*). Несколько более поздним считается ногтевой декор⁷ [Боднев 2001: 17].

В целом можно отметить, что в керамическом производстве раннего периода (даже в пределах какой-либо одной области) существовали локальные особенности.

С конца эпохи протодзёмона население Японских островов постепенно переходило к оседлому образу жизни. Это доказывается находками на древних стоянках ям для хранения орехов и других плодов [Matsumoto 2005: 4].

Древнейшими стоянками со следами оседлости считаются Содзияма и Какоинохара, существовавшие почти в одно и то же время — 11 тыс. л.н. Обе располагаются на Кюсю в префектуре Кагосима. Существует предположение, что жилища на этих стоянках были временными: на Содзияма — зимние, а на Какоинохара — лет-

(памятник Камодай-2), налепными жгутами и ногтеобразными штампами (памятники Дайсинтё, Хината, Хибакюива, Итиносава), налепными жгутами и вдавленными веревочными штампами (Охара-В), налепными жгутами и прокатанными веревочными штампами (памятник Ситакубо), ногтеобразными и вдавленными веревочными штампами (памятники Дзадзараги, Минамисувахара) [Боднев 2001: 34; Murakami 2007: 4].

⁷ Керамика на юге Японии с налепными жгутами датируется около 12,5 тыс. л.н. (пещеры Фукуи (Кюсю), стоянка Камикуроива (Сикоку)) [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 19; Окладников, Бродянский, Чан 1980: 51; Слеваковский 1989: 57]. К находкам времени 11–10 тыс. л.н. относятся изделия с налепными жгутами, а также бобовидным орнаментом, ногтеобразными оттисками, вдавлено-вытянутым декором (яп. *осибикимон*) (пещеры Сэмпукудзи (Кюсю)). Иногда встречается керамика без орнамента (памятники Нитао, Ёкоитакэнояма (Кюсю), поздние слои памятника Камикуроива (Сикоку)) [Боднев 2001: 13; Окладников, Бродянский, Чан 1980: 53; Murakami 2007: 4, 20].

ние [Amemiya 1998: 29]. Если так, то традиция смены летних и зимних стоянок прослеживается уже в протодзёмоне⁸.

Следующую эпоху — неолит — ученые часто называют термином «дзёмон», что означает «веревочный узор». Этот узор стал характерным декором керамики нового типа.

Спор относительно связи неолита с культурами предшествующего времени окончательно не решен. По мнению одних ученых, между ними существует прямая преемственность, по мнению других, таковой не было.

В развитии эпохи Дзёмон выделяются пять периодов: начальный (10 тыс. — 7 тыс. л.н.), ранний (7 тыс. — 5,5 тыс. л.н.), средний (5,5 тыс. — 4,5 тыс. л.н.), поздний (4,5 тыс. — 3,3 тыс. л.н.) и финальный (заключительный) (3,3 тыс. л.н. — середина I тыс. до н.э.) [Jyo:mon jidai kenkyu: 2001: 84, 98; Jo:mon jidai: URL: <http://ja.wikipedia>]. На Хоккайдо финальный Дзёмон сменился периодом Дзокудзёмон (Эпидзёмон), который охватывает период с рубежа III в. до н.э. по V–VI вв. н.э. Следует указать также на периодизацию неолитических памятников Сахалина. Здесь можно выделить ранний (9–7 тыс. л.н.), средний (7–3 тыс. л.н.) и поздний (3–2 тыс. л.н.) этапы [Василевский 2008: 139, 200; Василевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>].

Разнообразные ландшафтные, климатические и экологические условия способствовали развитию различных вариантов Дзёмона. В разные периоды его географические границы изменялись, однако можно выделить несколько зон с устойчивым культурным своеобразием. Это Хоккайдо и северо-восточная часть Хонсю, западное побережье и равнина Канто, Сикоку и побережье Внутреннего моря на о-ве Кюсю. Со временем культура дзёмон распространилась частично на Курильские острова и значительно меньше — на Южный Сахалин. Между разными стадиями Дзёмона прослеживается преемственность [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 100; Левин 1958: 266; Моисеев 2009: 148].

При изучении дзёмонцев невольно возникает вопрос об их связи с айнами, поскольку к настоящему времени только айны со-

⁸ В Со:дзияма, кроме остатков полуподземных жилищ, были обнаружены очаги, выложенные камнем (яп. *хайсэкиро*), и очажные ямы с дымоходом (яп. *эндо:цукироана*) [Matsumoto 2005: 4]. В то время очаги нередко выносились за пределы жилищ.

хранили архаичные черты, присущие древним обитателям Японского архипелага.

Несомненно, айны имели глубокие неолитические корни в Дзёмоне. Это обстоятельство неоднократно отмечалось многими учеными [Левин, Чебоксаров 1951: 350; Козинцев 2007: 155; Моисеев 2008: 137]. Но наряду с этим установлено, что по коэффициенту общих различий айны и дзёмонцы относятся к двум отдельным популяциям и что айны принципиально отличаются от дзёмонцев (исключая хоккайдский тип) наличием монголоидной примеси [Dodo, Ishida 1990: 280; Kozintsev 1990: 259; 1993: 111].

Очевидно, этногенез айнов был сложным и долгим процессом, и на разных исторических этапах в нем принимали участие различные этнические группы⁹. Кроме того, среди дзёмонцев существовали значительные межрегиональные вариации. Это указывает на гетерогенность, то есть сложное, многокомпонентное происхождение.

Разнородность дзёмонцев прослеживается по метрическим показателям и наследованию митохондриальной ДНК. В частности, изучив костные останки со стоянки Фунадомари о-ва Рэбун (один из самых северных островов Японии) и стоянок Канто (восточная часть Хонсю), ученые выяснили, что их характеристики по гаплогруппам различны [Adachi, Shinoda, Umetsu, Matsumura 2009: 262].

Долгое время было широко распространено мнение о значительной роли в формировании антропологического типа дзёмонцев населения Юго-Восточной Азии (Южного Китая), а также Австралии и Океании. Однако установлено, что, хотя черепа дзёмонцев обнаруживают некоторые австралоидные черты (совокупность прогнатизма, низкого лица и глазных впадин, широкие носовые отверстия, широкие приподнятые носовые кости), это не дает основания проводить прямые параллели с австралийцами. Такому выводу противоречат существенные отличия: широкая и высокая черепная коробка, не свойственная австралийцам, особая форма заднечерепных костей [Kozintsev 1993: 113]. Надо добавить, что результаты краниоскопических исследований одной из австралоидных групп (папуа-меланезийцы) показали ее отличия от дзёмонских серий. Кранио-

⁹ Отличие дзёмонцев от айнов отчасти объясняется и диахронным фактором — естественным переходом от кроманьонидного типа, характерного для дзёмонцев, к современному морфологическому виду [Kozintsev 1993: 111].

метрические дистанционные исследования также не выявили существенных схожих черт с полинезийцами, меланезийцами, микронезийцами [Ibid.]. В общем, определить расовую принадлежность дзёмонских черепов крайне сложно.

В настоящее время делаются попытки на основании черепно-лицевых данных доказать генетическое родство дзёмонцев и палеоамериканцев [Adachi, Shinoda, Umetsu, Matsumura 2009: 256]. Кроме этого, гаплогруппы митохондриальной ДНК носителей культуры дзёмон Хоккайдо «последовательно указывают на их сходство с коренными сибирскими популяциями, населяющими низовья Амура, особенно с ульчами и удэге» [Adachi, Shinoda, Umetsu, Kitano, Matsumura, Fujiyama, Sawada, Tanaka 2011: 358].

Влияние на северные Японские острова еще в палеолите могло происходить с севера через Приамурье и Сахалин (об этом свидетельствуют археологические находки каменных изделий), а на южные — с юга, через Корейский полуостров, а также через Индонезию, Филиппины и Рюкю (согласно анализу костных останков из Минатогава). Скорее всего, дзёмонцы унаследовали в своем облике специфические черты выходцев из этих районов. При этом аборигенное население Хоккайдо можно признать одной из коренных популяций северо-восточной Евразии [Ibid.].

Что касается исходного места расселения отдаленных предков айнов (и дзёмонцев), то, согласно В. Д. Косареву, это широкий регион, включающий Прибайкалье, Алтай, Саяны, Внутреннюю Монголию вплоть до Тибета. По его мнению, современные айны представляют собой наиболее хорошо сохранившиеся «формы» первичного древнеевразийского (палеоазиатского) комплекса [Косарев URL: <http://kosarev.press.md/Ainu>].

На древнеевразийские истоки айнов, в частности, указывает и традиционная айнская система терминов родства. Так, значительное число терминов в айнском языке обнаруживает сходство по фонетике и значению с алтайскими языками (наиболее отчетливо с тунгусо-маньчжурскими) и лишь единицы — с австронезийскими [Спеваковский 1986: 56].

Носители культуры дзёмон занимались собирательством, рыболовством и охотой. В зависимости от времени года преобладал тот или иной вид хозяйственной деятельности. Собирали, как правило, раковины моллюсков, а также растительную пищу: каштаны, орехи, желуди. Сбор раковин осуществлялся весной и летом, растительной

пищи — осенью и ранней зимой. Осенью и в начале зимы дзёмонцы сосредоточивались в основном на рыбном промысле, ловле перелетных птиц, а зиму всецело посвящали охоте [Источники пищи URL: <http://neolitica.ru>].

В рыбном промысле наиболее ценились лосось, окунь, тунец, макрель. Активным был морской зверобойный промысел. Рыбу добывали, используя снасти из растительного волокна и костяные крюки, а для добычи морзверя применяли гарпуны. В охоте важное место отводилось оленям. Оленье мясо шло в пищу, из шкур делали одежду, из кости — рыболовные орудия. Охотились также на кабана, бурого медведя, енота, лисицу, зайца, различных птиц. Основным охотничьим орудием являлся лук со стрелами.

В целом, жизненный уклад дзёмонцев носил общинный характер. По-видимому, среди населения существовал простой товарообмен — орудия из различных материалов археологи обнаруживают в районах, где соответствующее сырье отсутствовало.

Со временем в эпоху Дзёмон на юге Хоккайдо и северо-востоке Хонсю возникло подсечно-переложное земледелие. Здесь стали выращивать гречиху (в Акита обнаружены зерна этой культуры, возраст которых составляет 4500 лет), просо, рис, завезенный из Китая, тыкву, горох. Начало перехода от присваивающих форм хозяйства к присваивающе-производящим ознаменовало важный рубеж японского неолита.

О хозяйстве прилегающих к Японскому архипелагу северных регионов можно составить представление по находкам конца неолита (II — начало I тыс. до н.э.). На Курилах первостепенное значение имели прибрежное собирательство и рыболовство, которые дополнялись охотой на сухопутных и морских животных, а также на водоплавающих птиц [Васильевский 1973: 175]. На Сахалине основными видами хозяйственной деятельности были морской зверобойный и охотничий промыслы.

Переходя к анализу погребений эпохи Дзёмон, следует сказать об их разнородности и отсутствии унификации. Это объясняется тем, что «единой культуры» не было и, надо полагать, каждое племя имело специфические представления о загробной жизни.

На Японских островах встречаются коллективные захоронения, в которых костяки находятся как в согнутом положении (на спине, боку или животе) с ориентацией головы на юго-восток, так и в распрямленном (на спине, боку, животе) без определенной ори-

ентировки¹⁰. Есть могилы в раковинных кучах и ямах, с костяками, обращенными головой на запад, восток, юго-восток, северо-восток и север. Кроме того, зафиксированы погребения в керамических сосудах [Мешеряков, Грачев 2003: 54]. Вне зависимости от формы погребения этой эпохи могли располагаться и около поселений, и на их территории.

В целом прослеживается тенденция постепенного усложнения внешнего устройства могил. Если на начальной стадии Дзёмона умерших хоронили в раковинных кучах или ямах, без каких-либо насыпей над ними и других знаков, то со временем получили распространение могилы с наземными сооружениями различной формы [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 136; Воробьев 1958: 53].

Раковинные кучи (яп. *кайдзука*) — древнейшие неолитические памятники Японии. Обычно их истолковывают как места свалки остатков съеденных моллюсков, однако для населения Японских островов они в первую очередь были священными местами, связанными с религиозно-бытовыми воззрениями. Видимо, поэтому дзёмонцы нередко хоронили покойников в кучах, образованных раковинами [Арутюнов, Щебеньков 1992: 41].

Известно около 2,5 тыс. скоплений раковин, большинство из которых находится на побережье, обращенном в сторону Тихого океана. На Хоккайдо раковинные кучи продолжали создаваться айнами приблизительно до XVIII в.

Обращают на себя внимание погребения в керамических сосудах (яп. *камэканбо*), получившие повсеместное распространение в период позднего Дзёмона. Наибольшая их часть локализована на севере Кюсю. Фиксируются два способа размещения усопших: в одном сосуде, закрывавшемся каменной или деревянной крышкой, и в двух сосудах, соединявшихся вместе и образующих подобие яйца. Костяки располагались в скорченном положении. Погребальный инвентарь, включавший предметы континентального происхождения, поме-

¹⁰ Согласно одной из гипотез, скорченное положение покойника означало его уподобление человеческому эмбриону. Покойник, по представлениям древних, должен был вновь родиться в виде тотемного животного, поэтому во время похорон его готовили к посмертному возрождению [Каменный век URL: history.gin.ru]. Со временем аборигены тех районов Хоккайдо, которые были близко расположены к Хонсю, стали хоронить усопших в вытянутом положении и ориентировать головой на восток [Арутюнов, Щебеньков 1992: 41].

щался внутрь. Тип захоронений *камэканбо* находит свое продолжение в эпоху Яёй [O-haka-no rekishi URL: <http://www5f.biglobe.ne.jp>].

На северо-востоке Хонсю, в префектуре Аомори, в погребениях позднего Дзёмона обнаружены костяки красного цвета, что свидетельствует о появлении обряда засыпки тел умерших красной охрой. Как правило, костяки располагались на спине в скорченном положении. Окрашивались лишь некоторые из них, в том числе детские. Возможно, обряд окрашивания совершался в отношении жрецов, старейшин и их детей [Воробьев 1958: 32].

В раковинной куче Ёсиго (префектура Айти), кроме окрашенных костяков, содержались кости скелетов, выложенные в виде четырехугольников, а также перегоревшие и обожженные кости. В первом случае, очевидно, было произведено перезахоронение, выполненное по непонятному обряду, а во втором — частичная кремация [Там же: 35].

На Хоккайдо в период позднего Дзёмона стали возводиться погребения с оградами круглой или овальной формы (диаметром от 10 до 2–3 м) из расставленных с небольшим интервалом камней. Установлено, что каменные круги-ограды получили распространение от Хоккайдо до префектуры Сига на Хонсю, а в более южных районах они не встречаются [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 137]. Примерно в то же время появляются могильники, окруженные земляными насыпями. Внутри насыпей также могли находиться каменные круги, как, например, в памятнике Сюэн (юго-западная часть Охотского побережья Хоккайдо на п-ве Сирэтоко). В каждом круге памятника Сюэн (диаметром 2–6,9 м) был сооружен курган с засыпкой камнями, включавший могильные ямы продолговатой или круглой формы. Они содержали один или несколько костяков, которые располагались в скорченном положении, головой на запад. В одном случае зафиксированы следы кремации¹¹.

Каменные круги известны и на памятнике Готэньяма (находится в 4–5 км к северо-востоку от устья р. Сидзунай на Хоккайдо).

¹¹ Кольцевые ограды и каменные курганы были характерны для памятников афанасьевского (III–II тыс. до н.э.) и андроновского (XVII–IX вв. до н.э.) времени в Сибири, хронологически предшествующих или одновременных позднему Дзёмону [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 184]. Кроме того, различные каменные сооружения фиксируются в приамурских курганах польцевской культуры (V в. до н.э. — IV в. н.э.) [Медведев 1991: 13].

Сопроводительный инвентарь в могилах данного комплекса чаще всего размещался в головах покойных [Там же: 141].

Иногда на Хоккайдо встречаются земляные насыпи без каменных оград (памятники Касиваги (близ Энива), Киусу (близ Титосэ), Отоэ (южная часть Фукагава)). Погребения могли находиться в пределах кольцевой насыпи, непосредственно в самой насыпи, а также у края насыпи с внешней стороны (памятник Касиваги). Они засыпались камнями и имели вид небольших курганов. По форме могильные ямы напоминали вытянутые эллипсы, реже квадраты со сглаженными углами. Ориентировались они главным образом на запад [Там же: 145].

Примечательно, что поверх скорченного костяка дзёмонцы нередко водружали камень. Возможно, в то время полагали, что покойник мог выбраться из могилы, если его душа не достигнет «верхнего мира», а камень должен был воспрепятствовать этому.

В финальном Дзёмоне похороны проводились как по древнему обряду, включая захоронения в раковинных кучах и в керамических сосудах, так и по-новому. Появляются могилы с деревянными гробами или каменными саркофагами, распространяется тип погребений *сисэкибо*, видимо, континентального происхождения: в могилу помещалось тело (иногда в каменном саркофаге либо в керамическом сосуде), яма засыпалась землей, а на поверхности, на земле или на небольших подпорках, устанавливался большой плоский камень (плоскостью к земле). На Хоккайдо сооружаются могильники, аналогичные курганным захоронениям с кольцевыми насыпями позднего Дзёмона.

Хорошо сохранившееся погребение эпохи Дзёмон открыто на Итурупе (стоянка Танковое). Оно расположено на западном склоне 15-метровой дюны, на левом берегу протоки у озера Куйбышево. Могильная яма небольшого размера, 0,94×0,5 м, обильно посыпана красной охрой. В заполнении ямы присутствуют угли [Прокофьев 1986: 19]. Примечательно, что в окрестностях археологи обнаружили культовые сооружения в виде каменных куч и кругов из расставленных по периметру камней, аналогичные хоккайдским, но без погребений [Прокофьев 2000: 59].

Отдельного описания заслуживают дзёмонские жилища. В эпоху Дзёмон население Японского архипелага строило различные типы жилищ, но в основном это были полуземлянки (яп. *татэана*) (рис. 3, 4).

Рис. 3. Поселение эпохи Дзёмон с остатками полуподземных жилищ. Памятник Биби-5 (Хоккайдо). Источник: [Oshima 2001: 116]

Рис. 4. Реконструкция полуподземного жилища эпохи Дзёмон. Источник: [Jyo:mon jidai URL: <http://www.hi-it.net>]

В целом распространение получили полуземлянки диаметром в среднем 4–7 м и глубиной 30–70 см. Пол мог быть с покрытием (глиняная обмазка, камень, тростниковые циновки). Каркас состоял из четырех или более опорных столбов, предположительно соединенных сверху прогонами, на которые под наклоном укладывались боковые жерди. Жерди упирались в землю, а наверху скрещивались, выполняя таким образом функцию стен и крыши (яп. *фусэясики*). Поверх скрещенных концов помещалась коньковая перекладина. К боковым жердям могли крепиться поперечные жерди, охватывавшие всю конструкцию по периметру снизу доверху. Жерди и балки связывались между собой, а каркас покрывался корой, листьями, камышом, иногда и землей. Вход в дом представлял собой лаз, в более поздних полуземлянках — дверной проем, состоявший из двух жердей и выступавшего над ними небольшого навеса. Очаг вначале выносился за пределы жилища, но потом его стали делать внутри — в центре или ближе к стене. В некоторых жилищах было несколько очагов. Снаружи постройка окружалась водоотводной канавой [Киддер 2003: 38, 40, 41; Мещеряков, Грачев 2003: 48; Jo:mon jidai kenkyu: 2001: 88, 89].

Кроме жилищ типа *фусэясики*, дзёмонцы создавали полуземлянки, у которых стены и крыша разделялись (яп. *кабэтатисики дзюкё*), а также сооружения наземного типа *хоттатэбасира*, включая дома с разделявшимися стенами и крышей, свайные постройки, приподнятые над землей (яп. *такаюка*), и различного рода вышки (яп. *мономиягура*) [Oshima 2001: 110]. Следы этих сооружений, в частности, прослеживаются в известном археологическом памятнике эпохи раннего и среднего Дзёмона Саннай-маруяма (префектура Аомори).

Среди сохранившихся остатков полуземлянок начального Дзёмона южной Японии встречаются квадратные ямы со скругленными углами, размером около 2 м, без очагов (памятник Уэнохара (Кюсю)). Ямки от столбов располагались снаружи котлована по кругу [Matsumoto 2005: 6]. Предполагается, что каркас состоял из опорных столбов и жердей, сходящихся в центре, а также горизонтальных жердей. Все это обкладывалось сухой травой.

В восточных и северных регионах Японского архипелага обнаруживаются разнообразные по форме котлованы, некоторые со следами очагов. Устройство каркаса здесь, по всей видимости, принципиально не отличалось от котлованов, распространенных в южных регионах.

В раннем Дзёмоне на юге Хоккайдо появились необычные жилища в виде округлой ямы, внутри которой помещался котлован пятиугольной формы (поселение Хаманасуно). Некоторые из таких сооружений достигали значительных размеров — диаметром около 7 м и глубиной до 2 м. По четырем углам пятиугольного котлована располагались опорные столбы от каркаса, пятый служил культовым целям. Внутри размещался очаг [Abe 2001: 92, 102]. В целом же для этого периода характерны прямоугольные полуземлянки, иногда с округлыми углами, размерами 4×5–5×6 м, с каркасом из опорных столбов, поперечных балок, боковых жердей и овальными очагами в центре, которые могли обкладываться камнями.

Иногда очаги из камня встречаются вне жилищ (памятник Сакаэура-1 (Хоккайдо)). Предполагается, что такие устройства использовались для различных хозяйственных нужд.

В некоторых районах Японии стали возводиться прямоугольные каркасные полуземлянки, достигавшие в длину 10 м (раковинные кучи Сэкияма, Кодэ (Канто)) [Jo:mon jidai kenkyu: 2001: 88]. Жилища крупных размеров строились в большом количестве с раннего по средний Дзёмон, широко распространившись в областях Тохоку и Хокурику [Киддер 2003: 40; Jo:mon jidai kenkyu: 2001: 37].

Среди крупных построек среднего Дзёмона обнаружено здание размером 32×10 м и глубиной 1,2 м (стоянка Саннай-маруяма (Тохоку)). Каркас состоял из опорных столбов по периметру, столба в центре, поперечных балок, жердей. Думается, что стена и крыша были разделены. Внутри находился очаг, выложенный камнями. Как отмечалось выше, в Саннай-маруяма обнаружены также следы обычных полуземлянок небольшого размера, зданий, приподнятых над землей, и вышек [Sannaimaruyama iseki URL: <http://bekkan.web.infoseek.co.jp>].

В числе нововведений среднего Дзёмона следует назвать появление в юго-западной части Хоккайдо полуземлянок яйцевидной формы (памятник Титосэ-6 (Хоккайдо)), а на Хонсю в районах Канто и Тюбу — полуземлянок, напоминающих японские зеркала с рукоятью (яп. *экагамигатасики дзю:кё*) (стоянка Маэхара (Канто))¹²

¹² Котлованы зеркалообразных жилищ имели округлую либо квадратную с округлыми углами форму, небольшой коридорообразный отвод в сторону, предположительно служивший входом. Пол часто мостился камнями, в центральной части располагался каменный очаг.

[Jo:mon jidai kenkyu: 2001: 88; Oshima 2001: 113; Saishin nihon ko:kogaku 1999: 33]. Кроме этого, широко распространились очаги с каменными кладками, очаги, выложенные черепками и очаги в керамических сосудах, вкопанных в землю (поселение Йосуконэ (Тюбу)). Иногда каменные кладки и черепки соединялись вместе (памятник Атагохара (Тохоку)) [Киддер 2003: 41, 42; Jo:mon jidai kenkyu: 2001: 89].

В позднем и финальном Дзёмоне «зеркалообразные» жилища типа *экагамигатасики дзю:кё* появляются в северо-восточной части Хоккайдо (стоянка Тосамупоро (Хоккайдо))¹³ [Sugiura 2001: 223]. Повсюду в Японии также строились небольшие жилища без коридоров — прямоугольные, квадратные, округлые, овальные. Археологические находки указывают на то, что полы во многих из них покрывались циновками.

Наряду с полуземлянками все больше создавалось построек с полом на уровне земли или на небольшой насыпи и свайных амбаров. Амбары стали особенно востребованными с эпохи Яёй, когда получило распространение земледелие. Они считаются прототипом современных свайных жилищ японцев.

На Сахалине ранненеолитические жилища представляли собой каркасные сооружения средних размеров с котлованами круглой, овальной и подчетырёхугольной форм. По мнению А. А. Васильевского, их форма различалась не регионально, а локально — определенного стандарта, видимо, не было [Василевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>]. Примером может служить овальная полуземлянка, раскопанная на Южном Сахалине, длиной около 5 м и глубиной 25 см (поселение Славная-4) [Грищенко, Можяев 2009: 548].

О жилищах среднего и позднего неолита можно сказать, что очаги в них были ямного типа без каменных кладок (на Южном Сахалине среди памятников культуры сони встечались очаги кострового типа). Отсутствие ограждений из камней отличало их от дзёмонских [Василевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>; Василевский, Грищенко, Кузьмин, Орлова 2010: 22].

Некоторые постройки того времени реконструируются по находкам из памятника Чайво-6 (Северный Сахалин, начальный период среднего неолита). Одна из исследованных здесь полуземля-

¹³ С наступлением Дзокудзёмон они обнаруживаются также на севере Хоккайдо (со стороны побережья Охотского моря), на востоке (со стороны Тихого океана), кроме этого, на Камчатке и Курильских островах.

нок имела квадратную форму размером 6×6 м и глубиной около 50–70 см. С небольшим смещением от центра находился овальный очаг. Каркас состоял из столбов и стропил, поддерживающих (предположительно) четырехскатную кровлю. Сохранившиеся в полу ямы свидетельствуют о том, что внутри помещения, у очага и вдоль стен, были какие-то конструкции [Грищенко 2008: 37].

Обращают на себя внимание поздненеолитические землянки южной (группа памятников седыхинской культуры) и северной (стоянка Ноглики-1) территорий острова. Если первые обнаруживают сходные элементы с приамурскими жилищами, то вторые — еще и с приморскими¹⁴. Поскольку на стоянках Северного Сахалина встечаются керамика и каменный инвентарь, аналогичный изделиям низовьев Амура, становится очевидной связь между этими двумя областями [Василевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>; Козырева 1967: 65].

Ряд памятников приблизительно II — начала I тыс. до н.э. археологи исследовали на Курильских островах — Кунашире (стоянки Алехино, Серноводск) и Итурупе (стоянка Курильск). Котлованы, обнаруженные здесь, содержали округлые и прямоугольные очаги с каменными выкладками — свидетельство влияния культуры Дзёмон [Васильевский 1973: 172].

Важное место в производственных занятиях дзёмонцев занимало изготовление керамики, а также изделий из камня, кости, дерева и растительных волокон.

Керамические сосуды использовались для хранения продуктов и приготовления пищи. Их изготавливали из грубой глиняной массы с примесью растительных волокон, песка или слюды, обжигали при низкой температуре — 600–800 градусов, поэтому керамическая утварь была довольно хрупкой и имела красноватый оттенок. Можно выделить несколько основных способов производства: методом обмазки основы (предполагается, но пока не доказано); ручной лепки; послойного налёпа глиняного жгута; при помощи поворотной подставки. Метод ручной лепки, вероятно, наиболее древний.

¹⁴ Особенностью жилищ Ноглики-1 было то, что над полом поднимались плоские уступы высотой 32–35 см. Сохранились также следы двух выходов, обращенных к югу. Они были узкие, короткие, без надстроек и, по видимому, не являлись основными [Козырева 1967: 50; Шубина 1986: 23].

По форме дзёмонская керамика представлена широкогорлыми вазами, напоминающими воронку, вазами цилиндрическими, сферическими (с короткой или длинной, широкой или узкой шейкой), а также горшками, котелками, мисками, тарелками, сосудами с носиком, сосудами на поддоне. Впрочем, перечень посуды не ограничивается лишь этими видами, поскольку постепенно происходило развитие и усложнение форм керамических изделий.

Основу художественного оформления керамики составляли орнамент в виде оттисков, наносившихся крученым шнуром (вдавления, накаты), резными деревянными палками-стеками, которые прокатывали по поверхности изделия, или раковинами (прочесы), прямые и искривленные резные линии, выполнявшиеся бамбуковыми палками или краем раковины, ряды отверстий или круглых углублений, наклепных шнуров, «жемчужин», наконец, лощение и окраска. Методы орнаментирования различались в зависимости как от времени, так и от региона.

Для эпохи Дзёмон наиболее характерна техника веревочных оттисков. Какое она имеет происхождение на Японских островах — местное или континентальное, установить сложно [Левин 1958: 262; Киддер 2003: 68; Мешеряков, Грачев 2003: 40]. В пользу континентальных истоков может свидетельствовать то, что веревочная керамика фиксируется в финально-плейстоценовых культурах Южного Китая, а также Приамурья, около 13–10 тыс. л.н. В Приамурье, например, фрагменты сосудов с веревочными оттисками-вдавлениями были найдены на стоянках граматухинской культуры, которые локализуются на Среднем Амуре, а также осиповской культуры низовьев Амура (поселения Хумми-1) [Яншина, Лапшина 2008: 154].

Керамика начального Дзёмона состояла преимущественно из высоких широкогорлых ваз с округлым или заостренным дном и прямым венчиком, реже — с плоским дном и волнистым венчиком (рис. 5). Состав теста был неоднородным. Он содержал множество примесей, включая песок, мелкие камешки, слюду, растительное волокно. Декор отличался разнообразием и варьировал в зависимости от региона. Так, украшением на сосудах служили веревочные оттиски в виде горизонтальных или вертикальных полос, наносившихся по всей поверхности или верхней части сосуда (стоянка Нацусима (Канто)), оттиски от стека (памятник Сэнбагатани (Кюсю)), раковин (памятники типа Тадо (Канто)), прорезные ли-

Рис. 5. Керамические сосуды начального периода Дзёмон.
Памятник Накано-В (Хоккайдо).

Источник: [Nakodate ku:ko URL: <http://isikari.genin.jp>]

нии (раковинные кучи Сибогути, Каяма, Кайгараяма (Канто)), наlepные жгуты (памятники Мисава-2, Такаока-1 (Хоккайдо)), а также округлые вдавления (памятник Накано-А (Хоккайдо)) и отверстия (памятники Касивара (Кюсю), Нумадзири (Хоккайдо)), располагавшиеся вдоль венчика [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 100; Воробьев 1958: 19; Киддер 2003: 68; Окладников, Бродянский, Чан 1980: 55, 58; Kumagai 2001: 138, 142]. Примечательно, что веревочные оттиски не получили распространения в южных районах — на Кюсю.

Следует отметить, что на Хоккайдо уже в начальном Дзёмоне в керамике юго-западных и северо-восточных районов проявляется специфика, развитие которой в этих регионах шло по-разному. Остродонные гончарные изделия с веревочными оттисками юго-западной области Хоккайдо (поселение Сумиёситё) в форме и орнаментации обнаруживают сходство с сосудами Хонсю (поселения Накусима и Кайгараяма) [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 102, 110, 115; Окладников, Бродянский, Чан 1980: 55]. А в посуде северо-вос-

Рис. 6. Керамические сосуды раннего периода Дзёмон.
Памятник Гифу (Хоккайдо).

Источник: [Jyo:mon bunka URL: <http://www.city.kitami.lg.jp>]

точных областей с плоским дном и гребенчатым орнаментом заметно влияние материковых неолитических культур Приамурья, Приморья и Кореи. Различия в керамике юго-запада и северо-востока Хоккайдо прослеживаются с самого начала и до конца эпохи Дзёмон [Арутюнов, Щебенков 1992: 36; Василевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>; Васильевский 1981: 44].

В целом, к концу начального Дзёмона остродонные сосуды начали сменяться плоскодонными (рис. 6). Форма стала более разнообразной. Дополнительное развитие получили наlepной декор и веревочные отпечатки [Жушиховская 2012: 14].

На Хонсю в Кинки, Канто и некоторых других районах в раннем Дзёмоне появилась керамика нового типа — Мороисо. Она сопровождалась различного рода отпечатками, наlepными жгутами, раскраской. В то же время памятники Тохоку отмечены зарождением стиля Энто — сосуды в виде глубоких горшков с веревочными отпечатками и штампами [Там же: 11]. Традиции Мороисо и Энто найдут продолжение в последующее время.

В среднем Дзёмоне керамическая продукция отличалась особым разнообразием. В обиход дзёмонцев вошли высокие цилиндрические вазы с расширенным венчиком, узкогорлые кувшины, сосуды с округлым туловом, небольшие чаши с ручками. Венчики у них украшались вычурными ручками или ушками, в качестве декора ис-

Рис. 7. Керамические сосуды среднего периода Дзёмон. Памятники Иванаохара и Уматака (префектура Ниигата). Муниципальный музей науки г. Нагаока. Источник: [The 62nd special exhibition 2006: 11]

пользовался накладной и лепной орнамент, сочетавшийся с резными линиями и покрывавший большую часть тулова (рис. 7) [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 150; Воробьев 1958: 25; Окладников, Бродянский, Чан 1980: 60; Kumagai 2001: 155].

Наиболее значительные стили среднего периода — Кацудзак (Тюбу (Хонсю)) и Атамадай (Канто (Хонсю)). Они отличаются значительным разнообразием форм и орнаментов, при этом отражают стилистические особенности памятников предшествующей эпохи.

В позднем Дзёмоне получили распространение небольшие сосуды с расширенным туловом (тонкостенные пиаловидные чаши, горшки, выпуклые кувшины с шейкой перехватом, сосуды с носиком, сосуды на поддоне) [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 150, 151, 156]. Появились неорнаментированная гладкостенная керамика и такие техники, как лощение, нанесение налепных шишечек, «жемчужин», тогда как сложные фигурные венчики сосудов среднего периода стали исчезать.

Среди необычных находок есть вазы с изображениями личин и фигурок *догу* (могильники Касиваги, Мохэдзи (Хоккайдо); стоянка Банбаомурояма (Канто)) (рис. 8). Очевидно, эти предметы использовались дзёмонцами в культовых целях [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 147; Juo:mon jidai kenkyu: 2001: 587]. Примечательно,

Рис. 8. Керамический сосуд позднего периода Дзёмон с изображением личины. Памятник Мохэдзи (Хоккайдо). Государственный токийский музей. Источник: [The 62nd special exhibition 2006: 20]

что в позднем Дзёмоне на Хоккайдо появляются сосуды со спиральным узором, аналогичным амурскому типу (памятник Нисэко) [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 147].

В финальном Дзёмоне по декору и форме керамики на территории Японского архипелага выделяются две крупные области: западная (Кюсю, Сикоку, юг Хонсю) и восточная (Хонсю (южная часть Канто, Тохoku), Хоккайдо). Южные районы Канто характеризует локальная культура ангё, районы Тохoku и юг Хоккайдо (п-в Осима) — культура камэгаока, Хоккайдо в целом — культура нусамай.

В это время обнаруживается культурообмен между различными областями [Мещеряков, Грачев 2003: 51; Окладников, Бродянский, Чан 1980: 63]. Повсеместно начали преобладать тонкостенные

Рис. 9. Керамический сосуд финального периода Дзёмон с красочным покрытием. Памятник Камэгаока (префектура Аомори).
Префектуральный краеведческий музей г. Аомори.
Источник: [The 62nd special exhibition 2006: 24]

сосуды небольших размеров: блюда, тарелки, чаши на поддонах, горшки (с носиками и без), вазы со сферическим туловом и короткой шейкой. Они украшались веревочными оттисками, резными линиями, налепными жгутами и рельефными изображениями с сочетанием рубчиков и желобков. Пара резных линий, расположенных на некотором расстоянии друг от друга, могла образовывать ленту, внутреннее поле которой заполнялось различными декоративными элементами (памятники Камэгаока (Тохоку), Ангё (Канто)), встречаются сосуды с окраской (памятники Камэгаока, Корэкава (Аомори), Сядай-1 (Хоккайдо)) (рис. 9). В целом, венчики утратили вычурность и стали проще [Васильевский 1981: 41; Киддер 2003: 74; Окладников, Бродянский, Чан 1980: 65].

Постепенно в западных районах Японии все отчетливее проступает влияние континентальной культуры яёй. Форма и орнамент керамики видоизменились.

Одна из наиболее характерных находок, относящихся к эпохе Дзёмон, — фигурки *догу*. Они встречаются по всей территории Японских островов: от Кюсю на юге до Хоккайдо на севере, но наиболее широко и разнообразно представлены в Восточной Японии (рис. 10).

Рис. 10. Керамическая фигурка *догу* финального периода Дзёмон. Памятник Макумаэ (префектура Иватэ). Комитет по вопросам образования г. Итинохэ. Источник: [The 62nd special exhibition 2006: 35]

Древнейшие *догу* имели вид небольшой пластины с изображением женской груди. В среднем Дзёмоне появились более реалистичные фигурки с конечностями, их размер увеличился. Постепенно происходило усложнение формы, так что в позднем Дзёмоне стали изготавливаться даже сидящие фигурки со скрещенными на груди руками [Окладников, Бродянский, Чан 1980: 90].

Как правило, археологи находят поврежденные фигурки, что позволяет рассматривать их в качестве ритуальных предметов, умышленно сломанных с магическими целями. Есть *догу*, окрашенные охрой, а также полые фигурки с детскими костями внутри. На некоторых фигурках отмечен декор, имитирующий украшения.

Догу обнаруживают не только на поселениях, но и в могильниках. Особенно часто они связаны с погребальным обрядом в позднем и финальном Дзёмоне [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 160]. В некоторых районах Японии попадаются *догу* в погребениях с оградками из камней (могильник Такасаго (Хоккайдо), памятники Аматаки, Курохама, Сугисава (Тохоку), Касори, Гохара (Канто)), а также в специальных ямках (памятники Такасаго и Тэбонайно (Хоккайдо)). Возможно, традиция создания специальных ямок с фигурками предшествовала айнской похоронной практике¹⁵ [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 160, 167; Окладников, Бродянский, Чан 1980: 88].

Нередки находки и зооморфных *догу* (стоянка Сацукари (Хоккайдо)). Зооморфные скульптурки в виде медведей, обезьян, собак, кабанов и черепах встречаются в археологических памятниках Восточной, Центральной и Северной Японии. Они выступали символическими воплощениями духов животных и использовались в культовых целях [Киддер 2003: 85].

На Хонсю и Хоккайдо, кроме *догу*, иногда встречаются керамические маски. Фрагмент одной из них размером 13–15 см был обнаружен в памятнике Маваки, расположенном в окрестностях г. Ното (уезд Фугэси) префектуры Исикава (рис. 11). Этот археологический объект включает культурные слои с середины начального по середину позднего периода Дзёмон. Маска находилась в числе

¹⁵ По айнскому обычаю, когда человек погибал в море или на охоте и сородичи не могли найти его останки, из дерева делали статуэтку и погребали ее. Если позднее останки находили, то производили перезахоронение [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 167].

Рис. 11. Фрагмент керамической маски среднего периода Дзёмон. Памятник Маваки (префектура Исикава) (слева). Реконструкция маски из Маваки (в центре) и маска кокусёкуи театра но: (справа).
Источник: [Ueno 2004: 41, 42]

предметов, датируемых средним периодом¹⁶ [Ueno 2004: 161]. Еще одна небольшая керамическая маска, относящаяся к позднему Дзёмону, была найдена в памятнике Ассо, в г. Таканосу (уезд Китаакита) префектуры А�ита. Ее форма довольно точно повторяет внешние черты лица (моделировку глаз, носа и пр.). Возможно, обе находки представляют собой имитации масок из кожи, использовавшиеся прежде в обрядовых практиках¹⁷.

Примечательно, что предмет из Маваки был обнаружен вблизи деревянного столба. На Хоккайдо, в районе г. Титосэ, в памятнике Мамати АР-310, археологи также нашли керамическую маску Дзёмон позднего периода вместе со следом от столба (рис. 12)¹⁸.

¹⁶ Предмет по декору напоминает японскую маску кокусёкуи, использующуюся в театре Но: (рис. 11) [Ueno 2004: 161].

¹⁷ Для примера К. Уэно обратился к японскому празднику с масками *намахэгэ*, который по сей день проводится на территории от Хокуруку до Тохоку (рис. 13). В день праздника молодые люди надевают на себя большие маски демонов, соломенные плащи (яп. *мино*), берут бутафорное оружие и в таком облачении посещают дома. Там их угощают едой и сакэ, а они, в свою очередь, произносят поздравления [Ozawa 1999: 87]. Анализируя смысл названий праздников и истоки их происхождения, К. Уэно пришел к выводу, что праздник *намахэгэ* в древности был связан с обрядом сдирания кожи [Ueno 2004: 156].

¹⁸ Маска располагалась в 50 см от предполагаемого столба, на краю ямы. Можно предположить, что маска некогда была закреплена на столбе, но с течением времени столб сгнил и маска свалилась [Ueno 2004: 94].

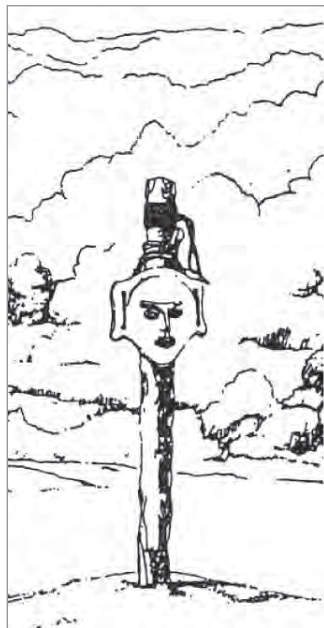

Рис. 12. Керамическая маска позднего периода Дзёмон. Памятник Мамати AP-310 (Хоккайдо) (слева). Реконструкция приспособления для крепления маски (справа). Источник: [The 62nd special exhibition 2006: 35; Ueno 2004: 94, 95]

Рис. 13. Праздник с масками *намахагэ* (префектура Акита).
Источник: [Ozawa 1999: 87]

По мнению К. Уэно, оба предмета (и столб, и маска) представляли собой один культовый комплекс. Обряд с таким комплексом распространён в настоящее время в некоторых районах Тохоку и связан с почитанием божества очага¹⁹. В древности маска и столб также могли иметь отношение к божеству очага [Ibid.: 94].

Некоторые маски эпохи Дзёмон, по всей видимости, использовали шаманы. В подтверждение этой гипотезы К. Уэно приводит примеры масок с асимметричными чертами, напоминающими лицо человека, находящегося в транс²⁰ (рис. 14) [Ibid.: 214]. О связи масок с шаманством свидетельствуют и размеры. Дзёмонские изделия, как правило, небольшие и похожи на маскоиды («ложные маски» без отверстий для глаз и рта) народов Сибири²¹.

Тории Рюдзо также обратил внимание на керамические куклы эпохи Дзёмон и маски, которыми эти куклы накрывались (рис. 15). Не исключено, что небольшой размер дзёмонских масок объясняется их использованием для кукол.

Интересный фрагмент керамической маски (нижняя часть) археологи обнаружили в префектуре Мияги. находка относится к среднему периоду Дзёмона и имеет сходство с деревянной маской айнов Курильских островов (рис. 16).

Важной в свете изучения древних культур Хонсю и Хоккайдо является их связь с Сахалином. В неолите Сахалина, как отмечалось выше, выделяются три этапа: ранний, средний и поздний, а также несколько локальных культур с характерной керамикой — южно-сахалинская (включая культуру сони), имчинская, седыхинская и анивская. Южно-сахалинская, имчинская и седыхинская куль-

¹⁹ В области Тохоку столб с безобразной маской (либо рисунком), почитающейся как божество очага, устанавливают вблизи очага и называют *камаотоко*, *хиотоко*, *камадзин* или *камаботокэ*. В области Одзикамати (Одзикамати гун) префектуры Мияги маски называют также *камагамисама*, а шест — *иваи-бо*.

²⁰ Традиция изготовления масок с искаженными чертами лица с эпохи Дзёмон дошла до Средних веков. Яркий пример — маска старухи из храма Тюсон-дзи, которая используется во время ежегодного праздника *эннэн*. Маска была изготовлена в эпоху Камакура и, по преданиям, отображала жрицу-шаманку.

²¹ Манси использовали в культах деревянную скульптуру с масками или маскоидами из бересты, эвенки — с металлическими масками. Величина некоторых маскоидов эвенков не превышала 2—4 см [Иванов 1975: 25].

Рис. 14. Керамическая маска финального периода Дзёмон с асимметричными чертами лица. Памятник Макумаэ (префектура Иватэ).
Комитет по вопросам образования г. Итинохэ.
Источник: [The 62nd special exhibition 2006: 36]

Рис. 15. Керамические изделия эпохи Дзёмон: антропоморфная фигурка (префектура Акита) и маски (префектуры Акита и Нагано).
Источник: [Тоrii 1919: pl. XVI]

Рис. 16. Деревянная маска и кукла айнов Курил (слева). Фрагмент керамической маски среднего периода Дзёмон. Раковинная куча Нумадзу (префектура Мияги) (справа). Источник: [Torii 1919: pl. XV; Ueno 2004: 97]

туры соотносятся со средним этапом неолита, а анивская — с эпохой перехода от позднего неолита к раннему железному веку [Василевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>; Василевский, Грищенко, Кузьмин, Орлова 2009: 76; Грищенко 2009: 18; Кузьмин 2005: 107].

Находки керамики периода раннего неолита отличает большое разнообразие, которое отчасти объясняют «волнообразным и дискретным характером миграционных процессов» [Василевский, Грищенко, Кузьмин, Орлова 2010: 19]. Среди находок типичны фрагменты плоскодонных сосудов с органической и минеральной примесью, декором в виде заглаживания раковинной, на дне некоторых прослеживаются ребристые отпечатки, оставшиеся от формовки изделия на раковине моллюска (стоянка Славная-4 (Южный Сахалин)). Формовка на раковине — прием, известный по керамике начального Дзёмона Хоккайдо [Василевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>; Грищенко 2009: 16]. Да и в целом гончарная продукция Сахалина обнаруживает заметное типологическое сходство с древнедзёмонской (стоянки Ятиё А, Акацука (Хоккайдо)), при

этом разделении на южный и северный ареалы пока не прослеживается [Василевский, Грищенко, Кузьмин, Орлова 2010: 19].

Средний неолит Южного Сахалина характеризует локальная культура сони, южные границы которой очерчены областью п-ва Крильон и о-ва Монерон, а северные — поселками Пильво и Ноглики. По времени памятники культуры сони (стоянка Садовники-2, поселения Кузнецово-3, 4, Стародубское-3 и др.) соотносятся с начальным этапом среднего периода.

В керамике сони преобладали плоскодонные сосуды с открытым устьем, без выделенной горловины, изготавливавшиеся из глины с примесью мелкорубленой травы. Дно и резервуар имели четырехугольную форму, венчики оформлялись треугольными выступами или лепными валиками (рис. 17). Этот тип керамики отличался как от южной — дзёмонской, так и от северной — нижнеамурской и приморской.

Рис. 17. Керамический сосуд сони эпохи среднего неолита. Стоянка Стародубское (Южный Сахалин). Университет Тохоку. Источник: фото О. Яншиной

История происхождения культуры сони и причины ее исчезновения (рубеж VI и V тыс. до н.э.) не установлены. По всей видимости, она существовала не более тысячи лет и была вытеснена культурой выходцев из низовьев Амура [Василевский, Грищенко, Кузьмин, Орлова 2010: 21; Василевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>; Грищенко 2009: 16].

Синхронно сони на Сахалине существовало еще несколько культур с аналогичной по технологическим признакам керамикой, в том числе в долине р. Тымь и на северном побережье [Василевский, Грищенко, Кузьмин, Орлова 2009: 76]. Об этих культурах практически ничего не известно.

К южносахалинской керамике конца среднего неолита можно отнести сосуды с яйцевидным туловом, открытым устьем и поддоном, изготовлявшиеся из теста с примесью толченой раковины моллюска (поселение Седых-1, керамика типа тунайча). Последний тип, тунайча, по многим показателям сближается с имчинской традицией [Там же].

Имчинская культура получила распространение на Северном Сахалине в середине V тыс. до н.э. (поселения Имчин-2, 12, Северо-Сахалинск-1 и др.). Она включала два этапа и соответственно два типа керамики: плоскодонной и с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком²². Очевидно, смена гончарных традиций (от сони к типам тунайча и имчин) объясняется миграцией на остров населения из районов Восточного Приамурья [Там же].

Своеобразием гончарной продукции отличались районы северо-восточного (памятники Сабо, Кадыланы, Русса) и северо-западного побережья Сахалина (памятники Теньги, Погиби, Вяхту, Лангры) [Шубина, Жушиховская 1986: 17, 18]. Но эти региональные культуры пока мало изучены.

Среди поздненеолитической керамики Южного Сахалина выделяются плоскодонные сосуды усеченно-биконической формы,

²² На первом этапе имчинской культуры сосуды были с рельефным линейным орнаментом (горизонтальные каннелюры), без орнамента или с гребенчатыми оттисками. При их изготовлении использовались глина с большой примесью органики и слабый обжиг. На втором этапе (поздний неолит) технология изготовления и декор несколько изменились — распространился метод обмазки поверхности, улучшилось качество обжига, а орнамент стал более разнообразным [Шубина, Жушиховская 1986: 17].

с прямым, слабоогнутым или отогнутым наружу венчиком и пояском в верхней части (поселения Седых-1, Охотское-3)²³. Форма и декор сосудов седыхинского типа свидетельствуют о тесных связях с нижеамурскими культурами вознесенновского типа. Одно из характерных соответствий — окраска²⁴ [Василевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>; Шубина 2002: 50, 55]. Северосахалинскую керамику, в свою очередь, с посудой низовьев Амура сближает орнамент в виде наклонных гребенчатых штампов (поселение Ноглики-1)²⁵ [Козырева 1967: 54, 64].

В целом же в период позднего неолита на всей территории Сахалина произошло развитие приамурских неолитических традиций, отличавшихся от дзёмонских. Для них характерны «примесь толченой раковины с моллюском, а не растительных волокон или песка; орнаментация гребенчатым штампом, а не лепными фризами и шнуром» [Василевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>; Дерюгин 2009: 52].

На завершающем этапе позднего неолита, как отмечалось выше, на Сахалине получила распространение анивская культура. Она имела тесную связь с культурой сусуя (см. ниже).

Древние культуры Курильских островов изучены слабо. Памятники палеолита пока не найдены [Василевский, Грищенко, Кузьмин, Орлова 2009: 76]. По результатам археологических исследова-

²³ Южносахалинская керамика изготавливалась из глины, содержащей толченую раковину или песок. Орнамент состоял из прямых, волнистых или спиралевидных резных линий, геометрических фигур с применением лощения и окраски (поселение Седых-1, керамика типа Седых). Встречаются сосуды без орнамента (поселение Охотское-3) и с волнистыми оттисками, нанесенными зубчатым краем раковины (Охотское-3).

²⁴ Окраска обнаруживается также на хоккайдской керамике позднего Дзёмона. На Хоккайдо, по мнению А. А. Василевского, крашенная посуда проникала с континента через Сахалин [Василевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>].

²⁵ Тесто керамики Северного Сахалина было без примеси или с небольшой долей песка и мелкого гравия. Венчики декорировались налепными жгутами, а также заглаженными, углубленными полосами, короткими наклонными оттисками гребенчатого штампа. У некоторых сосудов стенки украшались гребенчатым штампом (короткие наклонные оттиски, иногда перекрещивающиеся, а также вертикальный гребенчатый зигзаг), пересекающимися резными насечками [Козырева 1967: 47].

дований, проводившихся на Итурупе, Кунашире и Симушире, возраст древних неолитических поселений с жилищами восходит к рубежу среднего и позднего неолита (4200—2200 л.н.), хотя на Итурупе известны археологические стоянки более раннего времени (7000 л.н.) [Василевский, Грищенко, Кузьмин, Орлова 2009: 77; Шубин 1986: 13; Yanshina, Kuzmin, Burr 2009: 31].

Находки, сделанные на Итурупе, характеризует прежде всего керамика с веревочными оттисками-вдавлениями древностью около 7 тыс. л.н. (стоянки Янкито-1, 2). На Курилах она самая ранняя и сближается с керамикой Хоккайдо раннего Дзёмона [Yanshina, Kuzmin, Burr 2009: 31]. Кроме того, здесь найдено много сосудов, аналогичных охотским (поселение Куйбышевское), а на Кунашире — изделий, по многим показателям сближающихся с дзёмонскими среднего и позднего периодов (поселение Серноводское)²⁶ [Василевский, Грищенко, Кузьмин, Орлова 2010: 22; Васильевский 1973: 170—172; Прокофьев 1986: 19].

Наличие на Курилах охотской керамики, получившей распространение также на Сахалине и Северном Хоккайдо, свидетельствует, в частности, о появлении (приблизительно в конце I тыс. до н.э.) новой волны переселенцев — носителей охотской культуры [Васильевский 1973: 177; Василевский, Грищенко, Кузьмин, Орлова 2009: 77; Шубин 1986: 77].

В памятниках Дзёмона на Японских островах, кроме керамики, важен каменный инвентарь. Каменная индустрия развивалась постепенно, синхронно развитию керамики и достигла совершенства в позднем Дзёмоне.

Изделия из камня изготавливались известными способами: сколом, оббивкой, ретушированием и шлифовкой. Наиболее древняя из них — техника скола, которая характерна еще для докерамических культур. В эпоху Дзёмона чаще всего применялась оббивка в сочетании с ретушью и шлифовкой.

²⁶ Среди керамической продукции Итурупа — плоскодонные горшки, изготовленные из глины с примесью органических веществ. Украшением служили веревочные оттиски, пояски из коротких насечек, налепные жгуты, шишки, различные лепные фигуры. На Кунашире найдено множество фрагментов сосудов из теста с примесью песка, с веревочными оттисками, рельефными жгутами и круглыми вдавлениями [Васильевский 1973: 170—172].

Материалом в каменных технологиях служили как твердые породы (кремнистый сланец, андезит, кремьень, обсидиан, кварц), так и более мягкие (змеевик, известняк, песчаник). Применялись также яшма, жадеит, аргиллит, диорит, смоляной камень (разновидность вулканического стекла). Техника обработки во многом зависела от характера материала [Воробьев 1958: 45, 46; Киддер 2003: 56].

В начальном Дзёмоне бытовали топоры, наконечники стрел, скребковидные ножи. В распространении тех или иных видов инструментария выделяются устойчивые зоны. Так, скребковидные ножи, хотя и были распространены повсеместно, чаще применялись населением южной части Хоккайдо и северо-восточной области Хонсю — Тохоку. Материалом служили кремнистые породы, обсидиан.

По форме ножи делились на изделия с продольным и поперечным лезвием, черешок для рукояти оформлялся в виде своеобразного выступа, к которому крепилась рукоять (на черешках иногда встречаются следы смолы, асфальта, фрагменты шнура) [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 170; Воробьев 1958: 19, 20; Окладников, Бродянский, Чан 1980: 69]. Использовались ножевидные орудия для открывания створок раковин, разрезания шкур, разделки животных и резки овощей [Киддер 2003: 59].

Топоры были неправильной формы, реже овальные в сечении или плоские (стоянка Инаридай (Канто))²⁷. Их привязывали к палке в форме крюка таким образом, что готовое изделие напоминало мотыгу. Подобного рода предметы в более позднее время встречались у айнов.

Кроме вышеперечисленных орудий, археологи часто находят резцы, скребки, пластины, бифасы, проколки, долота.

Отметим, что на начальной стадии неолита фиксируется относительное технологическое единство каменных индустрий Хоккайдо и Южного Сахалина. Оно прослеживается по ножам типа *микосиба* и черешковым остриям *татакава* [Васильевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>]. Кроме того, в памятниках от XIII до VIII тыс. до н.э. обнаруживается влияние миграционной волны из

²⁷ При изготовлении топора каменную заготовку привязывали к палке в форме крюка. Таким образом, готовое орудие напоминало мотыгу. Это орудие могло использоваться не только для рубки деревьев и кустарников, но и для копки земли.

Восточной Сибири, Приамурья и отчасти Приморья, которая двигалась на Хоккайдо через Нижний Амур и Сахалин [Васильевский 1973: 160, 161].

В раннем Дзёмоне на островах Японского архипелага широко распространилась техника шлифовки — явление, достаточно редкое для синхронных культур каменного века других регионов Земли. Появились скрипкообразные топоры с лезвием, отшлифованным с обеих сторон, плоские овальные топоры (из расколотой вдоль гальки), отшлифованные по всей поверхности с одной стороны, а также плечиковые топоры (стоянки Кикуна и Сэкияма (Канто)). Известны находки рубящих орудий с отверстием для обуха, которые локализируются на стоянках северо-востока Хонсю и Хоккайдо типа Курохама [Воробьев 1958: 22].

Упомянем предметы, которые можно отнести к разряду украшений, — это серьги и бусы, изготовлявшиеся из змеевика, стеатита, изредка из нефрита (стоянка Мурухама (Тохоку))²⁸. Хотя залежи нефрита на Японском архипелаге дзёмонцам были известны и они вполне могли изготавливать нефритовые украшения самостоятельно, не исключено, что некоторые готовые изделия ввозились с материка Юго-Восточной Азии [Там же: 41].

На стоянках среднего Дзёмона каменный инвентарь отличался большим разнообразием. Существенным добавлением стали жезлы *сэкибо* (стоянки Ивао (Токай), Морисита (Канто), Китасава (Хокурику)) (рис. 18). *Сэкибо* изготавливались из андезита или хлоритового сланца, в поперечном сечении были круглые или овальные, оканчивались одним навершием или двумя, в длину достигали око-

Рис. 18. Дубинка *сэкибо* позднего периода Дзёмон. Титосэ (Хоккайдо). Собрание Судзуки Акихиро. Источник: [The 62nd special exhibition 2006: 40]

²⁸ Украшения в эпоху Дзёмон изготавливались не только из камня, но и из раковин, глины, зубов и клыков животных. В то время они могли играть роль оберегов или служить знаками социальной, групповой, возрастной и половой дифференциации [Мещеряков, Грачев 2003: 53]. Если для изготовления серег и бус подходил практически любой материал, то браслеты чаще всего делались из раковин. Такие украшения были распространены в южных районах Японии [Киддер 2003: 76].

ло 200 см. Для среднего Дзёмона характерны крупные дубинки, для позднего и финального Дзёмона — небольшие. Большинство исследователей считают, что *экибо* были связаны с фаллическим культом [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 147].

В позднем Дзёмоне в Тохоку и на Хоккайдо распространились шлифованные четырехгранные топоры, которые редко встречаются в центральных районах Хонсю и вообще не обнаружены на Кюсю. На Хонсю стали использоваться цилиндрические топоры с круглыми краями и желобком посередине (стоянка Хориноути (Канто)). Эти предметы, а также ряд других находок свидетельствуют о значительной дифференциации локальных традиций в отмеченный период. Кроме этого, развивается техника обработки каменных орудий, а на стадии финального Дзёмона к изделиям из твердых пород камня добавились нефритовые рубящие орудия, видимо, использовавшиеся в особых случаях (стоянка Камэгаока (Тохоку)) [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 172, 173; Воробьев 1958: 25, 29].

Естественно, носители неолитических культур Сахалина и Курильских островов изготавливали каменный инвентарь преимущественно из местных пород — кремней и сланцев, реже — из фельзита и алеврита (памятник Имчин). Но заметное распространение получил и обсидиан, импортировавшийся с Хоккайдо. В целом, индустрия Южного Сахалина (вплоть до 9 тыс. л.н.) развивалась в русле восточноазиатских традиций, а Северного — континентальных [Васильевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>].

В раннеолитических памятниках Южного Сахалина следует обратить внимание на наконечники стрел: черешковые, с выемчатым и прямым основанием. Черешковые острия ярче всего отражают восточноазиатские связи [Васильевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>; Грищенко, Можаяев 2009: 549; Шубина 1986: 24].

Среди продукции северной части острова выделяются лодкообразные заготовки клиновидных нуклеусов, аналогичные находкам из памятников Приморья (Устиновка), двусторонне обработанные остроконечники, ромбовидные наконечники стрел и ножевидные пластины, похожие на изделия из Приамурья (памятники Осиповка, Кондон), клиновидные нуклеусы, микронуклеусы, бифасные острия, ножевидные пластины, резцы и скребки, напоминающие орудия из комплексов Северо-Восточного Хоккайдо (памятники Сиратаки-30, 32, Татикарусинаи, Окэдо, Саккоцу) и Юго-Западного Хоккайдо (памятники Татикава, Тогэсита). Кроме того,

многогранные резцы полиэдрического типа напоминают предметы из комплексов Прибайкалья на Ангаре [Васильевский 1973: 159, 160, 161].

Если в раннем неолите на Сахалине преобладала техника изготовления орудий на пластинах, то заключительный этап раннего периода ознаменовался появлением орудий на отщепах [Грищенко 2009: 15]. В среднем неолите они заняли доминирующее положение, хотя в некоторых районах продолжали использоваться и пластинчатые техники (поселение Ноглики-1 (Северный Сахалин), стоянка Старо-Русское (Южный Сахалин)) [Васильевский 1973: 162; Голубев, Кононенко 1987: 4].

В это время перестал играть существенную роль обсидиан. Наметилась отчетливая ориентация на местное сырье, что объясняют ведущей ролью мигрантов с севера, не участвовавших в обсидиановом обмене, с одной стороны, и упадком техники пластин и микропластин — с другой [Васильевский, Грищенко, Кузьмин, Орлова 2010: 21].

Среди орудий на передний план вышли рукояточные ножи. Встречаются также ножи безрукояточные и с намечающейся рукоятью, концевые и боковые скребки, сверла, тесла, долота, наконечники копий (бесчерешковые, лавролистной или иволистной формы), наконечники стрел (черешковые, треугольные или лавролистные) (поселение Кузнецово-3). Изготавливались они методом скола или расщепления, обрабатывались одно-двусторонним ударным либо отжимным ретушированием, а также шлифовкой [Голубев, Кононенко 1987: 4, 6]. В целом, на всей территории Сахалина происходило распространение приамурских неолитических традиций [Васильевский, Грищенко, Кузьмин, Орлова 2010: 21; Васильевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>].

В поздний период на Сахалине стала преобладать техника двусторонней ударной и отжимной ретуши, а также шлифовка. Появились рубящие орудия с полной шлифовкой. На Хоккайдо полностью шлифованный инвентарь стал применяться гораздо раньше [Васильевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>].

Что касается Курильских островов, на Итурупе в комплексе, датированном концом III — началом II тыс. до н.э., встречаются изделия, схожие с микропластинами, а также орудия на пластинчатых отщепах, напоминающие раннеолитическую продукцию (близ пос. Куйбышево). Сырьем для них здесь служили обсидиан, крем-

невые породы, базальт, кварцит, кремнистый сланец. Среди орудий найдены наконечники стрел (треугольные черешковые, с вогнутым или прямым основанием, листовидные), рукояточные скребки концевого типа, плечиковые проколки, резцы, ножи (в том числе с рукоятями). Предметы обработаны односторонней или двусторонней ретушью, на многих есть следы сколов. В развитом и позднем неолите распространяется шлифовка [Васильевский 1973: 163, 165].

Изделия, аналогичные курильским, попадают в разновременных памятниках Приморья, Приамурья, Камчатки и Японии [Там же]. Постепенно связи с соседними регионами (включая Сахалин) становятся более отчетливыми и даже достигают Алеутских островов [Васильевский 1973: 170, 173, 174; Василевский, Грищенко, Кузьмин, Орлова 2009: 77]. Однако специфика Курил заключается в том, что каменные орудия — топоры, ножи, наконечники стрел — использовались населением очень долго. Объяснить это можно по-разному: периферийным положением гряды, относительной изолированностью местного населения и в связи с этим отсутствием навыков изготовления железа, а также дороговизной привозной продукции.

Особого внимания заслуживают костяные и роговые предметы периода Дзёмон — наконечники гарпунов, рыболовные крюки, шилья, иглы, наконечники стрел и копий, гребни, шпильки для волос. В основном они делались из костей кита и ластоногих, рогов и костей оленя, акульих зубов.

В памятнике начального периода Дзёмон археологам удалось найти костяную иглу с ушком (стоянка Сибогутти (Канто)). Эта находка дает повод предположить, что уже в то время дзёмонцам было известно примитивное шитье одежды [Воробьев 1958: 21]. В последующих памятниках раннего периода иглы с ушками встречаются чаще (стоянки Кикунэ, Курохама, Мороисо) [Там же: 22].

Наконечники стрел отличаются по форме в зависимости от материала. Предметы из зубов или клыков сохраняют треугольную форму и снабжены отверстием для древка. Костяные изделия имеют форму стержня и иногда на острие содержат небольшие отростки [Там же: 48].

Некоторые костяные предметы явно относятся к культовым. Археологи находят их в раковинных кучах и на стоянках. Это, на-

Рис. 19. Мечевидный предмет культа из китовой кости позднего периода Дзёмон. Раковинная куча Китакоганэ (Хоккайдо).
Собрание Осима Наююки. Источник: [Oshima 2001: 129]

пример, «мечи» из памятников позднего периода Китакоганэ и Тои (Хоккайдо) (рис. 19). Пока не удастся выяснить, для чего они использовались.

Среди типичной костяной продукции чаще всего попадаются орудия рыбного промысла — поворотные и неповоротные гарпуны и рыболовные крюки — цельные или составные. В процентном соотношении цельных крюков значительно больше составных (двухсекционных). Их вырезали из оленьего рога в виде буквы «V», один край заостряли, а на другом делали несколько канавок для крепления лесы. Поскольку лесы не сохранились, сказать что-либо о материале и способе крепления невозможно.

Гарпуны неповоротного типа также изготавливались из оленьего рога или кости. В них есть боковое отверстие для веревки (с противоположного конца соединявшейся с древком) и гнездо для каменного наконечника. Наконечник в гнезде дополнительно крепился природным асфальтом. Сама костяная часть могла быть гладкой либо с зубцами, нижний конец чаще всего раздваивался. При попадании в животное костяная втулка с каменным наконечником слетала с древка, застревая в теле.

Поворотные гарпуны несколько отличаются формой: они снабжены открытым пазом для насаживания на соединительную муфту древка, а в центре несколько заужены — здесь привязывалась веревка. Когда гарпун попадал в цель, он соскакивал с муфты, но не просто застревал в жертве, а еще и поворачивался [Kodai-no morisaki URL: <http://kanesan.michikusa.jp>].

Считается, что поворотные гарпуны — изобретение более позднее. Оно стало «крупным прогрессивным шагом в развитии охотничьего вооружения приморского населения» [Васильевский 1981: 46]. Многочисленные находки поворотных гарпунов в период от начального до финального Дзёмона группируются на северо-востоке Хонсю и Хоккайдо. Скорее всего, здесь, на стыке теплых

и холодных течений, существовал промысел морских животных и крупных морских рыб. Интересно, что некоторые из поворотных гарпунов Хоккайдо аналогичны алеутским костяным изделиям, а некоторые — гарпунам янковской культуры²⁹ [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 179; Окладников, Бродянский, Чан 1980: 74].

По всей видимости, к среднему Дзёмону среди населения Японских островов уже получили широкое распространение лодки-долбленки, о чем свидетельствуют фрагменты одной из них (торфяник Камо (Канто)). Это были лодки с низкими бортами, округлыми носом и кормой, в длину они достигали 6–8 м. В некоторых устанавливались стационарные сидения, в некоторых — съемные. Лопатообразные весла имели короткую ручку³⁰. Не исключено, что был и другой тип лодок: с высоко поднятыми носом и кормой, с низкими бортами (по рисунку на игольнике из памятника Бэнтэндзима). Однако остатки таких лодок пока не найдены [Киддер 2003: 51, 62; Окладников, Бродянский, Чан 1980: 75].

Есть стоянки, на которых встречаются деревянные изделия, покрытые лаком. Древнейшие из таких находок относятся к раннему Дзёмону — 5 тыс. лет до н.э. (могильники Сюэн, Готэньяма (Хоккайдо), раковинные кучи Тёхэй (Тюбу), стоянки Дзюно (Канто), Корэкава (Тохоку))³¹ [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 140; Junko 2004: 215]. В Корэкава, в частности, археологи обнаружили лакированные гребни, браслеты, мечеобразный предмет и пять луков, в том числе более позднего времени (рис. 20). Один лук достигал в длину 173 см, остальные — 100–150 см. Хорошо сохранился малый лук, сделанный из двух узких полос криптомерии (японский кедр), обмотанных корой и, очевидно, склеенных друг с другом. Сверху он был покрыт слоем красного лака [Окладников 1946: 13; Киддер 2003: 49; Junko 2004: 215].

²⁹ В позднем Дзёмоне на Хоккайдо и в регионе Тохоку на Хонсю основания рыболовных крюков и иглы часто украшались резьбой, иногда шлифовались и полировались [Киддер 2003: 60].

³⁰ Судя по находке в торфе Камо, лодки могли снабжаться шестью парами весел, две из которых были большие, с широкими лопастями, а четыре — маленькие, с узкими лопастями.

³¹ Процесс производства лака включал сбор лакового сока, его очистку и придание цветовой окраски (красной или черной) [Junko 2004: 215].

Рис. 20. Фрагмент лакированного меча финального периода Дзёмон. Памятник Корэкава (префектура Аомори). Лаборатория по изучению Дзёмона г. Хатинохэ. Источник: [The 62nd special exhibition 2006: 27]

Интерес представляет лакированный гребень позднего Дзёмона (памятник Биби-4 (Хоккайдо)). На гребне был нанесен орнамент, аналогичный айнскому.

Таким образом, на всем протяжении Дзёмона (включая Дзюкудзёмон) на Японских островах широко применялась техника лакировки. Предполагается, что лаковая продукция была местного производства³² [Junko 2004: 215].

Что касается тканей, то их фрагменты с основой из скрученных нитей обнаруживаются на Хонсю на стоянках раннего Дзёмона (памятники Торихама (Тюбу), Саннай-Маруяма (Тохоку)), позднего (памятник (Сикоку)) и финального (памятники Исиго, Санно-Гакои (Тохоку)). Удалось установить, что в Санно-Гакои (префектура Мияги) текстиль был из крапивного волокна³³ [Ibid.: 216]. Особо важен фрагмент обгоревшей ткани из захоронения Сюэн (Хоккайдо). Он найден на костяке и напоминает айнскую одежду *аттуси* [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 147].

Об особенностях одежды населения Японии в эпоху Дзёмон некоторое представление дают и глиняные фигурки *догу*. Многие из них облачены в кафтаны с зауженными рукавами и штаны. Насколько правдоподобно изображалась одежда, ответить пока нельзя.

Как уже отмечалось, в северной части Хоккайдо археологи обнаружили изделие из тростника, которое реконструируется как циновка (памятник Хигасикусиро). Плетеные из растительного волокна предметы, включая сетки из виноградной лозы, были найдены

³² Одним из источников распространения лаковой утвари на Японском архипелаге мог быть импорт китайских товаров через Корею [Новикова 2000: 12].

³³ Аналогичные изделия (также из волокна крапивы) до сих пор производят в префектуре Ниигата. Они называются *ангин*.

в Тохоку (памятник Корэкава). Установлено, что для плетения в то время использовались также береста, луб вишни, кедра и кипариса. Дополнительным подтверждением того, что население Японских островов эпохи Дзёмон занималось плетением циновки и корзин, служат керамические сосуды позднего периода с отпечатками циновки на донцах: «...некоторые отпечатки четки и глубоки: возможно, они получились тогда, когда перед обжигом сырые сосуды вкладывали один в другой, перестилая их кусками циновки» [Киддер 2003: 64].

Особое внимание привлекают текстильные изделия, покрытые лаком. Самая ранняя находка, с основой из скрученных нитей, относится к начальному периоду (памятник Какиносима В (Хоккайдо)). По мнению археологов, это могло быть погребальное одеяние [Junko 2004: 216]. Ранним периодом датированы и скрученные нити из растительных волокон с двумя слоями лакового покрытия (памятник Дайбу (Тюбу)), а финальным периодом — еще 25 лакированных связок нитей (памятник Аота (Тюбу)). Установлено, что лакировались не только тканые изделия, но и плетеные, например корзины (памятник Корэкава (Тохоку)).

Хотя в производстве инвентаря и хозяйственном укладе на протяжении неолита прослеживаются последовательное развитие и преемственность традиций, в финальном Дзёмоне очевидно влияние энеолитической культуры яёй, проявившееся на Кюсю и в юго-западной части Хонсю. В то же время на Хоккайдо намечилось влияние северных континентальных культур.

Становление японской народности. Культуры яёй, кофун, дзокудзёмон, сацумон

Процесс этногенеза японцев охватывает значительный отрезок времени. Важным этапом стало проникновение на Японские острова в конце I тыс. до н.э. переселенцев с материковой Азии — представителей культуры яёй (III в. до н.э. — III в. н.э.). Мигранты являлись носителями традиций поливного рисосеяния и металлургии³⁴.

³⁴ Согласно данным антропологии, скелетные останки периода Яёй, найденные в разных частях Японии, демонстрируют значительное многообразие морфологических признаков населения. При этом на главных островах (исключая Окинаву и Хоккайдо) отмечены два основных типа:

По-видимому, основная масса переселенцев была тесно связана с выходцами как из Северо-Восточной, так и из Юго-Восточной Азии, в частности из Южного Китая, Северного Вьетнама (*донгшон*), Индонезии. В Японию они попадали через Корейский полуостров [Воробьев 1980: 58; Лаптев 2007: 31]. Одновременно с группами культуры яей на Хоккайдо проникали тунгусские группы, продвигавшиеся через Курильские острова и Сахалин.

Ко II в. н.э. из разнородных элементов яёй сложились два культурных комплекса: один — на севере о-ва Кюсю (культура бронзовых мечей), второй — на Хонсю, в районе Кинай (культура бронзовых колоколов *дотаку*). Известно, что население *ва* (под таким названием японские племена фигурируют в китайской летописи «Вэй Чжи (История царства Вэй)» III в. н.э.) севера Кюсю поддерживало тесные культурные и торговые связи с материком. Здесь получили распространение ритуальные бронзовые мечи. В районе Кинай, в отличие от Кюсю, широко использовались колокола *дотаку*, а также сельскохозяйственные орудия. Причинами послужили более пригодные для развития сельского хозяйства условия и относительная удаленность от материка. Удельный вес местных традиций здесь был выше, чем на Кюсю [Иофан 1974: 24].

Несмотря на распространение в Японии поливного рисосеяния, жители горных районов еще долгое время практиковали суходольное подсечное земледелие, охоту и собирательство. Одновременно население прибрежных районов активно занималось рыболовством и морским собирательством. Между обитателями внутренних и прибрежных районов происходил продуктообмен.

Все устройство древнего общества было пронизано культовой практикой. Присущие населению архипелага анимистические верования, судя по археологическим находкам, имели синкретический характер, впитав, помимо местных религиозных представлений, также и привнесенные с сопредельных территорий (включая разные части материка)³⁵. Постепенно важнейшее место в культах

первый — напоминающий по остеологическим характеристикам дзёмонцев, то есть коренных жителей, а второй — азиатских монголоидов, очевидно, иммигрантов с континента [Dodo, Ishida 1990: 280].

³⁵ Некоторые обряды, связанные с урожаем, находят параллели в сельскохозяйственных праздниках Юго-Восточной Азии и Индонезии [Ермокова 2002: 18].

заняло почитание семейно-родовых и племенных духов, а также божеств-покровителей, связанных с природными объектами и естественной средой — *ками*.

Обращают на себя внимание особенности и видоизменения погребального культа. В период Яёй, как и в предшествующую эпоху, погребения не отличались единообразием. Встречаются простые захоронения в земле, а также в деревянных гробах, каменных саркофагах, керамических сосудах. Костяки располагались и в вытянутом, и в скорченном положении. Практиковались повторные захоронения. Некоторые типы погребений наследуют традиции предшествующих эпох, другие представляются инновациями. Развитию погребальных традиций способствовали активные межкультурные контакты с Китаем и Кореей.

Грунтовые захоронения несколько отличались от аналогичных погребений эпохи Дзёмон. Основным различием было широкое использование (особенно в Западной Японии) могил вытянутой формы, что отражает отход от традиции хоронить покойников в скорченном положении. Тогда же получили распространение и погребения в керамических сосудах. Правда, их центр переместился с севера Кюсю в западные районы Хонсю.

Обычными для эпохи Яёй стали керамические сосуды-саркофаги, состоящие из двух сосудов, соединенных вместе. Покойник помещался внутрь в скорченном положении, после чего сосуд закрывался и закапывался в землю. Среди погребального инвентаря кувшинных захоронений встречается множество китайских изделий: стеклянные бусины и браслеты; железные топоры, ножи, наконечники алебард и копий; бронзовые зеркала и украшения.

Деревянные гробы имели форму длинного ящика с крышкой. Они собирались из досок, без гвоздей и помещались в могилу, размеры которой в целом составляли 1,5–2 м в длину, 0,5–1 м в ширину и около 30 см в глубину. Каменные саркофаги (яп. *сэканбо*) могли быть двух видов: либо из прямоугольных плит, либо из больших камней, складывавшихся в могильной яме наподобие ящика, при этом дно отсутствовало. Закрывались саркофаги четырьмя-пятью камнями, положенными сверху. Покойника и сопроводительный инвентарь помещали в саркофаг, после чего его закрывали и засыпали землей³⁶.

³⁶ В деревянных гробах и каменных саркофагах тела размещались как в скорченном положении, так и в вытянутом.

Могилы с сосудами, гробами и саркофагами могли иметь различные формы. Для эпохи Яёй типичны погребения *сисэкибо* (грунтовое захоронение с большим камнем на поверхности).

Приблизительно с III в. до н.э. получил распространение новый для Японии способ погребения *хо:кэйсю:ко:бо*, охвативший территории от Кюсю до южной части области Тохоку на Хонсю. Квадратный участок земли размером от 5 до 20 м окружался рвом, внутри, прямо в земле, сооружалась могила — в деревянном гробу, каменном саркофаге либо в керамическом сосуде. Могил на одном участке могло быть несколько; в этом случае, видимо, хоронили членов одной семьи.

В эпоху Яёй часто строились и погребения типа *функю:бо*, следы которых обнаруживаются еще в эпохе Дзёмон. Отличительной особенностью их было то, что могилы сооружались на холме, причем со временем появились искусственные насыпи. Способ захоронения также был различным (в деревянных гробах, керамических сосудах и пр.). Иногда для саркофагов устраивались деревянные камеры³⁷.

Также обнаруживаются могилы с деревянными погребальными камерами *моккакубо*, какие создавались в Китае уже в эпоху Инь. Они встречаются также в Корее и, скорее всего, попали в Японию под влиянием китайской или корейской культуры.

Переходя к описанию жилищ, следует отметить, что в эпоху Яёй продолжали сооружаться крытые тростником полуземлянки *татэана*. Они имели овальную или круглую форму размером примерно 5–7 м и глубиной 60–90 см.

Возводились жилища над углублением в земле. Края котлована укреплялись деревянными кольями. Каркас состоял из четырех опорных столбов и боковых жердей, расположенных под наклоном. Над крышей делалась специальная надстройка, служившая и для вентиляции помещения, и для защиты жилища от солнца. Пол покрывался галькой или циновками, в центре сооружался очаг. С распространением земледелия, помимо жилищ, в большом количестве начали строиться амбары *такаюка*, приподнятые над землей на четырех или восьми столбах. Стены амбаров были деревянными,

³⁷ Считается, что захоронения *функю:бо* оказали значительное влияние на становление курганных погребений кофун, в частности курганов типа *дзэнпо:ко:энфун*.

а крыша — тростниковая или соломенная. Лестницей служило наклонно прислоненное бревно с зарубками [Киддер 2003: 116, 117].

Начиная с III в. до н.э. необходимость в амбарах возрастала. При этом свайная конструкция *такаюка*, как уже отмечалось, стала прототипом традиционных японских жилищ и святилищ.

С наступлением Яёй в Японии получили развитие навыки шелководства и ткачества на местной основе. Заметное место в быту заняли керамическая утварь, металлические орудия, а также изделия из дерева, листьев, растительных волокон и коры. Однако каменные орудия не вышли из обихода. Продолжали использоваться и большие, грубо обработанные изделия, и шлифованные (наконечники стрел, топоры, ножи, долото, шила, иглы, диски для веретен).

Технология изготовления сосудов Яёй почти не отличалась от дзёмонской: при низкой температуре и без гончарного круга получались красноватые, довольно непрочные тонкостенные сосуды. Но глина была уже достаточно чистой, а форма и орнаментика претерпели значительные изменения. Типичными стали кувшины с широким округлым туловом, узким горлышком и расширяющимся кверху венчиком. Распространились также круглые плоские тарелки, глубокие плоскодонные сосуды с крышками, шаровидные горшки, чаши на высоком поддоне [Александров, Арутюнов, Бродянский 1982; Ксенофонтова 1980: 27; Лаптев 2007: 35]. В целом, в отличие от предшествующей эпохи, керамика стала более унифицированной [Киддер 2003: 156]. В орнаментике наметилось постепенное исчезновение налепного декора. Теперь сосуды начали украшать своеобразными гребенчатыми и значительно меньше — шнуровыми оттисками, процарапанными линиями, насечками, надколами или узором, нарисованным красной краской. Многие изделия вообще не орнаментировались³⁸.

³⁸ В зависимости от региона преобладали те или иные типы декора. На Кюсю и Хонсю в области Тюгоку, например, получил распространение декор из полуколец, напоминающих волны, прямых горизонтальных и перекрученных линий, зубьев, гребенчатых оттисков, сеток (памятники Хонмэ, Итадзукэ (Кюсю)). Для таких областей Хонсю, как Кинай и Канто, стал типичен декор в виде спиралей, горизонтальных и вертикальных линий, зубьев, гребенчатых оттисков, тонких отверстий по венчику, геометрических фигур и сеток (памятники Танокутияма (Кинай), Кугахара (Канто)) [Лаптев 2007: 41].

В формах и орнаментах сосудов эпохи Яёй прослеживается влияние керамических традиций Южной Кореи, Индокитая, Вьетнама, а некоторые изделия аналогичны китайской керамике ряда областей: бассейна рек Янцзы и Хуанхэ, Шаньдунского п-ва, Маньчжурии. В целом район Кинай больше тяготеет к культурным традициям Индокитая, а Кюсю — Корейского п-ва [Лаптев 2007: 52, 53, 73].

С самого начала носители культуры яёй были знакомы с металлическими орудиями (бронзовыми и железными). Распространение металла шло постепенно. Вначале использовались предметы континентального происхождения, а некоторое время спустя — собственные, изготавливавшиеся методомковки³⁹.

Если железная продукция в основном предназначалась для хозяйственных и военных целей, то бронзовая — для культовых. Это объясняется как особыми свойствами металлов, так и континентальной традицией.

С распространением металлических орудий быстро развилось искусство обработки дерева. Стало возможным изготавливать из дерева ткацкие станки, сельскохозяйственный инвентарь, ступы, а также всевозможную кухонную утварь: миски, чаши, ложки, черпаки. Однако посуда делалась и из других растительных материалов. Известно, например, что функцию тарелки выполняли сосуды *хиратэ*, состоявшие из скрепленных между собой листьев. Наследием эпохи Дзёмон стали плетеные сосуды из лозы и растительных волокон, коры березы, вишни, кедра и кипариса. В качестве утвари использовались также кости рыб и раковины [Киддер 2003: 123; Ксенофонта 1980: 26].

В конце III — начале IV в. н.э. племена острова Кюсю, объединившись, переместились на Хонсю, подчинили племена области Кинай — *куну* — и обосновались там. Они положили начало образованию царства Ямато.

Поскольку в ходе завоевания не было поголовного истребления населения, Ямато стало наследницей культуры и Северного

³⁹ Центром чернометаллургического производства являлись древнекитайские государства. Находки металлических изделий из погребений в Лундунпо, Шицзылине (близ Чанша) и Чэнцяо (близ Люхэ) датируются VI в. [Александров, Арутюнов, Бродянский 1982].

Кюсю, и Кинай⁴⁰. Традиции этих культур наложились на существовавшую здесь издавна сильную протоайнскую основу.

На ранней стадии Ямато представляло собой межплеменной союз — по сути, лишь одно из княжеств среди множества других, подобных ему общинно-родовых объединений, владевших сравнительно небольшими землями. В IV в. они включали так называемые «пять внутренних земель» — область, примерно ограничивающуюся современными городами Нара, Киото и Осака. Управлять владениями, в сущности, можно было путем «либо прямого военного насилия, либо временных договоренностей...» [Косарев В. Д. 2010: 140, 143]. Северо-восточные земли Хонсю и Эдзо (Хоккайдо) долгое время оставались вне досягаемости.

Глава Ямато, а также старейшины прочих кланов выполняли функции жрецов. В течение V–VI вв. они вели борьбу за власть. На этом фоне происходило становление и усиление служилой знати. Складывалась сложная общественная организация, характеризовавшаяся усилением социальной и имущественной дифференциации.

Процесс перехода от межплеменного союза к раннефеодальной государственности происходил довольно медленно и оформился лишь в VII–VIII вв., после так называемых реформ Тайка [Там же: 140].

Реформы Тайка осуществлялись при правителе Котоку (596–645 г., правил с 645 по 654 г.). Они послужили началом значительных социально-политических преобразований и становления централизованного монархического государства. Было введено новое административное деление, реорганизована система распределения земли, приняты унифицированные налоги и повинности, появилось множество других важных нововведений. За основу при этом бралась китайская модель.

Согласно данным антропологии, именно в период культуры ямато, получивший в японской историографии название «эпоха Кофун (курган)», активно формировался физический облик современного японца [Dodo, Ishida 1990: 279].

⁴⁰ В ходе завоевания региона Кинай племенами ва Кюсю местная обрядовая традиция была уничтожена в связи с истреблением жреческой верхушки, но сохранилось сельское хозяйство. Поэтому историко-религиозно-мифологическая сфера средневековой Японии восходит, по преимуществу, к племенам северного Кюсю, а традиционные японские предметы быта и тип жилища — к культурам Кинай [Арутюнов 1962: 8].

Большую часть населения в эпоху Кофун составляли свободные члены общины, занимавшиеся в основном земледелием, охотой и рыболовством, а также гончарством, солеварением, кузнечным ремеслом. Активно поддерживались дипломатические и торговые отношения с Кореей и Китаем, откуда, в частности, ввозилось сырье для изготовления металлических изделий. По мере распространения металла деревянные орудия начали вытесняться железными, что способствовало развитию земледелия. Площадь обрабатываемой земли расширялась, количество же выращиваемого риса возрастало.

Поселения эпохи Кофун также стали значительно шире, несколько изменилось устройство жилищ: кроме полуземлянок, распространяются наземные жилища.

Конструкция сельского наземного дома состояла из опорных столбов и шестов, стены штукатурились жидкой глинистой массой, двускатные крыши покрывались соломой. Для знати со временем стали возводиться большие усадьбы с изгородью. Они отличались сложным устройством — в качестве строительного материала использовались пиломатериалы и обрешетка под штукатурку [Киддер 2003: 175, 179].

Важным нововведением стало то, что приблизительно в V–VI вв. под влиянием корейской культуры во внутреннем устройстве жилищ получили распространение печи *камадо*⁴¹. Они сооружались возле стены (с северной или восточной стороны) из камней и глины и снабжались дымоотводным каналом. Такие печи использовали в основном для приготовления пищи.

Правителей Ямато, местных вождей и влиятельных особ хоронили в монументальных усыпальницах *кофун*. Наиболее типичной формой *кофун* Хонсю стали насыпные сооружения типа «замочной скважины» — *дзэмпо:ко:энфун*. Эти курганы впервые появились в области Нара в начале IV в. н.э., а затем распространились и на другие районы⁴² [Мещеряков, Грачев 2003: 84].

⁴¹ Самая ранняя находка *камадо* в Японии датируется III в. Она была обнаружена на Кюсю в префектуре Фукуока (памятник Нисидзин мати) [Shoda 2013: 585].

⁴² Территория проживания японцев в IX в. ограничивалась на севере префектурами Мияги и Иватэ. В VII–VIII вв. курганные захоронения *кофун* получили распространение до этих же границ (далее встречаются довольно редко).

Классический *кофун* (III–VI вв.) представлял собой насыпной холм со входом. Холм насыпался ярус за ярусом. Внутри сооружалась камера вертикального или горизонтального типа. Камеры были срубные, каменные или кирпичные. Саркофаг устанавливался внутри прямо на полу либо на глиняной платформе⁴³. Тела помещались в саркофаги как в скорченном, так и в вытянутом положении. Погребальная утварь включала бронзовые зеркала, металлическое оружие, доспехи, колчаны, орудия труда, подвески магатама, украшения (бусы и браслеты). Лишь некоторые из них помещались внутрь саркофагов.

Важную ритуально-символическую роль при захоронениях эпохи Кофун играли керамические скульптурные изображения *ханнива*, которые археологи во множестве находят на курганах. Сначала они выполнялись в виде полых цилиндров с отверстиями в стенках, позднее — в форме человеческих фигурок, а еще позже — как миниатюры животных, лодок, повозок, строений. Предполагается, что эти предметы должны были сопровождать душу покойного в загробный мир, а также выполнять охранительную функцию.

Погребения кофун на территории Тохоку несколько отличались от классических курганов и были представлены тремя типами. Они назывались *мацуки-кофун* (*кофун* заключительного периода). Самый ранний тип относится к середине VII–VIII вв. Он представлял собой глубокую яму, в которую помещался саркофаг. Сверху возводилась насыпь, окружавшаяся рвом с водой. В конце VII–VIII вв. ямы для саркофага (с дном, выложенным камнем) стали менее глубокими, а с середины VIII в. вообще исчезли. Саркофаги начали обкладывать камнями, сверху помещать плиту и сооружать холм. В отличие от «классических» *кофун*, в *мацуки-кофун* вход отсутствовал. На юге Тохоку изредка встречаются и классические *кофун*, но сказать о них что-либо определенное нельзя. В VIII в. культура кофун проникла на юг Хоккайдо.

⁴³ Вначале саркофаги изготавливались из цельного ствола дерева и представляли собой колоды. Позднее возобладал обычай хоронить в деревянных гробах, обмазанных глиной (в курганах без каменной камеры), деревянных составных гробах, а также в каменных саркофагах, напоминавших по форме лодку, расщепленный бамбук или домик. К концу Кофуна появились деревянные гробы, покрытые лаком, и гробы, сделанные из склеенных при помощи лака полотен ткани.

На позднем этапе эпохи Кофун расширился круг людей, которых хоронили в курганах. В одной камере могли хоронить двух и более покойных. Тем не менее на большую часть населения такая форма погребения не распространилась [Чан Су Бу 1988 URL: <http://kronk.narod.ru>]. Население предпочитало простые погребения в земле — *доко:бо* и захоронения в могилах, выложенных каменными плитами или камнями, — *сэкканбо*.

К этому этапу относится появление горизонтальных могильных ям *ёкоана*. Особенно много их на Кюсю и Хонсю, частично включая область Тохоку. Севернее префектур Акита и Иватэ погребений *ёкоана* не обнаружено [Matsumoto 2006: 63].

Горизонтальные погребения строились в основном на склонах гор и холмов (на одном месте могло находиться от нескольких десятков до нескольких сотен ям). В горе выкапывались пещеры, в каждую из них помещался усопший с принадлежавшей ему утварью, после чего вход закрывался камнем. Но известны и ямы, сделанные на равнине. Для этого рыли шахту глубиной около 3 м и диаметром 1 м, а затем на уровне дна копали небольшой туннель высотой около 1–1,5 м и длиной 2–3 м. Такие захоронения получили распространение на Кюсю [Чан Су Бу 1988 URL: <http://kronk.narod.ru>]. На северо-востоке Хонсю, как и на Хоккайдо, долгое время могилами служили погребальные ямы *доко:бо* без насыпей.

Следует отметить, что, по мнению ряда авторов, новшества, которые наблюдались в строительстве погребений курганного типа, пришли в Японию с материка. Тогда же наблюдалось заимствование конфуцианских и даосских идей, а также буддизма махаяна. Привнесенные обряды нередко принимали форму народных верований⁴⁴ [Игнатович 1987: 163; Мещеряков 2002: 34].

Предпосылки для распространения буддизма возникли, когда Ямато стало утрачивать черты родоплеменного союза. Появление

⁴⁴ Мифологии эпохи Кофун было присуще трехчленное деление мироздания, характерное для многих мифологических систем (в том числе и айнской). Она включала верхний (небесный) мир, земной и нижний (подземный). Верхний мир являлся обиталищем богини Аमतэрасу и божеств, связанных с ней родством. В среднем мире обитали земные (местные) божества и духи, произведенные высшими богами, а также люди. Нижний мир — «страна мрака» — рассматривался как символ абсолютной темноты, место обитания божеств мрака. На позднейшем этапе появился еще один мир — «страна бессмертных» [Игнатович 1987: 52].

на Японских островах этого учения относится приблизительно к середине VI в. Важнейшими факторами, обусловившими его проникновение, были особые социально-политические условия, подготовка и проведение реформ земельной системы и административного управления. В тот период к культурному классу в Японии принадлежали выходцы с континента корейско-китайского происхождения — именно они способствовали внедрению новой доктрины. Со временем буддизм приобрел черты государственной идеологии [Игнатович 1987: 43; Мещеряков 2002: 136].

Возвращаясь к материальной культуре, отметим, что в быту представители Ямато продолжали изготавливать керамическую утварь, изделия из металла, дерева и растительных волокон. Небольшие керамические тарелки, различного рода миски и чаши (на поддонах, с крышками и без крышек) назывались хадзиками⁴⁵. Они производились без гончарного круга, обжигались при низкой температуре, были красноватого цвета и, как правило, не орнаментировались. Использовались хадзики как повседневная, а также как церемониальная посуда.

С середины V в. на Хонсю в области Синсю (префектура Нагано) фиксируется необычная техника обработки хадзики: на внутреннюю поверхность раскаленного изделия наносили органику и таким образом покрывали углеродом. Поскольку сосуды изнутри приобретали черный цвет, в научной литературе их принято называть утигурохадзики [Matsumoto 2006: 122]. Кроме этого, в V в. появилась новая разновидность керамики пепельного цвета суэки (рис. 21). Это были прочные сосуды континентального происхождения, изготавливавшиеся на гончарном круге и в гончарной печи при температуре 1200 градусов. Ассортимент продукции включал большие кувшины с широким или узким коротким горлышком, кувшины с узким и высоким горлышком, небольшие кувшины с отверстием на тулове, горшки, блюда с крышкой, чаши на высоком поддоне, пиалы. Такой посудой пользовалось главным образом привилегированное сословие [Чан Су Бу 1988 URL: <http://kronk.narod.ru>].

Кроме керамики, особую роль играл металл, в основном железо. Из железа производились сельскохозяйственные инструменты, рыболовные и ремесленные орудия. Среди военного сословия по-

⁴⁵ Сосуды хадзики просуществовали в Японии вплоть до X–XI вв., времени, когда посуду стали изготавливать из дерева.

Рис. 21. Керамический сосуд суэки эпохи Сацумон.
Памятник ТК-67 (Хоккайдо). Комитет по вопросам образования
г. Китами. Источник: [Kodai horro: 2008: 37]

лучила распространение и железная защитная амуниция, включая шлемы с кирасами (из горизонтальных полос), а также длинные однолезвийные мечи (с кольцевидным навершием рукояти). Основным способом производства железных изделий продолжала оставатьсяковка.

Индустрия металлообработки не ограничивалась лишь железом. Для изготовления стрел, зеркал, украшений, деталей конской сбруи часто применялась бронза [Киддер 2003: 222]. С VII в. предпринимались попытки делать посуду из меди и серебра [Ксенофонта 1980: 26].

Постепенно расширялся ассортимент деревянной утвари. Миски и чаши японцы выдалбливали, подносы собирали из дощечек, а бочкообразные сосуды — из деревянных полос, соединенных

в кольца [Ксенофонтова 1980: 26]. В то время утварь не лакировалась, хотя лаковая продукция китайского производства ввозилась⁴⁶. Из растительных волокон плели корзины.

Что касается одежды, то в эпоху Кофун большинство населения носило изделия из конопли, тогда как представители родовой аристократии — из шелка. Мужской костюм состоял из длинного, перехваченного поясом кафтана с узкими рукавами, подвязываемыми у локтей и запястий (яп. *кину*), и свободных штанов, подвязываемых под коленями (яп. *хакама*). Кафтаны шились с глубоким запахом, без вставки. Женщины носили аналогичные кафтаны и распашные юбки (яп. *мо*). В дальнейшем одежда претерпела значительные изменения.

После образования государства Ямато японцы начали продвигаться на север, осваивая новые территории и включая их в зону культурного влияния⁴⁷. При этом обитатели северных областей Хонсю не представляли однородного целого. В японских хрониках упоминаются туземные племена *эбису*, *цугумо*, *кудзу* и другие, которые порой противопоставляются друг другу, а иногда рассматриваются как одно целое [Арутюнов 1957: 4; Иофан 1974: 36]. Так или иначе, осваивать новые земли приходилось с огромным трудом — требовалось налаживать отношения с местной родоплеменной знатью и подвластным ей населением. В результате «на просторах Канто и Тохоку происходила “эмисизация” удельной аристократии», зачастую становившейся независимой от центральной власти [Косарев В. Д. 2010: 146].

⁴⁶ Самыми ранними образцами японской лаковой продукции считаются меч с ножами, изготовленный с применением черного лака и золота, который датируется 756 г., а также две стрелы из собраний Национального музея Токио, относящиеся к той же эпохе [Новикова 2000: 12]. В период Нара (645–794) из лака стали изготавливать буддийскую скульптуру и украшения государственных построек, а в IX–X вв. — храмовую и светскую утварь [Там же].

⁴⁷ Начиная с эпохи Кофун вплоть до эпохи Хэйан (794–1185) японцы подразделяли окружающий мир на несколько зон, включавших центр (яп. *кинаи*), где располагалась столица и жила аристократия, близлежащие к центру земли (яп. *кигаи*), принадлежавшие кланам удельных правителей, более отдаленные земли (яп. *сэбан*), на которых селились и японцы, и иммигранты с континента, а также периферию (яп. *итэки*), населенную независимыми «варварами» [Косарев 2010: 142].

История Хоккайдо не знала периода Яёй. Приблизительно в конце I тыс. до н.э. здесь началась эпоха Дзокудзёмон (Эпидзёмон) (III в. до н.э. — V–VI вв. н.э.). Как и до этого, сохранились две культурные области — северо-восточная и юго-западная [Kumamoto 2003: 50].

Хотя туземцы южной части Хоккайдо уже в III–I тыс. до н.э. занимались земледелием, культура возделывания риса в северных землях отсутствовала. Только с конца XVII в. японцы начали выращивать здесь рис [Арутюнов, Щебеньков 1992: 41]. Хозяйственную основу культуры дзокудзёмон составляли охота, рыболовство и собирательство.

На протяжении Дзокудзёмона получили распространение погребения в форме округлых ям диаметром 1–2 м и глубиной до 1 м (памятники Бодзуяма, Кютоёхирагавакахан, Момидзияма, Ваккаой (Хоккайдо)) [Takahashi 2003: 47]. Встречаются также ямы овальные и прямоугольные со скругленными углами (памятник Такубосита (Тохоку)). Скопления могил иногда образовывали кладбища (памятник Кю:тоёхирагавакахан) [Ibid.].

Костяки в могилах располагались в скорченном положении, нередко с ориентацией головы на восток (стоянка Токорогавакако, погребение № 988a). Поскольку в некоторых культурных зонах ориентация значительно различалась, следует полагать, что религиозные воззрения и обычаи жителей этих зон были разными⁴⁸.

Среди погребального инвентаря встречаются янтарные бусы, железные ножи, каменные наконечники стрел, фрагменты керамических сосудов. В некоторых погребениях археологи находят ямки от небольших столбов неизвестного назначения [Zokujuou:mon bunka URL: <http://www.city.kitami.lg.jp>].

Если говорить о строительстве жилья, то наследием предшествующих традиций можно считать полуземлянки, имевшие каркас из опорных столбов внутри котлована и боковых жердей, располагавшихся по периметру (рис. 22). Котлованы были округлые, реже овальные или в форме неровного квадрата. В центре или чуть в стороне находился очаг, выложенный камнями (стоянка Токорогавакако) [Kumamoto 2003: 62]. Помимо этого, продолжали созда-

⁴⁸ Носители культуры эсан хоронили умерших, ориентируя их головой на северо-запад, а носители культуры эбэцу — на юго-восток (о культурах эсан и эбэцу см. далее).

Рис. 22. Реконструкция полуподземного жилища эпохи Дзюкудзёмон.
Источник: [Zokujuyo:mon bunka URL: <http://www.city.kitami.lg.jp>]

ваться жилища, по форме напоминающие зеркала, то есть округлые, с боковым коридорообразным входом. Как уже отмечалось, жилища такого типа начали строиться в юго-западной части Хоккайдо в финальном Дзёмоне (стоянки Саказура-2, Тосамупоро). В Дзюкудзёмоне они еще более распространились, в том числе в центральной части Хоккайдо и других областях (стоянки Усакумай, Кютоёхирагавакахан, Минамигава) [Аоно 2003: 14].

Зеркаловидные земляные дома, как правило, имели диаметр 6–10 м. Интересно, что иногда рядом с ними встречаются округлые котлованы поменьше, размером 3–5 м, без коридора [Takahashi 2003: 45]. В этой связи привлекают внимание остатки древнекорякских землянок с материкового побережья Охотского моря, датирующиеся X–XIII вв. н.э. (поселение Атарган)⁴⁹. К внешним стенам

⁴⁹ Это были округлые ямы размером 16–20 м. Каркас состоял из опорных столбов, поперечных балок и наклонных жердей. Ближе к северо-западной стене располагался очаг, составленный из крупных вертикально поставленных плит. Против очага, почти посередине западной стены жилища, находился коридор шириной 85 см и длиной около 2 м. По всей видимости, это был не вход, а вентиляционный туннель [Васильевский 1971: 50, 52].

некоторых добавлено по несколько мелких пристроек (с круглыми очагами из валунов). Предполагается, что это были летние жилища, которые соединялись с главной постройкой коридором [Васильевский 1971: 52]. Вероятно, и на поселениях Дзокудзёмона крупные сооружения могли быть зимними домами, а мелкие, создававшиеся поблизости, — летними.

Кроме Хоккайдо, культура дзокудзёмон получила распространение в некоторых южных районах Сахалина и отчасти на Курильских островах.

На Сахалине ранний этап Дзокудзёмона представлен анивской культурой (V—II вв. до н.э.), памятники которой фиксируются в области Тонино-Анивского и Крильонского полуостровов. Эти памятники можно считать «прямым свидетельством экспансии части хоккайдского населения на юго-восточный Сахалин в первой половине I тыс. до н.э.» [Василевский 2002а: 10, 13].

Для анивской культуры были характерны округлые или четырехугольные в плане жилища, слабо углубленные, с глиняной обмазкой стен. Очаги сооружались с каменной кладкой, вход в жилище имел вид пандуса. Каркас состоял из вертикальных опорных столбов, располагавшихся по периметру котлована, и наклонных стоек. Внутри больших землянок, судя по археологическим изысканиям, могли находиться центральные столбы, поддерживающие потолочные перекрытия, а стены, видимо, не только обмазывали глиной, но укрепляли камнями и дополняли плетнем по периметру. Очаги сооружались как внутри жилищ, так и снаружи (поселения Южная-2, Кедринка)⁵⁰ [Там же: 4, 7].

Следует отметить, что, кроме анивской культуры, на юге Сахалина бытовала так называемая сусуйская культура. В V—II вв. до н.э. они существовали одновременно⁵¹.

Область распространения сусуя не ограничивалась лишь южным Сахалином, но включала также северную часть Хоккайдо, острова Рэбун, Рисири, некоторые районы на побережье юго-западного Сахалина и о. Монерон. Здесь она стала известна под названием онкороманай. Если сусуя приходится примерно на период

⁵⁰ Одно из жилищ Южная-2 удалось датировать 700—300 гг. до н.э.

⁵¹ По мнению А. А. Василевского, радиоуглеродный возраст комплексов раннего Дзокудзёмона и ранней Сусуи на Сахалине почти совпадает и составляет 600—300 гг. до н.э. [Василевский 2002б: 92].

600 г. до н.э. — 500 г. н.э., то онкороманай — на I–V вв. н. э. [Там же: 90].

Постепенно сусуйская культура, несущая традиции Севера, вытеснила либо поглотила анивскую [Василевский 1995а: 104].

Интересные находки удалось сделать на Урупe (бухта Алеутка). Здесь археологи обнаружили не только котлован (овальный, с глиняной обмазкой пола и очагом в центре без ограждения), но еще остатки крыши и стен, сложенных из стеблей и листьев курильского бамбука. Датируется жилище рубежом эр [Шубин 1987: 13]. Еще два котлована найдено в центральной части бухты; они оказались с очагами, выложенными камнем [Там же: 14]. К сожалению, материала по Курильским островам недостаточно для того, чтобы составить целостное представление о форме жилищ того времени. Требуется провести значительные археологические раскопки и исследовать большое количество нового материала.

Переходя к рассмотрению керамики, необходимо отметить, что в период Дзокудзёмон на Хоккайдо происходило формирование двух региональных культур — эсан и эбэцу. Региональные отличия этих, как и более мелких локальных культур, прослеживаются именно в керамическом производстве.

Известно, что культура эсан получила распространение в юго-западной части Хоккайдо (включая Хакодатэ), испытав значительное влияние культуры финального периода дзёмон камэгаока (префектура Аомори) и, по-видимому, некоторое влияние культуры яёй [Аопо 2003: 14]. Одновременно с эсан в восточной части Хоккайдо существовала культура симоданосава (со стороны Тихого океана), а в северной — уцунай (со стороны побережья Охотского моря). Они обе находились под влиянием материковых традиций. Постепенно на основе слияния эсан, уцунай и симоданосава в низменности Исикари сложилась культура эбэцу, которая довольно быстро распространилась по всему Хоккайдо, вплоть до северных районов Тохоку на Хонсю [Jyo:monjin-no URL: www.hokkaido-jin.jp].

К основным формам керамики эсан можно отнести высокие вазы с расширенным венчиком, глубокие и мелкие миски, кувшины с округлым туловом, узким или широким горлышком, кувшины с носиком, чаши на поддоне. Венчики были прямые или волнистые, орнамент — в виде веревочных оттисков и прореченных линий.

Рис. 23. Керамические сосуды эсан эпохи Дзокудзёмон. Памятник Аёро (Хоккайдо). Комитет по вопросам образования г. Сираой. Источник: [Аono 2003: 11]

По видоизменению орнамента в культуре эсан выделяется несколько типов⁵² (рис. 23).

Гончарные изделия культур уцунай (памятники Абасири, Сяри, Китами, Токоро) и симоданосава (памятники Мицуура (Кусиро), Симоданосава (Ацукэси)) — глубокие широкогорлые горшки, которые, как и сосуды эсан, делятся на несколько групп⁵³ (рис. 24, 25). Область их распространения не ограничивалась Хок-

⁵² Вначале сосуды эсан украшались веревочными оттисками, короткими черточками у венчика и горизонтальными прочерченными линиями, образующими (в верхней части тулова) широкий сектор без орнамента. На следующей стадии свободный от орнамента сектор начал заполняться оттисками, при этом форма и ширина сектора с оттисками стали более разнообразными. В конце концов распространился орнамент из сплошных оттисков и прочерченных линий, нередко выполнявшихся поверх оттисков (памятники Минамигава (Сэтана), Момидзияма (Исикари), Аёро (Сираой)) [Utawaga 1992:186].

⁵³ У сосудов уцунай и симоданосава декором служили продавленные изнутри жемчужнообразные выступы, располагавшиеся вдоль венчика (яп. *цукикобумон*), веревочные оттиски, наносившиеся методом проката в разных направлениях, веревочные оттиски-вдавления (яп. *о:ацудзё:мон*), а также налепные жгуты с оттисками, имитирующими веревку (яп. *гид-зё:рю:кисэнмон*) (памятник Мицуура (Кусиро)). Одним из характерных признаков трансформации можно считать изменение формы венчика и исчезновение жемчужнообразных вдавлений [Utawaga 1992: 196].

Рис. 24. Керамический сосуд уцунай второй группы эпохи Дзокудзёмон. Памятник Токорокавакако: (Хоккайдо). Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей г. Токоро. Источник: [Kumamoto 2003: 52]

Рис. 25. Керамические сосуды симоданосава эпохи Дзокудзёмон. Памятники Мицуура и Симоданосава (Хоккайдо). Источник: [Utagawa 1992: 194]

кайдо, но и включала Курильские острова и Сахалин. Так, на Итурупу в памятнике Касатка обнаружена керамика уцунай и симоданосава, на Кунашире — симоданосава, на Сахалине (в Невельске и других районах) — уцунай [Utagawa 1992: 196, 198].

Следует отметить, что, кроме эсан, симоданосава и уцунай, на Хоккайдо в первой половине эпохи Дзокудзёмон существовали и другие керамические традиции. Так, в восточной части острова распространилась керамика окоцу, сменившая бытовавшие до этого нусамай и мидоригаока, а между восточными и западными районами (главным образом в области Исикари) — керамика дзё:сэнмон (памятники Тоника (Момбэцу), Сиоми (Мукава), Бо:дзуяма, Эбэ:цубуто (Эбэцу), Этомо (Муроран), Сиомидай (Уракава), «№ 295» (Саппоро))⁵⁴ (рис. 26).

Сегодня трудно соотнести сосуды дзё:сэнмон с посудой какой-либо культуры. Очевидны, например, связи дзё:сэнмон с эсан и некоторыми другими керамическими традициями [Ibid.: 190]. Обнаруживаются также параллели между окоцу и уцунай, уцунай и симоданосава.

Интересно, что в период распространения культуры эсан на Хоккайдо стали появляться костяные, каменные и керамические предметы с декором, включавшим образы животных. Примером служит круглодонная керамическая миска с ручкой в виде стилизованной фигуры медведя и изображением медвежьей головы (раковинная куча Эсан (Эсан)). Были найдены и другие сосуды с медвежьими головами (памятник Мобэцу (Хокуто)) [Inui 2003: 101]. Забегая вперед, можно отметить, что керамика с образами животных, а также рыб и птиц получит распространение в более поздних памятниках — охотской культуры и культуры сацумон [Inui 2003: 103; Ushiro 2003: 145, 147].

⁵⁴ Керамика окоцу представлена горшками с небольшим поддоном или без него, а также вазами с расширенным в центре туловом и зауженной горловиной, иногда с выступами на венчике. Характерным орнаментом были налепы в виде жгутов и круглых элементов с надколами в центре (надколы могли размещаться также на тулове и налепных жгутах), веревочные оттиски, изготовлявшиеся методами проката и вдавливания, прочерченные линии [Takahashi 2003: 31]. Сосуды дзё:сэнмон нередко имели усеченно-коническое или выпуклое в центре тулово, орнамент выполнялся методом продавливания верхней части тулова крученой нитью или веревкой, иногда в сочетании с резными линиями.

Рис. 26. Керамический сосуд сусуя (группа дзё:сенмон) эпохи Дзокудзёмон. Памятник Якуба (Хоккайдо). Комитет по вопросам образования г. Рисирифудзи. Источник: [Kumamoto 2003: 53]

Местом зарождения эбэцу, как уже отмечалось, считается область Исикари и центральные районы Хоккайдо. Она формировалась в тесной связи с керамикой соседних регионов и представлена глубокими горшками с широким горлом и чуть отогнутым наружу венчиком.

Иногда эбэцу называют ко:хоку — дословно «керамика Хоккайдо позднего периода» (рис. 27). Если исходить из названий археологических памятников, то применительно к ранним типам эбэцу используют также слова эбэцубуто (памятник Эбэцубуто (Эбэцу)), а к более поздним — бо:дзюяма (памятник Бодзюяма (Эбэцу)) [Takahashi 2003: 31].

Рис. 27. Керамический сосуд ко:хоку эпохи Дзокудзёмон. Пещеры Фугоппэ (Хоккайдо). Музей истории освоения Хоккайдо. Источник: [Kodai horro: 2008: 10]

Сосуды эбэцубуто по декору делятся на три типа, бо:дзуяма — на четыре⁵⁵. По мере того как один тип сменял другой, происходило

⁵⁵ Орнамент сосудов эбэцубуто 1 состоял из прочерченных линий (яп. *тинсэнмон*), что отражает влияние группы эсан, косых коротких черт, ряда надколов и веревочных оттисков. На сосудах эбэцубуто 2 на венчике прибавился налепной жгут. Постепенно он получил развитие и стал выполняться в верхней части тулова в виде горизонтальных или волнистых полос, как правило, в несколько рядов, а также в виде несложных узлов. Это отличительная черта сосудов эбэцубуто 3 (иногда их называют эбэцу А или ко:хоку А) [Takahashi 2003: 38; Utagawa 1992: 38]. Далее у изделий бо:дзуяма 1 (эбэцу В; ко:хоку В «архаичный») в верхней половине тулова появились налепные жгуты, расположенные в разных направлениях. Переплетаясь, они образуют различные геометрические фигуры. Орнамент из прорезанных линий (яп. *тинсэнмон*), типичный для керамики эсан, окончательно исчез, но веревочные оттиски сохранились. На керамике бо:дзуяма 2 (эбэцу В; ко:хоку В «новый») налепные жгуты с оттисками сузились (яп. *гидзэ:рю:кисэнмон*), стали преобладать ромбы и круги. Несколько видоизменившись, они перешли на изделия бо:дзуяма 3 (эбэцу С1; ко:хоку С1), а затем — в бо:дзуяма 4 (эбэцу С2,D; ко:хоку С2,D). На сосудах бо:дзуяма 4 орнамент заметно сокращается, налепная тесьма исчезает. Появляются сосуды, близкие к неорнаментированным образцам [Takahashi 2003: 39–41; Utagawa 1992: 201, 204].

расширение зоны бытования эбэцу и упадок других керамических традиций, таких как эсан и уцунай.

Примечательно, что на стадии бо:дзюэма 3 распространение получил налепной декор, напоминающий айнский. Керамика с похожим декором бо:дзюэма 4, характеризующая заключительную стадию развития Эбэцу, распространилась не только по всему Хоккайдо, но и в районе Тохоку, на Сахалине и Курильских островах [Takahashi 2003: 39–41; Utagawa 1992: 201, 204].

На смену керамике эбэцу пришла посуда хокудай (иногда ее называют эбэцу Е или ко:хоку Е). Она развилась из формы бо:дзюэма 4 (эбэцу D; ко:хоку D) и включает глубокие вазы, горшки, низкие чаши, а также сравнительно небольшие сосуды с носиком или ручками. Можно выделить две большие группы — хокудай 1 и хокудай 2 (рис. 28). Если первая отражает в орнаменте традиции эбэцу, то вторая — отход от этих традиций⁵⁶ [Utagawa 1992: 206].

На стадии хокудай 2 распространяются неорнаментированные изделия, декор при этом сохранился на одежде и утвари⁵⁷.

К концу Дзокудзёмона на юг Хоккайдо начали ввозиться сосуды хадзики и суэки. Около VII в. здесь распространяются элементы курганной культуры кофун [Василевский 2002б: 93; Utagawa 1992: 224]. Под влиянием хадзики и суэки традиции Дзокудзёмона утрачиваются, на смену им приходит культура сацумон⁵⁸.

⁵⁶ Орнамент керамики хокудай 1 включает налепные жгуты (яп. *рю:кисэнмон*) — наследие эбэцу, промежутки между которыми заполнены веревочными оттисками. С наружной стороны внутрь делались проколы, опоясывающие венчик. В керамике хокудай 2 вместо налепных жгутов появился декор, сочетавший веревочные оттиски и прочерченные резцом линии (яп. *тинсэнмон*) (памятник Ваккаой (Исикари)). Стали встречаться изделия с одними надколами вдоль венчика или же вообще без орнамента [Utagawa 1992: 206].

⁵⁷ Разновидность айнского декора прослеживается на лакированном гребне эпохи Дзёмон, о котором уже упоминалось, и лакированном луке эпохи Дзокудзёмон, найденном в памятнике Момидзияма 33 в районе Исикари [Utagawa 1992: 205].

⁵⁸ Носители культуры сацумон стали изготавливать керамику, которую заглаживали деревянной гребенкой или щепкой. По названию орнамента (яп. *саккон*) сосуды, как и культура в целом, получили название «сацумон». Способ орнаментации типа саккон был заимствован с Хонсю, где он применялся носителями культур яёй и кофун [Прокофьев, Дерюгин, Горбунов 1990: 8].

Рис. 28. Керамический сосуд хокудай эпохи Дзокудзёмон. Пещеры Фугоппэ (Хоккайдо). Музей истории освоения Хоккайдо. Источник: [Kodai hoppo: 2008: 10]

Приблизительно в VI–VIII вв. некоторые элементы культуры южных и западных областей Хоккайдо проникли на северо-восток острова Хонсю, оказав влияние на формирование специфических памятников этих районов. На северном же Хоккайдо существовали связи с локальными культурами Южного Сахалина (сусуя и анива).

В целом для сусуя была характерна керамическая и каменная индустрия. В меньшей степени использовались изделия из кости и рога, еще реже — из металла [Василевский 2002б: 90].

Сусуйская керамика представлена остро-, кругло- и плоскодонными горшками с толстым дном, без горловины, с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком. Найдены также изделия оригинальной полужайцевидной формы, с прямым верхним краем или зауженной шейкой и отогнутым венчиком (многослойная стоянка Стародубское-2 (Долинский район)), но встречаются они нечасто. Для производства сосудов использовалось тесто с примесью крупного песка и гравия [Козырева 1967: 31, 63].

Если для культуры сусуя северных областей был характерен гребенчатый орнамент, то для южных — шнуровой. На поздних стадиях сусуйской культуры последний занял доминирующее положение⁵⁹ [Василевский 2002б: 91]. Общая тенденция такова, что связи с гончарными традициями Приамурья и Приморья не прослеживаются, хотя есть ряд находок, сделанных в юго-западной части Сахалина (стоянка Стародубское-2), которые по орнаменту напоминают черепки из раковинных куч Приморья [Козырева 1967: 38].

Среди анивской керамики выделяются плоскодонные тонкостенные сосуды с выпуклым туловом без горловины. Примесь для теста служил мелкий песок.

По орнаменту керамика делится на несколько типов — анива А, В и С⁶⁰. Характерное украшение — веревочные оттиски, к которым позднее добавились жемчужные вдавления. Если оттиски представляют собой наследие эпохи Дзокудзёмон, то вдавления — результат влияния северных традиций [Василевский 2002а: 4, 5, 8].

Многочисленные находки на Сахалине изделий с веревочными оттисками (на поселениях Кузнецово-1 (Сони Кайдзука), Тонин, Стародубское-3 (Отанагаока), Усть Айнское-1, близ поселений Баклан и Охотское, на восточном побережье полуострова Крильон в районе поселения Атласово, на острове Монерон — на стоянках Усовка и Телеграфная станция) доказывают, что распространение

⁵⁹ Украшением сусуйских сосудов служили гребенчатые, веревочные, штампованные отпечатки (многослойная стоянка Стародубское-2 (Долинский район)), горизонтальные или криволинейные резные линии, наклонные или прямые насечки вдоль венчика, а также защипы валиком, налелы в виде шишечек и ямочные вдавления (многослойная стоянка Чиркова-1 (Корсаковский район)) [Козырева 1967: 38; Самарин 2002: 28, 29].

⁶⁰ Керамика анива типа А украшалась тонкими косыми веревочными оттисками в сочетании со сквозными проколами, располагавшимися параллельно венчику. На керамике типа В параллельно венчику наносились одна или несколько горизонтальных шнуровых линий. Отличительной чертой типа С стали прибавившиеся к орнаменту «жемчужины» (округлые выступы на венчике, образованные методом выдавливания круглой палочкой из внутренней стороны сосуда) [Василевский 2002а: 4, 5, 8]. Все типы посуды встречаются в памятниках Южная-2 (юго-восток Сахалина), Кедринка (на побережье Тонино-Анивского полуострова, крайний юго-восток Сахалина), Баклан (на берегу Охотского моря). В некоторых из них дополнением служили сосуды без орнамента и с гребенчатыми оттисками.

здесь культуры дзокудзёмон не было случайным и эпизодическим [Там же: 12].

Надо заметить, что в VII–IV вв. до н.э. на территории Северного, Центрального и частично Южного Сахалина широко распространилась керамика большебухтинской культуры Северо-Восточного Приамурья — круглодонные сосуды с шаровидным туловом и жемчужным орнаментом в виде несквозных вдавлений, наносившихся изнутри (памятники Озеро Сладкое, Кашкалебаш-2, Богатая-3, Бердянские озера-1, Стародубское) [Дерюгин 2009: 52]. Таким образом, все больше проявлялось влияние северных континентальных традиций, получивших развитие на острове в среднем и позднем неолите.

Следы дзокудзёмона, как отмечалось, фиксируются не только на Сахалине, но и на Курильских островах: на Урупe — в бухте Алеутка; на Итурупе — в памятниках Танковое, Пионер-2, М. Куйбышево, Оля-1; на Шикотане — в Бухте Дельфин; на Кунашире — в Алёхино [Василевский, Горбунов, Кузьмин URL: <http://journal.sakhgu.ru>]. Здесь встречаются горшковидные плоскодонные сосуды с узким поддоном и плавно расширяющимися кверху стенками (Бухта Алеутка (Уруп)). Венчики на сосудах из Алеутки прямые или слегка отогнутые наружу, с парными треугольными выступами. Тесто хорошо промешено, с незначительными примесями песка и мелкой гальки. Декор состоял из сплошных веревочных оттисков, а также полусквозных проколов на венчике [Шубин 1987: 13].

Среди каменного инвентаря Хоккайдо обычны предметы из обсидиана, кварца и сланца. При их изготовлении часто применялись двусторонняя обивка и шлифовка. Ассортимент орудий был довольно широкий и включал сверла, ножи, топоры, тесла, скребки, наконечники стрел и копий. На Сахалине исходным сырьем также служили кремни и андезиты (обсидиан ввозился с Хоккайдо), техника же дополнялась отжимной ретушью (памятники анивской и сусуйской культуры) [Василевский 2002б: 91; Козырева 1967: 33].

Некоторые находки с сусуйской стоянки Стародубское-2, такие как топоры, ножи, скребки и стамески, обнаруживают сходство с аналогичными предметами со стоянок Приморья, Приамурья, а также северной части материка Азии и островов севера Тихого океана [Козырева 1967: 41–43]. Впрочем, это сходство пока не дает оснований говорить о значительном влиянии на Сахалин названных регионов.

Наряду с каменными орудиями в памятниках периода Дзокудзёмон археологи нередко находят украшения: кольца из нефрита (стоянка Стародубское-2 (Сахалин)), трубчатые бусины из яшмы (памятник Момидзияма № 33 (Хоккайдо)), грушевидные подвески и бусины из сланца (памятник Южная-2 (Сахалин)), бусы из раковин (памятник Усумосири (Хоккайдо)) и красного янтаря (памятники Такисато-33 (Хоккайдо), Южная-2 (Сахалин)) [Васи́левский 2002а: 5; Аоно 2003: 19]. Не исключено, что на Хоккайдо янтарь ввозился с Сахалина.

Обращают на себя внимание трубчатые бусы — они найдены в 14 памятниках, включая погребения. Поскольку находки локализируются главным образом в пределах области от низменности Исикари до юго-западной части Хоккайдо — п-ва Осима, можно предположить, что особую роль они играли в жизни носителей культуры эсан [Аоно 2003: 19]. В последующее время среди айнов такие изделия распространения не получили — место трубчатых бус из яшмы у них заняла круглая стеклянная продукция.

Если говорить о костяных изделиях, то в археологических памятниках культуры эсан встречаются ложки с навершиями в виде медвежьих голов (стоянка Усумосири (Хоккайдо)). Как отмечалось выше, в то время изображения животных стали появляться довольно часто. Кроме ложек, из кости производились иглы, рыболовные крюки, гарпуны. На гарпунах нередко выполнялись резные рисунки (памятник Усумосири (Датэ)) [Inui 2003: 101].

К ценным костяным находкам, сделанным на Сахалине, относятся наконечник стрелы с двумя асимметричными бородами, четырехгранным насадом и канавкой для яда (поселение Чиркова-1 (Корсаковский район)). Он был обнаружен в сусуйских слоях (V в. до н.э. — IV–V вв. н.э.) [Самарин 2002: 28]. По всей видимости, в те отдаленные времена туземцы Сахалина уже применяли на охоте яд.

Хотя деревянных предметов до настоящего времени сохранилось немного, полученный материал позволяет сделать заключение об их значимости. На Хоккайдо в районе Исикари археологами найден фрагмент лакированного лука, а в Эбэцубуто — множество деревянных изделий без лака. Поражает ассортимент находок, среди которых — шпильки для волос, столики для еды, ложки, миски, палочки, чашки, ручки от различных сосудов, наконечники гарпунов, дубинки, шести для ловли рыбы, рукояти сетей, топоров и ножей, луки, шампуры, весла и клинья [Utagawa 1992: 192, 205].

Особый интерес представляет железная продукция. Проблема распространения в эпоху Дзокудзёмон железа — один из наиболее важных вопросов для изучения начал айнской культуры [Ibid.: 185].

С одной стороны, ввоз железных орудий на Хоккайдо осуществлялся с Хонсю. Об этом свидетельствуют находки на древних стоянках и погребениях топоров, ножей, различного рода обломков неизвестного назначения (памятник Токорогавакако:) [Kumamoto 2003: 65]. С другой стороны, металл ввозился и из северных областей через Сахалин. Наглядным свидетельством служит находка серебряного изделия, аналогов которому на Хонсю нет (памятник Уэбэцугава) [Aono 2003: 19]. Постепенно каменные орудия на Хоккайдо, а также на Сахалине стали уступать место железным.

Во второй половине VIII — середине IX в. на Хоккайдо распространяется культура сацумон (VIII—XIII вв.), имевшая местные (дзокудзёмонские) корни. Постепенно она охватила территорию Хоккайдо и север области Тохоку на Хонсю, южные районы Сахалина и Курил⁶¹ [Прокофьев 1995: 136; 2000: 63; Utagawa 1992: 269].

Важным видом хозяйственной деятельности сацумонцев было земледелие. Известно, что выращивались гречиха, рис, ячмень, пшеница, чумиза, просо, физалис, красная фасоль, конопля, бахчевые культуры. Рис, вероятно, был завезен с Хонсю, а гречиха — с низовьев Амура [Utagawa 1992: 254]. Предполагается, что охота и рыболовство у сацумонцев по сравнению с охотской культурой были менее развиты. Тем не менее при раскопках встречаются останки моллюсков, морских ежей, кеты, лосося, сивучей, нерп, дельфинов, енотовидных собак, бурых медведей, оленей, альбатросов, бакланов. Находки указывают на широкий ассортимент зверей, птиц и рыб, мясо которых использовали в пищу, а шкуры и кость — для одежды и других нужд.

По-видимому, носители культуры сацумон не жили устойчивыми коллективами. У них обнаруживаются как малые, в 2–3 дома, поселения, так и большие — до 100 домов. Надо полагать, крупные коллективы создавались главным образом с осени по зиму для совместного промысла лососевых. В остальное время, разделившись на небольшие группы, сацумонцы обитали раздельно [Sasaki Kaoru 2001: 134; Kikuchi 1999: 56].

⁶¹ Следы полуподземных жилищ сацумонского типа открыты на Итуруп (памятник Оля-4) [Прокофьев 2000: 63].

На начало Сацумона (VIII в.) приходится распространение на юге Хоккайдо захоронений курганного типа Кофун. Здесь стали возводиться курганы первого и второго типов (памятники Эбэцухэйсон, Матимуранодзэ: (Эбэцу), Моидзари (Энива)) [Utagawa 1992: 263]. Они имели форму овала, кольца или подковы⁶². Внутри помещались медные портупейные принадлежности и утварь, аналогичные инвентарю из курганов кофун района Тохоку. Но этот тип курганных погребений исчез на Хоккайдо довольно быстро [Kikuchi 1999: 56].

Существенные изменения произошли в устройстве грунтовых захоронений. Хотя в эпоху Сацумон продолжали создаваться небольшие круглые и овальные могильные ямы (наследие Дзокудзёмона — погребения в скорченном положении), широко распространились девятиугольные, прямоугольные и вытянутые овальные могилы⁶³. Это отражает расширение в погребальном обряде традиции укладывать тела в вытянутом положении (данная традиция отчетливее всего обозначилась во второй половине Сацумона). Обычай же захоронения костяков в скорченном положении под влиянием кофун начал забываться [Hirakawa 1999: 16].

Среди грунтовых погребений Хоккайдо археологи обнаруживают необычные детали. Так, в одной из могил девятиугольной формы найдены черепа, по обеим сторонам которых располагались камни (погребения Усакумай А (Хоккайдо)). Аналогичные атрибуты выявлены в районах Ёити и Эбэцу (погребения Тэнноутидзан и Хагигаока (Хоккайдо)). В восточной части острова археологи открыли погребения внутри полуподземных жилищ (памятники Хаясиги № 5 (г. Кусиро), Итяни — В (г. Сибэцу)). Они относятся ко второй половине эпохи Сацумон [Ibid.]. Причину их появления установить трудно.

Привлекают внимание памятники эпохи Сацумон, связанные с культурами различных животных, в том числе медведей (памятник

⁶² Относительно того, кто был захоронен в этих курганах кофун, высказываются разные точки зрения. Очевидно, что это была небольшая группа, которая оказывала значительное влияние на широкие массы населения эпохи Сацумон [Utagawa 1992: 267].

⁶³ Предположительно, захоронение тел в скорченном положении было характерно для ранних погребений в айнском обществе, когда умершего укладывали в направлении между востоком и юго-востоком с поджатыми коленями и руками, а сверху нередко устанавливали камень, чтобы покойник не смог «выйти».

Отафуку-ивадокуцу (г. Раусу)). В одной из могильных ям вместе с керамикой конца Сацумона были обнаружены шесть медвежьих черепов, располагавшихся в восточном направлении. Еще один медвежий череп находился чуть в стороне. При этом у двух черепов на затылке (сбоку) оказались пробоины. Кроме этого, найдены семь черепов сивучей, затылки которых также были пробиты с боков (памятник Аонаэ (г. Окусири)). Эти находки свидетельствуют о том, что уже в то время на Хоккайдо совершались культовые действия в отношении медведей и других животных. Вполне вероятно, что они оказали влияние на становление ритуала «проводов» животных у айнов [Ibid.: 16, 17].

Эпоха Сацумон характеризовалась изменением не только погребений, но и жилищ. Вместо прежних землянок округлой формы стали создаваться четырехугольные, чаще всего квадратные. Каркасная конструкция могла принимать различный облик — пирамиды и многогранника (рис. 29). В первом случае каркас состоял из четырех опорных столбов с прогонами. По периметру под наклоном располагались жерди, сходящиеся в верхней части постройки и образующие крышу. Длина стены составляла от 4 до 8 м, но иногда строились жилища крупнее — с восемью опорными столбами. Другой разновидностью стала конструкция, у которой стены и кры-

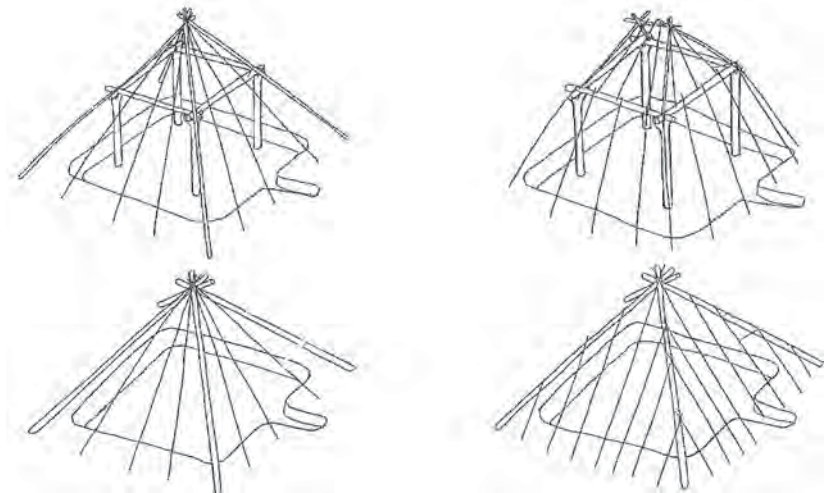

Рис. 29. Реконструкция полуподземных жилищ эпохи Сацумон.

Источник: [Hirakawa 1999: 14]

ша были разделены (встречается уже в Дзёмоне). Такое устройство напоминало наземные дома, получившие распространение в айнской культуре [Ibid.: 14].

Вход в полуподземные жилища у сацумонцев оформлялся в виде небольших сеней. Вся верхняя часть здания обкладывалась травой. Жилищное пространство, судя по оставшимся от вспомогательных столбов следам, могло разделяться. В некоторых домах у стены располагалась печь *камадо*, в других в центре находился очаг *ро*. Иногда печи и очаги сооружались вместе [Utagawa 1992: 232, 326; Kojima 2004: 18].

Следует отметить, что полуподземные жилища с печами *камадо* стали часто создаваться на Хоккайдо и в северных районах Тохоку на Хонсю примерно в одно и то же время — в VII в.⁶⁴ На Хоккайдо наиболее древние постройки такого типа обнаружены в Титосэ (памятник Марукояма). Они были квадратные, печи находились у стены с северной стороны и снабжались коротким дымоходом или длинным (туннельного типа) [Matsumoto 2006: 48].

Как уже отмечалось, в южных районах Японии печи в землянках получили распространение в V–VI вв. под влиянием Кореи. Не удивительно, что спустя некоторое время они были привнесены в Тохоку и на Хоккайдо.

В юго-западной части Хоккайдо в эпоху Сацумон появились еще прямоугольные дома с полом, устраивавшимся на уровне земли, опорными столбами, вкапывавшимися в землю и располагавшимися по периметру, печами и очагами (яп. *хоттатибасира*) (стоянка Сацумаэ) [Ibid.: 54]. Появление наземных жилищ можно объяснить влиянием северного Хонсю, где со второй половины IX в. в некоторых районах строились похожие сооружения.

В одном из жилищ (*матэана* № 16) в районе Урахоро (памятник Вакацуки (Хоккайдо)) археологи нашли 17 керамических сосудов большого и частично среднего размеров, стоявших вдоль стены у печи *камадо* или на самой печи [Utagawa 1992: 229]. Аналогичные изделия встречаются и в других жилищах — в повседневной жизни они занимали важное место.

В керамической индустрии сацумонцы перестали использовать веревки и веревочный декор для орнаментирования. Они положили начало производству широкого ассортимента тонко-

⁶⁴ Единичные находки в Тохоку датируются концом V — началом VI в.

Рис. 30. Керамика сацумон. Памятник К-39 (Хоккайдо). Музей истории освоения Хоккайдо. Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей г. Саппоро. Источник: [Kodai hopro: 2008: 37]

стенных сосудов — горшков, мелких мисок, кувшинов, чаш, чаш с высоким поддоном, небольших «чайников» с носиком (рис. 30) [Прокофьев, Дерюгин, Горбунов 1990: 11]. Значительное влияние здесь оказала посуда хадзики. Так, ставший характерным для сацумонской керамики орнамент в виде прочерченных гребенкой линий обнаруживается на хадзики VII–VIII вв., бытовавших и в северных районах Тохоку, и на юге Хоккайдо [Matsumoto 2006: 137].

В целом, при изготовлении новой посуды применялись метод ленточного налепа и обжиг при низкой температуре. По размеру сосуды делились на крупные (свыше 20 см), средние (от 10 до 20 см) и низкие (менее 10 см). Их украшали гребенчатым заглаживанием, резным орнаментом, круглыми вдавлениями. Встречаются также изделия без орнамента [Прокофьев, Дерюгин, Горбунов 1990: 9; Utagawa 1992: 228].

Эпоха Сацумон по критерию типологического изменения керамики подразделяется на пять этапов: начальный (VIII в.), ранний (конец VIII — начало IX в.), средний (IX–X вв.), поздний (XI–XII вв.) и финальный (XII–XIII вв.). Видоизменение форм и орнаментов хорошо прослеживается на примере глубоких горшков.

На начальном этапе распространились глубокие горшки с зауженным в нижней части туловом и широко открытым венчиком, который опоясывался наколами; ниже наносился декор в виде резных линий — горизонтальных, зигзагообразных или перекрещивающихся (памятник Усакумай С (район Титосэ))⁶⁵.

В ранний период стали появляться сосуды небольшого размера. При этом глубокие горшки сохранили форму, характерную для горшков предшествующего этапа, но в орнаменте произошли изменения. Все больше начали применяться горизонтальные линии, которые дополнялись перпендикулярными, наклонными, зигзагообразными. Они могли пересекаться или накладываться друг на друга, иногда образуя ромбическую сетку. Кроме того, на венчике появился ряд вертикальных насечек. На некоторых горшках декоративная полоса насечек размещалась под орнаментальным сектором (памятник Суэхиро (района Титосэ))⁶⁶.

На среднем этапе венчики горшков украшались «перьевым» орнаментом в виде нескольких рядов насечек, хотя главенствовали по-прежнему горизонтальные резные линии. Декор из таких линий часто служил фоном для разных композиций (одной или двух вертикальных линий и нескольких ломаных черт, образующих подобие ветвей дерева), зигзагообразных горизонтальных или вертикальных фигур. Некоторые сосуды дополнительно покрывались сетчатым узором (памятник Такасу (район Обира)). В обиход вошли небольшие чаши с поддоном.

В поздний период изгиб венчика на горшках уменьшился, а орнамент из горизонтальных параллельных линий и «ветвей деревьев» начал исчезать. Зона нанесения орнамента условно разделилась на несколько секторов, на передний план вышли наклонные пересекающиеся линии (памятник Кусу (район Бифука)). Отличительной особенностью чаш стал высокий поддон. Вместе с тем появились кувшины.

С наступлением финального периода размер сосудов, по сравнению с предшествующими периодами, уменьшился, а орнамент

⁶⁵ На сосудах начальной стадии прослеживается влияние керамики хокудай, а также хадзики — так называемой сакураи-1 [Utagawa 1992: 225].

⁶⁶ В это время получила распространение керамика хадзики сакураи-2. Небольшие сосуды, думается, сформировались под влиянием именно хадзики.

значительно упростился. Получил распространение узор из наклонных и пересекающихся линий, нередко — в сопровождении ряда точек (памятник Вакка (район Токоро)). Таким образом, развитие глубоких горшков эпохи Сацумон шло от простого к сложному и затем вновь к простому [Прокофьев, Дерюгин, Горбунов 1990: 12–14; Utagawa 1992: 228].

Иногда на посуде, в частности на небольших мисках *асабати*, мисках с поддонами *дайцукиасабати*, чашах *цуки* и чашах с поддонами *такацуки*, встречаются знаки, аналогичные айнским тамгам (точнее сакральным общинно-родовым и семейным знакам) *экаси итокна* (знаки предков), вырезавшимся на деревянных предметах. Сацумонские метки наносились на дно сосудов перед обжигом (рис. 31).

Рис. 31. Клейма на керамике сацумон (Хоккайдо).

Источник: [Utagawa 1992: 246]

Обнаружены разные начертания знаков, в основе которых — элементы «+» (подавляющее большинство), «—» и дискообразные фигуры, а также простейшие пиктографические картинки. В их сочетании выявлены некоторые региональные отличия. По мнению Х. Утагава, эти знаки служили маркерами, отмечавшими особые сосуды, использовавшиеся для проведения обрядов. Исследователь мотивирует этот вывод тем, что знаками помечены только определенные типы керамики⁶⁷ [Utagawa 1992: 246].

⁶⁷ Х. Утагава отмечает, что в айнской культуре чашки *итанки* со знаками имели непосредственное отношение к культам. Если предположить, что сацумонцы помечали знаками именно культовую посуду, то между сосудами *асабати* эпохи Сацумон и айнскими *итанки* обнаруживается преемственность [Utagawa 1992: 246].

Кроме клейм, на посуде эпохи Сацумон иногда находят прочерченные рисунки. Показательный пример — чаша с небольшим поддоном со стилизованным изображением четвероногого животного и существа, похожего на птицу (раковинная куча Аонаэ (Окусири)) [Inui 2003: 103].

В окрестностях памятника Сакусю-Котони, включающего слои Сацумон (IX в.), был найден сосуд хадзики с вырезанным иероглифом «и» (夷) [Takahashi 2001: 28]. Изображение данного знака, который в японском языке имеет прочтение *эбису*, представляет большой интерес. Скорее всего, сосуд с таким знаком попал на Хоккайдо неслучайно. Ведь, в представлении японцев, население отдаленных районов Японии являлось *эимси* или *эбису*.

Как отмечалось, зона распространения культуры сацумон, помимо Хоккайдо, включала северо-восточные земли Хонсю — область Тохоку. В Тохоку находки сацумонской керамики концентрируются в районах полуостровов Симокита и Цугару (рис. 32) [Sasaki Kaoru 2001: 133]. В префектуре Аомори (самая северная оконечность

Рис. 32. Фрагмент керамики сацумон с изображением лошади. Памятник Нодзири (префектура Аомори). Комитет по вопросам образования г. Аомори. Источник: [Kodai hoppo: 2008: 37]

Хонсю) открыто около 50 памятников, сохранивших характерные сосуды (стоянки Икаригасэкимурафурадэтэ, Ёмогитамурадэтэ, Моцусисёгидатэ, Ёмогитамуракодэтэ, Саннай и пр.). Все они относятся к X–XI вв.

В целом, упрощение форм и декора керамических сосудов на заключительном этапе Сацумон произошло из-за распространения железных котелков с ушками внутри [Utagawa 1992: 321; Takahashi 2001: 31]. На территории Японии эти котелки (яп. *найdzитэцунабэ*) бытовали в XII–XIII вв., а в эпоху Сацумон стали экспортироваться на Хоккайдо (рис. 33). Сначала сацумонцы пользовались импортной продукцией, но сравнительно быстро научились копировать ее в глине (яп. *найdzидо:набэ*) [Utagawa 1992: 321; Sasaki Kaoru 2001: 133]. Думается, это происходило в XIII–XV вв., возможно, вплоть до XVI в. В соседних с Хоккайдо регионах, в южной части Камчатки и на Курилах, *найdzидо:набэ* производились с середины XVII по XVIII в., а на Сахалине — почти до середины XIX в.

Обращает на себя внимание керамический котелок из собрания Муниципального музея Хакодэтэ. Верхний край тулова сосуда опоясывает ряд вырезанных линий, сверху и снизу — криволинейный узор, напоминающий «зубья пилы», и ряд точек. Точно так же орнаментирован сосуд, обнаруженный в Сэтана, в районе устья реки Тосибэцу. Декор на обоих котелках типичен для позднего периода Сацумон⁶⁸. Имеются находки и неорнаментированных *найdzидо:набэ* этого времени, например котелок из остатков жилища № 7 района Нисицукигаока города Нэмуру.

Надо заметить, что распространение на Хоккайдо котелков с ушками указывает на переход от печей к очагам со специальным приспособлением для подвешивания этих котелков (приблизительно конец XIII в.). Тогда же, вероятно, проходило формирование специфического культа огня, ставшего типичным для айнов в более позднее время [Utagawa 1992: 326; Kojima 2004: 18].

Кроме самобытной керамической продукции, носители культуры сацумон использовали фарфор японского и корейского происхождения [Прокофьев, Дерюгин, Горбунов 1990: 6]. Но по количеству импортные фарфоровые изделия значительно уступают местным глиняным.

⁶⁸ Место обнаружения сосуда из Муниципального музея Хакодэтэ не установлено; вероятно, он происходит с Хоккайдо.

Рис. 33. Керамический котелок эпохи Сацумон.
Памятник Ёндзаваясики (Хоккайдо) (вверху).
Комитет по вопросам образования г. Каминокун.
Керамический котелок периода айнской культуры.
Памятник Райтокоро (Хоккайдо) (внизу).
Лаборатория археологии Токийского государственного университета.
Источник: [Kobayashi 1999: 22; Takahashi 2001: 31]

На Сахалине находки сацумонской керамики группируются главным образом на юго-западном побережье. Как правило, это фрагменты тонкостенных сосудов, с наличием в тесте песка, по цвету серые, черные, темно- или светло-коричневые⁶⁹. Некоторые из них относятся к X в. (стоянки Северный Крильон и Кузнецово 1), некоторые — к XI в. (стоянка Чайкино), а иные — к XII–XIII вв. (стоянки Невельск II б, Третья Падь и Орлово). Отдельные мотивы сахалинской керамики сходны с орнаментом керамики Хоккайдо (стоянки Хаманасу, Котони-синорогава).

Помимо Сахалина, следы культуры сацумон фиксируются на Курильских островах — на Кунашире и Итурупе. На Кунашире обнаружен археологически целый сосуд X–XI вв. с выпуклым, зауженным к шейке туловом, незначительно расширяющимся венчиком и поддоном⁷⁰ (стоянка Алёхино) [Прокофьев, Дерюгин, Горбунов 1990: 25]. Посуда Итурупа представлена чашеобразным сосудом с поддоном, горшковидным сосудом с широкой горловиной (поселение Рейдово-1), а также фрагментами керамики, форму которой установить сложно (стоянки Оля-1, 4, поселение Танковое)⁷¹ [Там же: 27, 29, 30, 32].

⁶⁹ Декором посуды Сацумон служили гребенчатые прочесы, горизонтальные, вертикальные или наклонные резные линии, часто сдвоенные и наносившиеся поверх прочесов (поселение Кузнецово-1; стоянки Северный Крильон (Кита Сирануси) (Невельский р-н); Орлово (Усиро) (Углегорский район); Чайкино (Уни) (Невельский р-н)), насечки, шишечные налеты (стоянка Северный Крильон), лощение, выполнявшееся как на внутренней, так и на внешней поверхности сосудов (поселения Кзнецово-1; Невельск II (Хоито Минами II)). Гребенчатые прочесы делались мелкозубой или широкозубой гребенкой в вертикальном, наклонном положении или пучкообразно (стоянка Третья Падь). Наклонные длинные линии, пересекаясь, создавали ромбическую сетку (стоянка Северный Крильон), а короткие линии и насечки — подобие елочки (стоянка Чайкино) [Прокофьев, Дерюгин, Горбунов 1990: 17–20, 23, 24, 28].

⁷⁰ Поддон оказался с овально вогнутым основанием. Внутренняя часть сосуда была залощена, верхняя половина тулова с внешней стороны украшена сплошными зигзагообразными линиями, ограниченными внизу горизонтальной линией.

⁷¹ В качестве декора использовались комбинации из резных линий (поселение Рейдово-1; стоянки Оля-1, 4), ряды вдавненных каплевидных насечек, наносившихся по краю венчика, гребенчатые прочесы (поселение Танковое).

Особого внимания заслуживает орнамент на горшке с поселения Рейдово-1: вдоль края венчика нанесены резные насечки в виде елочки, ниже — геометрический декор, состоящий из ромбов и треугольников. Фигуры располагаются в секторах, разделенных между собой рядом вертикальных линий, кроме этого, ряд прерывистых линий прочерчен снизу. Линии окружены многочисленными насечками. Предполагается, что этот узор представляет собой «счетную систему — календарь сацумонцев с определенным числовым семантическим рядом» [Прокофьев 1995: 135]. Фрагменты сосудов с аналогичным декором были найдены в некоторых других археологических памятниках южных Курил (стоянки Китовое-1, Танковое I и II) [Там же]. Горшок с Рейдово-1 датируется XII–XIII вв., чаша — XI в., а предметы из других памятников — XI–XII вв.

Поскольку керамика сацумон на Сахалине и Курильских островах встречается в основном на стоянках охотской культуры, можно предположить, что охотцы и сацумонцы некоторое время проживали вместе. На Хоккайдо и Кунашире это, в частности, нашло отражение в появлении керамики типа тобинитай, соединившей обе традиции [Прокофьев, Дерюгин, Горбунов 1990: 34; Прокофьев 2000: 63, 64].

Не только керамическая, но и деревянная посуда широко употреблялась в эпоху Сацумон. Найдено несколько десятков предметов утвари, среди которых — фрагменты сосудов, выдолбленных из обрубка древесного ствола, согнутых из сколов бревна, изготовленных из коры (памятники Вакацуки, Кусу, Хигасикусиро (Хоккайдо)). По мнению Х. Утагава, это типичная продукция того времени, причем большая ее часть обнаруживает сходство с утварью айнов [Utawaga 1992: 238].

Деревянные предметы сацумонцы, как правило, изготавливали сами. Однако в археологических памятниках встречаются изделия, заимствованные с Хонсю, например обломки долбленых сосудов, покрытых черным и красным лаком, напоминающие айнские чашки *итанки*. Их фрагменты были обнаружены в Кусиро в жилище *татэана* № 8 (памятник STV (Хоккайдо)) [Ibid.: 240].

Орудия рыболовства и средства передвижения по воде также указывают на связь с айнской культурой. Например, найдены остатки запорного устройства на реке в виде изгороди, которая препятствовала прохождению рыбы (памятник Сакусю-Котони (Хоккайдо)), и фрагменты долбленых лодок (памятники К 39, Биби 8,

Рис. 34. Остатки деревянной заруды эпохи Сацумон. Памятник Сакусю-Котони (Хоккайдо). Исследовательская лаборатория ископаемых культурных ценностей Университета Хоккайдо. Источник: [Takahashi 2001: 28]

Юканбоси С 15 (Хоккайдо)) (рис. 34)⁷² [Morioka 2001: 152; Takahashi 2001: 24].

В отличие от предшествующих эпох, каменные орудия сацумонцы почти не использовали, в то же время обнаружено множество кузниц: уже тогда было развито кузнечное дело на уровне вторичной обработки металла (памятники Аноэ в Окусири, Фурукава в Урахоро, Суэхиро в Титосэ, Нисикитё в Асахикава (Хоккайдо)). Начало распространения кузниц приходится на IX–X вв. Со второй половины X в. они стали создаваться в большом количестве [Matsumoto 2006: 98].

Археологические раскопки позволяют очертить круг железных изделий, бытовавших на Хоккайдо. Они встречаются и в курганных захоронениях *кофун*, и в «классических» грунтовых погребениях

⁷² Конструкция изгороди чрезвычайно напоминает заруды *тэс*, которые айны использовали для ловли кеты и горбуши.

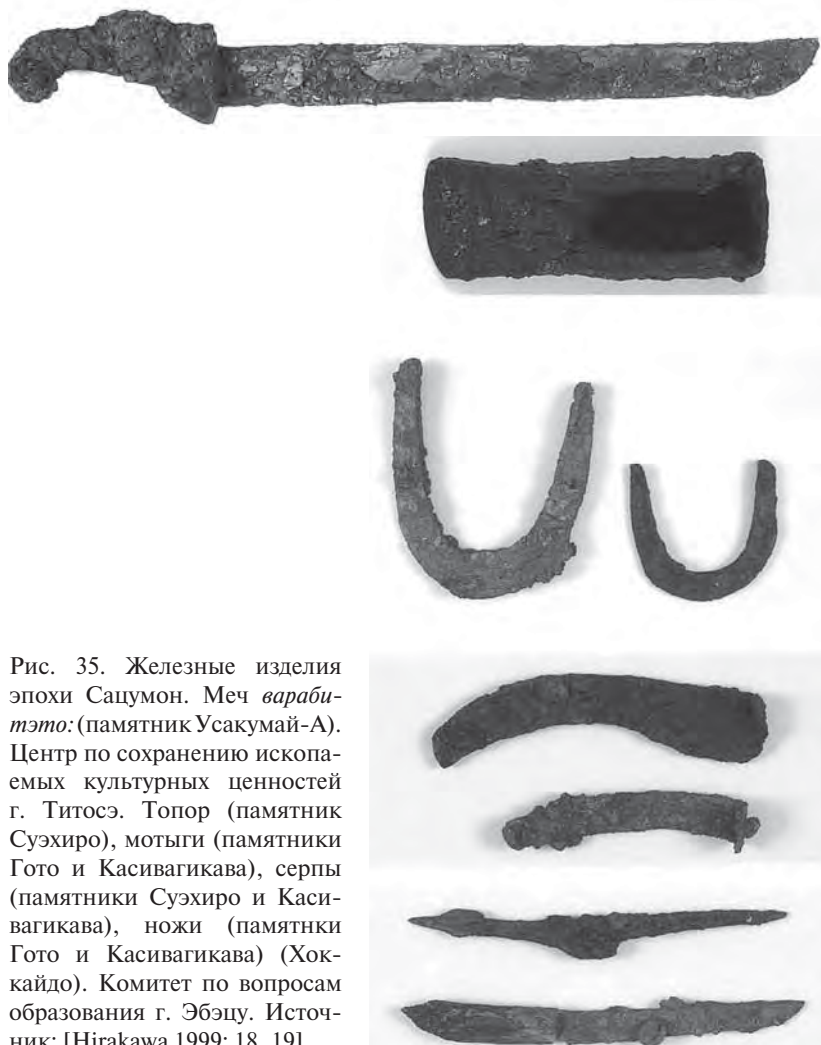

Рис. 35. Железные изделия эпохи Сацумон. Меч *варабитэто*: (памятник Усакумай-А). Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей г. Титосэ. Топор (памятник Суэхиро), мотыги (памятники Гото и Касивагикава), серпы (памятники Суэхиро и Касивагикава), ножи (памятники Гото и Касивагикава) (Хоккайдо). Комитет по вопросам образования г. Эбэцу. Источник: [Hirakawa 1999: 18, 19]

(*доко:бо*) (рис. 35). В курганах Гото конца VIII — первой половины IX в., расположенных в районе Эбэцу-Хэйсон, найдено много привозных изделий с Хонсю: четыре меча с «папоротниковидной» рукоятью (яп. *варабитэто*:), «классические» мечи (яп. *тати*), ножи (яп. *то:су*), топоры, поясная фурнитура, серпы, наконечники стрел,

кольца, инструмент, напоминающий пинцет, иглы⁷³ [Utagawa 1992: 265]. Грунтовые погребения комплексов Усакумай А, Тэнноутидзан, а также Касивагикава и Касивагихигаси района Энива содержали, хотя и в меньших количествах, аналогичный инвентарь. Пока остается неразрешенным вопрос, кто именно использовал это железо [Ibid.: 269].

Металлические изделия встречаются не только в захоронениях, но иногда и на остатках древних жилищ. Например, в Урахоро из полуподземного жилища № 16 археологи извлекли малые клинки, предмет в форме трубки, железные наконечники стрел (памятник Вакацуки (Хоккайдо)). В Соя в одном из жилищ были найдены мечи типа *кэнуки* (мечи, у которых на рукояти есть прорезное ажурное отверстие), топоры, гарпуны, аналогичные айнским *марэк*, обломки железных сосудов и мотыга в форме U (памятник Тоёсато (Хоккайдо)).

Инвентарь, сопровождающий полуподземные жилища, по мнению Х. Утагава, не был собственностью отдельной семьи, а принадлежал всей общине. Однако предполагается, что по мере распространения железных орудий в обществе Сацумон происходило размежевание семей и выделение частной собственности [Ibid.: 249].

Следует отметить, что даже после развития кузнечного ремесла железная продукция местного производства выпускалась довольно ограниченно. В количественном отношении она уступала привозной. Нет ничего удивительного в том, что значительная часть обнаруженных археологами предметов происходит с Хонсю.

Импортная продукция из памятников Сацумон, в частности, представлена медными чашеобразными сосудами (яп. *сарё:ки*), которые использовались японцами в буддийском культе. Их обломки обнаруживаются на Хоккайдо на стоянках XII–XIII вв. Археологи также нашли железные шлемы с полусферическими заклепками (яп. *хосикабут*), изготовленные во второй половине эпохи Хэйан

⁷³ Железная арматура от поясов обнаруживается в кофуне как Хоккайдо, так и Тохоку (VIII в.). В эпоху Хэйан такие ремни полагались чиновникам ниже шестого ранга. Это натолкнуло на мысль о том, что в курганах могли быть захоронены японские чиновники. Однако металлических элементов поясов найдено сравнительно мало, тогда как на ремень они нашлись в большом количестве. Скорее всего, эти вещи получены жителями Хоккайдо в дар от японцев.

(794–1185) (Кусиро; Румоиси), и зеркало *ху-дзёу* эпохи Нансо: (1127–1279) (Кусиро, район Дзаймоку). Установлено, что зеркало было изготовлено в Южном Китае. Аналогичные изделия неоднократно встречались на востоке Хонсю, начиная с района Кинаи, и на побережье Японского моря [Ibid.: 261].

Из кухонной утвари привлекают внимание железные котелки с ушками внутри, которые уже упоминались. В XII–XIII вв. они встречаются в большом количестве в районе Тохоку: в Хираидзуми (префектура Иватэ), Икаригасэкимурафурудатэ, Ёмогитамураодатэ (префектура Аомори)⁷⁴. Приблизительно в конце XIII в. котелки стали ввозиться на Хоккайдо.

Японские ученые составили классификацию котелков, выделив среди них предметы с ушками внутри (с прямым литником, без ножек; с литником круглой формы (с ножками или без ножек)); с подвешенными над краем тулова ушками (с пояском; без пояса); с носиком; другие разновидности⁷⁵. Установлено, что котелки с ушками внутри и прямым литником распространились в южной, восточной и центральной частях Хоккайдо приблизительно в XV–XVII вв.; котелки с литником круглой формы — в период со второй половины XVI по XVII в.; котелки с подвешенными ушками, а также с носиками — с XVII в. (они использовались до сравнительно недавнего времени).

Среди археологических находок есть свидетельства того, что носители культуры Сацумон занимались ткачеством и плетением. Находки немногочисленны, но показательны: бёрдо (памятник Саказура № 2 в Токоро (Хоккайдо)), пряслицы, фрагменты плетеных и тканых изделий (памятник Тоёсато в Соя (Хоккайдо)), обуглившиеся веревки (памятник Вакацуки в Токати; близ Томамаэ в Когава (Хоккайдо)) [Hirakawa 1999: 16; Utagawa 1992: 235]. Обнаружены плетеные изделия, аналогичные айнским циновкам *тома* (рис. 36) [Utagawa 1992: 236].

Судя по ряду сохранившихся кусков ткани, одежду сацумонцы производили из растительных волокон, при этом нити скручивали [Yoshimoto 2006: 155]. Специалист по ткачеству С. Ёсинобу считает,

⁷⁴ Находки в Аомори сопровождалась такими же керамическими сосудами.

⁷⁵ Котелки с носиками часто использовались японцами для подогрева сакэ (яп. каннабэ).

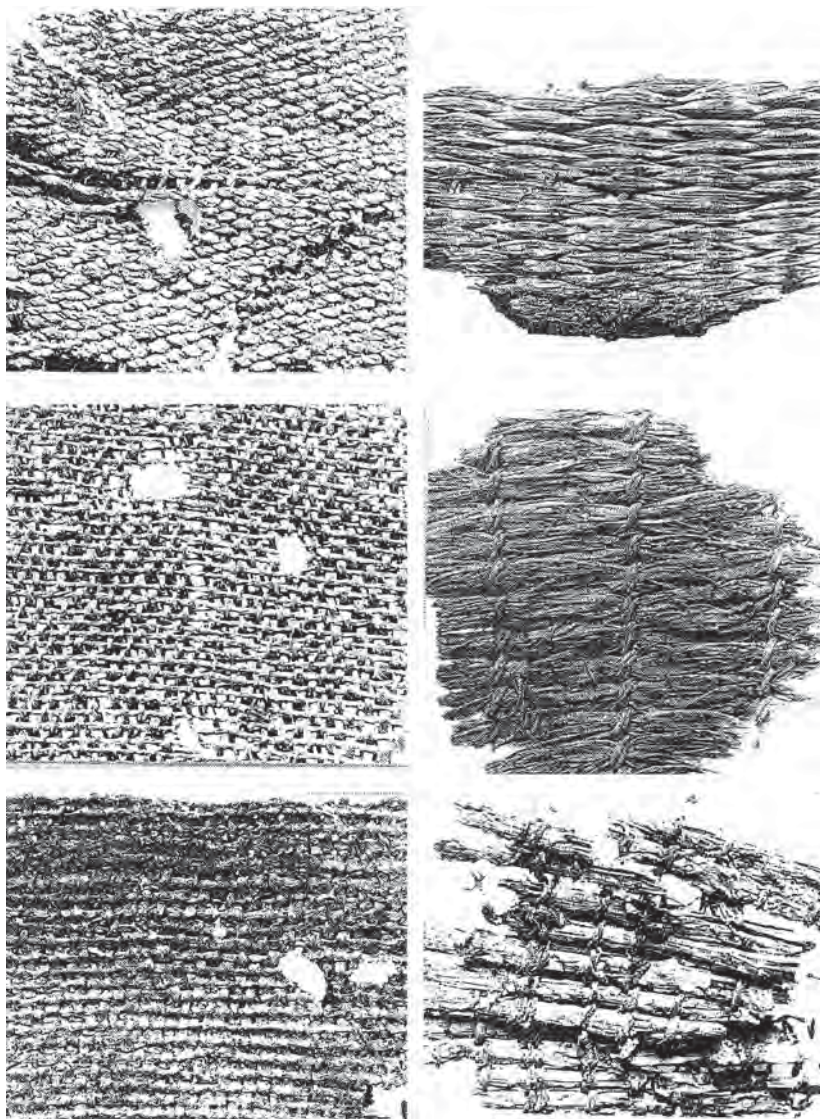

Рис. 36. Тканые (слева) и плетеные (справа) изделия эпохи Сацумон.
Памятник Тоёсато (Хоккайдо).
Источник: [Utawawa 1992: 237]

что уже на ранней стадии становления айнской культуры айны Хоккайдо, возможно под влиянием японцев, утратили этот исконный способ производства нитей [Ibid.: 156].

Приблизительно с V по XII в. на Хоккайдо (в основном на восточном и северном побережье), Сахалине и Курильских островах получила распространение охотская культура. Сацумон и охотская культура некоторое время существовали вместе, взаимно обогащая друг друга.

По мнению А. А. Василевского, единой охотской культуры как таковой не существовало, она — «секвенция родственных локальных археологических культур, соседствовавших друг с другом во времени и в пространстве» [Василевский 2002б: 90]. Эти культуры, среди которых наиболее отчетливо выделяются сусуйская, товада и собственно охотская, «кроме схожих принципов хозяйственности, обусловленных существованием в одной экологической нише, практически ничего общего между собой не имели» [Дерюгин 2008: 63].

Предполагается также, что охотская культура была прочно связана с культурами амурских народов (охотников) и происходила с Сахалина⁷⁶ [Василевский 1981: 70, 90; Ицуки 1992: 125; Kikuchi 1999: 56, 52]. Вначале она получила распространение на Сахалине, а затем на Хоккайдо и Курильских островах, при этом на Курилах сразу в двух вариантах — южно- и северокурильском⁷⁷.

Археологи выделяют в охотской культуре два этапа: ранний (V–IX вв. н.э.) и поздний, который делится на два периода: развитый (середина VII–IX вв.) и поздний (конец IX–XII вв. н.э.) [Шубина 1999: 240]. Впрочем, нижние границы культуры могут несколько различаться в зависимости от региона.

⁷⁶ Керамика с короткими гребенчатыми оттисками, характерными для охотских сосудов, встречается в неолитических памятниках Сахалина (Имчин-2) и низовьев Амура (памятник Тэбах) (сосуды низовьев Амура украшались также орнаментом в виде резных горизонтальных линий, сочетающихся с гребенчатыми оттисками). Это свидетельствует о генетической связи охотской культуры с неолитическими поселениями Северного Сахалина, а через них и с культурами низовьев Амура [Василевский 1981: 93].

⁷⁷ Следы охотской культуры обнаруживаются на Итурупе в памятниках Исис, Березовка, Оля-1, Курильск-1, Рейдово; на Шикотане — в Бухте Дельфин; на Кунашире — в Фурукамаппу; на Парамушире — в Савушкино [Василевский, Горбунов, Кузьмин URL: <http://journal.sakhgu.ru>].

По данным антропологии, охотцы занимают промежуточное положение между дзёмонцами и амурскими группами. Согласно краниологическим исследованиям, в становлении охотского типа принимали участие арктические популяции, сходные с эскимосами и чукчами, а также древние группы тунгусо-маньчжуров, проникших на Южный Сахалин с низовьев Амура в первых веках нашей эры [Моисеев 2008: 140]. У тунгусо-маньчжуров прослеживаются связи с сушенъско-бохайским культурным типом. С этой точки зрения охотцев можно считать выходцами из Приморья и Маньчжурии [Косарев В. Д. 2010: 154].

Если на Сахалине охотская культура продолжала существовать вплоть до XII–XIII вв., то на Хоккайдо под давлением носителей культуры Сацумон она стала исчезать уже к концу IX в. В это время охотцы сконцентрировались в восточной части острова, где в результате смешения двух традиций (охотской и сацумонской) возникла культура тобинитай, характеризовавшаяся своеобразной керамикой. Культура тобинитай существовала с IX по XIII в., после чего влилась в состав культуры сацумон [Ushiro 1999: 10]. Существует точка зрения, что дольше всего охотцы просуществовали на Курильских островах [Васильевский 1973: 196].

В отличие от Сацумон, главными видами хозяйственной деятельности охотцев были морское рыболовство и охота на морских млекопитающих [Дерюгин 2008: 61; Kikuchi 1999: 56]. На древних стоянках сохранились кости кита, сивуча, тюленя, дельфина, моржа, калана. Обнаружены также останки волка, лисицы, барсука, оленя, медведя, песца, что свидетельствует о важном значении охоты на наземных животных [Васильевский 1973: 179]. Кроме того, охотцы разводили собак и свиней [Ushiro 1999: 7].

На черепках собак в местообитаниях охотцев нередко встречаются рубцы и следы от ударов, нанесенных острым орудием (стоянка Мойоро (Хоккайдо)). По всей видимости, собаки служили охотцам и транспортным средством, и пищей. По останкам свиней определено, что они отличаются от животных, разводившихся в Японии. Очевидно, свиньи ввозились с материка. Известно, что в I тыс. до н.э. они были распространены в районе современного Владивостока [Васильевский 1973: 179].

Сохранились свидетельства того, что охотская культура имела тесные связи с айнской. Это касается обряда «проводов медведя».

Обряд «проводов», получивший широкое распространение на территориях Северо-Востока Евразии и Северной Америки, предполагал ритуальное убийство медведя с «проводами» его души в высший мир божеств.

У ряда народов, в частности, Сибири широко распространены устойчивые традиции, в соответствии с которыми использовали медведей, убитых на охоте. Айны же для этой цели выкармливали в клетке медвежонка, отнятого у медведицы или пойманного в лесу. Зона распространения обычая выкармливать животное в неволе ограничивалась районами расселения нивхов, ульчей, нанайцев, орочей, ороков, негидальцев, айнов.

Среди памятников охотской культуры и культуры сацумон археологические находки, имеющие отношение к медвежьему празднику (скопление медвежьих костей и алтари), обнаруживаются преимущественно в первых. Более того, именно охотцы изготавливали миниатюрные фигурки медведей из кости и клыков (рис. 37). Можно предположить, что айнские культы формировались под сильным влиянием материковых охотничьих традиций [Kikuchi 1999: 58].

Рис. 37. Фигурка медведя из клыка охотской культуры. Памятник Каваниси (Хоккайдо). Муниципальный краеведческий музей г. Абасири. Источник: [Kodai horro: 2008: 22]

Примечательно, что на Сахалине носители охотской культуры строили укрепления, аналогичные айским *тяси*. В этой связи показателен хорошо изученный археологический памятник Белокаменная-тяси (яп. *хацукохама-тяси*). Он расположен на восточном побережье залива Анива, на небольшом мысе (длиной около 35 м и высотой 30–32 м над уровнем воды), и занимает площадь около 700 кв. м. Сохранились вал длиной 20 м и высотой 1–1,5 м, ров глубиной 2–2,7 м, а также следы двух жилищ полуземляночного типа. Из находок здесь наиболее массово представлена керамика. Культурный слой II (из трех) содержал позднеохотскую орнаментированную керамику типа минами-кайдзука, образцы керамики раннего периода охотской культуры — эноура и сусуя, каменный инвентарь (наконечники стрел, ножи, скребки, топоры). Культурный слой III включал керамику сусуйского типа (орнаментированные остродонные сосуды и посуду переходного типа от остродонной к плоскодонной), каменные и костяные изделия, в том числе наконечники гарпунов поворотного типа. Наконец, в обоих горизонтах культурного слоя обнаружены бусины (в том числе стеклянные) и металлические детали к поясу⁷⁸. Радиоуглеродные датировки позднеохотского слоя указывают на X–XIII вв. [Шубина 1999: 245].

Среди охотских памятников более всего выделяются полуподземные жилища, которые встречаются и на Сахалине (поселения Озёрск I, Анфельцево II, Свободное, Стародубское II), и на Хоккайдо (стоянки Токоро, Вакацуки) [Васильевский 1981: 119; Шубина 1999: 240; Utagawa 1992: 292]. На ранней стадии котлованы жилищ были прямоугольной формы, в VIII–IX вв. начали возводиться многоугольные (пяти–шестиугольной формы) (рис. 38). В глубину они достигали 0,5 м, а в длину и ширину — приблизительно 8–10 м. Встречаются также большие жилища — размером около 15 м и более⁷⁹. В небольших полуземлянках проживали две–три семьи, а в больших — четыре–шесть.

Деревянный каркас дома состоял из опорных столбов, которые располагались не только сбоку, но и вдоль центральной линии, конька, боковых жердей, сходящихся к коньку, а также попереч-

⁷⁸ К моменту исследования Белокаменная-тяси культурные слои оказались сильно перемешаны.

⁷⁹ По сравнению с дзёмонскими, дзокудзёмонскими и сацумонскими землянками, охотские были самыми крупными.

Рис. 38. Полуподземное жилище охотской культуры.
Памятник Токорокавакако: (Хоккайдо). Источник: [Amano 2003: 120]

ных жердей. Внутри жилища земляные стены укреплялись досками. Дощатые стены незначительно возвышались над землей. Вдоль стен иногда прослеживаются остатки пола с дощатым настилом. Пол мог быть обмазан глиной, крыша покрывалась берестой. Для крепления бересты использовались деревянные гвозди. Бересту и гвозди археологи обнаружили в одном из жилищ *татэана* № 15 (памятник Токорокавакако (Хоккайдо)). Не исключено, что поверх бересты насыпалась земля [Takeda Osamu URL: http://www.um.u-tokyo.ac.jp/publish_db/2002Ohotsk/03/3500/html; Oho:tsukubunka ki URL: <http://www2.ttcn.ne.jp>; Ushiro 1999: 7].

Наземный вход предположительно делался в виде широкого проема или коридора. Внутри находился один четырехугольный очаг, выложенный из камня и располагавшийся по центру, или несколько очагов. Особенностью таких жилищ было то, что их пространство делилось на «внутренний» (центральный) и «внешний» сектора. Во «внешних» секторах с торцевых концов дома часто встречаются кости животных. Предполагается, что это были места для отправления культов. Впрочем, в некоторых жилищах такие сектора отсутствуют.

С боковых сторон, скорее всего, стояли нары, на которых обитатели дома спали, а также держали хозяйственный инвентарь. В частности, в одном из сохранившихся жилищ вся утварь, включая охотничье снаряжение, была обнаружена вдоль стен (памятник Кабукай (Рэбун)). Здесь же оказались и различного рода украшения [Васильевский 1981: 119].

Предполагается, что носители охотской культуры проживали в полуземлянках лишь в зимнее время, а с наступлением тепла перемещались в летние жилища сезонных стоянок. Летние жилища строились поблизости от мест промысла рыбы и морских млекопитающих (стоянки Мотои, Уэдомари, Найро (Рэбун)) [Там же].

Ранний период сусуйской культуры, как отмечалось, характеризует стоянка Стародубское-2. Она необычна для Сахалина своим масштабом — включала 53 землянки. Приблизительно число обитавших здесь составляло 400 человек [Козырева 1967: 38].

В среднем размеры землянок Стародубского-2 составляли 12–15×10 м, в глубину достигали 0,5–0,75 м. Сохранились следы более крупных строений — 18×12 м и глубиной до 80 см. Одно из них представляло собой удлинённо-прямоугольное жилище с каркасом из четырех центральных и пристенных столбов, крутым выходом и специальной канавкой для усиления тяги в очагах. Пять небольших очагов располагались слева у входа, рядом с ними находились хозяйственные ямы. Возможно, левая часть дома служила для кухонных нужд. В культурном слое обнаружено множество керамики и изделий из камня [Там же: 31, 43]. По конструкции эта землянка относится к типу жилищ Тихоокеанского региона и датируется II–I тыс до н.э. [Там же: 47].

На северном побережье залива Терпения (поселение Западное 10–12 (Сахалин)) археологи обнаружили следы жилищ необычной конструкции — постройки в виде концентрических насыпей, возвышающихся над поверхностью от 0,4 до 1 м, имевших в плане форму круга или овала диаметром по подножию от 7 до 19 м. На насыпях размещались котлованы почти вдвое меньшего диаметра, пол которых находился на уровне подножия насыпи или чуть выше. Среди находок, сделанных в пределах поселения, — раковинные кучи и необычная для этого района круглодонная керамика, орнаментированная жемчужинами (аналогичная найдена на поселениях Донское 2–3 и Бердянские озера-1). По керамике археологические памятники датируются первой половиной I тыс. н.э. [Федорчук 2002: 44].

Интересны остатки постнеолитических жилищ Южного Сахалина (поселение Охотское-3). У них прямоугольные котлованы со сглаженными углами и выпуклыми сторонами, а также котлованы 5–6-угольной формы, размером от 4 до 7 м и глубиной 15–20 см. Стенки подсыпались землей до 0,3–0,5 м. Сохранились небольшие коридорообразные выходы наземного типа (в некоторых жилищах в виде насыпного пандуса) в сторону водоема. Каркас состоял из вертикальных опорных столбов и наклонных стропил, опиравшихся на внутреннюю обвязку. Во всех жилищах размещались глинобитные либо выложенные из камня печи (с дымоходами, выходящими наружу), а у некоторых в центре были открытые кострища [Шубина 2002: 50, 55].

В жилище № 41 обнаружены «мелкие чешуйки светло-серого блестящего металла, крупный камень-наковальня, остатки корродированного железа» — свидетельства примитивной «домашней» металлургии [Там же: 57]. В жилище № 75 открыты фрагменты сосудов с внутренними ушками типа *найджи* и фрагмент вещества красного цвета — предположительно лак от деревянного сосуда [Там же: 58]. Отмечены следы ритуальных «захоронений» печей, делавшихся, очевидно, в случае, если хозяин и обитатели жилища покидали место⁸⁰. В целом, землянки Охотское-3 датируются XII–XVI вв. н.э. [Там же].

Аналоги глинобитных печей встречаются не только на Сахалине (поселения Стародубское-3 (жилища № 3, 4), Седых-1 (жилища № 1, 4)), но и на памятниках начального периода Сацумон (IX в. н.э.) на Хоккайдо⁸¹. Так, в Отару, Энива и Титосэ сохранились землянки с печами и каменными дымоходами, а также с открытыми очагами на полу [Там же: 59].

Несколько традиционных охотских жилищ исследовано на Шумшу и Парамушире. Для них характерны округлые или прямоугольные с закругленными углами котлованы диаметром 3–10 м и глубиной 0,4–1,2 м. В центре или с небольшим смещением к стене со входом размещался округлый, иногда прямоугольный очаг, сооружавшийся из валунных галек либо камней. Внутри находились опорные столбы для перекрытий, вход располагался чуть выше уровня

⁸⁰ Дымовое отверстие забивалось или покрывалось глиной.

⁸¹ Одно из жилищ с печью на памятнике Стародубское-3 датируется XV–XVI либо XVII в. и по ряду признаков отчетливо соотносится с айнской культурой [Василевский 1995а: 95].

пола и сооружался, по-видимому, со стороны, противоположной направлению морских ветров. Аналогичные постройки обнаружены на Кунашире и Итурупе. Они напоминают некоторые землянки Хоккайдо (стоянки Мойоро, Онкороманаи) [Васильевский 1973: 189].

С IX по XIII в. в восточной части Хоккайдо и на Кунашире существовала культура тобинитай, объединившая традиции охотцев и сацумонцев. Наиболее ярко отличительные черты тобинитай проявились в конструкции жилищ — квадратных землянок, по форме идентичных сацумонским, с очагом охотского типа в центре, выложенным из камня. Здесь не делались печи *камадо*, характерные для памятников Сацумон, а также глиняная обмазка пола, использовавшаяся на охотских стоянках [Utagawa URL: <http://www.um.u-tokyo.ac.jp>].

На Парамушире археологи исследовали сложный жилой комплекс, состоявший из четырех подпрямоугольных построек, соединившихся между собой узкими коридорообразными переходами. Там, где переход соединялся со входом, было перекрытие из костей кита. Судя по всему, это более поздний тип охотских жилищ. Аналогичные сооружения встречаются на древнекорякском поселении Атарган, относящемся к X–XIII в. [Васильевский 1973: 192].

Следует согласиться с Р. С. Васильевским в том, что постройки охотской культуры можно отнести к единому кругу жилищ племен Тихоокеанского севера [Там же].

Погребения охотской культуры представлены грунтовыми могилами *доко:бо*. Как правило, они находились вблизи поселений. Распространение получили захоронения костяков в скорченном положении с ориентировкой на северо-запад (раковинные кучи Моёро, Саказура-2 (Хоккайдо)), хотя иногда встречаются погребения с вытянутыми костяками (памятник Мэнасидомари (Хоккайдо)), а также погребения, ориентированные на запад, юго-запад, север⁸². В одной из могил поверх костяка (мужчины лет сорока), располагавшегося в скорченном положении на спине, лежало несколько больших плоских камней (раковинная куча бухты Дельфин (Шикотан))⁸³. Очевидно, что костяки с камнями — наследие древних нео-

⁸² Способ погребения в скорченном положении широко использовали гиляки, эскимосы, чукчи, алеуты [Васильевский 1973: 192].

⁸³ Рядом находились орудия морского зверобойного промысла из кости и фрагменты керамических сосудов охотского типа [Спеваковский 1989: 54].

литических традиций. Череп костяка покрывал керамический сосуд [Спеваковский 1989: 54].

Костяки с керамическими сосудами на голове — не редкость для охотских памятников. Однако японские исследователи выявили тенденцию более позднего возникновения такой формы. На ранней стадии развития охотской культуры фиксируются погребения без сосудов, затем развивается традиция захоронений с сосудами, а впоследствии появились аналогичные погребения, но с камнями на поверхности могилы (яп. *хайсэкибо*).

Сопроводительный инвентарь описанных выше могил представлен предметами вооружения, орудиями охоты и рыболовства, украшениями. Среди них встречаются изделия собственного производства (гарпуны, рыболовные крюки, наконечники стрел), континентального (ушные кольца, колокольчики, декоративные накладки, наконечники копий, ножи), а также с Хонсю (мечи *варабумэто*:) [Oho:tsukubunka URL: <http://www.city.kitami.lg.jp>; Kumamoto URL: <http://www.um.u-tokyo.ac.jp>].

Переходя к рассмотрению охотской керамики, возникновение которой непосредственно связано с развитием керамических традиций сусуя, отметим, что условно здесь выделяются типы товада, эноура (В и А), минами-кайдзука и хигаси-тарайка. Они характеризуются своеобразием формы и орнаментального убранства (рис. 39). Среди орнамента встречаются резная, веревочная, штампованная (гребенчатая), а также накладная разновидности. Некоторые эле-

Рис. 39. Керамические сосуды охотской культуры. Раковинная куча Моёро (Хоккайдо). Муниципальный музей г. Хакодате. Источник: [Kodai horro: 2008: 21]

менты имели оригинальную форму [Ицуки 1992: 125]. Считается, что сравнительно древний веревочный и штампованный орнаменты развились на Сахалине, тогда как более поздний накладной декор — на Хоккайдо.

Керамика товада, по всей вероятности, имевшая отношение к самаргинской культуре северного Приморья, распространилась в V–VII вв. в юго-западных и северных районах Сахалина, а также на северо-востоке Хоккайдо. Это слабопрофилированные плоскодонные сосуды, декорированные проколами ниже венчика, резными линиями и наклепными валиками с насечкой [Васильевский 1981: 88; Дерюгин 2008: 59]. Иногда выполнялись оттиски штампа. Орнамент, состоявший из проколов, напоминает декор самаргинских и дзокудзёмонских (тип хокудай) сосудов, тогда как штампы сближают керамику товада с посудой сусуя⁸⁴ [Исао 2003: 79; Utagawa 1992: 279].

Тип эноура обнаруживается в археологических памятниках VII–IX вв., причем не только на Сахалине, Хоккайдо и северной части Курильских островов, но даже на севере Хонсю и в низовьях Амура. Для него характерны горшечные плоскодонные сосуды с горловиной, которые делятся на эноура-В и эноура-А. Первые украшались гребенчатыми оттисками, резными линиями и наклепными валиками, ко вторым добавился фигурный штамп. По одной точке зрения, стиль эноура базировался на традициях найфельдской группы мохэской культуры, по другой — берет начало от польцевской культуры.

Традиции эноура, а также керамики тэбахского типа легли в основу стиля минами-кайдзука, охватившего с середины IX по XIII в. весь Сахалин и устье Амура⁸⁵. Есть разные варианты этого

⁸⁴ Поскольку в сосудах товада и керамике сусуя обнаруживается преемственность культурных традиций, ряд исследователей относит период Сусуя к раннему этапу развития охотской культуры [Исао 2003: 78]. Существует также мнение, что охотская культура непосредственно была связана лишь с гончарными традициями эноура и минами-кайдзука.

⁸⁵ Памятники тэбахской культуры расположены на протяжении 100 км от устья Амура до р. Тыр, большинство — на береговых террасах. Датируется культура временем II–I вв. до н.э. — IV–V вв. н.э. Отличительная черта тэбахской керамики — сосуды с выделенной горловиной, плоскодонные или круглодонные, светло-коричневого цвета, с наклепным валиком под венчиком (иногда с насечками), зашипами, насечками, резными линиями, наколами, гребенчатыми оттисками и пр. [Исао 2003: 83].

стиля, характерным для которого стали слабопрофилированные горшки со штампами, резными линиями, насечками и незначительно углубленными полосами⁸⁶. На Хоккайдо керамика минами-кайдзука встречается лишь на стоянке Уэннай. Очевидно, на заключительной стадии охотской культуры произошло расхождение ранее родственных культур Южного Сахалина и Северной Японии [Дерюгин 2008: 62; Шубина 1999: 240].

Еще один тип охотской керамики — хигаси-тарайка — бытовал приблизительно в VIII–IX вв. в центральных и южных районах Сахалина. Он представлен плоскодонными сосудами с зашипами, лепным, штамповым и резным орнаментом. Орнамент во многом напоминал декор эноура-А и минами-кайдзука, кроме этого, просматривалось сходство с продукцией Сацумон [Исао 2003: 85].

В поздний период охотской культуры на северо-востоке Хоккайдо и на юге Курильских островов доминирующее положение заняла керамика тобинитай — горшечные сосуды двух видов: с горловиной и прямым отогнутым венчиком и без четко выраженной горловины с рельефным венчиком, как у керамики эпохи Сацумон. Для первого вида типичен охотский орнамент в виде наlepных волнистых полос, а для второго — то, что к наlepным полосам добавился сацумонский узор из наклонных и пересекающихся прочерченных линий. Культура тобинитай отличается своеобразием, поэтому может считаться самостоятельной [Дерюгин 2008: 63].

Интересно, что на охотской керамике иногда встречаются фаунистические изображения. Среди немногочисленных находок: кувшин с фигурной головой медведя, приподнимающейся над венчиком (Кунашир), горшок с рельефными птицами (раковинная куча Моёро (Хоккайдо)), сосуд со схематичным рисунком медведя, выполненным резными линиями (поселение Рубэцу (Итуруп)), фрагменты большого горшковидного изделия, украшенного композицией из плывущих друг за другом рыб (памятник Рэйдово (Итуруп))⁸⁷ [Голубев, Прокофьев 1976: 119; Ushiro 2003: 140, 145]. Как видно из описания, изображения выполнены в различной технике, нередко

⁸⁶ С керамикой эноура-А сосуды минами-кайдзука сближало наличие горизонтальных линий и штамповых отисков.

⁸⁷ Костяные игольники с похожими рисунками обнаружены на стоянках Хоккайдо (Майоро) и Сахалина (Сусуйская) [Голубев, Прокофьев 1976: 119].

они дополняются наклепными линиями или насечками. Все сосуды происходят из разновременных памятников.

На некоторых стоянках Сахалина первой половины I тыс. н.э. есть необычная керамика — круглодонные горшки с отогнутыми наружу венчиками и жемчужными выступами, нанесенными продавливанием стенки изнутри. В иных случаях горловина, плечики и венчики орнаментировались оттисками (комплексы Западное 10–12, Донское 2–3, Бердянские озера-1 (северное побережье зал. Терпения)). Установлено, что круглодонные сосуды с жемчужным орнаментом характерны для неолита и эпохи бронзы Восточной Сибири и Якутии. Очевидно, на Сахалин они попали из этих районов [Федорчук 2002: 44].

В промысловой и хозяйственной деятельности охотцы использовали разнообразный инвентарь. На ранней стадии охотской культуры преобладали каменные изделия: наконечники гарпунов, стрел, ножи, скребки, топоры, тесла, грузила, шлифовальные плитки, отбойники, песты. Со временем камень стал отходить на второй план, но многие орудия из него не утратили значения вплоть до финального периода.

Для изготовления инвентаря, который обрабатывался в той же технике, что в Дзюкудзёмоне, применялись кварцит, базальт, агат, сланец, кремнистые породы, обсидиан. Обсидиан использовался редко, а базальт, сланец и агат получили широкое распространение. Но исходный материал не ограничивался перечисленными породами. На Хоккайдо в раковинной куче Моёро археологи нашли яшмовые украшения — кольца. Яшма пользовалась спросом у туземцев и в прошлые эпохи, поэтому находки колец свидетельствуют о продолжении давних традиций.

Из числа каменных орудий разнообразием форм отличались ножи и стрелы. Среди ножевидных предметов встречаются изделия с овально-удлинненным лезвием и прямой рукоятью, с шейкой-перехватом у основания подтреугольной формы. Наконечники стрел представлены черешковыми, листовидными или треугольными изделиями. Такие предметы служили туземцам важным подспорьем на охоте и в хозяйстве. Например, ножи использовались при разделке животных и обработке шкур.

Для таких предметов, как гарпуны или стрелы, наряду с камнем применялась кость. Она хорошо подходила также для рыболовных крючков, игл, игольников, украшений.

Гарпуны в хозяйстве охотцев, активно занимавшихся морской охотой, играли существенную роль. Они были зубчатые и поворотного типа, снабжались каменными или металлическими наконечниками, нередко орнаментировались. В целом охотские гарпуны обнаруживают сходные черты с орудиями древнего населения северной Японии, народов побережья Охотского, Берингова моря и эскимосов (инуитов).

По форме гарпунов можно провести границу между Сахалином и территорией Хоккайдо, Кунашира, Итурупа. На Сахалине, в отличие от названных районов, в ходу были изделия с симметрично расположенными зубцами, специальными отверстиями для штифта и пазами для лезвия. Некоторые поворотные гарпуны имели выемчатое основание⁸⁸ [Васильевский 1973: 179, 180].

Наряду с гарпунами незаменимым орудием рыбного промысла являлись крюки — простые и составные. Простые изготавливались из кости крупных животных (в форме U) или оленьего рога (в форме V). Составные собирались из нескольких элементов, в частности из двух стержней, срезанных под углом и смонтированных вместе [Там же: 182].

Кроме костяных орудий рыболовства и морского промысла, обычными были трубчатые игольники из птичьих костей. Они орнаментировались прямыми и волнистыми линиями, короткими насечками, геометрическими фигурами, изображениями морских животных, птиц и сцен охоты [Там же: 183]. Интересен игольник с рисунком охоты на кита, обнаруженный на о-ве Бэнтэндзима. На нем изображена лодка с охотниками и раненое животное. Лодка, по мнению некоторых японских ученых, обнаруживает сходство с айскими долбленками из археологического памятника Нуманохата (Хоккайдо) [Васильевский 1981: 73; Amano 2003: 118].

На охотских стоянках нередко встречаются высокохудожественные произведения мелкой пластики: женские фигурки, изображения морских животных и медведей. Большинство из них изготавливалось из кости или клыка морских животных.

Самая известная находка — женская фигурка из клыка сивуча (памятник Дзюбээдзава (Рэбун)), высотой 13,8 см, четко обозначен-

⁸⁸ Гарпуны туземцев Северных Курил напоминали продукцию Юго-Западной Аляски и Алеутских островов. Показательный пример — наконечники с односторонне расположенными зубцами [Васильевский 1973: 180].

ны голова, две руки, соединенные спереди, расширяющаяся книзу юбка. Такие предметы напоминают монгольские изображения VII–VIII вв. [Utagawa 1992: 285]. Среди других изделий выделяются фигурки медведей высотой 4,5–6 см (памятник Кабукай (Рэбун)). На всех фигурках — сквозные отверстия, по-видимому, для подвешивания. Похожие предметы встречаются в других памятниках (стоянка Онкороманай (Хоккайдо)) [Васильевский 1981: 124].

Одного из медведей охотцы изобразили стоящим на четырех лапах (памятник Хаманака (Рэбун)). Скульптура вырезана из клыка и благодаря умелому использованию резчиком материала хорошо воссоздает фактуру шерсти. По форме статуэтка напоминает деревянные фигурки айвов *инока*.

Сохранились такие скульптуры медведей, у которых посередине спины отчетливо просматриваются полосы с рядами точек, а на морде — серия точек в виде линии (памятники Момбэцу, Юбэцу (Хоккайдо)). Ученые склонны видеть в этих формах схематическое изображение ритуального медвежьего пояса [Васильевский 1981: 125; Ushiro 1999: 9]. Много фигурок с подобием пояса собрано на юго-западном побережье Сахалина (памятник Ивановка) [Gorbunov, Amano 2002: 169].

Вызывает интерес, что археологи часто находят скульптуры в дальнем от очага углу жилища — там, где обычно располагалось почетное место. В этом же углу нередко оказываются и черепа медведей⁸⁹. Более того, иногда при раскопках древних жилищ медвежьи фигурки обнаруживаются рядом с костяными женскими статуэтками, например в памятнике Хаманака (Рэбун). Можно предположить, что медвежьи и женские изображения символизировали мужское и женское начала в обрядах плодородия [Васильевский 1981: 127].

Ценным для охотской культуры материалом был металл — в археологических памятниках нередко попадают металлические предметы континентального происхождения: бронзовые украшения к поясу, наконечники копий, ножи, наконечники стрел, серебряные ушные кольца, железные колокольчики⁹⁰. На хоккайдских поселени-

⁸⁹ Известны случаи, когда нивхи размещали медвежьи черепа не в амбарах, а прямо в домах на специально сооруженных помостах [Васильевский 1981: 129].

⁹⁰ Атрибуты наборных поясов указывают на связь охотцев с носителями мохэской и покровской культур Дальнего Востока [Шубина 1999: 240].

ях и в погребениях позднего времени также находят японские копья и мечи *варабитэто*: (памятник Моёро) [Там же: 85]. И все-таки по количеству металлических предметы значительно уступают костяным.

Кроме уже перечисленных находок, встречаются бусины из янтаря и стекла, разного рода деревянные изделия (памятники Белокаменная-тяси (Сахалин), Мацуноригавахокуган, Тобинитай (Хоккайдо)), фрагменты веревок, шнуров и тканей из растительных волокон (памятник Тобинитай (Хоккайдо)) [Шубина 1999: 236; Kikuchi 1999: 52, 280, 282; Utagawa 1992: 287, 288].

Большая часть деревянных предметов — это утварь, в том числе миски, чашки, тарелки, ложки (рис. 40). Сохранились даже обугленные сосуды из коры (памятник Мацуноригавахокуган (Хоккайдо)) [Utagawa 1992: 288]. Но наивысшее развитие деревянная индустрия получит в последующее время — у айнов.

Под сильным влиянием культуры сацумон охотская культура на Хоккайдо постепенно исчезла. Последние ее очаги прослеживаются в рамках тобинитай (IX—XIII вв.). На смену сацумон в свою очередь пришла айнская культура.

Эмиси

Приблизительно с момента основания государства Ямато и по мере формирования национального самосознания японцев, происходившего под сильным влиянием корейской и китайской культур (эпохи Нара (710—794) и Хэйан (794—1185)), население территорий, находившихся вне поля зрения Ямато, стало рассматриваться как варварское. «Варвары» различных земель Японского архипелага в летописях того времени назывались разными словами, в том числе *эмиси* или *эбису*. В этом отношении наименование *эмиси*, в отличие, например, от *айну*, не представляется чисто этническим.

Что реально представляли собой туземцы северо-востока Хонсю (именно за ними со временем и закрепилось название *эмиси*), до сих пор трудно ответить. Ведь в северном Тохоку, например, ранние следы поселений постдзёмонской эпохи, которые начинают отчетливо проявляться лишь в конце V — начале VI в., указывают преимущественно на носителей культуры кофун. Поселений же времени с конца III по V в. практически нет. А между тем еще в финальном дзёмоне в области современной префектуры Аомори процветала культура камэгаока (памятники Камэгаока, Корэкава), оказавшая

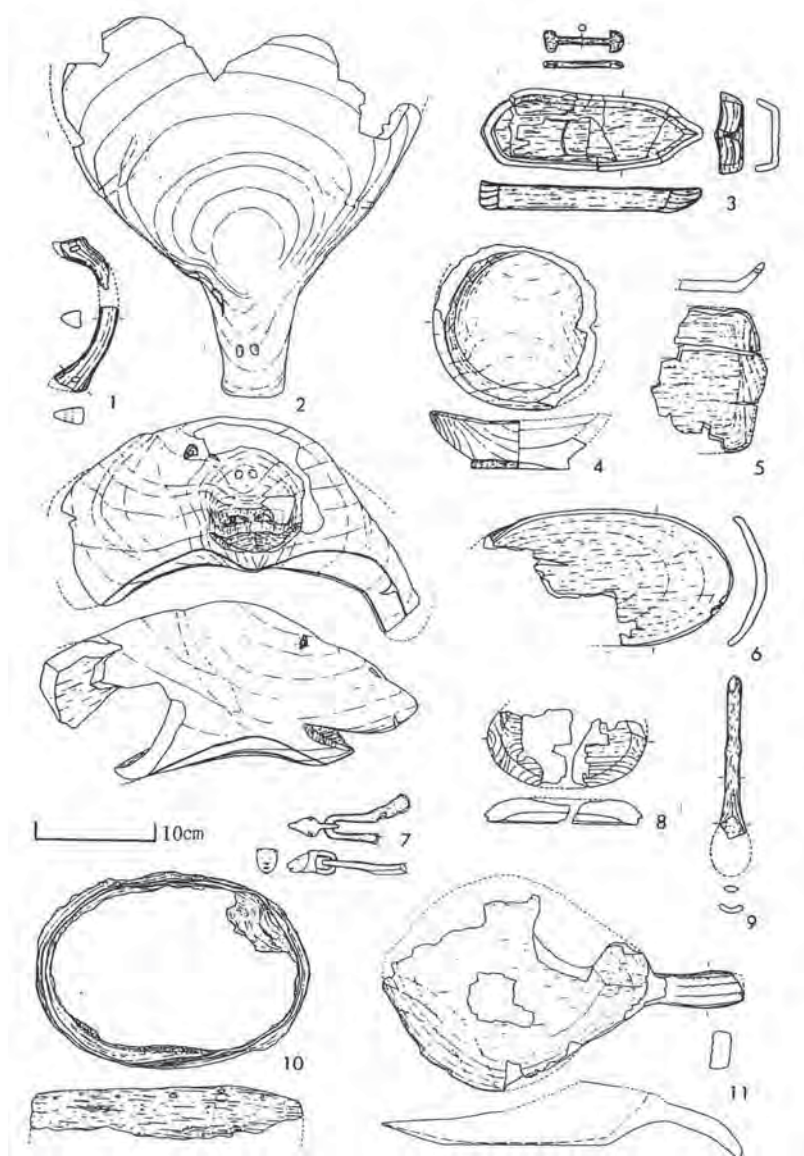

Рис. 40. Фрагменты деревянной утвари охотской культуры. Памятник Мацуноригавахокуган I (Хоккайдо). Источник: [Utagawa 1992: 288]

значительное влияние на соседние регионы, в том числе на юго-западные районы Хоккайдо (керамика эсан). Носители этой культуры занимались возделыванием зерновых, пользовались окрашенной керамикой, лакированными предметами из дерева. И сейчас в Аомори можно видеть остатки округлых полуподземных жилищ и грунтовых погребений *доко:бо* того времени. Впрочем, уже с наступлением периода дзокудзёмон культура камэгаока угасла.

Отметим, что в северных районах Тохоку и на Юге Хоккайдо в некоторых памятниках III–IV вв. встречаются однотипные керамические горшки ко:хоку С2 и ко:хоку D, сосуды с носиком, а также круглые скребки из обсидиана, что говорит об определенном сходстве материальной культуры жителей обоих регионов. Однако плотность населения на севере Хонсю тогда была низкой.

По археологическим данным, в V–XI в. прослеживаются три волны миграции, из которых наиболее крупными были вторая и третья [Matsumoto 2006: 191]. Это дает основание полагать, что значительную часть общества «северных» *эмиси* составили пришлые, постепенно смешавшиеся с немногочисленными исконными жителями и оказавшие на них большое влияние.

Следует сделать оговорку, что те, кого мы называем пришлыми, не обязательно являлись *вадзин*, то есть древними японцами. Это могли быть те же *эмиси*, которые в III–V вв. отошли к югу (например, из-за похолодания, наблюдавшегося в финальном дзёмоне), а затем, испытав влияние культуры кофун, снова выдвинулись на север. Вопрос идентификации осложняется отсутствием антропологических данных.

Более того, как справедливо считает В. Д. Косарев, понятие «эмиси» с течением времени претерпевало изменения. Выше указывалось, что изначально так обобщенно называли тех, кто не желал подчиняться двору, затем, по мере освоения южных областей, «эмиси» закрепилось за обитателями северо-восточной Японии, а потом появились группы, вобравшие элементы культур яёи и кофун, однако продолжавшие осознавать себя именно *эмиси* и воспринимавшиеся соответственным образом японцами.

Итак, первая волна (не очень большая) носителей культуры кофун в северный Тохоку (конец V — начало VI в.) пришлась на область со стороны Тихого океана, с центром в Хатинохэ⁹¹. Результа-

⁹¹ Этническая принадлежность переселенцев не установлена.

том стало появление там полуподземных жилищ с печами *камадо*. Самый ранний пример жилища с печью (конец V в. — начало VI в.) археологи открыли на стоянке Тамукай хиямидзу в Хатинохэ (префектура Аомори). Это была полужемлянка квадратной формы, печь располагалась у стены с северной стороны. Собственно широкое распространение печи в Тохоку получили лишь с VII в. Тогда же они появились и на Хоккайдо [Ibid.: 29, 30]. Очевидно, что распространение печей на островах Японского архипелага происходило постепенно с юга на север.

В Хатинохэ и окрестностях археологи находят еще сосуды суэки (импортные) и хадзики (местного производства), также датирующиеся концом V — началом VI в. Хадзики из Тамукай хиямидзу включают миски с округлым или плоским дном, горшки с округлым туловом, котелки (яп. *косики*), покрывавшиеся изнутри лошением, а снаружи гребенчатыми прочесами. Кроме хадзики, здесь удалось обнаружить осколок глубокого горшка хокудай I культуры дзокудзёмон [Ibid.: 54]. Судя по тому, что в памятнике Тамукай хиямидзу находился дзокудзёмонский сосуд, в то время существовало влияние и с Хоккайдо, но значительно слабее, нежели из южных районов.

Вторая волна (VII—VIII вв.) характеризовалась более масштабным освоением примерно того же региона (количество поселений здесь резко возросло), а также южных районов Хоккайдо (вплоть до низменности Исикари).

Значительные изменения произошли в погребальном обряде — и в северном Тохоку, и на Хоккайдо (в области Исикари) наряду с грунтовыми погребениями распространение получили курганы *мацуки-кофун* (*кофун* заключительного периода), при этом в VII—VIII в. их было особенно много в Тохоку со стороны Тихого океана. В земле выкапывали яму, помещали туда деревянный саркофаг и сверху возводили земляную насыпь. В отделке погребальной камеры могли использовать камень, как, например, в памятнике Нэкояти в Китаками (префектура Иватэ).

Интересно, что в числе погребального инвентаря курганов Танготай в Хатинохэ (префектура Аомори) обнаружено навершие рукояти меча *канто-но тати* в виде трех сцепленных колец, а также удила, предположительно корейского производства⁹². Судя по

⁹² Примечательно, что если погребения по находкам керамики датируются VIII в., то время изготовления рукояти и удила определяется VI—VII в.

остаткам конской сбруи, среди усопших находились те, кто занимался разведением лошадей [Ibid.: 61, 64].

Уже в давние времена земли со стороны Тихого океана были непригодны для культивирования риса, но подходили для коневодства (зимой выпадало мало снега и пастбища оставались доступны), а также выращивания зерновых культур. Было ли привнесено коневодство на Хоккайдо, точно не известно (вещественных доказательств нет), но выращиванием зерновых местное население, несомненно, занималось [Ibid.: 18, 183].

Примечательно, что археологических памятников в области Тохоку с останками лошадей мало. Во-первых, это упоминавшийся некрополь Танготай (префектура Аомори), во-вторых, памятник Накаханню, расположенный в Мидзусава (префектура Иватэ), где обнаружены лошадиные зубы, датирующиеся V — началом VI в. (Накаханню) и серединой VII — первой половиной VIII в. (Танготай)⁹³ [Ibid.: 19, 28]. Кроме этого, в окрестностях Хатинохэ есть еще несколько курганов со сбруей. По археологическим отчетам, находки сопровождались керамикой хадзики и суэки. Так или иначе памятники географически расположены со стороны Тихого океана и соотносятся с носителями культуры кофун [Ibid.: 18, 20].

С VII в. количество поселений стало возрастать не только на севере Тохоку, но и в более южных районах Хонсю (префектура Иватэ) и на юге Хоккайдо. Дома, как и до этого, были полуподземного типа, квадратные, печи располагались у стены с северной стороны, иногда сопровождались очагами ро⁹⁴.

Находки керамики суэки из курганов в Хатинохэ свидетельствуют о том, что производилась она в южных районах и использовалась в погребальном культе [Ibid.: 153]. В быту же распространение получила посуда хадзики, ассортимент которой, помимо уже

⁹³ Некрополь Танготай, кроме курганов, включал ямы, предположительно грунтовые погребения; лошадиные зубы археологи нашли в одной из таких ям.

⁹⁴ В VII—VIII вв. печи в землянках Тохоку в зависимости от устройства дымохода, выведенного наружу, делились на два типа: с коротким дымоходом, направленным наискосок вверх, и с длинным — туннельного типа [Matsumoto 2006: 46]. При этом все жилища до середины VII в. снабжались короткими дымоотводными каналами, но с течением времени число их сократилось, а количество печей с длинными дымоходами возросло [Matsumoto 2006: 48].

перечислявшихся типов, включал вытянутые горшки и чаши, в том числе на высоком поддоне. Иногда в верхней части сосудов выполнялся самобытный орнамент из прочерченных линий в виде зубьев. Кроме этого, появилась техника (привнесенная из центральных районов Хонсю) обработки внутренней поверхности изделия углеродом, полученным из органических веществ, при которой она приобретает черный цвет (яп. утигурохадзики) [Ibid.: 122].

Приблизительно с конца VII в. сосуды хадзики, аналогичные тем, что производились в северном Тохоку, обнаруживаются на Хоккайдо (памятник Марукояма в Титосэ) [Ibid.: 115]. Если на севере Тохоку начало производства хадзики отмечено концом V — началом VI в., то на Хоккайдо (в южной части острова) несколько позднее — концом VII — началом VIII в.

С VII в. в северном Тохоку со стороны Тихого океана, по мере распространения там поселений, значительно увеличивается количество не только керамики, но и металлической продукции. Много находок сделано в курганах кофун — это железные наконечники стрел, мечи, предметы защитной амуниции. В качестве примера можно назвать мечи *тати* и *варабитэто*: из Наганэ и шлем *сёкакуцуки-кабуро* из Эдзомори (префектура Иватэ) [Sasaki Kaoru 2001: 133]. Имеются также остатки орудий с железными деталями, такие как топоры и мотыги.

По всей видимости, металлическая продукция была привозная, хотя следы кузнечного дела в Аомори прослеживаются еще в конце VII—VIII вв. Например, в памятнике Асэиси обнаружен кузнечный патрубок для подачи воздуха. В то же время на VII—X вв. в южных районах Тохоку и на VIII в. в центральной области приходятся археологические памятники со следами выплавки железа [Ibid.: 75].

Здесь уместно сослаться на письменные источники и отметить, что середина VII в. ознаменовалась завоевательными походами против *эмиси* японского полководца Абэ Хирафу, а VIII — начало IX в. — строительством в Ямагата, Мияги, Иватэ и Акита японских укреплений и утверждением там контроля центральных властей. Кроме этого, в 802 г. произошло крупнейшее сражение между *эмиси* и правительственными войсками (во главе с Саканоуэ Тамурамаро), окончившееся поражением первых. Вполне вероятно, что продвижение носителей культуры кофун в северные районы непосредственно связано с этими событиями. Более того, время победо-

носной войны Саканоуэ Тамурамаро совпадает с началом наиболее значительной по размаху в освоении северного Тохоку третьей волны.

Третья волна переселенцев (IX–XI вв.) охватила регион со стороны Японского моря с центром в Цугару и в бассейне реки Ёнэсиро. Климат здесь значительно отличался от восточной стороны, и основным занятием для поселенцев стало выращивание риса⁹⁵ [Ibid.: 179, 182]. Именно благодаря развитию земледелия на аллювиальных почвах стал возможен значительный прирост населения. По археологическим данным, в то время в области Цугару возделывали рис, выращивали также чумизу (памятники Ноги, Тикано, Саннай, Такаясикидатэ), куриное просо (памятники Ноги, Такаясикидатэ), ячмень (памятники Ноги, Сумоодайсимоясухара) [Ibid.: 71].

Из японских летописей известно, что во второй половине IX в. на пост управителей Тохоку были назначены две влиятельные фамилии — Абэ и Киёхара. Их правление отмечено значительным усилением независимости *эмиси*, на что указывают и археологические находки. Закончилось «благополучие» Абэ и Киёхара именно в XI в. разорительными войнами — «девятiletней» и «трехлетней», но речь об этом пойдет ниже.

По археологическим данным, в IX–XI вв. в северном Тохоку продолжали создавать грунтовые могилы *доко:бо*, но распространяются и захоронения в повернутых друг к другу горловиной керамических кувшинах, и погребения *энкэйсю:ко:бо* — одна или несколько могил внутри округлого участка, окруженного неглубоким рвом (стали создаваться в Японии в период Яёй) [Ibid.: 65]. Нововведения появились под влиянием южных районов Хонсю.

Основным видом жилища оставались квадратные полуземлянки с печами *камадо*. Если со стороны Тихого океана вплоть до X в. преобладали печи с дымоходами тоннельного типа, то со стороны Японского моря — печи с короткими дымоходами. Со второй половины IX по первую половину X в. в Цугару, бассейне Ёнэсиро,

⁹⁵ Думается, что освоение северного Тохоку со стороны Японского моря было связано с потеплением, которое наблюдалось в середине VIII — середине IX в., и возникшей необходимостью в разработке новых территорий, пригодных для рисосеяния. Цугару и Ёнэсиро до IX в. были мало заселены, поэтому сюда устремились поселенцы, обладающие навыками возделывания риса [Matsumoto 2006: 71].

а также в некоторых районах Симокита появилась новая форма полуземлянок с пристройками, возводившимися на уровне земли при помощи опорных столбов, вкопанных в ямы (яп. *хоттатэбасира*), у которых дымоход выходил в пристройку (памятники Удано-2, Хаттядзава-1) [Ibid.: 39, 50]. Районы, где распространились дома с пристройками, известны снежными зимами, поэтому предполагалось, что пристройки служили защитой от снега. Однако по ряду признаков эта гипотеза не находит подтверждения⁹⁶. Со второй половины X в. количество таких жилищ стало сокращаться, зато получили распространение другие типы: жилища с печами, отделенными от стены; жилища без печей, но с очагами *ро*, располагавшимися ближе к центру; жилища, у которых вдоль стены на небольшом расстоянии друг от друга проходил ряд узких столбов, опоясывавших помещение по периметру, такие как на стоянках Такаясикидатэ, Фурудатэ, Ёмогидаодатэ (префектура Аомори). В X–XI вв. землянки постепенно приобретают прямоугольную форму [Ibid.: 50, 54].

Существенные сдвиги произошли в керамической индустрии: осевшие в Тохоку поселенцы наладили производство сосудов суэки и стали использовать их в повседневной жизни. Посуда включала чаши, кувшины с вытянутым горлышком, округлые крупные горшки с зауженной шейкой. Делали все это при помощи специальных печей и на гончарном круге [Ibid.: 153].

Остатки печей (яп. *кама*) для обжига суэки второй половины IX–X вв. обнаружены в Тохоку со стороны Японского моря — в Госёгавара (префектура Аомори) и Носиро (префектура Акита). Указанные области стали двумя основными керамическими центрами, из которых готовая продукция поступала в другие районы, в том числе на Хоккайдо (с X в.) [Ibid.: 174].

В IX–XI вв. обитатели северных районов Тохоку стали делать на гончарном круге не только суэки, но и хадзики: чаши (распространение получают плоскодонные изделия), горшки с вытянутым туловом, горшки с округлым туловом, котелки (яп. *набэ*), котлы с выступающими в центральной части тулова краями (яп. *хагама*). Котлы *хагама* были приспособлены для приготовления риса на

⁹⁶ Следы наземных сооружений *хоттатэбасира* наряду с полуземлянками археологи нашли в одной из японских крепостей VIII в. Акита (префектура Акита). Судя по значительным размерам, постройки использовались для административных нужд [Асташенкова, Пискарева 2014: 18].

печах *камадо*. Вместе с котелками *набэ* они распространяются в Тохоку лишь со стороны Японского моря⁹⁷.

Чаши и горшки хадзики, изготовленные на гончарном круге, в малом количестве обнаруживаются на Хоккайдо. Но их производством там не занимались, а ввозили готовую продукцию с Хонсю — из Цугару и Ёнэсиро [Ibid.: 135]. В количественном отношении они значительно уступают хадзики, изготовленным без круга. С середины VIII—IX вв. здесь развивается керамика сацумон, на которую хадзики оказали значительное влияние [Ibid.: 125, 137].

Жители северного Тохоку занимались не только керамическим производством, но и кузнечным делом. В IX—X вв. кузницы появляются в юго-западной части Хоккайдо п-ова Осима, тогда как жители северных районов Тохоку стали изготавливать и использовать в быту сацумонскую керамику. Это указывает на культурный взаимообмен [Ibid.: 185].

Область бытования сацумонской керамики в Тохоку ограничивалась районами Цугару и Симокита, а время — второй половиной IX—XI вв. Сначала глиняных изделий было немного, но с середины X в. их число увеличилось и достигло наибольшего размера с конца X—XI вв., особенно в районе Цугару [Ibid.: 59, 139, 145].

Обращает на себя внимание то, что в материальной культуре обитателей северного Тохоку, кроме сацумонской керамики, хоккайдские элементы не прослеживаются [Ibid.: 137]. При этом существует предположение, что в производстве глиняной посуды здесь практиковалось разделение труда. Так, изготовлением керамики для внутрисемейного пользования, в том числе сосудов сацумон, занимались женщины, а созданием посуды с применением гончарного круга, скорее всего для общественных нужд, — мужчины.

Учитывая появление на Хоккайдо кузниц, можно предположить, что навыки кузнечного дела завезли туда мужчины, а женщины с Хоккайдо, вышедшие замуж за обитателей Тохоку и перебивавшиеся с ними в Цугару и Симокита, — технику изготовления керамики. При этом керамика сацумон не встречается в северной

⁹⁷ Котелки могли изготавливать и на гончарном круге, и без него, при этом более древними считаются первые. В большом количестве их делали со второй половины IX по первую половину X в. Далее, вплоть до XI в., изготавливались котелки без круга. Они получили распространение в северном Тохоку повсеместно [Matsumoto 2006: 59, 125].

части Тохоку со стороны Тихого океана, это говорит о том, что между этой областью контакты с Хоккайдо были значительно слабее или их не было вовсе [Ibid.: 149].

Распространению в северном Тохоку со стороны Японского моря в IX–XI вв. металлургии (выплавки металла и кузнечного дела) способствовали, с одной стороны, благоприятные природные условия (обилие леса, необходимого для производства угля), с другой — малозаселенность этих районов и возможность свободно распоряжаться ресурсами [Ibid.: 89].

Печи для выплавки железа большей частью встречаются в Цугару и бассейне реки Ёнэсиро. Среди находок много так называемых *хантикасики-татэгата-ро* — вертикальных печей полуподземного типа. В некоторых местах сохранились жмыхи железа. Установлено, что в качестве исходного материала использовался железистый песок. Что касается последующей обработки металла, то распространение памятников со следами кузнечного дела не ограничивалось районами Цугару и Ёнэсиро, но охватывало много других областей. В некоторых из них встречаются наконечники стрел, пластины от доспехов (яп. *кодзанэ*), обломки котелков с ушками внутри и прочие металлические предметы, которые, думается, служили кузнецу сырьем для вторичной переработки [Ibid.: 75, 87, 89, 95].

В IX в. остатки кузниц начинают встречаться и на Хоккайдо. Широкое распространение они получают там с середины X в. под влиянием выходцев с Тохоку. Однако выплавкой железа туземцы Хоккайдо никогда не занимались [Ibid.: 98].

Среди важных находок из железа следует обратить внимание на котелки с ушками внутри. Наиболее старый обнаружен в памятнике Дзиндатэ (префектура Акита) и датируется XI–XII вв. Несколько позднее котелки начинают встречаться в таких памятниках Тохоку, как Икаригасэкимурафурудатэ или Ёмогитамураодатэ (префектура Аомори), а затем и на Хоккайдо. Ввоз железных котелков на Хоккайдо, как уже отмечалось, оказал влияние на становление здесь производства аналогичных глиняных изделий [Utagawa 1992: 324].

Нельзя обойти стороной и то, что в некоторых памятниках северного Тохоку середины X–XI вв. встречаются инструменты для обработки дерева (долото, тесло) и грубо долбленные деревянные чашки (стоянка Одай, жилище 21) [Matsumoto 2006: 91]. Очевидно,

деревянная посуда наряду с керамической играла в жизни местного населения существенную роль.

Ситуация относительно *эмиси*, которая прослеживается по письменным источникам, несколько расходится с археологическими данными: при сравнении *эмиси* с японцами тексты указывают на значительные отличия во внешнем облике, языке, хозяйстве и культуре в целом. Понятно лишь то, что древние японцы уже на ранней стадии контактов с северными соседями противопоставляли собственную и инородную культуры. Возможно, под категорию «инородцев» в значительной степени подпали те, кто уходил осваивать северные земли и терял связь с родиной⁹⁸.

Наиболее ранние сведения о туземцах, проживавших к северу от Японии, которых можно соотнести с предками айнов, фиксируются в китайском географическом трактате «Шань хай цзин» («Книга гор и морей») (конец III — начало II в. до н.э.). Там, где речь идет о территориях Приморья и Приамурья, сказано следующее: «Владение сюаньгу на севере от них (от юйшице), их люди одеваются в рыбы (кожи), питаются чайками. Владение маоминь (毛民) находится на север от него. У людей на теле растет шерсть» [Каталог гор и морей 1977: 123; Сунь Цзинь-цзы 2001: 53].

Видимо, словом *маоминь* («волосатые люди») именовали именно протоайнов, отличавшихся от других народов значительным волосатым покровом. Интересно, что в более позднем воспроизведении источника — комментариях «Шань хай цзин гуан чжу» (1667) — встречается даже пояснительная иллюстрация [Kojima 2009: 25].

Сходство «волосатых» с айнами прослеживается и в такой особенности, как преимущественное употребление в пищу проса, о чем тоже упомянуто в «Шань хай цзин»: «Есть царство народа Волосатых из рода И, [там] питаются просом, приручают четырех птиц...» [Каталог гор и морей 1977: 123].

⁹⁸ В Средние века негативная оценка среди жителей столичных городов Японии распространилась даже на соотечественников, проживавших с *эмиси* в одних и тех же районах или на смежных территориях. На то были причины. Так, у женщин клана Мориока, например, после выхода замуж или достижения преклонного возраста не практиковался обряд выбривания бровей, который в японском обществе выступал одной из форм обязательной инициации. Многие мужчины и женщины в повседневной жизни носили айнские халаты *амтусу*. Так или иначе локальные традиции периферии рассматривались как «варварские» [Kikuchi 1999: 203, 212].

Другие сведения о «волосатых» содержит китайская летопись «Сун шу» («История [династии] Сун») (южное царство Сун (420–479 гг. н.э.)). Вызывает интерес информация о завоевательных походах царства Ямато в V в. н.э. Согласно записи, на востоке Ямато покорило 55 стран, на западе — 66, на севере — 95. Население востока фигурирует под названием *маожень* (毛人) — «волосатые люди» [Kojima 2009: 24].

Собственно, слово *эмиси* (蝦夷) впервые встречается в «Кодзики» (712). В этом первом летописном своде Ямато *эмиси* упоминаются в разделах, связанных с деятельностью легендарного Дзимму, а затем императора Кэйко (мифическое время правления которого — 71–130 гг.), пославшего на борьбу с варварами старшего сына Ямато Такэру-но Микото. Видимо, эти мифы сложились довольно поздно и отразили представления японцев об *эмиси* того времени. Вслед за «Кодзики» информация об *эмиси* попала во второй свод хроники «Нихон сёки» (720).

В хрониках об *эмиси* сказано: «Зимой они живут в пещерах, летом — в гнездах [на деревьях]. Носят звериные шкуры, пьют сырую кровь, старший и младший брат другу другу не доверяют. В горы они взбираются подобно птицам, по траве мчатся, как дикие звери... Еще, спрятав стрелы в волосах и привязав клинок под одеждой, они, собравшись гурьбой соплеменников, нарушают границы или же, разведав, где поля и шелковица, грабят народ страны [Ямато]. Если на них нападают, они скрываются в траве, если преследуют — взбираются в горы...» [Кодзики 1994: 72; Нихон сёки 1997, т. 1: 246]. В другом отрывке сообщается: «Среди поселений в восточной стороне есть страна Пидаками-но кунь. И мужчины, и женщины в этой стране завязывают волосы в причёску в виде молотка, тела украшают узором (татуировками), и все весьма воинственны. Их всех называют *эмиси*» [Нихон сёки 1997, т. 1: 243].

Таким образом, если следовать древним японским летописям, внешний вид и обычаи *эмиси* в целом напоминали айские.

Более достоверно выглядит выдержка из «Нихон сёки», в которой речь идет о японском посольстве к танскому двору императора Гао-Цзуна (628–683) в сопровождении двух *эмиси*, состоявшемся в 659 г. Во время аудиенции «император спросил: “Где расположена страна *эмиси*?” Послы почтительно отвечали: “Она находится на северо-востоке”. Император спросил: “Как много племен у *эмиси*?” Послы почтительно отвечали: “У них три племени. Дальнее называ-

ется тугару (*цугару-эмиси* (都加留蝦夷)), следующее — араэмиси (*ара-эмиси* (籠蝦夷)), ближнее — никиэмиси (*ники-эмиси* (熟蝦夷)). Мы привезли никиэмиси. Каждый год они приносят дань ко двору”. Император спросил: “Произрастают ли в их стране пять видов злаков?” Послы почтительно отвечали: “Нет, они едят мясо и живут этим”. Император спросил: “Есть ли у них дома?” Послы почтительно отвечали: “Нет, они живут в горах, под деревьями”. Тогда император сказал: “Мы смотрим на удивительный облик эмиси, очень радуемся и удивляемся”» [Нихон сёки 1997, т. 2: 182; Kojima 2009: 33].

Очевидно, что область расселения перечисленных групп находилась на Хонсю. Под северо-востоком же можно понимать современный регион Тохоку.

В китайских источниках *эмиси* впервые упомянуты в документе «Тун дянь» (766–801) — здесь говорится о японском посольстве 659 г., описанном в «Нихон сёки». Содержание японского и китайского источников различается.

В «Тун дянь» сказано: «Сяйго (蝦夷國) — маленькая страна на островах в море. Послы их носили бороды длиной в четыре с лишним чи, отменно стреляли из луков, носили на головах в [прическах] короткие стрелы, просили поставить человеку тыкву на голову и с сорока шагов стреляли в нее — никогда не промахивались» (перевод И. А. Алимова) [Du Yu 1992: 4998].

В более позднем китайском источнике «Синь Тан шу» (1060) содержится аналогичная информация. Согласно записи, «эмиси (蝦蟇) тоже жили на морских островах, и послы их имели бороды длиной в четыре чи с лишним (чуть больше метра), в [прическах] носили короткие стрелы, били из лука без промаха в тыкву, поставленную на голову человеку, стоящему в нескольких десятках шагов» (перевод И. А. Алимова) [Xin tang shu 1986: 6208]. Не вызывает сомнения, что в основу пассажа об *эмиси* из «Синь Тан шу» были положены сведения, содержащиеся в «Тун дянь».

В древних японских хрониках *фудоки* наряду с *эмиси* нередко упоминаются некие *цутукумо* — «земляные пауки»⁹⁹. Так, в описании провинции Хитати (северо-восточная часть равнины Канто на Хон-

⁹⁹ Согласно Тории Рюдзо, название *цутукумо* имеет аналог в айнском языке и может быть сопоставлено с *той-цисе-куру* (айнск. люди земляных домов).

сю), составленном между 714 и 718 гг., в записи об уезде Убараки сказано: «В древние времена жили горные саэки и равнинные саэки, называемые кудзу (по-местному — цутикумо или яцукахаги). Они повсеместно рыли в земле пещеры и жили обычно в них. Когда к ним приближались чужие люди, то саэки скрывались в пещерах. Когда же чужие люди уходили, то они выходили наружу и веселились. У них был характер волка и душа совы; они тайно высматривали и грабили; не подходили близко на зов и не поддавались уговорам. Их привычки и нравы отличались [от японских]». Этих *цутикумо* усмирал князь Куросака из рода Онооми [Древние фудоки 1969: 47].

Поскольку туземцы были довольно воинственны, летописцы отметили некоторые особенности ведения «варварами» боевых действий. В частности, в разделе об уезде Намэката говорится: «[Эти люди] рыли пещеры и делали из них укрепления, обычно они там и жили... Такэкаси́ма (князь, принимавший участие в усмирении *цутикумо*) направил против них свое войско и преследовал их. Тогда все разбойники убежали в свои пещеры, закрыли их и стали обороняться» [Там же: 44].

Интересно, что в древних летописях сохранилась информация о *цутикумо* не только восточных и северных районов Японии, но и южных, на о-ве Кюсю. Так, в описании провинции Бунго, в разделе об уезде Хида, упоминается земляное укрепление дикарей. Отмечается, что оно было построено не из камня, а из земли и поэтому называлось «Укрепление без камня (исинаси-но оки)» [Там же: 116]. В описании провинции Хидзэн сообщается, что некий *цутикумо* Омими делал для царя из Макимуку еду из древесной коры — «подобия кушаний, изготовляемых из морского ушка» [Там же: 140]. К сожалению, о «южных» *цутикумо* информации так мало, что трудно составить о них более полное представление.

По мере продвижения японцев на северо-восток и поглощения или истребления ими непокорного населения за «варварами» все более закреплялись названия *эбису* или *эмиси*.

С 658 г. походы против эмиси неоднократно предпринимал известный военачальник Абэ Хирафу. Большинство из них оказывались неудачными. Противник обладал высокими боевыми навыками, знал искусство верховой езды, что позволяло ему неоднократно одерживать верх над японскими отрядами.

Согласно хроникам, в 784 г. главнокомандующим в борьбе с «варварами» был назначен Отомо Якамоти, в 788 г. — Ки Косами,

в 794 г. — Отомо Отомаро, а в 796 г. — Саканоуэ Тамурамаро. Только последнему в 802 г. удалось одержать значительную победу: были захвачены в плен предводители *эмиси* Оцука Атэруи и Иватомо Морэи. Но, несмотря на тяжелое поражение, борьба исконных обитателей северо-восточных районов Хонсю с наступавшими войсками двора продлилась вплоть до XII в.

Нередко японцы периферийных земель, стремясь сохранить независимость от центральных властей, вступали в союз со своими врагами. Среди таких японцев были дезертиры, бежавшие от гнета налогов, крестьяне и другие элементы, по тем или иным причинам недовольные своим положением в обществе¹⁰⁰. Иногда, напротив, могущественных и влиятельных *эмиси* привлекали на свою сторону правительственные войска, как, например, во время восстания в Идзи под предводительством Адзамаро в 780 г.

Обычно предводители *эмиси*, перешедшие на сторону японцев, лишались старого статуса, получая взамен звания по японской системе рангов. Их задачей становился надзор за пленными, содержащимися в специальных районах. Примечательно, что некоторые из таких *эмиси* упоминаются в японских хрониках под японскими именами в ранге придворных [Сэнсом 1999: 204].

Что касается обычных пленных, то их жестоко эксплуатировали на сельскохозяйственных и строительных работах в разных районах страны. В 725 г. 134 *эмиси* были перемещены в область Иё, а 578 — отправлены в Цукуси. В 776 г. 378 человек из Дэва переселили в Сануки. Во многих районах пленные *эмиси* составили ядро местного населения. Нередко ими торговали [Арутюнов, Щебеньков 1992: 55].

Непокорившиеся туземцы отступили к северу, в то время как на захваченных территориях начали создаваться японские поселения и насаждаться особая система управления (рис. 41). Административной единицей стал, условно говоря, уезд (*гун*) — несколько поселков, население которых занималось земледелием, получая земельные наделы от государства¹⁰¹. Жители этих поселков выплачивали налоги: рис, ткани и другую продукцию. Надзор осуществлял

¹⁰⁰ Группа императорских воинов, около 300 человек, дезертировавших в ходе одной из кампаний, была схвачена и отправлена жить на пограничных постах.

¹⁰¹ В начале VIII в. в области Тохоку было основано десять *гун*.

Рис. 41. Войска под предводительством Саканоуэ Тамурамаро атакуют *эмиси*. Госа Мицунобу, «Сэйсуйдзи-энги» (1517) (вверху). Реконструкция укреплений Тага (префектура Мияги) и Сива (префектура Иватэ) (внизу). Источник: [Kodai horro: 2008: 31]

государственный чиновник. Подданные состояли как из японцев, так и из *эмиси*, в том числе тех, которые не смешивались с японцами и обычно подвергались дискриминации¹⁰².

После того как в 802 г. Саканоуэ Тамурамаро разбил повстанческие войска, захватив их предводителей, к японцам отошла значительная область. Тем не менее на обширной территории современных префектур Иватэ, Аомори и северной части префектуры Акита не было установлено абсолютного правительственного контроля. Местное население существовало здесь относительно независимо [Косарев В. Д. 2010: 150]. Чтобы удержать захваченные земли и обезопасить себя от возможных набегов, японцам приходилось строить укрепления (яп. *тамэ*), первые из которых появились уже в VIII в.

В укреплении Исава, возведенном в Муцу (префектура Иватэ) в 802 г., расположилось военное ведомство во главе с главнокомандующим, а в укреплении Тага, построенном южнее (префектура Мияги) в 724 г., — резиденция гражданского ведомства. Кроме этого, в 733 г. в области Дэва появилось укрепление Акита (префектура Акита), а несколько южнее — Кинова (префектура Ямагата).

По археологическим данным, в крепости Акита размещались полуподземные жилища (с печами *камадо*) и административные постройки наземного типа. Было несколько колодцев и даже общественная уборная — «достаточно большое по площади сооружение, включавшее помещение самой уборной, находившееся за оградой, и систему специальных стоков» [Асташенкова, Пискарева 2014: 18]. Всю территорию крепости, а также наиболее важную ее центральную часть окружали стены, состоявшие из небольшого каменного фундамента, утрамбованной земли и черепичной крыши [Там же: 12].

Те *эмиси*, которые подчинились японцам, наделялись полномочиями на нижнем административном уровне. Они постепенно приобретали влияние в системе управления северными областями. В целом же между ассимилировавшимися *эмиси* и японскими поселенцами в то время не было значительной дистанции. Их многое связывало, в том числе и браки.

Служащие государственных учреждений были обязаны выплачивать годовую повинность лошадьми, золотом и другими товара-

¹⁰² Хотя *эмиси* не являлись подданными японского императора, тем не менее, так же как и японцы, они платили государству налоги.

ми. Все это строго контролировалось [Kikuchi 1999: 37]. Налоги с северных областей становились важным источником дохода государственной казны.

Постепенно в управлении северными землями на передний план вышли представители аристократических фамилий Абэ и Киёхара. Выдвижение первой началось с того, что около 870 г. Абэ Корэтака получил должность *тиндзюфусё:гун* (главнокомандующий, ответственный за усмирение *эмиси*). В подчинении у него оказалась область Муцу (в районе бассейна реки Китаками). Примерно в то же время Киёхара Ёсимоти был назначен в область Дэва на должность *акитадзё:си*, по статусу фактически равнозначную *тиндзюфусё:гун*.

Провинция Муцу включала шесть округов *о:курокугун*: Исава, Косасу, Вага, Хиэнуки, Сива и Иватэ, а Дэва — три округа: Огати, Хирака и Ямамото. Резиденция Абэ находилась в укреплении Исава, Киёхара — в пункте Акита. Таким образом, и Абэ, и Киёхара независимо контролировали две обширные области.

Одним из звеньев в цепи выступлений древних *эмиси* в VIII—IX вв. стал «Бунт гангё:», происшедший в 878 г. Мятеж подняли объединенные силы *эмиси* из Муцу и Акита при поддержке местного японского населения. Не исключено, что к ним присоединились *эмиси* Цугару.

Восстание преследовало цель завоевать независимость, но его удалось подавить. Тогда были установлены новые территориальные соотношения. При этом Абэ и Киёхара объединили усилия.

В первой половине XI в. Абэ Ёриёси (Абэ Ёритоки, см. далее), добившись в среде *эмиси* значительного влияния, стал заниматься самоуправством. Он перестал выплачивать в пользу государственной казны налоги, начал незаконно конфисковывать у местных аристократических фамилий имущество и, кроме этого, распространять свое влияние южнее реки Коромо (южная часть префектуры Иватэ). В то время должность управляющего Муцу занимал чиновник Фудзивара Нарито. Он попытался прибегнуть к военной силе, но в битве при Оникири (префектура Мияги) потерпел поражение и бежал.

В борьбу вступил известный полководец Минамото Ёриёси (988—1075), назначенный императором и управляющим Муцу, и главнокомандующим. Следствием всего этого стали крупномасштабные военные кампании, которые вошли в историю под названием «Первая девятилетняя» (яп. «дзэнкунэн-но эки») (1051—1062) и «Вторая трехлетняя» (яп. «госаннэн-но эки») (1083—1087) войны.

Сторона Минамото Ёриёси изначально находилась в невыгодном положении. Однако зятя Абэ Ёритоки (имя Абэ — Ёриёси — совпадало с именем Минамото, поэтому было изменено на Ёритоки) Фудзивара Цунэкиё и Тайра Нагахира, а также некоторые другие воеводы перешли на сторону Ёриёси, благодаря чему тот смог одержать ряд значительных побед¹⁰³.

В одной из битв Абэ Ёритоки был смертельно ранен. Борьбу продолжил его старший сын Садато с братьями Масато, Мунэто, Сигэто, Иэто и Норито. В то время Ёриёси привлек на свою сторону управляющего провинцией Дэва Киёхара Такэнори. Лишь совместными усилиями им окончательно удалось сломить сопротивление и в битве при реке Куриягава (префектура Иватэ), состоявшейся в 1062 г., нанести сторонникам Абэ решающее поражение.

Следует обратить внимание на то, что в главе «Муцуваки» о поражении Ёриёси в сражении против Абэ Садато при Киноми (префектура Иватэ, г. Фудзисава) говорится: «В то время дороги стали почти непроходимы из-за метели. У государева войска истощился провиант, люди и лошади устали. Мятежники же скакали на свежих лошадях и бросились на врага. И дело не только в том, что мятежники сражались на своей земле, числом они тоже сильно превосходили войска Ёриёси» [Японские сказания 2012: 99]. А в главе о разгроме воинов Садато в битве при р. Иваи сказано: «От места битвы и до реки убито человек сто мятежников и захвачено около трехсот лошадей» [Там же: 115].

Несмотря на записи «Муцу ваки», археологических памятников, которые отражают наличие у жителей северного Тохоку лошадей, сравнительно немного, и они соотносятся в основном с переселенцами из более южных районов — носителями культуры кофун [Matsumoto 2006: 18, 20]. И хотя письменные источники X—XII вв., такие как «Руйдзю сандайяку» и «Фусо: рьякки», подтверждают, что эмиси Тохоку занимались разведением лошадей, не ясно, кого именно тогда называли *эмиси*.

Так или иначе после долгожданной победы над кланом Абэ Киёхара Такэнори был назначен на должность *тиндзюфусё:гун* (в его обязанности входил надзор за шестью округами Муцу). Минамото

¹⁰³ Ёриёси, усомнившись в верности Нагахира, в конце концов приказал казнить его. Цунэкиё, устранившись этой казни, вновь принял сторону Абэ, но затем был схвачен и также казнен.

Ёриёси получил титул *иё:-но Kami* (управляющий Иё), а Минамото Ёсииэ (1041–1108), сын Минамото Ёриёси, — *дэва-но Kami* (управляющий областью Дэва). Ёриёси, хотя и стал *иё:-но Kami*, продолжал оставаться в Муцу. Таким образом, Киёхара Такэнори и Минамото Ёриёси расположились в Муцу, а Ёсииэ — в Дэва.

Семья Киёхара оказалась вовлеченной еще в одну войну, которая произошла в Муцу в период между девятилетней и трехлетней. Она получила название «Война с эдзо 1069–1073 гг.» (яп. «энкю:нинэн эдзо кассэн»). В восстании участвовали *эмиси* местностей Хэй и Усоридзима (п-ов Симокита). Одной из его причин стали преступления чиновника Фудзивара Мотомити, который, в частности, подделал правительственную печать Муцу и пользовался ею в корыстных целях. Общими усилиями Минамото Ёритоси и Киёхара Санэхира волнения удалось подавить.

В 1083–1087 гг. Минамото Ёсииэ, с одной стороны, и представители рода Киёхара — Иэхира и Такэхиро — с другой, стали главными фигурантами трехлетней войны. Война оказалась одним из завершающих этапов в споре за главенство на северо-восточных территориях. Ее причиной были сложные взаимоотношения внутри клана Киёхара и спор из-за наследства [Kikuchi 1999: 37].

В отличие от предыдущих конфликтов, Киёхара не нарушал никаких законов официальных властей. Поэтому, когда Ёсииэ удалось одержать победу, двор расценил конфликт как личную месть последнего. Спорную местность получила в управление одна из ветвей дома Фудзивара¹⁰⁴.

Как уже отмечалось, Фудзивара Цунэкиё, назначенный в свое время на службу в Муцу, во время конфронтации с Минамото Ёриёси перешел сначала на сторону двора, а затем на сторону мятежников, за что был казнен. Однако в ходе трехлетней войны сын Цунэкиё — Фудзивара Киёхира — поддержал правительственные войска. После того как семья Киёхара лишилась власти, он «наследовал» все ее полномочия, став родоначальником нескольких поколений Северных Фудзивара и добившись быстрого подъема

¹⁰⁴ Минамото Ёсииэ впоследствии удалось добиться признания и стать уважаемым воином, а его старший сын за грубость, допущенную по отношению к императору, был сослан в провинцию Сануки, откуда через некоторое время бежал в Идзумо и поднял мятеж. Этот мятеж в 1108 г. подавил Тайра Масамори [История Японии 1999: 200].

края. Финансовой основой нового правителя послужили добыча золота, разведение лошадей и торговля с *эмиси* северных районов¹⁰⁵ [Ibid.].

Получив должность предводителя *эмиси*, Фудзивара Киёхира возглавил военное ведомство Муцу *о:рё:си*. Он перенес свой опорный пункт в местечко Хираидзуми, расположенное южнее реки Коромо, а в 1105 г. основал известный буддийский храм Тюсон-дзи. Во втором поколении Фудзивара Мотохира упрочил свои позиции в Дэва и основал храм Моцу-дзи. Время наивысшего расцвета семьи Фудзивара, тем не менее, пришлось на третье поколение — Фудзивара Хидэхира. Хидэхира получил титул *тиндзюфу:сёгун*. В подражание монастырю Бёдоин, находящемуся в Удзи (южный район Киото), он построил храм Мурё:ко:ин [Ibid.: 38].

В 1189 г. род Фудзивара был устранен основателем камакурского сёгуната Минамото Ёритомо¹⁰⁶. С установлением контроля бакуфу над землями Осю поселения *эмиси* стали приходить в упадок, а местное население постепенно перебираться на Эдзо (Хоккайдо). *Эмиси*, оставшиеся на пограничных с японцами территориях, в большинстве ассимилировались и перешли к земледельческому укладу [Ibid.: 54].

Значительная часть земель Муцу, включая уезд Цугару, оказалась в руках фамилии Ходзё. В 1222 г. здесь была основана гавань Тосаминато, ставшая ключевым торговым пунктом на севере. Соседние территории перешли под контроль рода Адати. Посадниками Ходзё и Адати стали представители рода Андо [Ibid.: 45, 52].

Считается, что родословная Андо была тесно связана с семейством Абэ и вела происхождение от одного из сыновей Абэ Ёритоки — Абэ Садато [Meijyo: o yuku 2005: 14]. После поражения в войне с Минамото Ёриёси сын Садато, которого звали Такааки Мару, бежал в Цугару, в верховьях реки Иваки основал замок Фудзисаки и собрал там значительные силы. Его сын Такацунэ взял фамилию Андо — и так стали именоваться все представители данного рода.

¹⁰⁵ Возвышению Фудзивара в Осю способствовали также линия родства с влиятельным представителем киотской знати Фудзивара Хидэсато и родственные связи с фамилией Абэ.

¹⁰⁶ Последний из Фудзивара Осю, Ясухира, собравшийся бежать на Эдзо (Хоккайдо), пал от руки своего подчиненного.

В XIII в. Андо Таро Тикахидэ переместил резиденцию из замка Фудзисаки в Тосаминато — устье реки Иваки, а к XIV в. фамилия разделилась на две ветви. Первую возглавил Андо Морисуэ, сделавший своим оплотом местность Тосаминато (Цугару), родоначальником второй стал его младший брат Андо Каносуэ, перебравшийся в Минато (Акита, совр. Цутидзаки-минато). Представители первой ветви стали известны как Симонокуни Андо, а второй — Минато Андо. Обе ветви управляли поместьями, собирали налоги, занимались разведением лошадей, рыболовством, морской торговлей¹⁰⁷. Это двоевластие затрудняло создание сильной централизованной власти.

В 1320-е годы в клане Андо области Цугару возникли внутренние раздоры из-за борьбы за доминирование. На этом фоне произошел один из крупнейших в то время мятежей туземцев, вошедший в историю под названием «Эдзотайран». Лишь при непосредственном вмешательстве бакуфу мятеж удалось подавить.

Далее в 1442 г. Андо Морисуэ из-за вторжения клана Намбу был вынужден перебраться из Тосаминато на Эдзо¹⁰⁸. Вначале он отослал туда подчиненного Какидзаки Суэсигэ, который основал в южной части острова несколько укреплений, а затем появился сам¹⁰⁹. Чуть позже в крепость Какидзаки прибыл Такэда Нобухиро, взявший в конце концов бразды правления в свои руки и сыгравший значительную роль в покорении айнов.

Между тем на Хонсю Андо Морисуэ не смог вернуть исконные владения Тосаминато и укрепился в Хияма (Дэва, г. Носиро), поло-

¹⁰⁷ В порт Тосаминато выходцы с Эдзо доставляли морскую капусту, сушеную кету, шкуры морских бобров и прочую продукцию, которая, в свою очередь, отправлялась в Киото [Kikuchi 1999: 52].

¹⁰⁸ Фамилия Намбу вела происхождение из восточных районов Хонсю (префектура Яманаси). В эпоху Камакура представители Намбу перебрались в Тохоку, охватив влиянием местности Хагинохэ, Саннохэ, а затем и Мориока. Согласно документу «Синра-но кироку», в 1442 г. клан Намбу взял приступом основной центр Андо Морисуэ из Цугару — Тосаминато [Kikuchi 1999: 61].

¹⁰⁹ К 1456 г. в южной части п-ва Осима были возведены крепости в Симонокуни (Мобэцудатэ), Мацумаэ (Хакодатэ) и Каминокуни (Одатэ). Затем в других районах были построены укрепления Синоридатэ, Наканодатэ, Вакимотодатэ, Оннайдатэ, Оёбэдатэ, Нэботадатэ, Хийсидатэ, Ханадзавадатэ, Харагутидатэ [Лим 2008: 160].

жив начало линии Хияма Андо. Под контролем Андо из Хияма оказался район бассейна р. Ёнэсиро, а Андо из Минато — р. Омоно¹¹⁰.

В середине XVI в., при Андо Тикасуэ из Хияма, две ветви — Хияма и Минато — объединились. По одной гипотезе, это произошло мирно, через заключение брака. Тикасуэ перебрался в замок Вахимото (Акита, совр. Ога), распространив влияние на обширную территорию. Однако после смерти Тикасуэ вражда в семье Андо разгорелась с новой силой. В результате сын Тикасуэ по имени Санэсуэ одержал верх и занял замок Минато. Тогда же он поменял имя и фамилию — стал называться Акита Дзёносукэ.

Рассмотрим ситуацию, сложившуюся на острове Эдзо (Хоккайдо). Судя по документу «Сувадаймё:дзинэкотоба» (1356), коренное население там не было однородным и в начале XIV в. включало несколько групп: *хиномото*, *карако* и *ватарито*. В отношении первых двух точных сведений нет. Видимо, *хиномото* являлись жителями восточной части Эдзо и имели отношение к населению Курильских островов, а *карако* — западной, со стороны Японского моря, и могли быть связаны с Сахалином и прибрежными районами материка. Их внешний вид и язык были чужды японцам.

Название *ватарито*, безусловно, относилось к населению южной части Эдзо. Эти жители, в отличие от *хиномото* и *карако*, отчасти походили на японцев, но вместе с тем обладали характерными айнскими чертами: мужчины использовали костяные наконечники стрел с ядом; женщины перед сражением с молитвенными палочками в руках обращались к небу и произносили заклинания [Кюнёр. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 271. Л. 17; Kikuchi 1999: 47, 49; Kojima 2004: 18].

Опорные пункты *ватарито* находились в Усорикэси (старое название Хакодатэ) и Матомай (Мацумаэ). Уже в IX в., переправившись через залив Цугару на Хонсю, они нередко занимались разбоем, но также торговали с жителями районов Цугару и Сотогахамы¹¹¹ [Kikuchi 1999: 55].

¹¹⁰ Третий представитель линии Хияма — Андо Ёсисуэ, потерпев поражение в очередной битве против клана Намбу, в 1453 г. покончил жизнь самоубийством. Вновь возродил линию Хияма сын племянника Морисуэ — Андо Масасуэ.

¹¹¹ Один из грабежей произошел в 875 г. *Ватарито* на 80 лодках атаковали уезды Акита и Акуми, убили местных крестьян и захватили их имущество [Kikuchi 1999: 55].

Согласно «Синра-но кироку» (1646), в состав *ватарито* входили потомки беженцев из Муцу и Дэва, а также ссыльных. К беженцам относились выходцы из Нуканобу (префектура Иватэ) и Цугару, спасавшиеся после гибели рода Фудзивара (XII в.) от преследования Минамото Ёритомо, а к ссыльным — разбойники и пираты, изгонявшиеся с Хонсю во времена Минамото Санэтото (третий по счету сёгун из рода Минамото (1192–1219)). К середине XIV в. некоторые из ссыльных добились в Мацумаэ значительного социального положения [Matsuzaki 2001: 44].

Несмотря на то что состав *ватарито* был разнородным, костяк, по всей видимости, составляли айноидные племена. Но достоверно определить удельный вес айнского компонента в каждой из трех групп (*хиномото*, *карако*, *ватарито*) пока не представляется возможным.

Айны

Изучение антропологической и культурной почвы, на которой происходило становление айнской народности, — крайне сложная задача. До сих пор у ученых нет единого мнения относительно основы и многих других обстоятельств происхождения айнов, и тому есть разные причины. Первое, что бросается в глаза, — необычный физический облик.

Давно отмечено, что айны обнаруживают сходство с австралоидами (широкий нос с поперечно расположенными ноздрями, толстые губы, смуглый цвет кожи, волнистость волос с темной пигментацией), монголоидами (жесткие волосы, плоское лицо, эпикантус (особая кожная складка, частично или полностью закрывающая слезный бугорок во внутреннем углу глаза)), европеоидами (высокое переносье, волосистой покров, широкий и прямой разрез глаз) [Левин 1949б: 28]. Поэтому среди основных гипотез этногенеза айнов издавна выделялись их южное происхождение (австронезийское), континентальное (азиатское), европеоидное («кавказское»), а также их автохтонность.

Версия о генетической связи айнов с европеоидами базировалась большей частью на поверхностных сопоставлениях, тогда как гипотеза южного происхождения — на данных антропологии (соматология, краниология, морфология зубов), впрочем, весьма несовершенных к тому времени, а также на сведениях из области мате-

риальной культуры и языка, в которых обнаруживается много натяжек и «общих мест»¹¹².

В рамках теории южного происхождения, долгое время подерживавшейся многими зарубежными и отечественными учеными, предполагалось, что прародина айнов — Юго-Восточная Азия и прилегающие к ней острова Тихого океана. Приводились доказательства связи айнов с экваториальными расами (негро-австралоидные расы, распространенные в тропической зоне Африки, Южной и Юго-Восточной Азии, Океании и Австралии) и родства с австронезийскими народами [Левин 1949б: 26, 28; 1951: 487; 1958: 258, 286, 303; Трофимова 1932: 99; Штернберг 1929: 337; Чебоксаров 1951: 309, 310].

И сегодня существует много приверженцев теории южного происхождения. Однако исследования, основанные на неметрических черепных характеристиках и количественных генетических анализах, позволяют предполагать генетическое влияние на формирование физических характеристик современных айнов со стороны антропологических групп Северо-Восточной Азии. Это стало важным аргументом в пользу гипотезы о принадлежности айнов (через их предков — дзёмонцев Хоккайдо) к племенам, ведущим происхождение из этого региона¹¹³ [Kaburagi, Ishida, Goto, Hanihara 2010: 95, 96].

Австралоидные черты внешнего облика айнов объяснить довольно сложно. Согласно одной из гипотез, их можно рассматривать как наследие древней стадии расообразования [Васильев, Бе-

¹¹² Предметы материальной культуры айнов обнаруживают сходство с предметами народов Юго-Восточной Азии, Индонезии, Полинезии, Меланезии (ткацкий станок, набедренные повязки, отравленные стрелы), а ряд элементов айнского языка — с полинезийской и индоевропейской языковыми группами [Штернберг 1929: 337].

¹¹³ Подтверждением новой теории стало выявление в строении айнских черепов особых заднескуловых швов. Заднескуловые швы обнаруживаются на черепах древнего населения Японских островов, Азиатского материка, Прибайкалья, а также у северных монголоидов (нивхов, нанайцев, эвенков и др.). У южных монголоидов и австралоидов они встречаются редко [Козинцев 1983: 40]. Кроме того, отмечается большое сходство с северными монголоидами в дерматоглифике, кровяных полиморфизмах, особенно в генах Tfdchi, D(a), в высокой частоте «северно-монголоидного» гаплотипа Gm1,17,15,16(ab3st), в недостатке алкоголь-дегидрогеназы I, а также по некоторым краниометрическим характеристикам [Kozintsev 1993: 109, 117].

резкин, Козинцев 2009: 125, 128, 130; Козинцев 2008: 356; Kozintsev 1993: 121].

Если в очередной раз задаться вопросом о связях айнов с древними обитателями Японского архипелага — дзёмонцами, то надо иметь в виду, что по анализам скелетов и зубов доказывается их близкое морфологическое сходство с хоккайдским типом [Adachi, Shinoda, Umetsu, Matsumura 2009: 256]. Собственно переходными от дзёмонцев Хоккайдо к айнам (по морфологическим признакам) признаны костные останки заключительной стадии эпохи Дзёмон — периода Дзокудзёмон. Скорее всего, дзёмонцы, особенно северо-восточной части Японии, развивались в Дзокудзёмоне до протоайнов, и это происходило в результате либо микроэволюционного процесса, либо смешения с соседями [Dodo, Ishida 1990: 280].

Современные исследования неметрических черт черепов и анализ митохондриальной ДНК позволяют предположить значительное генетическое влияние коренного населения низовьев Амура и берегов Охотского моря на айнов в постдзёмонскую эпоху [Kaburagi, Ishida, Goto, Hanihara 2010: 104; Adachi, Shinoda, Umetsu, Matsumura 2009: 256]. На северо-восточном Хоккайдо, в частности на побережье Охотского моря, прослеживается родство с племенем охотской культуры¹¹⁴ [Kaburagi, Ishida, Goto, Hanihara 2010: 104].

Охотцы, по всей видимости, передали айнам гаплогруппу Y, которая широко наблюдается в современных сибирских популяциях, но отсутствовала у дзёмонцев Хоккайдо. Таким образом, становится очевидным, что «сибирский вклад в айну значительно повлиял на их генетическую структуру и что представители охотской культуры могли быть одним из важных источников сибирской митохондриальной ДНК» [Adachi, Shinoda, Umetsu, Kitano, Matsumura, Fujiyama, Sawada, Tanaka 2011: 358].

Население северной части Японского архипелага и прилегающих с севера и северо-востока территорий приобретало облик айнов в процессе интеграции локальных общностей, по крайней мере, с XII в. [Sasaki Kaoru 2001: 132]. Этот процесс сопровождался исчезновением керамической посуды, распространением привозной ме-

¹¹⁴ В связи с носителями культуры яей следует заметить, что наблюдается значительное их влияние на современных японцев и гораздо более слабое — на айнов, а также на коренных жителей о-вов Окинава и всей группы Рюкю.

таллической и деревянной продукции, изменением внутреннего устройства жилищ и, возможно, зарождением эпоса *юкар* [Арутюнов, Щебенков 1992: 53; Kojima 2004: 18; Sasaki Kaoru 2001: 134; Utagawa 1992: 313]. Еще раз подчеркнем, что становление айнского этноса в каждом из регионов (на Хоккайдо, Сахалине и Курилах) происходило во многом на основе собственных неолитических традиций.

Раннюю стадию этногенеза айнов хорошо характеризуют археологические находки из комплекса Биби 8 (в бассейне реки Мисава). Когда-то место, которое он занимает, было важным пунктом в водных путях сообщений, связывавших между собой побережья Тихого океана и Японского моря. Здесь сохранились остатки стоянок, места отправления культов, древних гаваней. Подъемный материал при этом охватывает период с эпохи Сацумон по XVII–XVIII вв. [Morioka 2001: 115].

Собственно археологические находки по айнам здесь весьма разнообразны¹¹⁵ (рис. 42, 43, 44). В количественном отношении преобладают предметы из металла (большей частью японского производства) и дерева. На деревянных артефактах иногда встречаются рисунки, а также знаки собственности (Биби 8; К 36).

Некоторые деревянные находки из Биби 8, а также Юканбоси 15 (в бассейне реки Юканбоси) указывают на прямую связь между культурами сацумон и айнской. Импортная продукция с Хонсю, которая в большом количестве обнаруживается в памятниках XVII в., прекрасно характеризует развитие торговых контактов с японцами [Kikuchi 1999: 58].

Несмотря на обилие археологических материалов, достоверной информации об айнском обществе на о-ве Эдзо в XIV–XV вв. крайне мало. Можно лишь предположить, что в середине XV в. под давлением японцев у айнов стало проявляться этническое самосознание [Ibid.: 60].

¹¹⁵ Среди находок: керамическая импортная и самодельная посуда (чашки, чаши, тарелки, котелки), металлические изделия (котелки, иглы, ножи, топоры, мотыги, курительные трубки, детали японского вооружения, монеты, рыболовные крюки, гарпуны, наконечники стрел), деревянная продукция (утварь, очажные принадлежности, лестницы к амбарам, луки, стрелы, палочки *икупасуй*, молоты, мотыги, детали гарпунов, ножей, мечей, ткацких станков, лодок, дубинки для наказаний и для битвы рыбы), предметы из кости (гарпуны, стрелы, игольники, подвески, бусины), бересты (ножны ножей) и стекла (бусины) [Takahashi 2001: 30].

Рис. 42. Металлические котелки айнов Хоккайдо из памятника Биби 8. Котелок с ушками внутри середины X — середины XV в. (вверху), котелок с ушками, выведенными наружу, эпохи Сацумон — середины XVII в. (внизу). Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Источник: [Mogioka 2001: 136]

Рис. 43. Керамика и железная продукция айнов Хоккайдо из памятника Нибутани периода Средние века — Новое время. Фрагмент фарфоровой чаши (вверху), железный котелок с ушками, выведенными наружу (в центре), железный фрагмент котелка с ножками (внизу).

Комитет по вопросам образования г. Биртори.

Источник: [Morioka 2001: 102]

Рис. 44. Фрагменты деревянной утвари айнов Хоккайдо из памятника Биби 8. Миска середины XV — первой половины XVIII в. (вверху), фрагмент коробки *магэмоно* середины XV — середины XVII в. (в центре), рукоятка эпохи Сацумон — середины XVII в. (внизу).
 Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Источник: [Mogioka 2001: 136]

С одной стороны, айны в то время активно включились в торговлю со своими соседями, а с другой — стали поднимать восстания, отстаивая свои исконные земли, а также право на паритетную торговлю. Лишь к середине XVI в. один из глав правящего на Эдзо рода Такэда — Такэда Суэхиро — начал политику умиротворения туземцев и взял их под контроль [Позднеев 1909, т. 2: 71; Sasaki Toshikazu 2001: 135]. Именно в это время эдзоские айны попали в поле зрения португальцев Луиса Фройса, Игнасио Морэйра и итальянца Джироламо де Анджелиса.

Игнасио Морэйра в сочинении “Iezoruminsula” (1591) указал на айнское название Эдзо — *ainomoxori* — и, таким образом, впервые зафиксировал существование в XVI в. слова *айно* (*айну*) и, видимо, их исконного топонима-политонима «айнумосири». Другие миссионеры описали некоторые обычаи туземцев, их предметы быта.

Среди ранних японских письменных источников встречаются документы, датирующиеся серединой и второй половиной XVII в., — «Синра-но кироку» («Записи Синра») (1646), «Эдзосимаки» («Заметки об Эдзо») (1681?), «Кайфу:мару кидзи» («Записи с корабля Кайфу:мару» (рассказы представителей клана Мито)) (1689), которые содержат информацию об айнах южной части острова (Мацумаэ), западной его части (Исикари) и глубинных районов (*о:куэдзо*). Во второй половине XVII в. также появились сочинения «Митинокуни цугаругун-но эдзу» («Иллюстрированное описание уезда Цугару области Митинокуни») и «Дзассё» («Записи о разном (клана Намбу)»), в которых фигурируют айны северо-восточных областей Хонсю (п-ов Цугару и п-ов Симокита) [Sasaki 1995: 30; Sasaki Toshi-kazu 2001: 67]. Что же касается населения отдаленных от Хонсю и Хоккайдо северных островов, информация о них отсутствовала.

Время распространения айнской культуры на Сахалине археологи определяют XIII–XIV вв. Эта культура сменила бытовавшую здесь охотскую. Можно сказать, что в целом заключительный этап охотской культуры и начало айнской (XIII в.) совпали [Василевский, Кузьмин, Горбунов, Шубина 2003: 39].

Высказывается мнение, что «айнская периферия к северу и северо-востоку от Хоккайдо складывалась постепенно — не за века, а за тысячи лет» [Василевский 1995б: 154]. Уже в эпоху неолита между Хоккайдо и Сахалина существовала «контактная зона», и формирование сахалинских айнов могло проходить постепенно в условиях этой зоны [Там же].

Другими словами, появление айнов на Сахалине не было следствием простой миграции с Хоккайдо. В. Д. Косарев, отстаивая данную позицию, пишет: «Думаю, все различия, которые можно обнаружить в культурах айнов Сахалина, Курил и Хоккайдо, в принципе и основе сводятся к главной причине: формированию трех типов из разных истоков» [Косарев URL: <http://kosarev.press.md/Ainu>].

Самый северный ареал расселения айнов на Сахалине характеризует Богатая-1 (северо-восточное побережье). Этот памятник, расположенный в устье одноименной реки, включает следы полуподземных жилищ и грунтовых захоронений [Шубина, Самарин, Горбунов 2001: 308]. Многочисленные находки фиксируются также на стоянках Александровск-Сахалинского, Поронайского, Долинского, Невельского и Холмского районов. Большинство из них — многослойные, прошедшие несколько этапов заселения. Это свидетельствует о периодичности освоения территорий в течение длительного времени [Василевский, Плотников 1992: 121; Горбунов, Андропов, Горбунова URL: www.poronaiskmuseum.ru; Федорчук 1995: 42, 44].

Интересно, что, по словам нивхов и айнов, еще до переселения последних на Сахалин здесь проживали племена, называвшиеся *тончи* (*тонци*, *тонцы*). Согласно айнским преданиям, *тончи* лицом были похожи на японцев, но брили головы и носили косы. Одевались летом в маньчжурские халаты или одеяния из лыка, а зимой — в шубы из тюленьих и собачьих шкур. Носили обувь из шкур нерпы. На охоте и войне использовали железные копья и стрелы. Плавали в Маньчжурию и привозили оттуда товары (маньчжурские сабли, ножи и пр.), которые сбывали местному населению. Жили *тончи* в землянках, держали оленей, в быту использовали глиняную посуду¹¹⁶ [Депрерадович 1877: 10; Пилсудский 1909: 7].

Результаты исследований черепов из раковинных куч и погребений на Южном Сахалине дают основание сопоставить с *тончами* носителей сусуйской культуры (ранняя стадия охотской).

Хронологически айнская культура на Сахалине делится на два этапа — ранний и поздний, которые выделяются по количественно-

¹¹⁶ И. А. Лопатин, И. С. Поляков, Б. О. Пилсудский и другие исследователи Сахалина второй половины XIX в., неоднократно находившие в различных частях острова остатки полуземлянок, а также каменные топоры, стрелы, наконечники копий и черепки сосудов, связывали их именно с *тончами* [Пилсудский 1909: 5–7].

му соотношению металлических изделий в разновременных комплексах, а также по наличию специфической керамики — котелков с ушками внутри.

Котелки из Богатой-1 и других памятников датируются временем XII—XIX вв. Они грубо слеплены вручную и не орнаментированы. Встречаются и японские фаянсовые сосуды, но они преимущественно позднего происхождения (XIX в.), и в процентном соотношении их не так много [Шубина, Самарин, Горбунов 2001: 308]. Среди металлических изделий — курительные трубки, наконечники стрел, зеркала, ножи, мечи, украшения. В основном это импортная японская продукция. Если на раннем этапе металлические предметы были единичными, то со временем их количество увеличилось [Василевский, Плотников 1992: 121, 122; Поронайский URL: www.poronaiskmuseum.ru; Шубина, Самарин, Горбунов 2001: 308]. Наряду с керамикой и металлом на айнских стоянках часто встречаются стеклянные бусы.

Как уже указывалось, в письменных источниках ранние сведения об айнах Сахалина появляются в хрониках династии Юань (1271—1368) «Юань ши». Айны фигурируют здесь под названием *ку-и* (骨鬼). Согласно хроникам, юаньские войска в XIII в. вступили в войну с *ку-и*, получив жалобу от подвластных *гирэми* (нивхов)¹¹⁷. Из хроник следует, что *ку-и* были опасными противниками, поскольку использовали отравленные стрелы. Это дает решающие основания для отождествления их именно с айнами.

Очевидно, переселившиеся приблизительно в XIII в. с Хоккайдо на Сахалин айны осваивали новые для них территории. Одной из причин перемещения могла стать потребность в шкурах животных и перьях соколов. Кроме этого, тогда в Японии шкуры животных не имели рынка сбыта, поэтому айны продвигались на Сахалин и оттуда на материк, чтобы утвердиться на торговом рынке с Китаем. Движение айнов в то время было чрезвычайно активным [Matsuzaki 2001: 44].

Дополнительная информация о сахалинских айнах встречается в китайских хрониках «Кайюань синь чжи» («Новые записи области Кайюань») эпохи Юань и «Ляодун чжи» («Описании области

¹¹⁷ *Гирэми* жаловались на то, что *ку-и* восточных земель каждый год совершали на них набеги. Столкновения между войсками Юань и *ку-и* продолжались вплоть до 1308 г. [Matsuzaki 2001: 44].

Ляодун») периода династии Мин (1368–1644). В первой из них сказано, что *ку-у* (苦兀) (вместо *ку-и* используется другое слово) находятся к востоку от Нурганьского моря, их тела покрыты густым волосняным покровом. Они носят медвежьи шкуры, одеваются в узорчатые ткани; имеют крепкое и острое оружие; при смерти родственника удаляют у него кишки и желудок, тело сушат на солнце и носят с собой, при еде и питье приносят ему жертвы, примерно через три года оставляют. Во втором источнике содержится аналогичная информация, а также сведения, согласно которым *ку-у* «имеют луки и стрелы из дерева длиной в чи с лишним. Наконечники стрел покрывают ядом, при попадании [жертва] обязательно умирает» [История династии 2003 URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China>; Сунь Цзинь-цзы 2001: 59].

Как видно из описания, летописцы обратили внимание на один из погребальных обрядов, который в более позднее время у айнов не сохранился. Одежда же, описанная в источниках, как и другие детали, вполне соответствует традиционным айнским характеристикам.

Вслед за китайскими хрониками с середины XVII в. стали появляться европейские документы. В них нашли отражение сведения из экспедиции голландца М. Г. Фриса (1643), при этом облик туземцев Сахалина описан вполне отчетливо.

В отношениях айнов с коренными жителями северных территорий важное место занимали тунгусские племена *сюкусин* 肅慎 (кит. *су-шень*, яп. *мисихасэ*), владения которых охватывали Приморскую область и часть Маньчжурии. В Китае они были известны уже в эпоху Чжоу (XII–III вв. до н.э.)¹¹⁸ [Позднеев 1909, т. 2: 3, 5; Тураев 2010: 78].

С древности основными видами хозяйственной деятельности *сюкусин* были охота и рыболовство. Согласно более поздним письменным данным, они также обрабатывали землю (сеяли пшеницу, гаолян, просо, рис, сою), занимались разведением свиней, быков и лошадей [История Золотой 1998: 46].

¹¹⁸ В китайских хрониках в зависимости от эпохи племена *сюкусин* упоминались под разными названиями. При династии Хань (206 г. до н.э. — 220 г.) и Вэй (220–264) их называли *илоу*, при танской династии (618–907) — *мохэ*, при сунской династии (960–1279) — *нойчжэнь*, при династии Юань (1280–1367) — *нойчжи*, а затем *дадань* [Левкин 2004 URL: <http://www/levking.ru>; Позднеев 1909, т. 2: 5].

На охоте сюкусинцы применяли стрелы из грушевого дерева с каменными наконечниками; для варки пищи использовали глиняные сосуды. Летнюю одежду изготавливали из нитей древесного луба лочана, зимой носили халаты из холста и волос, а также шубы из свиных шкур. Волосы заплетали в косички [Там же: 49]. Привлекает внимание своеобразный погребальный обряд — сюкусинцы практиковали грунтовые погребения в саркофагах, сколоченных из бревен или досок, на которые предварительно укладывали определенное количество зарезанных свиней. Засыпая могилу землей, снаружи оставляли конец веревки, привязанной к гробу, — на нее лили отвар, что символизировало кормление умершего [Там же].

Уже в VI в. сюкусинцы совершали плавания к Японским островам архипелага, где добывали рыбу; отмечается, что они говорили на непонятном для японцев языке. Японский историк Кумэ Кунитакэ полагал, что *эдзо* Хоккайдо были переселенцами из сюкусинского племени [Позднеев 1909, т. 2: 6].

Если не брать в расчет традицию изготовления одежды из луба, распространенную среди айнов (но не только среди них), то язык, обычаи, как и внешний облик айнов и *сюкусин*, значительно отличались, поэтому проводить какие-либо сравнения довольно сложно. В то же время влияние, которое сюкусинцы, возможно, оказывали на туземцев Северной Японии, отрицать нельзя. Так или иначе гипотеза, высказанная некогда Кумэ Кунитакэ, в настоящее время опровергается¹¹⁹ [Позднеев 1909, т. 2: 5].

Отдельного рассмотрения требуют айны Курильских островов — на севере и юге они относились к различным культурным зонам. Северные курильцы издавна смешивались с камчадалами (ительменами) и испытывали влияние алеутов, тогда как жители южных островов находились в большей степени под влиянием японцев, а с XVIII в. — и русских.

На Курилах айны жили небольшими группами по несколько десятков человек на острове. Между жителями островов существовали достаточно тесные торгово-хозяйственные и родственные связи, поскольку они постоянно перемещались вдоль гряды, меняя

¹¹⁹ С VIII в. *сюкусин* стали фиксироваться в японских хрониках под названием *маккацу* (кит. *махэ*). Известно, что *маккацу* существовали в виде нескольких кланов, одному из которых удалось образовать единый союз, а затем государство Бохай (698–926).

охотничьи и рыболовные угодья. Кочевания, иногда за сотни километров от поселений, были характерной чертой именно курильских айнов [Левин, Дубровина 1969: л. 24; Таксами, Косарев 1990: 47].

В XVII–XVIII вв. с курильскими айнами неоднократно воевали казаки. В донесении И. Козыревского о походе на Курильские острова в 1713 г. сказано: «...и на оных островах живут иноземцы самовластно, и на разговор они нам не дались, и бой с нами дали, и к воинскому делу zelo жестоко поступают, в кукях с трех бьют, имеют они у себя сабли, копыя, луки со стрелами. И я, прося у господа бога милости, поступил на них воинским же делом и счастьем е.и. в. оных иноземцев в полон имал и брал их платье шелковые, и дабинные, и крапивные, и золото, и сабли» [Елизарьев 2007: 577].

В неопределенном прошлом айны через Курильские острова добрались до Камчатки, обосновавшись там в южных районах. По мнению Т. М. Диковой, они не смогли оказать существенного воздействия на культуру коренных жителей: «Нет оснований говорить о границе обитания айнов на юге Камчатки, но лучше поставить вопрос о границах их влияния»¹²⁰.

На Камчатке тщательно исследовались археологические памятники в районе мыса Лопатка и Курильского озера: Лопатка I, Адриановка и Сиюшк. Они ближе всего расположены к Курильским островам, поэтому для археологов всегда представляли наибольший интерес. Среди находок примечательны керамические котелки с ушками внутри, металлические и костяные наконечники стрел, поворотные гарпуны. По сравнению с другими регионами привлекает внимание обилие каменных орудий: стрелы, копыя, ножи, топоры. Все перечисленные предметы обладают характерными айнскими признаками и датируются XVII в.

Раскопки на Камчатке позволили не только наметить время развития айнской культуры, но и очертить область ее распространения. Важным критерием стали характерные котелки. На западном побережье Камчатки айны проникли до устья реки Опалы, а по восточному побережью — значительно севернее, вплоть до Жупанова [Дикова 1983: 166–168].

¹²⁰ Неолитические памятники Камчатки составляют единую археологическую культуру, в основе — ительменскую. Наличие отдельных айнских элементов обнаруживается лишь в позднее время [Дикова 1983: 167].

В 1643 г. южные острова Курильской гряды посетили участники голландской экспедиции, о которой уже не раз упоминалось. Благодаря экспедиции достоверные сведения о курильцах впервые попали в письменные источники. Через короткое время, в конце XVII — первой половине XVIII в., курильские айны оказались в поле зрения японцев — был составлен анонимный труд «Эторофутто: хё:рю:ки» («Записи об Итурупе») (1712) — и русских.

В заключение следует упомянуть и об айнах Приамурья. Известно, что в промысловых и торговых целях сахалинские туземцы неоднократно проникали в районы низовьев Амура. Многие оставались там жить, смешиваясь с нивхами и ульчами. Спорным представляется вопрос о том, насколько древним могло быть нахождение айнов на сопредельных территориях материка.

О приамурских айнах впервые упомянул Мамя Риндзо в своем труде «Китаэдзо дзусэцу», затем — Ф. Ф. Зибольд, а также российские этнографы Ф. М. Депрерадович и Л. И. Шренк. Последние, в частности, указывали на айнов-рабов, которых соплеменники выменивали на ценные предметы [Депрерадович 1877: 11; Зибольд 1854: 233; Осипова 2010: 206; Шренк 1903: 20].

Так или иначе на Амуре айнов было сравнительно немного, и к началу XX в. большинство из них ассимилировалось.

Глава III

ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО АЙНОВ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Общественный строй

Традиционный уклад жизни айнов базировался на ведении общинного хозяйства. В политическом и хозяйственном отношении община обладала относительной самостоятельностью и выступала основной социально-экономической единицей.

Община могла включать от одного до нескольких поселков (айнск. *котан*). Каждый поселок, в свою очередь, состоял из двух-трех или большего количества домов (рис. 1). Поселки, где было свыше десяти домов, считались большими.

Местоположение поселков объяснялось хозяйственной деятельностью айнов, в которой центральное место занимало рыболовство. При выборе места для жилья также учитывалась доступность

Рис. 1. Поселок айнов Хокайдо. МАЭ РАН (№ 529-53)

питьевой воды и охотничьих угодий [Арутюнов, Шебеньков 1992: 9]. Чаще всего летние поселения, состоявшие из наземных домов (айнск. *тисэ*), обустроивались в устьях и на берегах рек, близ озер или на морском побережье. Дома всегда строили в линию на небольшом расстоянии от берега [Онуки-Тирни 1996, № 3: 110].

В поисках добычи айны могли надолго покидать родные места и кочевать по горам или островам. Тем не менее даже после длительного отсутствия они обязательно возвращались в свои деревни. Другое дело, если число семей возрастало и, как следствие, увеличивалась нагрузка на промысловые угодья. Тогда некоторые семьи были вынуждены искать для себя другие, более подходящие места и перемещаться туда [Лим 2010: 179].

Дома, как правило, ориентировались в восточном направлении. В случае, если поселение располагалось на берегу реки, оно могло размещаться по направлению к низовьям водоема. Известно также, что айны северо-восточного побережья Южного Сахалина возводили жилища «фасадом», направленным в сторону гор — самой священной части мироздания [Онуки-Тирни 1996, № 2: 80].

Обитателей верховьев рек называли *пени-ун-гуру*, тех, кто селился по среднему течению, — *пани-ун-гуру*, а по нижнему течению, у устья реки, — *пана-ун-гуру*. Предпочтение отдавалось местам, расположенным не в верховьях, а в низовьях рек [Лим 2008: 147].

На зиму жители прибрежных поселков нередко перебирались в зимние жилища — землянки (айнск. *той-тисэ*). Их сооружали на южных склонах возвышенностей. Переезд из одного жилища в другое всегда сопровождался обрядом жертвоприношения божеству местности [Осипова 2008: 50].

Помимо насельников морского побережья, среди айнов выделялись группы, которые постоянно жили в горах. Назывались они *ким-ун-утара* [Лим 2008: 147]. На Хоккайдо горные айны в основном промышляли охотой и занимались земледелием. Из-за нехватки продуктов им часто приходилось спускаться к обитателям речных долин и приобретать у них рыбу [Щепкин 2011: 139].

В Средние века локальная группа айнов представляла собой родовую общину, которая формировалась исключительно по кровнородственному принципу. Айнские общины селились рассредоточенно, маленькими поселками, находившимися друг от друга на значительном расстоянии. Известно, что на Курилах, например, где рода расселялись по разным островам, отдельные поселения

не имели ничего общего между собой и были большей частью враждебно настроены по отношению друг к другу [Полонский 1871: 375].

Со временем кровнородственный принцип уступил место территориально-общинному, но и при такой системе родовой признак в организации членов общины продолжал играть важную роль. Единство общины проявлялось в коллективной собственности на охотничьи, рыболовные и земледельческие территории, совместном проведении религиозных праздников, местном управлении и различных формах взаимопомощи.

Охотиться и заниматься рыболовством на промысловых угодьях посторонним без разрешения старейшины стойбища запрещалось. Однако в тех районах, где общины были тесно связаны между собой родственными узами, как, например, на северо-западном побережье Сахалина, айны не слишком следили за территориальными нарушениями. Более того, «соседние селения в значительной степени зависели от природных ресурсов друг друга» [Онуки-Тирни 1996, № 3: 110]. Однако так было не везде. Случалось даже, что правом исключительного пользования тем или иным участком наделялась отдельная группа родственников.

Ядром общины были мужчины, объединенные единой линией родства, которая основывалась на происхождении от общего мужского предка. Кровные представители данного коллектива вместе составляли «поколение одного предка» (айнск. *сине-экаси-икиру*). Принадлежность к «поколению одного предка» маркировалась специальным родовым знаком (айнск. *экаси-итокна*), который ставился на таких культовых предметах, как *инау*, жертвовавшихся духам, и на некоторых других.

В пределах одного крупного селения или нескольких более мелких общиной руководил старейшина *котан-коро-куру* (*котан-коро-нисьна*). Он был связан кровными узами с представителями мужского сообщества данной группы. Чаще всего свое звание старейшина передавал по наследству. Если в семье *котан-коро-куру* не оказывалось сыновей, то после смерти на общем собрании общины избирался новый старейшина из другой семьи¹ [Лим 2008: 148].

¹ Наряду с *котан-коро-нисьна* у айнов существовал так называемый священный вождь (*котан-айсара-камуи*) — самый почтенный старец в общине. Он мог быть одновременно и обычным вождем, и священным [Онуки-Тирни 1996: 111]. По мнению В. Д. Косарева, в далеком прошлом

Старейшиной мог оказаться человек «со стороны» и в том случае, если айны принимали решение, что он лучше справится с работой, поскольку важнейшим качеством лидера было умение руководить. Так, Э. Онуки-Тирни отмечала, что, когда Хенчока, вождь селения Райчиска, совершил самоубийство, местные люди пригласили сына сестры его отца, живущего в ближайшем стойбище. Тот отклонил предложение, понимая, что еще молод, и старейшиной стал Нотопа Айну, который также не состоял в кровном родстве с умершим [Онуки-Тирни 1996, № 3: 112].

Старейшина выступал основным распорядителем всех праздников, выстраивал взаимоотношения с другими общинами, разрешал споры. Он также представлял айнскую сторону в торговле с японцами.

Кроме *котан-коро-куру*, было еще две должности — помощник старейшины (*хатико-котан-коро-нисьна*) и общественный посыльный (*сонкокоро-айну*). Посыльный должен был оповещать население соседних деревень о важнейших событиях, таких как свадьба или похороны [Там же: 111].

Для руководства селением, состоявшим из нескольких неродственных между собой больших семей, созывался совет старейшин. За исключением военного времени, этот совет, обладавший как законодательными, так и судебными полномочиями, ограничивал власть старейшины *котан-коро-куру*.

По данным Б. О. Пилсудского, на Сахалине были родовые старшины, оказывавшие влияние на целые районы. Они пользовались всеобщим уважением и принимали участие в решении важных вопросов [Пилсудский 1907а: 114].

Следует отметить, что, помимо мужского родства, генеалогический учет в айнском обществе велся и по женской линии. Объединения женщин назывались «поколения одного очага» (айнск. *сине-хуци-икиру*) или «один карман (запазуха)» (айнск. *сине-упсор*). Представительницы этих объединений вели родство от общей прародительницы, которая ассоциировалась с «хозяйкой огня» (айнск. *камуи-хуци*). Как и в случае с мужчинами, от матери к дочери передавались специальные родовые знаки — набедренные повязки

котан-айсара-камуи был прежде всего военачальником, о чем свидетельствует название (в архаическом айнском *сара* означает война). Со временем, когда междоусобные войны и войны с японцами прекратились, титул стал символическим.

определенного вида [Осипова 2008: 84; Таксами, Косарев 1990: 144]. При этом родственные узы по женской линии были даже прочнее, нежели по мужской. Видимо, эволюция в айнском обществе происходила от материнского рода к отцовскому. Хотя «нет оснований утверждать, что в прошлом женщина у айнов стояла безусловно выше мужчины... высокое ее положение несомненно» [Таксами, Косарев 1990: 145].

Несколько локальных групп, живших по соседству, могли составлять социальное объединение «одним знаком совместно владеющие люди» (айнск. *сине-итокпа-уко-кору-утару*). У этого объединения не было старейшины и территории в коллективной собственности. Ее единство проявлялось лишь во время медвежьего праздника. Вообще, на медвежьем празднике межобщинные контакты проявлялись наиболее отчетливо [Арутюнов, Щебенков 1992: 97].

Наконец, общины, жившие в долине большой реки, как правило, образовывали речную группу (айнск. *нет-ивору-утару*). Она объединяла несколько патрикланов с совокупностью родовых знаков и, по сути, представляла собой самую крупную социально-политическую единицу — племя. Сохранились свидетельства об общеплеменных ритуалах, связанных со стихийными бедствиями. Предполагается также, что в прошлом у айнов иногда действовала межплеменная военная организация [Арутюнов, Щебенков 1992: 98; Таксами, Косарев 1990: 143].

Консолидации айнов и развитию межплеменных союзов в XVI–XVII вв. способствовала деятельность клана Мацумаэ. Мацумаэские князья учреждали внутри айнских владений свои торговые фактории и стремились с максимальной выгодой эксплуатировать местное население. С одной стороны, развитие торговли с японцами привело к появлению более сильных в экономическом отношении айнских объединений, а с другой — создало предпосылки для возникновения мощного антияпонского движения, которое во второй половине XVII в. вылилось в восстание Сякусяина [Лим 2010: 179].

Территориальное деление

Издавна общество айнов, а также их предков *эмиси* не было однородным. Так, согласно китайским источникам, в середине VII в. среди *эмиси* северо-востока Хонсю японцы выделяли три группы — *цугару-эмиси*, *ара-эмиси* и *ниги-эмиси* [Kodaijin to ainu:

URL: <http://homepage3.nifty.com>; Kojima 2009: 33]. Что лежало в основе такого разделения, не вполне ясно.

По мере продвижения вглубь северных территорий в поле зрения японцев оказалось население о-ва Эдзо (Хоккайдо). В XIV в., как отмечалось в первой главе, здесь также выделялись три группы: *хиномото*, *карако* и *ватарито*.

Именуя обобщенно всех туземцев по названию острова, японцы стали разделять их, следуя географическому принципу: на «передних эдзо» (яп. *куци-эдзо*) и «дальних эдзо» (яп. *оку-эдзо*). Владения первых приходились на южные и восточные земли Эдзо, а вторых — на западные² [Позднеев 1909, т. 1: 16].

Постепенно знаний о владениях эдзосцев становилось больше. Уже в «Сангоку цу:ран дзусэцу» (1785) Хаяси Сихэй сообщал, что остров был разделен на пять частей (исключая владения Мацумаэ): восточную область (от Хараки до Киритаппу (айнск. *мэнаси-куру*)), северо-восточную (между Киритаппу и Ураясибэцу), северную (оггибает бухту, от Ураясибэцу до Соя), западную (от Соя до Усубэти (айнск. *сюму-куру*)) и центральную («вдоль большой реки, соединяющей оба моря»). «Во все пять частей приезжают японские корабли и активно ведут торговлю» [Щепкин 2011: 137].

Представление о том, что *эдзо* — это айны, сложилось, видимо, в XVII–XVIII вв. Одно из ранних упоминаний слова *айно* японцами встречается в «Хоккайдзуйхицу» (1739). Данное слово имело значение «старший», «уважаемый». Затем *айно* появляется в отчете Сато Гэнрокуро по обследованию Эдзо (1786), а вслед за тем в таких документах, как «Мосиогуса» (1792) Уэхара Кумадзиро и «Эдзо котовадза дзокува» (1792). По мере того как служащие бакуфу исследовали северные земли, в японском обществе усиливалось осознание того, что *эдзо* равнозначно *айно*.

Напомним, что область расселения айнов не ограничивалась указанными территориями, но была значительно шире. Она включала южную часть Сахалина, Курильские острова, юг Камчатки, некоторые районы низовьев Амура (рис. 2).

Знакомство русских с айнами началось на юге Камчатки и Курильских островах. Представителей айнского этноса, живших здесь, казаки называли «курилы», «курильцы» или «мохнатые курильцы».

² В 1869 г., после революции Мэйдзи, остров в целом был переименован в Хоккайдо.

Рис. 2. Карта расселения айнов в XIX в. Источник: [Горюнов 2005: 36]

Среди них выделялись «ближние курилы» — айны Камчатки и о-ва Шумшу, «дальние курилы» — айны о-ва Парамушир и соседних с ним островов, а также «кых курилы» — айны о-вов Уруп, Итуруп, Кунашир (рис. 3, 4) [Крашенинников 1994, т. 1: 120; Спесивовский 1988: 8].

Рис. 3. Айн Хоккайдо.
МАЭ РАН (№ 529-60)

Рис. 4. Айн Курильских островов.
Источник: [Тогіі 1919: pl. II]

Что касается самоназвания айнов, наиболее ранние сведения, согласно которым туземцы называли свой остров «Айну-мосёри» (*айну-мосир*), то есть «мир людей» или «страна айнов», и, следовательно, осознавали себя айнами, относятся к концу XVI в. Эти данные приводит в своих записях миссионер Игнасио Моэйра “Iezoruminsula” (1591) [Kikuchi 1999: 197; Sasaki Toshikazu 2001: 13]. Ранний пример упоминания слова *айно* в японском языке, как отмечалось выше, фиксируется в «Хоккайдзуйхицу» (1739) [Kikuchi 1999: 198].

По мнению В. Д. Косарева, из этимологии айнских имен можно предположить и более старые истоки этнонима «айну». Из средневековых японских источников известно, что предводителя айнов во время восстания на Эдзо в 1456 г. звали Косямаин. В данном случае, как предполагает ученый, скорее всего, правильное имя было *Kosamainu*. Это относится и к имени другого вождя — Сякусяина, который по-айнски должен был называться *Sakusainu* либо *Samusainu*, равно как и к именам многих других айнов с окончанием

на *-аин*, упоминающихся в японских документах того времени [Косарев URL: <http://kosarev.press.md/Ainu/>].

Предполагается, что в более раннее время самоназванием айнов были слова со значением «человек» или «особа» *кур*, *куру*, *гур*, *гуру*, а в усеченном виде (в составных словах) — *ку*. Можно еще упомянуть названия *эндзю* (*энтиу*, *энтю*) — «человек» и *эндзю утара* — «люди», до недавнего времени сохранявшиеся в сахалинском диалекте. Однако они означали прежде всего человеческое существо в целом, в отличие, например, от богов или животных.

Слово *эндзю* могло послужить источником для появления японских наименований *эмиси* и *эдзо*, а слово *куру* — нивхского обозначения *куги* и китайского *ку-и* [Кюнер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 2; Левин, Дубровина 1969: л. 1; Спесваковский 1988: 8, 9; Kojima 2009: 50].

Следует отметить, что, согласно документу «Эдзосю:и» (1786), хоккайдские айны называли себя *каи* [Kikuchi 1999: 198]. Это слово, видимо, является одним из древних самоназваний. Его этимология вызывает у ученых большой интерес. М. М. Добротворский, кроме всего прочего, ссылаясь на словарь айнского языка Уэхара Кумадзиро и Абэ Тёдзабуро «Мосиогуса» (1792), указывал на слово *курумусэ* — «древние жители острова Мацмая или Айнских земель» [Добротворский 1875: 155].

Помимо обобщающих названий, в языке айнов употреблялись специальные слова для обозначения локальных групп сородичей и мест их обитания. Сегодня нельзя однозначно сказать, в какой степени они отражали внутреннюю структуру общества, но можно полагать, что в основе этого разделения лежали не только географические, но и родоплеменные различия.

Крупнейшими объединениями туземцев на Хоккайдо были *мэнаси-куру* (*мэнаси-ун-куру*, *мэнаси-ун-утара* (восточные айны)), владения которых находились от Сидзуна до Кусиро, и *сюму-куру* (*сюмункуру*, *сюмунтара* (западные айны)), селившиеся на обширной территории от Исикари до Сираой. По данным уроженца Мацумаэ, переводчика с айнского языка Уэхара Кумадзиро (конец XVIII — начало XIX в.), в восточной части острова располагались и другие объединения: в окрестностях Вулканического залива — *усёронкуру* и *усикэсюнкуру*, несколько южнее, от Сикабэ до п-ова Камэда, — *хорэбаси-ун-куру*, а от Бироу до Нэморэ — *симэнасюнкуру*

[Kikuchi 1999: 106; 2003: 104] (этим количество объединений здесь не ограничивалось).

Кроме того, для некоторых названий использовался географический принцип номинации. Так, на Хоккайдо жители бассейна р. Сару были известны как «люди Сару» (айнск. *сарунтара*, *сарункуру*), а области Соя и в целом северной части острова — «люди Соя» (айнск. *соя-унтара*)³ [Добротворский 1875: 285, 309].

На Курилах средние острова местные айны называли *рутон* (западные земли), а самих себя — *рутон-мон-гуру* (люди запада). Острова, расположенные к северу, а также Камчатка были известны у них как *цюп-ка* (*тюп-ка*) — «место восхода солнца», местное население именовалось *цюп-ка-гуру* — «люди восхода»⁴. Применительно к южным островам сохранилось упоминание о двух названиях: земли от Урупа до Эдзо могли обозначаться *яван* (население — *яван-гуру*), а земли к югу от о-ва Расшуа — *самуру* (население — *самуру-гуру*) [Таксами, Косарев 1990: 139; Позднеев 1909, т. 1: 57, 60].

Примечательно, что эдзоские айны курильцев в целом именовали *цюп-ка-гуру*, а сами курильцы своих эдзоских соседей — *ям-гуру* (люди южной стороны) [Позднеев 1909, т. 1: 57].

Сохранились свидетельства о том, что курильские айны, не имея на своем наречии общего самоназвания, часто обозначали себя словом *айну* (человек, житель) с прибавлением к нему названия занимаемого острова, а итурупские и урупские айны именовались *кых-курилы* [Добротворский 1875: 40; Крашенинников 1994, т. 1: 115; Полонский 1871: 376]. Впрочем, *курилы*, поясняет С. Крашенинников, «есть слово, испорченное казаками из слова Куши, которое жителям всех Курильских островов общее, чего ради, ежели Итурупские и Урупские жители отличают себя от прочих прибавлением слова Кых, то вероятнее, что они Кых-куши, а не Кых-Курилы именуются» [Крашенинников 1994, т. 1: 120].

³ Сохранились сведения о группе хоккайдских айнов под названием *намбуайну*, живших в XIX в. на побережье Вулканического залива в ареале *сарунтара*. Очевидно, это были потомки изгнанников с Хонсю, из местности Намбу [URL: <http://www.agesmystery.ru/>].

⁴ В российских источниках есть информация об айнах восточной части Хоккайдо *чувка-унтара*, селившихся близ мысов Сирэтоко и Нэмуру [Добротворский 1875: 427; Таксами, Косарев 1990: 141]. Надо полагать, что форманта *чувка* есть искаженное *тюп-ка*.

На Курилах существовала мигрирующая категория населения. Самые южные курильцы состояли в тесном культурном родстве с аборигенами Восточного Хоккайдо, а самые северные издавна смешивались с ительменами Камчатки⁵ [Таксами, Косарев 1990: 140]. При этом территория Курильских островов была заселена не полностью. Часть гряды была пустынной или посещалась только в промысловых целях. Названная категория курильцев совершала длительные поездки по островам с севера на юг и обратно.

Перейдем к вопросу об айнах Сахалина. Название острова происходит от маньчжурского *сахальянь*, что значит «черный» и связано с названием реки Амур. По-маньчжурски Амур назывался Сахальянь-ула (кит. *хэй-лунь-цзянь*, то есть «река черного дракона»). Дж. Бэчелор указал также на возможные айнские корни слова. Он предположил, что оно могло быть производным от айнского *сахарэн-мосири* — «волнообразная страна», то есть страна без высоких гор [Позднеев 1909, т. 1: 415–416].

В японском языке Сахалин именовался Карафуто или Карафутодзима. Источником происхождения «карафуто» можно считать слово *карахито*, то есть «танские люди» или «китайские подданные». Постепенно название поменялось с *карахито* на *карафуто* и стало означать «китайский остров»⁶. С 1809 г. за Карафуто в Японии закрепилось официальное название Кита-эдзо-ти — «северные земли эдзо» [Позднеев 1909, т. 1: 408, 415; Таксами, Косарев 1990: 140; Matsuura 1981: 64].

Известно, что айны Хоккайдо называли своих сахалинских соплеменников *трепун-мосири-утара*, а сам остров — *трепун-мосири* [Добротворский 1875: 32]. Сохранились также сведения о самоназвании сахалинцев *сирун-айно* (рис. 5) [Позднеев 1909, т. 1: 454]. Крупнейшим объединением здесь, по данным Уэхара Кумадзиро, было *рэбун-мосири-ун-куру* [Добротворский 1875: 32]. При этом

⁵ Тории Рюдзо айнов Курил разделял на хоккайдских, проживавших на Кунашире и Итурупе, и собственно курильских. Он также выделял в особую группу алеутов, переселенных на северные острова Курильской гряды русскими [Позднеев 1909, т. 1: 82].

⁶ Есть и другая точка зрения, согласно которой «карафуто» представляет собой искаженный японцами исконно сахалинский топоним «Крафт» или «Каранту». Но происхождение и значение этого слова в языке туземцев Сахалина совершенно непонятны [Косарев URL: <http://kosarev.press.md/Ainu>].

Рис. 5. Айн Сахалина. МАЭ РАН (№ 1472-34)

форманты *трепун* и *рэбун* суть одно и то же, а *трепун-мосири-утара* и *рэбун-мосири-ун-куру* синонимичны и означают «люди земли за морем».

Вероятно, в прошлом на Сахалине использовались специальные названия для отдельных более мелких родоплеменных или территориальных групп, но о них мало что известно. Можно лишь географически выделить несколько крупных центров, между которыми издавна происходили военные столкновения. Такими центрами в разное время были селения Кусуннай, Найоро и Уссуро на северо-западе, Маука на юго-западе, Тарайка на северо-востоке и Найбучи на юго-востоке [Таксами, Косарев 1990: 141].

Существует крайне мало сведений об айнах, проживавших в низовьях Амура. Как уже отмечалось, айны неоднократно приезжали сюда, чтобы охотиться и торговать, а некоторые оставались на длительное время и даже укоренялись. Согласно записям, сделанным на Сахалине в XIX в. Ф. Ф. Зибольдом, местные айны удивительно хорошо знали Амур, хотя жили от него достаточно далеко: «...надобно полагать, что река эта часто бывает посещаемая» [Зибольд 1854: 233].

Нередко сахалинские айны переходили на материк зимой в районе Де-Кастри. Р. К. Маак, ссылаясь на японских путешественников Могами Токунай и Мамия Риндзо, писал: «От места Музи-боо, лежащего при море, сахалинские айно и приморские жители местности Санда... тащили свои лодки по суше до речки Таба-матзи, потом спускались по ней в лодках в озеро Кици-хога и уже озером достигали Амура. Из рассказов людей, бывавших в тех местностях, я узнал, что к северу от залива Де-Кастри находится бухта Таба, от которой на протяжении трех верст в лесу положены по дороге жерди, чтобы облегчить волоковый путь...» [Маак 1859: 216; Осипова 2008: 153].

Случалось, что к нивхам, ульчам и нанайцам айны попадали в качестве рабов — нередко это были вдовы или слабоумные, которых выменивали на ценные предметы [Депрерадович 1877: 11; Шренк 1903: 20]. Кроме того, жители низовьев Амура иногда за долги забирали у айнов детей. Их обучали своему языку и использовали в дальнейшем в качестве переводчиков [Осипова 2008: 171].

Следует учесть определенный процент межэтнических браков. Например, предки одного из ульчских родов Куйсали были айнами. Прибыв примерно в середине XIX в. с Хоккайдо через Сахалин на Амур, они вступили в брачные отношения с ульчами и обосновались в с. Удане, а после крупного наводнения перебрались в с. Булава. Не редкостью были браки между айнами и нивхами. Л. Шренк писал: «Случается также, что амурский гиляк (нивх), возвращаясь из торгового путешествия в Японию, привозит с собой жену из племени айнов... Но почти никогда не бывает, чтобы, наоборот, амурская гилячка выходила замуж за айна» [Шренк 1903: 6].

Согласно сводным данным о составе туземного населения низовьев Амура, полученным в 1928 г., в Больше-Михайловском районе в то время находились два айнских хозяйства, в которых насчитывалось 22 человека. Еще одно айнское хозяйство располагалось в Николаевском районе. Здесь айны занимались рыболовством и лесозаготовками. В сводных данных указано, что айны «не представляют собой отдельной этнической группы, а по своей малочисленности и отсутствию отличий в хозяйственной деятельности могут быть причислены к окружающим их ульчам и гилякам» [Туземное хозяйство 1929: 39, 108]. Таким образом, можно полагать, что в низовьях Амура, как и на Камчатке, айны в значительной мере «растворились» среди местного населения в конце XIX — начале XX в. [Спеваковский 1992: 10].

Следует также отметить, что своих соседей айны называли заимствованными словами *кирен* (тунгус, эвенк), *ороката* (орок), *гирэми* (гиляк, нивх), *нуца* (русский), *сисам* или *сямо/само* (японец) [Лим 2010: 173; Таксами, Косарев 1990: 139]. Согласно «Сангоку цу:ран дзусэцу» Хаяси Сихэй, на Хоккайдо русских еще называли *хорисии сиямо*, а по Б. О. Пилсудскому — *рус* [Пилсудский 2004: 85; Щепкин 2011: 36]. Название из японского источника помог интерпретировать В. Д. Косарев: слово *хори* — это, по всей видимости, искаженное айнское *хуре/фуре* — «красный», *сии* означает «истинный, подлинный, настоящий», а *сиямо (само)* — «японец».

Семейные отношения и обряды жизненного цикла

Внутри общины низовой структурной единицей у айнов была семья. Все члены семьи делились на две возрастные группы — младших и старших. Первая включала младенцев, новорожденных, детей младшего возраста, а вторая — молодежь и старших [Онуки-Гирни 1996, № 3: 89]. Главой семьи и дома был старший по возрасту мужчина, а в случае его преклонного возраста младший брат или старший сын.

Как правило, юноша вступал в брак в 18–20-летнем возрасте. Жениться на членах своей семьи строго запрещалось, чаще всего жена выбиралась внутри своей или соседней общины. Предпочтение в браке отдавалось родственным людям, поэтому брачные пары часто приходились друг другу дальними родственниками по крови, а также родственными другим по браку [Там же: 118].

Наиболее распространенной формой выступал брак за выкуп (айнск. *мат-э-пон*), когда осуществлялась «покупка жены»: сторона жениха должна была преподнести родственникам жены богатые подарки (одежду, украшения, ножи и др.).

Само заключение брака сопровождалось особой церемонией. Перед свадьбой проходили взаимные предварительные посещения домов жениха и невесты родителями и сватами, в день свадьбы — вознесение молитв о благополучии. Затем устраивалось празднование, на которое приглашались главы родственных семей.

Во время обручения родственники жениха и невесты рвали пополам кусок шелка. Оба куска отдавали молодоженам [Осипова 2008: 89]. После заключения брака муж дарил жене самодельные ножны с ножом, а жена мужу — головную повязку [Кюнер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 43].

Если жених происходил из бедной семьи и не мог уплатить достаточного количества подарков, ему не оставалось ничего другого, как жениться на более пожилой женщине — она оценивалась гораздо дешевле, нежели молодая [Осипова 2008: 94].

Кроме брака за выкуп, существовал брак по сговору между родителями о предварительной отработке. Когда девочке исполнялось десять лет, родители жениха приносили родителям невесты подарки, а за несколько лет до свадьбы жених начинал приходить в дом невесты и выполнять необходимые в хозяйстве работы. Если девушка в конце концов отказывалась выйти замуж, стороне жениха возмещали убытки в двойном размере [Арутюнов, Шебенников 1992: 102; Спесивовский 1988: 48; Шафрановская 1967: 246].

Одним из преимуществ брака за «отработку», по словам самих айнов, было то, что жениху предоставлялся шанс в любой момент отказаться от женитьбы: «...он мог тихо уйти из дома невесты, и свадьба не состоялась... Однако такого права выбора у самой невесты не было» [Онуки-Тирни 1996, № 3: 98].

При этом женщины в айнском обществе пользовались относительной свободой в выборе жениха. Родственники даже строили для достигших совершеннолетия дочерей специальные дома, где собиралась молодежь и девушка могла выбрать спутника жизни. По обычаю, хозяйка дома готовила гостям угощение. Молодые люди съедали его лишь наполовину, а остатки возвращали. Чью половину девушка доедала, тот и становился ее избранником. Жених и невеста обменивались подарками [Левин, Дубровина 1969: л. 52].

Несмотря на свободу выбора, айнка, решавшая вступить в брак, обязательно должна была заручиться поддержкой старейшины. Одна из причин этого заключалась в том, что старейшина был тесно связан с миром богов и в предстоящем браке выступал посредником между женщиной и божеством [Кюннер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 41].

После свадьбы муж чаще всего приводил жену в родное селение, недалеко от родительского дома строил собственное жилище, и молодая семья обосновывалась там. Если же он был старшим сыном в семье, то оставался с женой в доме родителей [Онуки-Тирни 1996, № 3: 98].

В иных случаях мужчина мог поселиться в поселке родственников жены. Тогда наряду с *экаси-итокпа* он получал «фамильный герб» ее отца [Арутюнов, Косарев 1992: 95; Таксами, Косарев 1990: 143, 144].

Женщина, которая, выйдя замуж, переходила жить в новое селение, старалась найти в нем обладательниц своего матрилинейного знака. Представительницы единой группы родства, где бы они ни оказались, держались вместе и помогали друг другу.

Когда в семье умирал кормилец, вдова переходила к его младшему брату, двоюродному брату или другому мужчине по отцовской линии. Согласно одним сведениям, она не имела права выбрать нового мужа и выйти замуж вторично, согласно другим — могла поступать по своему усмотрению. Если мужчина терял жену, он мог жениться на ее сестре, но это случалось редко [Анучин 1876: 82; Осипова 2008: 86].

В случае смерти мужа вдова обязательно должна была снять свой пояс целомудрия и спрятать его в укромном месте (как правило, по пути к месту погребения). Считалось, что тогда пояс попадет к мужу и женщина после смерти встретится с ним. Выходя замуж повторно, айнки не брали новый пояс у матери.

Иногда заключались межэтнические браки между айнками и японцами. По рассказам самих айнов, они не являлись из ряда вон выходящим явлением.

Наиболее влиятельные айны — старейшины — в прошлом могли иметь двух законных жен. Если на первой жене (айнск. *оннемах*) мужчина женился, как правило, заключая брачный договор между родителями, то вторую жену (айнск. *понмах*) он брал без особых условностей, или «из-за романтического увлечения», или же из-за отсутствия наследника. В последнем случае свадебная церемония устраивалась предельно просто и не предусматривала приданого [Онуки-Тирни 1996, № 3: 120].

Могло быть и так, что богатый мужчина имел более двух жен или наложниц. Согласно японскому источнику «Эдзоданхикки», количество их во многом зависело от возраста — чем человек был старше, тем больше у него было женщин. Фактически наложницы находились на положении обычных жен. Но жили и воспитывали детей они отдельно [Арутюнов, Щебенков 1992: 102; Анучин 1876: 82].

Интересно, что у нивхов дело обстояло несколько иначе: «При многобрачии все жены живут вместе в одном и том же помещении, и каждая из них имеет для себя и для своих детей определенное место на нарах» [Шренк 1903: 15].

Полигамные браки у айнов считались выгодными, поскольку сулили большое потомство. Хотя некоторые женщины относились

к ним негативно, многие, напротив, позволяли мужу, а иногда и поощряли его содержать вторую жену [Онуки-Тирни 1996, № 3: 120].

Что касается наследства, его делимая часть распределялась всегда поровну между сыновьями, тогда как неделимая отходила старшему сыну от первой жены, даже если сын второй жены был старше. Нередко этот обычай становился причиной конфликтов [Там же: 119].

Развод (айнск. *усура*) в айнских семьях случался редко. Его причинами могли стать измена жены, ее лень. Особыми ритуалами он не обставлялся [Арутюнов, Щебенков 1992: 102]. Если требовалось разделить наследство, то, по установленным правилам, мужчины получали мечи, лакированные сосуды *синтоко*, чашки для водки *итанки*, а также мужскую одежду и дом. Женщинам доставались бисер, чашки для еды, женская одежда и амбар [Добротворский 1875: 84].

Рождение в семье ребенка было желанным событием и всегда воспринималось айнами как большое счастье. По мнению айнов, в создании человека всегда оказывало помощь божество. Большое число детей в семье свидетельствовало о хороших отношениях родителей с божествами. Между тем бесплодие не рассматривалось как божественная немилость [Онуки-Тирни 1996, № 3: 99].

Перед родами женщине необходимо было соблюдать ограничения в пище, а также придерживаться ряда правил. В основном это были запреты на участие в праздниках и некоторых видах хозяйственной деятельности, исключая домашний труд.

Приблизительно за месяц до родов женщина переселялась в специально выстроенный для нее небольшой дом (айнск. *ниокаси*, *покоро-тисэ*), где ребенок и появлялся на свет⁷. Новорожденного обмывали и возносили молитвы. После родов некоторое время женщине нельзя было приближаться к огню или воде — это считалось оскорблением для духов огня и воды.

Кормление ребенка грудью продолжалось до двух-трех лет. «При недостатке молока айнки принимали специальную луковую кашу — блюдо это считалось весьма эффективным. Если мать умирала или заболела, молоко малышу давала другая женщина» [Онуки-Тирни 1996, № 3: 92].

Кроме того, детей кормили пшеничной кашей и различными отварами из растений. В качестве средства для прорезывания зубов, а также пищи детям давали ребрышки медведя, зайца или собаки.

⁷ Зимой *покоро-тисэ* айны не делали: женщина оставалась в доме, а мужчины уходили к родственникам или соседям.

Имя (временное) ребенок получал спустя 4–5 лет после рождения. В 10 лет оно менялось, и новое оставалось уже на всю жизнь. Запрещалось называть детей произвольно или присваивать одинаковые имена двум людям сразу. Чаще всего ребенку доставалось имя скончавшегося в соседней деревне человека, оно не отражало семейную принадлежность [Арутюнов, Щебенков 1992: 106; Онуки-Тирни 1996, № 3: 93; Таксами, Косарев 1990: 160].

В прошлом, когда у айнов рождались близнецы, одного из них убивали. Согласно айнским поверьям, второй из появившихся на свет близнецов был порождением злого духа, и его судьба была предрешена. Однако с течением времени отношение к близнецам существенно изменилось, их стали рассматривать как полноправных членов общества [Осипова 2008: 109]. Известно, к примеру, что айны северо-западного побережья Южного Сахалина новорожденных близнецов называли «дар богов». «На ночь их непременно следовало помещать на сакральной стороне дома, их вещи, в том числе и одежда, никогда не должны были попадать на западную сторону... Девочка, рожденная в двойне сразу после мальчика, называлась “слуга духа”, о ней также особенно заботились» [Онуки-Тирни 1996, № 3: 90].

Для маленьких детей в жилищах всегда сооружались люльки (айнск. *синта*) (рис. 6). Люлька состояла из двух боковых продольных планок с выступами-петлями для веревки (курильский вариант — без петель, со специальными отверстиями), а также четырех поперечных реек, соединявшихся с боковыми планками через пазы. Материалом служили амурское пробковое дерево, если оно росло в этом регионе, или вечнозеленые деревья. Сверху на деревянный каркас укладывались прутья тростника, перевязанные в нескольких местах веревками, иногда циновка. Тростник обшивался по краям хлопчатобумажной тканью (рис. 7).

Люльки подвешивались при помощи крюка либо под потолком, либо к конструкции из трех жердей, ставившихся на полу на небольшом расстоянии друг от друга и сходящихся вместе вверху. Так малышка ограждали от блох и мышей [Онуки-Тирни 1996, № 3: 91].

На люльку вешали специальные амулеты. Когда ребенка на некоторое время приходилось оставлять одного, рядом с люлькой помещали ножи и оружие. Айны верили, что если придут злые духи, оставленные предметы оживут и не позволят им причинить ребенку какой-либо вред [Осипова 2008: 104].

Рис. 6. Люлька айнов Хоккайдо *синта* внутри жилища. «Эдзо сэйкэй дзусэцу», Хата Авакимару, Мураками Тэйсукэ и Мамия Риндзо (1823). Токийский государственный университет

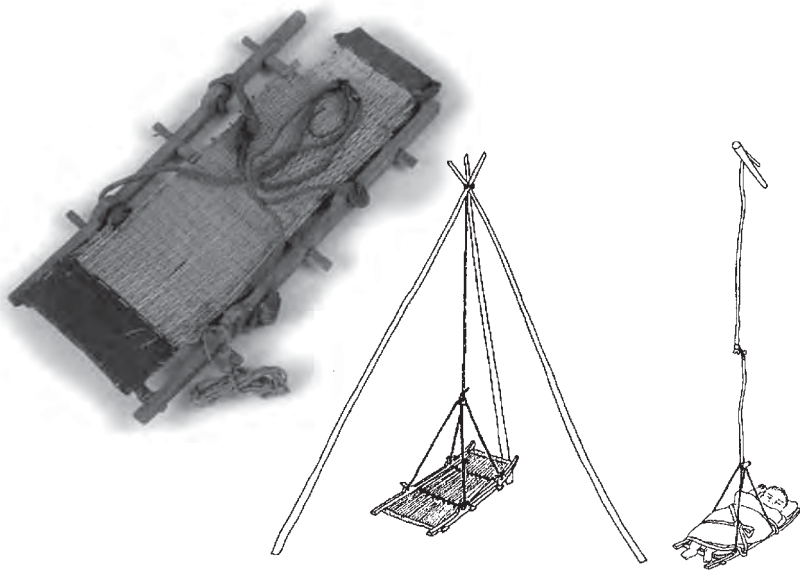

Рис. 7. Люлька *синта*. Музей Аину. Различные способы крепления люлек. Источник: [Baba, Kodama 2000: 44; Kayano 2002: 278]

У сахалинских айнов были распространены люльки нивхского типа, которые изготавливались из ствола дерева с выемкой. Внутри помещался заячий или собачий мех, а младенец укладывался в ней так, что его ножки свешивались. Для отправления нужды в нижней части колыбели делалось отверстие [Онуки-Тирни 1996, № 3: 91].

Вне дома женщины носили маленьких детей за спиной, используя налобные повязки из крапивных нитей или древесного луба с поперечной короткой палкой (айнск. *и-э-оман*) (рис. 8).

Родители с детьми в целом были обходительны, однако с малых лет растили их в строгости: «Слезы и вопли ребенка, подбегающего к костру и трясущегося как в лихорадке от холода, какой-ни-

Рис. 8. Женщина с ребенком за спиной. Фото Киносита Сэйдзо.
Источник: [Baba, Kodama 2000: 44]

будь случайный ушиб или обжог, вызывающий те же слезы, ничем, по-видимому, не нарушают наружного спокойствия матери и, в особенности, отца. С грудными малютками, одногодками и двухлетками обращаются несколько мягче, но все, что уже умеет бегать, может плакать и кричать, не вызывая ни с чьей стороны никакого участия... если же ребенок несколько старше... то за неуместные слезы выговаривают и стараются пристыдить... Я был свидетелем, как 6-летнему мальчику обварили кипятком ногу, да так, что и взрослому в пору бы заплакать, он было и принялся, но тотчас же и со всех сторон посыпались на него увещевания, “что мальчику плакать стыдно!”, и мальчик действительно успокоился» [Депре-радович 1877: 20].

Наряду с родителями в воспитании детей участвовали старший брат, дядя по матери, тетя и старшая сестра. С 5–10 лет старики начинали обучать мальчиков молитвам. По мере взросления им показывали, как надо охотиться, заниматься рыбным промыслом, обращаться с различными столярными инструментами. Девочек между тем приучали к работе по дому, при рождении очередного ребенка они нянчились с ним.

Кроме родных детей в айнских семьях нередко воспитывались усыновленные. Они имели свои знаки, определяющие принадлежность к той или иной линии родства [Осипова 2008: 85]. Усыновленные дети могли быть японцами — редко на Сахалине, но довольно часто на Хоккайдо. Случалось это «ввиду любви айнов к детям и частой бездетности их жен с одной стороны, а с другой — при крайней бедности крестьян-японцев» и невозможности прокормить свою семью [Пилсудский 1907а: 131].

Иногда в одном доме проживало несколько семей. Если семей было две, то и очагов могло быть два. Но чаще очаг был один на всех, как и посуда, и пища.

Совершеннолетие детей наступало по достижении 15-летнего возраста и отмечалось у мальчиков особой прической, у девочек — татуировками (айнск. *синуэ*). Обычай татуировать тело восходит к неолитическим культурам эпохи Дзёмон — об этом свидетельствует своеобразный орнамент на глиняных фигурках *догу*, которые археологи находят в разных концах Японского архипелага. Кроме того, в хрониках «Нихон сёки» (720) прямо указывается, что туземцы северо-восточных районов Хонсю — *эмиси* (и мужчины, и женщины) — украшали тела узором [Нихон сёки 1997, т. 1: 243].

Первое упоминание о татуировках собственно айнов Хоккайдо встречается в записях европейских миссионеров первой половины XVII в. Несколько позднее, в XVIII в., со слов С. Крашенинникова, О. Аргунова и Ж. Ф. Лаперуза стало известно о том, что татуировались также курильские и сахалинские айны [Лим 1993: 70].

Для нанесения надрезов служили самодельные ножи, наконечники стрел, японские бритвы или иглы. В горных районах Хоккайдо и на Курилах ножи изготовлялись из камня, но чаще всего в ходу были металлические изделия⁸.

В свое время Б. О. Пилсудский приобрел у айнов Сахалина металлический нож для татуировок. У него сравнительно длинное лезвие с небольшим изгибом, рукоятка деревянная, оканчивающаяся прорезным декором в виде хвоста рыбы, ножны берестяные, обмотаны по всей длине тонкой тесьмой из коры. Сохранились также свидетельства, что женщины могли татуироваться ножами, которые носили на кожаных поясах с металлическими накладками.

По традиции татуировки наносились постепенно, начиная с губ. Вначале необходимо было сделать уколы или надрезы, а затем втереть туда краску. Это была крайне болезненная процедура, во время которой отдельные женщины даже теряли сознание. Краской служила сажа с металлических котелков, которую получали, сжигая бересту, сеledочное масло (на Сахалине), специальные растительные соки [Онуки-Тирни 1996, № 3: 96]. Эти и другие компоненты могли комбинироваться. По некоторым сведениям, для получения синего раствора айны отваривали кусок ткани, окрашенной в индиго.

Стерилизация ран и остановка кровотечения осуществлялись при помощи отвара полыни. Этим снадобьем протирали участки тела по мере того, как на них наносили надрезы. Примечательно, что котлы для сажи, прежде чем поставить на огонь, тщательно полировались. В воду иногда помещали стебли полыни, ветки кизила или других растений. Огонь поддерживали, используя лишь свежую кору, домашними очагами при этом пользоваться запрещалось [Лим 1993: 72].

Несколько отличался способ нанесения татуировок у айнов Курильских островов: «Выостря камень, изчерчивают кожу на теле часто и легко и натирают берестяной или травяною сажею выше-описанным изчерченным язвам, и от того, почернев, зарастает»

⁸ Известно, что айны Хоккайдо использовали кремьнь.

[Полевой 1988: 76]. Этот способ, по всей видимости, был древний, поскольку, согласно О. Аргунову, уже в середине XIX в. молодое поколение его почти не применяло (и он постепенно был забыт). Напомним, что О. Аргунов посетил о-ва Шумшу и Парамушир в 1741 г.

В молодом возрасте болезненная процедура татуирования проводилась от одного до четырех раз в год. Постепенно количество сокращалось, и в пожилом возрасте айнки уже не красились [Добротворский 1875: 34; Muraki 2004: 71].

Особенно широкое распространение татуировки получили на Хоккайдо. Здесь рисунок наносился вокруг рта, на лбу, руках и ногах (рис. 9, 10). В меньшей степени татуировались айны на Сахалине и Курильских островах, покрывая краской только губы, кисти рук и предплечья⁹.

Меньше всего, по данным Э. Онуки-Тирни, татуирование практиковали айны северо-западного побережья Сахалина, где не было даже женщин, которые умели это делать. Поэтому туземцы ждали, пока айнка придет с восточного побережья. «Она приезжала только в большие стойбища, такие как Райчиска или Устомонай-по... у многих женщин из более северных стойбищ вовсе не было шанса нанести себе такой узор...»¹⁰ [Онуки-Тирни 1996, № 3: 97].

Иногда татуировка делалась и мужчинам, которые наносили ее на пальцы, чтобы они «крепче держали стрелу» [Анучин 1876: 103–104; Арутюнов, Щебенков 1992: 194]. Курильские айны-мужчины татуировали и губы, но, в отличие от женщин, лишь в средней части [Полевой 1988: 76; Таксами, Косарев 1990: 47; Шренк 1899: 109].

О значении татуировок в айнском обществе существуют различные гипотезы: они могли быть родовым знаком или оберегом. Согласно свидетельствам А. С. Полонского, курильские айны татуировались «в полном уповании достигнуть через то блаженства после смерти» [Полонский 1871: 377].

В связи с сообщением А. С. Полонского заслуживает внимания одно из айнских преданий, согласно которому после смерти жен-

⁹ По наблюдениям сборщика подати Николая Сторожева, совершившего в 1750 и 1753 гг. поездки на дальние Курильские острова, айны на 14-м Курильском острове татуировали и ноги [Анучин 1876: 93]. Вероятно, это происходило под влиянием айнов Хоккайдо.

¹⁰ Татуировку дочери могли нанести мать, бабушка или тетка по материнской линии. Однако это все же требовало определенного навыка.

Рис. 9. Женщина с татуировкой вокруг рта. МАЭ РАН (№ 2844-3)

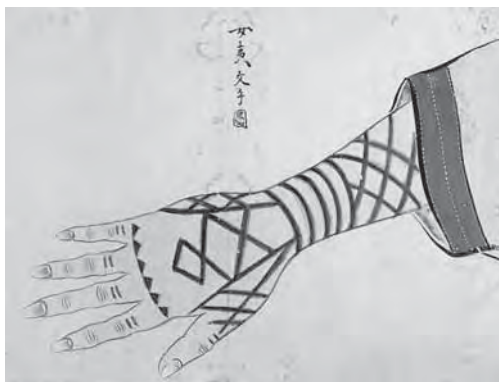

Рис. 10. Фрагмент татуированной руки. «Эдзосима кикан», Хата Авакимару (1799–1800). Университет Хоккайдо

щина без татуировок не могла предстать перед божеством и оказывалась в подземном царстве среди демонов. Поэтому если девушка умирала без татуировки, женщины поселения рисовали на покойной узоры сажей [Лим 1993: 76].

Кроме татуирования, айны существенно отличались от окружающих народов прической и бородой. Пышная растительность у мужского пола требовала немалого ухода. По традиции, мужчины на Хоккайдо выбривали лоб и темя, а сзади и по бокам отпускали волосы до плеч. В верхней части щек пробривали узкую полоску — около ушей оставляли два пучка волос, которые называли «ножками бороды»¹¹.

На обычай выбривать переднюю часть головы указал в свое время Л. Я. Штернберг, доказывавший южные, австронезийские корни айнов. Ученый писал: «Этой особенности мы не находим у их ближайших соседей, ни у гиляков (нивхов), ни у камчадалов (ительменов), ни у японцев, зато находим ее на Филиппинах, у батаков на Борнео и у целого ряда народов Австронезии» [Штернберг 1929: 343]. Впрочем, волосы айны выбривали не всегда. Туземцы некоторых северных районов Сахалина и Курил, подобно нивхам, заплетали их в косы [Анучин 1876: 82; Добротворский 1875: 32; Левин, Дубровина 1969: л. 41; Занятие части 1859: 395; Sasaki Toshikazu 2001: 196].

О своеобразных прическах курильских айнов, в том числе косах, сохранились сведения в упоминавшемся сочинении О. Аргунова. По его данным, «волосы прежде сего мужики [с] уха на ухо до полголовы выстрегали... а иные есть и мужики — плятут по две косы», чесались при этом «гребнями, сделанными из китовой кости о трех или о четырех зубах» [Полевой 1988: 76]. Описание О. Аргунова дополняет информация из японского источника первой половины XIX в. «Родзин сайряку Эдзо («Дело о повторном разбое русских на Эдзо»)). Речь здесь, в частности, идет о прибывших на Сахалин жителях, по всей видимости, северных Курил. Согласно источнику, «мужчины носят бороду, волосы заплетают в три косич-

¹¹ В японских источниках прически *эмиси* (предков айнов) впервые упоминаются в «Нихон сёки» (720), где сказано, что мужчины и женщины завязывали волосы в виде молотка [Нихон сёки 1997, т. 1: 243]. Несколько иную форму — с выбритым лбом и теменем, но отличную от айнской, можно увидеть на страницах «Сётоку-тайси э-дэн». Как показало исследование картины из храма Корю-дзи в Киото, созданной в начале XIV в., прически эти аналогичны прическам демонов с буддийских изображений [Kojima 2009: 96].

ки назад. Через волосы пропускают и завязывают узкий шнурок с синими бусинами» [Климов 2012: 80]. Помимо описания причесок, в «Родзин сайряку Эдзо» упоминаются одежда и вооружение курильцев, при этом одежда — русского производства.

Следует обратить особое внимание на бороды — у мужчин они могли указывать на социальное положение и были либо короткие, либо окладистые, длинные, почти до пояса. Пышная борода более всего соответствовала образу лидера¹² (рис. 11) [Kikuchi 1999: 203].

Что касается женщин, то некоторые носили волосы до плеч, обстригая их в кружок, некоторые — еще короче¹³. Расчесывались

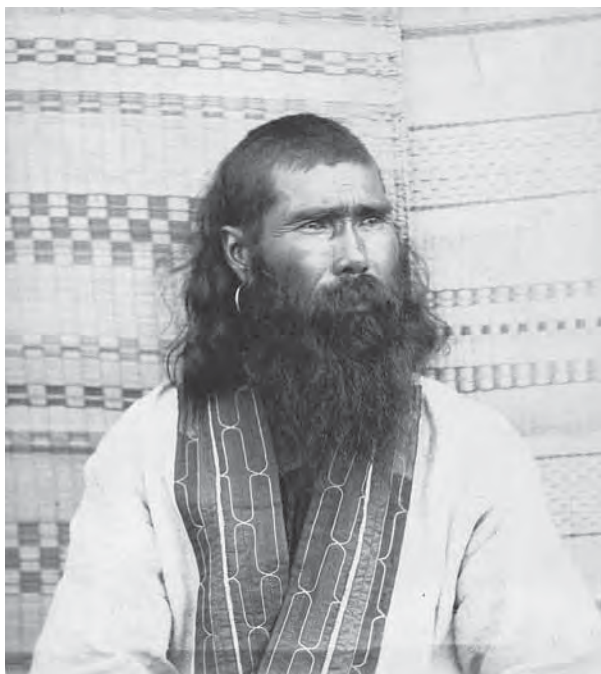

Рис. 11. Родовой старейшина села Тарайки. МАЭ РАН (№ 626-4)

¹² Известно, что бороды отращивали и предки айнов *эмиси*. В китайском источнике «Синь Тан шу» (1060) сказано, что бороды у них были длинной в четыре чи с лишним (чуть больше метра) (перевод и комментарии И. А. Алимова) [Xin tang shu 1986: 6208].

¹³ Согласно А. Лаксману, в кружок стриглись весьма высоко, «так что весь лоб наружи, а сзади выше затылка перста на три» [Анучин 1876: 97].

самодельными гребнями [Добротворский 1875: 34]. Курильские же айнки, по упомянутым источникам — «Описание на Первом острову живущих курилов...» и «Родзин сайряку Эдзо», сплетали волосы «на многие косы... также и чужие волосы к своим приплетали, подобно как у камчадалов...» Однако к середине XVIII в. айнки уже почти не делали большие прически и заплетали волосы в две косы [Климов 2012: 81; Полевой 1988: 76].

Мальчикам, как и взрослым, пробривали переднюю часть головы, вплоть до линии ушей, но оставляли небольшой клок волос у лба. Айны Сахалина в этот клок вплетали вышитым бисером треугольный отрез материи *хохчири*. Снимали *хохчири* только тогда, когда подросток показывал свое охотничье мастерство. Девочек стригли по подобию взрослых [Депрерадович 1877: 20; Онуки-Тирни 1996, № 3: 94].

В некоторых районах были свои локальные особенности. На Хоккайдо в области Куссияро, например, волосы мальчикам сбрасывали и на темени.

Сбривание бороды и остригание волос (как мужчинам, так и женщинам) всегда считалось позорнейшим наказанием. Остриженные люди подвергались бойкоту соплеменников [Арутюнов, Щебеньков 1992: 126].

Хотя айны вели точный отчет годам жизни, посторонним о своем возрасте прямо никогда не говорили. По словам М. М. Добротворского, они боялись таким образом приблизить смерть. Помимо этого, среди айнов было не принято говорить об умерших, чтобы не потревожить дух покойного [Добротворский 1875: 40].

Когда жизнь пожилого человека подходила к завершению, родственники строили для него небольшой дом, крытый соломой¹⁴. Близкие приходили туда повидать несчастного и попрощаться с ним. Данный обычай находившиеся при смерти люди воспринимали очень тяжело. После смерти следовало исполнить особый погребальный обряд, чтобы душа покойного беспрепятственно отправилась в мир мертвых.

¹⁴ Айны полагали, что каждый человек должен иметь свой дом на небесах. После смерти владельца «временного жилища» в этом мире и завершения похоронного обряда постройку сжигали и, таким образом, отправляли на небеса.

Социально-экономическое положение и вопросы обычного права

В айновом обществе существовало разделение людей по положению на низших и тех, кто занимал почетную социальную ступень. Высокий статус человека не был напрямую связан с богатством его семейства и во многом зависел от возраста. Пожилые люди считались самыми почтенными и уважаемыми, выполняли функции вождей, хранителей религиозных обрядов, мифологии и фольклора. Касалось это и женщин, которые по достижении преклонного возраста участвовали в регламентации общественной жизни [Онуки-Тирни 1996, № 3: 102].

Особое положение стариков было основано на вере в то, что они сближались с духами, поэтому и воспринимались как самые священные представители общества.

У айнов с давних пор существовало социальное деление, основанное на происхождении человека. Это нашло отражение в языке: представителей родовой аристократии называли «небесная голова» (айнск. *нисьна*), а рядовых членов общества — «матросы» (айнск. *утаракесь*). Последнее слово имело значение «тот, кто работает веслами». К XX в. понятия «знатный» и «богач» максимально сблизились. И все же богатство не было обязательным условием высокого положения, «бывали и обедневшие нисьпы, потерявшие состояние, но сохранившие... преимущества своего происхождения, передаваемого по наследству» [Пилсудский 1907а: 112].

Именно благородные по происхождению члены общин чаще всего становились старейшинами. В далеком прошлом, вероятно, руководящие должности старейшин и вождей у айнов были выборными, но по мере социального расслоения выборная система сменилась наследственной. Из среды аристократической верхушки стали выходить и мелкие общинно-родовые руководители — старейшины селений, и крупные вожди — главы общин и районов¹⁵. Но наследственная система не исключала права (при определенных обстоятельствах) выбрать более способного старейшину, игнорируя его происхождение. Место такого лидера могли оспаривать даже молодые люди [Тураев 2010: 89].

¹⁵ Сохранились свидетельства о нескольких крупных вождях Сахалина. Один из них имел власть над айнами южной области, а другой — северо-восточной.

Главными качествами вождя считались профессионально-промысловые навыки, организаторские способности, умение справедливо решать трудные и спорные вопросы, а потом уже родовитость и богатство. Каждый *нисьна* наряду с простыми сородичами занимался рыболовством, охотой и другими насущными делами, при этом не присваивал себе часть получаемого продукта [Арутюнов, Щебенков 1992: 27; Таксами, Косарев 1990: 149].

Важным символом власти мужчин были роговидные навершия японских шлемов. На одной из картин Какидзаки Хакиё конца XVIII в. изображен вождь Тобу области Момбэцу (Хоккайдо) с рогами в руках. Отдельные изображения рогов нередко можно видеть и в других японских источниках (рис. 12) [Sasaki 1993: 222]. Существовали и другие символы общественного достоинства. Известно, например, что на Сахалине знатные женщины выделялись среди обычных айнок поясами с металлическими накладками и кольцами. Согласно Ф. М. Депперадовичу, пояса эти «служили... мерилем материального благосостояния» [Депперадович 1877: 5].

Кроме всего прочего, *нисьна* обладали большими усадьбами (айнск. *поро-тусэ*) или «домами с двумя очагами» (айнск. *ту-унчи-*

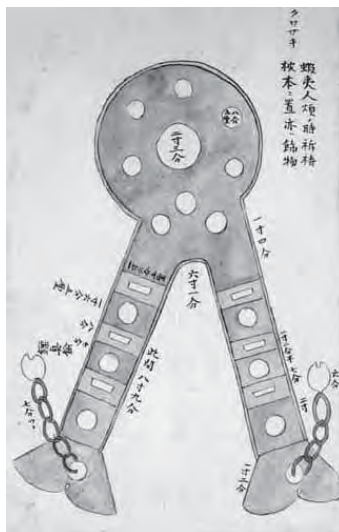

Рис. 12. Навершие самурайского шлема в виде рогов *нэра-усь-томи-камуй*. «Эдзоси», Арай Хакусэки (1720).

Источник: [Arai 1720 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

о-тисе), ценными предметами и прислугой. Однако такая «роскошь» во многом отвечала возложенным на них обязанностям: проведения общественных собраний, организации приемов гостей и празднеств [Арутюнов, Шебеньков 1992: 27].

Интересно, что прислугу вожди набирали из числа своих бедных родственников, близких или дальних. Среди них могли быть двоюродные братья, племянники, внуки [Пилсудский 1907а: 113].

Статусу вождя соответствовал перечень ценных предметов (айнск. *икоро*), включавший деревянную лакированную утварь японского производства, металлические изделия, прежде всего японские мечи, а также шелковую и хлопчатобумажную одежду — японскую либо маньчжурскую (рис. 13, 14).

Лаковые изделия (чашки, разного рода коробки, небольшие обеденные столики и подносы) ценились все без исключения, будь то простые неорнаментированные предметы или богато украшенные, новые, в хорошей сохранности, или старые, с дефектами. Уровень их

Рис. 13. Меч айнов Хоккайдо с клинком и гардой японского производства *эмусь*. МАЭ РАН (№ 839-135). Источник: [Айнские коллекции 1998: 88]

Рис. 14. Лакированная чаша айнов Хоккайдо японского производства *токомусь-пацци*. МАЭ РАН (№ 839-203).
Источник: [Айнские коллекции 1998: 9]

изготовления изменялся в зависимости от эпохи. Во времена, когда айны были полностью независимыми от японцев, те доставляли им качественную продукцию. По мере расширения японского влияния и утраты айнами независимости качество импортного товара снижалось. В конце XVII и начале XVIII в. к айнам в большом количестве стали поступать дешевые вещи¹⁶ [Sasaki Toshikazu 2001: 163].

Особое отношение к престижной утвари выражалось в способе ее хранения — из таких предметов сооружалось подобие пирамиды (айнск. *инума*, *иёкир*) (рис. 15). Эта пирамида располагалась у правой стены дома, около восточного окна — сакрально значимого места¹⁷ [Арутюнов, Щебенков 1992: 181].

Рис. 15. *Инума* — способ хранения айнами Хоккайдо лакированной утвари. Фото Киносита Сэйдзо. Источник: [Vaba, Kodama 2000: 99]

¹⁶ Вплоть до начала XX в. у айнов бытовали как старинные дорогие предметы лакового искусства, так и более современные дешевые. В 1935–1940-х гг. первые стали объектом коллекционирования и практически полностью разошлись по музеям и частным собраниям. Коллекционеры специально отправлялись в айнские деревни и скупали наиболее ценные изделия [Nobukatsu, Koji 1999: 178].

¹⁷ Накопление импортных изделий (как сокровищ) было характерно не только для айнов, но и для нивхов. Нивхи приписывали таким «богатам» сверхъестественное происхождение. Однако перечень ценных предметов нивхов несколько отличался от стандартного айнского набора и включал еще дорогие шубы и копья с серебряной инкрустацией [Штернберг 1933: 379].

Предметы из *инума* не были простым украшением. Так, дорогую посуду по праздникам использовали для сервировки трапезы, приготовления и распития саке. Японскими мечами, которые у айнов по стоимости превосходили другие импортные товары, даже лаковые, именитые мужи в торжественных случаях опоясывались. Кроме того, в торжественных случаях мечи демонстрировались на специальных выставках. Айны очень гордились тем, что их сокровища привлекают всеобщее внимание¹⁸.

Из одежды высоко ценились импортные халаты из шелка или хлопчатобумажных тканей, расшитые красивыми узорами, а также богато орнаментированные изделия собственного производства из луба или крапивного волокна. Шелковую маньчжурскую одежду с изображениями драконов (айнск. *мо:дон*) и без них, пестрой расцветки (айнск. *сайдон*) разрешалось носить только мужчинам. По праздникам состоятельные айны еще надевали японские накидки с гербами (айнск. *тинбаори*) [Sasaki 1995: 31].

Существовали и другие показатели богатства — владение многими амбарами, лодками, нартами и нартовыми собаками. Кроме этого, будучи хорошими охотниками, вожди прекрасно ловили медвежат, поэтому каждый из них мог позволить себе ежегодно быть хозяином медвежьего праздника [Онуки-Тирни 1996, № 3: 113].

Хотя, по мнению некоторых этнографов, рабский труд в среде айнов не практиковался, сохранились упоминания о рабах и слугах, которых называли одинаково — *усиу* или же *иванки* [Таксами, Косарев 1990: 149; Шренк 1903: 20]. Рабом, в частности, мог временно стать человек, совершивший кражу. Он работал на пострадавшего (не более года), при этом отдавал ему все имущество. Если у грабителя не оказывалось имущества, то ему приходилось отрабатывать свой проступок несколько лет [Арутюнов, Щебенков 1992: 124].

Известно также, что айны Сахалина иногда продавали своих соплеменников в рабство нивхам, ульчам, нанайцам. Как правило, это были вдовы и вдовцы, одинокие и обездоленные люди. За каждого из них брали от 3 до 7 кусков парчи. Кроме этого, молодых

¹⁸ Выставки часто устраивали на медвежьих праздниках. Интересно, что эфесы прилаживались к мечам уже на месте, то есть когда мечи были приготовлены для развешивания. После осмотра всех представленных мечей бывалые, понимающие в них толк люди решали, кто может быть признан главным богачом, кто — следующим и т.д. [Пилсудский 1914: 92, 128].

и слабоумных, не пригодных для работы, выменивали на менее ценные предметы¹⁹ [Шренк 1903: 20].

Если в селении были нетрудоспособные люди, то их брал под опеку совет старейшин. Такие члены общества содержались всем селением сообща [Левин, Дубровина 1969: 49]. Опасной и неизлечимой болезнью считалось сумасшествие: «...сумасшедшие не живут в домах и, блуждая в лесу, быстро гибнут от самоубийства или голода» [Добротворский 1875: 41].

Таким образом, в айнском обществе существовала иерархическая система, в которой низшую ступень занимали рабы и свободные слуги (айнск. *усу*), а высшую — представители родовой аристократии и наиболее обеспеченные айны (айнск. *нисьна*), нередко занимавшие должности старост. Между ними находилась основная масса населения (айнск. *утаракесь*). Кроме того, в отдельную категорию выделялись шаманы (айнск. *тусу-куру*) и полупрофессиональные певцы-сказители (айнск. *юкар-куру*) [Таксами, Косарев 1990: 149].

Айнские шаманы не относились к родовой аристократии, но пользовались большим авторитетом и иногда могли соперничать с главами селений и общин по влиянию на людей. При всем уважении, какое проявляли общинники к шаману, это не оказывало прямого влияния на его социально-экономическое положение и почти никак не сказывалось на материальном состоянии. Подношения, которые приносили обращавшиеся к *тусу-куру* за помощью, считались не платой за нее, а жертвами для духов и к тому же обычно состояли из простых недорогих вещей, чаще всего из пищи [Онуки-Тирни 1996, № 4: 74].

Была еще одна категория жителей селения. В ряде случаев в общине айнов мог появиться пришлый человек, по каким-либо причинам утративший связь с близкими сородичами (айнск. *анун-утару*). Те из них, у кого в этом селении имелись родственники, могли с разрешения старейшины оставаться здесь несколько лет. Полностью одиноким разрешалось проживать на усадьбе старейшины, при этом они были обязаны работать на него. Эта категория могла

¹⁹ По поводу рабов айнов в обществе нивхов Л. Шренк писал: «Рабы и рабыни не пользуются никакими общественными правами и находятся в полной зависимости от своего господина. Это не больше, как домашние животные в образе людей... Само собой разумеется, на их долю выпадают самые тяжелые работы» [Шренк 1903: 17].

в дальнейшем получить право завести свое хозяйство, однако полноправными членами общины они не становились. Так или иначе, у чужаков всегда существовала возможность войти в общину в качестве примаков [Арутюнов, Щебенков 1992: 98].

В XIX в. с развитием на Хоккайдо и Сахалине рыбопромышленности и открытием общественных рыбных промыслов у айнов стали создаваться артели. В большинстве случаев их возглавляли родовые старосты селений — они и руководили, и распределяли заработную плату [Пилсудский 1907а: 115]. По обычаям айнов, писал Б. О. Пилсудский, артельный староста не должен был при распределении дохода получать больше других. Однако «перенятый уже в Японии взгляд современной культуры... проникает понемногу в сознание айнов...», и теперь уже в редких случаях начальники артелей «являются бескорыстными защитниками ее интересов» [Там же: 99].

Если на каком-либо рыбном участке артели работников было недостаточно, айны призывали их со стороны. «В двух домах на восточном берегу я видел проживающих в виде дешевых рабочих русских поселенцев, получавших невзыскательную пищу и 2–3 рубля в месяц. На западном берегу роль работников родственников несут часто айны, вернувшиеся с Хоккайдо (называемые исикари-айны). Говорят также, что во время рыбной ловли помогают за плату и японцы...» [Там же: 113].

Постепенно среди айнов стали появляться рыбопромышленники, которые вели «вполне капиталистическое хозяйство, являясь арендаторами промыслов, эксплуатируемых ими на одинаковых условиях с японскими и русскими рыбопромышленниками...» Но эти люди не пользовались всеобщим авторитетом и любовью, какими был окружен традиционный *нисэна* [Там же].

При наличии лишь морального авторитета родовых глав и старых людей специального аппарата принуждения в айнском обществе не существовало. Суд внутри общины производился в соответствии с нормами обычного права. Судили провинившихся всегда гласно, при этом прибегали к испытаниям — от словесных состязаний до пыток. Важная роль в тяжбах отводилась старейшине. Однако если во время судебного разбирательства старики опротестовывали его решение, то оно теряло юридическую силу [Арутюнов, Щебенков 1992: 125].

Когда разгорался крупный конфликт, то признавая свою вину сторона должна была выплачивать потерпевшей стороне свое-

образный штраф *асимпэ* или *цукунай* — «возмещение убытков» за нанесенную обиду. Он включал разные ценные предметы, чаще всего японские. Самыми дорогими считались мечи.

О мечах и саблях как предмете откупа у айнов Сахалина писал М. М. Добротворский. По его данным, в ходу были маньчжурские сабли стоимостью 10–15 соболей каждая, при этом плата саблями не приносила богатым больших убытков [Добротворский 1875: 38]. Гораздо дороже стоили японские мечи. Из более ранних времен известно, например, что во время вооруженных столкновений с японцами айнам часто приходилось «расплачиваться» такими мечами с самими японцами.

В целом откуп за ту или иную вину ценными предметами для айнов был тяжелой расплатой, и не только потому, что человек утрачивал часть богатства, но и ввиду того, что эти вещи рассматривались как священные. Их утрата означала, что ответчик терял весомую часть своих возможностей в совершении ритуалов, что ставило под угрозу его отношения с потусторонними силами [Онуки-Тирни 1996, № 3: 113].

Словесные состязания во время судебной тяжбы (айнск. *чаранкэ*) — весьма своеобразная айнская традиция. Айны высоко ценили красноречие и рассматривали его как необходимое качество кандидата на место старейшины. При разборе конфликта путем *чаранкэ* надо было нараспев произносить длинные речи, умело подбирая слова и обращаясь к древним преданиям и мифам. Тот, кому удавалось заставить замолчать противника, признавался победителем. Победенный должен был заплатить штраф ценными вещами, а при их отсутствии — понести телесное наказание [Левин, Дубровина 1969: л. 50].

Как правило, спор в *чаранкэ* разрешала третья сторона — старейшина или другая влиятельная особа, в том числе шаман. Если спорщикам договориться не удавалось, то прибегали к дуэли — битью друг друга дубинками (айнск. *суту*). Если спорщики довольствовались нанесенными побоями и успокаивались, айны полагали, что из тел изгнаны злые духи, и устраивали развлечения [Арутюнов, Щебенков 1992: 121].

Красноречию, столь необходимому в традиционной жизни, учили с детства. Было много специальных игр для детей, основанных на словесных состязаниях. К таким играм можно отнести *чяротонасозписикэзитаку* — разновидность скороговорки, когда нужно безошибочно повторять сложную фразу [Там же: 117].

Что касается битья палками, то, помимо применения его в поединках, это было одно из наиболее распространенных и позорных наказаний (айнск. *укар*), которое наглядно можно видеть на картинах Кодама Тэйрё «Эдзо-но-куни фу:дзоку дзукан» (середина XVIII в.), Хата Авакимару «Эдзосима кикан» (конец XVIII — начало XIX в.) и в сочинении Хата Авакимару, Мураками Тэйсукэ и Мамия Риндзо «Эдзо сэйкэй дзусэцу» (1823) (рис. 16). Судя по ним, экзекуция совершалась так. Провинившегося раздевали по пояс, а на шею накидывали небольшой кусок материи. Два человека удерживали материю, еще один наносил удары дубинкой. Женщина брызгала на спину наказуемого воду из сосуда при помощи пучка травы (айнск. *такуса*), отгоняя таким образом злых духов [Sasaki 1993: 226].

Согласно «Хигаси эдзо ико» (список сочинения «Эдзо сэйкэй дзусэцу»), *укар* применялся еще при неестественной смерти и осуществлялся по отношению к ребенку погибшего: «Подвергая избиванию ребенка, его заставляют бояться и быть осмотрительным... Есть и такой смысл, что ребенок печалится о трагической гибели родителя, страдание его огромно, и есть опасность, что он и свою жизнь погубит, поэтому, избивая его, пробуждают его мысли и чувства» [«Хигаси эдзо ико» 2013: 132].

Палицы для *укар* отличались тем, что чаще всего не имели каменных утяжелений (рис. 17). Хранили их в доме на стене, подвешивая за петлю, иногда помещали на подушку (обмотав *харке-инау*) или на сакральную изгородь *тисэ-кор-нусасан*. Особенно айны почитали старые дубинки, на которых оставались частички человеческой кожи и крови, свидетельствующие о применении их в прошлом для жестоких пыток.

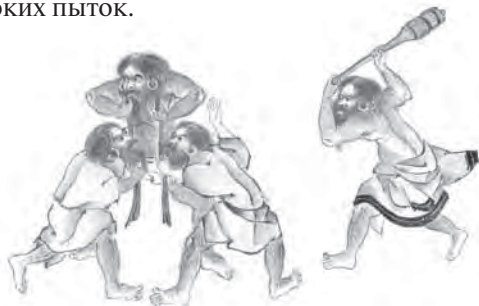

Рис. 16. Наказание с использованием дубинки *суту*. «Эдзо сэйкэй дзусэцу», Хата Авакимару, Мураками Тэйсукэ, Мамия Риндзо (1823).
Токийский государственный университет

Рис. 17. Дубинка айнов Хоккайдо из памятника Биби 8 середины XV — второй половины XVII в. Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Источник: [Моиока 2001: 149]

Хотя палицы для наказаний были без камней, удары наносились с большой силой, так, что человек иногда терял сознание. Для закалки тела и воспитания выносливости айны с детства учились ударять и принимать удар. Тот, кто принимал удар, во избежание травмы покрывал спину кожей. Мастерством считалось бить сильно, но не убивать.

Супружеская измена у айнов каралась штрафом. При неоднократной измене жены законный супруг имел право убить любовника. Иногда же конфликт разрешался поединком. По словам Крашенинникова, курильские айны бились на палках: «...а вызывает на оной прелюбодеец мужа прелюбодейницы: раздеваются оба до нага и разят друг друга по спине. Который вызывает, тот сперва три раза от вызванного должен вытерпеть, а потом берет у него палку и бьет равным образом, и так переменяются до трех раз. Сие побоище много у них веку уносит: ибо бьются они, сколько есть мочи, а палка бывает толщиною в руку, а длиною близко аршина. Нейти на поединок — большое бесчестие. Если же кто предпочтет свое здоровье и отречется от бою, тот должен заплатить мужу прелюбодейцы такое бесчестие, какого он потребует, зверьми, вещами...»²⁰ [Крашенинников 1994, т. 2: 183].

Разновидность палицы, которая использовалась на поединках, показана в работе Араи Хакусэки «Эдзоси». Она имеет граненую ударную часть и длинную рукоять (рис. 18). Согласно пояснительному тексту, такими палицами айны по очереди наносили друг другу удары, а затем примирались [Arai 1720 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>].

Рис. 18. Фрагмент дубинки *суту* айнов Хоккайдо для битья друг друга при разрешении конфликтов. «Эдзоси», Араи Хакусэки (1720).

Источник: [Arai 1720 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

²⁰ Сведения о поединке С. П. Крашенинников заимствовал из сочинения О. Аргунова «Описание на Первом острове живущих курилов, о их обычаях и поведении» (1741).

В том случае, когда соблазнитель женился на женщине, он также должен был выплатить вознаграждение. Как ни странно, это вознаграждение одновременно становилось свадебным подарком [Арутюнов, Шебеньков 1992: 124].

Тягчайшими преступлениями считались убийство и воровство. С убийцы могли взыскать крупный штраф или заживо закопать в землю, а вору — отрубить несколько пальцев [Спеваковский 1988: 48]. При убийстве близкого человека часто прибегали к личной мести. Как правило, это приводило к затяжной вражде.

Подробно наказание убийц на о-вах Шумшу и Парамушир описал в 1741 г. О. Аргунов. Так, в дом убийцы приходили родственники жертвы «с лутчими мужиками», опускали в юрту веревку с петлей и принуждали совершившего преступление человека наложить на шею петлю, чему тот не противился, ибо всеми был осуждаем. «...и когда наложит петлю на шею, то его тут и задавят или вытаща на юрту заколют или палкою ушибут до смерти тем же образом каким он случаем умертвил». О. Аргунов отмечал, что и в других случаях с убийцами поступали таким же способом, каким он совершил преступление: «А ежели кто кого утопит или нарочно столкнет с утесу, то онаго убойца такую же смертью умерщвляют» [Полевой 1988: 80].

Один из обычаев судебного разбирательства заслуживает внимания, так как он не был отмечен в других регионах. «А много случается и того, ежели родники и лучшие мужики онаго убойца сожалеют, то вместо его из родников само охотно на смерть выходят, только чтоб он равен был летами и удовольствием того убитого, а по смерти весьма того похваляют, что он за родника само охотно смерть принял. И ежели онаго убитого останутся жена или дети, то ему приказывают все, чтоб он либо женился на его жене или б поил и кормил...» [Там же].

Примечательно, что айны строго взыскивали с должников — если человек вовремя не расплачивался, его могли «обобрать до последнего гроша» [Добротворский 1875: 37].

В то же время в судебном разбирательстве айнов исключительно важное значение имели родственные связи. Так, если между жертвой и виновной стороной существовала какая-либо форма родства, пусть даже дальней родство, писала Э. Онуки-Тирни, наказание для преступника смягчалось, а для кровника вовсе отменялось. На северо-западном побережье Сахалина, например, где разные общины были тесно связаны кровными узами, суровые наказания, даже за тяжкие проступки, исполнялись редко [Онуки-Тирни 1996, № 3: 114].

Формы общения

Неотъемлемая часть межличностных отношений в айновом обществе — сложный этикет поведения. Важную роль в нем играли жест и слово, которые во многом определялись социальным статусом человека, а также полом. Очень хорошо символика жеста проявлялась в приветствии при встрече.

Хотя способы приветствия у айнов были различными, повсеместно получил распространение обычай взаимного поглаживания (рис. 19–21). В Куширо (Хоккайдо) после долгой разлуки мужчины соединяли правые руки и проводили по ним сверху вниз левыми. Затем старший по возрасту обеими руками поглаживал правое колено

Рис. 19. Приветствия айнов Хоккайдо. Хирасава Бёдзан (середина XIX в.).
Собрание Кодама Сакудзаэмон. Источник: [Ainu-no shiki 1999: 66]

Рис. 20. Приветствие айнов Хоккайдо. Хирасава Бёдзан (середина XIX в.).
Газетное издательство «Токати майнити».
Источник: [Ainu-no shiki 1999: 68]

Рис. 21. Приветствие айнов Сахалина. «Китаэдзодзу тибу», Мамия Риндзо,
Мураками Тэйсукэ (1810). Токийский государственный музей

младшего, а младший — правое и левое колена старшего. При этом оба произносили пожелания благополучия. Затем айны вновь сцепляли руки и говорили: «Счастлив, что ничто не помешало вам прийти, рад вас видеть» [Арутюнов, Щебенков 1992: 115].

Другой формой мужского приветствия на Хоккайдо было поглаживание бороды. Айны вытягивали вперед руки, потирали три раза одну ладонь о другую и гладили бороду движением рук сверху вниз. На Сахалине в дополнение к этой церемонии часто выкуривали трубку [Кюнер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 271. Л. 36, 37; Mimura 2001: 156]. Так, даже после долгого отсутствия, совершая визит в дом к своим знакомым, айн, «не обращая ровно никакого внимания на присутствующих, ни слова не говоря, разоблачается, приводит себя в порядок и затем уже подходит к очагу, усаживается, скрестив ноги против хозяина дома, и говорит ему целый приветственный спич... Хозяин дома немедленно же набивает свою трубочку табаком и подает ее гостю, а хозяйка дома старается принять гостя хлебом солью» [Депрерадович 1877: 21].

Если происходила встреча нескольких лиц, то сначала внимание оказывалось самому старшему и уважаемому человеку.

Некоторые формы приветствия предусматривали использование не только курительных трубок, но и мечей. Сохранились свидетельства о том, что айны в торжественных случаях опоясывались саблями и, завидев почетных гостей, размахивали ими (рис. 22) [Шренк 1899: 257].

Под влиянием инородцев обычай приветствия претерпел некоторые изменения. Согласно М. М. Добротворскому, например, если нормой всегда считалось здороваться сидя (там, где негде сесть, — на корточках), то отклонением от нормы стал способ здороваться (с инородцами) стоя. Он состоял в «однократном потирании рук и глажении ими по бороде» [Добротворский 1875: 87]. Более того, курильские айны уже в начале XIX в. под влиянием русских совершали приветствие следующим образом: две ноги ставили вместе, собирали большой, указательный, средний пальцы и крестились ими, касаясь лба, груди, двух плеч. Затем они делали два раза поклон головой, повторяли всю процедуру трижды, после чего селились на пол [Климов 2012: 81].

Этикет встречи у женщин несколько отличался от мужского. В области Юураппу и Хидака (Хоккайдо), например, айнки указательным пальцем правой руки поглаживали левую руку от пальцев

Рис. 22. Приветствие айнов Хоккайдо с использованием мечей.
 «Эдзосима кикан», Хата Авакимару (1799–1800). Университет Хоккайдо

до плеча, а затем проводили пальцем под носом друг у друга [Арутюнов, Щебенков 1992: 116]. Соя-унтаровские женщины потирали руки, поднимали их к лицу и проводили правой рукой по верхней губе [Добротворский 1875: 85].

Наиболее строго разработанным ритуалом были приветствия между двумя старцами, «если хозяин в течение короткого времени терял двух членов семьи или родственников или вовсе не имел родных... Поскольку такие обстоятельства возникали довольно редко, они более походили на театрализованные представления с красно-речивым и бурным проявлением эмоций... Целью такого действия было стремление показать окружающим мудрость и тактичность старших» [Онуки-Тирни 1996, № 3: 101].

Особо регламентировалось поведение при встрече мужчин и женщин. Один из его аспектов на северо-западном побережье Северного Сахалина описала Э. Онуки-Тирни: «Так, если женщина видела мужчину, идущего навстречу по той же тропе, она должна была уйти с тропы и сделать большой крюк, чтобы не подходить к нему достаточно близко. Если мужчина был старше, ей нужно было отойти и ждать до тех пор, пока он не пройдет мимо» [Там же].

Важную социальную роль в межобщинных отношениях айнов играли праздники. Именно во время праздников, прежде всего обряда «проводов» медведя, происходило общение между отдельными семьями и между селениями подчас обширного региона. Сопровождались праздники песнями и танцами (рис. 23) [Арутюнов, Щебеньков 1992: 119].

Танцы в айнской культуре были групповыми; их могли исполнять как женщины, так и мужчины. Однако преобладали женские танцы. Танцующие довольно медленно переступали с ноги на ногу, совершали ритмичные движения руками и головой, иногда пели речитативом песни. Исполнялись также праздничные круговые танцы, сопровождавшиеся громкой музыкой, выкриками и воинственными движениями тел, а также танцы подражательные, связанные с промыслами. В последних танцоры имитировали действия охотника, движения животных и птиц (медведя, кита, журавля и др.) [Арутюнов, Щебеньков 1992: 119; Осипова 2008: 62].

По признанию исследователей, фольклор айнов чрезвычайно богат. В нем выделяется ряд песенных жанров. Наиболее сакральный из них назывался на сахалинском диалекте *ойна* (предания), а на

Рис. 23. Традиционный танец айнов Хоккайдо.
Хирасава Бёдзан (середина XIX в.). МАЭ РАН (№ 5794-3)

хоккайдском — *камуй-юкар* (песни богов). Он включал предания, основанные на сказаниях о происхождении божеств, родов и героев. По описаниям, сахалинские айны исполняли предания, лежа на спине с закрытыми глазами и отбивая ритм ударами палочки по телу [Пилсудский 1907б: 25; Тураев 2010: 94]. К отдельному жанру, также ярко выраженного религиозного характера, относились молитвы и поэтические обращения к божествам (айнск. *инонноитак*).

Кроме песен богов и молитв, существовало много других жанров: поучительные истории или старинные предания (айнск. *упаскома/уцяськома*), сказки (айнск. *туита*), повествования о героях и битвах (айнск. *хауки*), любовные песни (айнск. *яйкатекара*), песни развлекательные (айнск. *снотса*), колыбельные (айнск. *ихунки*), лодочные «гласы» или дорожные песни (айнск. *цибо-хау*), истории, предназначенные для того, чтобы скоротать время (айнск. *яйюкара*), комические присловья (айнск. *синот-итак*), загадки (айнск. *урехреку*), торжественные речи (для встреч или проводов гостей), импровизации (айнск. *яйюкар*). Большинство из них относится к разряду «устных преданий» *юкар*. Они велись как от первого лица, так и от лица богов или животных, исполнялись речитативом или в прозаической форме [Акулов 2010: 171; Латышев 2002: 7; Пилсудский 2004: 71; Тураев 2010: 94].

Согласно Б. Пилсудскому, К. Киндайти, Э. Онуки-Тирни и другим авторам, классификация устной традиции отличалась в зависимости от региона. Айны северо-западного побережья Южного Сахалина выделяли четыре основных жанра: *хауки*, *ойна*, *уцяськома* и *туита*. Наиболее значительными считались первые два, «их должны были рассказывать старики, поскольку они повествовали о величайших событиях, описываемых языком духов» [Онуки-Тирни 1996, № 2: 102]. Более того, *хауки* декламировали не только в повседневной жизни, но и когда кто-то серьезно заболел, а также во время эпидемии.

По поводу *хауки* Б. О. Пилсудский писал: «С точки зрения языка, они самые древние и, следовательно, наиболее интересные образцы среди прочих. В битвах, которые заполняют значительную часть содержания песни, активную роль часто выполняют женщины; это доказывает, что мы имеем дело со следами ныне полностью устаревших обычаев» [Пилсудский 2004: 34].

Среди различного рода жанров назывались еще колыбельные, лодочные песни, комические присловья и др. В отличие от *хауки*,

в жизни туземцев они играли второстепенную роль. Так, колыбельные песни — «это по большей части ритмическое бормотание без слов, время от времени с импровизацией, обращенной к ребенку, о его будущем жизненном пути и с просьбами спать крепко», лодочные песни «в случаях, когда они имеют какое-либо определенное содержание вообще, — это короткие вспышки вдохновения под влиянием причин и обстоятельств путешествия», а комические при словья — «краткие стихи, содержащие какую-либо шутку или забавную поговорку с развлекательной целью» [Там же: 35].

Некоторые жанры по содержанию и методу музыкального исполнения делились на женские и мужские. Так, любовные песни женщин назывались *ййкатекара*, а мужские — *ййпунихау*. Считалось, что многие *ййкатекара* были неприличными и их не следовало исполнять в присутствии посторонних. По мнению айнов, эти песни показывали распущенность исполнительницы и могли обесславить все племя [Пилсудский 1907б: 43].

Как отмечалось, в айнском обществе выделялась категория сказителей *юкар-куру*, с помощью которых происходили сохранение и передача богатого фольклорного наследия. В бесписьменной культуре это было ответственной миссией и требовало особого дара. Так, в конце XIX в. Б. О. Пилсудскому приходилось разыскивать знатоков сказок и героических песен, «особый язык которых был знаком немногим и в большинстве случаев тем, кто знал эти песни наизусть» [Там же: 28].

Интересно, что на кончике языка певца или рассказчика, по убеждению айнов, обитал «особый благодетельный дух, сила которого так велика, что когда он его покидает, человек умирает» [Штернберг 1905: 307]. Впрочем, айны полагали, что мудрость и красноречие людей кроются не столько в языке, сколько в его духе.

Культурно-экономические отношения с японцами и русскими

Во внешних отношениях айнов важное значение имела торговля в форме натурального обмена. Для жителей Хоккайдо был жизненно необходим торговый обмен с японцами, для туземцев Сахалина и Курил — с северными народами, а позже с русскими. Этими путями айны получали утварь, инструменты, парадную одежду, материал для ее пошива, рис, сакэ и др.

Что касается контактов с японцами, то до XV–XVI вв. хоккайдские айны свободно пересекали пролив Цугару и торговали на Хонсю. Поворотным событием стал приезд в XV в. на Эдзо Андо Морисуэ с Какидзаки Суэсигэ и другими вассалами. Началось распространение японского влияния на южную часть острова — п-ов Осима. Это был первый шаг к установлению кланом Андо контроля над айноско-японской торговлей и ее монополизации.

Механизм заключения сделок между японцами и айнами (айнск. *уймам*) не до конца ясен. Согласно записям середины XV в., он имел форму обмена подарками. Обмен происходил в апартаментах знатного японца, куда приглашался старшина айнов. После взаимобмена подарками устраивалось застолье.

Тогда айны были еще относительно независимыми, поэтому встречи с японской стороной проходили примерно на равных условиях. Но, судя по всему, такая торговля была все же невыгодна айнам. И это стало одной из главных причин возникновения массового недовольства, а затем и восстаний. Восстания нарастали, но всякий раз жестоко подавлялись.

Постепенно под влиянием японцев в социально-экономическом устройстве айнского общества стали происходить важные изменения. Чтобы проследить этот процесс, необходимо показать некоторые особенности японской системы управления островом.

Вплоть до середины XVI в. ситуация в японских владениях на южной оконечности Эдзо была нестабильной. Айнские дружины представляли собой серьезную силу, которую удавалось сдерживать с большим трудом. Постоянная угроза нападения требовала мобилизации значительных людских ресурсов и финансовых расходов. В конце концов в 1550 г. четвертый внук Такэда Нобухиро Какидзаки Суэхиро (1507–1595) начал политику умиротворения. Он раздал восточным и западным айнам ценные подарки, заключил с ними мир и взял с них клятву верности²¹.

Предусмотрительные меры Какидзаки Суэхиро включали введение в айнских селениях должности старейшины (айнск. *отона*).

²¹ Такэда Нобухиро (1431–1494) — самурай из Вакаса, прибывший в середине XV в. в земли Эдзо и обосновавшийся в крепости Кацуяма (область Каминокуни). Женившись на приемной дочери Какидзаки Суэсигэ, Такэда Нобухиро взял фамилию Какидзаки. С этого времени потомки Нобухиро в исторических записях стали упоминаться под этой фамилией.

Влиятельного вождя Хаситаина из Сэтанай поместили в Каминокуни и назначили главой западных айнов, а Цукомотаина из Сиринаи — главой восточных айнов. Они оба должны были ежегодно посещать замок и подносить князю дары в знак признания над собой его власти. Японская сторона, в свою очередь, выплачивала им жалование. В качестве жалования Хаситаин, Цукомотаин и другие старейшины, подчинявшиеся японцам, получали часть сбора от таможенной пошлины с торговых судов, заходивших в местные гавани. «Оплата труда» (содержание рисом) на посту государственной службы стала известна под названием «эдзосское жалование» (яп. *эдзояку*, *ияку*).

Во внутреннем устройстве Японии тогда происходили важные изменения — усиливались попытки осуществить централизацию страны. На этом фоне в 1593 г. сын Суэхиро Какидзакэ Ёсихиро (1548–1616) получил от военного правителя Японии Тоётоми Хидэёси (1537–1598) чин «глава острова Эдзо» (яп. *сима-но ками*), а в 1604 г. заручился поддержкой и подтвердил свои полномочия у нового предводителя Токугава Иэясу.

Токугава Иэясу выдал правителю п-ова Осима документ, по которому японские купеческие суда не имели права причаливать здесь и торговать с айнами без разрешения князя. Более того, глава Мацумаэ (так стало называться княжество) запретил ездить к айнам своим подданным²² [Kikuchi 1999: 74]. Препятствуя любым контактам японцев с айнами, Ёсихиро развивал «призамковую» торговлю, стремясь превратить Мацумаэ в единый район, в котором с судов взимался бы торговый налог.

С Хонсю в Мацумаэ каждый год приходило около 300 кораблей, нагруженных рисом и сакэ. Айны стали приезжать сюда с семьями и привозить товары для обмена. Они сооружали на побережье небольшие хижины для временного проживания. Судя по сообщениям европейских миссионеров, посещавших Мацумаэ около 1618 г., айны с востока, из р-на Мэнаси, привозили сушеную кету, треску, сельдь, красную морскую капусту, рыбий и китовый жир, орлиные перья, журавлей, олени, медвежьи и бобровые шкуры²³. Айны западных районов, из Тэсио, доставляли аналогичный

²² Границы княжества охранялись сторожевыми постами, которые находились в пунктах Камэда и Кумаиси.

²³ Шкуры морских бобров айны добывали на Урупэ.

товар, однако вместо шкур морских бобров поставляли китайские шелка. Шкуры морских бобров, шелка высокого качества, а также соколы и журавли были товаром монопольной торговли главы клана²⁴. Отчасти айны преподносили его в виде дани [Ibid.].

Следует отметить, что жители Мацумаэ большей частью не занимались возделыванием риса, весьма затрудненным здесь по климатическим условиям, предпочитая рыболовство. А рыболовы, оказавшись на положении крестьян, выплачивали налоги сельдью, морской капустой и другими морскими продуктами. Лишь в 1753 г. натуральный налог был отменен [Арутюнов, Шебеньков 1999: 69; Kikuchi 1999: 80].

Рыболовство, а также лесозаготовки на Эдзо способствовали развитию внутреннего и внешнего рынков Японии. Это привело к росту предпринимательства и индустриализации северных земель. Более того, при седьмом внуке Такэда Нобухиро — Мацумаэ Кимиhiro (1598–1641) — в восточной части владений князя был найден золотой песок.

Возможность добывать золото сулила князю Мацумаэ большую выгоду, поэтому по его указу в разных районах острова стали строиться шахты. К 1628 г. шахты появились даже в отдаленных областях — Хидака и Токати. И снова деятельность Мацумаэ осложнила жизнь айнов. Промывка золотого песка велась в реках с нерестилищами лососевых. Кроме того, работники с Хонсю, которые трудились на приисках, всячески притесняли местное население [Лим 2010: 172].

Надо полагать, княжество Мацумаэ старалось не разглашать сведения о развернувшейся в нем добыче золота. По крайней мере в XVIII в. Хаяси Сихэй в своем труде «Сангоку цу:ран дзусэцу» писал: «В землях Эдзо чрезвычайно много золотых рудников. Однако жители не знают, как их копать, поэтому они впустую стоят неработающими. Также там много серебряных, медных рудников, а также мест, где выступает на поверхность золотоносный песок, таких как Куннуи, Умбэцу, Юбари, Сикоцу, Хаборо и т.д. Этот золотоносный песок находится не в расщелинах внутри речных вод, а тянется на 10–20 ри по поверхности земли. В Хаборо золотоносный песок выбрасывается на берег со дна моря, и, говорят, после

²⁴ Шелка использовались для пошива одежды бонз и знатных особ, а шкуры бобров — для изготовления седел.

сильных бурь от северо-западного ветра 40 ри морского побережья приобретают золотой цвет. И все это золото и серебро никто не берет, оно остается лежать без надобности» [Щепкин 2011: 141]. Данная информация может говорить о том, что владельцам Мацумаэ какое-то время удавалось скрывать развитие столь прибыльной отрасли.

Поселенцы и аборигены все больше селились чересполосно, на одной территории, и постепенно смешивались. Ныне среди остатков японских владений, располагавшихся вдоль побережья Хоккайдо, от Киконай и до Хакодатэ, археологи часто обнаруживают следы айнских жилищ [Matsuzaki 2001: 49].

Известно, что в XVII–XVIII вв. айны проживали собственно в Мацумаэ. Итальянский миссионер Джироламо де Анджелис (1568–1623), посещавший Мацумаэ в 1618 и 1621 гг., среди айнов выделял «местных» и «приезжих» [Ibid.]. Кроме этого, по результатам исследований, проводившихся кланом Хиросаки в 1669 г., на землях к западу от Мацумаэ айны жили в пунктах Каминокуни, Тадзава, Отохэ (Отобэ), Комоути, Аинуманай, Кэннэти (Кэннити), Кумаиси, Сэкинай, а к востоку — в Сириути, Тиконай (Киконай), Мохэцу (Мохэди), Сасукари (Сацукари), Иппонги, Хэкирэти (Хэкирити), Сиодомари, Ятимаки. К середине XVII в. эти земли были включены в сферу японских владений [Kikuchi 1999: 83].

Статистические данные показывают, что в 1716 г. в западной области (к западу от Мацумаэ) проживали 80 айнов, а в восточной (к востоку от Мацумаэ) — 72 айна. К 1787 г. на западе остались семь человек, на востоке — пять. Айны в этих районах оказались на грани исчезновения [Ibid.]. О резком сокращении населения свидетельствует «Эдзоданхикки» (1710), в частности, в документе сообщается, что туземцы не терпели совместного проживания с японцами и переселялись в другие места, оставшиеся же вымирали от оспы.

Несмотря на размежевание айнских и японских хозяйств, продолжалась ассимиляция туземцев. Согласно записям Могами Токунай «Эдзосо:си» (1786), ассимиляции способствовали, с одной стороны, целенаправленные меры местных властей, с другой — совместная рыбопромысловая деятельность айнов с японскими рыбаками [Ibid.: 84].

Во второй половине XVII в. японцы продолжали активно осваивать новые территории и продвигаться вглубь айнских владений. Так, уже в 1679 г. клану Мацумаэ удалось достичь южной части

Сахалина и основать там селение Одомари. Айны с Эдзо, в свою очередь, нередко посещали северо-восточную область Хонсю. По словам Хаусакэ, главы айнов района Исикари (вторая половина XVII в.), их предки ездили торговать в пункт Такаока — призамковый город клана Цугару. Известно, что в ряде мест областей Цугару и Симокита айны (коренные жители Тохоку) и японцы проживали вместе [Ibid.: 78].

Согласно «Митинокуни цугаругун-но эдзу» (1645) и «Цугару итто:си» (1731), в XVII в. на северной оконечности полуострова Цугару находилось 15 айнских селений (42 дома). Они назывались Ута, Хокосаки, Госёдзука, Цунауси (Амифути), Окотараэ, Сунагамори, Хороцуки, Сёхаку, Санмяку, Мацудзаки, Бикутиёма, Фудзисаки, Каманосава, Утэцу и Тацухи [Ibid.: 84]. Интересную информацию содержит более поздний источник — «Сотогахамма дзутахи» (1788); автор Сугаэ Масуми сообщает о следах айнских жилищ в районе Урасимахаяси и отмечает, что жители местности Камиутэцу, проживавшие на побережье, — потомки айнов. По слухам, писал путешественник, лишь с недавнего времени они стали брить усы, стричь головы, а женщины перестали делать татуировки, и теперь их совершенно нельзя отличить от японцев [Otsuka 1993: 114].

По известным данным, айны Цугару активно занимались морскими промыслами, в том числе добычей акул. Сбыт акульего жира японцам был выгоден. Кроме того, аборигены поставляли клану Цугару жемчуг, морские ушки, морскую капусту, морских котиков, морских птиц, медвежьей шкуры, а взамен получали рис и другие товары.

Помимо занятий, соответствовавших традиционному хозяйственному укладу, которые включали подсечно-огневое земледелие на горных плато, у айнов была и другая работа. Например, они управляли небольшими судами *сё:кайсэн*, на которых японцы переправлялись по морю либо перевозили товары. Кроме того, во время восстания Сякусяина туземцы привлекались кланом в качестве послов или переводчиков с айнского языка [Kikuchi 1999: 83].

В XVIII в. японцы все больше стали использовать айнов как наемную рабочую силу, главным образом в качестве матросов и горных рабочих. Это вело к усилению ассимиляции. В середине XVIII в. японизации айнов активно способствовал и один из служащих клана Цугару — Ниюи Мицуги, занимавшийся различными преобразованиями. По его инициативе айнов заставляли делать японские

прически *сакаяки*, менять обычаи. Более 50 человек из Мацудзаки, Рокудзёнома, Фудзисима, Каманосава, Камиутэцу и Симоутэцу отказались подчиняться нововведениям и бежали в горы [Ibid.: 85]. В 1806 г. мероприятия по ассимиляции были проведены повторно.

Об айнах Симокита, к сожалению, подробная информация отсутствует. В записях клана Намбу (Мориока) «Дзассё», составленных одним из посадников Танабу (г. Муцу), упоминается, что в 1644 г. владения клана посещали айны из местности Утиура, привозившие сельдь и сушеную кету для меновой торговли, а также айны из Мэнаси. Последние преподнесли князю журавля. Сохранились сведения о предводителях айнов: один — Аситака из деревни Икокума, другой — Хаппира из деревни Вакиносава. Они руководили родственными семьями и получали от клана Мориока выплату *эдзояку*. В 1665 г. айны из этих селений даровали князю медвежьи шкуры, а взамен получили рис, мечи и темно-красные хлопчатобумажные ткани.

В области Симокита были и такие айны, которые приезжали с Эдзо лишь на промыслы. Об этом свидетельствуют археологические находки хоккайдских гарпунов, датирующихся XIV–XVII вв. [Ibid.: 86]. Иногда некоторых рыбаков случайно прибивало к берегу, о чем, в частности, упоминается в «Гэнсимампицуфу:донэнпё:» (1820) [Otsuka 1993: 115].

Так или иначе, несмотря на то что в северо-восточных землях Хонсю айны активно контактировали с японцами и вели с ними торговлю, наибольшую выгоду от такой торговли все же получал клан Мацумаэ. Чтобы окончательно монополизировать торговые отношения с айнами в пределах Эдзо, глава Мацумаэ предпринял ряд мер. Например, по его указу была упразднена призамковая торговля. Теперь суда главы клана и его вассалов отправлялись на земли айнов и торговали там в специально отведенных местах (яп. *акинауба*).

Некоторые места *акинауба*, учрежденные на Эдзо, были собственностью князя, а некоторые предоставлялись вассалам в качестве *тигё*. В средневековой Японии под *тигё*: понималась территория, с которой можно было взимать земельный налог. Но в Мацумаэ основа земледельческого воспроизводства отсутствовала, поэтому вассалам в качестве *тигё*: даровалось право торговли с туземцами. Эта система получила наименование *акинауба-тигё:сэй*. Для айнов она оказалась еще более невыгодной, чем система призамковой тор-

говли, поскольку обмен товарами был неэквивалентным и его условия теперь диктовала сторона Мацумаэ.

В Мацумаэ крайне опасались огласки внутреннего положения дел — существовала реальная опасность потери территорий в результате их перераспределения. Однако еще третий сёгун из династии Токугава — Токугава Иэмицу (1603—1651) — посылал на Эдзо инспекторов, встречавшихся с айнами, а клан Цугару неоднократно направлял в княжество агентов, которые сообщали о системе *акинабатигё:сэй* и бедственном положении туземцев [Kikuchi 1999: 75, 90]. Несмотря на это, никаких серьезных мер по урегулированию торговли и улучшению жизни местного населения бакуфу не предпринимало. Постоянные же притеснения айнов служащими Мацумаэ в конце концов привели к одному из самых крупных восстаний за всю историю айнского народа — под предводительством Сякусяина (вторая половина XVII в.). Это восстание удалось подавить с большим трудом.

После подавления восстания, которое подробно описывается в другой главе, многих его участников казнили. Остальных обязали выплатить *цукунай* (возмещение убытков) и дать клятвенное обещание безоговорочно подчиняться. Хотя некоторые айны отказались от выплаты *цукунай*, в целом ситуация стабилизировалась. Мацумаэский клан при этом еще больше усилил свое влияние на туземцев, и территория Эдзо постепенно стала переходить в его единоличную собственность [Ibid.: 95].

Столь возросшая зависимость от Мацумаэ привела не только к экономической и культурной отсталости айнов, но и к утрате реальной значимости института старейшин. Старейшины оказались в подчинении у японских чиновников, и их авторитет значительно снизился [Левин, Дубровина 1969: л. 50].

В начале XVIII в. подрядовая система *акинабатигё:сэй* начала приходить в упадок, на смену ей пришла новая форма торговой деятельности — «система подряда торговых мест *басё*» (яп. *басёукэйсэй*). В соответствии с новыми правилами места *басё* начали передаваться в распоряжение торговцев с Хонсю. Эти торговцы заранее подавали заявку на подряд и заключали договор с владельцем участка — вассалом князя. Большую часть прибыли вассал получал за транспортировку товара, к которому относились икра, акулий жир, сушеная треска, кета, терпуги, скаты и пр. В договоре специально оговаривалась та продукция, денежные сборы за которую шли главе клана [Позднеев 1909, т. 2: 133; Kikuchi 1999: 95].

Система *басёукэюйсэй* давала право подрядчикам не только на торговлю с айнами, но и на рыбный промысел. Уже в конце XVII в. подрядчики в местностях Исикари и Сирифуса занялись ловлей кеты. Они применяли большие сети, каких у айнов не было, что сильно вредило промысловой деятельности аборигенов. Однако о благосостоянии айнов никто не заботился. Выше всего предприниматели ставили личное обогащение [Kikuchi 1999: 112].

На местах все было организовано следующим образом: в айнских селениях строились специальные административные здания — торговые конторы (яп. *ундзё:я*), в которых размещались торговцы и надсмотрщики (яп. *сихаи-нин*), и сторожевые посты (яп. *банъя*), где находились служащие ниже рангом (яп. *бан-нин*). Они вели наблюдения за жизнью айнов на данном участке, понуждали их работать, а сами находились под контролем откупщика. Откупщики нанимали контролеров, переводчиков, сторожей и других необходимых служащих, которым поручали вести торговлю с айнами, заниматься рыболовством, а также учетом получаемого товара и его охраной [Арутюнов, Щебенков 1992: 70; Позднеев 1909, т. 2: 133].

В сложившейся ситуации айнам приходилось тяжело. Их не только жестоко эксплуатировали, но и грубо нарушали их жизненный уклад, например, разрешая ловить рыбу лишь там, где было выгодно владельцу *басё*. Во время рунного хода айнский старейшина был обязан собирать на японский промысел по 30–50 сородичей [Арутюнов, Щебенков 1992: 73, 78].

Хотя правители Мацумаэ, стремясь утаить сведения о природных богатствах острова, проводили ограниченную переселенческую политику, население княжества в середине XVII — конце XVIII в. постоянно возрастало. Это происходило за счет торговцев-предпринимателей и приезжих рабочих.

Торговцы делились на сезонных, которые посещали Мацумаэ лишь на время, и тех, кто оставался на длительный срок. Последние открывали свои лавки, обзаводились хозяйством. Наибольшее влияние приобрели представители столичных городов Эдо и Осака, имевшие свои купеческие торговые гильдии²⁵. Рабочим же не давали права на постоянное жительство [Там же: 70].

²⁵ Известностью пользовались выходцы из Вакаса, Цуруга и Оми. К середине XIX в. многие крупные предприниматели и самураи попали в финансовую зависимость от них [Арутюнов, Щебенков 1992: 71].

Сезонные рабочие приезжали на Хоккайдо из Цугару, Акита, Санрику Мияко и других районов Японии. Они рубили лес, добывали золото, ловили рыбу. Особенно рабочая сила была востребована на лесозаготовках, поскольку айны этим трудом занимались мало [Kikuchi 1999: 132; Otsuka 1993: 117]. В целом система подряда на Эдзо получила название «заработки в Мацумаэ» (яп. *мацумаэ касэги*).

Лесоматериал с Эдзо отправлялся преимущественно в Эдо, а морская капуста — в Нагасаки как товар, имеющий важное значение для внешней торговли с европейскими странами [Kikuchi 1999: 117]. В то же время во второй половине XVIII в. Эдзо стал обширным рынком сбыта. В большом количестве сюда привозили соль, рис, сою, сакэ, табак, красную фасоль, хлопчатобумажные ткани, плетеные, керамические и железные изделия, не производившиеся в Мацумаэ²⁶ [Ibid.: 183].

Инспектор бакуфу Фурукава Косёкэн, посетивший Мацумаэ в 1788 г., сообщает, что был поражен оживлением в трех портах — Мацумаэ, Эсаси и Хакодатэ, которые получили наименование *саминато* (рис. 24). Если судить по слухам, писал Косёкэн, Мацумаэ представляет собой местность чрезвычайно захолустную. Оказалось же, что в порт заходит множество судов из разных концов страны, в районе побережья выстроены глинобитные амбары, в городе имеются магазины тканей для одежды, питейные заведения, галантерейные лавки и пр. Недостатка в товарах совсем не наблюдается...

На фоне такого благополучия айны, как уже отмечалось, пребывали в самом бедственном положении. Помимо экономического гнета и злоупотреблений чиновников Мацумаэ, они не меньше страдали от произвола сезонных рабочих, которые не соблюдали местных обычаев, пренебрегали договорными обязательствами, похищали женщин. Все это вызывало массовое недовольство и привело к очередному восстанию, которое произошло в 1789 г. В восстании приняли участие 200 человек с Кунашира и области Мэнаси.

²⁶ Большинство товаров японцы поставляли из Акита, Цугару, Намбу и Этиго. Соль ввозилась также из Харима, Такэхара и Сэтоуги, рис — из Сэндай, Саката, Сиракава и Сибата, сакэ — из Осака и Ояма, циновки — из Куцуми и Вакаса, веревки — из Саката, пеньковые рыболовецкие сети — из Этиго.

Рис. 24. Хакодате. «Эдосима кикан», Хата Авакимару (1799–1800).
Университет Хоккайдо

Мацумаэ Митихиро (1754–1832), тринадцатый потомок Такэда Нобухиро, направил на место происшествия карательный отряд. С помощью лояльных айнов ему удалось уговорить восставших сдаться, после чего многие из них были казнены.

Отдельно, независимо от покорения японцами айнов Хоккайдо, происходило продвижение русских казаков с севера на юг по Курильской гряде. Оно также было далеко не всегда бесконфликтным — как при первых контактах казаков с аборигенами островов, лежавших к югу от Камчатки, так и позже, при освоении территорий «за переливами». Известны, например, злоупотребления и жестокое обращение с айнами на Средних и Южных Курилах казачьего сотника И. Черного, который в 1766 г. вторгся на территорию айнских промысловых угодий и получил вооруженный отпор. Аналогичный инцидент произошел в 1770 г. [Таксами, Косарев 1990: 53]. Однако такие конфликты происходили нечасто. Хаяси Сихэй в «Сангоку цу:ран дзусэцу», в частности, писал: «Русские при своих контактах с айнами не используют оружия, не проявляют зверства,

а поскольку Эдзо — страна холодная, они кормят их черным перцем, помогая преодолеть холод, дают им одежду на вате, оберегающую от холодного воздуха, а также кормят их сладким сахаром, поят крепким сакэ, тем самым ублажая аппетиты айнов, грохочут пушками, демонстрируя свое величие. Таким образом, они применяют искусство приручения варваров к себе военными и словесными средствами» [Щепкин 2011: 36].

После образования в 1799 г. Российско-Американской компании несколько русских поселений возникло на Шумшу, Симушире и Урупе. Русские промышленники задействовали здесь в качестве рабочей силы местных айнов, а также алеутов, которых специально переселили на эти острова.

Айны, состоявшие на службе у русских, освобождались от налогов и других повинностей. По уставу компании, ими управляли собственные старшины, которые, в свою очередь, находились под надзором «лучших служителей» [Левин, Дубровина 1969: л. 26; Позднеев 1909, т. 1: 220]. Наряду с промысловыми работами туземцы могли вести самостоятельное хозяйство. Многие из них под влиянием русских приобщились к земледелию и скотоводству [Левин, Дубровина 1969: л. 26].

Тем временем айны Эдзо оказались под полным японским влиянием. Вплоть до конца XVIII в. полновластным хозяином здесь был клан Мацумаэ, но в 1799 г. восточные земли острова взяло под контроль правительство бакуфу²⁷. Оно учредило губернаторство «Эдзо-бугё» (1802), куда в 1807 г. включило и западные земли. Глава Мацумаэ потерял свои земельные угодья, получив в порядке компенсации ленное владение на Хонсю. Права на торговлю с айнами его вассалов были аннулированы [Kikuchi 1999: 139].

Стремясь обезопасить северные границы от проникновения в Японию русских и даже передвинуть их на север, бакуфу с 1799 г. стало усиливать влияние на Итурупе. Туда были направлены служащие, чтобы наладить регулярное морское сообщение с Хакодате, и чиновники, которым было велено расположить к себе айнов и осуществить их ассимиляцию. Как и на Хоккайдо, туземцев начали обучать японскому языку, давать им японские фамилии, одевать и стричь по-японски [Стефан 1990: 61].

²⁷ Лишь с этого времени и остров, и княжество Мацумаэ вошло в состав японского государства.

При реорганизации *басё* была проведена смена старых подрядчиков и служащих, однако сама система принципиально не изменилась. Напротив, предприимчивые охотники за выгодой стали вмешиваться во внутренние дела айнских общин. На Итурупе, например, для более продуктивного рыбного промысла некоторые поселения подверглись всевозможным реорганизациям. Это также способствовало разрушению традиционной структуры айнского общества. Одним из нововведений стало то, что через *ундзё:я* получили распространение ежегодные раздачи подарков (яп. *кудасарэмоно*). Подарки выдавались в начале года во время некоторых японских праздников (в честь божеств Канон, Хатиман и др.), по случаю брака, рождения ребенка и других важных событий²⁸ [Kikuchi 1999: 143].

Значительную роль в жизни айнов стал играть ритуал получения подарков, называвшийся *омуся*. Предполагается, что слово *омуся* произошло от *умуса* — айнского приветствия [Омская 2008: 48]. Ритуал устраивался по окончании сезонных работ в одном из зданий фактории. Здание украшалось ружьями и доспехами, чиновники принимали усиленные меры предосторожности. Когда собиралось должное число айнов, чиновник зачитывал им пункты указа о необходимости соблюдать законы и надлежащим образом исполнять обязанности. Переводчики передавали это айнам, после чего те давали присягу верности. Затем происходило собственно вручение даров.

Айны получали подарки в соответствии со своим служебным положением. Старейшинам также выдавалось жалование. В конце в знак подкрепления соглашения все выпивали саке, в специально отведенном месте получали угощение, и праздник заканчивался. Стоит заметить, что если на ранней стадии торговли айнов и японцев двусторонние встречи проводились на равных условиях, то теперь — уже на условиях господ и слуг. По сути, церемониал свелся к выдаче жалованья и возобновлению присяги [Kikuchi 1999: 143].

²⁸ На Итурупе в 1820-е годы среди подарков были такие «яства», как суп с рисовыми лепешками (яп. *дзо:нимоти*), рис, сваренный с красными бобами (яп. *сэкихан*), рисовые лепешки (яп. *моти*), солод, водка (яп. *сэйсю*), неочищенное саке (яп. *дакусю*), табак, а также хлопчатобумажные ткани, старая и новая одежда, полотенца, пояса, принадлежности для бритья, масло для причесок (яп. *бинцукэбура*), небольшие ножи, лакированная утварь, мелкие деньги. Первостепенное значение в этом перечне занимали саке и табак [Kikuchi 1999: 143].

Обряд *омуса* наглядно изображали некоторые японские художники на картинах айну-э. Хороший пример — работы середины XIX в. Хирасава Бедзан (рис. 25). На одной из них — «Уймаму» — айнские старейшины приветствуют князя Мацумаэ, приседая и держась за руки. Считается, что такая форма приветствия, не свойственная айнам, была введена японцами [Огихара 2008: 34].

Бакуфу извлекало большие доходы, управляя северными землями, но велики были и расходы, включая издержки на содержание

Рис. 25. Обряды айнов Хоккайдо *уймаму* (вверху) и *омуса* (внизу).

Хирасава Бэдзан (вторая половина XIX в.).

Омский областной музей изобразительных искусств им. М. А. Врубеля.

Источник: [Омская сенсация 2008: 39, 55]

служащих, различные мелкие нужды и пособия клану Мацумаэ. Эти траты, видимо, возрастали. Счетоводы ежегодно указывали на нестабильность сумм получаемых денег и недостаточность прибыли. В силу этих обстоятельств к началу XIX в. назрела необходимость ликвидировать прямое управление [Kikuchi 1999: 140].

Отказ бакуфу от прямого управления привел к тому, что в 1821 г. главе Мацумаэ были возвращены земельные права, а «попечительство» над туземцами приостановлено. Однако в 1855 г. все вернулось на круги своя. Клан Мацумаэ навсегда лишился прежних владений, а с ними и неиссякаемого источника обогащения [Арутюнов, Щебенков 1992: 80].

В период *бакумацу* (1853–1867) — последние годы сёгуната Токугава и закат бакуфу — на Эдзо окончательно утвердилась подрядовая система, и айновое население стало стремительно сокращаться. Процесс разрушения традиционного общества айнов на примере области Исикари наглядно показал Мацуура Такэсиро: тех, кто был в состоянии работать, стогнали в *ундзё:я* и селили в специальных жилищах для наемных рабочих; при этом айны гибли один за другим от непомерно тяжелых работ и болезней. Такое положение было характерно не только для этой местности. Туземцев нещадно эксплуатировали повсюду, включая Сахалин.

В 1850–1860-е годы бакуфу уже не могло оказать существенного влияния на сложившуюся ситуацию и каким-либо образом предотвратить вымирание айнов. После революции Мэйдзи под лозунгом «попечения айнов» на Эдзо, переименованным в Хоккайдо, утвердилась новая чиновничья система.

В связи с торговыми отношениями айнов и японцев следует отметить, что в XVIII–XIX вв. один крупный центр их товарообмена существовал в селении Соя (совр. г. Вакканай), на самой северной оконечности Хоккайдо, а другой — в Сирануси, на юго-западном окончании Сахалина. Оба пункта ежегодно посещали сахалинские айны, а также нивхи с севера острова. Японцы получали от них перья орлов и соколов (для оперения стрел), шелковые китайские ткани, а взамен предлагали рис, сакэ, табак, иглы, котлы, лакированную посуду и солод²⁹.

²⁹ Японские вещи распространялись на значительные расстояния. Например, стальные иглы через курильских айнов получали камчадалы [Шренк 1899: 91].

Кроме того, и на восточном, и на западном берегу Сахалина происходил торговый обмен айнов с нивхами. Японцы, по данным Л. И. Шренка, смотрели на эту торговлю неблагосклонно, потому что айны старались скрыть от них свои запасы шкур и сбыть их на более выгодных условиях северным соседям. На обмен шли маньчжурские и японские изделия, одежда из растительной ткани и рыбьей кожи, жир морских животных, луки [Сасаки 1992: 122; Шренк 1899: 295, 296; Moes 1985: 176].

Как важный центр айноско-нивхского товарообмена известно селение Найоро, расположенное севернее Кусуная. Существовали и другие, менее известные места [Сасаки 1992: 126]. Ф. Ф. Зибольд так описывал торговлю на западном побережье острова: «Они (выходцы с Амура) привозят свои товары на небольших судах, кладут на берег и удаляются; айносы (айны) рассматривают товары, выбирают что понравилось, берут и заменяют собственными своими произведениями; таким образом совершается обмен, основанный на беспримерной честности и на взаимном доверии» [Зибольд 1854: 255].

Между тем, со слов японского путешественника и исследователя северных территорий Мамия Риндзо, иногда случались распри: «...жители Хакусимы (айны) очень невежественны. Они много берут в долг, смутно представляя себе цену, которую так или иначе им придется уплатить. Случается, что, не имея возможности рассчитаться с сантанами за взятые в долг товары, туземец прячется в горах, дожидаясь, когда сантаны уедут домой. Но на следующий год сантаны приезжают снова, без труда находят должника и требуют расплатиться. Если должник не в состоянии сделать это, сантаны забирают в качестве заложника его брата» [Описание 1990: 113].

Интересно, что нивхи активно торговали не только с японцами и айнами, но и с китайцами, а также со всеми народами Амуро-Сахалинского региона, подконтрольными маньчжурской династии³⁰ [Шренк 1899: 276].

³⁰ В отношении тунгусоязычных народов циньской династией Китая были установлены особые правила — туземцы распределялись по родам и селениям, в каждом селении назначался старшина *гасян-да*. Каждый год *гасян-да* собирали дань мехами, привозили их в заранее указанный город и там получали подарки от чиновников. Эти дары, в свою очередь, *гасян-да* распространяли среди соотечественников.

На материке известен как крупный торговый город Сань-син (по-маньчжурски Илань-хала) на р. Сунгари. После него временный пункт торговли был открыт в селении Кизи (в настоящее время — Ульчский р-н Хабаровского края). Отсюда товары из Маньчжурии, Китая и Японии попадали в низовья Амура и на Сахалин. По данным на начало XIX в., среди китайских товаров, пользовавшихся спросом у народов низовьев Амура, были керамическая посуда, шелковые и хлопчатобумажные ткани, одежда, курительные трубки, веера, украшения: серебряные серьги, кольца, браслеты, бусы, медные и латунные фигурки для женских платьев, монеты [Сасаки 1992: 125]. Многие из перечисленного доставалось айнам.

Со второй половины XVIII в., когда у берегов Курильских островов, Сахалина и даже Эдзо появились русские суда, торговая деятельность японцев с аборигенами Сахалина стала резко сокращаться. Главной задачей японцев теперь стало укрепление своих северных позиций и оттеснение русских на север. В связи с этим в 1789 г. японский экспедиционный отряд уничтожил все свидетельства пребывания русских на Итурупе и установил столб с надписью, гласившей, что данная земля является исконной территорией Японии [Таксами, Косарев 1990: 50].

В 1855 г. в японском городе Симода при посредстве вице-адмирала Е. В. Путятина был подписан первый русско-японский договор, по которому к Японии отошла южная часть Курильских островов, а Сахалин получил статус «неразделенной» территории.

Примерно в это время сахалинские айны залива Анива и некоторых других мест, испытывая сильную нужду и не встречая поддержки российских властей, переселились на Хоккайдо. Но там они оказались в условиях еще более худших. Называются «дороговизна и трудность добыть достаточное количество рыбы, отсутствие в питании жиров (нерпы и сивуча кругом Хоккайдо нет), болезни, в 1886 г. холера, затем оспа», кроме этого, сахалинцы испытывали тоску по родине и покинутых родных [Пилсудский 1907а: 133]. По документам, в 1887 г. состоялось первое возвращение беженцев на родину, которое «затем продолжалось почти каждый год» [Там же].

Между тем центральная и северная часть Курильской гряды (от Урупа до Шумшу), оставшаяся под юрисдикцией России и заселенная айнами и алеутами, контролировалась Курильским отделом Российско-Американской компании и управлялась из столицы

Русской Америки — Ново-Архангельска. После продажи Аляски Соединенным Штатам в 1867 г. и ликвидации Российско-Американской компании все российские служащие Курил (русские и креолы) уехали на Камчатку и в Россию. Территория российской части Курильской гряды формально отошла под административное управление губернатора Приморской области [Шубин 1992б: 4].

Покидая острова, служащие вывезли с собой не только всю пушнину, но и припасы, включая продовольствие. Вследствие этого оставшиеся туземцы оказались в крайне тяжелом положении. Кроме этого, на оставленных территориях развернул незаконную промысловую деятельность Американский торговый дом, деяния которого, как и многих других «джентльменов удачи» Нового Света, мало чем отличались от пиратских. В обращении к губернатору Приморской области купец А. Ф. Филиппеус, владевший оставшимся на Курилах имуществом, просил «не бросать на произвол судьбы население архипелага, уберечь его от окончательного спаивания и разграбления, защитить права и интересы русских подданных» [Там же: 6]. Никаких серьезных мер, тем не менее, принято не было.

Торговля с зарубежными, так же как и с некоторыми русскими, купцами была очень невыгодна для айнов: пушнина принималась по низким расценкам, а предметы первой необходимости, напротив, продавались втридорога. Отрицательным было и то, что, «привыкнув покупать в готовом виде обувь, одежду и почти все нужное в их быту, (туземцы) разучились это делать сами» [Там же: 12].

Тем временем о-ва Кунашир и Итуруп в 1855 г. по распоряжению бакуфу отошли клану Сэндай. Там были размещены военные гарнизоны, которые сохранялись вплоть до крушения сёгуната. В 1869 г. острова заняли сторонники императора, и в 1871 г. японские Курилы отошли под эгиду Хоккайдского управления по делам колоний («Хоккайдо-кайтакуси») [Стефан 1990: 80].

В 1875 г. в Петербурге был подписан новый договор с Японией. В соответствии с ним России отошел весь Сахалин, а Японии — все Курилы. Айны получили право в течение трех лет добровольно выбрать подданство [Аругонов, Щебенков 1992: 83; Позднеев 1909, т. 1: 220].

Осенью 1875 г. жителей Шумшу, Симушира и Урупа (алеутов и айнов) ознакомили с содержанием договора. Почти все они изъявили желание остаться русскими подданными и соответственно вы-

ехать на русскую территорию. Частично это было осуществлено в 1877 г. — 83 человека переселились на Камчатку³¹ [Шубин 1992в: 19]. Но здесь их положение не улучшилось. Туземцы были не в состоянии обеспечивать себя необходимыми продуктами, а промысловые занятия не приносили доходов. Как и в прежние времена, процветала их безжалостная эксплуатация торговцами-монополистами [Там же: 45, 49].

Важно, что к тому времени айны, некогда населявшие южные земли Камчатки, уже не существовали как этнос. Отчасти они еще в начале XVIII в. под натиском русских перебрались на Курильские острова, отчасти вымерли от эпидемий, а почти все выжившие были ассимилированы. По С. П. Крашенинникову, некоторые айнские семьи в 1737 г. еще оставались на Лопатке, но и они в конечном счете сошли с исторической арены [Крашенинников 1994, т. 1: 115, 120]. Таким образом, когда в 1877 г. русские привезли с Курил на Камчатку группу айнов, их соплеменников там уже не было.

В 1888 г. 26 алеутов переселили с Камчатки на Командорские острова, а айны остались на полуострове, обосновавшись в деревнях Явино и Гольгино. Согласно переписи 1897 г., к концу XIX в. население дер. Гольгино составляло 57 человек, а Явино — 39 (33 айна и 6 русских). В советское время оба населенных пункта были упразднены, а жители переселены в пос. Запорожье Усть-Большерецкого района.

Волею судьбы на территории России, кроме северокурильских айнов, оказались в малом числе туземцы южных островов — выходцы с Кунашира. По сообщениям прессы, ныне 12 человек, в том числе шестеро — члены родовой общины, проживают в Петропавловске-Камчатском [Российская газета 2008 URL: <http://www.rg.ru>].

В целом же на Южных Курилах под японским владычеством айны оставались продолжительное время. И в середине XIX в. здесь еще сохранялась система подрядных мест *басё*, в которую курильцы были активно вовлечены. Но с 1875 г. эти острова начали осваиваться переселенцами с разных концов Японии, и на следующий год монопольный промысел подрядчиков, мешавший развитию свободных промыслов, был отменен.

³¹ Еще 15 алеутов с Симушира и 63 курильца с Шумшу вывезти не удалось, поскольку шхуна, которая должна была забрать людей, из-за сильных бурунов не смогла подойти к берегу [Шубин 1992в: 19].

Ввиду экономического оживления общее население Кунашира и Итурупа постепенно возросло за счет новопоселенцев (здесь создавались различные административные учреждения, больницы, школы, храмы), на северных же островах прирост японцев был очень мал. Их посещали в основном сезонные работники, а оставшихся на Шумшу айнов (97 человек) в 1884 г. насильственно переселили на Шикотан. Эта депортация стала роковой для малой айнской общины. Хотя водворенных на Шикотан туземцев японские власти снабдили жилищами, лодками, рисом, предметами первой необходимости, разрешили им заниматься сбором морской капусты, рыболовством, скотоводством и земледелием, эти меры оказались недостаточными. Из-за непривычной жизни многие стали болеть цингой, туберкулезом и быстро умирать³². За пять лет численность айнов снизилась в полтора раза. Лишь в 40-е годы XX в. всех оставшихся в живых — а выжило меньшинство — отправили в Японию.

На Южном Сахалине после подписания договора 1875 г. стали появляться айнские рыболовецкие артели, успешно конкурировавшие с русскими. Однако значительная часть побережья все же не использовалась. Ситуация осложнялась тем, что веками процветавшая в северных землях торговля прекратила существование из-за появившихся государственных границ. Пройдет совсем немного времени, и после Русско-японской войны по Портсмутскому договору (1905) Южный Сахалин вновь отойдет Японии. Затем сахалинские айны подвергнутся японскими властями поэтапно переселению на Хоккайдо [Сасаки 1992: 126].

На Хоккайдо еще в 1859 г. (а на Сахалине — в 1870 г.) было создано колонизационное управление *кайтакуси* с административным центром в Саппоро³³. Для изыскания природных ресурсов, развития сельского хозяйства и других направлений освоения острова сюда стали приглашаться ученые из Европы и Америки [Левковская 2010: 197]. Наряду с этим после образования в 1873 г. японской

³² Существенным негативным фактором стало то, что айнам запретили заниматься охотой, в том числе морским зверобойным промыслом. А недостаток жира в пищевом рационе туземцев и приводил к тяжелым заболеваниям.

³³ Остров Эдзо был переименован в Хоккайдо после революции Мэйдзи (1868).

национальной призывной армии началась отправка в северные земли военных поселенцев. В 1874—1889 гг. на еще мало обжитой территории было размещено около 40 тыс. человек. Тем самым японское правительство решало важные внутривосточные задачи: изоляцию недовольных самураев, подготовку новых кадров для будущей армии, укрепление северных границ³⁴ [Арутюнов, Щебенков 1992: 82].

Что касается туземцев, колониционное управление ввело запреты на некоторые их исконные обычаи: мужчинам запрещалось носить серьги, использовать отравленные стрелы, женщинам — наносить татуировки. Кроме всего прочего, был запрещен медвежий праздник. Между тем в Токио для айнской молодежи открыли временную школу. Однако униженное положение, в котором оказалась айнская молодежь, как и невозможность приспособиться к столичному образу жизни, свели это благое начинание на нет. В русле дальнейших «прогрессивных» инноваций в 1876 г. айнов включили в состав японского народа и приравнивали к *хэймин* — «простому народу» [Арутюнов, Щебенков 1992: 81; Позднеев 1909, т. 1: 11].

В 1877 г. японское правительство провозгласило на Хоккайдо частное землевладение. Эта мера, по мнению многих исследователей, способствовавшая развитию сельского хозяйства и промышленности, вела к окончательному обнищанию туземцев и полной потере ими традиционных рыболовных, охотничьих, собирательских и даже земледельческих угодий. Например, айнам выделяли небольшие участки земли, но они были плохого качества и давались только на правах землепользования, что позволяло их отбирать под разными предлогами [Арутюнов, Щебенков 1992: 84, 86].

К этому времени внутри айнского общества усилилось социальное расслоение: старосты селений оказывались во главе артелей, получая возможность присваивать часть общественного дохода. Как видится, одни быстро богатели, другие, менее предприимчивые, — беднели. При этом родовые владения нередко трансформировались в артельную собственность [Таксами, Косарев 1990: 150].

Видя бедственное положение айнов, многие японские ученые и государственные служащие, такие как Коно Цунэкити, проявляли заботу о сохранении айнского культурного наследия. Во многом

³⁴ Военные поселенцы занимались сельским хозяйством, обучались военному делу, а также выполняли полицейские функции.

благодаря их усилиям к концу XIX в. в рамках просветительской деятельности местного населения при храмах стали открываться школы, где желающих, включая и айнов, учили основам чтения и письма [Левковская 2010: 198; Прокофьев 2006: 12].

В 1890-х годах просвещением айнов занялись миссионеры. Дж. Бэчелор и Натлшип открыли христианские школы в Поробэцу и Хакодатэ. Между тем правительство в 1899 г. издало «Закон о покровительстве аборигенному населению», по которому туземцев начали освобождать от ряда налогов, содействовать их образованию, выделять неимущим средства на продукты первой необходимости, а с 1901 по 1909 г. основало несколько школ упрощенного обучения (история, география и естествознание в их курсах обучения отсутствовали). С 1937 г. айны стали обучаться в общих начальных школах [Арутюнов, Щебенков 1992: 89].

После поражения России в Русско-японской войне 1904–1905 гг. к Японии был присоединен Южный Сахалин. Оказавшихся в распоряжении японских властей айнов в 1921–1923 гг. собрали в селениях восточной (Касиба, Ниитой, Сирохама, Очихо, Тарайка) и западной частей острова (Тарантомари, Тофуцу, Чирай, Райтиси и Усиро). Большинство из них работали на японских рыбных промыслах. После окончания Второй мировой войны их всех, как прежде курильцев, переселили на Хоккайдо [Левин, Дубровина 1969: л. 22; Kindaichi 1941: 10].

Перед тем как покинуть Сахалин, айны приносили свои ценные вещи на родовые кладбища, которые располагались недалеко от селений. Сакральные предметы зарывали под корнями деревьев, прятали в кустах и скрытых местах [Прокофьев 2005: 8].

Лишь немногие айны пожелали остаться на Сахалине и смогли избежать переселения. Так, в 1949 г. в пределах Сахалинской области их насчитывалось около 100 человек. По официальной статистике, еще в 1970-х годах чистокровные представители айнского этноса обитали на острове, но в 1980-х годах последние из них умерли.

В Японии первая половина XX в. ознаменовалась подъемом национального движения — в 1930-х годах на Хоккайдо была создана первая айнская ассоциация. Однако активно отстаивать свои права айны стали лишь в послевоенный период, когда в стране происходили серьезные политические преобразования. При содействии Тири Масихо, Тири Такао и Огава Саносукэ была восстановлена айнская ассоциация, не функционировавшая в военное время,

а ученый Такахаси Макото наладил издательство газеты «Айну симбун». Уже тогда стал обсуждаться вопрос о возвращении айнам их исконной земли и создании айнской автономии [Арутюнов, Щенбеньков 1992: 90, 91].

В 1971 г. ассоциацию «Айну-утари» переименовали в «Утари Хоккайдо», а в 2008 г. — в Айнскую ассоциацию Хоккайдо. Ее деятельность в определенной мере способствовала улучшению благосостояния айнов, их образованию, сохранению и восстановлению самобытной культуры³⁵. Кроме того, около десяти человек объединились в ассоциацию сахалинских айнов «Карафуто айну кёкай». А в 1987 г. айнские представители приняли участие в заседании Организации Объединенных Наций, где были озвучены наиболее насущные их проблемы [Левковская 2010: 198; Спеваковский 2003: 43].

6 июня 2008 г. японский парламент признал айнов самостоятельным национальным меньшинством, то есть, по сути, самостоятельным этносом. Хотя с практической точки зрения это не оказало существенного влияния на их положение, но юридически установило национальное равноправие. Бесспорно, в истории айнского народа этот факт можно считать важнейшей вехой.

³⁵ Ассоциация разработала новый законодательный проект, альтернативный закону 1899 г. В этом документе, в частности, оговаривались права айнов на участие в политической деятельности, а также в области образования и культуры [Спеваковский 2003: 46].

Глава IV

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ АЙНОВ

Рыболовство и морской зверобойный промысел

Наряду с охотой, собирательством и примитивным земледелием первостепенное значение для айнов всегда имело рыболовство. Соответственно основу их питания составляли рыбные блюда. Рыбу обобщенно называли *чеп/цеп* — дословно «то, что мы едим» (*чи-э-нэ*). Иногда говорили просто *инэ*, то есть «еда». Разумеется, у всех пород рыбы были свои обозначения или даже несколько. Сельдь именовали *хэроки* или *эроки*, кильку — *сисиямо*, горбушу — *сак-инэ* [Арутюнов, Щебенков 1992: 128].

Основную ценность для айнов представляла кета, и применительно к ней использовалось много особых слов — в зависимости от сезона, места лова и др. Так, в Тэсио и Соя осенняя кета называлась *чук-чеп* («осенняя рыба»), а в Поробэцу — *чук-инэ* («осенняя еда»). Поздняя кета была известна как *мата-чеп* («зимняя рыба»), кета в море — *атуй-орун-чеп* («кета, находящаяся в море»), в реке — *нет-орун-чеп* («кета, находящаяся в реке») [Там же].

Массовый промысел кеты проводился осенью, но в зависимости от местности у разных групп айнов сроки лова могли различаться. Например, в Ноборибэцу, где много теплых источников, кету промыслили до февраля. В конце осени айны занимались отловом кильки, весной — сельди, летом — горбуши. Кроме этого, круглый год добывали камбалу, бык-рыбу и плотву.

Готовили рыбу для непосредственного употребления или запасов на зиму разными способами: вялили, отваривали, жарили, коптили, замораживали и потом делали строганину. Когда надо было запастись рыбой впрок, ее чаще всего вялили, предварительно прокоптив (рис. 1). На Сахалине, по описаниям Б. О. Пилсудского, копченая и провяленная рыба, преимущественно лососевых пород, была основой питания в течение 7–8 месяцев: с середины сентября

Рис. 1. Заготовка сельди совместными усилиями айнов и японцев.
«Эдзосима кикан», Хата Авакимару (1799–1800). Университет Хоккайдо

по апрель на западном берегу и по май — на восточном [Пилсудский 1907а: 90].

Вяление и копчение осуществлялись на шестах (айнск. *чеп-кума*), специальных полках, располагавшихся в жилище под потолком (айнск. *кумауси*), на вертелах — на солнце или над огнем. Крупную рыбу сначала рубили на несколько кусков, мелкую — потрошили. По мере необходимости их разваривали в супах с использованием растительных добавок и жира [Арутюнов, Щебенков 1992: 170; Пилсудский 1907а: 90].

Тири Масихо в одной из своих работ описал способ вяления сельди. Вначале ее собирали в небольшие связки (по двадцать штук на каждую), после чего связки вешали на шесты (айнск. *хэроки-кума*). Конструкция из шестов собиралась следующим образом: в землю втыкались рогатины, на них помещались три продольных шеста, а поперек шестов располагалось около десяти жердин. К жердинам и подвешивали связки, накидывая их сверху (рис. 2) [Chiri 1973: 171]. Кроме этого, небольшие сушила для рыбы или мяса животных

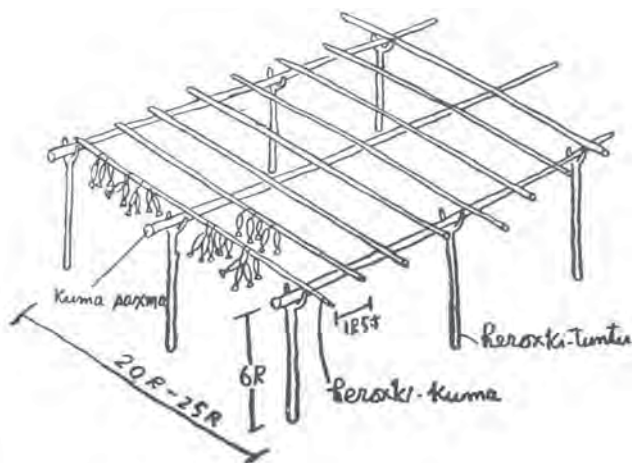

Рис. 2. Сушило для сельди хэроки-кума.
 «Сэйкацуси миндзокугакухэн», Тири Масихо (1973).
 Источник: [Chiri 1973: 171]

могли собираться из двух или трех расположенных в ряд рогатин и одной жердины.

Если погода выдавалась хорошая и дождливых дней было мало, то сельдь оставляли на сушилах в течение пяти–шести недель. После этого рыбу снимали с жердей и переносили в амбары. Горбушу и кету после вяления на открытом воздухе часто не убирали сразу, а развешивали в доме над очагом [Депрерадович 1877: 42].

На Курильских островах рыбные ресурсы рек были невелики. Здесь, как и на Сахалине, получил развитие промысел морской рыбы и ластоногих. Айны добывали меч-рыбу, луну-рыбу, тюленей, сивучей, белух, дельфинов, китов. Все они являлись для них важным источником мяса и жира.

Вообще жир получил у айнов широкое применение. По словам Мамия Риндзо, туземцы Сахалина обильно поливали им всякие блюда, объясняя это тем, что некоторые корни растений содержат ядовитые вещества, а жир нейтрализует их вредное действие на желудок. Когда охота на морского зверя в летний сезон была скудной и запасов жира на зиму не хватало, столь важный продукт выменивали у других племен на сани для собачьих упряжек, топоры, ножи и др. [Описание 1990: 105].

Зимой жир (не только морских, но и сухопутных животных, например медведей) использовался в качестве добавок к высушенной рыбе, а в медицине — как средство от ожогов [Онуки-Тирни 1996, № 2: 62].

Если рыбакам удавалось поймать меч-рыбу или луну-рыбу, то их надрезали, вынимали жир, а в надрез вставляли *инау* — «послаников божествам». После этого рыб с *инау* выбрасывали в море [Левин, Дубровина 1969: л. 29].

Касаток особо почитали и на них не охотились. Касатка считалась одним из главных божеств, посылающим людям китов, — каждого выброшенного на берег кита рассматривали как ее дар [Таксами, Косарев 1990: 176].

Согласно Б.О. Пилсудскому, в тех районах Сахалина, где морской промысел уступал место речному, жир получали из селедки при выварке тука. Он был горьким на вкус, и употребляли его в пищу только из-за нужды [Пилсудский 1907а: 90].

Вот как Э. Онуки-Тирни описала приготовление селедочного жира на северо-западном побережье Южного Сахалина: «Айны клали много сельди в котел и варили ее на улице до тех пор, пока пена не исчезала с поверхности воды. Жир, который всплывал на поверхность, собирали и помещали в деревянную посуду, где он остывал всю ночь. Затем его переливали в специальный сосуд, изготовленный из нерпичьего желудка, и оставляли на зиму... После извлечения жира селедку выбрасывали собакам» [Онуки-Тирни 1996, № 2: 73].

С началом хода лососевых айны всегда устраивали праздник жертвы речным духам (айнск. *пэт-камуй-номи*). Во время этого праздника с помощью гарпуна ловили первую в сезоне рыбу, которую считали «новым духом». Наряду с *инау* и священным напитком пойманную рыбу жертвовали божеству очага, вознося молитву о хорошем улове. Церемония сопровождалась питьем сакэ, песнями и танцами [Спеваковский 1998: 93].

Промысел лососевых, прежде всего кеты, регулировался у айнов особыми правилами. Эти правила, предполагающие обеспечение нормального воспроизводства и сохранности поголовья, относились ко времени и месту промысла, количеству вылова, касались поведения промысловиков по отношению к лососевым рунам в заливе, устье, нижнем течении реки и на ее притоках. Но особо строгими были ограничения, которые относились к местам нерестилищ. Нерестилища кеты даже в разгар лова старались обходить стороной.

Помимо этого, во время икрометания массовый лов запрещался [Косарев 1988: 91; Таксами, Косарев 1990: 172].

Существовали и другие запреты. Например, когда приближалось время хода кеты, в реках прекращали стирать белье. Во время самого хода не допускали попадания в водоем бузины Зибольдта. Нельзя было варить кету вместе с другими рыбами [Арутюнов, Щебенков 1992: 143]. Эти меры в большинстве своем исходили из практических целей, хотя некоторые могли диктоваться чисто религиозными представлениями.

Если в древности лов кеты осуществлялся айнами преимущественно в реках, то со временем получил развитие и морской промысел этой и других пород. Освоение морского рыболовства во многом обусловило широкое распространение сетей (айнск. *ясь-кэп, я*). Эти орудия заняли исключительно важное место: их использовали для ловли не только рыбы, но и тюленей и даже китов (главным образом на Сахалине).

Сети были ручные закидные (айнск. *яросики-я, ясь-пэ*), тральные (айнск. *ясь-я*), ставные (айнск. *цама-я/цамо-я*), из крапивного волокна или лыка падуба Зибольдта (позднее — из японских хлопчатобумажных нитей), с каменными или керамическими грузилами (рис. 3) [Арутюнов, Щебенков 1992: 130; Таксами, Косарев 1990: 172; Batchelor 1926: 552; Кауано 2002: 448]. Как и нивхи, айны вязали

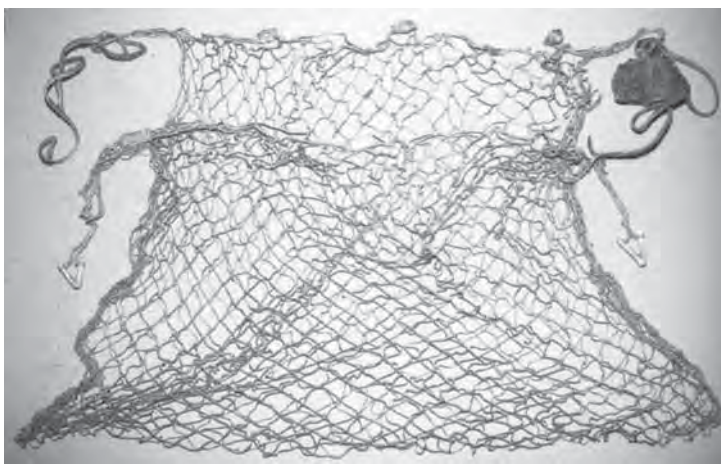

Рис. 3. Сеть айнов Сахалина ставная малая *цамо-я*. МАЭ РАН (№ 829-439).
Источник: [Айнские коллекции 1998: 72]

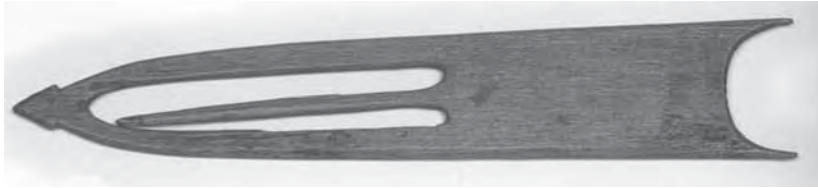

Рис. 4. Деревянная игла для вязания сетей айнов Хоккайдо *анари*.
Муниципальный музей г. Хакодате (№ 444).
Источник: [Baba, Kodama 2000: 108]

их ланцетовидными иглами (деревянными, бамбуковыми, костяными), которые на Хоккайдо назывались *абари* или *анари*, а на Сахалине — *я-кара-кэм* (*я* — сеть, *кара* — делать) (рис. 4) [Добротворский 1975: 474; Kayano 2002: 28].

Закидные невода, как правило, забрасывали с лодок. Размер водоема принципиального значения не имел. Тральный невод удобно было использовать в низовьях рек, на широких местах — рыбаки тянули его за шесты, располагавшиеся с двух сторон, при помощи двух лодок. Лодки чаще всего принадлежали двум семьям. Во время промыслов ими управляли женщины [Таксами, Косарев 1990: 173].

В отличие от закидных и тральных неводов, ставные сети айны применяли в пределах бухты или залива. Их располагали близ берега и добывали главным образом сельдь [Пилсудский 1907а: 93; Таксами, Косарев 1990: 172, 174]. Сети были длинные, до 30 м в длину. Они шивались под руководством вождя из нескольких частей, причем эти части изготавливались каждой семьей в отдельности. Таким образом, готовое изделие представляло собой общинную собственность. В конце XIX в. айны, не имевшие ставных сетей, стали их на время одалживать у японцев [Пилсудский 1907а: 93].

Большими сетями туземцы нередко ловили китов, для этого приходилось выходить в море. Прежде чем вытащить кита сетью, его окружали со всех сторон на лодках и забрасывали гарпунами. Это занятие было очень опасным [Раков, Горбунов 2010: 230].

Иногда при охоте на китов использовались отравленные стрелы. Охотники обстреливали китов с лодок, после чего сразу же отходили на безопасное расстояние. Через определенное время яд начинал действовать, вызывая у животных страшные судороги. В итоге киты выбрасывались на берег [Спеваковский 1988: 42]. Об айнских ядах, которые упоминаются еще в китайских источниках

XIII в., следует сказать подробнее, поскольку их изготовление и применение среди окружающих народов были присущи только айнам.

Широкое распространение у айнов получили яды из корней аконита. Корни измельчались в каменных ступках (айнск. *сурку-кик-сума*), замачивались и ставились в теплое место для брожения. Получалась жидкость, имевшая консистенцию густого сиропа, обычно красновато-коричневого цвета. Сила полученного снадобья проверялась на насекомых. В некоторых случаях, чтобы испытать изготовленный яд, айны помещали на язык или между пальцами очень малую дозу и проверяли, насколько сильное онемение он вызывает.

Согласно источнику «Сангоку цу:ран дзусэцу» (1785) Хаяси Сихэй, аконит толкли в ступках, добавляя красный перец и длинноногих пауков, после чего замешивали получившуюся массу на огне [Щепкин 2011: 144]. Иногда красный перец заменяли табачным соком [Арутюнов, Щебенков 1992: 86].

Курильские айны пользовались также ядом, приготовленным из хвоста ската, а айны Хоккайдо — ядом из вороньего мозга, табачного сока и двух видов насекомых («юсики» и «кромби») [Анучин 1876: 200; Спевиковский 1992: 43].

Несмотря на то что аконитовый яд был очень сильным, при попадании в жертву он действовал не сразу, кроме того, в теле убитого животного быстро разлагался и становился безопасным для людей: они могли без боязни за свое здоровье есть мясо добычи [Омская сенсация 2008: 66]. В некоторых деревнях изготовлением яда обычно занимались лишь несколько стариков, и не потому, что способ его изготовления держался в секрете, а потому что для обращения с этим опасным зельем требовался большой опыт [Hitchcock 1891: 469].

Вернемся к рыболовству. Кроме сетей, айны использовали и другие эффективные средства лова. Для речного промысла кеты и горбуши, например, сооружали специальные запруды (айнск. *тэс*) (рис. 5). Занимались этим, как правило, две-три семьи. По обеим сторонам реки вбивали деревянные сваи. Затем в самой реке, поперек или наискось, устанавливали дополнительные столбы и перекладины. Столбы перевязывали между собой веревками, чтобы их не унесло сильным течением [Takahashi 2001: 28]. Это сооружение дополняли бамбуковыми шестами. Вплотную к запруде ниже по течению айны сооружали один-два помоста. Рыба натывалась на

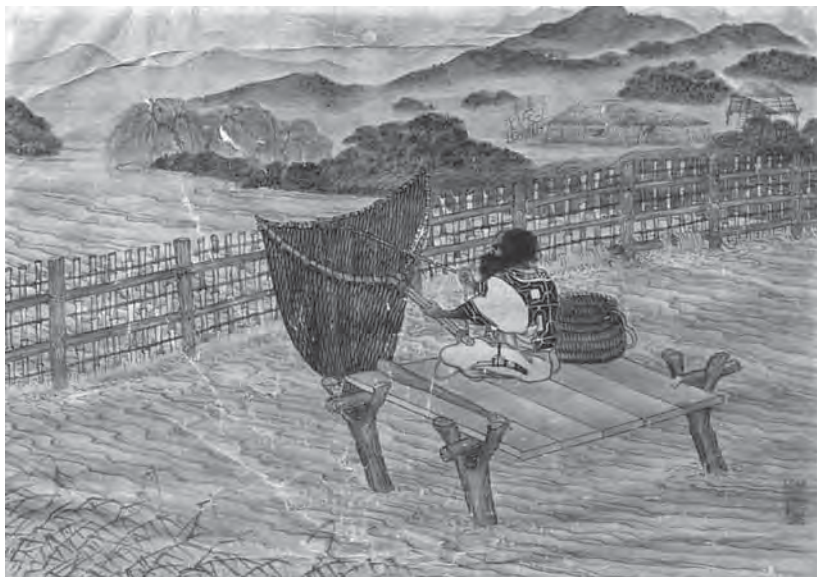

Рис. 5. Лов рыбы с использованием заруды *тэс*. Хирасава Бёдзан (середина XIX в.). Муниципальная библиотека г. Хакодатэ. Источник: [Ainu-no shiki 1999: 58]

заруду и поворачивала назад. В этот момент рыбаки ловили ее с помостов при помощи гарпунов, сетей или сачков. Гарпунами и сетями пользовались мужчины, а сачки могли использовать женщины [Таксами, Косарев 1990: 172].

Поскольку заруда препятствовала рыбе подниматься вверх по реке, то ее сооружение надлежало согласовывать со всеми членами общины. И что особенно важно, для заруд выбирали места, где было несколько протоков или притоков. Кроме того, *тэс* никогда полностью не перегораживал русло реки, один край оставался открытым.

Пойманную рыбу убивали ударом специальной дубинки по голове (рис. 6). При этом, по айнским поверьям, дух рыбы отправлялся в мир предков. После того как рыбу съедали, он должен был возвратиться в мир людей [Кюннер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 25].

Дубинки для битья рыбы (айнск. *исапаккини*) изготавливались из ивы или кизила. Кора снималась, а на конце вырезались тонкие стружки. Необычная форма дубинок объясняется тем, что айны

Рис. 6. Дубинки для битья рыбы *исапаккни* айнов Хоккайдо из памятников Юканбоси С-15 XI–XIII вв. (вверху) и Биби 8 второй половины XVII — середины XVIII в. (в центре), середины XV — второй половины XVII в. (внизу).
Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Источник: [Мориока 2001: 137, 152]

рассматривали их как разновидность *инау* и даже называли иногда *пасюй-кикэ* или *тэп-аик-ра-инау-паки-кий*. По окончании промысла стружки обламывались, и отслужившие орудия выносились на дворовый алтарь. Для следующего сезона лова вырезались новые изделия [Арутюнов, Щебенков 1992: 137; Спесивовский 1988: 108].

Касательно сачков следует отметить, что их удобно было использовать не только на речных запрудах, но и в морском промысле с лодок. Известно, что на Сахалине сачки назывались *тасири* и предназначались для сельди или огуречника.

На лов сельди айны отправлялись вдвоем. Выйдя в море, один рыбак опускал сачок, вытаскивал сельдь, а второй принимал его и освобождал от улова [Арутюнов, Щебенков 1992: 143; Добротворский 1875: 75].

В реках и ручьях рыбу часто добывали при помощи ловушек, называвшихся на Сахалине и Хоккайдо *ураи*. Такого рода ловушки представляли собой V-образную каменную либо деревянную (из кольщиков) запруду, устанавливавшуюся в узкой части водоема, с небольшим отверстием и сетью. Поднимаясь вверх по реке, рыба неизбежно проходила в отверстие и попадала в сеть [Арутюнов, Щебенков 1992: 130; Chiri 2000: 138].

Рядом с *урай* иногда устраивались шалаши (айнск. *урай-кот-тисэ*, *инун-тисэ*), в которых во время сезона лова рыбаки дежурили каждую ночь. В разгар сезона за ночь им удавалось поймать от 20 до 40 рыб [Арутюнов, Щебенков 1992: 135].

Другая разновидность ловушек — плетеная из ивовых прутьев или бамбука верша *раомап* (рис. 7). На одном конце верши прутья сходились вместе, а на другом — образовывали полукруглое входное отверстие, укреплявшееся жгутом соломы. Устанавливали *раомап*

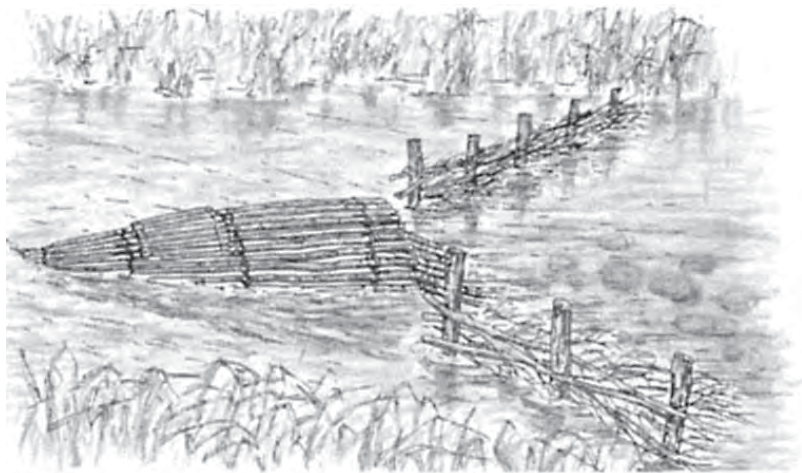

Рис. 7. Верша айнов Хоккайдо *раомап*. Источник: [Deriha 1999: 29]

у стремнины. Сооружали воронкообразную каменную выкладку или преграду из прутьев, в ее узком месте вбивали два кола, а к кольям привязывали вершу. Вошедшая в нее рыба уже не могла вырваться наружу [Арутюнов, Щебенков 1992: 134; Таксами, Косарев 1990: 172; Кауано 2002: 458].

Урай и *раоман* делались и использовались в основном женщинами и играли в рыбном промысле вспомогательную роль.

При ловле рыбы в притоках и мелких реках с быстрым течением чаще всего применялась острога. Острогу знали не только айны, но и японцы, народы Нижнего Амура и Сахалина. Существовало много модификаций этого орудия, но технология использования была единой [Смоляк 1966: 39].

Айны применяли остроги съёмные и наглухо закрепленные на древке. Они могли быть четырехзубыми, трезубыми, двузубыми, однозубыми, с жальцами или крючками. Общее название остроги у айнов Сахалина — *ох/ах*, а у айнов Хоккайдо — *ан* (как и рыболовный крючок). Однако каждая разновидность имела еще и отдельное название.

Двухзубую острогу — *трасума-аскетэс* (*аскетэс* — гребешок) — айны Сахалина использовали для сбора морского гребешка (двухстворчатый моллюск). Ее металлический наконечник крепился на древке при помощи шипа. Зубья снабжались асимметрично расположенными жальцами [Добротворский 1875: 338; Прокофьев 2005: 12]. Айны наносили острогой сильный удар в раковину, пробивали ее и без труда извлекали из воды [Депрерадович 1877: 50].

Трезубой острогой, называвшейся *ясу*, хоккайдские айны добывали трубача — разновидность морской улитки. Эта острога состояла из длинного шеста и привязанных к нему заточенных спиц, расходившихся в стороны под небольшим углом. Примечательно, что по-айнски и по-японски орудие называется одинаково [Batchelor 1926: 552].

Сбор ракушек с помощью *ясу* изобразил на одной из своих картин серии «Жизнь и обычаи айнов» Хирасава Бедзан: на мелководье вблизи деревни два рыбака с лодки накальвают и поднимают добычу на поверхность [Омская сенсация 2008: 56].

Кроме раковин, острогами *ясу* ловили кету. В этом случае на промысел отправлялись два-три рыбака; один из них тревожил затаившуюся на дне рыбу, а другие на некотором удалении поджидали ее и кололи [Арутюнов, Щебенков 1992: 131].

В отличие от хоккайдцев, сахалинские айны трезубыми острогами ловили бык-рыбу и камбалу. Назывались эти остроги *трасуно* (по Ф. М. Депрерадовичу, *тра-сунох*). Кроме этого, использовалась трезубая острога *та-сума* с зубьями в виде деревянных остро заточенных палочек, вставленных в небольшие пазы на древке и обмотанных веревкой. Айны западного побережья применяли ее для ловли морских ежей (МАЭ, колл. № 700-167).

Образцы четырехзубой остроги сохранились в коллекциях Токийского государственного музея. Это орудие бытовало у хоккайдских айнов (рис. 8). Состояло оно из древка и двух вильчатых наконечников в виде буквы «ч», крепившихся к древку при помощи веревок слева и справа. Та часть вилки, которая прилегала к древку, была прямая, другая же — изогнута. Каждая спица снабжалась жальцем [То:кю:kokuritsuhakubutsukan 1992: 208]. Название этой остроги и точное ее назначение не установлены.

Рис. 8. Четырехзубая острога айнов Хоккайдо.
Токийский государственный музей (№ 25767).
Источник: [То:кю:kokuritsuhakubutsukan 1992: 208]

Интересно, что на морской охоте айны наряду с острогами могли использовать копья. На рисунке Кодама Тэйрё «Эдзо-э» из серии «Эдзо кокуфу: дзуэ» (середина XVIII в.) изображены айны, добывающие осьминогов копьями с длинными наконечниками [Karafuto ainu 1996: 6].

Кроме этого, повсеместно получили распространение гарпуны с прямыми съемными наконечниками. На Хоккайдо и Курилах они назывались *китэ* (рис. 9). Гарпун состоял из древка, наконечника в виде острой металлической пластинки на костяной насадке, соединявшегося с древком кожаным ремешком (наконечник мог прикрепляться длинной веревкой прямо к борту лодки), и костяной муфты — соединительного звена между древком и наконечником (рис. 10, 11). Таким приспособлением били крупную рыбу и тюленей [Голубев 1989: 119; Спесваковский 1988: 42].

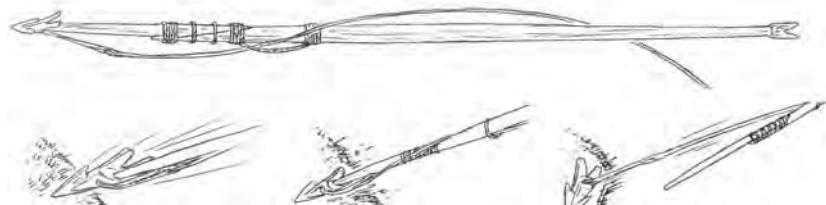

Рис. 9. Способ использования гарпуна *китэ*.
Источник: [Мориока 2001: 122, 123]

Рис. 10. Фрагменты гарпунов *китэ* айнов Хоккайдо из памятника Биби 8 середины XV — середины XVIII в. Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Источник: [Мориока 2001: 122, 123]

Рис. 11. Наконечник гарпуна айнов Хоккайдо *китэ*. Муниципальный музей г. Хакодате (№ 422). Источник: [Baba, Kodama 2000: 108]

Разновидностью *китэ* у хоккайдских айнов было орудие с двумя наконечниками (рис. 12, 13). Наконечники могли насаживаться на вилообразное древко без соединительных муфт либо на прямое древко с двумя расходящимися в стороны муфтами, прочно закрепленными на древке шнуром. При попадании в цель наконечники соскакивали и оставались в теле жертвы — нерпы, кита, большой рыбы, черепахи [Hitchcock 1891: 470; Montandon 1937: 65].

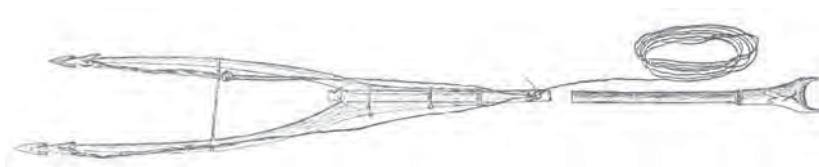

Рис. 12. Гарпун айнов Хоккайдо *китэ* с двойным наконечником.
Источник: [Hitchcock 1891: 470]

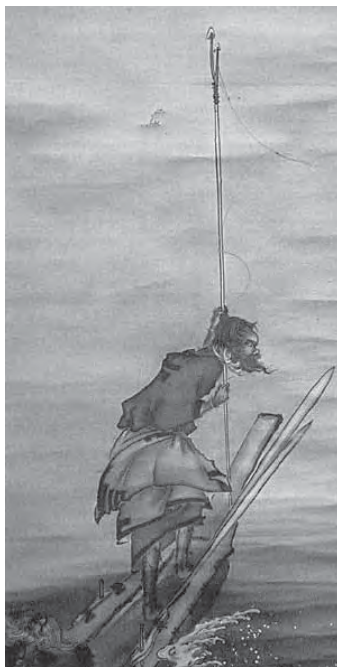

Рис. 13. Айн с гарпуном *китэ*. Фрагмент иллюстрации «Китаэдзо гатё:»,
Судо Канэнори (1857). Муниципальная библиотека Хакодате

Рис. 14. Наконечник гарпуна айнов Сахалина *туна*.
РЭМ (№ 2815-53)

Гарпуны со съёмными наконечниками айнами Сахалина назывались *туна*, *ох* или *опу*. Они состояли из древка (айнск. *ох-нись*), металлического или костяного наконечника (айнск. *китэ*) и кожаного ремня (айнск. *торара*) (рис. 14) [Добротворский 1875: 238; Nishizuru 1942: 65]. Металлический наконечник представлял собой заостренный стержень с двумя-тремя жальцами, расположенными в разных плоскостях, и втулкой для насаживания на древко. Один конец ремня привязывался к отверстию во втулке, а второй прикреплялся к небольшому кольцу на противоположном конце древка. Если острога попадала в цель — нерпу или сивуча, наконечник соскакивал с древка и древко превращалось в поплавок.

Следует отметить, что методы морской охоты с гарпунами у айнов несколько отличались в зависимости от сезона. С начала лета до поздней осени на поверхности моря туземцы устанавливали связанные из стволов деревьев небольшие плоты. Тюлени взбирались на них, а охотники подкрадывались к ним на лодках. В зимнее время тюленей били гарпунами на ледяных лежбищах [Описание 1990: 112].

Кроме *китэ* и *туна*, в рыболовстве айны часто использовали гарпуны с крюками, известные на Хоккайдо под названием *марэк*, а на Сахалине — *марэ*, *мари* или *марэх* (рис. 15). Это было едва ли не самое массовое орудие рыбного промысла, в обращении с которым туземцы добились большого мастерства. За день (или за ночь) в зависимости от умения удавалось поймать им от 10 до 50 рыб [Арутюнов, Щебенков 1992: 132].

Рис. 15. Способ использования гарпуна *марэк*.

Источник: [Morioka 2001: 124]

Применяли *марэк* преимущественно для ловли кеты и горбуши. Такие орудия были большие (*поро-марек*, *сишэ-коики-марэк*) и малые (*пон-марэк*). Состояли они из длинного древка, железного крюка и деревянной соединительной пластины с пазом (рис. 16, 17). Крюк крепился к пластине веревкой и помещался в паз. Попадая в рыбу, крюк поворачивался и вонзался в жертву.

Гарпуны *марэк* бытовали не только у айнов, но и у тунгусо-язычных народов Амура, а также у береговых коряков. Однако ученые склонны рассматривать его исконно айным орудием, заимствованным другими народами.

При помощи *марэк* рыбу ловили с лодки, берега, помоста либо бродя по колено в воде. В последнем случае один рыбак шел по воде, заглядывая под коряги и нащупывая гарпуном рыбу в ямах, а другие помогали ему с берега [Таксами, Косарев 1990: 171; Кюнер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 271. Л. 19]. Интересным способом была ловля с помостов (айнск. *нэт*), состоящих из двух вертикальных столбов с раздвоенным верхом, поперечных бревен, одним концом упирившихся в берег, другим — в столбы, и настилом из поленьев и травы. В настиле делались небольшие отверстия, через которые два-три человека наблюдали за происходящим под водой (для приманки по дну могли тянуть блесну) и при появлении рыбы кололи ее. Использовали при этом *марэк* малых размеров. Иногда над отверстием строили шалаш *ворун-тисэ* [Арутюнов, Щебенков 1992: 137]. Шалаша изготовлялись из трех шестов и покрытия — хвойных ветвей или циновок. В летне-осеннее время их сооружали не только на помостах, но и на берегу реки [Спеваковский 1988: 42; Ainu-no shiki 1999: 97].

Рис. 16. Фрагменты гарпунов *марэж* айнов Хоккайдо из памятника Биби 8 второй половины XVII — середины XVIII в. Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо.
Источник: [Mogioka 2001: 124]

Рис. 17. Гарпун айнов Хоккайдо *марэж*. Муниципальный музей г. Хакодатэ (№ 439). Источник: [Baba, Kodama 2000: 109]

Летом айны нередко практиковали ночной промысел, поскольку в темное время суток рыба более активна. Если ловили с лодки, то одна женщина, стоя на корме, толкала судно шестом, другая на носу держала факел, а мужчина, находившийся в середине лодки, действовал гарпуном [Таксами, Косарев 1990: 171]. Факелы, использовавшиеся для привлечения рыбы, были берестяные или травяные. На Хоккайдо и Сахалине обе разновидности чаще назывались одинаково — *сунэ* (рис. 18). Кроме этого, сахалинские айны факелы могли называть *уустац*, *йова*, *пэнтати* (только берестяные), а камчатские — *кокича* [Добротворский 1875: 106, 141, 383; Пилсудский 2004: 96]. Нередко их ставили вдоль морских и речных берегов, при зимней ловле несколько факелов держали над отверстием во льду [Кюнер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 271. Л. 18].

Рис. 18. Ночной лов рыбы айнами Хоккайдо с берестяным факелом *сунэ*. Хако Сандзин (вторая половина XIX в.). МАЭ РАН (№ 811-27)

Кроме гарпунов, в рыболовстве айны использовали разные удочки — однолесовые и многолесовые (рис. 19). Сахалинские айны называли их *чеп-койки-ах* (*чеп* — рыба; *койки* — «ловить (рыбу, зверей)»), *перай-ах/перай-ап* или кратко *аб/ах*, а айны Хоккайдо — *перай-нит*, *ап-нит*, *перай-ни*, *пэрай-ап*, *тусь-ни* или же *апкот-ни* [Добротворский 1875: 31, 249; Batchelor 1926: 248; Kayano 2002: 300].

Рис. 19. Лов рыбы айном Хоккайдо с удочкой *an-nit*. «Эдзо кокуфу: дзуэ»,
Кодама Тэйрё (вторая половина XVIII в.). Источник:
[Kodama вторая половина XVIII в. URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

Простейшим приспособлением был крюк с лесой *этайе-канки*. Крюки делали из железа, а лесы — из крапивного волокна или луба (рис. 20). Более сложное устройство — орудие в виде короткого удилища (чаще всего деревянная слабоизогнутая палочка), лесы

Рис. 20. Рыболовные крюки айнов Хоккайдо *тукап* из памятника
Биби 8 (вторая половина XVII — середина XVIII в.).
Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей
префектуры Хоккайдо. Источник: [Mogioka 2001: 125]

и оснастки. Оснастка состояла из костяного грузила, крюка, крепившегося к грузилу нитяной обмоткой, а также приманки в виде цветной тряпицы или стеклянного шарика. К удочке иногда дополнительно прилагалась лопаткообразная дощечка с двумя прорезями по краям для наматывания лесы.

Такие орудия на Хоккайдо айны чаще называли *нэрай-ан*, а на Сахалине — *нэрай-ан/нэрай-ах*. Их использовали в зимнем промысле для ловли бычков, камбалы и наваги [Nishizuru 1942: 67]. При этом удочка для камбалы могла называться *кабарю-ан* (*кабарю* — камбала), а для наваги — *канкай-ан* (*канкай* — навага). Аналогичные изделия бытовали у нивхов и ороков.

Рыбу с помощью *нэрай-ан* часто ловили из небольшого шалаша (айнск. *симпуй-мисе*), сооруженного над прорубью [Таксами 1969: 347; Кюнер АИЭ. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 24; Шренк 1899: 218]. Правой рукой рыбак держал удилище, а левой — дощечку. Крючок опускали в прорубь и подергивали вверх-вниз. В тот момент, когда следовало вытянуть из воды улов, лесу подхватывали дощечкой и наматывали на нее (рис. 21). Во время хода рыбы хороший рыбак в течение дня мог поймать от 150 до 200 штук [Депредавич 1877: 50].

Подледным ловом на Сахалине нередко занимались женщины, поскольку мужчины в это время охотились в горах. Рыбалка здесь проводилась с октября по ноябрь и начиная с конца марта. Зимой лед был настолько толстым, что промысел становился невозможен [Онуки-Тирни 1996, № 2: 70].

Кроме *перай-ан*, айны использовали многолесовые удочки с двумя или тремя крюками, крепившимися на коротких лесах к небольшому коромыслу в виде изогнутой ветки либо металлического прута (два по краям и один по центру). В центральной части коромысла закреплялось костяное или каменное грузило, и все это приспособление соединялось бечевкой с короткой дощечкой (рис. 22). Такие удочки были в ходу и на Сахалине, и на Хоккайдо. По описи одной из коллекций Б. О. Пилсудского, хранящейся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, на Сахалине они назывались *цикунаф*. Согласно каталогу Токийского государственного музея, айны Хоккайдо называли их *яматэ* [То:kyo:kokuritsu hakubutsukan 1992: 208].

Камбалу айны ловили также и длинными линиями со множеством крючков (айнск. *хана*) (рис. 23) [Таксами, Косарев 1990: 174]. Подобные устройства знали японцы (яп. *хаэнава*) [Amano 1983: 160].

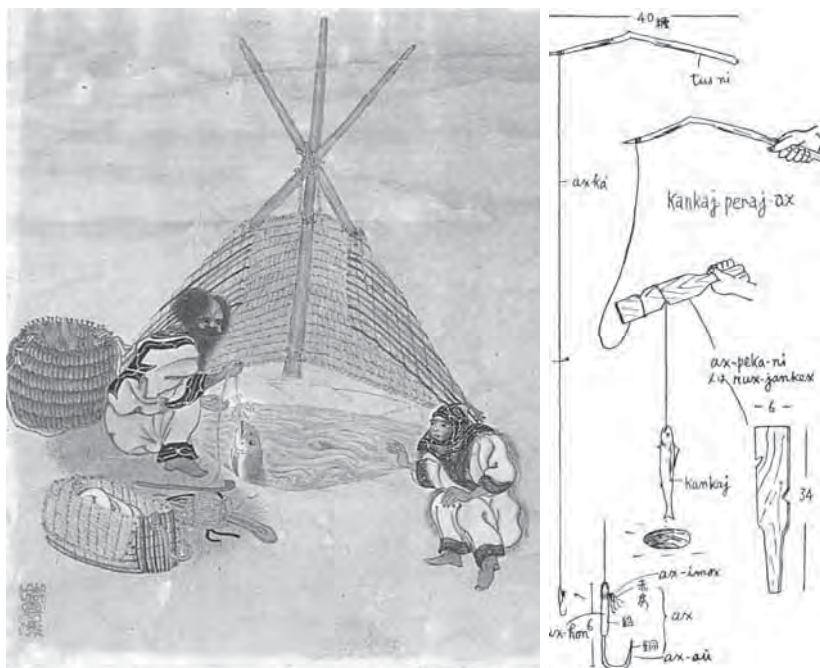

Рис. 21. Подледный лов рыбы. Хирасава Бедзан (середина XIX в.).

Муниципальная библиотека г. Хакодате.

Способ использования *пэрай-ап*. «Сэйкацуси миндзокугакухэн», Тири Масихо (1973). Источник: [Ainu-no shiki 1999: 97; Chiri 1973: 187]

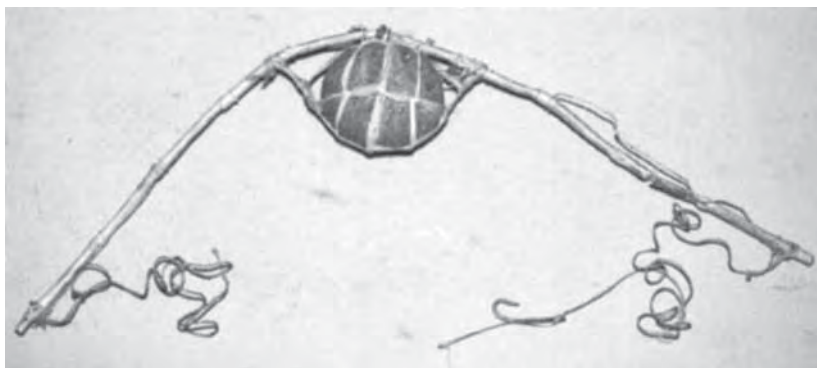

Рис. 22. Многолесовая удочка айнов Хоккайдо *яматэ*.

МАЭ РАН (№ 811-16). Источник: [Айнские коллекции 1998: 66]

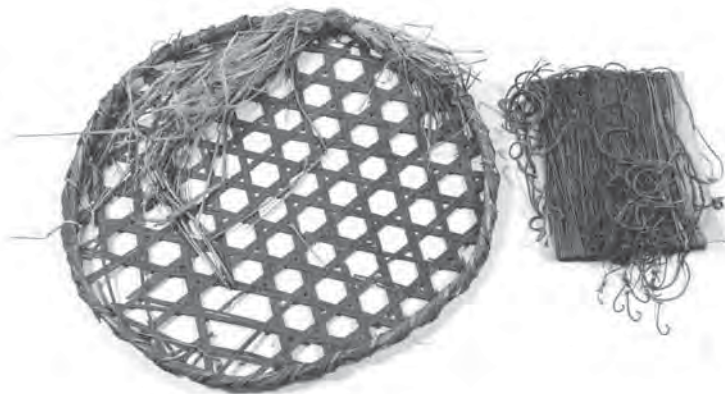

Рис. 23. Перемет айнов Сахалина хана. РЭМ (№ 2815-63)

У айнов Хоккайдо, Сахалина и Курил был известен оригинальный способ добычи лососевых с использованием собак. На берегу моря 20–30 специально обученных животных загоняли на мелководье. Разделившись на две группы, они с двух сторон плыли к берегу. Каждая собака хватала рыбку и приносила ее своему хозяину, от которого тут же получала рыбку голову [Анучин 1876: 86; Кюннер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 271. Л. 18; Спесваковский 1988: 42]. Участникам голландской экспедиции под командованием де Фриса довелось наблюдать такой необычный промысел в одной из рек района Анива [Анучин 1876: 86].

В целом обзор айнских орудий рыболовства, морского зверобойного промысла и сопутствующих атрибутов показал, что большая их часть относилась к типу орудий народов Сахалина и низовьев Амура. Используя различного рода гарпуны, запруды и другие приспособления, айны обеспечивали себя достаточным количеством пищи практически на целый год. Важную роль морской зверь и рыба играли не только в рационе питания туземцев, но и в повседневной жизни. Рыбьими отходами кормили собак, из рыбьей и тюленьей кожи делали одежду, обувь, сумки.

Средства передвижения по воде

Успех почти любого промысла обеспечивают надежные средства передвижения, в частности лодки. Широкое распространение

в айнской культуре получили лодки-долбленки (айнск. *чип/чиб/цип*) и лодки-долбленки с нашитыми бортами (айнск. *итаома-чип*). Первые обладали характерными чертами дзёмонских лодок Японии [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 179]. Они имели заостренные нос и корму и изготовлялись из тополя, ложнотополя Урбана или багрянника японского. Форма днища зависела от глубины водоема. Для мелководья более пригодными были лодки с плоским дном, тогда как для глубоких мест — с округлым [Арутюнов, Шебенков 1992: 145]. Остов выдалбливался из цельного куска дерева, сиденье состояло из отдельных дощечек, которые укладывались довольно низко, у самого дна лодки (рис. 24). Сидений могло и не быть [Депрепачич 1877: 62; Hokkaido: kaitaku 2007: 19].

В работе «Нисиедзо дзукан кон» (вторая половина XIX в., авторство не установлено) сохранился рисунок айнской долбленки с навесом, крытым тростником. На рисунке изображены туземцы Хоккайдо, перевозящие по реке Исикари почетных гостей, судя по всему, японцев [Nishiezo zukan kon XIX в. URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]. Три айна работают веслами, а гости располагаются под навесом.

Строительство лодок было ответственным делом, и каждый этап этого процесса сопровождался особым ритуалом. Например, когда в горах искали подходящее дерево, то просили духа горы оказать помощь и жертвовали ему *инау*. После того как дерево для лодки срубали, *инау* жертвовали его духу.

Рис. 24. Модель долбленной лодки айнов Хоккайдо *чип*.
Государственный этнологический музей Осака (№ К 0001875).
Источник: [Chishima, Karafuto, Hokkaido 2011: 136]

Перед спуском новой лодки-долбленки на воду всегда проводили обряд освещения (айнск. *чипсанкэ*). Во время ритуала, начавшегося у домашнего очага и заканчивающегося у готовой лодки, туземцы произносили молитвы, жертвовали богам *инау* и священный напиток [Спеваковский 1998: 91]. При этом у каждой лодки был свой дух. Айны считали его женским и называли *чип-каткэ-мат* или *нимат-камуй* [Арутюнов, Шебенков 1992: 145].

Хотя простые долбленки были довольно удобным и надежным видом транспорта, в море предпочтение отдавали лодкам с нашитыми дощатыми бортами как более устойчивым. Вообще морской промысел считался настолько опасным, что айны сравнивали его с охотой на медведя [Таксами 1969: 345; Таксами, Косарев 1990: 172]. Борты, нашиваемые на морскую долбленку, изготовлялись из ели, аралии или других пород дерева. С остовом лодки они соединялись при помощи веревок [Hokkaido: kaitaku 2007: 28].

У айнов Хоккайдо такие фальшборты могли сходиться спереди и сзади под острым углом, упираясь в узкие продольные доски, либо оканчиваться широкими досками и образовывать форму «четырёхугольной коробки» (область Нэмуру) (рис. 25). У больших судов на носу, а также на корме иногда ставились дополнительные короткие доски: первые выступали вперед (нередко снабжались декоративными подвесками), а вторые приподнимались. Продольная кормовая доска при этом оформлялась округлым декоративным выступом (область Кусиро).

Рис. 25. Модели долбленых лодок с надставными бортами айнов Хоккайдо *итаома-чип*. Государственный этнологический музей Осака (№ К 0002212, 0001908). Источник: [Chishima, Karafuto, Hokkaido 2011: 136]

Рис. 26. Модель долбленной лодки с надставными бортами айнов Сахалина *итаома-чи*. Государственный этнологический музей Осака (№ OAs03176a-i).

Источник: [Chishima, Karafuto, Hokkaido 2011: 12]

Сахалинские айны под нивхским влиянием часто делали на носу и корме по два козырька. Через поверхность козырьков с каждого конца пропускали под наклоном стойки, служившие для крепления троса или рыболовных снастей. Скамьи одновременно становились и распорками остова; штырьковые уключины (по две или три с каждого борта) привязывались к краям надставных досок веревками, проходящими через специальные отверстия (рис. 26) [Прокофьев, Павлюченко 1995: 247].

Лодки нередко орнаментировались черной краской, при этом орнаментальные мотивы носили антропоморфный характер. Это объясняется тем, что лодка рассматривалась как живое существо: нарисованные спереди глаза должны были предотвратить возможность сбиться с курса и потерять дорогу [Осипова 2008: 52].

Обычай украшать нос и корму лодки получил широкое распространение не только у айнов, но и у нивхов, ольчей, нанайцев. В языке этих народов для каждого элемента декора были даже специальные названия, такие как «носовой части глаз», «кормы глаз», «задней лодочной доски глаз». Узоры могли принимать различную форму: квадратов, кругов, крестов. Встречаются всевозможные розетки и птицы. Наиболее старым, тем не менее, считается круг [Иванов 1935: 68].

Помимо «глаз», на бортах могли изображаться и знаки другого рода. В открытом море айны определяли по ним владельца лодки [Прокофьев, Павлюченко 1995: 247].

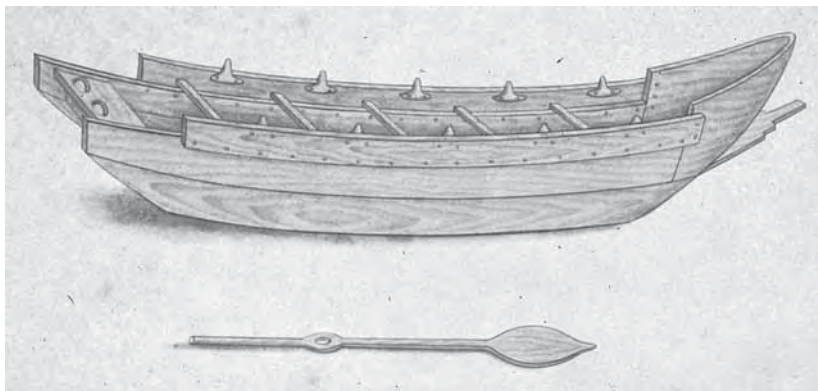

Рис. 27. Дощатая лодка амурского типа *тонтехка*. «Карафуто фу:дзоку дзу», Кавахара Кэйга (1828). Токийский государственный музей

Кроме долбленок, хоккайдские айны использовали шитые из досок лодки, предположительно заимствованные в сравнительно позднее время у японцев. У айнов Сахалина дощатые плоскодонки были амурского типа [Арутюнов, Щебенков 1992: 144; Левин, Дубровина 1969: л. 39; Осипова 2008: 157]. Их покупали или делали сами из довольно тонких досок, при этом покрывали различными украшениями. Называли такие плоскодонки *тонтехка* (рис. 27) [Анучин 1876: 107; Vaba, Kodama 2000: 107].

Наряду с долбленками и дощатыми лодками в ходу у айнов были лодки из древесной коры (айнск. *ят-чин*), которые в одной из своих работ описал Тири Масихо (рис. 28). По его информации, если во время охоты у айнов оказывалось много добычи, охотник снимал с большого дерева кору, складывал ее по краям, связывал

Рис. 28. Модель айнской лодки из коры *ят-чин*.
Источник: [Ainubunkaten 1972: 25]

тесмой, тоже изготовленной из коры, и укреплял ветками. Такие *ят-чип* туземцы в бытность свою использовали на р. Исикари и в других водоемах [Chiri 1973: 38].

Каяно Сигэру отмечал, что материалом часто служила кора амурского пробкового дерева и лодки назывались *яр-чип* [Кауано 2002: 451]. Очевидно, что в зависимости от региона и материал, и названия могли отличаться.

Также Тири Масихо приводит информацию о лодках из кожи животных курильских айнов. В данном случае он ссылается на японский письменный источник Кондо Дзюдзо «Хэньё: бункайдзуко:» (1805), где говорится, что жители о. Ракко *кимохэй* (алеуты?) прибыли на о. Уруп, сделали там свои самобытные лодки, которые местные айны назвали *тонто-чип*. В источнике кратко описывается процесс изготовления: материалом служила кожа морского животного, которую приготавливали наподобие мешка. Внутри помещали деревянный остов, после чего «мешок» закрывали, чтобы вода не попала внутрь. Когда выходили на берег, вынимали каркас, а кожу складывали. Обычно такие лодки предназначались для одного человека. Можно предположить, считает Тири Масихо, что лодки *тонто-чип* представляли собой не что иное, как одноместные каяки эскимосов, использовавшиеся на охоте [Chiri 1973: 39].

Из айнских преданий известно, что, кроме небольших *тонто-чип*, в ходу еще были вместительные кожаные суда *тонто-рокунтэ*. Они, по всей видимости, воспроизводили открытые эскимосские лодки для путешествий.

По поводу айнов Хоккайдо Тири Масихо писал: «Нет прямых доказательств того, использовали хоккайдские айны эти лодки или нет, но в рассказах разных районов острова они упоминаются неоднократно» [Ibid.: 38].

Курильские айны, кроме этого, пользовались обычными долблёнками с надставными бортами, а также дощатыми «наборными» судами, которые там, где не было леса, собирали из наносной хвойной и лиственной древесины (рис. 29).

У «наборных» судов доски пришивались одна к другой китовым усом, пазы проконопачивались мхом и закрывались каждый отдельной рейкой. Кормщик управлял судном длинным веслом стоя, а гребцы работали своими веслами сидя. При попутном ветре ставили четырехугольный парус, сплетенный из травы. Постепенно такие лодки вышли из употребления [Полонский 1871: 383]. Внеш-

Рис. 29. Модели парусных дощатых лодок айнов Курильских островов. МАЭ РАН (№ 809-10, 22). Источник: [Айнские коллекции 1998: 23, 24]

ний вид дощатых лодок айнов Курил зафиксировал Тории Рюдзо (рис. 30). Кроме этого, две модели есть в собраниях Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН. Лодки-модели снабжены рулевыми и гребными веслами, а также мачтами: на одной устанавливались две мачты, а на другой — одна.

Сохранились воспоминания, согласно которым во время путешествий, например когда семья переезжала с острова на остров, «гребли большей частью женщины и молодежь, между тем как ста-

Рис. 30. Парусная дощатая лодка айнов Курильских островов.
Источник: [Тогii 1919: 183]

рый глава начальствовал над каждой лодкой, управляя рулем» [Позднеев 1909, т. 1: 97]. В тумане, при неблагоприятном ветре суда неоднократно уносило далеко в море: «Блуждая в тумане по неделе, курильцы не раз терпели страшные бедствия». При ясном же небе путь назад безошибочно определяли по луне и звездам [Полонский 1871: 383].

Паруса (айнск. *кая/кайя*), так же как и коренные народы Сахалина и низовьев Амура, айны делали из рыбьей кожи, иногда плели из травы (крапивы, камыша). Изделия из травы представляли собой, по сути дела, обыкновенные циновки. Крепились они на одной или двух мачтах (айнск. *кая-ни*) (рис. 31). Лодку с парусом из травы на двух мачтах (айнов Хоккайдо) зарисовал в конце XVIII в. Тани Гэнтан. На рисунке хорошо видно, что мачты представляют собой длинные шесты, установленные на бортах (в средней части) при помощи небольших колец. На Сахалине иногда в вертикальном положении ставили два весла и парус натягивали между ними [Добро-творский 1875: 113, 126; Прокофьев, Павлюченко 1995: 244; Кауано 2002: 201].

Для плавания на долбленках по рекам и мелководным озерам айны использовали шесты (айнск. *тури*), а для плавания по морю — однолопастные весла, называвшиеся на Хоккайдо *ассан*, на Сахалине — *кандзи/канси*, *гониве/хониве* или *эття* (рулевое весло), на Камчатке — *гониве* (рис. 32, 33, 34). Весла у айнов Хоккайдо были узкие,

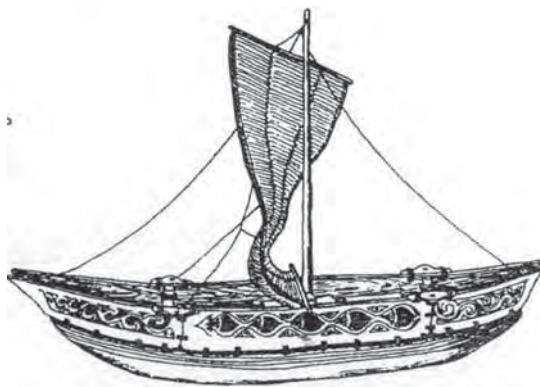

Рис. 31. Лодки с надставными дощатыми бортами и парусами айнов Хоккайдо *итаома-чип*. «Айну гэйдзюцу», Киндаити Кёскэ, Сугияма Суэо (1941–1943) (вверху). «Эдзо сэйкэй дзусэцу», Хата Авакимару, Мураками Тэйсукэ и Мамия Риндзо (1823) (внизу).

Муниципальная библиотека г. Хакодатэ.

Источник: [Прокофьев, Павлюченко 1995: 253; Kozima 2004: 24]

Рис. 32. Весла гребные айнов Хоккайдо из памятника Биби 8 (середина XV — вторая половина XVII в.).

Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Источник: [Morioka 2001: 131]

Рис. 33. Весла кормовые айнов Хоккайдо из памятника Биби 8 второй половины XVII — середины XVIII в. (вверху) и эпохи Сацумон (до X в.) (внизу). Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Источник: [Morioka 2001: 132]

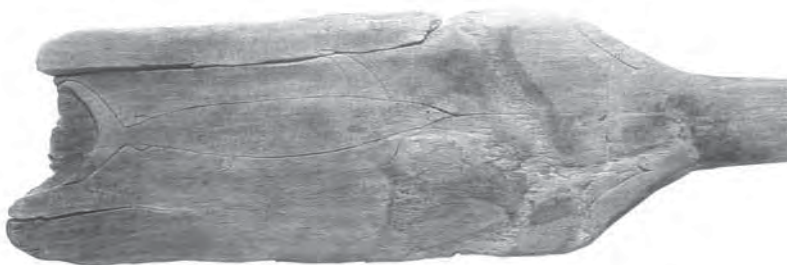
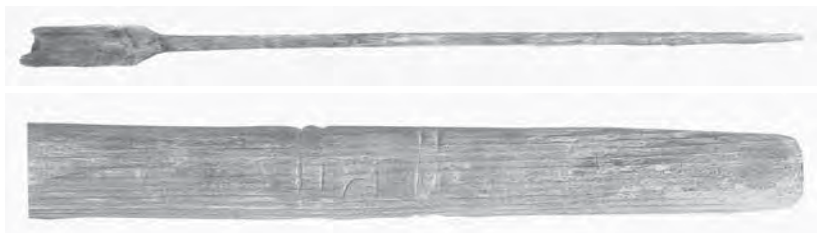

Рис. 34. Весло кормовое айнов Хоккайдо из памятника Биби 8 (вторая половина XVII — середина XVIII в.) с изображениями меч-рыбы и знаков *итокна*. Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Источник: [Morioka 2001: 133]

а у айнов Сахалина — с расширенным лопатообразным концом приамурского типа. Гребными веслами работали попеременно, то на одной, то на другой стороне [Анучин 1876: 201; Прокофьев, Павлюченко 1995: 244].

Если долбленка предназначалась для плавания в море и снабжалась надставными бортами, то гребных весел могло быть два (одно слева и одно справа) либо четыре. Их устанавливали на корме при помощи специальных уключин — штырей из оленьего рога или дерева (рис. 35) [Анучин 1876: 201]. На больших судах, в том числе и дощатых, гребцов и, соответственно, весел было еще больше.

Рис. 35. Деревянное приспособление для крепления весла айнов Хоккайдо из памятника Биби 8 (середина XV — вторая половина XVII в.).

Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Айн, плывущий в лодке. Фрагмент иллюстрации «Китаэдзо гатё», Судо Канэнори (1857). Муниципальная библиотека Хакодатэ.

Источник: [Morioka 2001: 131]

Так, вместительные лодки айнов Хоккайдо могли иметь 7 или 11 весел (одно из них рулевое), примерно столько же — лодки сахалинских айнов, а лодки курильских (в зависимости от размера судна) — от 18 до 22 весел на больших судах или от 4–6 до 8 — на малых [Анучин 1876: 108; Полонский 1871: 383]. К моделям курильских лодок из собраний Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН прилагается 11 весел — по два рулевых и девять гребных (одно из них маленькое, применяемое во время охоты при приближении к зверю, чтобы не производить шума).

Среди обязательных принадлежностей айнских лодок следует назвать ковши для вычерпывания воды *вакка-кэ* или *вакка-кэп* и якоря: на Сахалине — *кайда* или *икари*, на Хоккайдо — *кайтэ* или *кайтэ*, а на Камчатке — *апанни* (рис. 36) [Добротворский 1875: 113; Кауано 2002: 473]. Они неоднократно встречаются в коллекциях различных музеев.

Рис. 36. Ковш для вычерпывания воды из лодки айнов Хоккайдо *вакка-кэ* из памятника Биби 8 (середина XV — вторая половина XVII в.).

Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Источник: [Morioka 2001: 132]

Охота

Хотя охота в жизни айнов играла менее значимую роль, чем рыболовство, однако была отнюдь не второстепенным занятием, а в холодный сезон становилась одним из основных в деятельности мужчин. Женщинам же заниматься охотой категорически запрещалось, поскольку промысел лесных и морских млекопитающих

рассматривался как одна из форм общения с духами. Особенно строгим был этот запрет в отношении наземной охоты. Если в море, например, женщины иногда и выходили на лодках вместе с мужчинами, помогая грести, то в горы, самое священное для айнов место, вход им был воспрещен [Онуки-Тирни 1996, № 2: 63].

Даже мужчины, отправляясь в горные районы, проходили специальный обряд очищения. Если же охотника ранил медведь — наиболее почитаемое животное, то человек, пока не заживала рана, считался духом, и все члены семьи соответствующим образом обращались с ним во время лечения.

На самой охоте существовали особые правила поведения и строгий речевой этикет. Так, охотникам запрещалось петь и играть на музыкальных инструментах, некоторых животных следовало называть только иносказательно [Там же].

Важнейшим источником мяса, а также шкур у айнов был дикий олень (айнск. *юф/юк/юп/юх*). Добыча оленей представляла собой упорядоченный, лимитированный и организованный промысел [Таксами, Косарев 1990: 178]. В структуре питания медвежатина давала меньшую долю мяса, но айны активно занимались и медвежьей охотой, однако к концу XIX — началу XX в. она постепенно пришла в упадок [Там же: 179].

Хотя добыча оленя стояла в охотничьих промыслах на первом месте, олень не почитался так, как медведь. Правда, в местностях, где оленей было мало, отношение к нему становилось иным, и к названию *юк* даже добавлялась частица *камуй*. Особо почитали оленей с ветвистыми рогами, их айны называли *аурики-раусикоро-камуй* и жертвовали им *инау* [Аругюнов, Щебенков 1992: 171].

Айны Курил питались, в ряду прочего, мясом бобров и птиц, а айны Сахалина — мясом мелких пушных зверей и собак [Добро-творский 1875: 35; Спеваковский 1988: 44]. На Хоккайдо собак, хотя и реже, но тоже использовали в пищу: «...сверх того, даже собак нарочно откармливают и, не претерпевая голода, бьют для употребления» [Полонский 1871: 501].

Мясо айны потребляли, приготовленное разными способами. Часто его резали тонкими ломтями, как правило, обваривали и выносили на солнце сушить. Для этого были специальные сушила — *кам-кума*, отличавшиеся от вешал для рыбы. Досушивали мясо над огнем, при этом его еще и коптили. Медвежатина шла в пищу только отваренная, оленину жарили, отваривали, обваривали кипятком,

зимой иногда ели свежей. В пищу шли также внутренние органы животных (печень, легкие, желудок, почки и пр.), свежая кровь [Арутюнов, Шебенъков 1992: 171].

Отметим, что, занимаясь приготовлением пищи, айны старались не смешивать ингредиенты, при этом «не только мясо, рыбу и растения (кроме трав) готовили отдельно, но и каждую часть животного следовало готовить как отдельное блюдо» [Онуки-Тирни 1996, № 2: 95]. Особенно строго соблюдался запрет не смешивать с другими продуктами мясо медведя.

Кроме мяса, охота приносила и пушнину. Пушной промысел издревле считался у айнов чисто потребительским занятием, добытые меха использовались лишь в натуральном хозяйстве. Лишь с недавних времен ввиду усиления обменных контактов с соседними народами, прежде всего японцами, маньчжурами, китайцами и русскими, торговля пушниной и шкурами ряда животных стала весьма важной в экономике туземцев.

Ради пушнины айны охотились на соболя, кабаргу, лисицу, выдру, куницу, зайца, енотовидную собаку. Для курильцев основным продуктом меновой торговли были шкуры лисиц и морских бобров, которых тогда называли каланами [Полонский 1871: 380]. Кроме того, важную статью торговли представляли шкуры медведя, хоккайдского и северного оленя, ластоногих.

Подготовкой шкур для торговли, как и для использования в хозяйстве и быту, всегда занимались женщины. Шкуры натягивали на деревянные рамы, мыли их с обеих сторон, изнутри скоблили специальным ножом и терли мочалкой, изготовленной из корней ивы [Онуки-Тирни 1996, № 2: 62]. Это было крайне трудоемкое занятие.

Охотничий сезон у айнов начинался в октябре и продолжался вплоть до весны. Охотились группами из трех-четырёх человек. Согласно Мамия Риндзо, охотники надолго уходили в горы, имея при себе лишь запас вяленой рыбы, рассчитанный на два дня. Дальнейшее пропитание следовало добывать в пути. Случалось, что начало охоты было не очень удачным «...и тогда охотникам приходилось 3–4 дня обходиться совсем без пищи» [Описание 1990: 112].

Основное охотничье орудие у айнов — лук (айнск. *ку*). Археологические находки свидетельствуют о том, что на Японских островах луки широко использовались уже в эпоху неолита. С тех времен они наряду с копьями играли в охоте такую же важную роль, как и у айнов.

В письменных источниках айнские луки впервые упоминаются в китайских летописях в XIII–XIV вв. Они сообщают, что *ку-и* (айны) имели луки и стрелы из дерева длиной в *чи* с лишним; наконецники стрел покрывали ядом [История династии 2003. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/>]. В более раннем источнике «Синь Тан шу» (1060), где речь идет об *эмиси*, указывается на превосходное искусство стрельбы предков айнов: «...в [причесах] носили короткие стрелы, били из лука без промаха в тыкву, поставленную на голову человеку, стоящему в нескольких десятках шагов» (перевод И. А. Алимова) [Xin Tang Shu 1986: 6208].

Позже сведения о луках у айнов письменно зафиксировали японцы. Согласно источнику «Эдзоданхикки» (1710), который составил служащий бакуфу Мацумия Кандзан, а также записям Мацумаэ Хиронага «Мацумаэси» (1781), они изготовлялись из тиса и были короткими (длиной до 3 сяку и 4,5 сун (около 1 м)). Фурукава Косёкэн в «То:ю:дзакки» (1788) описал процесс их изготовления. Заготовку из тиса айны вначале вымачивали, погружая в воду, а затем подвешивали над огнем и сушили. После этой процедуры лук не портился, даже если на него попадала вода [URL: <http://www.yasei.com/ainutotorikabuto.html>].

Описания луков айнов Хоккайдо японцами в XVIII в. в общем подтверждаются археологическими находками и этнографическими источниками (рис. 37). Можно лишь уточнить, что были луки короткие (около 60 см) и длинные (около 110–120 см), а материалом служил не только тис, но и бересклет (чаще на Сахалине), лиственница, ель, ольха и ясень. Тетива скручивалась из волокон крапивы бульбоносой, бересклета (целаструса), конопли, при этом лучшими

Рис. 37. Лук айнов Хокайдо *ку* из памятника Биби 8 середины XV — конца XVII в. (вверху). Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хокайдо. Лук айнов Хокайдо *ку* из памятника Мияносава конца XVI — начала XVII в. (внизу). Комитет по образованию г. Каминокунни. Источник: [Matsuzaki 2001: 83; Morioka 2001: 127]

Рис. 38. Лук *ку* и стрелы *ай* айнов Хоккайдо.
Источник: [Омская сенсация 2008: 66]

Рис. 39. Айны Хоккайдо, использующие лук на охоте.
Фрагмент акварели Хирасава Бёдзан (середина XIX в.).
Источник: [Омская сенсация 2008: 43]

считались первые два (рис. 38, 39). Согласно коллекционным описям Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, тетива из волокна крапивы называлась на Сахалине *тука*, а «крученая тетива из луба» на Хоккайдо — *ку-ка* [Nishizuru 1942: 62].

Как на Сахалине, так и на Хоккайдо поверхность луков для прочности часто обматывали корой сакуры, такие орудия называли *каримпа-ун-ку* (*каримпа* — сакура), либо берестой [Арутюнов, Щербеньков 1992: 146; Кауано 2002: 203]. Иногда обмотку остова делали из корней.

Вероятно, использование яда аконита не стимулировало развития орудий охоты, и айны не приступили к созданию больших луков, обладающих значительной убойной силой. Хотя у сахалинских айнов иногда и встречались крупные луки (почти в рост человека), идентичные нивхским и орокским, повсеместного распространения они не получили [Таксами, Косарев 1990: 177].

От сахалинских и амурских нивхов к айнам попадали луки с костяными накладками. Если простые луки назывались *ку* или *чеат-ку* (*чеат* — ручной), то костяные — *пони-ку* (*пони* — кость) [Кюнер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 271. Л. 21].

Значительный интерес представляют айнские стрелы: на Хоккайдо и Сахалине их называли *ай*, на Курилах — *ай*, *ахи*, а на Камчатке — *айг* (рис. 40) [Добротворский 1875: 31; Позднеев 1909, т. 1: 52]. Стрелы снабжались костяными, каменными, железными и бамбуковыми наконечниками. Костяные и каменные — самые древние из них. На островах Японского архипелага они встречаются в эпоху неолита [Utagawa 1992: 229]. Наиболее же широкое распространение получили наконечники из расщепленных и обточенных стеблей бамбука. Эти изделия стали отличительной чертой, выделяющей айнов среди соседних народов.

Бамбуковые наконечники помечались знаком владельца стрелы и смазывались ядом аконита [Кюнер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8.

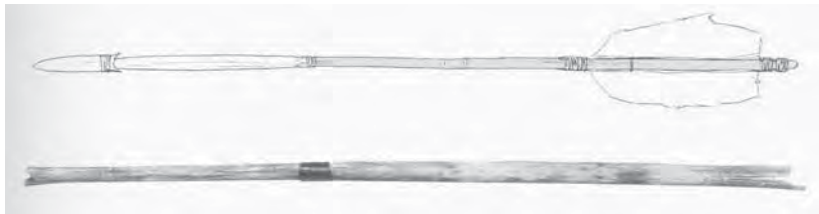

Рис. 40. Стрела айнов Хоккайдо *ай* и древко стрелы из памятника Биби 8 (вторая половина XVII в. — первая половина XVIII в.). Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Источник: [Morioka 2001: 127]

Рис. 41. Деревянные муфты стрел айнов Хоккайдо из памятника Биби 8 второй половины XVII — середины XVIII в. (вверху) и середины XV — второй половины XVII в. (внизу).
Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Источник: [Mogioka 2001: 126]

Оп. 1. № 271. Л. 11]. С древком они соединялись при помощи костяной, роговой или деревянной муфты (рис. 41).

Существует мнение, что айны Сахалина отравленные стрелы не использовали, однако известный исследователь айнов Тири Масихо это опровергает. Ученый пишет, что, по словам одного старика из деревни Ниитой, еще до того времени, когда был жив его дед, айны всюду занимались изготовлением яда и смазывали им наконечники стрел. Впоследствии, когда (на Сахалин) стали ввозиться охотничьи ружья, надобность в отравленных стрелах отпала. Хотя стрелы продолжали использоваться и дальше, их уже не смазывали ядом [Chiri 1973: 199].

Древко айнской стрелы, как правило, изготавливалось из бамбука, пихты (японской, сахалинской), лиственницы, а на Курильских островах — из камыша. Оканчивалась стрела оперением из трех орлиных, реже вороньих перьев [Арутюнов, Щебенков 1992: 146; Полевой 1995: 153; Nishizuru 1942: 64]. Их прикрепляли к основанию древка клеем, изготовленным из рыбьей кожи, и крапивным волокном [Онуки-Тирни 1996, № 2: 61].

Металлические наконечники в основном были двух типов: треугольной формы — собственного производства, а также многоугольные, с зубцами и насечками нивхского типа — импортные (рис. 42). Изредка применялись и наконечники овальной формы [Utagawa 1992: 353]. Вообще же форма костяных наконечников обуславливалась тем материалом, из которого их изготавливали. На Курильских островах, например, в ходу были стрелы с наконечниками из китовой кости, соединительная муфта и острие у которых составляли одно целое. Назывались такие изделия *ainu* [Позднеев

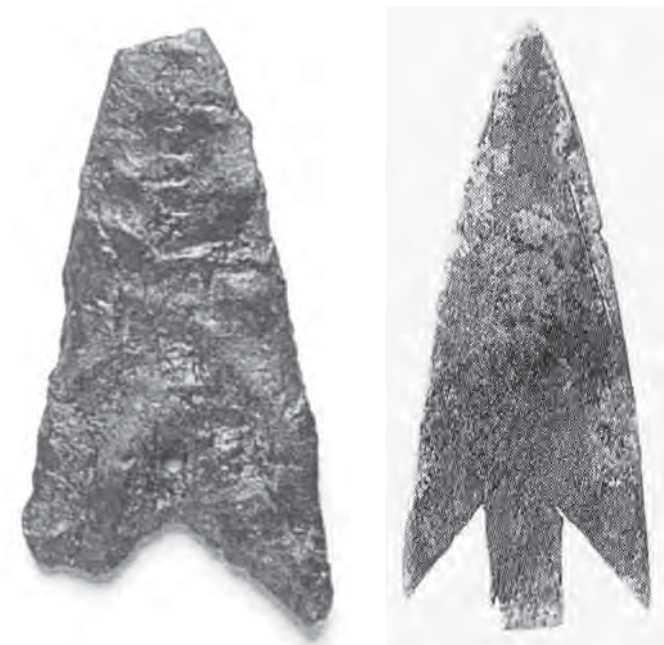

Рис. 42. Железный наконечник стрелы айнов Хоккайдо из *тяси* Поромой периода Средние века — Новое время (слева). Комитет по образованию г. Биратори. Медный наконечник стрелы айнов Хоккайдо из памятника Биби 8 конца XVII — середины XVIII в. (справа). Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Источник: [Morioka 2001: 101, 122]

1909, т. 1: 52]. На Хоккайдо аналогичные наконечники изготавливались из кости оленя и были известны под названием *маканит* [Hitchcock 1891: 498].

Относительно каменных наконечников информации сохранилось мало. Известно, что хоккайдские айны делали их из черной яшмы и, так же как бамбуковые, смазывали ядом [Кондратенко, Прокофьев 2005: 255; Кюннер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 271. Л. 17]. На Курильских островах материалом служил агат. Назывались наконечники из агата *анзи-ай*. Они были в ходу даже в XIX в. [Позднеев 1909, т. 1: 52; Полонский 1871: 380; Таксами, Косарев 1990: 132].

Для хранения стрел айны использовали деревянные колчаны в виде трубки или плоского футляра, напоминавшие нивхские,

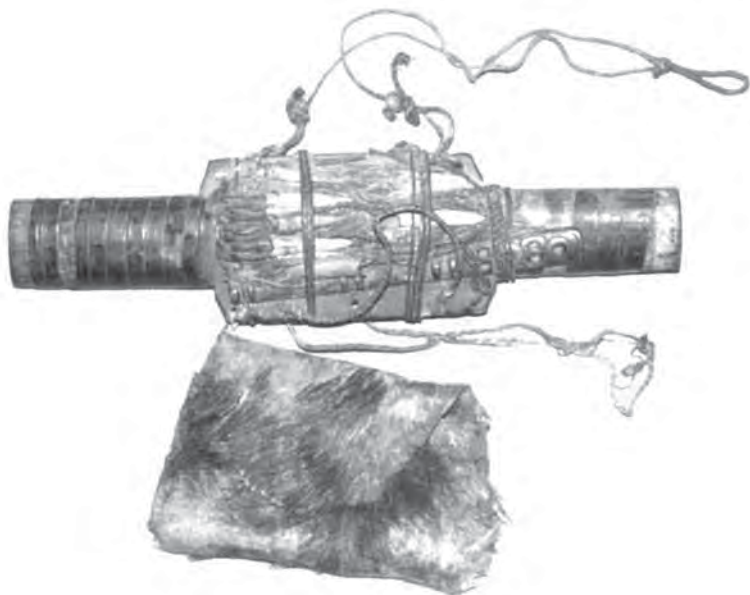

Рис. 43. Деревянный колчан айнов Хоккайдо *икаён*. МАЭ РАН (№ 811-12).
Источник: [Айнские коллекции 1998: 25]

Рис. 44. Колчан из кожи животного айнов Сахалина *икаюх*. Источник:
[Karafuto ainu minzokushi 2004: 61]

а также колчаны, свернутые из куска кожи (рис. 43, 44) [Шренк 1899: 247]. На языке айнов Хоккайдо они назывались *икаён*, у айнов Сахалина — *икаюп/икаюф/икаюх*.

Деревянные колчаны получили распространение повсеместно. Их изготовляли из ивы и часто покрывали корой сакуры. По центру размещали специальное крепление для перевязи. Характерным отличием продукции курильских айнов были скрепляющие полосы, которые нередко делались из китового уса. Кожаные колчаны бытовали в основном у айнов Сахалина. Кусок кожи сворачивался в виде трубки и перетягивался ремнями [Karafuto ainu minzokishi 2004: 61].

Айны носили колчаны различными способами. По словам де Фриса, они подвешивали их перевязью к голове так, чтобы те свисали на правую сторону. Между тем Хирасава Бёдзан на картине «Айнукумагари-но дзо» изобразил ношение колчанов при помощи налобной лямки за спиной. На этом же полотне можно видеть айнов, у которых колчан перекинут на ляжке через левое плечо и располагается у пояса справа, и айнов с колчаном по левую сторону [Uchida 2004a: 86]. Очевидно, жестко регламентированного способа ношения не было.

Помимо колчанов, использовавшихся в повседневной жизни, имелись специальные ритуальные изделия, выставлявшиеся напоказ во время праздников. Это были плоские футляры, широкие или узкие, украшавшиеся резьбой и металлическими накладками (рис. 45). Такие колчаны айны часто помещали на алтари [Baba, Kodama 2000: 31].

Рис. 45. Деревянный колчан айнов Хоккайдо *икаёп* церемониальный. МАЭ РАН (№ 839-34). Источник: [Айнские коллекции 1998: 80]

Рис. 46. Охота на медведя айнов Хоккайдо. Хирасава Бедзан (середина XIX в.). Муниципальный музей г. Хакодате.
Источник: [Ainu-no shiki 1999: 84]

Самый древний айнский колчан (фрагмент) найден на Хоккайдо в местности Ацума (памятник Оникисибэ-2, погребение № 3). Он датируется первой половиной XIV в. На этом колчане сохранились круглые металлические накладки. Декоративное убранство в виде накладок практически идентично украшению колчана из собраний Музея айнской культуры Нибутани [Inui 2011: 65].

Лук, стрелы, колчан составляли универсальный охотничий набор, необходимый наряду с самострелами и копьями в охоте на оленей и медведей (рис. 46).

На медвежью охоту отправлялись осенью или ранней весной. Айны хорошо знали постоянные места зимовок медведей, поэтому берлоги распределяли на правах личного либо артельного пользования. Медведей подстерегали прямо у берлог, а в случае «незапланированной встречи» с животным вступали с ним в борьбу открыто, один на один (рис. 47).

Первый из двух способов был самым распространенным — охотники выходили к берлоге, сооружали перед выходом частокол (иногда устраивали завал из бревен) и, расшевелив спящее животное, побуждали его выйти наружу. Как только медведь появлялся,

Рис. 47. Поединок с медведем. «Сирибэси нисси»,
Мацуура Такэсиро (1859).

Источник: [Matsuura (1859) URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

в него стреляли из лука. Если это была медведица с потомством, медвежат отлавливали и, связав и закутав, доставляли в селение [Арутюнов, Щebenъков 1992: 86; Таксами, Косарев 1990: 179].

Более опасной считалась индивидуальная охота, которую в свое время описал японский путешественник Мацуура Такэсиро в «Кинсэй эдзодзимбуцуси». По его описанию, в верховьях реки Исикари жила айнская семья: Буяситоки с женой Итияэуэн, их сын, тоже с женой, и слепая мать. Буяситоки любил охоту и в свободное от работы на торговых местах время промышлял медведей и оленей. Часто он блуждал по окрестностям, ночевал в разных местах и, если обнаруживал след животного, никогда не возвращался с пустыми руками.

Как-то раз, отправившись на гору Тикубэси, Буяситоки заметил медведицу, играющую с медвежонком. Он выпустил стрелу и точно попал в нее. Яд подействовал не сразу, и медведица от боли стала метаться из стороны в сторону. Когда Буяситоки собрался выпустить вторую стрелу, появился медведь. Охотник выстрелил и в него, но задел лишь спину. Пока Буяситоки натягивал тетиву лука, медведь вцепился ему зубами в правую руку. Не в силах вырваться, охотник обнажил левой рукой нож *тасиро* и отсек

руку, после чего ударил медведя ножом в голову. Подоспели три охотничьи собаки и набросились на медведя сзади. Медведь, не выпуская из зубов руку Буяситоки, рухнул на снег. Пока длилась схватка, медведица, пробежав около 300 метров, упала бездыханной под воздействием яда. Буяситоки неспешно подошел к медведице, содрал с нее шкуру, мясо отдал собакам и со шкурой возвратился домой. После этого случая он продолжал охотиться и стрелял из лука одной рукой при помощи колена. Когда же плывал на лодке, то обращался с веслом одной рукой так же умело, как и обычный человек [Matsuura 1981: 109–112].

По слова Мамия Риндзо, яд, который в медвежьей охоте применялся айнами Сахалина, не обладал такой смертоносной силой, как на Хоккайдо. Одной отравленной стрелой редко удавалось убить животное, поэтому обычно выпускали несколько стрел. Случалось, писал исследователь, что охотник выпускал все имеющиеся у него стрелы, и все же добывать медведя ему приходилось копьем. Но если не удавалось и это, охотник оказывался один на один с разъяренным раненым зверем [Описание 1990: 112].

Иногда сахалинцы прибегали к хитрости. По преданиям, когда медведь нападал на безоружного, тот притворялся мертвым и не шевелился даже в том случае, если медведь кусался. Видя, что жертва не шевелится, зверь тотчас уходил [Добротворский 1875: 82].

Одной из особенностей промысловой деятельности курильских айнов, в отличие от айнов других регионов, была охота на морских бобров (каланов), где также применялись луки. Согласно А. С. Полонскому, «бобров гоняли байдарами и утомленных убивали стрелами» [Полонский 1871: 380]. Впрочем, поскольку в жизненном укладе курильских айнов наземная охота не имела первостепенного значения, и луки играли второстепенную роль. Они были брошены, как только прекратились междоусобные войны с соседями, вместо «неудобных орудий охоты и промысла» получили распространение ружья [Там же: 383].

Относительно ружей известно, что айны стали их использовать с конца XIX — начала XX в. Поставщиками становились японские и русские купцы [Кюнер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 26]. К применению огнестрельного оружия туземцы переходили медленно. Одной из причин было то, что им сбывали старую продукцию, которая была очень ненадежна. Кроме этого, и цена часто оказывалась грабительской. Так, в Тихменевске торговцы выписы-

вали айнам винчестеры по ценам, в три-пять раз превышающим реальные [Таксами, Косарев 1990: 121; Amano 1983: 152].

Сахалинские айны, которым удавалось заполучить ружья, иногда использовали их как самострелы. Охотник протягивал веревку через медвежью тропу, один ее конец привязывал к дереву или столбу, а другой — к спусковому крючку ружья, закрепленного на уровне туловища животного [Kasai 1943: 46]. Как только медведь задевал веревку, звучал выстрел. Выстрел производился с близкого расстояния, поэтому шансов выжить у животного фактически не было.

Разного рода самострелы и ловушки были у айнов и среди традиционных орудий охоты. Конструктивно они мало отличались от орудий сибирских народов [Kikuchi 1999: 100].

В оленьей и медвежьей охоте, а также на промыслах мелкой дичи (выдры, соболей, лис) нередко применялся самострел с луком [Таксами, Косарев 1990: 177]. У айнов Хоккайдо такие устройства назывались *амаку*, *аманно*, *тяма-ку*, *тиари-ку*, *куама-ку*, *куари-ку* или *куари*, а у айнов Сахалина — *юруку*¹ [Batchelor 1926: 65; Nishizuru 1942: 64]. Использовали их и курильские айны.

Обычно самострелы располагались в горизонтальном положении (рис. 48). Они срабатывали в тот момент, когда животное задевало бечеву, прикрепленную одним концом к спусковому механизму, а другим — к дереву. Исключение составляли самострелы для охоты на выдру, крепившиеся к дереву (выступавшему над водой) в вертикальном положении (рис. 49). Спусковой механизм соединялся бечевой с приманкой [Mamiya 1943: 56].

Стрелы для самострелов отличались от обычных. Они были полностью деревянными и рассчитаны на выстрел с близкого расстояния, поэтому не имели оперения. Наконечники смазывались ядом. Чтобы яд не смывался дождем, стрела вставлялась в специальную берестяную трубку [Спеваковский 1992: 133].

Хранили стрелы к самострелу в специальных колчанах. В собраниях Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН имеется деревянный орнаментированный колчан *понукту* айнов Курил. В описи указано, что он прикрывался птичьей шкуркой, в которую завязывался кусочек яда.

¹ Часто наименования орудий лова зависели от того, на кого охотились. Самострелы на соболя, в частности, сахалинские айны называли *хойну-юру* (*хойну* — соболю), на выдру — *эсаман-юру* (*эсаман* — выдра).

Рис. 48. Самострел с луком айнов Хоккайдо *аматто*. «Эдзосима кикан», Хага Авакимару (1799–1800). Университет Хоккайдо

Рис. 49. Ловушка на выдр айнов Сахалина *эсаман-юру*. «Китаэдзо дзусэцу», Мамия Риндзо, Мураками Тэйсукэ (1810). Источник: [Uchida 2004b: 116]

Поскольку замаскированные самострелы представляли серьезную опасность для человека, вождь конкретной локальной общины был обязан знать, где промышляют его люди. Места установки самострелов строго регламентировались. Отправляясь на охоту, каждый докладывал вождю, куда именно он идет, и не отклонялся от намеченного маршрута [Таксами, Косарев 1999: 185].

Во время охоты на оленей айны нередко сооружали изгородь с несколькими проходами и самострелы устанавливали около них. Изгородь (айнск. *кутеки*) могла достигать в длину нескольких километров. Она принадлежала либо одной семье, либо нескольким, объединившимся в артель.

Случалось, что вблизи родной деревни оленей не было. Тогда охотники поселялись на специальных, закрепленных за ними промысловых участках в охотничьих домиках *ираманте-тисе* [Там же: 178]. Для приманки животных использовали манки *и-напкэ-ни*, которые были двух видов: деревянные (Т-образные) и костяные (в виде короткой флейты) [Горбачёва, Карапетова 2007: 46].

Кроме самострелов, немаловажную роль в промысловой деятельности айнов играли ловушки давящего типа. На Хоккайдо одно из таких приспособлений, применявшееся для добычи куниц, делалось при помощи небольшого щитка из прутьев и камня (айнск. *хойну-ак-нэ*) (рис. 50). Один конец щитка помещался на земле, а другой приподнимался над ее поверхностью, удерживаемый специальным предохранителем. Приманку соединяли нитью с предохранителем и просовывали под щиток, а сверху клали камень.

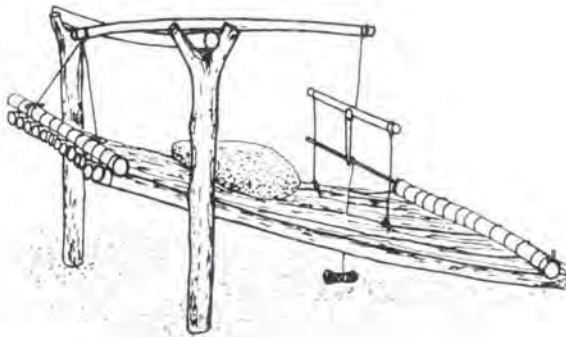

Рис. 50. Ловушка на куниц айнов Хоккайдо *хойну-ак-нэ*.

Источник: [Кауано 2002: 406]

У айнов Сахалина устройство таких ловушек было несколько другим и относилось к нивхскому типу. Рядом с дуплом на некотором расстоянии от земли ставили подпорку со «штангой», один конец которой мог свободно двигаться вверх-вниз (напротив дупла). Под дуплом прикрепляли короткую перекладину, на которую «штанга» опиралась. В рабочем положении «штанга» приподнималась над дуплом и соединялась с предохранительной планкой, которая, в свою очередь, соединялась с приманкой. Сверху же в наклонном положении на «штангу» помещали два бревна (айнск. *хойну-эчоро (нисуй)*) [Добротворский 1875: 80, 111].

Давящие устройства, описанные выше, действовали за счет падения щитка с камнем или «штанги» с бревном на жертву, когда та пыталась схватить приманку. Тяжесть придавливала и убивала зверя или же, как минимум, не давала освободиться и спастись.

У сахалинских и хоккайдских айнов были еще давяльные ловушки на куниц, соболей, колонков и некоторых более крупных пушных животных, приводившиеся в действие луком (айнск. *ак*) (рис. 51). Лук крепился в вертикальном положении на специальных подпорках, тетива соединялась с планкой в виде перевернутой бук-

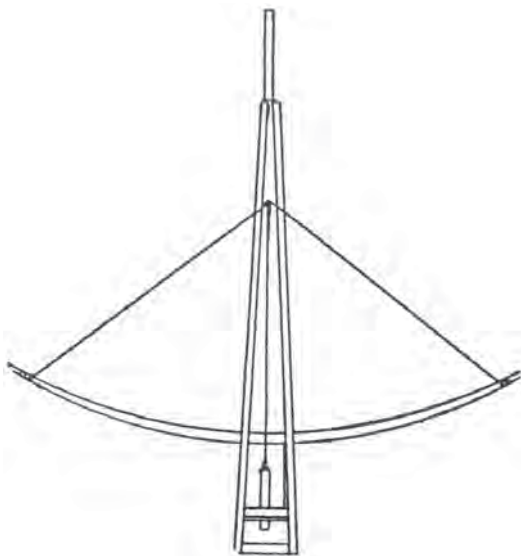

Рис. 51. Ловушка на куниц айнов Сахалина *ак*.
Источник: [Montadon 1937: 17]

вы «Т». В основании подпорок, около самой земли или на небольшом расстоянии от нее, размещалась горизонтальная переключина — на нее приходился удар. Т-образная планка удерживалась во взведенном положении предохранительным крючком, а крюк соединялся с приманкой. Как правило, ловушку хорошо маскировали валежником, оставляя открытым лишь отверстие, где находилась приманка. Когда животное просовывало туда голову, планка защемляла шею [Айнские коллекции 1998: 87; Куу:takushokukan shozo: 2003: 5; Норпо: minzoku 1990: 42; Utagawa 1996: 31; URL: <http://repository.dl.itc.u-tokyo.ac.jp/>].

Иногда такие ловушки айны ставили на следах енотовидной собаки, зайца, лисицы и даже волка. Горизонтальная переключина у них располагалась на расстоянии от земли, от нее к спусковому крючку, удерживавшему лук в натянутом положении, шла бечева. Стоило животному задеть лапой бечеву, как ее придавливало. Лук был довольно тугий, и жертва не могла вырваться. А чтобы животное не ушло вместе с ловушкой, ее привязывали к ближайшему дереву [Utagawa 1996: 31 URL: <http://repository.dl.itc.u-tokyo.ac.jp/>].

Похожие приспособления айны Хоккайдо и Сахалина использовали для ловли крыс и колонков. На Сахалине ловушки представляли собой «совок» с глухим концом и подвижной крышкой, приводившейся в действие луком, а на Хоккайдо — вытянутую деревянную коробку без дна, суженную в верхней части, тоже с луком и защелкой.

Ловушки с луками, аналогичные айнским, бытовали у нивхов, орочей, нанайцев, эвенков, орочон и других сибирских народов.

Кроме давилых ловушек, айны Сахалина добывали куниц и соболей устройствами в виде шеста с петлей (айнск. *ка-сай*). Их использовали осенью и зимой сразу по несколько штук. Как правило, *ка-сай* настораживали на деревьях, упавших поперек рек и ручьев (рис. 52). Сама петля из конского волоса помещалась на дереве, а шест, с которым она соединялась нитью через предохранительную планку, — на берегу. Стремясь перейти водный поток по дереву, жертва неминуемо попадала в петлю, та соскакивала с упора и затягивалась, а шест распрямлялся. В подвешенном положении животное оказывалось недосыгаемым для хищных зверей [Депрерадович 1877: 54; Матиуа 1943: 53]. Мужчины, устанавливавшие *ка-сай*, чаще всего находились поблизости во временных шалашах и время от времени проверяли петли. Когда речка замерзала, их убирали [Онуки-Тирни 1996, № 2: 60].

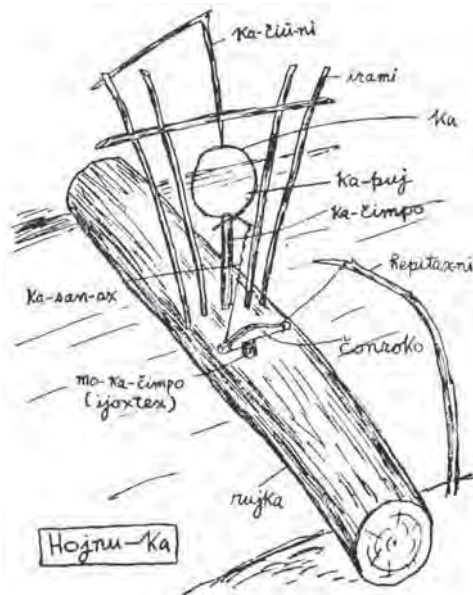
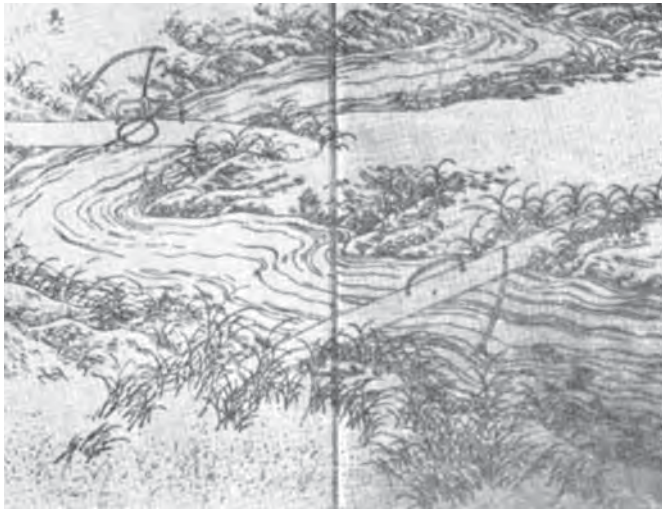

Рис. 52. Ловушки на куниц айнов Сахалина *ка-сай* (*хойну-ка*)
 «Китаэдзо дзусэцу», Мамия Риндзо, Мураками Тэйсукэ (1810).
 «Сэйкацуси миндзокугакухэн», Тири Масихо (1973).
 Источник: [Chiri 1973: 197; Mamiya 1943: 55]

Подобными ловушками (айнск. *исэпо-ка*) хоккайдские айны ловили зайцев. Это животное ценилось охотниками не только из-за меха. Туземцы верили в целебные свойства заячьего мяса и в то, что он способен отгонять злых духов болезни. В некоторых районах из кусочков шкуры и разных частей тела животного делали амулеты [Арутюнов, Щебенков 1992: 150].

Чтобы поймать зайца, петлю соединяли с шестом и устанавливали над поверхностью земли между веток. Когда заяц просовывал голову в петлю, шест распрямлялся. Поскольку такие петли охотники устанавливали на звериной тропе, то обходились без приманки [Utagawa 1996: 35 URL: <http://repository.dl.itc.u-tokyo.ac.jp/>].

Хотя обычно женщинам запрещалось заниматься охотой и пушным промыслом, на северо-западном побережье Сахалина к ловле зайцев их допускали. Возможно, это было исключением из правила, объясняемое тем, что зайцы здесь не обожествлялись [Онуки-Тирни 1996, № 2: 61, 63].

Лисиц же айны относили к числу божеств — *камуй*. При этом черно-бурых они почитали как охранителей рек и лесов, а в рыжих видели злых духов, в частности оборотней. Айны устраивали и особые лисьи праздники. В тех местах, где основным занятием туземцев была горная охота, эти праздники справлялись до «отправления медведя» [Арутюнов, Щебенков 1992: 151].

Курильские айны лис отлавливали оригинальным способом: огораживали небольшое пространство кольшками с укрепленными на них петлями и для приманки сажали туда чайку с привязанным к ней шнурком. Дергая за шнурок, они заставляли птицу прыгать и хлопать крыльями. Лисица бросалась на добычу и попадала в петлю [Полонский 1871: 380]. В других районах лис добывали самострелами и давящими ловушками.

Со слов Мамия Риндзо, на Сахалине охота на лисиц проводилась следующим образом: выбиралось развесистое дерево, к веткам которого подвешивалась рыба, а под ветками ставились силки. Стремясь поживиться рыбой, животное неминуемо оказывалось в западне [Описание 1990: 111]. Хоккайдские айны иногда использовали бочонки с жиром, в которые с четырех сторон забивали по гвоздю, — лисица засовывала в бочонок голову и не могла вытащить [Арутюнов, Щебенков 1992: 151].

На птиц охотились разными способами. По данным участников голландской экспедиции 1643 г., для ловли орлов, воронов,

чаек, бекасов и других пернатых айны использовали специальные ловушки, которые натягивались подобно лукам [Анучин 1876: 87]. К сожалению, подробное описание этих ловушек не сохранилось.

Согласно Б. О. Пилсудскому, орлов сахалинские айны отлавливали при помощи ям, оставленных в прошлом народом *тонци*: «В яму клали приманку, чаще всего мясо свежеебитой собаки, и закрывали рогожами и циновками в виде балагана, имевшего отверстие сверху и сбоку. Через первое сманенный орел должен был спуститься в приготовленную западню, а второе служило для сообщения с другим балаганом, в котором находился подкарауливавший человек. Для него же выкапывалась рядом с готовым углублением новая яма и покрывалась тщательно циновками и травой» [Пилсудский 1909: 4].

Способ охоты на орлов у айнов Курил несколько отличался от способа сахалинских айнов и был описан О. Аргуновым. Приманкой здесь служили одомашненные птицы, которых у многих было по две, три и четыре особи. «Сделав маленький травяной шалаш, наверху того шалаша привязывают орла или два, и дав им рыбу или что, а сам караулит, сидя в шалаше, и когда оные кормленные орлы едят данный корм и кричат, то на тот крик прилетают другие орлы и садятся на тот же шалаш. Один мужик сквозь сделанную на веру шалашика скважину просовывает руку и, изымая за ноги, утаскивает в шалаш и убивает» [Полевой 1988: 78]. Из орлиных шкур делали одежду, мясо использовали в пищу, а хвосты бережно хранили и очень ценили. При этом из охотничьих орлов наиболее дорого стоили те, «которые всегда кличат», — за них давали «по бобру и по два» [Там же].

Вообще орлы для айнов имели важное товарное значение, поскольку орлиные перья можно было выгодно продавать японцам [Шренк 1899: 251]. Сохранились свидетельства о том, что сахалинские айны выращивали орлов в клетках возле домов. У подросшей птицы выщипывали хвост и продавали по два мешка риса за штуку [Добротворский 1875: 58; Шренк 1899: 251]. Очевидно, такой вид заработка существовал вплоть до XIX в., поскольку М. М. Добротворский отмечал, что «теперь японцы не берут этих хвостов и айны орлов не выращивают» [Добротворский 1875: 58].

Охотясь на птиц, айны нередко использовали петли. Жители северной части Сахалина петлями ловили белых куропаток, жители Хоккайдо — различных водоплавающих, а жители Курильских островов — топорков [Депрерадович 1877: 59; Полонский 1871: 380]. Известно, что на Хоккайдо петли (айнск. *ка-синта*) состояли из ви-

ноградной лозы и конского волоса. Перед применением их погружали в воду [Кауано 2002: 193]. Курильцы же петли делали из китовых жил. Их прикрепляли к длинным палкам и просовывали в норы [Полонский 1871: 380].

Кроме петель, на охоте курильские айны зачастую прибегали к сетям. Сетями было удобно отлавливать гусей. Как и петли, сети изготавливались из китовых жил. Их раскидывали по стоящим на берегу или в воде камням, на которые птицы привыкли садиться. Как только очередная жертва опускалась на камень, она попадала в западню [Там же]. Но иногда петлям предпочитали собак. По данным А. С. Полонского, «у курильцев водятся особенной, свойственной только этим островам породы собаки, которые употребляются для ловли птиц» [Там же: 373, 380].

Промышлять зверей и птиц обитатели Курил часто отправлялись на пустынные острова вместе с семьями и оставались там по несколько лет, «считая переезды с острова на остров прогулкой для удовольствия». По возвращении с островов добыча делилась поровну «на всех участвовавших и неучаствовавших» [Там же: 381].

Надо сказать, что орудия охоты у айнов не ограничивались луками и ловушками. В ходу были также копья *оп*, известные на Сахалине как *ём-о* или *ёмох*, а на Камчатке — *ошунуоп* (рис. 53) [Добро-творский 1875: 241; Кюннер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 52]. Айны с копьями часто изображаются на картинах *айну-э*. В музейных и частных коллекциях сохранилось множество айнских копий, есть и немало археологических находок. Это свидетельствует о важной роли *оп* в промыслах. Чаще всего их использовали на медвежьей охоте, в основном для того, чтобы добить раненное стрелой животное (рис. 54) [Онуки-Тирни 1996, № 2: 61].

По свидетельствам самих айнов, в древности наконечники изготавливались из заточенной кости ноги оленя, но постепенно распространились японские металлические изделия. Особенно много японских копий ввозилось к айнам в XVII–XIX вв. Они были хорошего качества и дорогие (рис. 55, 56, 57) [Кауано 2002: 179].

Владея вторичной обработкой металлов, айны изготавливали копья и сами, кроме этого, иногда покупали готовые изделия у нивхов. Нивхские же копья могли быть простые или с инкрустацией. Первые, предназначавшиеся для охоты, отличались грубой работой, а вторые украшались насечкой из красной меди, латуни и серебра — их хранили завернутыми в березовую кору и берегли как сокровища

Рис. 53. Копье айнов Сахалина *сантан-оп*. Музей народа айну (№ 62263).
Источник: [Baba, Kodama 2000: 23]

Рис. 54. Сцена охоты на медведей айнов Хоккайдо с копьем, пальмой, топором и луком. «Эдзо кокуфу: дзуэ», Кодама Тэйрё (вторая половина XVIII в.). Собрание Кодама Сакудзаэмон.
Источник: [Baba, Kodama 2000: 104]

Рис. 55. Наконечник копья айнов Хоккайдо японского производства из захоронения № 1 Нибутани периода Средние века — Новое время. Комитет по образованию г. Биратори.
Источник: [Mogioka 2001: 107]

Рис. 56. Наконечник копья айнов Хоккайдо японского производства с надписью на хвостовике: «Сделал мастер Сакасита из провинции Ямасиро». Музей народа айну (№ 62267).
Источник: [Baba, Kodama 2000: 25]

Рис. 57. Копье *сантан-оп* с наконечником японского производства. Собрание Кобаяси Ёрихидэ.
Источник: [Ainubunkaten 1972: 69]

Рис. 58. Наконечники копья айнов Сахалина *сантан-он* с инкрустацией. Муниципальный краеведческий музей г. Асахикава. Источник: [Ainubunkaten 1972: 33]

[Шренк 1899: 247, 254]. Копья с насечками (айнск. *сантан-он*) айны считали маньчжурскими изделиями. Нивхи, стремясь поднять цену, поддерживали это мнение (рис. 58) [Там же: 262].

Айны были знакомы не только с копьями, но и с пальмой — своеобразным орудием таежных охотников, представлявшим собой крупный однолезвийный нож на рукояти до метра в длину. Кодама Тэйрё на свитке из серии *айну-э* «Эдзо кокуфу: дзу» (вторая половина XVIII в.) изобразил сцену охоты на медведя: один айн вооружен копьем, другой — луком, третий — топором, а четвертый — пальмой.

Иркутский посадский Д. Я. Шабалин, побывавший на Курильских островах во второй половине XVIII в., встречался с айнскими старшинами, которые ему сообщили, что клинковое оружие, в том числе и пальмы, получают из Японии [Анучин 1876: 93; Полонский 1871: 454; Русские экспедиции по изучению 1989: 165]. Это свидетельство представляется странным, поскольку ножи на древках были типичны в первую очередь для народов Сибири. Известно, например, что пальма была распространена среди нивхов, к которым попала от тунгусов и якутов. Использовалась она как на охоте и войне, так и в хозяйстве (например, вместо топоров для рубки деревьев). Если айны и заимствовали пальму, то скорее у нивхов, чем у японцев.

Однако следует обратить внимание и на то, что орудие, подобное пальме, хранится в айнских коллекциях Токийского государственного музея. Клинок у нее прикреплен к древку при помощи втулки (что не характерно для пальмы), а обратная сторона древка оканчивается небольшим утолщением с развилкой. Согласно каталогу музея, это изделие (название не указывается) применялось айнами (Хоккайдо) не на медвежьей охоте, а на рыбном промысле [То:кю:kokuritsuhakubutsukan 1992: 208].

Интересная информация об охотничьих орудиях содержится в уже упоминавшемся источнике «Эдзоси» (1720). В частности, среди длиннодревковых орудий здесь фигурирует копье с наконечником-трезубцем, подобное японским *дзю:мондзи-яри*. Есть также ри-

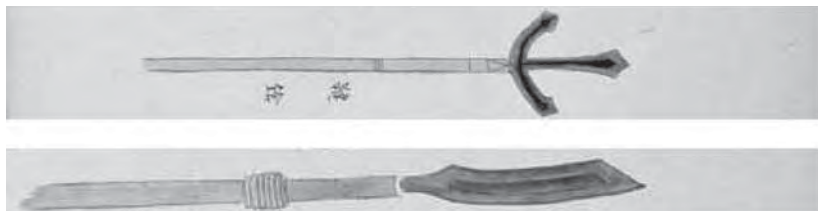

Рис. 59. Фрагмент копья айнов Хоккайдо с наконечником-трезубцем и орудия с саблевидным клинком. «Эдзоси», Араи Хакусэки (1720).

Источник: [Arai 1720 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp/>]

сунок орудия с саблевидным клинком, напоминающим *нагината* (рис. 59). В пояснении указано, что эти «*нагината*» айны использовали против медведей.

Наконец, была и такая разновидность оружия медвежьей, а также оленьей охоты, как деревянные дубинки (айнск. *суту*). Применяли их зимой, когда животное можно было загнать в глубокий снег. Согласно Ф. Ф. Зибольду, после дуэлей с медведями (с использованием палиц, а также стрел) охотники часто возвращались израненными и демонстрировали раны с большой гордостью [Зибольд 1854: 232].

Если охота была удачной и требовалось перенести добычу на значительное расстояние, важным подспорьем служила поняга (айнск. *ниэсикэ*). Этот «рюкзак» делали либо из развилки дерева с дополнительной перекладиной, либо в виде прямоугольной рамы из дощечек, снабжали ляжками и носили за спиной. Использовали *ниэсикэ* и для переноски других грузов. Аналогичные устройства широко известны среди всех народов низовьев Амура и Сахалина [Горбачёва, Карапетова 2007: 46; Кауано 2002: 341].

Нетрудно представить облик айнского охотника, отправившегося зимой в горы. В халате *аттуси*, подвязанном поясом с ножом и курительной трубкой, иногда в меховой накидке с капюшоном, на снегоступах. За спиной на налобной ляжке — поняга либо колчан со стрелами, в руках — лук или копье. Именно таким увидели охотника-айна японские художники — авторы рисунков *айну-э*. Следует еще отметить, что верным спутником охотников всегда была собака. Собаки у айнов (сравнительно небольшие) отличались особой выносливостью и силой. Они не только помогали выслеживать животное, но в трудную минуту приходили хозяину на помощь, как это показано в истории, которую поведал Мацуура Такэсиро.

Средства передвижения по суше

Во время охоты и при длительных переходах в зимнее время айнам приходилось передвигаться по глубокому снегу. При этом они использовали снегоступы, лыжи и сани.

Снегоступы получили широкое распространение в Японии, Сибири, на Сахалине и Курильских островах. В каждом регионе были свои варианты этих средств передвижения; у айнов разных культурных ареалов формы снегоступов также варьировали.

Айны Хоккайдо знали два вида снегоступов: *тэсма* и *тинру* (рис. 60, 61). Изготавливались они из тутового дерева, различались по назначению и, соответственно, по форме.

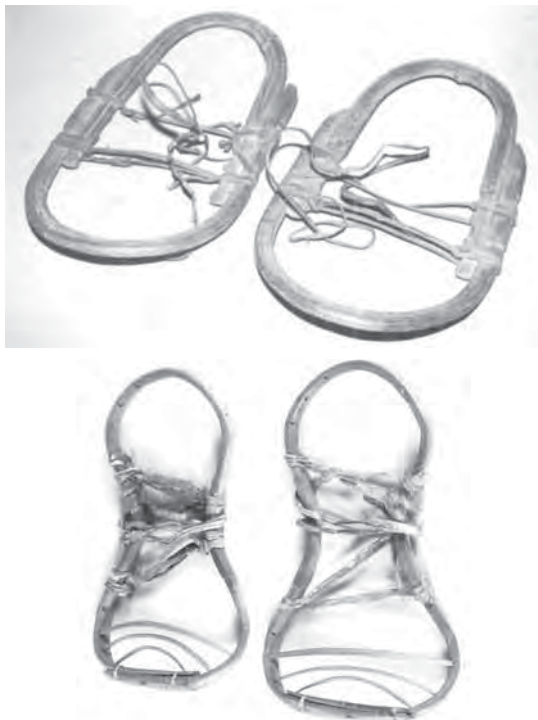

Рис. 60. Снегоступы айнов Хоккайдо *тэсма* (вверху). МАЭ РАН (№ 345-19 аб). Снегоступы айнов Хоккайдо *тинру* (внизу). Государственный этнологический музей Лейпцига (№ OAs06087ab).
Источник: [Айнские коллекции 1998: 43; Chishima, Karafuto, Hokkaido 2011: 22]

Рис. 61. Фрагмент снегоступа айнов Хоккайдо из памятника Саппоро К39 конца VIII — начала IX в. Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей г. Саппоро. Источник: [Takahashi 2001: 30]

Тэсма имели форму овала и предназначались для мягкого снега. Рама состояла из двух изогнутых планок, одна из которых — передняя — была чуть выгнута вверх. По бокам планки соединялись ремешками из кожи медведя или морских животных. Опорой для ноги служили ремни либо конопляные веревки, расположенные внутри рамки параллельно друг другу и крест-накрест. По форме и способу изготовления *тэсма* обнаруживают сходство с японскими *кандзики*, но напоминают также снегоступы айнов Сахалина и различных народов Сибири.

Тинру, использовавшиеся для передвижения по насту, напоминали по форме восьмерку. Фигурный остов изнутри (спереди и сзади) снабжался тонкими поперечными перекладинами. Свободное пространство в центральной части перекрещивалось несколькими ремнями для крепления к ноге [Судзуки, Дэриха 2007: 115; Hitchcock 1891: 492; Кауано 2002: 319, 323]. Такие изделия нередко встречаются в музейных коллекциях, в том числе в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН.

На одной из картин Хирасава Бёдзан «Айну кумагари-но дзу» (вторая половина XIX в.) изображена группа охотников в снегоступах; она окружает медвежью берлогу и выпускает в проснувшееся животное стрелы. На другой картине охотники с собаками гонятся

по снегу за оленем. Очевидно, снегоступы позволяли передвигаться сравнительно быстро.

У айнов Сахалина были распространены снегоступы, состоявшие из двух дугообразно изогнутых планок, соединявшихся в форме овала (нога помещалась на ремни, закрепленные между боковыми планками), и лыжи скользящего типа — *судо* [Антропова 1961: 82]. Лыжи туземцы использовали при управлении нартами, а также во время охоты на ластоногих, когда приходилось передвигаться по снегу или льду [Uchida 2004b: 115]. В частности, сахалинских айнов на лыжах показал Мамия Риндзо в работе «Хокуибункайёва» (1810). Здесь можно видеть и охотника, и путешественника на нарте.

Лыжи изготовлялись из сосны или березы, были довольно короткими (125–140 см) и узкими (12–14 см). Преобладала форма с острым приподнятым носком и более тупым приподнятым задником. Но иногда встречались *судо* больших размеров (длиной свыше 160 см) с острыми концами одинаковой формы. Крепление (двухпетельное) состояло из ремней, которые пропускаясь через четыре отверстия в центральной части и закреплялись на остова (рис. 62, 63) [Антропова 1961: 82; Uchida 2004b: 116].

Охотничьи *судо* обклеивались или подбивались шкурой. В собраниях Российского этнографического музея, например, есть изделия, подбитые шкурой молодого сивуча и оленьим камусом. Камус сшит по две штуки в два ряда и прибит по краю ступательной поверхности железными гвоздями [Горбачёва, Карапетова 2007: 47; Судзуки, Дэриха 2007: 115].

Чукчи, коряки, а также айны Курильских островов использовали зимой кольцеобразные снегоступы удлиненной формы (рис. 64). Различались они в основном количеством поперечных распорок. На айнских снегоступах распорок могло быть до шести [Антропова 1961: 82].

Конечно, среди наземных транспортных средств важнейшую роль играли нарты (рис. 65, 66). Вместе с собачьими упряжками они назывались *нусо* (*нусу*), без упряжки — *сикэ-ни* или *сори*.

Как и снегоступы, нарты различались в зависимости от региона. У айнов Сахалина преобладал амурский тип, у айнов северных Курил — камчадалский [Кюннер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 30; Sasaki Toshikazu 2001: 168]. Известно, что на Курилах ездовое собаководство было заимствовано айнами от камчадалов и получило распространение только на двух северных островах [Левин, Дубровина 1969: л. 25].

Рис. 62. Лыжи айнов Сахалина *судо*. РЭМ (№ 6756-31/2)

Рис. 63. Сахалинский айн на лыжах. «Китаэдзодзу тибу», Мамия Риндзо, Мураками Тэйсукэ (1810). Токийский государственный музей

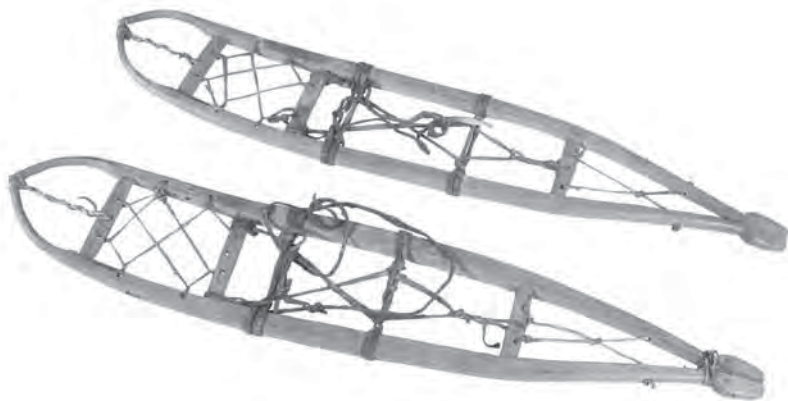

Рис. 64. Снегоступы айнов Курильских островов *тинру*. Государственный этнологический музей Лейпцига (№ OAs06089ab). Источник: [Chishima, Karafuto, Hokkaido 2011: 147]

Рис. 65. Нарты айнов Сахалина *сукэ-ни*. МАЭ РАН (№ 733-10). Источник: [Айнские коллекции 1998: 23]

Длина нарт в целом достигала 2–5 м, высота — 25 см, ширина — 36 см. Остов состоял из хорошо просушенной березы, древесина была без сучков. Собирались детали остова при помощи гвоздей из корней лиственницы японской, смазанных клеем. Клей айны получали вывариванием рыбьей кожи.

Спереди к нартам вровень с сиденьем прочно прилаживалась горизонтальная дуга, к которой привязывалась собачья упряжь. Из ребер кита выпиливались полосы для полозьев. На таких полозьях можно было передвигаться по льду. Во время езды по снегу поверх китовых пластин надевались деревянные [Депрерадович 1877: 53; Kasai 1943: 61].

Рис. 66. Нарты айнов Сахалина *сикэ-ни*. РЭМ (№ 2448-21)

Для управления нартой использовался шест (оштол) из березы с металлическим наконечником (айнск. *карэ*). С его помощью можно было поворачивать вправо-влево, а также тормозить. Когда следовало остановиться, шест постепенно втыкали в снег, упирая об одну из перекладин нарты [Анучин 1876: 201]. Скорость и даже направление езды при необходимости регулировали лыжами. Чтобы направлять собак, временами айнам приходилось соскакивать «на снег» [Онуки-Тирни 1996, № 2: 89].

Совершая длительное путешествие, айны впрягали в сани от 9 (одна передовая и по четыре с каждой стороны) до 13 собак. Если предстоял короткий путь, обходились семью собаками, а ненагруженные легкие сани могли тащить и пять собак [Депрерадович 1877: 63]. По некоторым данным, животных привязывали не попарно, а гуськом, отчего упряжь «упрощалась» и не так часто запутывалась [Анучин 1876: 2001; Описание 1990: 109]. Во главе стаи находилась специально обученная собака. Она ценилась очень высоко, ее заботливо выращивали и заранее готовили к роли вожака (айнск. *исиосэта*).

В упряжке вожак отличался внешним обликом. Его голову венчал налобник из нерпичьей кожи с лоскутком красной хлопчатобумажной ткани, двумя колокольчиками и кистью из конского волоса (айнск. *кирау*). Налобники нередко украшались бисером, а также кисточками из окрашенного в красный цвет меха нерпы [Горбачева, Карапетова 2007: 47].

Кроме вожака, важную роль играли еще две собаки: второй вожак и самое сильное животное — их привязывали ближе к нартам [Онуки-Тирни 1996, № 2: 89].

Любое путешествие в нарте требовало тщательной экипировки. Отправляясь в путь, айн надевал шубу из собачьей шкуры (айнск. *русу*), поверх шубы — набрюшник из тюленьей шкуры, кожи кеты или горбуши (айнск. *онке-кари*, *хонэкарицуси*, *хоникариси*), шапку из лисьего меха (айнск. *сумари-хахка*), рукавицы (айнск. *матумэрэ*), сапоги (айнск. *киро*), лыжи (айнск. *суто*).

Набрюшники были нивхского типа и бытовали у айнов вплоть до начала XX в. Они использовались для того, чтобы в пути придерживать полы шубы и таким образом надежно защищать себя от снега и ветра. Завязывали их на талии [Васильев 1914: 10; Прыткова 1961: 233; Nishizuru 1942: 74, 101]. Усевшись на нарту, наездник правой рукой брал ремень (айнск. *така*), соединенный с собачьей упряжкой, а левой — оштол (айнск. *карэ*) (рис. 67) [Васильев 1914: 10; Nishizuru 1942: 74, 101].

Собака, оказавшаяся в упряжке, как правило, сразу начинала сильно тянуть вперед, и ее трудно было удерживать. Мамия Риндзо

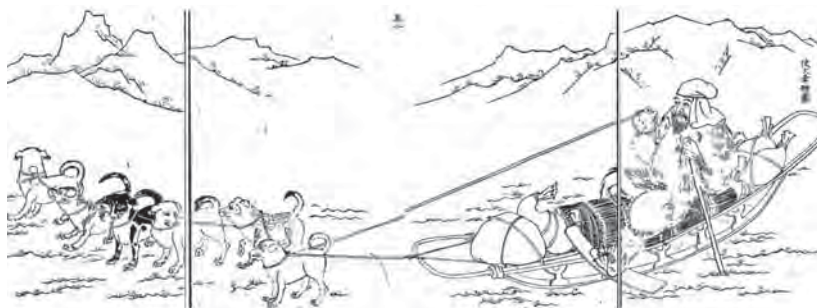

Рис. 67. Айнская собачья упряжка с нартами. «Китаэдзо дзусэцу», Мамия Риндзо, Мураками Тэйсукэ (1810).

Источник: [Mamiya 1855 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

по этому поводу писал: «Если человек не уверен, что сможет удерживать упряжку... он сначала привязывает ее к дереву и только потом запрягает... Когда все готово, упряжку отвязывают от дерева и она сразу же устремляется вперед с большой скоростью. Упряжка из 7–8 собак способна пробежать 41–44 мили в день» [Описание 1990: 109].

С большими трудностями сталкивались те айны, на долю которых выпадало после появления снега первыми отправиться в путь. «Силы не позволяют бедным животным тащить нарту по свежему, неутоптанному снегу, и волею-неволею приходится самому хозяину протирать дорогу, идя впереди нарты на лыжах; второй затем нарте уже несравненно легче... Но вот переменялась погода, поднялась пурга, и каких-нибудь двух–трех дней совершенно достаточно, чтобы уничтожить и самые следы дороги, особенно на открытых местах» [Депрерадович 1877: 65].

Управлять собаками было непросто, в пути случались всякие неожиданности, особенно если внезапно появлялась встречная нарта. Собаки обеих упряжек с яростным лаем кидались друг на друга, упряжь перепутывалась, и хозяевам стоило немалого труда их разнять. Если же на дороге появлялся какой-нибудь зверь, то собаки, почуяв добычу и забыв обо всем, кидались за ним в погоню. Заезавшийся ездок при этом нередко слетал в снег, и его брань долго разносилась по лесу, пока животные не останавливались [Депрерадович 1877: 63]. Для распутывания упряжи и тугих узлов айны пользовались рожком из оленьей кости (айнск. *ох-кита*, *ох-кэтах*), который всегда носили с собой.

Комплект снаряжения для путешествий на дальние расстояния, включая нарту и собак, ценился очень высоко, его передавали из поколения в поколение по мужской линии. При этом на северо-западном побережье Южного Сахалина, по словам Э. Онуки-Тирни, он редко был собственностью одного человека, исключая вождей. В обычных семьях чаще всего имелись маленькие нарты для непродолжительных поездок и небольшое количество собак. Когда же предстояло большое путешествие, то «у каждого хозяина собирали по нескольку собак, и это становилось общинным делом. Такое путешествие должно было планироваться заранее» [Онуки-Тирни 1996, № 2: 88].

В работах Кондо Дзюдзо «Хэнё:бункайдзуко:» (1805) и Мамия Риндзо «Китаэдзо дзусэцу» (середина XIX в.) сообщается, что айны

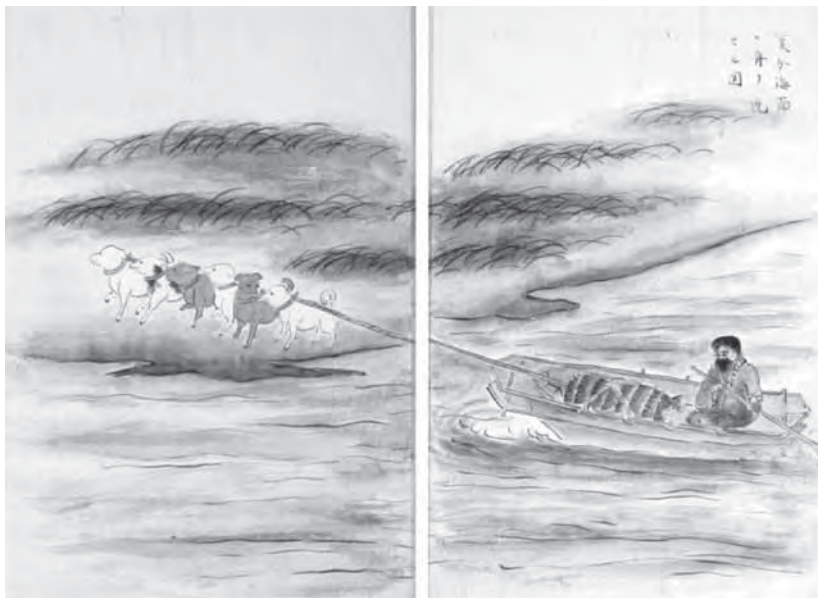

Рис. 68. Айнская собачья упряжка с лодкой. «Хокуидан»,
Мацуда Дэндзюро (начало XIX в.). Источник: [Matsuda начало XIX в.
URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

впрягали собачьи упряжки в долбленные лодки, передвигаясь по рекам [Mamiya 1943: 44; Nishizuru 1942: 103]. Собаки тянули по воде и лодки, нагруженные товарами (рис. 68) [Депрерадович 1877: 63]. Лодочная упряжка за день могла преодолеть до 30 км. При этом способе движения передовая собака не привязывалась к общему потягу, а бежала впереди отдельно от всех. Откликаясь на команды человека, находящегося в лодке, она увлекала за собой сородичей [Самар 2011: 30; Чепелев, Прокофьев 1998: 203]. Однако водная транспортировка была возможна только в том случае, если берег был относительно ровный и без камней, а вода спокойная.

Айны Хоккайдо держали исключительно охотничьих собак, не используя их в качестве ездовых или тягловых. Одной из причин отсутствия у них нартового транспорта было то, что, в отличие от Сахалина и Сибири, на Хоккайдо речные пути зимой полностью не замерзали и по ним передвигались на лодках, как и в теплый сезон [Sasaki Toshikazu 2001: 168].

Собирательство и земледелие

Собирательство в жизни айнов было не основным, но важным для жизнеобеспечения промыслом. Занимались им в основном женщины с ранней весны до поздней осени. На морском берегу они добывали моллюсков, устриц, раков, морскую капусту и другие водоросли, в лесах — черемшу, орехи, грибы и ягоды. Излюбленными ягодами были брусника, клюква и шиповник. Из грибов на первом месте стояли сыроежки. Айны использовали около ста видов трав и кустарников — и как пищевые продукты, и как лекарство [Онуки-Тирни 1996, № 2: 77].

На Сахалине роль собирательства резко возрастала в районах, недостаточно пригодных для рыбного промысла. Важнейшими пищевыми запасами здесь были именно растительные. При этом женщины знали практически все растения не только рядом с их стойбищем, но и вокруг тех селений, куда они наведывались, даже если какие-то виды отсутствовали в родных местах [Там же: 75].

То, что было собрано, потребляли сразу или заготавливали впрок. Многие продукты сушили, используя затем как добавки для супов и каш, а также как закуску (рис. 69) [Аругюнов, Щебенков 1992: 173].

На Курильских островах сбор раковин и моллюсков, которых обычно варили для супа, уступал сбору морской капусты. Сушеные листья морской капусты айны разваривали до однородной густой

Рис. 69. Приготовление раковин на морском побережье. Хирасава Бёдзан (середина XIX в.). МАЭ РАН (№ 5794-1)

массы и ели с рыбой, а стебли потребляли в сыром виде [Полонский 1871: 382].

У некоторых растений коренья, плоды и другие части обладали лечебными свойствами. Настои из черемши, например, способствовали лечению цинги, сок тальника — заживлению ран и язв [Добротворский 1875: 74].

Соль айны приобретали у японцев. Это был дорогостоящий продукт, поэтому приморские жители часто заменяли ее морской водой. Распространенной приправой к пище служил особый род беловойтой глины (айнск. *четой*, *кетой*). Она применялась также в лечебной практике как средство против ожогов и рвотное. Со временем обычай использовать глину исчез [Арутюнов 1965: 945; Добротворский 1875: 37, 44, 72].

Айнам было известно примитивное земледелие. Согласно источнику «Сангоку цу:ран дзусэцу» Хаяси Сихэй, им занимались большей частью горные айны восточной и западной областей Хоккайдо: «Так как у них не распространены морепродукты, они выращивают бобовые, злаки, гаолян, куриное просо, однако в холодной местности производительность их необработанных полей чрезвычайно скудна, ее хватает лишь на тех, кто обрабатывает эти поля, а на тех, кто занимается другими делами, зерна не хватает. Поэтому они иногда спускаются с гор к побережью и меняют звериные шкуры и другие продукты на рыбу. Однако ничего неизвестно о количестве их деревень или поселений» [Щепкин 2011: 139]. По другим же источникам, земледелием занимались и туземцы, селившиеся вдоль рек.

Отметим, что горные айны Хоккайдо упоминаются еще в работах XVIII—XIX вв. «Хоккайдзуйхицу» («Эдзо Мацумаэ карасу») и «То:кай ява». Автор первой — Сакакура Гэндзиро — противопоставляет их тем, кто жил по берегам рек, и указывает, что основным видом хозяйственной деятельности горных айнов являлась охота. О земледелии, к сожалению, речь не идет. Во втором источнике Оуги Хиросада сообщает, что многие айны населяли горную страну, назывались горными айнами и что, когда начиналась рыбная ловля, они стекались к берегам².

² В «Хоккайдзуйхицу» содержится еще информация, согласно которой глубоко в горах лес не принадлежал никому, поэтому айны шли туда и свободно рубили деревья. Часть деревьев они отдавали старостам, а остальное продавали. Такой вид заработка, тем не менее, не получил широкого распространения.

Известно, что издавна айны выращивали просо и ячмень, а от японцев восприняли способы возделывания суходольного риса и пшеницы. Картофель начали культивировать лишь в конце XVIII в., но широкого распространения он не получил. Кроме всего прочего, путешественники в конце XIX в. видели на айнских огородах табак, кукурузу и гречиху [Арутюнов, Щебенков 1992: 86].

Исходя из того, что пшено, просо и овес имели в айнском языке соответствующие эквиваленты — *манчиро*, *пияна* и *мэнкуру*, следует полагать, что традиция культивирования этих злаков имела древние корни [Там же: 155, 178]. Даже в китайском источнике «Шань хай цзин», как отмечалось во второй главе, содержится информация о просе у айнских предков [Каталог гор и морей 1977: 123]. Подтверждением вышесказанного является древний миф айнов о культурном герое Окикуруми, который тайно от богов принес людям (айнам) пригоршню злака *нийана*, то есть проса или гречихи. Более того, ученые прямо указывают на то, что традиционно система айнских угодий, закрепленных за территориально-общинными группами, включала огородные (земледельческие) участки [Косарев 2008: 202].

Необходимо отметить, что земледелие было характерно не для всех айнов, а только для хоккайдских. И письменные, и археологические источники указывают на древние его неолитические корни³. Это в свою очередь подтверждает гипотезу о различных истоках происхождения хоккайдской и сахалинской ветвей айнского народа [Косарев. URL: <http://kosarev.press.md/Ainu>].

Участки земли, на которых айны выращивали зерновые, располагались вблизи жилищ либо по берегам рек, где была плодородная почва [Tezuka 1999: 31]. Грядки не делали, расчищали участок и сеяли. Один раз пропалывали всходы, а в сентябре—октябре жали колосья. Когда участок истощался, переходили на другой [Арутюнов, Щебенков 1992: 155]. Землю обрабатывали как самодельными

³ Появление земледелия у айнов Хоккайдо связано с местными культурами дзёмон. Промежуточным звеном между дзёмонцами и айнами стала культура сацумон, отличительной особенностью которой также было развитое земледелие. По мнению В. Д. Косарева, «не исключена и самостоятельная земледельческая эволюция с ранних этапов дзёмона вплоть до культуры исторических айнов, и тогда земледелие сацумон представляется неким ответвлением, боковым ростком этой эволюции. Даже позднейшее влияние японцев не смогло полностью вытеснить традиции айнского огородничества» [Косарев 2008: 201].

Рис. 70. Мотыга айнов Хоккайдо *ни-ситтан* из памятника Биби 8 второй половины XVII — середины XVIII в. Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо.
Источник: [Mogioka 2001: 128]

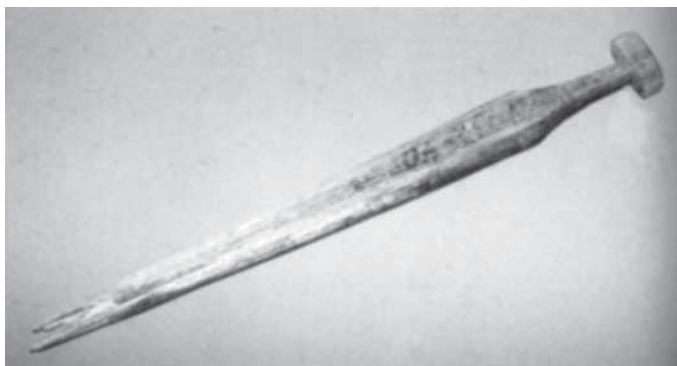

Рис. 71. Палка-копалка айнов Сахалина *кува*. МАЭ РАН (№ 1052-40).
Источник: [Айнские коллекции 1998: 94]

орудиями (главным образом из дерева и кости, реже — камня), так и японскими (из железа).

Простейшим орудием для вспахивания земли была мотыга. Айны делали мотыги из палок с суками (айнск. *ни-ситтан*) или оленьих рогов (айнск. *курау-ситтан*) (рис. 70) [Кюннер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 27; Кауано 2002: 210]. По мере расширения контактов с японцами распространение получили также японские мотыги с железными наконечниками (айнск. *тонка*, *тэуна*). Они значительно отличались от самодельных примитивных *ни-*

Рис. 72. Сбор клубней лилии. «Айну фу:дзоку эмаки»,
Нисикава Хокуё (1882). Муниципальная библиотека г. Хакодатэ.
Источник: [Uchida 2004: 92]

sittan и были более удобны в хозяйстве [Кауано 2002: 337]. Но ввиду дороговизны товаров из металла японский инвентарь не вытеснил традиционных земледельческих орудий айнов, которые еще применяли их и в XX в.

Съедобные растения, в частности их луковицы, клубни и корневища, айны добывали при помощи палок-копалок (рис. 71). Занимались этим, так же как и обработкой земли, женщины, что хорошо видно на картине Нисикава Хокуё «Айну фу:дзоку эмаки» (1882). Здесь показан сбор клубней лилии (рис. 72). У айнов Хоккайдо палки-копалки были прямые (айнск. *турэн-ни*), а у айнов Сахалина — с короткой, слегка изгибающейся к обоим концам или же прямой перекладной, закреплявшейся сверху (*ине-кикуа*, *кува*) [Добро-творский 1875: 74, 91; Кауано 2002: 332]. Некоторые из этих орудий покрывались резным орнаментом.

Наряду с мотыгами и палками-копалками к важнейшим земледельческим орудиям относились заступы, на Хоккайдо известные

как *ситтан* или *кукка*, а на Сахалине — как *теуна* (за отсутствием земледелия применялись в хозяйстве для разных нужд) [Добротворский 1875: 324; Кауано 2002: 216, 265]. Самодельные заступы были полностью деревянные, привозные японские — с металлической рабочей частью (рис. 73, 74). Последние нередко обнаруживаются в хоккайдских археологических памятниках и датируются XV–XIX вв. [Utawawa 1992: 236; Morioka 2001: 109].

Рис. 73. Заступы айнов Хоккайдо из памятника Нибутани (слева) и Ируэкаси (справа) периода Средние века — Новое время. Комитет по образованию г. Биратори. Источник: [Morioka 2001: 103, 109]

Рис. 74. Заступ айнов Хоккайдо *ситтан*. РЭМ (№ 2811-33)

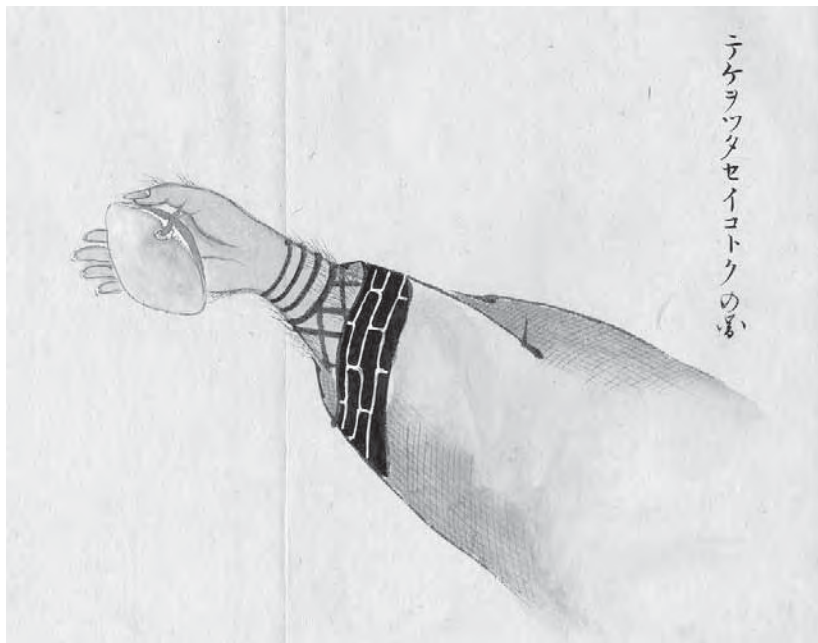

Рис. 75. Створка раковины айнов Хоккайдо *nina*. «Эдзо сэйкэй дзусэцу», Хата Авакимару, Мураками Тэйсукэ и Мамия Риндзо (1823). Токийский государственный университет

Айны использовали специальные инструменты для срезания растений. К самым архаичным относились створки раковин (айнск. *тяпиба*, *nina*) (рис. 75). Створка привязывалась к ладони шнурками, лезвием служил острый край. Каждый колос таким приспособлением срезали отдельно [Спеваковский 1992: 135]. Но раковины были не только режущим инструментом. Сахалинские айны, например, обрабатывая крапиву, при помощи *nina* соскребали с растения кострицу [Кюннер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 27; Попов 1955: 56; Хасэбэ 2007: 89].

К более дорогим орудиям относились железные серпы, на Хоккайдо их называли *иёкпэ*, а на Сахалине — *мосетам*. Они могли быть импортными или самодельными, по форме напоминали японские *кама* и получили распространение под влиянием японцев (рис. 76, 77) [Morioka 2001: 101; Sasaki Каору 2001: 135; Utagawa 1992: 357]. Серпами айны срезали колосья (при сборке урожая), траву

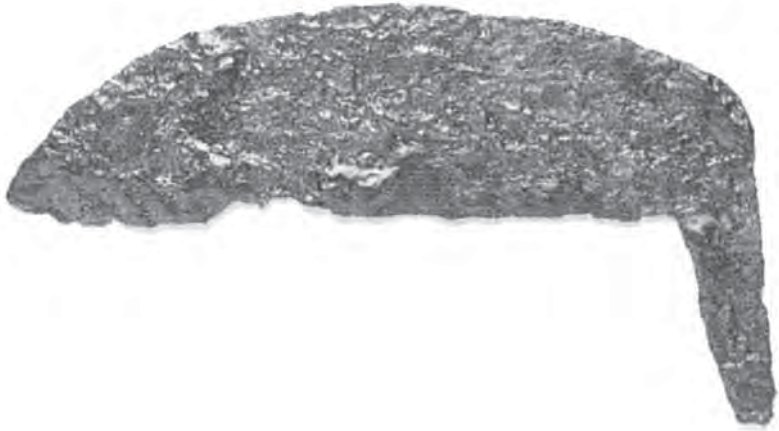

Рис. 76. Серп айнов Хоккайдо из *тyasi* Поромой периода Средние века — Новое время. Комитет по образованию г. Биратори. Источник: [Мориока 2001: 101]

Рис. 77. Серп айнов Сахалина *мосетам*. РЭМ (№ 2810-57)

(заготавливая материал для стен и крыши дома), морские водоросли. Во время строительства ими очищали от коры небольшие участки дерева или резали веревки, которыми скрепляли балки [Ainu seikatsu... Tateru 2010: 58; Хасэбэ 2007: 86].

В памятниках XVII–XIX вв. в женских погребениях археологи довольно часто обнаруживают «топорики» японского производства, которые и на японском, и на айнском языке назывались одинаково — *ната* (рис. 78) [Batchelor 1926: 297]. Они напоминали короткий тесак с широким прямым лезвием без острия, с небольшой деревянной рукоятью. Топорики *ната* использовались для различных работ. Так, женщины сдирали ими кору с деревьев для изготовления одежды. Расслаивая кору, очищали внутренний слой от остатков внешнего. Мужчины при строительстве рубили ими тонкие стволы деревьев, из которых собиралась конструкция дома, прорубали в балках небольшие пазы, обстругивали заготовки [Ainu seikatsu... Tatefu 2010: 4]. Наравне с серпами, заступами и мотыгами *ната* стали одним из важных маркеров айнской материальной культуры.

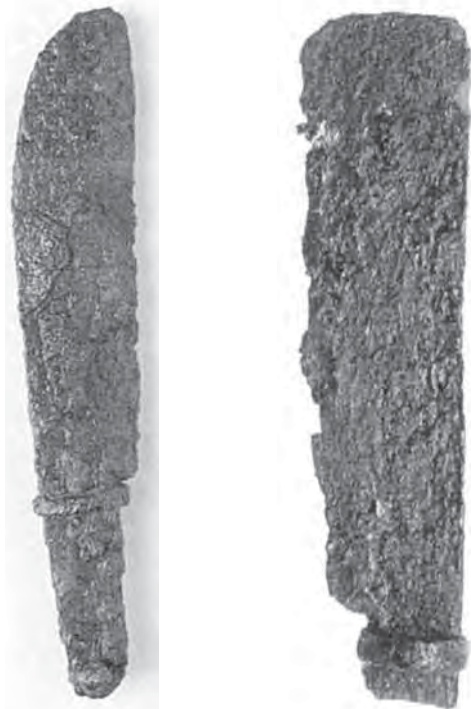

Рис. 78. Топорики айнов Хоккайдо *ната* из памятника Ируэкаси периода Средние века — Новое время (слева) и памятника Биби 8 середины XV — второй половины XVII в (справа).

Комитет по образованию г. Биратори. Источник: [Mogioka 2001: 109, 138]

Урожай, припасы для еды, дрова и другие тяжести айны переносили при помощи плетеных налобных повязок, на языке хоккайдских айнов *тара* или *тар*, а сахалинских — *тарат*, *нисись* или *эцки* (Айхама) (рис. 79) [Добротворский 1875: 195]. Их плели из крапивных нитей или древесного луба длиной от 4 до 5 м. Средняя часть повязки, которая помещалась на лоб, была широкой и нередко украшалась геометрической вышивкой. Более узкие концы сплетались в веревки [Кюнер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 29; Hitchcock 1891: 464]. Аналоги повязок *тара* встречаются и на юге, и на севере. Среди ближайших к айнам народов их использовали, в частности, ительмены и коряки.

С центральной расширенной частью веревки соединялись при помощи нескольких узких жгутов. В некоторых регионах количество жгутов указывало на назначение повязки. Так, в Сираой и Биратори те изделия, на которых имелось по три жгута, использовались в погребальных культах, а изделия с четырьмя жгутами — в повседневной жизни. Это правило не было обязательным для айнов из других областей.

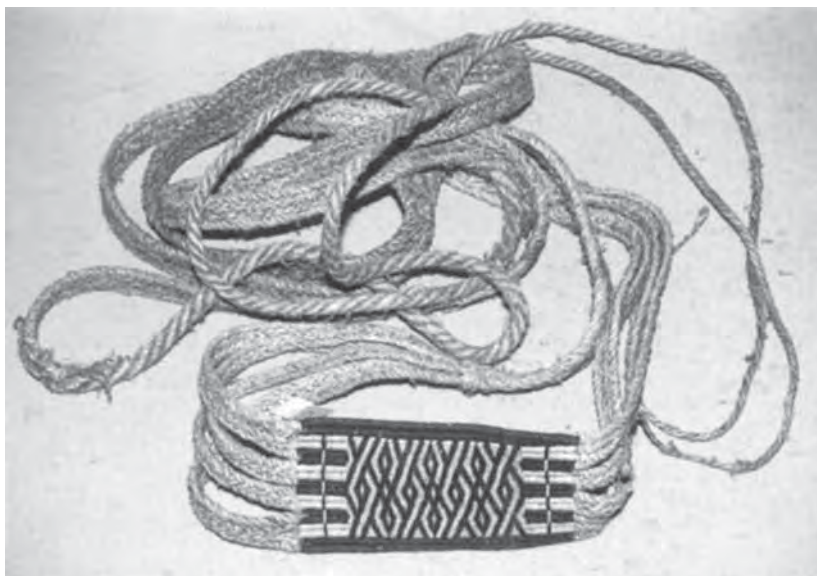

Рис. 79. Налобная лямка для переноски грузов айнов Хоккайдо *тара*. МАЭ РАН (№ 839-22). Источник: [Айнские коллекции 1998: 77]

К налобным повязкам айны Хоккайдо и Сахалина часто крепили плетеные мешки *саранип* (рис. 80). Таким способом было удобно переносить рыбу, клубни лилии и т. п. Кроме мешков, для транспортировки и хранения продуктов использовались корзины и сумки. Одно из первых упоминаний о них приводит Хата Аваки-мару в сочинении «Эдзосима кикан» (1799–1800).

Использовались мешки нескольких видов: с плоским или округлым дном и такие, у которых боковые части сходились к центру под острым углом. Материалом для изготовления служили луб ильма, липы, волокна крапивы, реже — виноградная лоза. Если айны Хоккайдо предпочитали луб ильма или липы, то айны Сахалина — крапивное волокно [Graburn 1999: 303; Muraki 2004: 71].

Техника плетения заключалась в том, что продольные волокна перевивались поперечными прядями [Попов 1955: 110, 116]. Края при этом оканчивались своеобразным бордюром: нити собирались по периметру в небольшие пучки, их концы перевязывались

Рис. 80. Мешок айнов Хоккайдо *саранип*. МАЭ РАН (№ 839-15).
Источник: [Айнские коллекции 1998: 77]

[Hokkaido: kaitaku 2007: 86; Graburn 1999: 303; Tsuda 1999: 312]. Г. Нельсон обратил внимание на то, что своеобразная верхняя часть *саранип* напоминает изделия эскимосов-юпик юго-западного района Аляски. Может ли это быть свидетельством межкультурных контактов или случайным совпадением — сказать трудно [Graburn 1999: 301].

Чаще всего мешки маленьких размеров — *пон-саранип* — айны использовали для переноски продуктов, заготовливавшихся в полях и горах, а больших — *тотта* — для хранения зерна [Ainu-no rekishi 2002: 8; Hirasawa 2003: 3; Graburn 1999: 306; Kayano 2002: 335].

Кроме мягких мешков, айны Хоккайдо применяли четырехугольные твердые изделия из невыделанной коры липы, называвшиеся *рас-саранип* (рис. 81) [Kayano 2002: 460]. Внешне они напоминали корзину, а их отделка не отличалась от бордюра обычных мешков. Айны Сахалина иногда изготавливали мешки типа *саранип* из полосок тростника [Tsuda 2004: 312].

Рис. 81. Мешок айнов Хоккайдо *рас-саранип*. РЭМ (№ 5102-86)

Рис. 82. Корзина айнов Курильских островов *тэнки*. МАЭ РАН (№ 809-13). Источник: [Айнские коллекции 1999: 23]

В отличие от мешков, получивших распространение на Хоккайдо и Сахалине, показательной продукцией курильских айнов стали кольцеобразные корзины *тэнки* (рис. 82). Их изготовляли из мягкого колосняка и украшали геометрическим орнаментом⁴. К корзинам прилагались крышки [Sasaki Toshikazu 2001: 198].

Следует отметить, что *тэнки* иногда использовались не только курильскими айнами, но и айнами Сахалина, а в более позднее время — и айнами Хоккайдо. Подобного рода продукция бытовала даже в культуре японцев, но при ее изготовлении применялась другая техника. В то же время аналоги *тэнки* нередко обнаруживаются у народов Берингоморского побережья. Можно предположить, что именно от них курильские айны получили этот тип корзин [Graburn 1999: 307; Sasaki 1995: 10].

Помимо традиционных корзин с крышками, у курильских айнов в ходу были и мешкообразные изделия, в том числе мешки с жесткой конструкцией из китового уса. Последние, как и *тэнки*, имели круглое очертание и назывались *муритти* [Muraki 2004: 74].

⁴ Основа *тэнки* состояла из вертикально идущих прутьев, которые переплетались двойным утком. В одних случаях переплетение было редкое, в других — плотное. Орнамент делался из цветных нитей или матерчатых вставок [Попов 1955: 110, 116; Sasaki Toshikazu 2001: 198].

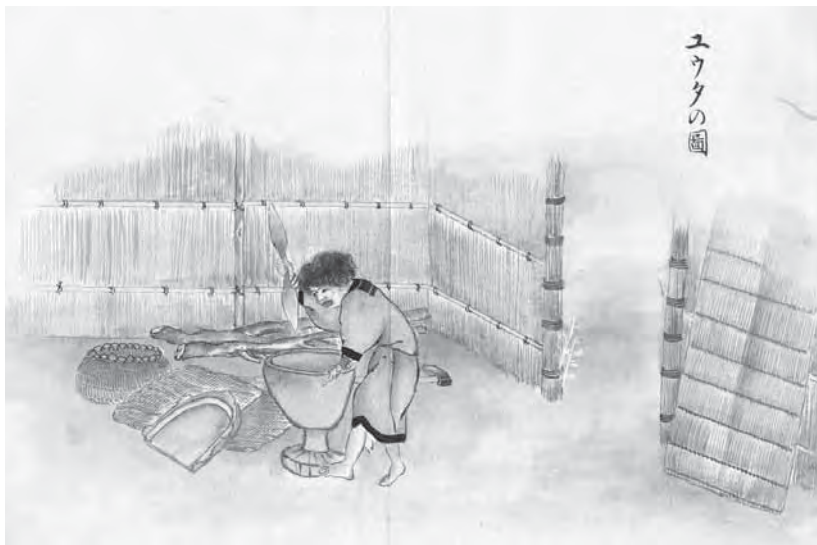

Рис. 83. Обмолот зерна в ступе *нису*. «Эдзо сэйкэй дзусэцу», Хата Авакимару, Мураками Тэйсукэ и Мамия Риндзо (1823). Токийский государственный университет

После того как собранный зерновой урожай айны переносили в свои жилища, следовало произвести его обмолот. Для обмолота зерновых (чумиза, проса и др.) широко применяли большие деревянные ступы (айнск. *нису*) с двусторонними пестами (айнск. *инуна*) (рис. 83). По форме они напоминали японские изделия [Ainu-no ko:gei 2008: 59]. В ступах также толкли клубни лилии — из них готовили лепешки *турэп-акам*.

Одиноким старикам, у которых не было сил работать двусторонним пестом, зерно обрабатывали в ступках малых размеров. Их выдалбливали чаще всего из багряника японского и называли *саматки-нису* (рис. 84) [Кауано 2002: 257; Ваба, Kodama 2000: 91].

В специальных веялках зерно, прошедшее обмолот, отделяли от шелухи и мусора. Это были плоские сосуды в форме совка из дерева (айнск. *ни-муй*) или коры (айнск. *яр-муй*). Некоторые из них снабжались по краям двумя небольшими ручками-ушками (рис. 85) [Ainu-no ko:gei 2008: 59; Кауано 2002: 451].

Приготовление пищи рассматривалось как сугубо ответственное занятие, равнозначное священнодействию. Из зерновых, чаще

Рис. 84. Ступа айнов Хоккайдо *саматки-нису*. Музей народа айну (№ 61762). Источник: [Baba, Kodama 2000: 90]

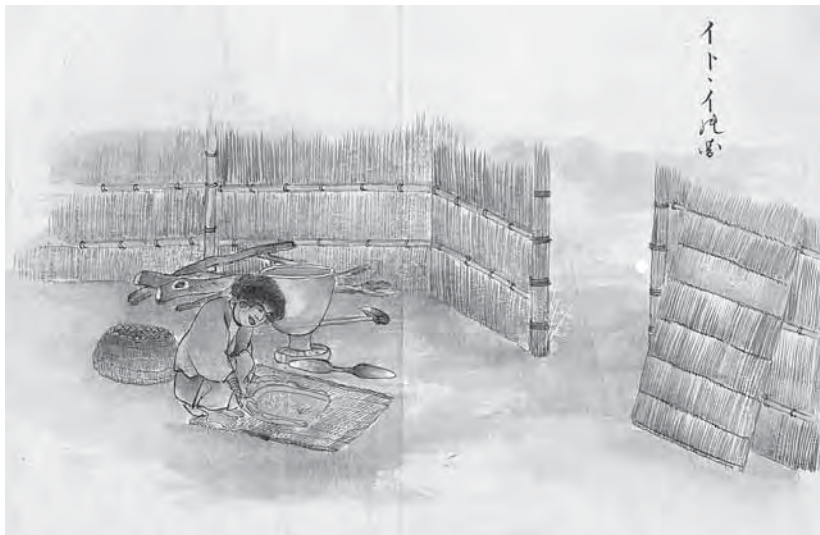

Рис. 85. Способ использования веялки *ни-муй*. «Эдзо сэйкэй дзусэцу», Хата Авакимару, Мураками Тэйсукэ и Мамия Риндзо (1823). Токийский государственный университет

всего из проса, айны готовили лепешки, колобки, каши. Нередко их использовали в ритуалах [Аругюнов, Щебенков 1992: 178]. Благодаря торговле с японцами в обязательное употребление вошел рис. К концу XIX в. его потребление значительно возросло. Рис, писал Б. О. Пилсудский, варится в большом количестве один раз в сутки и подается как дополнение ко всякой другой пище, принимаемой обыкновенно три раза в день [Пилсудский 1907а: 117].

Из проса, пшена и риса, кроме упомянутых блюд, делали брагу. Рисовая брага у айнов называлась *амама-саки*. Для ее приготовления варили рисовую кашу, разводили ее кипятком, добавляли рисовый солод. Полученную массу переливали в деревянную кадку и укутывали шкурами для квашения и брожения. Через три-четыре дня перебродившую смесь через решето (айнск. *ичари*) снова заливали в кадку, при этом хозяйка выжимала и растирала ее руками. Получался кисловатый белый густой напиток, «очень вкусный и несколько хмельной» [Депрерадович 1877: 33; Добротворский 1875: 38].

Хмельные напитки иногда готовили, сбраживая смесь поджаренных каштанов или клубней лилии, желудей и коры японского коричника.

Интересное наблюдение сделал на Курильских островах казачий сотник И. Черный. Он отметил, что на северной стороне 19-го о-ва Эторопу (Итуруп) есть пристань, называемая айнами «Камуи-вамкуин», «в ней имеется ключ кислой и вонючей воды, которую и пить невозможно, но курильцы (айны) употребляют ее в питье вместо вина, и жертву по своему обычаю ей приносят» [Русские экспедиции по изучению 1989: 139].

Поскольку айны пили много, то нередко страдали от чрезмерного опьянения. В этой связи имеется интересное замечание Джироламо де Анджелиса, сделанное в первой половине XVII в.: «...любят пить вино, перед питьем или во время питья принимают масло, получаемое из рыбы “тодонёмо”, которое, по их мнению, ослабляет действие винных паров на голову» [Анучин 1876: 82].

Из ивы, березы, клена, а также актинидии, лесного винограда и корней многолетника айны получали соки, употребляя некоторые из них с растительными добавками, в частности смешивали с кашами. Такие напитки часто давали детям [Аругюнов, Щебенков 1992: 177]. По словам В. Н. Васильева, к концу XIX в. айны Сахалина вполне приспособились к чаю, который активно приобретали у японцев [Васильев 1914: 10]. Чай пили несколько раз в день, при

этом сахара не было лишь у беднейших [Пилсудский 1907а: 90]. Те, для кого чай был дорогим, обходились традиционными отварами из листьев розовоцветных, ароматических трав и корней. Согласно записям, полученным от Ф. Ф. Зибольда, айны Сахалина зимой пили снеговую воду [Зибольд 1854: 247].

ЖИВОТНОВОДСТВО

Как отмечалось в предыдущих главах, жизненно необходимым домашним животным у айнов была собака (айнск. *сета*). Она играла незаменимую роль в хозяйственных занятиях — и в транспорте, и в охоте, и даже в рыболовстве. На Хоккайдо туземцы издавна занимались разведением собак, по современной терминологии, породы айну, а на Сахалине и Курильских островах — сахалинской лайки или, как их называют сегодня, хаски. Первые использовались исключительно для охоты, вторые же — как охотничьи, ездовые и тягловые животные. Кроме того, собак айны забивали на мясо, а также приносили в жертву во время обрядов, например, когда убивали медведя на охоте или на празднике.

Довольно подробное описание собаководства айнов Сахалина составил Мамя Риндзо. Именно на Сахалине жизнь местного населения во многом зависела от собак, поэтому ценились они высоко и стоили дорого.

В обыденной жизни собак по отдельности привязывали к специальной перекладине вблизи жилища. Каких-либо укрытий для них не делали. Исключение составляли суки, щенки, а также больные и старые животные, которым предоставлялась полная свобода. Такой порядок, отмечал Мамя Риндзо, сохранялся даже в зимнюю пору, когда наступали холода. Летом собаки спали на земле или копнах травы, зимой — на еловых ветках. Сук и щенков в холодное время могли размещать в хозяйственной пристройке жилища [Онуки-Тирни 1996, № 2: 88].

Кормление осуществлялось два-три раза в день. Щенкам давали сырое мясо без костей, взрослым — вареную рыбу или хребты лососевых, которые при заготовке юколы завяливали и складывали в амбары. Рыбную пищу распределяли на порции в специальные ящички (айнск. *нимаму*). Каждая порция отводилась нескольким собакам. Поскольку в привязанном состоянии собаки не могли есть, их отвязывали. Пока они ели, хозяин с палкой в руках нахо-

дился сзади. Он следил за соблюдением порядка во время трапезы и наказывал непослушных [Описание 1990: 8].

Чтобы воспитать хороших нартовых собак, для щенков устраивались тренировки. Особое внимание уделялось воспитанию вожakov. «Вожак — самая главная и знающая собака, но не обязательно сильная... когда нарта должна была тронуться с места в путь, а вожак отказывался стартовать, айн всегда отменял поездку, так как отказ вожака был своеобразным знаком, что он чувствует впереди опасность, например тонкий лед на озере» [Онуки-Тирни 1996, № 2: 87].

Передовая собака могла сослужить важную службу в том случае, если в ночное время или во время метели путник терял дорогу. Благодаря чутью вожака он благополучно выезжал к жилью, но происходило это в том случае, «если от жилья же ветер и самое жилье не далее 6—7 верст...» [Депрерадович 1877: 64].

Вожак пользовался привилегированным положением (им разрешалось свободно заходить в дом) и стоили недешево. За образцовую передовую собаку давали 5—6 топоров либо меч (который обычно стоил от 10 до 20 соболей), иногда приплачивая 2—3 соболя [Добротворский 1875: 80; Описание 1990: 10]. Но и обычные ездовые собаки очень ценились: собака, «хорошо тянущая потяг», стоила от двух до пяти соболей [Добротворский 1875: 80].

По Мамия Риндзо, сахалинцы жили с собаками одной семьей, в пути спали бок о бок, ели из одной миски. При этом слабых и больных, а также сук, неспособных прокормить свое потомство, умерщвляли. Их вешали, шкуры снимали, а мясо ели. Если собака умирала от болезни, шкуру с нее употребляли в хозяйстве, но мясо в пищу никогда не шло [Описание 1990: 109, 110].

Согласно Б. О. Пилсудскому, больше всего собаководство было развито на восточном побережье Сахалина и менее — на юге западного, где почти круглый год передвигались на лодках. Нередко из-за собак возникали конфликты с русскими поселенцами, чьи пастбища находились около айнских стойбищ: «Айнские собаки топчут эти посеивы... бывают случаи, что... грызут телят и жеребят, которые без всякого призора пускаются на пастбище... В с. Найэро летом 1904 г. было застрелено 14 нартовых собак, до 5 собак отравилось разбросанными недалеко от селения пометами (из стрихнина) на лисиц. Охотники-поселенцы не хотят внять просьбам айнов и класть пометы лишь на далеком расстоянии от селения» [Пилсудский 1907а: 104].

С конца XIX — начала XX в. в Амуро-Сахалинской области упряжное собаководство стало приходить в упадок. После Второй мировой войны множество лаек было вывезено на Хоккайдо, на Сахалине же к настоящему времени их почти не осталось. Что касается породы айну, то она завоевала в Японии большую популярность и ее разведением сейчас широко занимаются японцы.

Ведутся большие споры по поводу истоков коневодства у айнов. Известно, что, в отличие от айнов Сахалина и Курильских островов, хоккайдские айны ездили на лошадях (рис. 86). При этом у них были лошади особой «косматой» породы, разведением которых занимались в юго-западной части Хоккайдо.

Сложно сказать, насколько глубоко уходит корнями в историю айнское искусство конной верховой езды. В письменных источниках до XIX в. информации об этом нет. Но не следует забывать, что предки айнов — *эмиси*, — по многим японским источникам, были искусными всадниками и свое искусство они могли передать айнам

Рис. 86. Айны Хоккайдо верхом на лошади. Фотография из серии «Айну фудзоку», Хоккайдо (вторая половина XIX в.).

Источник: [URL: <http://www.lib.hokudai.ac.jp>]

по наследству⁵. Дело в том, что, несмотря на длительную хронологическую лагуну, описания айнского коневодства в XIX — начале XX в. позволяют предполагать именно это.

По наблюдениям европейцев, айны ездили верхом без седел и стремян, обходясь лишь чепраками. Несмотря на довольно смешную посадку (почти на шее лошади), они сидели необыкновенно крепко и управлялись с животным мастерски. Более того, среди туземцев нередко встречались хорошие верховые лошади, каких трудно было найти в местностях, населенных японцами [Анучин 1876: 202].

Изображение айна с ребенком, скачущего верхом на лошади, встречается в рисунке Хирасава Бёдзан «Дзё:ба-но дзу» (вторая половина XIX в.) (рис. 87). У лошади нет ни седла, ни стремян, только узда и удила [Ainu-no shiki 1999: 43]. Еще два изображения айнских всадников юго-западной области Хоккайдо (район Муроран) есть в

Рис. 87. Айны Хоккайдо верхом на лошади. Хирасава Бёдзан, середина XIX в. Библиотека Университета Тэнри (№ 217-9-436713).
Источник: [Ainu-no shiki 1999: 43]

⁵ В. Д. Косарев обратил внимание на то, что *эмиси* обладали лошадьми особой породы, напоминавшей монгольскую, тогда как японцы — лошадьми, ввезенными из Китая через Корею, восходящими к скифско-иранской породе. Айны Хоккайдо, отмечает он, в XIX в. имели коней именно таких, какие были у *эмиси*.

Рис. 88. Айн Хоккайдо верхом на лошади. «Бакумацуки Мороран фу:буцудзу», середина XIX в. Источник: [Vakumatsuki середина XIX в. URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

серии иллюстраций «Бакумацуки Мороран фу:буцудзу», выполненной в середине XIX в. (рис. 88). На одной картине показана сцена охоты (наездник стреляет в оленя на скаку из ружья), на другой — возвращение с оленьей охоты [Vakumatsuki середина XIX в. URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]. Хорошо видно, что седел и стремян здесь тоже нет.

Примечательно, что в коллекциях Российского этнографического музея все же сохранилось седло айнов Хоккайдо с чепраком, приобретенное В. Н. Васильевым в селении Биратори (рис. 89). Но это седло японского производства (длина 56,5 см, высота 50 см, ширина 42 см) [Горбачёва, Карапетова 2007: 47].

В начале XX в. разведением лошадей по примеру русских поселенцев начали заниматься и айны Сахалина [Из научного архива 1995: 34]. По свидетельствам Б. О. Пилсудского, «у них уже имеется 42 лошади», а также 12 голов крупного рогатого скота (айнск. *неко*) [Добротворский 1875: 248; Пилсудский 1907а: 104]. Русские поселенцы нередко посмеивались над айнами, «находя, что скот они

Рис. 89. Седло айнов Хоккайдо. РЭМ (№ 2814-2)

кормят так же, как собак, то есть давая им корм раз в сутки. Скот действительно у них большей частью тощий...» [Пилсудский 1907а: 104]. А дело в том, что торговцы, пользуясь незнанием айнов в вопросах животноводства, зачастую продавали им животных, «совершенно истощенных, как более дешевых, а нередко и чем-либо искалеченных» [Пилсудский 1907: 104]. Так или иначе, по данным на 1904 г., на Южном Сахалине скот имелся в 35 айнских хозяйствах [Левин, Дубровина 1969: л. 34].

После передачи в 1905 г. Южного Сахалина Японии большинство русских было вывезено на материковую часть России, поэтому на острове осталось большое количество беспризорного скота, который бродил по лугам и тайге до поздней осени. Айны получили от японских властей разрешение ловить этот скот и часть оставлять себе, но при условии, чтобы каждый мог взять лишь такое количество голов, которое смог бы прокормить. И хотя некоторым удалось выловить до трехсот животных, воспользоваться ими в полной мере возможности не представилось [Пилсудский 2012: 26].

Интересно, что в селении Тарайка (на восточном побережье Сахалина) несколько айнов держали оленей. Сами айны за ними не ухаживали, а отдавали в пользование знакомым орокам [Из научного архива 1995: 28]. Оленеводство в среде айнов не получило распространения.

Ремесла

Ремесла в социально-экономической жизни айнов, при всем их разнообразии и важности, не выделялись в отдельную профессиональную деятельность. Каждый мужчина плотничал, столярничал, занимался другими необходимыми делами. Не меньше занятий было у женщин, прежде всего они занимались ткачеством и плетением.

Особенно трудоемким и ответственным женским делом считалось изготовление одежды. Вначале следовало заготовить надлежащего качества сырье, тщательно обработать его, затем свить нити. Для ткачества использовались нити из коры деревьев (ильма, вяза, липы), в том числе кустовидных (бересклет, целаструс) или травы (в основном крапивы).

Кору заготавливали весной. Ее старались снимать в период выделения сока, пока она плотно не срослась со стволом. Во время сбора соблюдали особые ритуалы — на деревьях помещали рис, пшено, табак, после чего просили дерево одолжить «одежду» [Арутюнов, Щebenьков 1992: 185]. Брли кору всегда с южной стороны дерева — она считалась наиболее качественной. Топориком *ната* делали надрез на стволе, отделяли надрезанную часть и двумя руками отдирали длинную полосу снизу вверх. Оголенную часть ствола с северной стороны обвязывали веревкой, после чего совершали ритуал изгнания злых духов. У снятой коры разъединяли внешний и внутренний слои, внутренний (волокнистый) несли домой.

Способы обработки волокон у айнов Хоккайдо и Сахалина существенно отличались. Хоккайдские айны волокнистую часть (в виде полос) просушивали несколько дней, сворачивали и помещали в сосуд с кипятком. В кипяток добавляли древесный пепел, а сосуд закрывали крышкой. Спустя какое-то время полосы становились мягкими и приобретали красноватый оттенок. Тогда их промывали, одновременно расслаивая каждую полосу пальцами на несколько более тонких слоев, и вешали для просушки на специальный шест (айнск. *кума*). Этот процесс изображен на одной из иллюстраций работы Хата Авакимару «Эдзо сэйкэй дзусэцу» (1823). Просушенную заготовку снова размягчали в воде, рвали пальцами на узкие полосы, сушили и после этого каждую полоску слегка подкручивали пальцами. Получалась нить, готовая к применению. Если нить оказывалась короткой, к ней подвязывалась вторая, при этом

узелок делался таким маленьким, что не бросался в глаза [Ainu seikatsu bunka 2010: 6].

В некоторых районах Хоккайдо после отделения внутренней части коры от внешней волокнистые полосы обмывали, помещали на несколько дней в воду и лишь затем опускали в кипяток. После этого заготовку для придания ей глянца обильно посыпали рисовыми высевами, 3–4 дня вымачивали под прессом, а потом промывали в чистой воде и сушили [Ainu minzoku monyo: 2010: 70].

Айны Сахалина, по одним сведениям, подкорковый слой луба от недели до десяти дней держали в соленой воде, сушили, а по другим — около двух дней вымачивали в воде и выставляли на мороз. Процедуру вымачивания и вымораживания повторяли несколько раз, пока волокно не приобретало необходимой мягкости и белизны [Депрерадович 1877: 4; Онуки-Тирни 1996, № 2: 90]. Если требовалось придать лубу красноватый цвет, его выдерживали в воде с ольховой корой [Онуки-Тирни 1996, № 2: 92].

Широкое распространение в культуре сахалинских, а также курильских айнов наряду с изделиями из луба получила одежда из волокон крапивы. Сбор крапивы происходил осенью. Собранные сухие стебли на вертикальной доске раковинной разделяли на волокно и кострику. Волокно промывали в воде, сушили на открытом воздухе, а с наступлением морозов «растирали в холодной воде и на полдня клали в снег, затем натягивали на раму и оставляли до получения требуемой белизны» (рис. 90) [Добротворский 1875: 77; Попов 1955: 56]. Готовый материал, так же как и древесное волокно, рвали пальцами на узкие полосы, после чего скручивали в нити.

На Хоккайдо специальных инструментов для скручивания нитей не обнаружено (как уже говорилось, узкие полосы лишь слегка подкручивали пальцами); айны Сахалина толстые нити вили на катушках, а тонкие (крапивные) — на веретенах. Катушка (айнск. *каиканэ*) имела форму прямоугольной рамы, свободно вращающейся на стержне, длиной около 30 см (рис. 91). Две боковые продольные планки были прямыми или слабоизогнутыми [Попов 1955: 50]. У нивхов и нанайцев бытовали подобного рода катушки, несколько отличавшиеся по форме. Веретено (айнск. *каноиэ*, *каноини*, *туму*) представляло собой деревянный стержень длиной около 70 см с отверстием на верхнем конце и круглым пряслищем диаметром 10 см (рис. 92). Этот инструмент был идентичен веретенам нанайцев и ульчей.

Рис. 90. Процесс отбеливания крапивного волокна на морозе.
МАЭ РАН (№ 1472-78)

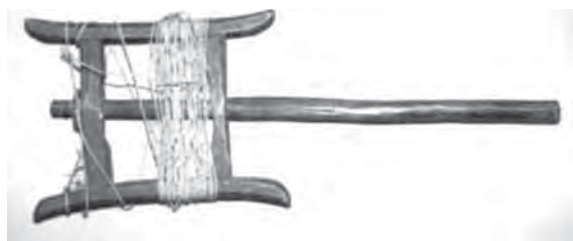

Рис. 91. Катушка айнов Сахалина *каиканэ*. МАЭ РАН (№ 700-79).
Источник: [Айнские коллекции 1998: 49]

Рис. 92. Веретено айнов Сахалина *туму*. МАЭ РАН (№ 700-30).
Источник: [Айнские коллекции 1998: 14]

В Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН сохранилось айнское веретено с пряслищем, изготовленным из срезанной головки берцовой кости оленя. В коллекциях Российского этнографического музея есть деревянные пряслица [Попов 1955: 88]. Время бытования предметов — XIX — начало XX в.

Интересно, что археологи нередко обнаруживают фрагменты веретен в древних памятниках Хоккайдо. Это глиняные пряслица из дзёмонского памятника Сэйдзан (Нанаэ), охотских памятников Отафуку-ивадокуцу (Раусу), Моёро (Абасири), пряслице с осью из сацумонского памятника Юканбоси С-2 (Титосэ). Что касается айнской культуры, то, как это ни странно, таких находок в хоккайдских памятниках средних веков пока нет. И даже в письменном источнике «Эдзо сэйкэй дзусэцу», в котором показан процесс изготовления нитей айнами Хоккайдо, пряслица отсутствуют. Существует гипотеза, что хоккайдские айны довольно рано отказались от традиционного трудоемкого способа производства одежды из скрученных нитей (и, соответственно, от использования пряслиц) и произошло это под влиянием японской культуры⁶. Айны же Сахалина сохраняли исконные способы ткачества вплоть до последнего времени [Норпо: minzoku 1990: 52; Yoshimoto 2006: 138].

После изготовления нити сматывались в клубки (айнск. *катак*) (рис. 93). Для тканья одежды требовались два клубка: с одного брали основную нить, которую натягивали между валами станка, а с другого уточную — перед использованием ее перематывали на специальный челнок. Челнок с нитью на хоккайдском диалекте назывался *ахункани* или *ахунканит*, на сахалинском — *ахгуннись*.

Для ткачества применялись наспинные горизонтального тканья (без рамы) станки, известные на Хоккайдо как *аттусикар-нэ*, а на Сахалине — как *аттусикар-орунбэ*, *ахруськар-оруннэ* или *икар-оруннэ* (рис. 94). В его конструкцию входили «пряжной вал», роль которого могло выполнять дерево, бердо (айнск. *воса*), зевобразователь (айнск. *камакан*), ремизная планка (айнск. *нэка-ун-ни*; *нэка-хынни* (Биратори, Отани)), прибывало (айнск. *нэра*, *икаремус* (Биратори)), приемный вал (айнск. *тумамунни*) и лямка в виде выгнутой деревянной пластины (айнск. *иситомусин*; *укараку* (Биратори));

⁶ Автор благодарит за консультацию по данному вопросу профессора Ёсимото Синобу (Государственный этнологический музей Осака).

Рис. 93. Клубок нитей айнов Хоккайдо *ка-так*. Музей народа айну (№ 11237). Источник: [Baba, Kodama 2000: 83]

Рис. 94. Наспинный станок для ткачества айнов Хоккайдо *аттусикар-орунбэ*. Музей археологии и антропологии Пенсильванского университета (A-418). Источник: [Ainu-no ko:gei 2008: 44]

икарану (Отани)), соединявшейся с валом⁷. Во время изготовления ткани нити разделяли по ширине при помощи гребенчатого берда и треугольным зевобразователем распределяли их по нижне-

⁷ Некоторые детали могли отличаться по форме. В частности, зевобразователи были треугольные, круглые, квадратные, с различными вырезами и пазами.

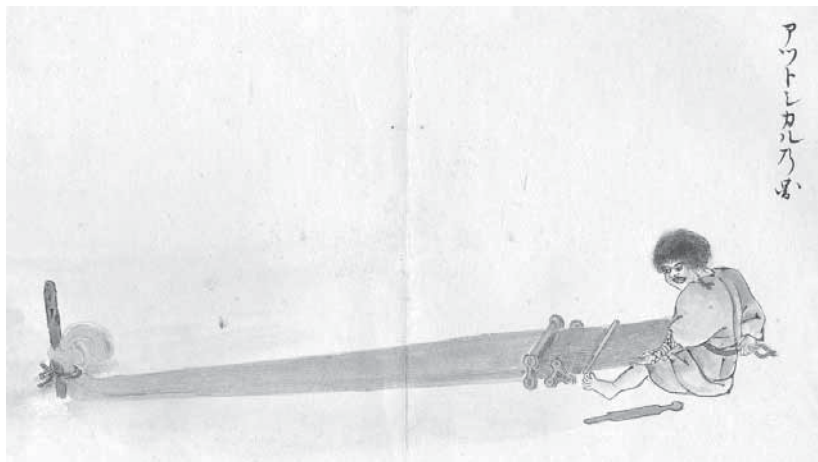

Рис. 95. Процесс ткачества на станке *аттусикар-орунбэ*. «Эдзо сэйкэй дзусэцу», Хата Авакимару, Мураками Тэйсукэ, Мамия Риндзо (1823). Токийский государственный университет

му и верхнему уровням. Ремизная планка, кроме всего прочего, служила для образования вспомогательного зева, а мечеобразное прибывало сдвигало нити к опушке готовой ткани. Сотканная материя наматывалась на приемный вал (рис. 95).

Материалом для изготовления тканей служили не только нити из древесного луба и волокон крапивы, но также из хлопка или льна. В процессе ткачества в определенной последовательности их добавляли к нитям основы и получали полосатую материя.

Айны Сахалина при изготовлении халатов иногда сочетали нити из древесного луба и крапивы, учитывая особенности каждого из этих материалов. Так, лубяные волокна были менее прочные, чем крапивные, поэтому их обычно использовали для основы, тогда как крапиву — для утка [Онуки-Тирни 1996, № 2: 90].

Детали ткацких станков обнаруживаются на древних стоянках. Таковы ремизная планка в виде вытянутой деревянной «коробки» с решетчатым дном, найденная в сацумонском памятнике Сакаэура-2 (Токоро (Хоккайдо)), фрагменты прибывал в охотском памятнике Футацуива (Абасири (Хоккайдо)) и памятниках айнской культуры Юканбоси С-15, Биби-8 (Титосэ (Хоккайло)) [Yoshimoto 2006: 135]. Изображения айнского ткацкого станка можно видеть в работах Хата Авакимару «Эдзосима кикан» (1799–1800), Мацуура Такэ-

сиро «Эдзо манга» (1859) и некоторых других письменных источниках XIX в. Немало экземпляров сохранилось в музейных собраниях до настоящего времени.

По конструктивным особенностям механизм *аттусикар-нэ* наминал полинезийские, японские изделия, а также станки народов Сибири. Однако это отнюдь не свидетельствует о заимствовании, напротив, *аттусикар-нэ* можно рассматривать как исконно айское изобретение [Кюнер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 27].

Сравнительно поздно под японским влиянием в обиход айнов Хоккайдо вошли наспинные рамные станки, у которых переключение ткацкого зева осуществлялось при помощи ножной петли. Однако широкого распространения такие механизмы не получили [Yoshimoto 2013: 129].

Для изготовления поясов айны использовали аналогичные *аттусикар-нэ* станки, но меньших размеров (айнск. *куткар-нэ*) (рис. 96). На Хоккайдо и Сахалине, судя по описям Российского этнографического музея, их называли *камака* (Биратори, Отани).

Рис. 96. Женщина, изготавливающая пояс (Сахалин).
МАЭ РАН (№ 1472-79)

У хоккадских айнов станки для поясов были нескольких типов. Один из них полностью повторял конструкцию *аттусикар-нэ*, за исключением того, что бердо (айнск. *куткар-воса*), прибывало (айнск. *куткар-нэра*, *кут-нэра*) и остальные детали были меньших размеров, а пряжным валом служил небольшой колышек. Другой тип отличался отсутствием зевобразователя и формой берда, роль которого играла дощечка с отверстиями, расположенными по верхнему и нижнему уровням⁸. Третья разновидность — станки с зевобразователем, но без берда [Yoshimoto 2006: 131]. Между тем у сахалинских айнов бытовали станки с зевобразователем в виде бруска с горизонтальной щелью, напоминающие ульчские [Ibid.: 135].

Из ткани айны изготовляли стан и рукава халатов, которые сшивали лубяной нитью. Аппликацию и вышивку делали хлопчатобумажными или шелковыми нитями.

Нити наматывали на специальные катушки. У хоккайдских айнов катушки были в виде квадратной пластинки с фигурными вырезами (айнск. *нуйтосаиен*, *касаиен*), иногда с футляром для игл (айнск. *кэмонуйтосаиен*), а у сахалинских айнов — в виде фигурных прямоугольных пластин (айнск. *тарака-они*, *тэтарак-они*, *какокара-касени*; *ито-маки* (на японский манер)) (рис. 97) [Российский этнографический 2007: 284; Vaba, Kodama 2000: 84]. И те, и другие покрывались богатым орнаментом.

Древнейший инструмент для шитья — игла. Айнские иглы (айнск. *кэм*) в далеком прошлом были костяные или деревянные и изготавливались традиционным способом. Со временем, как и многие другие орудия труда, самодельные изделия вытеснили железные импортные (параллельно распространились шелковые и хлопчатобумажные нити) (рис. 98). Айны Хоккайдо иглы, а также хлопчатобумажные нити получали путем торгового обмена с японцами. На Сахалин же более тонкие иглы и нити из шелка попадали в основном с материка, через нивхов [Ainu-no ifukubunka 2001: 8].

Хранили иглы в специальных игольниках: деревянных, бамбуковых или костяных. Игольники в виде трубочки с крышкой назы-

⁸ Информация о бердо в виде дощечек с отверстиями отсутствует в древних письменных и иллюстративных источниках. Большинство сохранившихся до настоящего времени изделий относится к середине XIX в. и более позднему периоду. По всей видимости, они были заимствованы у северных соседей [Yoshimoto 2006: 135].

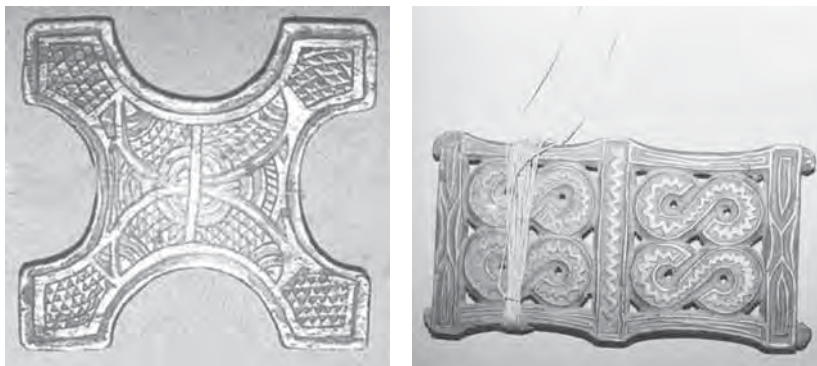

Рис. 97. Катушки айнов Хоккайдо *нуйтосаиен* (слева) и айнов Сахалина *тарака-они* (справа). МАЭ РАН (№ 700-134, № 839-25 д).

Источник: [Айнские коллекции 1998: 17, 78]

Рис. 98. Железные иглы *кэм* айнов Хоккайдо из памятника Биби 8 второй половины XVII — середины XVIII в. (*а, б, в*).

Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Костяная игла айнов Хоккайдо *кэм* из Кацуямадатэ XV—XVI вв. (*г*). Комитет по образованию г. Каминокуни.

Источник: [Matsuzaki 2001: 78; Morioka 2001: 146]

вались на Хоккайдо *кэм-оп*, а на Сахалине — *кэм-ох*. Были также игольники в виде трубочки с лоскутком ткани и подвешенной на конце монетой, известные как *тиспо* (рис. 99). В Государственном этнологическом музее Осака сохранились игольники айнов Курильских островов *кэмок*, изготовленные наподобие сумок и некогда привезенные Тории Рюдзо (рис. 100). Один игольник выполнен

Рис. 99. Игольник айнов Сахалина *кэм-ох* (вверху). МАЭ РАН (№ 700-46). Игольник айнов Хоккайдо *тиспо* (внизу). Музей народа айну (№ 61531).
Источник: [Айнские коллекции 1998: 15; Baba, Kodama 2000: 85]

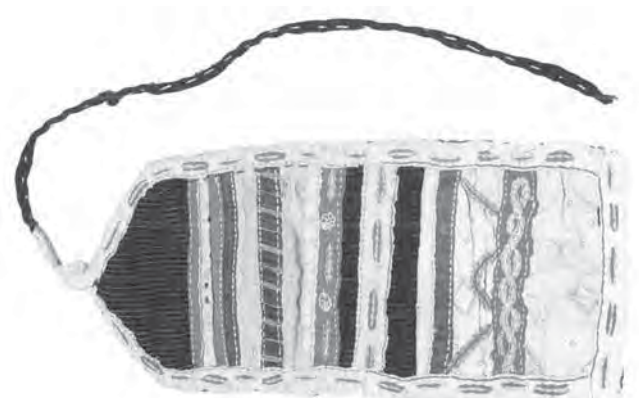

Рис. 100. Игольник айнов Курильских островов *кэмок*.
Государственный этнологический музей Осака (№ К 0002349).
Источник: [Chishima, Karafuto, Hokkaido 2011: 92]

из хлопчатобумажной и шелковой ткани. Он украшен пестрым орнаментом, состоящим из цветных полос и вышивки в виде прямых пунктирных или волнистых линий и двух небольших розеток. Другой игольник — из хлопчатобумажной и пеньковой материи с более простым орнаментом. Оба предмета в верхней части имеют по одной завязке, а сбоку — по два кармана. Такие изделия напоминают «сумки-хозяйки», бытовавшие повсеместно у алеутов и эскимосов Аляски.

Не забудем, что айны одинаково хорошо владели искусством как ткачества, так и плетения. Станок для плетения (на Хоккайдо — *итэсэ-ни*, на Сахалине — *итэсэ-нока*) состоял из горизонтальной планки на двух подставках с перекидными веревками. В планке были небольшие пазы для веревок, к ним с двух сторон крепились камешки. Такие станки главным образом использовались для плетения циновок и мешков (рис. 101).

Механизм *итэсэ-ни* был довольно архаичен, а ареал их распространения, как и в случае с ткацкими станками, — широким [Попов 1955: 103].

При изготовлении циновок стебли травы (чаще всего рогоза или осоки) располагали горизонтально вдоль верхней планки станка и, перекидывая веревки с камешками, сплетали их. Веревки делали из луба липы, бересклета или крапивного волокна. Если циновки орнаментировали, декор получали, вплетая лубяные волокна липы или ильма (в том числе окрашенные) и цветные хлопчатобумажные нити. Орнамент был геометрический, черного, коричневого, желтого, фиолетового, голубого, красного или белого цветов [Nishizuru 1942: 62; Sasaki 1995: 10].

Окраска производилась красителями на натуральной основе, а также химическим способом. Растительные краски черного цвета добывали выжимками из коры березы, ивы, дуба, водорослей; красного — из сока японской ольхи, вяза, цветов шиповника, железного сурика, киновари; коричневого — из коры ольхи; желтого — из коры пробкового дерева; фиолетового — из плодов ганкора; белого — из белой глины. При химическом способе темные краски получали, соединяя железо и танин из коры маньчжурского ореха или дуба зубчатолистного. В XIX в. среди айнов получили распространение красители японского производства [Арутюнов, Щебенков 1992: 186].

Некоторые изделия, такие как портупей для мечей (айнск. *мусьац*) и налобные повязки (айнск. *тара*), айны плели вручную,

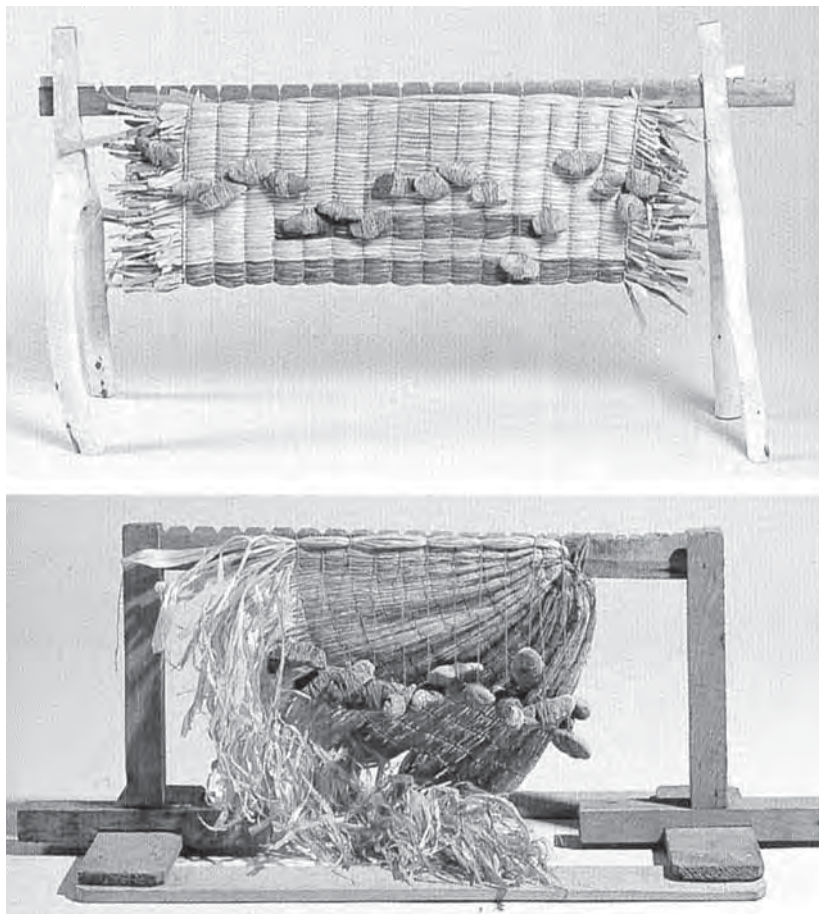

Рис. 101. Айнский станок для плетения *итэсэ-ни* и способ плетения на станке мешка *саранип*. Источник: [Hokkaido:-no kiso: 2003: 43]

прибегая к килимному ткачеству. Для этого использовали раздвоенную ветку, к которой подвешивали в горизонтальном положении ремизки, через ремизки пропускали вертикальные нити основы из луба и снизу поджимали их к полу ногой. Уточные нити (тоньше нитей основы) могли быть из луба или хлопчатобумажной ткани (для орнамента). В процессе ткачества их брали из челнока и пробрасывали. Кромки изделия при этом заделывали. Такой способ плетения

получил распространение не только у айнов, но и среди японцев⁹ [Yoshimoto 2013: 123].

Переходя к мужским занятиям, следует отметить, что большинство инструментов у айнов предназначалось для заготовки и обработки древесины. Основным среди них с незапамятных времен являлся топор (айнск. *мукар* (повсеместно), *массакари* (только на Хоккайдо)) [Добровольский 1875: 163, 364; Кюнер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 28]. До недавних времен топоры были каменные. Они изготовлялись из агата, назывались *поинамукар* (*пои* — камень) и долго сохранялись в быту айнов Курил [Позднеев 1909, т. 1: 52; Таксами, Косарев 1990: 132].

По форме *поинамукар* напоминали мотыгу — каменный наконечник, привязанный к прямой или загнутой в виде крюка палке. Со временем вместо камня стали использоваться железные наконечники, самодельные либо импортные (японские) (рис. 102). До последнего времени топоры с повернутыми перпендикулярно рукоятке металлическими наконечниками применялись как тесло для долбления лодок. Они бытовали и у нивхов [Кабо 1975: 42]. Другая

Рис. 102. Топор с повернутым перпендикулярно рукоятке каменным наконечником айнов Хоккайдо (слева) и металлическим наконечником айнов Сахалина (справа). РЭМ (№ 2810-55ab, № 6756-10)

⁹ Автор благодарит за консультацию Ёсимото Синобу, Сасаки Сиро (Государственный этнологический музей Осака) и Е. Г. Цареву (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН).

разновидность железных топоров — изделия японского производства с плоским массивным лезвием на длинной прямой рукояти (рис. 103, 104). Ими айны рубили лес, а также обрабатывали дерево при строительстве жилищ.

Во время строительных работ (для подгонки опорных столбов, размягчения виноградной лозы), а также в домашнем хозяйстве айны часто применяли молоты, которые делились на деревянные самодельные и металлические привозные. Самодельные изделия (айнск. *тутти*, *туци*) различались по форме: некоторые изготавли-

Рис. 103. Топоры айнов Хоккайдо *мукар* из памятника Нибутани периода Средние века — Новое время. Комитет по образованию г. Биратори. Источник: [Morioka 2001: 102]

Рис. 104. Топоры айнов Хоккайдо *мукар* из памятника Биби 8 середины XV — второй половины XVII в. (слева); второй половины XVII — середины XVIII в. (в центре); эпохи Сацумон — второй половины XVII в. (справа). Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Источник: [Morioka 2001: 138]

вались из одного куска дерева и напоминали дубинку, другие собирались из двух элементов в виде буквы «Т» [Кюнер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 271. Л. 23]. Деревянный набалдашник у составных молотов мог соединяться с рукоятью через отверстие либо через специальный паз, сделанный сбоку (рис. 105). У японского молота имелся железный набалдашник. На Хоккайдо, Сахалине и Камчатке его называли *итата*, а на Сахалине — *кане-туци* (*кане* — металл) [Добровотворский 1875: 100, 117; Batchelor 1926: 200].

Рис. 105. Молотки айнов Хоккайдо *тути* из памятника Биби 8 второй половины XVII — середины XVIII в. (вверху) и середины XV — второй половины XVII в. (в центре и внизу). Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо.

Источник: [Morioka 2001: 137]

Из вспомогательных орудий известны тесло (айнск. *мотта*; *икэурэ* (Сахалин)), бурав (айнск. *икиса*, *икисап*, *икисах*, *икиса-ни*, *икиса-кани*), долото (айнск. *номи*), напильник (айнск. *исируп*, *исирюв*, *ясори*). Теслами айны часто пользовались при изготовлении предметов, внутренней поверхности которых надо было придать округлую форму (лодки, ступы и пр.), а буравами — для сверления отверстий в нартах [Добротворский 1875: 79, 96; Batchelor 1926: 174, 196, 290; Nishizuru 1942: 61]. Для полировки дерева применяли хвощ [Штернберг 1905: 82].

Буравы были ременные, с лучком или без него (рис. 106). Первый тип представлял собой деревянный стержень с металлическим острием и выгнутой планкой с ремнем, крепившимся на стержне у острия. Вначале сверло при помощи лучка закручивали, а затем отпускали — за счет усилия жгута устройство приводилось в действие. Сходный инструмент получил широкое распространение у самых разных народов: и северных, и южных, в том числе полинезийских. Он имеет тесную связь с лучковыми приспособлениями для добывания огня [Попов 1937: 133]. Другим типом бурава был металлический стержень в деревянной рифленой оправе, оканчивающейся

Рис. 106. Буравы айнов Сахалина *икисап*. МАЭ РАН (№ 700-130, 257 ж).
Источник: [Айнские коллекции 1998: 52, 59]

выступом. Рифленая поверхность обхватывалась ремнем, который попеременно тянули два человека. При этом на выступ насаживался брусок — во время сверления на него давили рукой, создавая дополнительное усилие. Буравы с рифлеными оправами бытовали повсеместно у нижнеамурских народов. Примечательно, что в музейных коллекциях их сохранилось значительно больше, нежели дрелей с лучком.

Отдельного внимания заслуживают кузнечные инструменты. Археологические находки свидетельствуют о том, что кузнечное дело на уровне вторичной обработки металла получило распространение на Хоккайдо и Сахалине уже в эпоху Сацумон. И в последующие века айны выменивали у японцев железо (гвозди либо ненужный лом) и перековывали его (рис. 107, 108). Лишь к XIX в. производство железа значительно сократилось — кустарные изделия оказались вытеснены более качественной привозной продукцией [Шренк 1903: 10].

Рис. 107. Кузница в айнском селении на Сахалине.
МАЭ РАН (№ 1472-71)

Рис. 108. Процесс вторичной переработки металла айнами Сахалина.
«Китаэдзодзу тибу», Мамия Риндзо, Мураками Тэйсукэ (1810).
Токийский государственный музей

Из кузнечных инструментов важными были молоты *итата*, о которых уже шла речь, мехи (айнск. *пуки*), наковальни (айнск. *канаськи*, *икарони* (первое слово японского происхождения, второе — айнского)) и щипцы (рис. 109–112). Мехи айны делали либо из двух дощечек, сшитых тюленьей кожей, с длинной деревянной трубкой — воздухопроводом, либо в виде мешка из рыбьей кожи с короткой трубкой [Mamiya 1943: 62]. Молотом мог служить обух топора [Описание 1990: 114]. Наковальни представляли собой деревянный брусок с металлическим клином, камень с гладкой поверхностью, а щипцы — железные японские изделия с длинными тонкими (айнск. *кудзико-васи*) или маленькими (айнск. *вахци*, *кануфпе*) губами.

Кузнечными работами айны занимались под специальным навесом, соединявшимся с крышей жилища. Один работник качал мехами воздух, другой занимался ковкой. Мамия Риндзо писал: «Воздуходув нажимает на меха правой рукой, а левой держит трубку, чтобы не было утечки воздуха... Плохо поддающаяся ковке сталь

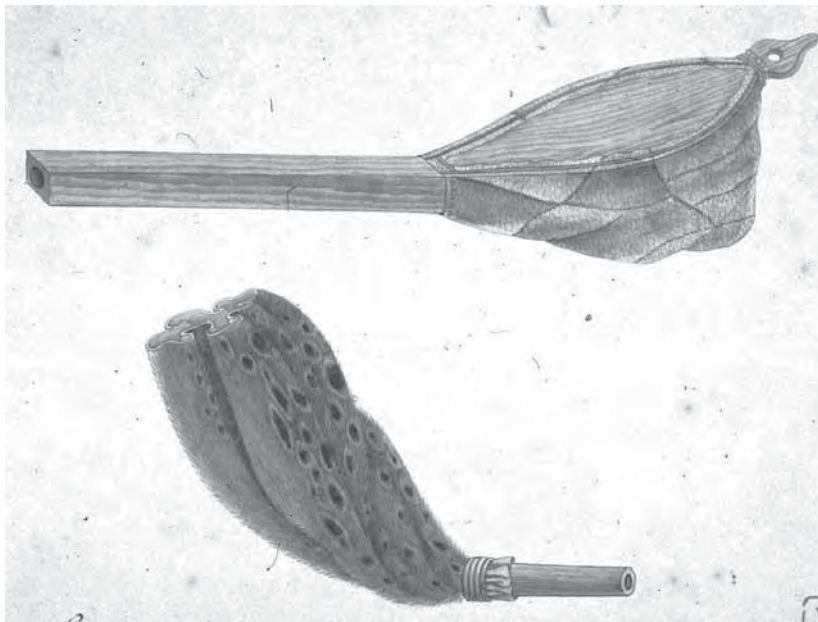

Рис. 109. Мехи кустарного производства айнов Сахалина *пуки*.
«Карафуту фудзоку дзу», Кавахара Кэйга (1828).
Токийский государственный музей

Рис. 110. Наковальня айнов Сахалина *икарони*. МАЭ РАН (№ 700-81).
Источник: [Айнские коллекции 1998: 50]

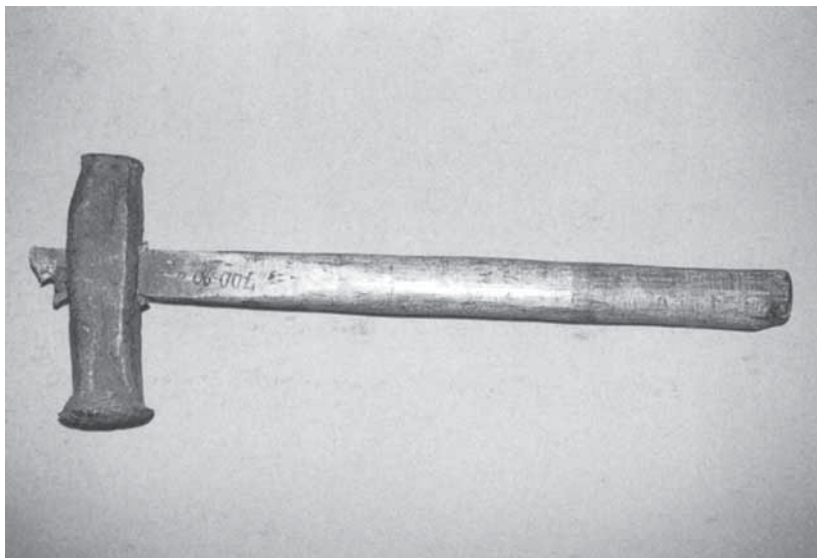

Рис. 111. Металлический молот айнов Сахалина *umata*.
МАЭ РАН (№ 700-90 а). Источник: [Айнские коллекции 1998: 50]

Рис. 112. Кузнечные щипцы айнов Сахалина *vaxci* (слева)
и *kudziko-vasi* (справа). МАЭ РАН (№ 700-86, 87)

или железные фрагменты, которые необходимо соединить, обмазываются глиной и подвергаются предварительному нагреву... При изготовлении топоров, ножей и других режущих инструментов металл сначала отпускают сильным нагревом, как и у нас в стране. Однако качество кованных изделий весьма низкое...» [Описание 1990: 115].

В повседневной жизни самыми востребованными инструментами у айнов были ножи. Они часто встречаются в айнских археологических памятниках XIII–XIX вв. и неоднократно упоминаются в письменных источниках (рис. 113–118). Одно из наиболее ранних изображений есть в «Эдзоси» Араи Хакусэки (1720) — айнка с ножом на поясе [Sasaki Toshikazu 2001: 109; Utagawa 1992: 357]. Айнские ножи условно делят на два типа: с небольшими, сравнительно узкими клинками, известные под общим названием *макири*, и с массивными и длинными клинками — *тасиро*. Первые — наиболее древние. Скорее всего, в прошлом айны их изготавливали самостоятельно, перековывая гвозди или лом, впоследствии же наравне с кустарными изделиями стали широко использовать привозную японскую продукцию [Sasaki 1995: 68].

Среди *макири* можно выделить несколько разновидностей, классифицировав их по месту производства и форме. Это ножи хоккайдского, сахалинского и курильского типов.

Рис. 113. Ножи айнов Хоккайдо *макири* из археологического памятника Биби 8 эпохи Сацумон — второй половины XVII в. (вверху) и середины XV — второй половины XVII в. (внизу).

Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Источник: [Morioka 2001: 140]

Рис. 114. Клинок айнов Хоккайдо от ножа *тасиро* из археологического памятника Биби 8 второй половины XVII — середины XVIII в. Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Источник: [Мориока 2001: 140]

Рис. 115. Нож айнов Хоккайдо *макири* из захоронения № 2 Нибутани периода Средние века — Новое время. Комитет по образованию г. Биратори. Источник: [Мориока 2001: 108]

Рис. 116. Деревянные рукояти айнов Хоккайдо от ножей *макири* из памятника Биби 8 середины XV — второй половины XVII в. (вверху), эпохи Сацумон — второй половины XVII в. (в центре), второй половины XVII — середины XVIII в. (внизу). Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Источник: [Мориока 2001: 138, 139]

Рис. 117. Деревянная рукоять айнов Хоккайдо от ножа *макири* из памятника Биби 8 второй половины XVII — середины XVIII в. (вверху) и ножа *тасиро* середины XV — второй половины XVII в. (внизу). Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Источник: [Mogioka 2001: 140, 141]

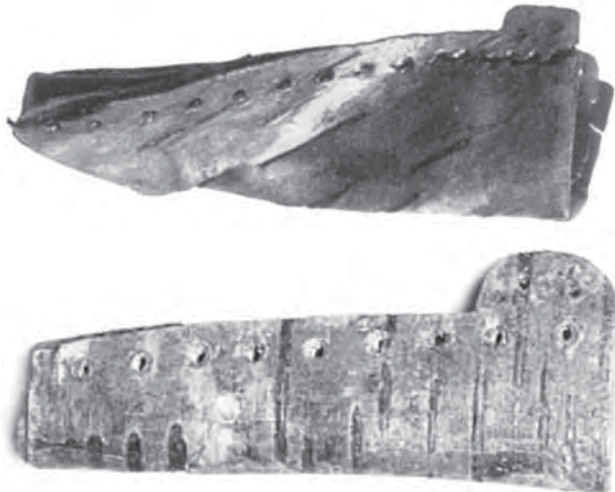

Рис. 118. Берестяные ножны ножей *макири* айнов Хоккайдо из памятника Биби 8 второй половины XVII — середины XVIII в. Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Источник: [Mogioka 2001: 140]

Для ножей Хоккайдо были характерны клинки с небольшим изгибом, односторонней заточкой и длиной лезвия от 10 см и более [Тобу 1995: 150]. Хвостовик клинка вставлялся в рукоять, изготовленную из цельного куска дерева, оленьего рога или кости. У некоторых ножей деревянные рукояти обматывались шкурой или рыбьей кожей. Обращает на себя внимание устройство ножен: устье было несколько расширено, поэтому рукоять ножа частично входила в ножны вместе с клинком. Нож подвешивался к поясу таким образом, что лезвие было обращено вверх (рис. 119) [Sasaki 1995: 68].

Ножны (айнск. *сая*) хоккайдцы изготавливали из дерева, оленьего рога, кости, коры (бересты), шкур животных, рыбьей кожи (сахалинского осетра), но преобладали деревянные. Их выдалбливали из цельного куска дерева либо составляли из двух половинок, соединенных ремешками из коры сакуры или костяными втулками [Muraki 2004: 71; Тобу 1995: 150].

Украшали ножны вихревыми и криволинейными узорами, рисунком в виде плетеного шнура, а позднее — декором из рыбьей чешуи, сеткой из наклонных линий и изображениями морских волн. На сравнительно поздних образцах можно видеть розеточные орнаменты в барельефе, а также растительные мотивы «каракуса», имеющие японское происхождение. Изредка резчик ставил на готовое изделие свое клеймо [Sasaki 1995: 69].

На Сахалине ножи были с искривленными клинками длиной от 5 см, а также с прямыми обоюдоострыми, длиной примерно от 18 до 25–30 см. Согласно Мамия Риндзо, при строгании дерева туземцы вели лезвие не от себя, а к себе, поэтому *макири* снабжались режущей кромкой на вогнутой стороне клинка [Описание 1990: 115].

Рис. 119. Нож мужской айнов Хоккайдо *макири* с деревянными ножнами. МАЭ РАН (№ 839-138а). Источник: [Айнские коллекции 1998: 37]

Монтировка деревянных ножен и рукояток искривленных ножей с длинными клинками была такова, что рукоятка вплотную примыкала к устью ножен, не заходя внутрь. Окончание ножен могло принимать форму сегмента. Тесьма для подвешивания делалась из кожи и дополнялась металлическими украшениями. Нож располагался так, что лезвие оказывалось снизу (рис. 120). Между тем у ножей с короткими кривыми, а также и с прямыми обоюдоострыми клинками рукоятка частично заходила в ножны (рис. 121).

Рис. 120. Нож женский айнов Сахалина *эпирикэ* с деревянными ножнами. МАЭ РАН (№ 700-2). Источник: [Айнские коллекции 1998: 45]

Рис. 121. Нож айнов Сахалина *чех-ик-макири* с кожаными ножнами. МАЭ РАН (№ 202-81аб). Источник: [Айнские коллекции 1998: 11]

Рис. 122. Нож айнов Сахалина *онтотомуспе* с кожаными ножнами. МАЭ РАН (№ 202-82а, б). Источник: [Айнские коллекции 1998: 11]

Ножи с большим лезвием сахалинские айны в общем называли *поро-макири*, *инасаку* или *инасаку-макири*, ножи с обоюдоострым лезвием (нивхского типа) — *онтотомуспе*, а с коротким — *чех-ик-макири* (рис. 122) [Добротворский 1875: 81, 85, 227; Nishizuru 1942: 60; Sasaki 1995: 68]. Дословно название *чех-ик-макири* означало «нож узкий и длинный, как хребет рыбы» (*чех-ик* — рыбий спинной хребет). Рукояти у таких ножей были длиннее клинка [Roshia minzokugakuhakubutsukan 2005: 125].

Надо заметить, что и у народов Нижнего Амура бытовали ножи, аналогичные по форме *чех-ик-макири*. Очевидно, что это был единый ареал, в котором использовался данный тип ножей, как и многие другие предметы. Впоследствии короткоклинковые изделия, подобные *чех-ик-макири*, получили распространение на Хоккайдо.

Для изготовления ножен айнам Сахалина служили те же материалы, что и на Хоккайдо, но доля изделий из бересты, шкур животных и рыбьей кожи (сахалинского осетра, а также хвоста калуги) была значительно большей. Известно, что ножны из хвоста калуги, называвшиеся *цеп-кан-сая*, айны приобретали у амурских нивхов (рис. 123).

Деревянные ножны могли украшаться резьбой, за исключением изделий нивхского типа. В одном из айнских погребений на Сахалине (Кузнецово-I) удалось найти нож в ножнах, на которых отчетливо просматривалась личина [Голубев, Плотников, Тарасов 1986: 15].

У ножей курильских айнов были слабоизогнутые или прямые клинки различной величины и деревянные рукояти. Носили их в кожаных или деревянных ножнах лезвием вверх, рукояти частично заходили в устье (рис. 124).

Рис. 123. Ножны из хвоста калуги айнов Сахалина *цеп-кап-сая*. МАЭ РАН (№ 700-107). Источник: [Айнские коллекции 1998: 16]

Рис. 124. Деревянные ножны *сая* с костяными вставками айнов Курильских островов. МАЭ РАН (№ 820-5, 6).
Источник: [Айнские коллекции 1998: 25, 27]

Рис. 125. Нож айнов Курильских островов *эпере-ники* с деревянными ножнами. Государственный этнологический музей г. Осака (№ К 0002351).
Источник: [Chishima, Karafuto, Hokkaido 2011: 19]

В коллекциях Государственного этнологического музея Осака хранятся два ножа в ножнах необычной формы, с короткими насечками и подкраской (рис. 125). Согласно музейной документации, они назывались *эпере-ники*. Также в этом музее имеется нож курильцев с длинной рукоятью и коротким клинком, повторяющим форму сахалинских *чех-ик-макири*, а также ножны из хвоста калуги.

Особое название айны давали ножам с клинками японского производства — *сам-макири* или *сисам-макири* (*сисам* — японец, японский) (рис. 126). Клинки были довольно короткие, с односторонней заточкой, иногда с гравировкой японских письменных знаков, рукоятки также короткие, орнаментированные или без орнамента [Nishizuru 1942: 60].

Область применения *макири* отличалась широтой. Их использовали для кройки тканей, изготовления деревянной утвари и резьбы, срезания стеблей и корней и других целей [Ainu-no gekishi 2002: 8]. В некоторых случаях функции того или иного вида ножа определялись вполне четко. К примеру, шкуры животных сахалинские и хоккайдские айны сдирали при помощи *ири-макири* с почти прямыми, односторонне заточенными клинками, незначительно

Рис. 126. Нож айнов Хоккайдо с клинком японского производства *сам-макири*. РЭМ (№ 2810-68ab)

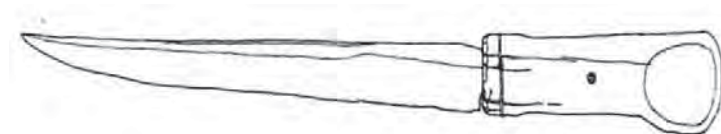

Рис. 127. Нож айнов Хоккайдо *ири-макири*. Источник: [Кауано 2002: 82]

Рис. 128. Нож айнов Сахалина *руукэ-макири*. РЭМ (№ 2810-70)

сужающимися со стороны заточки к концу¹⁰ (рис. 127) [Кауано 2002: 82]. Деревянную утварь повсеместно изготовляли ножами *руукэ-макири* с клинками, загнутыми наподобие крюка (рис. 128) [Roshia minzokugakuhakubutsukan 2005: 134]. Для изготовления *инау* использовали ножи-стамески, а также ножи с длинной рукоятью

¹⁰ На Сахалине Б. О. Пилсудский наблюдал, как один молодой айн, которому после проведения медвежьего праздника предстояло снимать с медведя шкуру, забылся и, вытащив свой нож, висевший у пояса, собрался использовать его. Хозяин, увидев это, отругал айна за нарушение обычая и отобрал нож в качестве штрафа [Пилсудский 1914: 125].

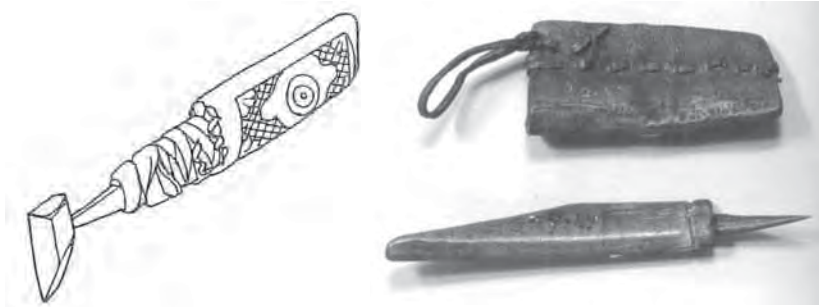

Рис. 129. Ножи айнов Хоккайдо (слева) и Сахалина (справа) *инау-кэ-макири*. РЭМ (№ 64-6аб).

Источник: [Российский этнографический 2007: 250; Kayano 2002: 65]

и коротким лезвием, называвшиеся *инау-кэ-макири* (рис. 129). Видимо, первый тип получил распространение под влиянием японской культуры. Изделия же с короткими клинками фактически являлись разновидностью универсальных ножей *чех-ик-макири*.

Сохранились свидетельства относительно «охранительных» целей клинков. Так, если айн слышал за собою ночью в дороге шум шагов злого духа, то он снимал с себя нижнее белье, обнажал два ножа и шел, наклонившись и размахивая сзади этими ножами. В таком случае, по поверьям айнов, злой дух убежал [Добротворский 1875: 41].

Отправляясь в дорогу, сахалинские айны часто вешали на пояс не один, а два ножа (рис. 130). Пара ножей *иносоку* (*инасаку*) и *са-макири* либо *чеики-макири* и *са-макири* была у мужчин, пара *эпирике* и *окоре-эпирике* — у женщин (слово *окоре-эпирике* указывало на подсобный нож) [Добротворский 1875: 34, 77, 222; Депрерадович 1877: 5; Nishizuru 1942: 55].

Женские ножи выделялись в отдельную категорию и на Хоккайдо назывались *мэноко-макири* (*мэноко* — женщина), а на Сахалине — *эпира*, *эпирикэ* или *эпирикэх* [Таксами, Косарев 1990: 124; Ainu monyo: -no bi 2008: 196; Karafuto ainu 1996: 35; Kayano 2002: 431]. Они служили кухонным инструментом, кроме этого, применялись в хозяйстве для самых различных целей. Ножи у *мэноко-макири* были с небольшими искривленными клинками, ножны узкие, постепенно сужавшиеся от устья к концу. У сахалинских *эпирикэ* ножны часто оканчивались сегментом (рис. 131). Наряду с этим встречаются

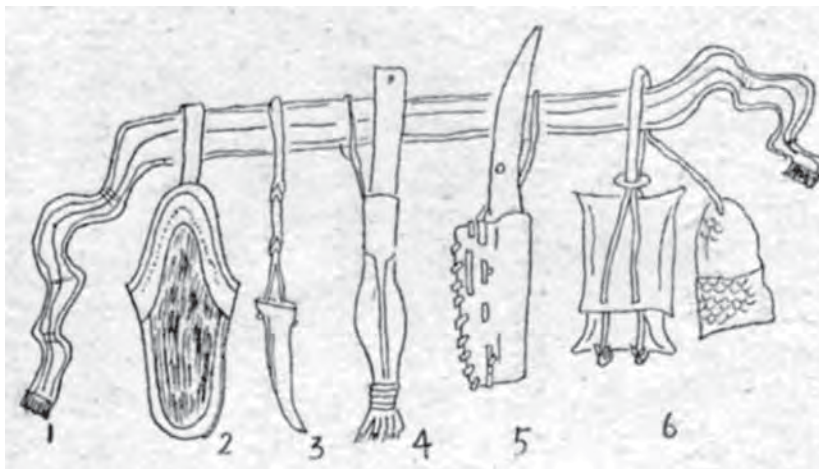

Рис. 130. Пояс айнов Сахалина (1) с кисетом (2), распутывателем узлов (3), двумя ножами — длинным прямым (айнск. *эпирикэ*), а также коротким слабо изогнутым (айнск. *инасаку-макири*) (4–5) и коробочками для кремня и точило (6). Источник: [Nishizuru 1942: 59]

Рис. 131. Ножны айнов Хоккайдо *сая* от ножа мужского (слева) и женского (справа). МАЭ РАН (№ 839-136/2, 137).
Источник: [Айнские коллекции 1998: 88]

Рис. 132. Нож айнов Хоккайдо *тасуро*.
РЭМ (№ 5102-33а, б)

и другие разновидности, например, материкового типа. Женский нож с прямым однолезвийным клинком и кожаными ножнами, в частности, имеется в коллекциях известного собирателя Кодама Сакудзаэмон. Согласно описи, он назывался *уирикеэх* [Karafuto ainu 1996: 35; Nishizuru 1942: 55].

Большие тяжелые *тасуро* с лезвиями длиной 30–35 см напоминали тесаки. Рукоятка и ножны у них были деревянными (рис. 132) [Кауано 2002: 294]. При цельнорезных рукоятках ножны состояли из двух половинок, скрепленных в нескольких местах полосками коры сакуры. Они покрывались самобытным резным орнаментом и снабжались с одной стороны скобообразным выступом, через который пропускался пояс. Перевязь, как на ножах *макири*, отсутствовала. Известно, что айны Хоккайдо ножны *тасуро* называли специальным словом *кэпусьнэ* или *тасуро-кэпусьнэ* [Ibid.: 226, 294].

Применялись *тасуро* в хозяйстве для колки и обработки древесины, а также на охоте [Mimura 2001: 155; Nishizuru 1942: 60; Roshia minzokugakuhakubutsukan 2005: 125]. По информации от сахалинских айнов селения Райтиси, изначально на острове их не было. Возможно, крупные ножи были завезены на Сахалин с Хоккайдо [Nishizuru 1942: 60].

Используя архаичные приспособления и инструменты, которые мы рассмотрели, айны создавали великолепную тканую и деревянную продукцию, не только функциональную, но и очень красивую (особенно праздничную). Не случайно японцы в прошлом охотно покупали в качестве сувениров айнские резные блюда или расшитые красивым орнаментом халаты.

Обработка кости, бересты и металла, хотя и была развита на должном уровне, играла второстепенную роль. В этом отношении айны отличались, например, от нивхов, уделявших значительное внимание работе по металлу.

В традиционных ремеслах айны Хоккайдо, Сахалина и Курил достигли высокого мастерства. Некоторые изделия, сохранившиеся донныне в музеях и частных коллекциях, признаются высокохудожественными произведениями искусства. Навыки изготовления таких предметов не утрачены и применяются по сей день. При этом айны стараются сохранить не только старые методы, но и связанные с ними обычаи — культурное достояние своего народа.

Глава V

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Религиозные воззрения

Жизнь айнов с самого рождения и до смерти была пронизана многочисленными ритуалами, в основе которых лежали анимистические представления об окружающем мире. Анимизм — одушевление всего существующего на земле — и определил основные черты айнской духовной культуры. Поддерживая постоянное общение с божествами, айны искали их покровительства и, как они представляли, находили его. При этом взаимодействие с миром сверхъестественных существ происходило и на широком общинном уровне, и в узком кругу семьи (рис. 1). Института профессиональных священнослужителей не было [Munro 1963: 7].

Человек, по убеждению айнов, обладал бессмертной душой. На хоккайдском диалекте она называлась *рамат*, а на сахалинском — *трамах* или *трамаци*. Это была некая субстанция, которая после смерти человека покидала тело и отправлялась в мир мертвых, где покойный обретал жизнь в том же возрасте, в котором умер [Ohnuki-Tierney 1972: 445]. Представления о бессмертной душе распространялись на все живые существа, а также на предметы материальной культуры — когда предметы ломались, душа их покидала. По этой причине в могилу с покойным всегда помещали его личные вещи, предварительно сломав их. Более того, душой обладали и все природные объекты, будучи одновременно божествами.

Духов или божеств айны называли словом *камуй* (дословно «тот, кто (или то, что) покрывает»). В определенных случаях им обозначались человек (отличившийся среди соотечественников храбростью, красноречием, удачливостью или другими положительными качествами), в том числе вождь и «начальник», священные животные, а также нечто непонятное, страшное или, наоборот, в высшей степени положительное [Добротворский 1875: 42; Штернберг 1933: 613; Спесваковский 1988: 54]. К примеру, в позиции перед

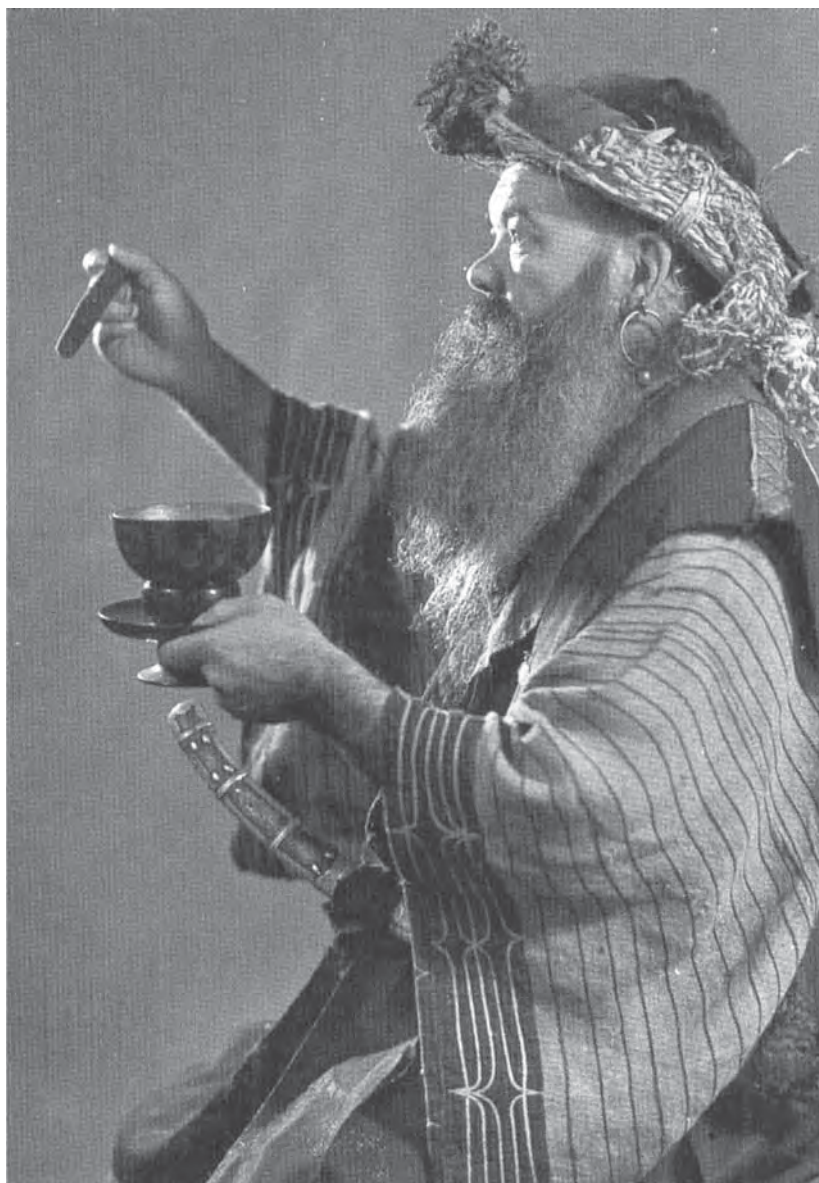

Рис. 1. Подношение сакэ божеству.
Фото Киносита Сэйдзо, Музей народа айну. Источник: [Nomoto 2004a: 45]

существительным *камуй* могло означать «прекрасный» (*камуи мах-неку* — прекрасная женщина).

Наряду с термином «камуй» в языке айнов было еще несколько слов для обозначения особо сакральной категории духов — *сэрэма/сирима/сэрэмак/сэрэмахнэ* и *сикасма*. Б. О. Пилсудский по этому поводу писал: «...некоторые смысленные айны, которые были моими приятелями на Сахалине, уверяли меня, что первобытное наименование бога — *serema*, “хранитель”, но они не любят употреблять это имя “всеу” и без действительной необходимости» [Пилсудский 2004: 65].

Душа *рама* могла иметь два состояния: высшее, при котором, достигнув «страны духов», она приобретала статус *камуя* и делала умершего *камуем*, и низшее, когда покойный становился призраком. Душа обладала также способностью переселяться во вновь родившегося человека, поэтому айны считали, что в потомке могло произойти возрождение умершего предка.

Представления айнов о Вселенной в целом соответствовали трехчастной модели мироздания коренных народов Дальнего Востока и в более широком смысле — Северной Азии: она подразделялась на верхний (айнск. *канто*), средний (айнск. *айну-мосири*, *канна-мосири*) и нижний (айнск. *покна-мосири*) миры. Примечательно, что верхний мир часто обозначали словом *иван-канто*, то есть «шесть небес». Данное название можно рассматривать как указание на его четкое шестеричное деление, хотя в айнском языке слово *иван* еще означало «много» [Ohnuki-Tierney 1972: 442].

Первые два уровня верхнего мира назывались *синись-канто* и *рикун-канто*. Они были недоступны взору человека и являлись местообитанием высших божеств — владельца неба (айнск. *кандо-коркамуй*, *мосири-кара-камуй*) и его помощников. Здесь же, по мнению некоторых айнов, находилась страна предков. На нижних уровнях, которые можно увидеть с земли, обитали добрые божества, но второстепенные по отношению к богу-творцу [Спеваковский 1988: 61; Munro 1963: 12; Ohnuki-Tierney 1972: 443]. Сохранились сведения, что каждый из шести уровней включал подуровни — «небеса» (айнск. *канто*), «землю» (айнск. *той*) и пространства между ними (айнск. *утурукэхэ*). Все уровни были идентичны по структуре [Ohnuki-Tierney 1972: 443].

Со слов Пэнри, старейшины деревни Биратори, Дж. Бэчелор записал предание о среднем и нижнем мирах. Старейшина поведал,

что есть «мир, который находится сверху», где живут люди, и «мир, который находится снизу», — очень «сырое» и мрачное место, куда уходят после смерти самые плохие. Совсем рядом с «сырым» миром находится и «мир богов». Сюда попадают те, кто при жизни творил добро, они сосуществуют вместе с богами и предками. В «мире богов» все происходит наоборот: обитатели этого мира ходят вверх ногами; когда у людей день, здесь ночь, когда люди работают, здесь спят. Поэтому, если живые начинают работать ночью, в наказание они заболевают и быстро умирают [Bachera (Batchelor) 1999: 112].

Описывая нижний мир, Пэнри указывал на шесть слоев. Самый нижний, по его словам, назывался *тирама-тисири*: «...можно было бы подумать, что там царит мрак, однако это заблуждение. В *тирама-тисири* так же красиво и светло, как и в мире людей» [Ibid.]. По другим источникам, «сырой» мир айны называли *тэйнэ-покна-мосири* или *нитнэ-камуй-мосири*, дословно «мир злых духов», а «мир богов» — *покна-мосири*. В первом человек подвергался нестерпимым страданиям и мучениям, во втором — вместе с душами предков вел сходное с земным существование, испытывая радость или горе, находя во всем недостаток или же терпя лишения. При этом души усопших могли оказывать живым помощь или же причинять вред.

Интересно, что живые люди, в свою очередь, иногда посещали потусторонний мир и непосредственно встречались с предками. Согласно Э. Онуки-Тирни, это были те, кто умирал «временной смертью». «Временная смерть» означала, что душа человека на какое-то время покидала тело. Происходило это совершенно обыденно: некоторые надолго засыпали, другие же надолго теряли сознание¹ [Онуки-Тирни 1996, № 3: 106]. Истории «временно умерших» всегда излагались одинаково — они проходили или проползали в крошечной тьме узкий туннель или пещеру, которые соединяли два мира, и почти всегда оказывались за селением умерших сородищей. Далее происходила встреча с родными, но мертвые не могли ни слышать, ни видеть живых. «Каждый рассказывал, что его родители, дяди, тети ходили перед ним и даже не замечали его присутствия. Умерший часто изумлялся, отчего лают его собаки, но только эти животные замечали запах пришлых...» [Там же].

¹ Души людей, покинувшие тело неестественным способом, приобретали отрицательную энергию и причиняли живым страдания. При этом они не имели своей внутренней энергии и не получали силы от природы.

Если о строении нижнего мира сведений сохранилось мало, то о среднем мире *айну-мосири* известно достаточно хорошо. По айнским традиционным воззрениям, он представлял собой огромный остров (айнск. *мосири*, также *сири*) (вариант — группа островов), окруженный безбрежным океаном (айнск. *атуи*, в составных словах — *пен*). У всякого острова, отдельных местностей и даже селений айны непременно различали «голову», то есть начало (айнск. *на*), которой считали восточную или северную часть, и конец, «зад» (айнск. *кес*), лежащий в противоположной стороне. При этом айны полагали, что суша вместе с океаном покоятся на спине лосося. Когда лосось начинает двигаться, происходят землетрясения, наводнения и другие бедствия [Косарев 1988: 93–94; Мифы народов 1980: 53; Таксами, Косарев 1990: 189–190; Bachera (Batchelor) 1999: 110].

В пространственных представлениях, кроме общих понятий суши и океана, присутствовали как основные элементы природного и населенного людьми мира река (айнск. *пет* на Хоккайдо, *най* на Сахалине), долина реки (айнск. *пет-ивору*), морской залив, он же бухта, гавань (айнск. *томари*), горы (айнск. *ким* на Хоккайдо, *нупури* на Сахалине). Территория от морского залива до гор, в свою очередь, включала береговые песчаные террасы (айнск. *ота*), луга (айнск. *масара*), отдаленные участки леса (айнск. *синруру*) и небольшие холмы (айнск. *кипури*), предшествовавшие горному массиву [Ohnuki-Tierney 1972: 429].

Область перед холмами — это место, где располагались поселения. Как правило, ближе к *масара* строились летники, а непосредственно перед холмами — зимники. Здесь женщины занимались собирательством. Горные районы, простиравшиеся за холмами, становились сферой интересов мужчин-охотников.

Особо выделялся пик, у подножья которого был исток реки; эта гора называлась «божественной вершиной» (айнск. *камуи-тапка*). Ее верх уже причислялся к небесам и считался обиталищем ряда божеств.

Морская часть, так же как и суша, делилась на ближайшую к берегу зону (айнск. *эханкэ-атуи*) и дальнюю (айнск. *туяма-атуи*, *рэпун-атуи*). В первой айны занимались рыбной ловлей, а во второй — морским зверобойным промыслом [Ibid.: 433].

В целом область проживания локальных групп айнов (айнск. *ивор*) была связана с духовным миром и являлась сферой деятель-

ности *камув*. В некоторых случаях *каму* и люди обменивались членами своих обществ. К примеру, айнка могла выйти замуж за духа, и тот, посещая мир людей, становился их покровителем. Нередко мужчины отправлялись в мир божеств, оставаясь там на некоторое время [Онуки-Тирни 1996, № 4: 68].

Одна история повествует о том, как женщина стала изменять мужу с духом-охранителем озера, мужчина же, узнав об этом, ранил духа гарпуном, когда тот в очередной раз появился из воды в облике морского животного. Есть и другие легенды, в которых люди ранили или убивали духов, но это происходило лишь тогда, когда те представляли серьезную угрозу.

В определенных ситуациях духи, в общем-то благосклонно относившиеся к айнам, забирали у них жизнь, если человек нарушал табу и тем самым выказывал неуважение к потусторонним силам.

Пантеон айнов недостаточно изучен, о нем существует весьма противоречивая информация. Можно в целом полагать, что он включал верховное божество, его помощников (равных и независимых друг от друга) и множество иерархически соподчиненных божеств, вплоть до рядовых и самых мелких, воплощавших все стихии и элементы мироздания. Ученые долгое время пытались получить о них какие-нибудь сведения, поскольку, по словам М. М. Добротворского, «о сущности богов, об их житие, об их взаимных отношениях айны не говорят ни слова» [Добротворский 1875: 40].

По отношению к человеку божества могли быть добрыми, нейтральными и злыми. Некоторых из них человек не видел, других же замечал, когда те принимали обличье зверей, птиц, рыб, растений. Злым духам не оказывали почестей, всем остальным делались богатые подношения (айнск. *иноми*) — напитки, пища, *инау* [Добротворский 1875: 75; Мифы народов 1980: 53; Munro 1963: 9].

Верховным божеством считался «создатель и владетель неба» (*канто-кор-камуй*, *кандо-кор-камуй*). По мифологии, он сотворил мир и богов, но в то же время сам был фигурой абстрактной, крайне неопределенной, и специальных связанных с ним ритуалов не проводилось. О людях *кандо-кор-камуй* заботился с помощью добрых божеств — солнца, луны, звезд, огня, растительности, моря, воды, леса и гор, охоты. Они населяли подземный и небесный миры, а также земные горы [Мифы народов 1980: 53].

Солнечное божество (*тюн-камуй*) соотносилось с женским духом домашнего очага (*апэ-хути-камуй*, *абэ-хути*, *камуй-хути*, *ундзи-камуй*). Его считали верховным женским предком — посредником между айнами и другими богами, и отдавали особые почести. Часто с *тюн-камуй* отождествлялось божество луны *куннэ-тюн-камуй* [Ohnuki-Tierney 1972: 443]. У некоторых групп айнов луна представлялась женой солнца [Munro 1963: 13].

Большое почтение наряду с *тюн-камуй* айны оказывали боже-ству грома или боже-ству-дракону (айнск. *канна-камуй*), которого сравнивали со змеей. Данное божество представлялось во множественном числе, причем драконы периодически сражались между собой на мечях, а сверкающие молнии были их отблесками. По мифологии, драконы часто спускались на землю испытать воды из ручьев и рек [Ohnuki-Tierney 1972: 443].

Роль драконов в жизни айнов остается неясной. Сами айны не могли объяснить, чем эти существа полезны или вредны для человека. Специальные ритуалы им не посвящались. Не исключено, что вера в драконов могла быть привнесена в общество айнов в недалеком прошлом с Азиатского континента [Онуки-Тирни 1996, № 4: 61].

Еще одно важное божество, непосредственно связанное с солнцем, — орел (айнск. *кана-тир*, *оннев*, *самахка*, *чукон*) [Добротворский 1875: 111, 226, 427; Пилсудский 2004: 61; Кауано 2002: 197]. Известно, что эта птица играла роль посредника между человеком и высшим богом [Штернберг 1925: 730]. Айны Сахалина также почитали волка (айнск. *хорокео*). Более того, некоторые его считали даже своим предком. Примечательно, что именно на Сахалине мужчин называли *хорокеуто*, или «дети волка».

Б. О. Пилсудский писал, что ему не удалось узнать значения слова *хорокеуто*, как и получить какую-либо информацию о предполагаемом происхождении айнов от волка, зато на Хоккайдо, в деревне Сираой, он со слов старика записал одну легенду о волке-прародителе. «Эта легенда хорошо известна и была отмечена некоторыми японскими и европейскими путешественниками, но с заменой волка на собаку, в чем явно просматривается японское влияние» [Пилсудский 2004: 37].

Божество леса и гор (*мэот-усь-камуй/нубури-камуй*), а также божество моря (*рэнун-камуй / атуй-камуй*) были для айнов основными духами, имевшими отношение к хозяйственной деятельно-

сти. Первое представлялось в облике большого медведя, второе — касатки [Штернберг 1933: 613; Минго 1963: 13]. Взаимосвязь между *мэот-усь-камуи* и *рэпун-камуи* осуществлялась через речных духов: «...реки, впадая в море, являлись той связующей нитью, которая соединяла морского и горного камуев» [Осипова 2008: 52].

Перед началом охотничьего сезона айны обязательно проводили обряд кормления божества гор, а перед началом морского и речного промыслов — кормления божества реки (айнск. *пэт-кор-камуя*) или моря (айнск. *рэпун-камуя*). С просьбой об удаче всегда обращались к божеству огня.

Среди горных духов особое положение занимали совы. Они считались покровителями селений (айнск. *котан-кор-камуи*) и рассматривались как самые важные птицы. По мнению айнов, совы оберегали их от эпидемий и криком отгоняли болезни. Кроме того, они помогали найти дорогу заблудившимся в горах путникам и вообще содействовали людям в разных делах [Онуки-Тирни 1996, № 4: 50].

Праздник совы у айнов Хоккайдо во второй половине XIX в. изобразил Нисикава Хокуё. Кроме этого, в 1903–1905 гг. Б. О. Пилсудский сфотографировал посвященную сове ритуальную изгородь с *инау*. Этот изобразительный материал дает общее представление о необычном культе, который к настоящему времени фактически забыт.

Отдельную категорию представляли собой домашние духи *тисэ-камуи*. К ним относились уже упомянутое божество очага *апэ-хути-камуи*, а также «бог, владеющий домом», — *тисэ-кор-камуи* (иногда рассматривался как муж богини очага) и ряд второстепенных божеств. Домашние *тисэ-камуи* помогали айнам не только в земном, но и в загробном мире [Осипова 2008: 64; Спеваковский 1988: 84; Batchelor 1926: 5].

Важнейшая роль отводилась хозяйке очага *апэ-хути-камуи*. Поскольку она представлялась посредником между айнами и другими божествами, перед обращением к ним, а также во время шаманских обрядов следовало просить хозяйку о напутственном слове. На помощь божества очага айны полагались и в самых крайних случаях — когда попадали в шторм на море, теряли дорогу в горах. Даже во сне, если душу человека преследовали демоны, *апэ-хути-камуи* отпугивала их. Хозяйка очага заботилась не только о живых, но и о мертвых — она указывала душам путь в иной мир, проявляя всестороннюю заботу.

Отличало *апэ-хути-камуй* то, что к ней мог обратиться с просьбой любой член общества, независимо от пола и возраста. Видимо, неслучайно женщины считали это божество своим верховным предком.

В неисчислимом сонме айнских божеств особо выделяются персонажи небесного происхождения — Аиойна (*аиойна-камуй*, *а-э-ойна-камуй*, *ойна-камуй*) и его сестра Туресьмат. Согласно мифам, они, выполняя волю верховного небесного божества *кандо-кор-камуй*, создали мир айнов. Аиойна ответствен за происхождение и самих айнов, и всей их материальной и духовной жизни. Считается, что Туресьмат обучила айнских женщин шитью [Позднеев 1909, т. 2: 39; Bachera (Batchelor) 1999: 98; Munro 1963: 15].

По одному из мифов, Аиойна произошел от богини вяза *тики-сани* и божества, которое в разных случаях называется по-разному (младший брат бога неба; божество солнца; божество грома). Первого человека Аиойна создал из прута ивы и земли [Мифы народов 1980: 53].

С Аиойна нередко отождествлялся выдающийся небесный герой Окикуруми, считавшийся гонителем злых духов и плохих людей². С событиями из жизни Окикуруми айны связывали происхождение названий многих местностей [Munro 1963: 13].

Злые божества, по верованиям айнов, олицетворяли всевозможные опасности и управляли атмосферными явлениями. Возглавляла их богиня болот и трясин *нитатунарабэ*. Большинство других злых божеств считались ее потомками и назывались *тоие-кунра*. Главными были «обитающий в траве» (айнск. *кинасутунгуру*), представлявшийся в облике змеи, «тот, который разрушает горы» (айнск. *иваороненерег*), имевший облик страшной ночной птицы, и «тот, который роет ямы под горами» (айнск. *хонпокикеусь*). Айны верили, что силу, воплощенную в злом божестве, иногда можно направить на врага [Мифы народов 1980: 53, 54].

Интересны разнообразные предания о популярных в фольклоре демонах *ояси*, причинявших болезни, и *вен-ояси*, делавших чело-

² Имя Окикуруми, согласно Б. О. Пилсудскому, использовалось на Хоккайдо лишь айнами области Сару. У айнов других районов были другие имена: «На Сахалине его называли Яйресупо («сам себя воспитавший ребенок»), а на Хоккайдо — Мотярок, Касунре, Икуресуйе, Сиракте» [Пилсудский 2004: 36].

века сумасшедшим. Согласно М. М. Добротворскому, айны какой-либо деревни начинали болеть, если *ояси* (внешне напоминал человека) успевал ночью обойти деревню. Поскольку приближение демона всегда сопровождалось особенным шумом, то непрошеного гостя отпугивали разными способами, например, клали в огонь «огненное лекарство» — камень (айнск. *унджи-кусури*), лежавший обычно близ очажных *инау* [Добротворский 1875: 41].

Вен-ояси мог свести человека с ума двумя способами: разведя ночью на дороге костер либо прикоснувшись к жертве сзади. В первом случае айн резал ухо собаки и мазал себе кровью лицо, во втором — обнажался и начинал размахивать двумя ножами. Кроме всего прочего, *вен-ояси* иногда сманивал путников с дороги, заставлял их блуждать и умирать с голоду. Как только айн слышал голос духа, он произносил заклинание: «Ханка кема-теэх кунину ки», дословно: «Перестань страшить меня ночью» [Там же].

В фольклоре сахалинских айнов нередко фигурируют отрицательные персонажи, характерные именно для данного региона. Среди них — демон с берестяным факелом *пэнтати-коро-ояси* (айнск. *пэнтати* — факел из березовой коры; *ояси* — демон) и дух пустого дома *охатисуйе* (айнск. *оха* — «пустой»; *тис* = *тисэ* — «дом»; *уйе* — «браниться»). Они оба упоминаются, например, в легенде, записанной Б. О. Пилсудским на Сахалине в 1903 г. Речь вначале идет о группе людей, которая ночью отправилась в гости к одному богатому айну. «Позади (их) шел дьявол, несущий огонь... Эти люди были испуганы». Богатый айн встретил гостей, выслушал их рассказ и, взяв меч, сам отправился в то место, где произошла встреча с демоном. Он нес свой меч спрятанным, обнажив его и держа одной рукой под мышкой, и когда сзади появился демон, сделал выпад. «Когда на следующий день слуги подошли посмотреть, (там) был мертвый ворон с мечом в боку. Дьявол с берестяным факелом, после того как был убит человеком, очевидно сделал (так) с собой (и) превратил себя в ворона». Как-то весной «убийца дьявола» (так прозвали богатого айна), отправился на нарте в Тарайку, где находились земляные жилища, уже покинутые обитателями зимника³. Он вошел в одну землянку, разжег огонь и увидел справа от очага большого старика, также разжигавшего огонь. «Богатый человек из Ко-

³ В землянках айны проживали лишь зимой. С наступлением весны они перебирались в свои наземные дома.

танкеса закурил. Пустого Дома Дьявол тоже закурил табак... (Он) вытащил меч (и) ударил им по ножнам. Пустого Дома Дьявол также, меч вытащив, по ножнам ударил им. Что бы он (богатый человек) ни делал, было совершенно невозможно (помешать домовому повторять)». Тогда айн вышел наружу, а в землянку вошли две ездовые собаки, ждавшие хозяина у входа, поскольку ремень упряжи оказался перерезан. Пустого Дома Дьявол разорвал собак в клочья, а айн вскочил на сани и уехал [Пилсудский 2004: 97].

В словаре М. М. Добротворского встречается слово *ивайсарусне* — тигр [Добротворский 1875: 73]. Примечательно, что аналогичное слово под названием *ивай-сарус-камуй* или *ивай-сарусне* отмечено и Б. О. Пилсудским, но ученый придает ему иное значение: «зверь с шестью хвостами... чудовище, которое часто встречается в айнских легендах». В одной из них мифическое существо преследовало молодого айна. Когда тот добежал до деревни, другой айн (его брат) ударил шестихвостого зверя глиняным мечом, полученным якобы во сне от бедного человека, и разрубил пополам [Пилсудский 2004: 204].

Не всегда явления разрушительной силы ассоциировались с отрицательными персонажами. Айны северного Хоккайдо, например, в отличие от айнов Сахалина, поклонялись божеству грома (айнск. *канна-камуй*). Но и добрые божества не всегда соотносились с сугубо положительным поведением. Медведь мог воплощать и добрые, и злые силы. Злые медведи, приносившие людям несчастье, назывались *вэн-юк* либо *хоку-юк*, *нупури-кэсьун-гуру* [Спеваковский 1988: 65, 69].

В культах айнов Хоккайдо, Сахалина и Курильских островов присутствовали специфические черты. По сведениям, полученным в середине XVIII в. от казачьего сотника Ивана Черного, айны Курил поклонялись горячим серным ключам. Они приносили жертву и кидали в ключ камни и стружки из талового дерева со своими клеймами, которые заготавливали заранее (*инау*) [Таксами, Косарев 1990: 48]. Известно также, что курильские айны держали в жилищах деревянные фигурки из тонких стружек *югут*, перед которыми они приносили жертвы, «заключавшиеся в шкуре первого убитого ими зверя» [Полонский 1871: 383].

Айнской культуре при всей ее самобытности был присущ синкретизм: под влиянием японцев среди айнов распространялись культы синто и каноны буддизма. Это явление довольно позднее

и приходится на то время, когда японцам удалось полностью включить айнов Хоккайдо под свой контроль.

Теоретически осмысливать соотношение собственных и айнских обычаев японцы начали в конце XVIII в. Могами Токунай (1754–1836), касаясь в своих работах способа ношения одежды, формы причесок, языка и других аспектов, подчеркивал, что все они имеют параллели в японской культуре. Похожее мнение высказывал и Хата Авакимару. Тем самым складывались предпосылки для приобщения айнов к обрядовой системе японцев [Kikuchi 1999: 228, 229].

Вовлеченность айнов в японские культы становилась все очевиднее по мере усиления их ассимиляции. В айнских домах появились *камидана* (синтоистские алтари-обиталища духов *ками*, покровительствующих дому) и *буцудана* (буддийские алтари для почитания умерших), айны стали соблюдать соответствующие обряды и посещать японские святилища в праздничные дни [Спеваковский 1988: 172]. В конце концов большинство туземцев начали следовать синтоистской и буддийской обрядности в тех же формах, что и соседствующие японцы⁴.

Но наряду с приобщением к японским традициям почти в каждом доме айны продолжали сохранять собственные культовые предметы, связанные с почитанием духов, особенно *инау*. Их устанавливали в таких местах, где они не очень бросались в глаза. При этом рядом с чугунными японскими печами, сохранялись традиционные священные очаги — небольшие огороженные квадраты с золой, а возле домов — сакральные изгороди [Арутюнов 2001: 77; Левин 1949а: 23].

На культуру айнов оказала мощное воздействие и русская культура. Раньше других его почувствовали курильцы — по мере освоения русскими Курильских островов. Еще в 1734 г. многие курильские айны получили крещение от российского дворянина Новограбленного. Затем их обращением в христианство занимались участники путешествия М. Шпанберга (1738–1739) и других экспедиций по изучению дальневосточного региона и приведению

⁴ В мифологических представлениях японцев можно также обнаружить сходные с айнскими черты. Например, это касается фантастического существа (духа водной стихии) *мимтуци* (у айнов) или *канна* (у японцев). По всей видимости, в японскую культуру легенды о *канна* пришли от айнов.

в подданство местного населения⁵ [Полонский 1871: 385; Таксами, Косарев 1990: 46]. Следует отметить, что русские священники, крестившие айнов, относились терпимо к сохранению у них языческих культов, да и в целом отцы православия не слишком часто контактировали с айнской паствой и отнюдь не усердствовали в ее опеке, так что в русском культурном влиянии на них религиозная составляющая была довольно слабой. Капитан В. М. Головнин, посетивший Курилы в первой половине XIX в., отмечал: «Курильцы же, зависящие от России, хотя и крещены в нашу веру, но имеют о ней только то понятие, что в присутствии русских должны креститься и кланяться перед образами, которые, впрочем, и вместе с крестами, бросают куда-нибудь в угол, или дают играть детям, пока не увидят, что к ним идут русские» [Анучин 1876: 106].

Культы и обряды

Для айнов, как и для всех дальневосточных народов, было характерно ощущение полной зависимости от природы и сверхъестественных сил, воплощенных в ней. Поэтому они всегда испытывали необходимость общаться с божествами и оказывать им внимание, чтобы расположить к себе. В этой связи решающее значение имели культы, обеспечивавшие конкретную связь между людьми и божествами.

К основным айнским культам можно отнести собственно культ природы и производные от него системы представлений и отношений, касающиеся хозяйственной деятельности (охоты, рыболовства и пр.). Они заключались в почитании различных объектов и явлений естественного мира, включая животных, а также потусторонних, сверхъестественных сил. В этот обширный круг представлений и убеждений органически входили домашние культы, связанные с семьей.

Отправление культов выражалось прежде всего в исполнении соответствующих обрядов, в некоторых случаях довольно простых, заключававшихся в жертвоприношении и произнесении молитвы. Основными общинными обрядами руководил старейшина деревни,

⁵ На Итурупе, который русские начали осваивать уже в 1768 г., староста одной из деревень придерживался русских обычаев, был православным, воздвиг близ селения крест, у которого айны молились по утрам и вечерам.

ответственность же за проведение менее значимых ритуалов (в пределах семьи) возлагалась на главу дома. Важную роль в последнем случае играли родственники по мужской линии.

Первостепенное значение среди общественных культов имели культ медведя и обряд, получивший название «проводы» (айнск. *иомантэ*) или «проводы божества» (айнск. *камуй-иомантэ*). Яркими отличительными чертами этого культа были выращивание в неволе животного и его последующее умерщвление (рис. 2). Хотя *иомантэ* айны применяли и для других животных (лис, енотов, сов, орлов), медведь считался главным. Примечательно, что наряду с *иомантэ* айны практиковали *камуй-хопунирэ* — «проводы» медведя, убитого на охоте, что характерно для многих охотничьих народов Сибири. Такие обряды считаются наиболее архаичными. Но их роль в общественной жизни айнов была менее значимой.

Следы культов, связанных с «проводами» медведей, на Хоккайдо обнаруживаются в археологических памятниках охотской культуры, а также культуры сацумон. Они сыграли значительную роль в становлении религиозной системы айнов. Возможно, особое отношение к медведю сложилось в результате контактов протоайнов с народами Северного Сахалина и Нижнего Приамурья. Не вызывает сомнения, что все эти народы были связаны с обще-

Рис. 2. Медвежий праздник айнов Хоккайдо *иомантэ*.
Хако Сандзин (середина XIX в.). МАЭ РАН (№ 811-25)

сибирским культом медведя, восходящим «к древнейшему хозяйственно-культурному типу Северной Азии — охоте и рыболовству в таежной зоне» [Арутюнов, Щебенков 1992: 32; Иванов, Левин 1964: 222].

А. В. Смоляк отмечала, что культ медведя с обычаем содержания его в неволе, помимо айнов, существовал у нивхов, ульчей, нанайцев, орочей, ороков, негидальцев. При этом у народов Амура он был разработан гораздо детальнее, чем, например, у айнов Сахалина: «Отношение народов Амура к медведю — более глубокое, регламентировано весьма древними воззрениями; у айнов же, несмотря на те или иные утверждения в литературе, при конкретном анализе в большинстве случаев “пиетета”, обоготворения зверя почти не обнаруживается...» [Смоляк 1985: 278].

Айны устраивали медвежий праздник в конце декабря — начале января. Это было время, когда пищевые запасы подходили к концу, поэтому с практической точки зрения суть праздника сводилась к распределению запасов пищи среди обитателей своей и соседних деревень [Спеваковский 1998: 88; Watanabe, Nishimoto, Oshima, Kirikae 1982: 17]. Исходя из религиозных представлений, важнейшей целью обряда становилось осуществление связи между миром людей и духов посредством «проводов» души медведя в страну камуев: медведь должен был рассказать небожителям, насколько праведно живут айны [Арутюнов 1965: 949; Kikuchi 1999: 100].

Не будет ошибкой сказать, что подготовка к празднику началась с того момента, когда пойманного в лесу медвежонка охотники приносили в свою деревню. В течение нескольких лет его выращивали сначала в домашних условиях, а затем вне дома (в специальной клетке). Занимались этим женщины. Они кормили животное, оберегали от возможных болезней. Если медведь все же заболел, его окружали особой заботой все члены семьи. Кормили медведей при помощи специальных ковшей, называвшихся у айнов Хоккайдо *хэпэр-э-синот-нэ*, а у айнов Сахалина — *исо-оинэ* [Кауано 2002: 402; Прокофьев 2005: 7]. Аналогичными ковшами пользовались нивхи.

В двух-трехлетнем возрасте медведю подпиливали клыки, чтобы животное не смогло кого-нибудь укусить. Процедура подпиливания в свое время была описана Мамия Риндзо и выглядела следующим образом: «Сначала (с целью обезопасить себя) изготавливают веревочные тенета и помещают их внутрь клетки. Концы веревок

держат снаружи двое мужчин, стоящие с противоположных сторон клетки. Затем внутрь клетки суют шест и загоняют медведя в угол. Затягивают веревочные петли, которые охватывают шею медведя так, что он едва способен пошевелиться. Затем клетку открывают, связывают медведю лапы и вытаскивают из клетки. Подпиливают медведю зубы специальным инструментом, напоминающим нож с зазубренным лезвием. Такие ножи изготавливают сами островитяне» [Описание 1990: 116].

За 10 дней до медвежьего праздника женщины, которым на нем отводилась лишь подсобная роль, начинали готовить священный напиток и пищу. Мужчины вырезали из дерева *инау* и ритуальные стрелы *хэнэр-ай* [Watanabe, Nishimoto, Oshima, Kirikae 1982: 16].

Стрелы *хэнэр-ай* относились к важнейшим предметам культа. Наконечники у них были деревянные, круглые в сечении, диаметром около 2 см и длиной до 15 см (рис. 3). Как правило, их красили сажей из очага или тушью, украшали резьбой, стружками и цветными тряпицами [Nomoto 2004a: 53]. Мотивы орнаментов отличались в зависимости от рода и местности.

Канун торжества айны проводили в ритуальных плясках. Мужчины и женщины разделялись на две группы и водили хороводы, при этом первые искусно подражали звукам медведя, издавая мычание и рев [Добротворский 1875: 61].

Рис. 3. Фрагменты айнских церемониальных стрел из памятника Биби 8 эпохи Сацумон — второй половины XVII в. (вверху) и второй половины XVII — середины XVIII в. (в центре и внизу). Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Источник: [Morioka 2001: 148]

Танцы с участием женщин (которые мало отличались от мужских) в 1867 г. подробно описал российский исследователь Ф. М. Депперадович, посетивший медвежий праздник айнов из деревни Чирауфнай. Он отметил, что началось все с пения — «дикого» припева с повторением одних и тех же гортанных звуков. Потом женщины встали в круг, взялись за руки и с тем же припевом начали топтаться на месте: «...топчутся, топчутся, затем приседают два раза и принимают шаг в сторону справа налево или слева направо» [Депперадович 1877: 33]. «Если сначала исполнительницы держались за руки и тянули звук “Иоо-Иоо-Иоо”... то спустя некоторое время руки разжали и продолжили танцевать подобным же образом, но с двойным припевом: “Иоо-Иоо... Им, Им...” При звуках “Им, Им” все в такт прихлопывали в ладоши. Время от времени танцовщицы быстро менялись местами».

Женщины пели и танцевали с небольшими 10–15-минутными перерывами целый вечер, писал Ф. М. Депперадович, по окончании же танца «с диким криком “Им!” все разом выбежали из юрты, и таким образом бал прекратился» [Там же: 34].

Одновременно с плясками шли последние приготовления к празднику, особенно тщательно обустроивалось место торжества. На земле расстилали орнаментированные циновки, предназначенные для лакированной посуды и гостей, хозяева праздника облачались в лучшие одежды. Человек, которому предстояло произнести прощальное слово медведю перед его убиением (как правило, старший в деревне мужчина), надевал на голову специальный венец (айнск. *sapa-umne*, *inau-pu*) (рис. 4) [Ainu-no rekishi 2002: 16; Ainu-no shiki 1999: 92; Kayano 2002: 65].

Рис. 4. Венец айнов Хоккайдо *sapa-umne*. Муниципальный музей г. Хакодате (№ 658). Источник: [Baba, Kodama 2000: 82]

Венцы плелись из древесного лыка вместе со стружками. По периметру иногда крепились цветные кусочки ткани, кроме этого, спереди помещалось деревянное изображение животного-божества, чаще всего головы медведя (айнск. *камуй-маратто*). До настоящего времени сохранились также *сана-умнэ* из района Вулканического залива (Хоккайдо) с челюстью акулы и *сана-умнэ* айнов других районов с фигурами волка, совы, орла [Осипова 2008: 71; Ainubunkaten 1972: 59; Torii 1919: 212]. По свидетельству Л. Я. Штернберга, изображения на венцах были тотемами айнов. Например, те, кто связывал свое происхождение с птицей (как правило, орлом), украшал венец клювом этой птицы [Штернберг 1929: 357].

После каждого праздника к старым стружкам добавляли новые: если медведь был самцом — четыре, если самкой — три. Когда стружек набиралось слишком много, делали новый венец [Watanabe, Nishimoto, Oshima, Kirikae 1982: 19]. По айнским поверьям, надевшие *сана-умнэ* и меч *эмусь* отгоняли злых духов и духов болезни, оберегая не только себя, но и участников празднества [Nomoto 2004a: 54].

На Сахалине, в селении Тарантомари, у айнов бытовали налобные повязки, аналогичные *сана-умнэ*, называвшиеся *ноупорону*, а в селении Б. Такоэ — известные под названием *хэтоумуе*. Согласно описям Российского этнографического музея, *хэтоумуе* и *ноупорону* могли быть ритуальными уборами участников медвежьего праздника, а также атрибутами шамана.

Закончив пляски и все необходимые приготовления, айны начинали оплакивать медведя. Делали это, сидя на корточках, стоя на коленях или лежа, согнувшись, лицом к земле [Добротворский 1875: 60]. Затем айн, надевший венец *сана-умнэ*, произносил перед медведем торжественную речь, и животное выводили из клетки на специальных ремнях. При этом его дразнили и выпускали ритуальные стрелы с тупыми наконечниками. Считалось, что стрелы, выпущенные в медведя, приносят счастье. Поэтому участники праздника впоследствии подбирали их⁶.

Выведение медведя из клетки было ответственным и очень опасным делом. Иной раз, едва клетку открывали, зверь стремительно выскакивал из нее и начинал метаться из стороны в сторону.

⁶ Количество ритуальных стрел в каждом регионе зависело от пола и возраста животного. Так, айны области Сару на двухлетнего медведя травили 60 стрел, а на трехлетнего — 120 [Онуки-Тирни 1996, № 4: 48].

Рис. 5. Наголовник медведя *исо-кирау* айнов Сахалина.
МАЭ РАН (№ 700-234). Источник: [Айнские коллекции 1998: 21]

Тогда все зависело от ловкости участников. Случалось, что, «видя сопротивление с одной стороны, он (медведь) вдруг бросается на нее, прежде чем противоположная сторона успевает натянуть свои ремни, и успевает иногда схватить, укусить или оцарапать когонибудь» [Добротворский 1875: 61].

Выждав удобный момент, айны кидались на животное и надевали на него заранее приготовленные «украшения» — специальный пояс (айнск. *помбакэ, iso-куф*), наголовник (айнск. *кирау, iso-кирау*), наушники (айнск. *типуино*) (рис. 5). Пояс изготавливался из соломы и имел утолщение в центре. На утолщении помещалось медвежье лакомство, после чего медведь опоясывался от груди к спине. Налобник и наушники свивались из стружек, их украшали хлопчатобумажными лоскутками [Добротворский 1875: 61; Nishizuru 1942: 132]. После такого облачения медведя вели к особому столбу, произносили прощальную речь и убивали выстрелом из лука или ударом ножа. Кровь животного сливали в сосуд — ее выпивал старший в роду. Мужчины также могли мазать ею одежды. Считалось, что медвежья кровь способствует успеху в охоте [Левин, Дубровина 1969: 57].

На Хоккайдо медведя часто душили при помощи двух бревен (айнск. *нумпа-ни*) (рис. 6). Такой обычай объяснялся нежеланием проливать на землю кровь. Хоккайдцы боялись, что это помешает возрождению души убитого медведя в новом животном. Впрочем, в разных местностях обряд удушения (айнск. *рэкути-нумпа*) мог различаться. В Асахигава, например, медведя убивали стрелой, а затем производили ритуальное удушение, в некоторых других районах начинали душить, но, дабы прекратить мучение животного, стреля-

Рис. 6. Удушение медведя бревном. «Эдосима кикан», Хага Авакимару (1799–1800). Университет Хоккайдо

ли из лука [Спеваковский 1988: 139; Watanabe, Nishimoto, Oshima, Kirikae 1982: 22].

Поскольку ритуальное удушение животных часто практиковалось народами Сибири, вероятно, некогда такой способ знали и айны Сахалина. Но на Сахалине существовал другой обычай: вслед за ритуальным убийством медведя приносить в жертву двух кобелей, считавшихся его слугами-посыльными. Женщинам запрещалось наблюдать эту процедуру.

Кроме всего прочего, во время «проводов» айны пускали вверх в восточном направлении ритуальные стрелы. Стрела, высоко взмывшая в небо, указывала медведю направление в страну божеств, делая путь туда чистым. Также считалось, что ритуальные стрелы — лучшие подарки и для самого медведя [Nomoto 2004a: 52].

По окончании ритуала участники еще раз оплакивали убитое животное и проводили церемонию распития священного напитка. Затем тушу переносили к священной изгороди (айнск. *нусасан*), снимали с нее шкуру, после чего куски мяса со шкурой и головой вносили в жилище через специальное «окно божеств» (айнск. *камуй-пуйяра*). Важно отметить, что разделяли тушу ножом, а не

топором. Айны считали, что, если повредить кости, это помешает возрождению животного [Добротворский 1875: 62; Спеваковский 1988: 141]. Далее, сварив мясо, устраивали трапезу. В ней участвовали и мужчины, и женщины. Лишь кормилице медведя запрещалось есть мясо.

Айны Хоккайдо после медвежьего праздника в знак почитания души медведя насаживали его череп на высокую жердь с развилкой, которую устанавливали на сакральной изгороди близ *шеста-инау*, посвященного духу охоты. Там череп находился до следующего праздника. Когда очередной праздник заканчивался, старый череп ставили вниз, а на развилку надевали новый [Левин, Дубровина 1969: л. 45]. Сахалинские айны кости и черепа медведей оставляли на специальных «медвежьих кладбищах» в горах, при этом черепа, как и на Хоккайдо, укрепляли на вильчатых столбах. По обе стороны устанавливали еще и черепа собак [Онуки-Тирни 1996, № 4: 44; Спеваковский 1988: 141].

В отдельные кучи айны собирали не только кости медведей, но и других животных, в том числе рыб и птиц. Эти кучи были коллективной собственностью селения и размещались в определенном порядке. Для оленей, куниц, зайцев отводились места в горах, для морских животных — на холме вблизи морского побережья. Рыбные отходы оставляли возле дома, недалеко от места, куда высыпали золу из очагов [Онуки-Тирни 1996, № 4: 36].

Не так давно археологи нашли в местности Ацума схрон оленьих костей (памятник Нитаппунай). Расположение костяков обнаруживало деление особей на самок и самцов. Предположительно, место было связано с «проводами» оленей [Inui 2011: 79].

О «проводах» орлов сохранилось мало сведений. Как и медведей, их выращивали в клетках, а затем убивали. Л. Я. Штернберг, ссылаясь на Дж. Бэчелора, приводит одну из молитв, с которой айны обращались к орлу перед его убиением: «О, драгоценное божество, о ты, божественная птица, прошу, внемли моим словам. Ты не принадлежишь к этому миру, ибо твой дом там, где творец и его золотые орлы. Когда придешь, собери божества твоего собственного рода и поблагодари их за то, что управляли миром. Приди опять, прошу тебя, и правь нами. О мой единственный, драгоценный, иди благополучно» [Штернберг 1925: 730].

Примечательно, что по аналогии с ритуалом «проводов» животных айны совершали «проводы» предметов материальной куль-

туры (айнск. *ивактэ*). Нередко объектом становилась утварь, как праздничная, так и используемая в быту, а также орудия труда. Когда предметы выходили из употребления, их «души» отсылали в потусторонний мир, а «материальную часть» помещали в определенное место за домом [Utagawa 1992: 355]. Все предметы должны были быть разломанными.

Такой строгий уход за костями и остатками артефактов представляет собой, по сути, разновидность похоронного обряда. Без его соблюдения души существ и предметов не могли попасть в мир мертвых и становились демонами. Например, по преданиям, в демонов превращались музыкальные инструменты, оставленные хозяевами целыми после переселения на другое место. Поэтому, если по какой-либо причине владелец не мог взять инструмент с собой, он обязательно ломал его [Онуки-Тирни 1996, № 4: 36, 66].

Кроме обряда «проводов», важнейшим событием общественной жизни айнов был праздник весны, или праздник сельди (айнск. *пайкара-камуй-номи*). Он посвящался встрече косяков сельди, а в некоторых районах имел отношение к благодарению духов за «дары», полученные на зимней охоте, и сопровождался просьбами о хорошей добыче в будущем. Кроме этого, при лове кеты айны всегда соблюдали обряд жертвования речным духам (айнск. *нэт-камуй-номи*). Его проводили перед началом рыболовного сезона — на берегу реки устанавливали *инау* и обращались к божествам с просьбой о богатом улове. Поскольку у айнов разных районов имелись и местные особо почитаемые рыбы, то существовали и соответствующие обряды.

Среди домашних культов основным считалось почитание огня. Богине очага *анэ-хути-камуй* и двум ее помощникам жертвовали особые *инау*, по праздникам — священный напиток. Почитался и сам очаг как место пребывания божества.

Дрова для очага (айнск. *апеськуни, апечекуни*) — пицци *анэ-хути-камуй* — подбирались с особой тщательностью: они должны были быть свободны от загрязнений людьми или животными и не осквернены смертью члена семьи. Периодически каждая семья проводила ритуал возрождения огня: песок и золу выносили в отведенное место с восточной стороны дома, старики произносили молитву, изготавливали новые *инау* и заполняли очаг новым песком. После зажжения огня совершались шаманский обряд и семейная трапеза [Онуки-Тирни 1996, № 4: 41].

Культ огня был тесно связан с культом солнца. И «земной», и «небесный» огонь при этом ассоциировался у айнов со змеей, а змея — с молнией. По айнской мифологии, божество огня впервые сошло на землю с небес вместе с божеством молнии и грома (айнск. *канна-камуй*) в виде огненной змеи [Munro 1963: 18].

Как и у других народов, традиционной святыней являлся погребальный обряд. Айны верили, что благополучие в загробном мире людских душ во многом зависит от тех, кто провожал покойника в последний путь. Поэтому к погребальному обряду относились очень ответственно.

Все случаи смерти разделялись на происшедшие в доме и вне его. Смерть в доме считалась обычной. После кончины человека специальные вестники сообщали о горестном событии жителям близлежащих деревень, и те приходили к родственникам, чтобы выразить соболезнования. Затем тело начинали готовить к похоронам — его обмывали и одевали в погребальную одежду, которая к моменту смерти должна была быть готовой.

Айнский погребальный костюм (айнск. *райкур-сиюк*) состоял из набедренной повязки, нарядного платья, которое человек носил при жизни (хотя в некоторых районах умершего одевали в старые, поношенные одежды), пояса с ножом, хлопчатобумажных полуперчаток (айнск. *райкур-тэкумпэ*), наголенников (айнск. *райкур-хось*) и обуви (айнск. *райкур-кэри*) [Кауано 2002: 456; Nishizuru 1942: 94]. Наголенники, а также полуперчатки сшивались из двух частей. Верхняя часть, с орнаментом (как правило, черного цвета), делалась заранее, а нижняя, без орнамента, пришивалась после смерти человека [Ainu-no ifukubunka 2001: 19]. Когда умирала женщина, набедренную повязку с матрилинейным знаком ей меняли женщины, у которых был тот же знак. Мужские набедренные повязки сакральным смыслом не наделялись, поэтому после смерти мужчины их могли менять и жена, и мать [Арутюнов, Щебенков 1992: 108].

Сменив набедренную повязку и одев погребальную одежду, тело заворачивали в орнаментированную циновку (айнск. *тома*), изготовлявшуюся из рогоза. Циновку загибали с ног, затем с головы. На уровне груди начинали зашивать слева, потом справа. Чтобы циновка не раскрылась, ее скрепляли черными и белыми шпильками и зигзагообразно обвязывали шнуром, называвшимся *мурари*, *мурир* или *парамурир* [Арутюнов, Щебенков 1992: 112; Спевковский 1988: 146; Batchelor 1926: 478; Кауано 2002: 378, 429]. Шнур

мурари делали из липовой коры, а шпильки — из бузины Зибольдта — растения, сильный запах которого, по поверьям айнов, отпугивал злых духов. Считалось также, что бузина — божество, очищающее от тяжких недугов [Арутюнов, Щебенков 1992: 112; Кауано 2002: 378].

Завернутое тело усопшего располагали с северной стороны очага головой на восток. Справа ставили приготовленный заранее надгробный знак и ритуальную пищу, а в очаге разводили огонь. Хозяин дома произносил молитву и напутственную речь. Речь могла быть следующего содержания: «Ты уже сделался божественным духом и уносишь с собой много подарков, поэтому иди скорее в небесную страну, куда ушли деды, прадеды, прабабки. По дороге, чтобы у тебя не отняли приношений злые духи, не смотри назад и по сторонам, смотри только вперед перед собой и иди скорее» [Левин, Дубровина 1969: л. 56].

Взрослых людей у айнов было принято хоронить на кладбищах, исключая особые случаи, а младенцев — вблизи жилищ, неподалеку от женского отхожего места. По некоторым данным, сахалинские айны до XIX в. хоронили сородичей в лесу [Арутюнов, Щебенков 1992: 113; Осипова 2008: 131].

Кладбища (айнск. *хамаськане*) сооружались посреди склона или гребня горы, недалеко от деревни. Посемейного деления не было. Свободные места использовались для создания новых захоронений произвольно. Иногда на старой могиле делалась новая. В этом случае яму рыли поперек прежней [Арутюнов, Щебенков 1992: 113].

Следует отметить, что айнские и японские кладбища изолировались друг от друга. Например, кладбище айнов в Тоёхата (г. Сидзунай), возникшее приблизительно во второй половине XIX в., хотя и располагается рядом с японскими погребениями, отделено от них канавой. Но иногда культурная дистанция между японцами и айнами была столь размытой, что встречались места совместных захоронений [Sasaki Каогу 2001: 138].

Все похороны следовало проводить во второй половине дня, ближе к вечеру [Онуки-Тирни 1996, № 3: 103]. Покойника выносили из дома через проделанное в стене отверстие вперед ногами, после чего отверстие закрывали. Это делалось для того, чтобы дух умершего, если он по какой-либо причине возвратится, не нашел дорогу обратно. До кладбища тело несли привязанным к длинной

палке, возглавлял шествие старейшина рода. Останавливаться по пути было нельзя [Арутюнов, Шебеньков 1992: 112; Осипова 2008: 131]. Аксессуары погребального культа переносили в мешках *sarap-nip*. После погребения их оставляли у могилы.

Когда могильщики рыли яму, женщина разводила рядом огонь. Божество огня должно было встретить дух покойника и помешать злым духам [Арутюнов, Шебеньков 1992: 113].

Могильная яма глубиной 1–1,5 м была прямоугольной или овальной, незначительно расширялась к голове. Покойник располагался в ней, как правило, в вытянутом положении, хотя встречаются погребения и в скорченном положении, особенно часто на Сахалине. Примечательно, что если на Хоккайдо тело чаще всего было ориентировано на юго-восток или восток, то на Сахалине преобладала ориентация на север [Hirakawa 1984: 414]. Иногда дно и стены ямы обкладывались циновками или досками — могила могла символизировать «земляную лодку» (айнск. *той-тин*) либо жилище умершего человека.

В яму покойника опускали при помощи двух палок, которые изготавливались из толстого бамбука и затем хранились у родственников, будучи общей собственностью [Голубев 1989: 118].

Со временем на Сахалине и Хоккайдо распространились погребения с деревянными саркофагами (в земле или над землей). Саркофаги были без сплошного дна, с двускатной или плоской крышей. Первые (айнск. *борони*) делались для наиболее почитавшихся айнов и нередко покрывались красивой резьбой, а вторые (айнск. *кабанни*) предназначались для рядовых членов общества (рис. 7).

Кроме упомянутых способов погребения, были и другие — они требуют особого внимания и будут описаны отдельно. Здесь

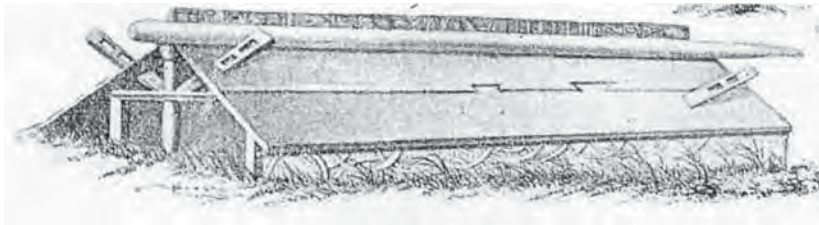

Рис. 7. Погребение айнов Сахалина в саркофаге *борони*.
Источник: [Siebold 1897: Taf. 36]

отметим, что японцы, а также нивхи, в отличие от айнов, широко практиковали кремацию⁷. В айнских археологических памятниках следы кремации не наблюдаются, и эта особенность лишней раз подчеркивает своеобразие их погребального культа.

Вместе с покойником айны помещали в могилу утварь — украшения, предметы быта, хозяйственные орудия, орудия охоты и оружие [Hirakawa 1984: 414]. К мужскому инвентарю относились: луки, стрелы, копья, гарпуны, рыболовные крюки, ножи, мечи, кремни (огнива), точила, трубки, табак, обувь, одежда, подносы, чашки, палочки для еды, палочки для поддерживания усов *икунись*. Женский инвентарь несколько отличался и включал ткацкие станки, веретена, иглы, нити, нижнюю одежду, обувь, котелки, чашки, ложки, поварешки, ножи, серпы, топорики *ната*, палки-копалки, украшения (китайские монеты, ожерелья, серьги). Если хоронили пожилую женщину, в могилу также помещали трубку и табак [Кюнер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 52; Munro 1963: 132]. Для детского погребального набора были характерны чашки, ложки, одежда и игрушки [Кюнер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 52]. По археологическим данным, в детские могилы опускали еще ножи, стеклянные бусины, серьги, а иногда и мечи.

Некоторые вещи в айнских погребениях обнаруживаются довольно редко — это бутылочки для сакэ (яп. *токкуруи*) (Кюанэтя; Симонинисибэцу), роговидные навершия шлемов (Нукабира 2), кожаные пояса с металлическими накладками (согласно Кан Вада), детали доспехов (Суэхиро I P-45, 60), гарды и аксессуары мечей (Усакумай В, № 1, № 3). Относить их к традиционному набору погребального инвентаря, думается, нельзя.

Внутри могилы предметы располагались в строго определенном порядке. Около головы или над головой укладывались украшения, иногда чашки, а также ножи, мечи, наконечники копий и стрел; в ногах или под ногами — лакированные сосуды, реже ножи; по бокам — охотничьи и рыболовные орудия, курительные трубки, ножи. Клади в могилу и мечи, которые айны очень ценили и передавали из поколения в поколение. Меч вытаскивали из ножен и размещали поверх тела, наискосок (от левого плеча к правой части живота), острием к ногам либо параллельно телу. Встречаются и другие спо-

⁷ В Японии кремация получила распространение после заимствования в VI в. буддизма.

собы расположения [Nishiuru 1942: 92]. В женских погребениях к наиболее ценным вещам относились украшения. Если умирала женщина, ожерелье размещалось у нее на груди или надевалось на шею [Спеваковский 1988: 146].

Некоторые предметы больших габаритов (лыжи, сани и пр.) айны оставляли на поверхности могилы. Кроме этого, в том месте, где должны находиться колени покойника, втыкали серп, а там где ступни — ставили котелок. Серп мог использоваться для подгонки циновок, которыми устилали могилу или для разбивания погребальной посуды с пищей [Арутюнов, Шебенков 1992: 113].

В целом погребальный комплекс, свойственный айнам, прослеживается уже на стадии перехода от культуры Сацумон к айнской. Об этом свидетельствуют находки из мужского и женского погребений на Хоккайдо в местности Ацума первой половины XIV в. (памятник Оникисибэ-2). Находки представлены украшениями (ожерелье, серьги, браслет), фрагментом колчана, мечами, орудиями труда (топор, игла, ножи), предметами хозяйственного обихода (деревянное лакированное блюдо, металлический котелок с ушками внутри)⁸.

После обустройства внутренней части погребения могилу засыпали и устанавливали на ней специальный знак *кува* — «дорожный посох». Намогильные знаки были, с одной стороны, символическими памятниками, с другой — духами-проводниками. В определенное время они становились указателем места общения с духом умершего. Установив столб, айны быстро, не оглядываясь, покидали кладбище.

Надо добавить, что после установки столба на него надевалась деревянная кадушка с выбитым дном, в которой после похорон участники церемонии омывали руки. Напомним, что вся погребальная утварь, как правило, ломалась.

На обратном пути с кладбища, у подножия горы, следовало обернуться полынью, чтобы отпугнуть злых духов. Также было принято сжигать шалаш, где находившийся при смерти провел последние часы, и совершать обряд очищения. Обряд включал освобождение дома от пыли и сажки, смену золы и песка в очаге, заготовку новых дров, изготовление *инау* для божества очага. Кроме этого, участники похоронной церемонии мыли руки чистой водой

⁸ Лакированный сосуд украшен изображением двух журавлей, вписанных в круг. Один журавль обращен вверх, а другой — вниз.

и съедали специальное блюдо с крошеным луком, приготовленное на обновленном очаге. Через несколько дней после похорон совершали ритуал возрождения пепла [Онуки-Тирни 1996, № 3: 104].

Места погребения айны обычно не посещали, опасаясь потревожить дух мертвого. Однако по прошествии трех-четырёх лет после кончины человека на его могиле ставили *инау*. Согласно айнским поверьям, именно в это время определялось положение покойного на том свете. До этого душа скиталась в мире людей и преимущественно по соседству со своим домашним очагом [Депрерадович 1877: 20].

Если мужчина умирал в возрасте старше 70 лет, то через один-два года семья начинала почитать его за божество и совершала паломничество к могиле. Ему делались подношения *инау* и сакэ и высказывались просьбы о защите от болезней и бедствий [Kasai 1943: 35].

Айны верили, что душа умершего через какое-то время (согласно Ю. В. Кнорозову, спустя 20 лет) могла возродиться в появившемся на свет ребенке. В таком случае было необходимо обновить надгробный столб, поскольку он становился местом общения с призраком. К столбу привязывались *инау* и возносились молитвы. После возвращения духа столб уже не почитали [Кнорозов 1989: 2].

Важными особенностями отличались похороны тех людей, которые умирали вне дома. По мнению айнов, их души не могли попасть напрямую в мир мертвых и чаще всего отправлялись к духам. Способы погребения отличались в зависимости от обстоятельств смерти. Однако в любом случае тело не вносили в дом и хоронили на кладбище (или в другом месте) отдельно от остальных усопших.

Когда человек погибал в море, то на берегу, где его в последний раз видели, сооружали шалаш. Тут же разводили костер, полагая, что огонь притянет погибшего. Если тело утонувшего обнаруживали, его помещали в гроб и закапывали на побережье. Если тела не находили, проводили обряд «мнимого погребения», или «погребения куклы» [Осипова 2008: 138, 140].

Во время похорон от шалаша к месту погребения шла процессия, состоявшая из пожилых женщин и стариков. Мужчины размахивали мечами налево и направо, громко крича при каждом взмахе, а женщины проделывали то же самое с ножами. Таким образом совершался обряд изгнания злых духов [Онуки-Тирни 1996, № 3: 108]. Манипуляции с мечами айны устраивали не только когда хоронили утопленников, но и в некоторых других случаях. Тем самым они,

с одной стороны, препятствовали духам схватить душу покойного, с другой же — ограждали себя от воздействия злых сил [Спеваковский 1988: 145].

На месте погребения утопленника намогильный столб не сооружали; взамен его мужчины ставили небольшой алтарь из ритуальных палочек *инау*. Дом погибшего в море ломали топорами (запрещалось повторно использовать балки в строительстве).

Совсем другим был погребальный обряд в случае гибели человека от нападения медведя. Похороны проводились немедленно и в том же месте, где медведь задрал жертву. Саркофаги при этом не использовались⁹. Могильную яму айны делали глубже обычной — на дно опускали тушу медведя, а поверх нее помещали тело жертвы. Подобный способ захоронения напоминал погребения убийц. Над ямой насыпали холм и ставили алтарь из ритуальных палочек [Онуки-Тирни 1996, № 3: 108].

Айны верили, что души покойных, погибших в воде, уходили в мир духов на небо, а погибшие на суше от медведя — в мир горных духов. Во втором случае, по некоторым данным, душа из мира горных духов все же могла потом попасть в мир мертвых. Что касается убийц, то их могли, как уже было отмечено, похоронить в одной яме с жертвой, но был и другой, не менее распространенный способ: тело убийцы помещали в лодку и пускали по течению реки. Его душа в этом случае уже никогда не возвращалась назад.

В японском источнике XVIII в. «Эдзоданхикки» встречается информация о туземцах, умерших от оспы. Их просто оставляли на земле.

В семейных отношениях айнов важную роль играл культ предков и в его рамках — обряд, называвшийся *синураппа*, что дословно означает «проливать искренние слезы», или *ичара* — «преподносим это». Его проводили трижды в году — весной, осенью и зимой. Зимние ритуалы отличались особым размахом и могли сочетаться с каким-либо другим праздником.

По убеждениям айнов, от ритуала *синураппа*, как и от обряда погребения, во многом зависело благополучие предков в небесной

⁹ В случае, если другой человек достигал медведя-убийцу, его живот разрезали, позволяя спастись душе, но в качестве наказания вставляли в пасть кусок дерева. Деревянная плашка должна была помешать питаться животному в мире мертвых медведей [Онуки-Тирни 1996, № 3: 108].

стране и, как следствие, условия жизни их потомков на земле. Поэтому было важно добиться расположения духов ушедших из жизни близких. Особым почитанием пользовались те, кто умер в глубокой старости и стал *камум* [Левин, Дубровина 1969: л. 55].

Местом проведения ритуала становилось жилище или двор. Здесь собиралось множество приглашенных родственников. Женщины участвовали в ритуале наравне с мужчинами. Обряд сопровождался жертвованием *инау*, сакэ, пищи и заканчивался пиром. Айны считали, что принесенные жертвы за время, пока они достигнут неба, умножатся в несколько десятков раз, поэтому ритуальная утварь была небольшого размера, а пища и брага подавались в малом количестве [Там же].

Предметы погребального культа

§ 1. Погребения

Как уже было показано, похоронная обрядовая практика, занимавшая столь важное место в культуре айнов, отражала их традиционные представления о загробной жизни и в целом верования о жизненном круговороте и мироздании.

Богатый материал для изучения обычаев, связанных с культом умерших, дают погребения — археологические находки указывают на их трансформацию во времени. Айнских могил эпохи XIII—XV вв., к сожалению, обнаружено мало, поэтому трудно делать определенные выводы о становлении погребального комплекса на заключительном этапе периода Сацумон. К самым ранним памятникам такого рода относятся могилы на Хоккайдо в районах Хассаму и Энива (памятник Каринба 2), Ёйти (памятник Окава), а также Ацума (памятник Оникисибэ-2) [Inui 2011: 62; Matsuzaki 2001: 48].

Значительно лучше изучены памятники более позднего времени. Они свидетельствуют о том, что в XVI—XVII вв. у айнов Хоккайдо практиковались грунтовые погребения, в которых тело усопшего размещалось вытянутым на спине, головой на юго-восток или восток, реже — в направлении на запад, северо-запад и очень редко — север [Hirakawa 1984: 414]. Хотя на айнских кладбищах Тоёхата (Сидзунай), Хигасияма (Иванай) и Хоромосири (Нэмуро) иногда встречаются костяки в скорченном положении, думается, их можно рассматривать как исключение из правил.

Несколько отличались могилы сахалинских айнов. Часто они хоронили, ориентируя головой на север (могильник Невельск 2 (Невельский район)) и с согнутыми в коленях ногами [Осипова 2008: 131; Спеваковский 1989: 54]. Сопроводительный инвентарь был таким же, как и на Хоккайдо (курительные трубки, ножи, украшения и пр.) [Горбунов URL: www.pogonaismuseum.ru]. Думается, отличная от Хоккайдо ориентация была неслучайной, ведь у большинства народов Сибири «страна мертвых» находилась на севере, и попасть туда можно было лишь по северному пути [Косарев М. Ф. 2010: 39].

Среди необычных находок отмечены могилы на Хоккайдо с двумя (Суэхиро, I P-30, 45; Усудзэнко:дзи, U2–U3) и тремя (Хассаму, № 1) костяками сразу. О подобных погребениях практически ничего не известно, они приходятся на период с XVI по XVII–XVIII вв. В трех случаях могилы оказались мужскими, в одном обнаружены костяки женщины и ребенка (Усудзэнко:дзи, U2–U3). Погребальный инвентарь включал мечи, металлические и кожаные детали от доспехов [Hirakawa 1984: 392, 393, 402, 407]. С течением времени такие захоронения вышли из обихода. В XIX в. они уже не встречаются.

Важная особенность погребального культа айнов — размещение усопших ничком. Могилы с этими особенностями найдены в археологических памятниках Хоккайдо XVII–XIX вв. Суэхиро (г. Титосэ) и Якумоюрабу (г. Якумо). Некоторые из них — мужские, некоторые — женские, с типичным инвентарем [Ibid.: 405]. При этом погребения в Якумоюрабу размещались в стороне от остальных. Ученые считают, что так айны хоронили людей, умерших в результате оспы или каких-либо инфекционных заболеваний [Ibid.: 393].

К редким погребениям XVII–XIX вв. также можно отнести могилы с канавами, каменными насыпями или отдельно лежащими камнями, обнаруженные на Хоккайдо в памятниках Суэхиро, Усакумай В (г. Титосэ), Сацукари (г. Киконай), Этомо (г. Муроран), Усудзэнко:дзи (г. Датэ) [Ibid.: 389]. В частности, на захоронении Сацукари № 2 на остатках древнего жилища (время создания — начало XVII в.) и на двойном погребении Усудзэнко:дзи U2–U3 в верхнем слое раковинной кучи (время создания — до 1663 г.) оказались каменные насыпи. В случае с Усудзэнко:дзи U2–U3 могилу с насыпью окружали бульжниками большего размера, на костяке ребенка, от груди к животу, в два ряда лежали небольшие камни. Судя по всему, подобное сооружение было и на другом костяке [Ibid.: 392, 393, 407].

Относительно расположения камней сказать что-либо определенное трудно. Известно лишь, что использование камня в оформлении курганов встречается на Хоккайдо в позднем Дзёмоне (памятники Готэнъяма и Сюэн) [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 137]. Кроме того, обычай устройства могил с камнями являлся характерной чертой погребений польцевской культуры (бассейна Среднего и Нижнего Амура, V в. до н.э. — IV в. н.э.), откуда он попал в обрядность чжурчжэней. На чжурчжэньских курганных могильниках Приамурья, в частности, камень использовался «довольно часто и, что важно, разнообразно»¹⁰ [Медведев 1991: 11, 12, 13].

Примечательно, что на айнской могиле Этомо № 13 поверх покойного находился большой камень [Hirakawa 1984: 407]. Можно допустить, что он должен был воспрепятствовать мертвецу вернуться в мир живых. Подобный обряд имеет дзёмонские корни.

Помимо погребений в земле, существовали и другие способы. Так, сохранились сведения, полученные от С. П. Крашенинникова, что курильцы летом хоронили тела в земле, а зимой — прямо в снегу. Интересную информацию содержат и ранние отчеты европейцев. Участники голландской экспедиции под руководством де Фриса, достигшие берегов Хоккайдо в середине XVII в., в бухте Аккэси видели айнские погребения в раковинных кучах — это один из примеров, подтверждающих параллели с традициями неолитического населения Японии¹¹ [Анучин 1876: 87, 92, 102].

У айнов Сахалина встречались захоронения, когда тела людей, пользовавшихся при жизни наибольшим уважением, заворачивали в рогожу и подвешивали к дереву. Известно, что на севере Якутии таким образом хоронили шаманов с целью отдалить тела от земли —

¹⁰ Примером может служить Корсаковский могильник VII—XI вв., расположенный на границе среднего и нижнего течения Амура, на о-ве Уссурийском. Здесь обнаружено много погребений, во внутреннем и внешнем оформлении которых использовался камень и речная галька [Медведев 1991: 11]. То же касается могильника Луданникова сопка на р. Урми. Ю. М. Васильев отметил здесь «явно упорядоченное расположение камней» и подробно описал различные способы применения камня в околomoгильных или внутримогильных сооружениях. Некоторые камни (весом до 30–50 кг), обнаруженные в насыпях, возможно, являлись надгробиями [Васильев 2006: 72, 79].

¹¹ Анонимный голландский автор указывал, что могилы айнов, умерших во время голодных и холодных зим, устраивались на берегу в кучах устричных раковин [Анучин 1876: 87; Спесваковский 1989: 54].

места обитания злых духов [Спеваковский 1988: 148]. Однако причина подвешивания могла быть и другая. Так, у некоторых народов Сибири захоронение на высоте считалось надежным способом достижения небесной сферы. Случалось, что «человек, знающий или предполагающий время своей кончины... сам принимал меры к тому, чтобы встретить смерть на дереве» [Косарев М. Ф. 2010: 46].

Иногда погребения устраивали на поверхности земли, например тела умерших просто оставляли в землянках. О причинах такого способа остается догадываться [Осипова 2008: 133]. Думается, либо люди погибали от эпидемических болезней, и сородичи «бросали» их как есть (вместе с жилищем), либо, умирая, скажем, в результате голодовки, люди таким образом хоронили себя сами. Подобный случай описан в одном из преданий, собранных Б. О. Пилсудским [Пилсудский 2004: 71–56].

Со временем на Хоккайдо и Сахалине туземцы перешли к захоронению покойников в деревянных гробах [Голубев 1989: 118; Спеваковский 1988: 149]. На них могли оказать влияние японцы или обитатели различных районов Приморья и Приамурья. В этой связи напомним, что уже в эпоху Яёй в Японии практиковались грунтовые погребения в прямоугольных деревянных гробах с крышками. Показательны также археологические находки, сделанные в Дальневосточном регионе. Так, могильник Луданникова сопка в Хабаровском крае на р. Урми, относящийся к периферийным памятникам культуры северных чжурчжэней и датирующийся XI в., содержал могилы, в которых умершие находились в гробах-ящиках, гробах-«срубках», а также конструкциях, напоминающих обкладки, но с дном и крышкой. Еще один чжурчжэньский могильник в долине Партизанска (XII–XIII вв.) включал погребение с дощатым гробом [Медведев 1991: 19]. В некрополе мохэской культуры Монастырка-3, расположенном на побережье Японского моря в Дальнегорском районе Приморского края (IX–XII вв.), находились погребения с остатками кремации в прямоугольных дощатых ящиках, при этом многие могилы имели прямоугольную деревянную обкладку¹² [Там же: 18].

¹² Гроб собирали непосредственно в могиле, сразу же после того, как она была готова. Прослеживается три типа гробов: гробы-ящики, гробы-рамы (дно и крышка могли быть из берестяных полотнищ), гробы-срубы. При сборке гроба обычно не использовали никаких скрепляющих элементов [Васильев 2006: 98, 104].

Согласно записям де Фриса, на айнских могилах в области Отомари на поверхности земли выступали крыши гробов, украшенные орнаментом [Kitahara 2004: 101]. Следовательно, айны Сахалина хоронили в гробах, напоминавших по форме дома, уже в середине XVII в. И такой обычай вплоть до последнего времени сочетался с традиционными захоронениями в земле.

По сведениям, полученным у айнов, проживавших в первой половине XX в. на Хоккайдо и Курильских островах, обряд погребения в деревянном гробу появился очень поздно и совершался крайне редко. Обычными были простые грунтовые захоронения, при этом никакие внешние символы не устанавливались [Голубев 1989: 118]. Данные археологии подтверждают эту информацию лишь отчасти. Так, саркофаги на Хоккайдо обнаруживаются большей частью в погребениях второй половины XIX—XX вв. Тогда же появляется и сообщение Тории Рюдзо о том, что курильские айны рядом с могилой сажают дерево, а в ногах устанавливают надгробный столб. Представление о времени бытования саркофагов существенно меняется в свете последних находок. Несколько захоронений айнов, относящихся к раннему периоду, выявлено в ходе археологических исследований на юге Хоккайдо в уже упоминавшемся памятнике Оникисибэ-2. Две из исследованных могил датируются первой половиной XIV в., костяки в них не сохранились. Одна могила (№ 1), судя по набору погребального инвентаря, принадлежала взрослой женщине, другая (№ 3) — мужчине. По мнению археологов, костяки находились в деревянных саркофагах [Inui 2011: 62, 64].

О саркофагах айнов Хоккайдо встречается информация еще в записях первой половины XVII в. “Relatione del Regno di Iezo” итальянского миссионера Джироламо де Анджелиса и в японском источнике XVIII в. «Эдзоданхикки». По словам Джироламо де Анджелиса, богатые айны хоронили соплеменников в больших ящиках, а бедные — в мешках [Ibid.: 66]. Следуя «Эдзоданхикки», умерших сородичей туземцы помещали в «простые ящики». Судя же по находкам в Ацума (Оникисибэ-2), можно допустить, что айнский обычай делать погребения в саркофагах восходит к XIV в.

Саркофаги на Сахалине собирались из толстых досок, длиной от 1 до 4 м и шириной примерно 60 см. Материалом чаще служила ель — дерево, которое ассоциировалось с болезнью и смертью. Боковые продольные доски назывались *соком-ита*, головные и нож-

ные поперечные доски — *этувсу*, крышка — *инумбита* [Добротворский 1875: 59; Онуки-Тирни 1996, № 3: 103; Nishizuru 1942: 94]. Доски соединялись так плотно, чтобы грунт с песком не попал внутрь, однако дна не было, делалось лишь пять-шесть поперечин, на которые клали циновку, а поверх нее — завернутое в погребальные одежды тело. Если человек пользовался большим уважением или прожил более 70 лет, стенки и крышка покрывались искусной резьбой. Согласно некоторым данным, женские саркофаги не орнаментировались, согласно же другим, декорировались так же, как и мужские. Кроме того, у саркофагов для особо уважаемых айнов, как указывалось выше, были двускатные крышки (айнск. *борони*, *порони*), а для обычных людей — плоские (айнск. *кабанни*) (рис. 8) [Nishizuru 1942: 94, 95; Kasai 1943: 35].

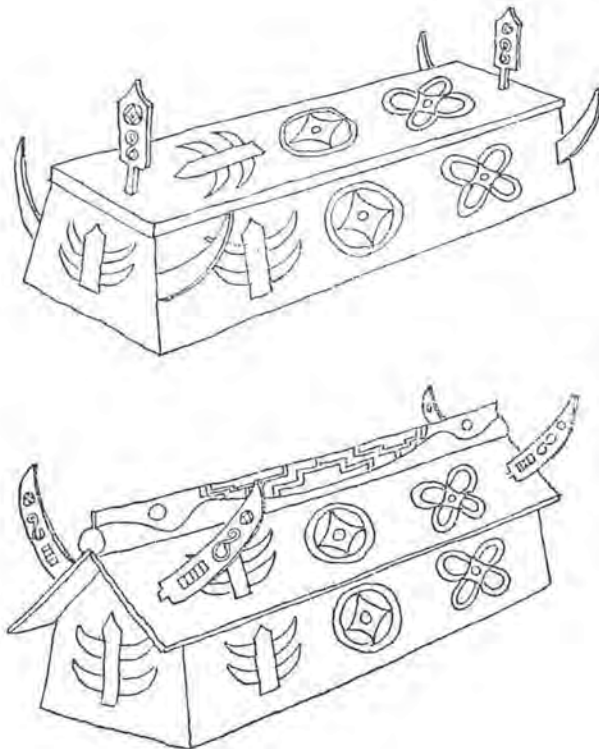

Рис. 8. Саркофаги айнов Сахалина *кабанни* (вверху) и *борони* (внизу).
Источник: [Nishizuru 1942: 94]

Сохранились свидетельства, полученные от Мамяя Риндзо, о том, что в саркофагах в виде домика айны хоронили старшин, при этом их тела предварительно подвергались особому бальзамированию и высушиванию. По описанию этого автора, когда умирает вождь, «его живот разрезают и вынимают все внутренности. Ложе для усопшего устраивается вне жилого помещения. Женщины обмывают мертвое тело, тщательно высушивают его на солнце с целью предупредить тление. Этот обычай называется уфуи. Гроб изготавливается лишь спустя год после кончины. Если по истечении года тело не подвергнется разложению, женщин одаривают одеждой, табакон, напитками. Если труп начинает смердеть, женщин убивают и закапывают в землю (в последние годы этот обычай убивать женщин начинает угасать)» [Описание 1990: 116]. Свидетельство Мамяя Риндзо имеет важное значение, поскольку указывает на параллели с обычаями народов севера Тихоокеанского побережья Азии и Америки. В частности, среди соседей айнов мумификацией с потрошением занимались только алеуты.

Участникам голландской экспедиции (1643) довелось видеть на западном побережье мыса Терпения 10 открытых захоронений. Тела вместе с погребальным инвентарем лежали в дощатых гробах, приподнятых над землей на четырех небольших столбах. По записям штурмана Корнелиса Куна, «под четырехугольным гробом под дном на деревянной решетке лежал мертвый с венком из тонких нарезанных щепок у головы, одетый в старый хлопчатобумажный кафтан, который уже успел истлеть. Крышка гроба напоминала крышу дома. На коньке крыши находилась красивая резная чашка. Вдоль гроба у каждого его конца — головы льва или дракона с деревянными кольцами в пасти и все четыре угла тоже были резными...» [Плавание 1990 URL: <http://www.vostlit.info>].

Описанный способ захоронения, вероятно, объяснялся природными условиями региона (твердый промерзший грунт и обилие снега) — он типичен для многих северных народов Сибири. Более того, иногда айны северо-западного побережья Сахалина в зимнее время ставили гроб не на столбы, а на два бревна, положенных на землю [Онуки-Тирни 1996, № 3: 103]. Это требовало минимальных физических затрат.

Более подробные сведения об особенностях погребального обряда с использованием саркофага в разных источниках несколько отличаются. Сахалинские айны, например, по одним данным, тело

человека облачали в погребальный наряд, помещали в саркофаг (вместе с погребальной утварью) и потом относили на кладбище. По другим — до кладбища тело несли завернутым в циновку, а в гроб опускали на месте погребения [Nishizuru 1942: 94]. Яму при этом выкапывали не очень глубоко — на столько, чтобы крышка и верхняя часть стен выступали из земли. Со временем, под влиянием японской традиции, а также из-за опасений расхищения погребальной утвари айны стали закапывать гробы на глубину до метра [Ibid.].

На Хоккайдо способ погребения в деревянных гробах описал Р. Хичкок. По словам исследователя, тело одевали в погребальный наряд, помещали в гроб вместе с погребальной утварью и закапывали в землю (головой на восток). Перед тем как зарыть гроб, каждый из присутствующих бросал на него землю, после того как гроб закрывали, ставили надгробный знак [Hitchcock 1891: 465].

§ 2. Могильные столбы (надгробья)

Ранние следы айнских надгробий в виде столбов обнаруживаются на Хоккайдо в могильниках, создававшихся начиная с XVI в.: Суэхиро (г. Титосэ), Этомо (г. Муроран), Сацукари (г. Киконай), а их изображения встречаются на страницах японских письменных источников конца XVIII—XIX вв., например в сочинении «Эдзосима кикан» (1799—1800).

Изготовлением столбов всегда занимались мужчины. Они приносили заготовку из леса и прежде всего ограждали ее от лучей солнца, так как считалось, что этот материал уже относится к царству смерти. Затем недалеко от дома разводили маленький костер и приступали к работе. Закончив изготовление надгробия, на его верхушке вырезали углубление, куда помещали древесный уголь из выгоревшего костра. Он предназначался для божества огня, который должен был указать покойнику правильную дорогу в иной мир [Арутюнов, Щебеньков 1992: 110].

В айнской культуре существовало несколько разновидностей надгробных знаков. Прежде всего они подразделялись на мужские и женские. Кроме того, известный исследователь-айноведа Коно Хиромити выделил в культуре айнов Хоккайдо и Сахалина шесть типов надгробий-столбов по региональному признаку. Первая группа была характерна для айнов восточного побережья Южного Сахалина, вторая — для западного побережья и отчасти области Ёити (Хоккайдо), третья — для айнов западной части Хоккайдо, четвер-

тая — для айнов верховьев реки Исикари, пятая — для айнов восточной части Хоккайдо, шестая — для айнов долины реки Сару и окрестных районов. Известно, что надгробные знаки использовали и айны Курил, но они плохо изучены. Существовали локальные варианты форм и среди описанных шести групп знаков. Поэтому предложенная Коно Хиромити схема весьма условна. В целом же несомненна разница между столбами у айнов Хоккайдо и Сахалина.

Намогильные столбы айнов Хоккайдо назывались *райкур-ни*, что означает «дерево умершего человека», *кува* — «дорожный посох» или *ирура-камуй* — «сопровожающий дух». Они изготавливались из софоры или сирени маньчжурской, могли быть с орнаментом или без него (в зависимости от региона).

Мужские знаки (айнск. *айну-кува*, *оккаё-кува*) по форме представляли собой обычный прямой столб с небольшим сучком в верхней трети, столб в виде копья или столб с развилкой наверху, напоминающий букву Y (рис. 9). Копьевидная форма по очевидности обусловлена ролью копий в жизненном укладе мужчин. Иногда это орудие ставили рядом со столбом наконечником вверх (рис. 10). В ряде случаев к столбам прикреплялись *инау*. Способ и место крепления струженных палочек зависели от формы столба — их или подвешивали к сучку, или привязывали веревкой к гладкой поверхности (рис. 11).

Рис. 9. Мужской намогильный знак айнов Хоккайдо *оккаё-кува* в виде копья. МАЭ РАН (№ 529-67)

Рис. 10. Мужской намогильный знак айнов Хоккайдо *оккаё-кува* в виде столба с сучком и охотничьи орудия покойного. Фрагмент иллюстрации «Эдзосима кикан», Хата Авакимару (1799–1800). Университет Хоккайдо

Рис. 11. Намогильные знаки айнов Хоккайдо с *ину*. Фрагмент иллюстрации «Эдзосима кикан», Хата Авакимару (1799–1800). Университет Хоккайдо

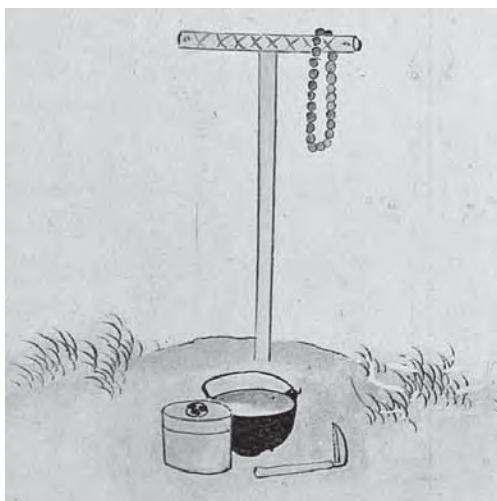

Рис. 12. Женский надгробный знак айнов Хоккайдо *мэноко-кува* и хозяйственные принадлежности покойной. Фрагмент иллюстрации «Эдзосима кикан», Хата Авакимару (1799–1800). Университет Хоккайдо

Женские знаки (айнск. *сивэнтэп-кува*, *мэноко-кува*) в восточных районах Хоккайдо имели Т-образную форму, а в западных — форму столба с полушарием на верхушке, в середине которого просверливалось отверстие (рис. 12). Столбы с отверстиями символизировали иглу. Они снабжались веревками, сплетенными из белого и черного шнуров (айнск. *утоки-ат*), с черными лентами или кистями [Кнорозов 1989: 2; Спесивовский 1992: 280; Кауано 2002: 113, 431].

Надгробные знаки у айнов Сахалина назывались, как и хоккайдские, *кува* — «дорожный посох», а также, по-местному, *ась-ни* — «поставленное дерево». Их делали либо в виде Т-образного столба (женские), либо круглого прямого столба или плоской доски (женские и мужские) (рис. 13, 14). В высоту они достигали 120–150 см и, как правило, орнаментировались. На круглых столбах оставался небольшой сучок для *инау*, на досках делались фигурные отверстия.

Самыми распространенными надгробиями в восточной части Сахалина (Тоннай, Рорэй, Сирахама, Найбучи) были доски. Туземцы изготавливали их из рябины, ели, лиственницы. В западных районах острова (Тарантомари, Одомари и др.) на могилы чаще ставили столбы.

Рис. 13. Женский намогильный знак айнов Сахалина *кува*.
«Китаэдзо дзусэцу», Мамия Риндзо, Мураками Тэйсукэ (1810).
Источник: [Mamiya 1943: 64]

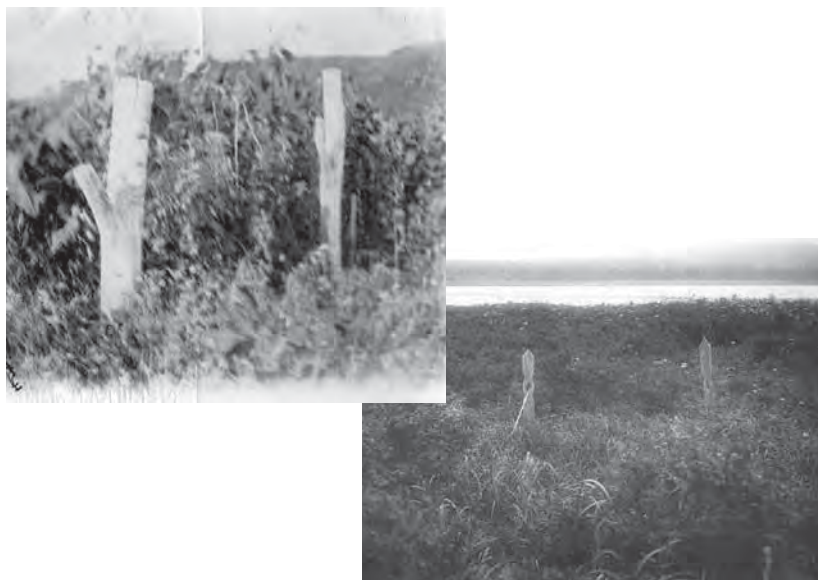

Рис. 14. Мужские и женские намогильные знаки айнов Сахалина *кува*.
РЭМ (№ 2448-36, 2611-76)

Как полагает Нисидзурю Садаёси, в давние времена айны Сахалина не сооружали на могилах никаких столбов, однако со временем их начали устанавливать на мужских захоронениях, а также на женских в том случае, если женщина прожила больше 70 лет [Nishizuru 1942: 95]. Женские Т-образные столбы в XIX в. были отмечены Мамия Риндзо [Mamiya 1943: 63].

По мнению Ю. В. Кнорозова, первоначально столбы имели форму палки с заостренным концом, служившей посохом и землекопалкой. Постепенно, чтобы получить достаточно места для «пиктографических надписей», туземцы стали придавать столбу форму доски. Орнамент наносился с лицевой стороны и, как считал ученый, включал пиктографические знаки. На тыльной стороне надписей не делалось, чтобы призрак, возвратившись в мир людей, не запутался, обходя столб [Кнорозов 1989: 2]. Надо заметить, что гипотеза о письменности айнов и, соответственно, пиктограммах на ритуальных столбах пока не подтверждена. У нее есть сторонники и противники, в том числе в Японии, но ни тем, ни другим не хватает решающих аргументов, основанных на материальных свидетельствах, для установления истины.

Как уже было сказано, данных о погребениях у айнов Курил крайне мало. Известно, что у них преобладало грунтовое захоронение, при этом в ногах умершего устанавливали заостренный круглый кол, обычно высотой около 1 м, а иногда и более 3 м. Столбы делали из выброшенного морем леса. На столбы, особенно у могил вождей, привязывали *инау* [Кнорозов, Прокофьев 1995: 211]. Основной и здесь выступала функция «духа-проводника» в загробный мир.

Ритуал распития священных напитков

Употребление хмельных напитков и опьянение от них для айнов было делом священным, сближающим их с миром божеств. Домашнюю просяную брагу (айнск. *камуй-сакэ*) они испокон века рассматривали и как одно из главных подношений божествам. Позже туземцы стали готовить *камуй-сакэ* из риса, который покупали у японцев. Кроме того, священное отношение было перенесено на покупной алкоголь — японскую рисовую водку, маньчжурскую араку, русские водку, спирт и брагу. С целью подношения священных напитков божествам устраивались пышные церемонии. Разумеется, спиртные напитки в основном пили люди, а божествам доставались лишь капли.

Рис. 15. Столик *оттикэ* с чашками на подставках *туки* и палочками для усов *икупасуй*. Археологический музей культуры Эдзо п. Макубэцу (№№ 541, 543, 550, 552, 554, 580, 585, 587, 631, 628, 629).
Источник: [Ainu-no shiki 1999: 93]

Для церемонии непременно требовалась деревянная лакированная посуда японского производства (айнск. *туки*), включавшая чашки (яп. *ван* / айнск. *итанки/итаньки*) и особого вида подставки (яп. *тэммокудай* / айнск. *такайсара*, *туки-э-успэ*, *оюсьпэ*) (рис. 15). Весь комплект — чашка с подставкой — мог называться *туки-нум*, а сокращенно *туки* [Кауано 2002: 327]. Кроме этого, существовали различные термины, использовавшиеся в зависимости от размера изделий, их декора и т.п. Так, чашки с подставками, выполненные в технике *наседзи* (лаковое покрытие с золотой или серебряной россыпью — так называемый «грушевый» фон), айны называли *канэ-пэ-усть-туки*, особенно красивые аксессуары для медвежьего праздника — *маранто-туки*, а *туки* самого малого размера — *нисэу-туки* [Ibid.: 197, 344, 425].

Помимо праздничной посуды, обязательным предметом церемонии священного возлияния были ритуальные палочки или пластинки особой формы — на Сахалине их называли *икуниси*, а на Хоккайдо — *икупасуй* или *туки-пасуй* (*ику* означает пить, *ни* — дерево, *пасуй* — палочка) (рис. 16, 17). Перед питием этот священный

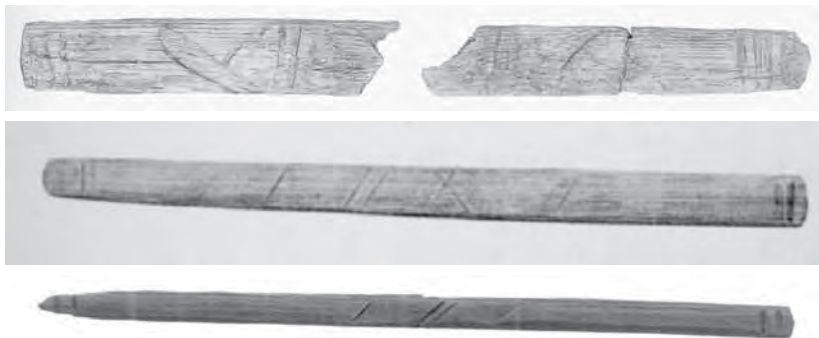

Рис. 16. Палочки *икупасуй* из памятника Биби 8 середины X — середины XV в. (вверху) и середины XV — середины XVIII в. (в центре и внизу).
Источник: [Morioka 2001: 147]

Рис. 17. Палочки *икупасуй* из памятника Мияносавагава конца XVI — начала XVII в. Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо; Комитет по вопросам образования г. Каминокунни. Источник: [Matsuzaki 2001: 82]

атрибут помещали на чашку, установленную на подставку [Karafuto ainu 1996: 29]. Еще в 1565 г. португальский миссионер Луис Фройс сообщал, что туземцы, обитавшие на севере от Японии, «были мохнаты телом», имели огромную бороду и усы, которые во время питья сакэ приподнимали палочкой. Это одно из ранних письменных свидетельств о данном предмете и его назначении [Sasaki Toshikazu 2001: 156].

Но приподнимание усов с помощью *икуниси* — это лишь форма, момент церемонии. Главное же сакральное назначение предмета — в подношении напитка божествам, он также выступал как посыльный, передающий молитвы или просьбы. И если при обращении к божеству участник церемонии допускал ошибку, священная палочка исправляла ее. Айны-анимисты полагали, что *икуниси* — это живое существо, наделенное душой.

Изготавливали *икуниси* из вяза или березы — священных, по айнским поверьям, деревьев. Палочки могли быть прямыми или с небольшим изгибом, длиной до 30 см. Лицевая сторона, как правило, имела округленную форму, оба конца заострялись под разными углами.

Разновидностью обычных орнаментированных палочек являлись *икуниси* со стружками на лицевой стороне. Они использовались только для особо торжественных церемоний, например на медвежьем празднике, и после празднества обычно уничтожались — их сжигали в домашнем очаге. Но иногда *икуниси* со стружками айны не сжигали, а прикрепляли к боковой подпорке алтаря *нуса*, где располагались черепа и другие части медведя [Maraini 1999: 331].

Известны *икуниси*, изготовленные из веток. По мнению Ю. В. Кнорозова, их делали в том случае, если во время охоты находили «привлекательную» ветку и охота оказывалась удачной. Можно предположить, что такие изделия стали прототипом традиционных деревянных пластинок [Кнорозов, Соболева, Таксами 1986: 270]. Бывали случаи, когда из-за отсутствия *икуниси* в ход пускали обеденные палочки или другие предметы, например курительные трубки.

Икуниси обладали довольно сложной структурой, у каждого элемента которой было свое название (рис. 18). Эти названия иногда варьировали в зависимости от региона [Maraini 1999: 331].

Наиболее важным элементом выступало изображение родового символа (айнск. *экаси-итокна*), помещавшееся на лицевой стороне с левого и правого краев. Символ состоял из серии прямых

Рис. 18. *Икуниси* айнов Сахалина.

МАЭ РАН (№ 839-21). Источник: [Айнские коллекции 1998: 77]

поперечных зарубок, которые различались по длине, ширине, форме и были либо частью знака, либо целым знаком. Иногда этот символ вырезался в центре орнамента или вообще отсутствовал. Все это можно объяснить локальными традициями.

Следующее за *итокпа* поле называлось *носьки* (айнск. *носьки/носке* — середина). Здесь помещалась резьба в высоком или низком рельефе и часто весьма сложные горельефные композиции, как правило, реалистические. В отличие от *итокпа*, декоративное оформление центральной части пластинки зависело от личных пристрастий и вкуса мастера. Орнамент отличался исключительным разнообразием — от изощренных геометрических абстракций до реалистических рисунков (растений, животных, рыб, культовых объектов (посуда, мечи), бытовых предметов и символов японского происхождения (родовые гербы, рогообразные навершия шлемов)). Часто поверхность *икуниси* покрывалась спиралевидным, веревочным и криволинейным орнаментами. Вевочный узор некоторые ученые объясняют древней айнской традицией хранить *икуниси* завернутыми в веревки. Что касается криволинейного орнамента, вопрос выглядит спорным. По мнению одних авторов, здесь прослеживается связь с культом змеи, а через нее и с культом огня (солнца). Согласно Л. Я. Штернбергу, айны рассматривали простейшие формы своего орнамента (особенно криволинейного) именно как изображение змеи [Окладникова 1995: 144; Штернберг 1929: 347]. Но другие исследователи такую связь отрицают.

Ю. В. Кнорозов предположил, что орнамент на *икуниси* представляет собой пиктографическое письмо. И действительно, в некоторых изобразительных композициях можно увидеть те или иные сообщения. Так, сочетание лодки и кита наводит на мысль об эпизоде морской охоты. Однако в подавляющем большинстве составные орнамента, в том числе и реалистические изображения, трудно интерпретировать как пиктограммы.

На заостренном конце палочки находилась выемка (айнск. *аканари*), служившая для того, чтобы вмещать небольшое количество сакэ при погружении изделия в сосуд с напитком. По всей видимости, эта часть *икуниси* первоначально представляла собой черпак ложки (известны предметы, выполненные в виде стилизованных ложек). С тыльной, реже лицевой стороны *аканари* иногда делалась треугольная насечка. Она называлась *парумпэ* или язык, который, как считается, был нужен для «передачи молитвы».

И далее: на тыльной стороне *икуниси* айны иногда вырезали знак *сирочи*, а также метку *камуй-итокпа*. Первый выполнял функцию маркера владельца, тогда как вторая указывала на конкретное божество, которому культовый предмет посвящался.

Нередко *икуниси* покрывались лаком. Наличие лака свидетельствует о позднем происхождении. Очевидно, предметы лакировались по айнскому заказу японскими мастерами. Неизвестно, какое значение придавали айны лакированным *икуниси* и отличали ли их вообще от простых. Возможно, это был лишь один из элементов декора [Maraini 1999: 332].

Отправляясь на охоту, айны укладывали в колчан оструганные палочки, напоминающие *икуниси*. Они назывались *пуска-ун-ни* и представляли собой обереги.

Собственно *икуниси* изготавливали любые члены семьи мужского пола, на год или более долгий срок. Если у какого-то мужчины было несколько молитвенных палочек, только на одну из них ставили знак предков. Ее брали с собой на охоту для защиты от злых духов, в случае же смерти владельца по ней опознавали тело. Обычай запрещал передавать кому-либо *икуниси*, пока жив хозяин. После его смерти одни палочки могли помещаться в могилу, но другие обязательно передавались родственникам.

Наконец, *икуниси* иногда делали специально для какого-то конкретного человека. В таком случае это был очень ценный подарок.

Во время самой церемонии питья перед каждой парой гостей ставился поднос с одной лакированной чашкой на подставке и *икуниси*, лежащей сверху. Палочка помещалась заостренным концом в левую сторону. Виночерпий особым черпаком набирал сакэ из бочки и наливал его в чашку, после чего младший по возрасту или положению мужчина передавал чашку с напитком соседу¹³ (рис. 19). Гость, получив чашку, брал ее левой рукой, а правой поднимал *икуниси*, удерживая его за конец большим и указательным пальцами. Заостренный конец он погружал в сакэ и осторожно стряхивал капли в разные стороны: три капли — в направлении очага (предназначались богине огня), следующие три — в сторону «священного окна»

¹³ Когда было много гостей, то сакэ из больших бочек разливали сначала в небольшие сосуды с носиками (такие, как *этунал*), а из этих сосудов уже в чашки.

Рис. 19. Церемония распития священного напитка. «Эдосима кикан», Хата Авакимару (1799–1800). Университет Хоккайдо

(*камуй-пуйяра*) и еще три — к северо-восточному углу дома, где хранились семейные сокровища. Кроме того, несколько капель следовало преподнести тем духам, на чью помощь особенно рассчитывали или которым оказывали наибольшее почтение. Сахалинские айны, например, «угощали» хозяина гор, хозяина воды, хозяина неба — к ним обращались с просьбой о благополучии в семье, крепком здоровье, удачных промыслах. После молитвы мужчина приподнимал ритуальной палочкой усы и выпивал, затем чашка снова наполнялась сакэ и переходила в руки его визави¹⁴.

Б. О. Пилсудский, побывав на медвежьем празднике сахалинских айнов в с. Отасан, составил несколько иное описание. Айн, получивший чашку с сакэ, проводил палочкой несколько раз над чашкою, укладывал ее обратно, поднимал чашку вверх, затем выпивал

¹⁴ Иногда перед тем, как выпить сакэ, айны поворачивали в руках чашку. Здесь прослеживается параллель с японским ритуалом чайной церемонии, когда чашку с крепким чаем обязательно несколько раз поворачивают [Sasaki 1995: 60].

содержимое. Один из почтенных пожилых айнов, присутствовавших на празднике, отметил, что ритуал выполнялся неправильно [Пилсудский 1914: 80].

Женщины во время питья сакэ молитвенные палочки помещали наискосок за воротник одежды. У них были малые чашки, налитые заранее. Кроме того, мужчина мог, подозвав женщину, предложить ей допить сакэ из его чашки (это называлось *па-кес*). В таком случае женщина часто не выпивала напиток, а переливала его в приготовленную для этого посуду (стеклянные бутылки или глиняные кувшины) — часто с тем, чтобы наутро угостить мужа, страдающего от похмелья [Там же: 97].

Инау

В традиционной культуре айнов, неразрывно связанной с религией, первостепенную роль играли ритуальные предметы в виде пучка стружек, заструженных палочек или довольно крупных жердей — эти атрибуты известны под общим названием *инау*. Связанные с ними ритуалы пронизывали все стороны жизни туземцев, демонстрируя самый характерный признак их самобытной культуры.

По функциональному назначению *инау* можно разделить на два основных типа: *инау* — посредник между человеком и божеством; *инау* — подношение божеству. Роль посредника совпадала с одной из важнейших функций палочек *икупасуй* или убитого на ритуальном празднике медведя и состояла в том, чтобы передавать нужды и просьбы, а также дополнять их, если во время молитвенной речи что-то было упущено. Используя же *инау* как подношение, айны заручались поддержкой свыше. Они были убеждены в том, что, получая от людей *инау*, тот или иной *камуй* умножает свою божественную силу¹⁵ [Намба 1992: 128].

Некоторые ученые, в том числе В. Д. Косарев, справедливо указывают и на другие функции: *инау* — прибежище божества во время его визита на землю; *инау* — пограничные знаки, устанавливавшиеся на межах владений той или иной общины или семьи;

¹⁵ В одном из письменных источников — «Сува даймё:дзин э-котоба» (1356) — говорится, что женщины преподносили стружки богам, когда молили их оказать поддержку мужчинам, отправлявшимся на битву [Намба 1992: 127].

инау — хранители, размещавшиеся в наиболее опасных местах по маршруту путешествий; *инау* — маяки, ставившиеся в высоких точках побережья, видимых издалека; *инау* — памятные знаки; *инау* — «целители»; *инау* — вместилища душ предков; *инау* — замены человеческих жертвоприношений. Последняя гипотеза заслуживает особого внимания.

Дело в том, что при всем разнообразии форм у *инау* всегда обозначались части человеческого тела, главными из которых были «голова», остов-туловище и стружки — своего рода «языки» (для передачи просьб божествам) [Китахара 2007: 127; Кюннер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 57]. При этом на туловище делались зарубки *тохпа* и ставились различные знаки. По мнению М. М. Добротворского, зарубки — не что иное, как изображение разрезов на животе. Исследователь отмечал, что слово *экоритохпа* означает «принести в жертву *инау*», а дословно — «изрезать живот». Синоним этого слова — *котохта*, которое в сочетании с *инау* означает «принести в жертву *инау*» [Добротворский 1875: 65]. Данную теорию опровергал Л. Я. Штернберг, посчитавший, что высказывание «изрезать живот» — всего лишь гипотетическое дополнение автора. Л. Я. Штернберг писал: «Прибавим еще то, что зарубки имеются на идолах у самых различных народов (ср. хоть таковые у самоедов), и таким образом, по теории Добротворского, пришлось бы все идолы признать остатками человеческих жертвоприношений» [Штернберг 1905: 298]. Собственно Л. Я. Штернберг выделял на *инау* такие части тела, как голова, макушка, шея, волосы, брови, глаза, рот, губы, пупок, половой орган, руки и ноги. При этом зарубки, по его мнению, определяли те или иные антропоморфные признаки [Там же: 294].

Существовало много видов *инау*, различавшихся материалом, размером и формой (рис. 20). Их делали из ивы, дерена, березы, сосны, сирени, ореха, магнолии, ели, ольхи, дуба, амурского пробкового дерева (рис. 21). Одни породы обладали специфическим запахом, другие — привлекательным цветом, третьи — мягкой и гибкой древесиной. Главным же материалом считалась ива, дававшая длинные, хорошо вьющиеся и долго сохраняющие привлекательный вид стружки. По мнению айнов, ива послужила богам исходным материалом для позвоночника первого человека. Ее рассматривали как дерево жизни [Спеваковский 1988: 108].

Б. О. Пилсудский описал изготовление сахалинскими айнами *инау* из ивы для медвежьего праздника. Застругивали их кривым

Рис. 20. Разновидности *ина* айнов Хоккайдо.
 «Эдзо манга», Мацуура Такэсиро, (1859). [Источник: Matsuura 1859
 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

Рис. 21. Способ изготовления *инау* айнами Хоккайдо.
«Эдзо сэйкэй дзусэцу», Хата Авакимару, Мураками Тэйсукэ и Мамия
Риндзо (1823). Токийский государственный университет

ножом, начиная с середины палочки и заканчивая, немного не доходя до верхнего края. Получались длинные, тонкие и узкие ленты. Несколько лент скручивали, создавая «косы», ниспадавшие со всех сторон вокруг остова. Нетронутую половину обрезали так, что предмет заканчивался заостренным концом. Такие *инау* назывались *инау-сана*, то есть голова *инау* [Пилсудский 1914: 78]. К этому можно добавить наблюдение Л. Я. Штернберга, согласно которому при застругивании нож айны вели по направлению к себе, придерживая один конец палки рукой, а другой упирая в грудь [Штернберг 1905: 293].

Л. Я. Штернберг также писал: «Без преувеличения можно сказать, что значительная часть жизни айнов уходит на изготовление *инау* и требует пройти весь долгий путь годов, чтобы к концу только достичь полного знания этой таинственной науки» [Там же: 295].

Как видно из описания, основным элементом *инау* были стружки, которые назывались «языками». При этом первостепенное значение айны придавали не столько стружкам, сколько духу, за-

ключенному в них: «...то, что извлекает из... языка мудрость и красноречие, то не сам язык (тело), а тот божественный дух (душа), который в нем обитает... Дух этот присущ не только языку человека, но и дерева» [Там же: 303].

Стружки на *инау* довольно сильно различались формой. Они могли сплетаться вместе в небольшие «косички», а могли ниспадать по отдельности или же направляться в разные стороны. Иногда их крепили к остову отдельно. На всей территории Южного Сахалина и Курильских островов, а также в северных и восточных районах Хоккайдо прослеживается обычай изготавливать *инау* с короткими стружками наверху или короткими наверху и длинными внизу. В юго-западных районах Хоккайдо преобладали *инау* вообще без стружек наверху [Китахара 2007: 127].

Различались *инау* не только формой стружек, но и особенностями «туловища». Существовали изделия с ветками и без веток, с зарубками, с разными формами наветший (скошенным, горизонтальным, фигурным) и окончаний (скошенным, округлым в сечении или многоугольным). На некоторых *инау* кора на остове оставлялась, и на ней делались надрезы.

Одним из характерных символов, наносившихся на остов *инау*, был «мужской знак предков» (*итохна*, *итокна* или *экаси-итокна*), который указывал на принадлежность к определенному роду. Его ставили на *инау*, жертвуемых наиболее почитавшимся божествам. Сторона предмета, на которой стоял этот знак, считалась лицевой. Иногда *инау* помечались и знаками божества — *камуй-итокна*. В целом знаки требовались для того, чтобы определить, какому божеству и кем совершено подношение.

Некоторые *инау*, главным образом целебные, а также посвящавшиеся божествам очага, делились на мужские и женские. Айны Сахалина из селения Уссоро и аборигены некоторых районов Хоккайдо определяли пол по направлению стружек: *инау*, у которых стружки были выструганы сверху вниз, считались мужскими, а *инау* со стружками, направленными снизу вверх, — женскими [Китахара 2007: 128; Matsuura 1859 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]. В зависимости от региона пол также могли определять по форме среза верхней части остова: у мужских *инау* он был горизонтальный, а на женских — с небольшим скосом. В некоторых случаях женские *инау* выделялись свитыми из стружек ушными кольцами (*нинькари-инау*) [Спеваковский 1988: 110].

Рис. 22. Наружные *инау* айнов Сахалина. РЭМ (№ 2448-99)

Две большие группы включали *инау*, использовавшиеся внутри дома и вне его. Домашние назывались *тисэ-камуй-инау* (*тисэ-инау*) и были небольшими. Устанавливавшиеся вне дома *сойта-инау* (наружные *инау*) отличались большими размерами и часто собирались в группы, называвшиеся *инау-типа* или *нуса* (рис. 22)¹⁶ [Там же: 80].

Из числа домашних назовем *камуй-хути-отта-инау*, относящиеся к типу *тэхоркакэп*, которые хоккайдские айны подносили духу очага *камуй-хути*. Изготавливали их из дерена или других древесных пород, застругивая сверху вниз так, чтобы стружки получались короткие и завивались в разные стороны (рис. 23). Стружки располагались на двух уровнях — наверху и посередине. Верх остова делался фигурным, а нижняя часть заострялась в виде многоугольника [Ainu seikatsu... Iomante 2010: 23]. Во время церемонии такие *инау* сжигались, отправляясь к духам-предкам, или втыкались в пепел очага.

¹⁶ Обычно *инау* ставились на алтарь, но на Сахалине и на севере Хоккайдо их также подвешивали за веревку.

Следует отметить, что описанный выше тип *тэхоркакэп-инау* (с короткими стружками на двух уровнях) айны жертвовали не только *камуй-хути*, но и всем основным духам. При этом форма могла оставаться без изменений, а название меняться. Это касается и других *инау* — для разных божеств часто использовался один вид.

В восточной части Хоккайдо божеству очага туземцы подносили *инау*, аналогичные *тэхоркакэп*, но с тремя секторами стружек (айнск. *суту* (*сюту*) -*инау*, *тикаппу-инау*). В некоторых местностях подношением служили палочки с расходящимися в стороны стружками в самой верхней части (айнск. *абэсямаусь*). Все разновидности, отличаясь формой, имели один и тот же сакральный смысл.

Особые *инау* на Хоккайдо жертвовались помощникам божества огня *абэ-оти-экаси* (хозяин верхней части очага, ближней к священному окну) и *абэ-оти-фути* (хозяйка нижней части), которых считали супругами. Одному айны приносили в дар двухсекторные *инау-пиннэкуру* (мужские *инау*) со стружками, направленными вниз, другому — *инау-матнэкуру* (женские *инау*), со стружками, обращенными вверх. В обоих случаях священные палочки сжигали.

Сахалинские айны божеству очага посвящали *инау* с короткими стружками в верхней части, образующими округлую форму — подобие «головы». Остов при этом мог опоясываться небольшими стружками и снабжаться двумя стружками-вставками. Назывались такие изделия *унти-инау* («*инау* хозяину огня»), *ундзи-инау* или *сонкокорокамуй-унти-инау*. Вместе с *унти-инау*, как и на Хоккайдо,

Рис. 23. *Тэхоркакэп-инау* айнов Хоккайдо.
Источник: [Nomoto 2004a: 49]

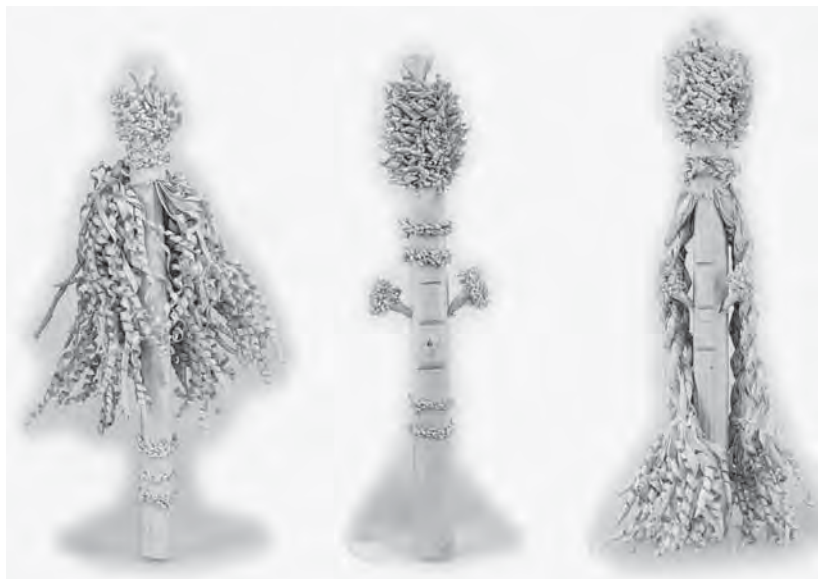

Рис. 24. Очажные *инау* айнов Сахалина: *махнэ-инау*, *унти-инау*, *пиннэ-инау*. Музей народа айну (№ 62241). Источник: [Baba, Kodama 2000: 40]

две заструженные палочки подносились помощникам божества очага: мужскому — *пиннэ-инау*, с длинными стружками, заплетенными в «косички», а женскому — *махнэ-инау*, с длинными подкрученными стружками, свободно ниспадающими вниз (рис. 24) [Karafuto ainu 1996: 30].

Кроме упомянутых *унти-инау*, айны Сахалина часто жертвовали хозяйке очага еловые *инау* с кольцом из согнутых веток (рис. 25). Называли их также *унти-инау* (*унти-камуй-инау*) либо *тюф-камуй-инау*, что означает «*инау* хозяйке солнца», и размещали в переднем углу очага до 12 штук [Китахара 2007: 128; Спевиковский 1988: 106; Штернберг 1905: 66, 294, 295]. Такие *инау* описал Л. Я. Штернберг. По его данным, согнутые в круг ветки были руками, а круг символизировал солнце. Остов, кроме всего прочего, снабжался «тремя обычными горизонтальными надрезами в средней части (рот, пупок, половой орган), двумя парами косых надрезов по обеим сторонам рук, семью спиральными вырезами в коре вдоль ствола и наставной заструженной головкой с семью плетеными косичками на кроне» [Штернберг 1905: 294]. Когда ученый поинтересовался у од-

ного «почтенного и многоопытного старца», почему тот ставит *унти-камуй-инау* на очаге, то услышал в ответ, что данный предмет является посредником или оратором: «...айну ему говорит, что нужно, а он *камую* передает. Один к хозяину огня ходит, другой к горному, еще другой к морскому хозяину ходит, а они все айну помогают» [Там же: 300]. На вопрос же, как палочка может говорить, старец пояснил: «Не палочка, а душа ее ходит и пересказывает все *камую*» [Там же]. Следует добавить, что если различного рода *инау* для разных богов сахалинские айны заготавливали главным образом в январе, то *унти-инау* делали «без порядку, когда вздумается» [Добро-творский 1875: 63].

Во время ритуала изготовления сакэ айны обращались к боже-ству очага с молитвами. Важным культовым предметом на этой церемонии были *инусона-суту-инау* (рис. 26). Материалом для них

Рис. 25. *Тюф-камуй-инау* айнов Сахалина. Источник: [Штернберг 1905: табл. 1]

Рис. 26. *Инусона-суту-инау* айнов Хоккайдо. РЭМ (№ 3006-58)

служило амурское пробковое дерево. Кора оставлялась и надрезалась на двух уровнях с четырех сторон; верхняя часть делалась с фигурным вырезом, а нижняя имела односторонний скос. Стружки отсутствовали. *Инусона-суту-инау* айны устанавливали на очаге, а в углубление, имевшееся на остова, капали сакэ [Ainu seikatsu... Iomante 2010: 26].

Специальное *инау*, называвшееся *тисэ-кор-камуй-инау*, олицетворяло «хозяина дома» (старшее домашнее божество) *тисэ-кор-камуй* (рис. 27). Его вырезали из толстой короткой палки с привязанным к ней угольком, символизирующим сердце. Стружки были слегка подкручены и свободно свисали, не переплетаясь. Они прикреплялись отдельно к небольшому пояску в верхней части остова. Над пояском делались надрезы, обозначающие глаза и рот.

К домашним можно отнести еще «целебные» *инау*, *инау*-защитники, предназначавшиеся для изгнания злых духов, и *инау*-обереги. Среди «целебных» выделялось *ну-вап-кусу-ан-пиннэ-инау* («мужское *инау* против крика от боли»), к которому, как правило, привязывалась гарда японского меча — *цуба*, а также *ну-вап-орун-инкара-камуй-отта* («*инау* женскому божеству, смотрящему на

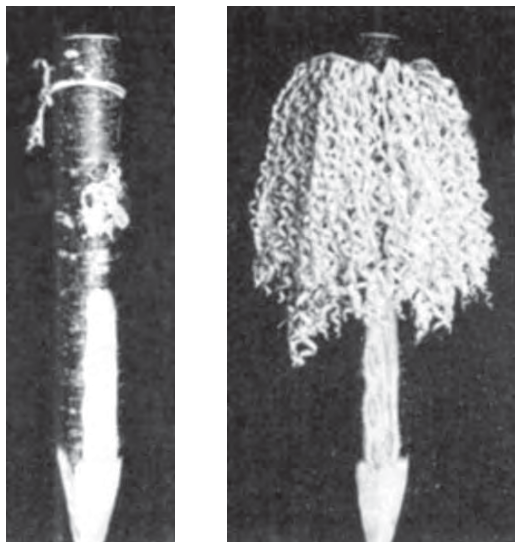

Рис. 27. «Хозяин дома» *тисэ-кор-камуй-инау* айнов Хоккайдо: остов и остов со стружками. Источник: [Мунго 1963: pl. VII, fig. 1–2]

Рис. 28. «Мужское *инау* против крика от боли» *ну-вап-кусу-ан-пиннэ-инау* (с гардой японского меча), а также «*инау* женскому божеству, смотрящему на стенания» *ну-вап-орун-инкара-камуй-отта* (с серьгами). МАЭ РАН (№ 839-230а, 232).

Источник: [Айнские коллекции 1998: 39, 40]

стенания»), на которое вешались женские ушные серьги (рис. 28). Такие предметы выстругивали в случае болезни. Встречаются и другие формы, например, *инау* с лучком-амулетом и веткой [Штернберг 1905: 295]. Если «лечебные *инау*» не помогали, айны Сахалина прибегали к *инау*, изготовленным шаманом, — *тусу-инау* или *вэрэ-такуса*. С их помощью шаман узнавал средства исцеления от болезни [Горбачёва, Карапетова 2007: 52; Добротворский 1875: 43, 315; Спевиковский 1988: 107].

Так называемые *вэн-инау* («инау для злых духов») или *нитуэ-инау* служили для того, чтобы изгонять духов, насылающих тяжелые заболевания. Эти *инау* группировались по три и включали «главу» — *сапанэ-гуру*. Обычные *вэн-инау* были без стружек, но с корой, со скошенным верхом и несколькими зарубками на остове. *Сапанэ-гуру* же вырезался больших размеров и с плоской верхушкой. Он снабжался «головным убором», «поясом» из стружек, а иногда игрушечным мечом и черной тряпкой на «голове» [Munro 1963: 32].

В собраниях Российского этнографического музея есть *инау* айнов Сахалина, служившее детским оберегом. Это толстая заструженная палочка с металлическим наконечником стрелы, хлопчатобумажными лентами красного и черного цветов и ожерельем из 11 деревянных бусинок [Китахара 2007: 128]. К детским охранителям айнов Сахалина относились также антропоморфные *ниипохо-инау*.

Лечебными и охранными свойствами наделялись не только *инау* в виде палочек, но и стружки — *инау-кикэ* или *инауру*. Айны развешивали их внутри дома около входа (чтобы «снимать» злых духов, находившихся на одежде), прикрепляли ко всему, что могло привлечь злых духов, и вообще пользовались ими в разных случаях. Например, стружками обвязывали священные объекты (черепя животных, головы людей и пр.) [Спеваковский 1988: 112; Штернберг 1929: 355].

Среди внешних *инау* выделяются две большие группы — *си-нураппа-инау*, жертвуемые духам предков (*син-ураппа-уси*), и *камуй-номи-инау*, которые жертвовались самым разным божествам (*камуй*). Все они размещались с восточной стороны перед жилищем (напротив священного окна *камуй пуйяра*) на сакральной изгороди *нуса* (*нусасан*) (рис. 29). Каждому божееству отводилось соответствующее место.

Через священное окно внешние духи были связаны с божеством очага, через которое домочадцы постоянно общались с ними. На праздниках «обитатели» *нусасан*, будучи полноправными участниками общего пира и веселья, получали священный напиток и другие подношения [Munro 1963: 42]. Впрочем, священные изгороди устанавливались не только около дома, но иногда в устьях рек, горах и других местах обитания духов. Разным божествам предназначались свои *инау*: «хозяину» моря (на Сахалине — *атуй-камуй-инау*, на Хоккайдо — *сиан* («истинное»)), «хозяину» деревни

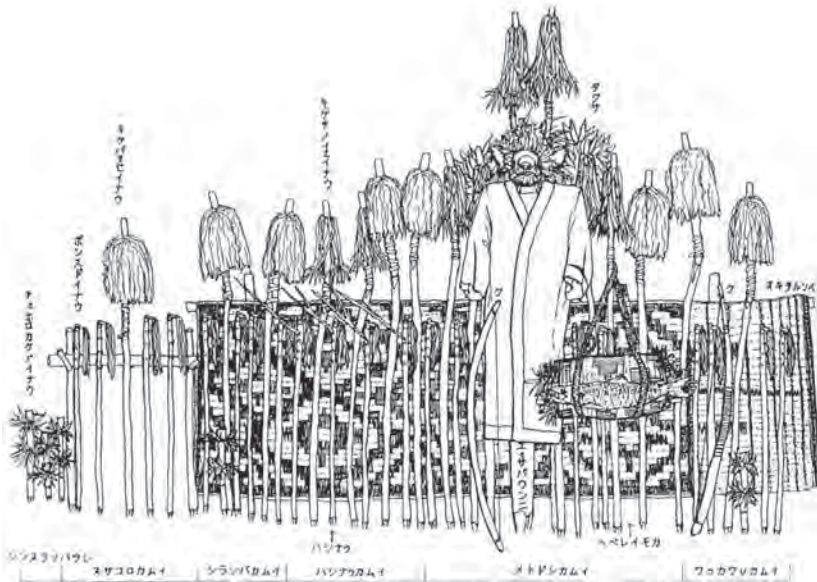

Рис. 29. Сакральная изгородь айнов Хоккайдо *нусасан*.
Источник: [Кауано 2002: 353]

(*тикаппо-сиан-инау*), «хозяину» яда (*сурку-камуй-инау*) и прочим божествам, способствовавшим удачным промыслам и защите [Горбачева, Карапетова 2007: 52; Спевакровский 1988: 111; Штернберг 1905: 295].

Поскольку первостепенную роль в жизни айнов играли именно домашние изгороди, остановимся на них более подробно. Пространство здесь делилось следующим образом. Слева располагался участок духов-предков *син-ураппа-уси*, куда айны ставили четыре двухсекторных *тэхоркакэп-инау* [Кауано 2002: 352]. Во время поминального ритуала хозяин дома, его жена и все участвующие читали здесь молитвы и подносили предкам священный напиток, пищу, табак¹⁷. По окончании ритуала, *инау* оставляли как есть [Спевакровский 1988: 162].

¹⁷ Когда жертвоприношение совершали женщины, молитвы не читались. Хозяйке дома разрешалось лишь называть имя своего предка по материнской линии.

Далее находилось место божества сакральной изгороди *нуса-кор-камуя*. Его часто называли *муру-кута-нуса*, что означало «нуса для высевок проса», поскольку здесь сваливали шелуху от зерна. В некоторых случаях на *муру-кута-нуса* айны устанавливали четыре *пон-суту-инау*, одно *тэхоркакэп-инау* и одно *кикэ-тинойэ-инау*, в некоторых — четыре *пон-суту-инау* и одно *кикэ-парсэ-инау*¹⁸ [Kayano 2002: 352; Munro 1963: 41].

Пон-суту-инау изготавливали из ивы, оставляя нетронутой кору на остове и делая на ней зарубки в несколько рядов. Эти изделия отличались тем, что наверху был скос с небольшим надрезом, куда вставлялись отдельно заготовленные длинные выющиеся стружки *инау-кикэ* (рис. 30). Существует мнение, что в айнской культуре такой тип *инау* — один из древнейших, послуживший прототипом для всех последующих модификаций [Ainu seikatsu... Iomante 2010: 30].

Материалом для изготовления *кикэ-тинойэ-инау* чаще всего служили ива или дерен. Длина остова составляла 70 см, а толщина — около 3 см (рис. 31). Вначале на остове делалось множество стружек, затем по 9–10 стружек собирались вместе и скручивались в «косички». «Косички» подвязывались к нижней части остова небольшим «пояском», а в верхней части остова вырезался знак *итокпа*. Перед тем как поместить *кикэ-тинойэ-инау* на сакральную изгородь, его следовало привязать к шесту (длиной около 140 см). Для этой цели окончание шеста и основание *инау* айны срезали под углом, делали на них небольшие зарубки, затем оба среза совмещали и, используя зарубки, обвязывали «пояском» из коры. Такое соединение было прочным и надежным [Ibid.: 10, 11].

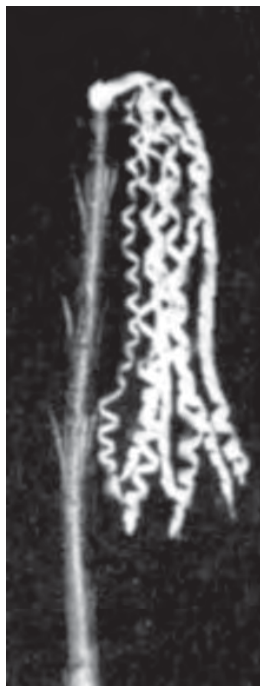

Рис. 30. *Суту-инау* айнов Хоккайдо.
Источник: [Munro 1963: pl. II, fig. 1]

¹⁸ В дни праздников на нуса разным божествам могли ставить дополнительные *инау* [Munro 1963: 42].

Рис. 31. *Кикэ-тинойэ-инау* айнов Хоккайдо. «Эдзосима кикан», Хата Авакимару (1799–1800). Университет Хоккайдо

Рис. 32. *Кикэ-парсэ-инау* айнов Хоккайдо. Источник: «Эдзо сэйкэй дзусэцу», Хата Авакимару, Мураками Тэйсукэ и Мамия Риндзо (1823). Токийский государственный университет

Что касается *кикэ-парсэ-инау*, материал, а также длина и толщина остова были такими же, что и у *кикэ-тинойэ-инау*, но форма несколько отличалась — стружки слегка подкручивали, оставляя свободно свисать (рис. 32). Готовое *инау* устанавливали на шест, а ниспадающие стружки иногда поджимали к остову «пояском» [Ibid.: 20].

Следующее после *муру-кута-нуса* место на изгороди отводилось божеству лесов *сирампа-камуя*. Ему преподносили те же *инау* и в том же количестве, что и *нуса-кор-камуя*. Отличалась лишь величина *понтуту-инау* — они были длиннее и назывались *суту-инау* [Munro 1963: 42]. Далее располагалось место божества охоты *хась-инау-ук-камуя*, которому жертвовали четыре *хась-инау*, напоминавших по форме *суту-инау*, но с веткой на остовае, а также одно *кикэ-парсэ-инау* (рис. 33) [Ibid.].

Рис. 33. *Хась-инау* айнов Хоккайдо.

Источник: [Munro 1963: pl. X, fig. 3]

Самое почетное место занимали главные божества, включая божество медведя и гор (у айнов Сахалина — *нубури-камуй*, у айнов Хоккайдо — *мэтот-ус-камуй*), божество совы (айнск. *котан-кор-камуй*) и некоторых других, имевших отношение к культу предков и почитавшихся на важных праздниках (айнск. *пасэун-камуи*, *пасэ-онгами* (термин японизированный)). Здесь айны устанавливали не менее четырех *суту-инау* и двух *кикэ-парсэ-инау*¹⁹ [Ibid.]. Последние крепились к длинным шестам и возвышались над другими *инау*.

Во время медвежьего праздника на почетном месте водружались особые атрибуты — *такуса-инау* и *юк-сапа-о-ни*.

Такуса-инау представляли подобие *кикэ-тинойэ-инау* на длинном шесте, но между шестом и основанием помещались листья низкорослого бамбука, кроме этого, не было пояска, сжимавшего «кошечки» (рис. 34) [Ainu seikatsu... Iomante 2010: 16]. Конструкция *юк-сапа-о-ни* (дословно «дерево с головой медведя») была более сложной: шест длиной 210 см с развилкой (около 50 см). С развилки снимали кору, а оба конца перевязывали веревкой, чтобы ширина развилки соответствовала медвежьему черепу. У основания развилки привязывали горизонтальную палку, нижний конец шеста заостряли [Ibid.]. После разделки туши голову медведя насаживали на развилку и к ее концам прикрепляли *кикэ-тинойэ-инау*. Если жи-

¹⁹ Некоторые *суту-инау* приравнивались к камуям, так и называясь: *суту-инау-камуй*. В ритуалах им самим приносили жертвы [Спеваковский 1988: 103].

Рис. 34. *Такуса-инау* айнов Хоккайдо.

Источник: [Ainu seikatsu... Iomante 2010: 19]

Рис. 35. *Юк-сапа-о-ни* айнов Хоккайдо.
Источник: [Ainu seikatsu... Iomante 2010: 48]

вотное было самцом, то *инау* слева делали длиннее, а если самкой, то наоборот. На шест надевали праздничный халат (рис. 35). В некоторых районах Хоккайдо *юк-сапа-о-ни* называли *хэпэр-синта* (колыбель медвежонка), в других — *камуй-сапа-ни* (дерево с головой божества).

Последний участок на изгороди принадлежал божеству воды *вакка-ус-камую*. Ему жертвовали четыре *пон-суту-инау* и одно *тэхоркакэп-инау*, а по торжественным дням — еще и *кикэ-парсэ-инау* [Munro 1963: 42].

Рис. 36. *Нусасан* айнов Сахалина. МАЭ РАН (№ 1472-42)

Рис. 37. Айны Сахалина на медвежьем празднике перед *нусасан*. РЭМ (№ 2448-97)

У сахалинских айнов сакральные изгороди несколько отличались от хоккайдских (рис. 36, 37). По данным Л. Я. Штернберга, «групповые *инау*» здесь называли *нуса* или *инау-чина* и в зависимости от ситуации составляли из того или другого количества фигур: «...то мужа и жены, то целой семьи, то хозяина с помощниками... Целый лес из подобных *инау* устраивается в виде полукружия на арене медвежьего праздника» [Штернберг 1905: 294].

Устройство изгороди айнами Сахалина на медвежьем празднике в деревне Чирауфнай в 1867 г. описал Ф. М. Депрерадович. Сначала туземцы поставили полукругом ряд елок, затем в полукруге установили в одну линию шесть высоких и прочных *инау*, после чего на эти *инау*, от крайнего и до крайнего, натянули циновки. «Между высокими *инау* воткнули множество *инау* меньших размеров... по циновкам же вывесили парчовые халаты, а поверх каждого халата прикрепили по 2 и по 3 сабли» [Депрерадович 1877: 37].

И на Хоккайдо, и на Сахалине во время медвежьего праздника использовались особого рода атрибуты и прежде всего следует назвать столб для привязывания медведя.

У айнов Хоккайдо столбом служило бревно, к верхушке которого крепили один *тэхоркакэп-инау* с листьями низкорослого бамбука и ветками пихты сахалинской [Ainu seikatsu... Iomante 2010: 43]. Это бревно (айнск. *яскэокни*) устанавливали перед *нусасан* — оно становилось центральным местом праздника (рис. 38). Сахалинские айны называли столб *тукуси* или *тукуси-инау*. Его воздвигали в день праздника по центру полукруглой изгороди *инау-чубо*

Рис. 38. Столб для привязывания медведя *яскэокни*.
Источник: [Мунго 1963: pl. XIII, fig. 1, 3]

(*инау-кох*)²⁰. Оканчивался *тукуси* палкой с развилкой и двумя *кикэ-тинойэ-инау*. По сообщению Л. Я. Штернберга, наверху олицетворяло две фигуры — мужскую и женскую. К женской фигуре прикреплялись плетеные сережки [Штернберг 1905: 292]. М. М. Добротворский также описывал ритуальный столб *тукуси-инау* как «раздвоенное наверху дерево без сучьев, украшенное по вилкам застружками» [Добротворский 1875: 61].

Перед тем как подвести медведя к столбу, айны Хоккайдо дразнили его *такуса-инау* [Iomante URL: <http://www.frp.ac.or.jp>; Kayano 2002: 293]. После ритуального убиения в пасть животного вкладывали заструженное на двух секторах *конкани-инау* (разновидность *тэхоркакэп-инау*) длиной около 55 см — своего рода подношение божеству [Ainu seikatsu... Iomante 2010: 28]. У сахалинских айнов на медвежьем празднике в ходу были особые «молитвенные *инау*» на длинной палке — *йоритака-инау*. Ими помахивали над убитым животным при чтении молитв [Добротворский 1875: 61; Спеваковский 1988: 106].

Кроме перечисленных, было много других разновидностей священных предметов для тех или иных случаев, например гадательные *экаси-инау* айнов Хоккайдо. На охоте туземцы втыкали их в землю у костра и смотрели, в какую сторону упадет обожженная часть, — так определяли направление удачной охоты [Munro 1963: 36]. По некоторым данным, айны Курильских островов изготавливали специальные *инау* в случае землетрясения — их называли *мусиси-суэй-инау*, дословно «*инау* от землетрясений» [Голубев 1989: 117]. В культуре айнов Сахалина бытовали необычные *инау* в виде струженных палочек с надежными поверх стружек высушенными головами птиц. Лишь единицы из таких *инау* сохранились в музеях, в том числе в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. По описи палочка с птичьими головами называется *цъкась-саба инау*, а птицы — *аннекуру*. В музей уникальный экспонат был доставлен от Б. О. Пилсудского с западного побережья из с. Маука в 1903 г.²¹

²⁰ В целом *инау* на медвежьих *нуса* именовались *исо-инау*, то есть медвежьи. Сюда обычно вешали шелковые материи и маньчжурские сабли [Добротворский 1875: 62].

²¹ На палочке восемь голов кайр и две головы тупиков-носорогов (предположительно). Впервые на этот уникальный предмет обратил внимание профессор Университета Хоккайдо Сакаки Тосикадзу.

Упоминание о *цъкась-саба инау* встречается у М. М. Добротворского. Во-первых, исследователь отмечал, что айны жертвовали морскому богу птичьи головы. Во-вторых, среди описания внутреннего убранства жилища мы находим слова: «По стенам висят пузыри с жиром, веревки, черпаки и пр., в стены часто втыкаются палочки с птичьими головами, принесенными в жертву богам» [Добротворский 1875: 36, 59]. Очевидно, на стенах птичьи *инау* крепились в качестве амулетов.

Айны по традиции периодически заменяли старые *инау* новыми, при этом старые не ломали и не выбрасывали, а собирали в отведенных для них местах. Там они разрушались естественным путем и иногда образовывали целые штабеля, напоминающие поленицы дров. Когда *инау* скапливалось слишком много, их относили на берег реки или на возвышенное место близ деревни [Спеваковский 1988: 111].

Некоторые ученые сравнивают айнские *инау* с похожими на них японскими культовыми предметами *кэдзури-какэ*, *гохэй* и *нуса*, распространенными в синтоизме. Предполагается, что они могли происходить именно от *инау* [Арутюнов 1957: 7; Штернберг 1905: 299]. Но столь же правомерным может быть предположение о том, что прототип *инау* существовал задолго до формирования японского и айнского этносов и был общим для их неолитических предков. Необходимо добавить, что ареал распространения *инау* не ограничивался территориями расселения айнов и охватывал некоторые дальневосточные народы. Возможно, этот культ попал к ним от айнов, на что указывает сходство названий: нивхское *нау*, ультское *илау*, нанайское *иляу* [Намба 1992: 128; Штернберг 1905: 296; 1929: 355]. Однако эта гипотеза тоже ставится под сомнение: «“культ стружек”... бытовал по Амуру вверх по течению более, чем на тысячу километров. И везде он имел свои особенности и являлся очень древним» [Смоляк 1985: 278].

Культовые атрибуты

§ 1. Антропоморфные и зооморфные изображения

Одним из артефактов, близких по значению к *инау*, были деревянные антропоморфные фигурки, получившие распространение в культуре айнов Сахалина. Можно указать на две внешне похожие разновидности фигурок: амулеты (айнск. *ниипохо-инау*) и игрушки

Рис. 39. Деревянная фигурка айнов Сахалина *ниипохо*. МАЭ РАН (№ 700-44).

Источник: [Айнские коллекции 1998: 14]

(айнск. *ниипохо*) (рис. 39). Дословно *ниипохо* означает «ребенок, сделанный из дерева».

Игрушки достигали по высоте 18 см, а амулеты — 25 см. Они изготовлялись из ивы, рябины, ольхи или бузины и варьировались по форме. Встречаются изделия круглые в сечении и уплощенные, с резными ногами и без ног, раздвоенные, составленные из отдельных частей [Депредадович 1877: 16; Добротворский 1875: 194; Nishizuru 1942: 89]. Считалось, что *ниипохо-инау* помогали в лечении детей, кроме того, выполняли «профилактические», охранительные функции. Их вешали на стену и три раза в день мазали пищей рот [Арутюнов 1957: 9; Munro 1963: 53; Wada 1999: 262].

Нередко айны обвязывали фигурки красными или синими лоскутками материи, стружками *кику-инау*, а также инкрустировали стеклянными бусинами [Wada 1999: 262]. Обычай повязывать антропоморфным изображениям стружки встречался у нивхов и ульчей [Шренк 1903: 112].

Идолы в культуре этих народов служили духами-помощниками шамана или лечебными амулетами, стружки же увеличивали силу духа, воплощенного в фигурке. Как считает Кан Вада, атрибуты *ниипохо* использовались в тех же целях [Wada 1999: 262]. Более того, сами *ниипохо* по форме и назначению напоминали изделия нижеамурских народов, в первую очередь нивхские обереги *кээн* или *чнгай*. Как и айнские *ниипохо*, *кээн* были одинарные или двойные, составные или цельные.

Составные идолы у нивхов выполняли лечебные функции — сочленение делалось в том месте, которое врачевали. Так, идол с подвешенным туловищем предназначался для лечения спины и других частей тела, с подвижными суставами ног — для излечения конечностей. Правомерно предположить, что традиция изготовления айнами фигурок *ниипохо-инау*, включая раздвоенные и составные изделия, восходит к нивхам.

Интересно, что в северо-восточной области Хонсю часто встречаются деревянные раскрашенные куклы *кокэси-нингё*; аналогичные айским *нишпохо* (рис. 40). Ареал их распространения охватывал территорию не южнее префектур Фукусима и Ямагата, то есть область, некогда занимаемую *эмиси*. История происхождения *кокэси* довольно туманна. По одной версии, изначально это были поминальные куклы крестьян, которых нужда заставляла избавляться от «лишних» новорожденных. Подтверждает данную гипотезу то, что *кокэси* всегда изображали девочек — наименее желанных в крестьянских семьях детей. Но *кокэси* могли быть предметами, которые японцы приносили в жертву духам, молясь о здоровье детей. В таком случае прослеживается сходство между назначением *кокэси* и соответствующих культовых предметов у айнов. Не исключено, что на становление *кокэси-нингё* значительное влияние оказали *нишпохо*.

Антропоморфные фигурки бытовали не только у сахалинских айнов, но и у айнов Курильских островов и Хоккайдо. На Курилах это были деревянные куклы в одеждах, о назначении которых ничего неизвестно, на Хоккайдо — куклы из травы (с четко обозначенными руками, ногами и головой), символизировавшие хранителя страны айнов *ноя-имось*, и парная группа *пэнуп-камуй* в виде деревянной фигуры человека *пэнуп-тоно* и птицы *пэнуп-чикап* (рис. 41). Ареал распространения *пэнуп-камуй* охватывал не весь остров, а лишь некоторые районы.

Фигуры *пэнуп-камуй* были составными: головы и тела собирались из ласточкина, а ноги, руки, копые у человека, крылья и хвост

Рис. 40. Деревянная кукла японцев *кокэси-нингё*: (префектура Мияги). Частная коллекция. Источник: фото А. М. Соколова

Рис. 41. Парная группа *пэнуп-камуй* в виде деревянной фигуры человека *пэнуп-тоно* и птицы *пэнуп-чикап*. Источник: [Munro 1963: pl. VIII, fig. 4]

у птицы — из полыни. Собственно ласточник по-айнски называется *пэнуп*. Это лекарственное растение айны наделяли магическими свойствами, причем без крайней необходимости для изготовления идолов его не использовали. Обращались к *пэнуп-камуй* только в случае серьезной опасности, например угрозе эпидемии. Н. Г. Манро писал: «Если эпидемия не доходит до деревни или причиняет небольшой вред, то фигуры (*пэнуп-камуй*) относят к *экаси-нуса*, благодарят, разбивают, смешивают с просом и дрожжами и оставляют гнить» [Munro 1963: 53].

Среди самобытных изделий айнов Сахалина — деревянные фигурки медведей *инока* или *исо-инока*. Слово *инока* означает «изображение», а *исо* — медведь (рис. 42) [Иванов, Левин 1964: 217]. В медвежьих изображениях *инока* предполагаются параллели с культовыми предметами охотской культуры. В археологических памятниках охотцев встречается большое количество костяных медведей, многие из которых по форме и размеру напоминают айнские (рис. 43). Более того, рисунок на охотских фигурках, по мнению ученых, имитировал «украшения» для медведей, применявшиеся айнами во время медвежьего праздника.

Рис. 42. Деревянные изображения медведей айнов Сахалина *инока*.
Музей истории освоения Хоккайдо (№ 11530, 11531).
Источник: [Chishima, Karafuto, Hokkaido 2011: 106]

Рис. 43. Костяная фигурка медведя носителей охотской культуры
из памятника Токоро-гяси (Хоккайдо). Лаборатория практических
занятий г. Токоро. Токийский государственный университет.
Источник: [Takabatake: 2003: 177]

Айнские *инока* были цельнорезными или составными, длиной 10–15 см и высотой 5–10 см. Форма фигурок во многом зависела от материала — древесных корней. Как правило, к фигуркам прикрепляли кусочек шкуры или клок шерсти с половых органов медведя, а также шнурки, свитые из стружек, — *инау-ру* [Karafuto ainu 1996: 31]. По словам одного пожилого айна из селения Сирахама, *инока* хранились в каждом айновском доме, после удачной охоты на фигурке прибавляли новый шнурок [Иванов, Левин 1964: 216]. Эти данные дополняются сведениями Б. О. Пилсудского: он отмечал, что в селе-

нии Ай один из охотников, убивший в лесу медведя, не просто добавил по шнуру (*инау-ру*) к старым *инока*, но и сделал новую фигурку.

Такой же обычай прослеживался на медвежьем празднике: после убийства медведя изготавливали нового идола, вешали на него веревку и клочок шерсти. Фигурку ставили на голову убитого животного, а затем помещали на алтарь либо на почетное место внутри жилища [Uchida 2004b: 114; Karafuto ainu 1996: 31]. Вместе с вновь изготовленным *инока* выставлялись сделанные ранее изображения, хранившиеся в специальных ящиках с принадлежностями медвежьего праздника и извлекавшиеся только во время торжества. После каждого праздника ко всем фигуркам прикрепляли новый шнур [Иванов, Левин 1964: 219]. Из сказанного следует, что айны делали *инока* после успешной охоты, а также на медвежьем празднике — эти изделия были «вместилищем душ» убитых животных [Там же].

В Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН хранится множество медвежьих фигурок из корней лиственницы. Их обнаружили в 1947 г. сотрудники Амуро-Сахалинской экспедиции Института этнографии Академии наук СССР на Южном Сахалине, близ оставленных айнами селений Ниитой и Сирахама (рис. 44) [Лавров 1949: 34]. Коллекция включает изображения медведей — реалистичные и упрощенно-схематичные. Среди них выделяются *инока* трех- или двуногие, многоголовые, отдельные головы, а также парные композиции [Иванов, Левин 1964: 200]. Одна *инока* представляет собой двухголовую фигуру, шея одной из которых переходит в лапу с когтями, а другая — фигуру, вырезанную из корня, два конца которого оформлены в виде голов, а третий — в виде двух медвежьих лап²² [Там же: 214, 216]. В целом все это видится как исключительно самобытное явление художественно-религиозного творчества, не имеющее внятного объяснения.

Примечательно, что у тех фигурок, которые с художественной точки зрения можно отнести к реалистическим изображениям, лучше всего проработана голова — отмечены глаза, рот и уши. Реже

²² Для некоторых изделий с двумя или тремя лапами недостающие конечности изготавливались отдельно, к туловищу они крепились при помощи специальных отверстий. У *инока* с двумя или тремя лапами чаще всего нет передних конечностей, но встречаются и другие комбинации: фигуры с двумя передними лапами и одной задней, фигуры с одной передней и одной задней и т.п. [Иванов, Левин 1964: 201–211].

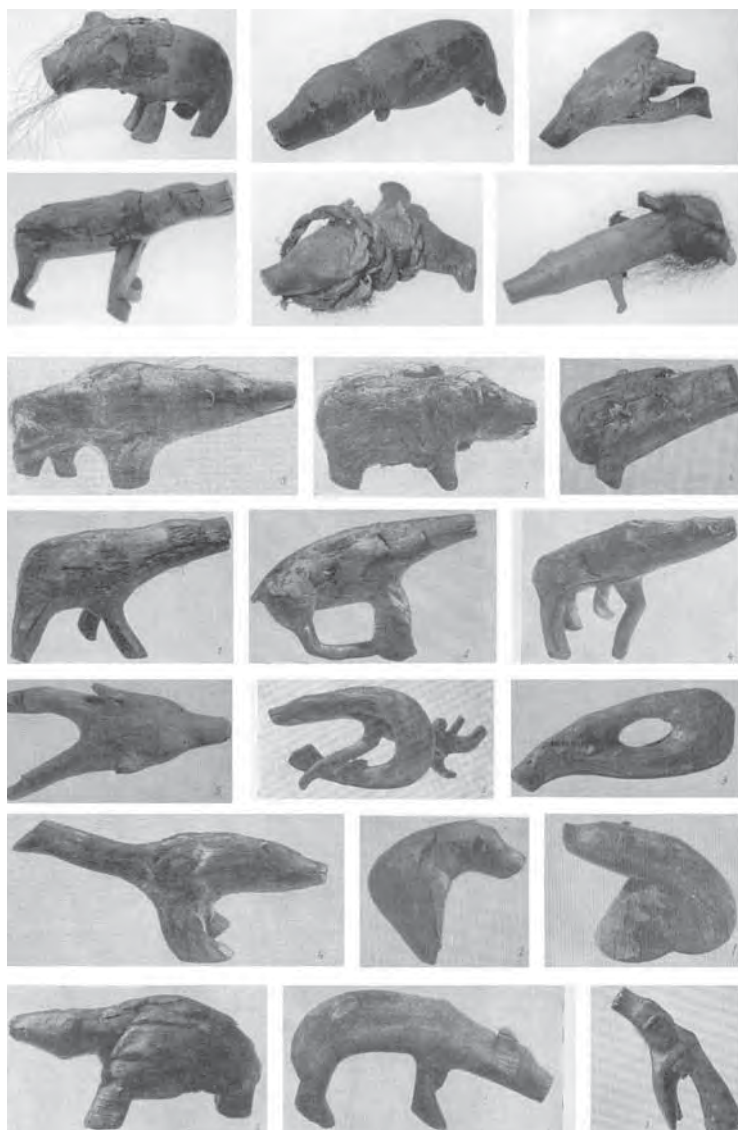

Рис. 44. Деревянные изображения медведей айнов Сахалина *инока*
из Амуру-Сахалинской экспедиции.

Источник: [Иванов, Левин 1964: 203, 209–212]

изображался нос, еще реже — когти. Думается, детальная проработка головы животного — не случайность. Такие части тела, как уши, глаза, рот, лапы медведя, «наиболее часто определяли визуальную схему тела зверя в его пластических изображениях у народов Амура и Сахалина»; элементы уши—глаза—лапы имели определенное семантическое значение [Островский 1997: 108].

У нивхов медвежьих изображения, аналогичные айнским, назывались *енах* и тоже предназначались для душ убитых животных [Иванов, Левин 1964: 221]. На медвежьем празднике или после удачной охоты их помещали на голову убитого животного. Интересно, что нанайцы аналогичные медвежьих фигурки рассматривали как вместилище душ живых медведей. Если охотник находил изогнутый ствол лиственницы, он приносил его домой и просил шамана вселить в него души медведей. Это способствовало успеху в медвежьей охоте. Да и у других народов Сибири были широко распространены обряды, связанные с изображением медведей. В них обнаруживается много сходных черт. Это говорит в пользу того, что айны, как и нивхи, имели непосредственное отношение к общесибирской традиции медвежьего культа [Там же].

§ 2. Маски

Есть веские основания предполагать, что в прошлом у айнов бытовали маски, использовавшиеся в ритуальных целях, однако об этом известно крайне мало. В письменных источниках соответствующих сведений нет. Единственный артефакт сохранился до наших дней в Национальном этнографическом музее Осака — маску привез Торий Рюдзо с острова Шикотан (рис. 45). На маске прослеживаются следы краски, которой обозначены прическа, борода и брови. Как использовали курильские айны такие изделия, непонятно, известно лишь, что они назывались на местном диалекте *сунэ-ра-ром*²³ [Minzokugaku-no senkakusha URL: <http://d.hatena.ne.jp>].

По мнению Т. Сасаки, деревянные маски курильских айнов представляют собой один из элементов культур Северной Америки.

²³ Тири Масихо усматривал в масках следы традиции театрализованных представлений с переодеванием [Sasaki 2001: 199]. Так ли это, установить невозможно, известно лишь, что у аборигенов Курил были распространены пляски, в которых они «изображали сцены из жизни животных» [Полонский 1871: 378].

Рис. 45. Деревянная маска айнов Курильских островов (Шикотан).
Государственный этнологический музей Осака (№ К-0002378).
Источник: [Chishima, Karafuto, Hokkaido 2011: 104]

Ими пользовались народы Аляски, коряки прибрежных районов Камчатки, алеуты. По-видимому, айны Курильских островов входили в этот культурный ареал.

Тории Рюдзо обратил внимание на то странное обстоятельство, что маски и куклы, аналогичные курильским, не встречаются ни у айнов Хоккайдо, ни у айнов Сахалина, зато во множестве обнаруживаются в памятниках эпохи Дзёмон на Хонсю и Хоккайдо. По ряду данных, включая форму дзёмонских масок, можно предположить, что в то время на Японских островах они использовались в погребальном культе, обрядах жертвоприношения и шаманизме. По мере сложения японской культуры эти разнохарактерные ритуальные практики видоизменялись и переходили в разные виды сценического искусства.

Вполне вероятно, что неолитические традиции использования масок были и у айнов Хоккайдо, но постепенно туземцы их утратили. У айнов же Сахалина не обнаруживаются даже косвенные свидетельства этих традиций.

§ 3. Амулеты

Айны разных регионов использовали множество амулетов в виде подвесок, подвязок или шнурков, изготовлявшихся из материи, с добавлением других материалов (стекла, железа, дерева). Среди них можно выделить амулеты детские и взрослые, мужские и женские.

Сахалинские айны подвязывали мальчикам к клочку волос на обритой голове вышитый бисером небольшой треугольник ткани (айнск. *хохцири*) (рис. 46) [Горбачева, Карапетева 2007: 54; Добротворский 1875: 35]. Это был оберег, о происхождении которого существовали различные легенды. Со временем у айнов Сахалина появились женские украшения в виде головных повязок с привязанными к ним несколькими треугольниками (айнск. *хэтомуйэ*–

Рис. 46. Сахалинские айны с оберегами *хохцири*. МАЭ РАН (№ 1472–62)

хохцири). В первой половине XX в. такую повязку в селении Отихо приобрел японский коллекционер.

Лоскутки с бисером бытовали среди народов Нижнего Амура — нивхов, нанайцев, ульчей. Их, например, пришивали на спинку детских халатов, помещая под лоскуток различного рода предметы в виде мышиных зубов, кусочков одежды старого человека и пр., прикрепляли к косичкам на лбу. По форме ткань могла принимать форму ромба [Смоляк 1984: 190, 191].

Некоторые амулеты айнов должны были избавлять ребенка от болей. Например, при боли в области пуповины ребенку помещали на живот матерчатую повязку с пуговицей посередине, если болело в груди, вешали на шею нашитые друг на друга круглые или ромбовидные кусочки цветной материи с бисером (айнск. *чимувни*). Похожие на *чимувни* амулеты с металлическими пластинками носили женщины (айнск. *чимук-не*), используя их при заболевании сердца. Когда болели горло или голова, женщины надевали длинные узкие повязки с небольшими лоскутками, а при боли в спине — повязки с длинными лямками [Горбачёва, Карапетова 2007: 54].

Существовали также женские амулеты в виде тесьмы из белой и черной хлопчатобумажных веревочек с подвесками — это могли быть стеклянная бусина или трава, свернутая спиралью (айнск. *эка-эка*) (рис. 47). Их носили либо на шее как ожерелье, либо повязав вокруг талии [Wada 1999: 270]. Считалось, что *эка-эка* и лечил от болезней, и оберегал от них. По айнским поверьям, он приобретал силу, когда обе веревочки свивались вместе, а кто-то из уважаемых людей возносил молитву божеству огня, чтобы тот наделил эту вещь душой. Конец тесьмы затем обжигался на огне.

Рис. 47. Амулет айнов Хоккайдо *эка-эка*.

Источник:
[Fujimura 1999: 270]

§ 4. Пояса

Традиционные одежды айнов Сахалина отличали кожаные пояса с металлическими накладками (айнск. *кань-кух*, *канэ-кух*, *куфке*) (рис. 48). Особенно искусно выполненные изделия богатые женщины надевали в праздничные дни [Депредрович 1877: 5].

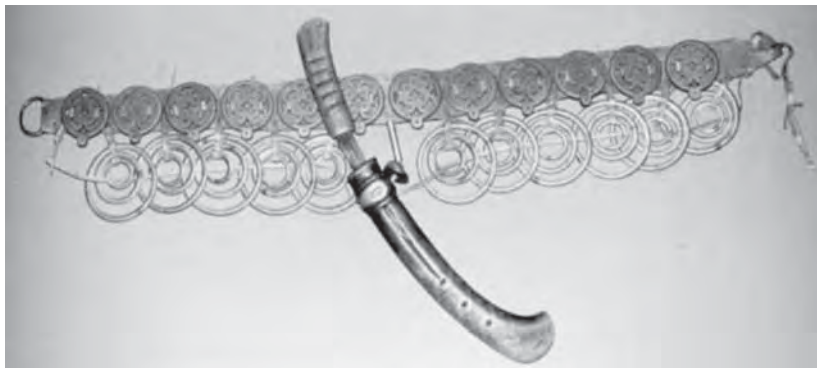

Рис. 48. Праздничный женский пояс с металлическими подвесками айнов Сахалина *кань-кух*. МАЭ РАН (№ 700-2а).

Источник: [Айнские коллекции 1998: 13]

Изготавливали *кань-кух* из специально обработанной кожи сивуча, хотя прежде материалом могла служить шкура кеты. Металлические аксессуары, такие как накладки и кольца, поставлялись нивхами²⁴. Большей частью это были детали наборной конской сбруи. На одном поясе их могло быть до 70 штук [Добротворский 1875: 35, 77; Кюнер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 33]. Часто к поясу крепились ножны с ножом для татуировки. Незамужние девушки подвешивали на пояс лишь ножны [Roshia minzokugakuhakubutsukan 2005: 125].

Форма металлических накладок и колец, способ их прикрепления, а также перевязь, которая соединяла ножны с поясом (включает латунную трубочку, несколько полусферических латунных элементов и монет), у всех айнских поясов были одинаковыми, при этом каждый элемент имел специальное название. Слова *чабу́йно/чабу́йну/чапу́йно* или *хосуекани* обозначали медные кольца по три одно в другом, *цирункара* называлось железное кольцо с насечками (собственного производства), *итане-кани* — тонкая медная пластинка, усеянная дырочками, *кух-йохтэ* — железное кольцо для застегивания

²⁴ Изготовлением металлических подвесок для поясов еще в XIX в. занимались нанайцы. В фондах МАЭ РАН хранятся деревянные модели для отливок и глиняные формы [Кочешков 1997: 84]. По всей видимости, айны посредством нивхов часто получали изделия именно нанайского производства.

пояса, *кух-йохтэ-кани* — пряжка пояса, *кух-кани* — медные брошки или кружки с резными вырезками, *кутотэсу* — железная цепочка, вдевавшаяся в кольца, *чай-утурумне* — медные чашечки с маньчжурскими монетами для перевязи ножен [Добротворский 1875: 411, 415].

По мнению Киндаити Кёсукэ, пояса *кань-кух* некогда представляли собой атрибут женщин-шаманок. При движении шаманки пояс позвякивал. Таким образом, необычная конструкция *кань-кух* логично объясняется его использованием в качестве шумового предмета культа²⁵ [Kindaichi 1941: 27]. Если это так, то, видимо, постепенно *кань-кух* утратил прежнюю функцию и стал декоративным элементом женского праздничного наряда. По наблюдениям Б. О. Пилсудского, на Сахалине в конце XIX — начале XX в. во время шаманских действий пояса с металлическими накладками айны не использовали.

Пояса типа *кань-кух* встречались не только у айнов, но и у других аборигенов Сахалина, а также у некоторых народов Сибири и Дальнего Востока. Основная функция такого пояса была защитная, поскольку считалось, что звон и шум подвесок отгоняли злых духов. Кроме того, пояс считался символом срединного «земного» мира, где живут люди [Мамчева 2001: 203]. Традиционный нивхский пояс, в частности, представлял собой широкий кожаный ремень с подвешенными к нему металлическими конусообразными трубочками. Иногда к концам подвесок на маленьких колечках прикреплялись металлические зооморфные фигурки, олицетворявшие духов-помощников [Там же: 204]. Айнские пояса отличались от

Рис. 49. Шаманский кожаный пояс с металлическими подвесками айнов Сахалина *кань-кух*. Источник: [Ainubunkaten 1973: 63]

²⁵ Шаманский айнский пояс имеется в собрании Муниципального краеведческого музея Асахикава [Ainu ko:geihinten 1999: 62]. Его отличительная особенность в том, что вместо ножен на нем подвешен небольшой колокольчик (рис. 49).

нивхских главным образом формой подвесок и способом их крепления²⁶.

В музеях мира хранится около десятка айнских поясов *кань-кух*. Все они происходят с Сахалина [Прокофьев 1988: 152; Ainu ko:geihinten 1999: 62; L'art du Grand 2001: 521]. Между тем, по логике Киндаити Кёсукэ, некогда аналогичные изделия бытовали и на Хоккайдо [Kindaichi 1941: 27]. У этой гипотезы есть подтверждения, в частности пояс из области Цуисикари, поступивший в 1881 г. в Берлинский музей от Г. Шлессингера. Изображение другого аналогичного пояса содержится на японской открытке, изображающей айнов Хоккайдо, из собрания Музея антропологии и этнографии. Не исключено, что пояса были доставлены на Хоккайдо с Сахалина.

§ 5. Мечи

Особое место в культуре айнов всегда занимали мечи (айнск. *эмуь*) (рис. 50). Они являлись предметом гордости владельца, показателем его высокого положения, а кроме того, могли применяться по прямому назначению — как оружие. Но важнейшей функцией мечей была культуровая.

Рис. 50. Меч айнов Хоккайдо *эмуь*. Муниципальный музей г. Хакодатэ (№ 993). Источник: [Baba, Kodama 2000: 38]

Прежде всего мечи использовали, чтобы отгонять злых духов. Айны верили в то, что обнаженный клинок обладает магической силой, и если им размахивать, злые духи обратятся в бегство [Sasaki Toshikazu 2001: 123]. Мечами махали, например, когда случался несчастный случай — погибал человек или возникал пожар, ведь

²⁶ Пояс с металлическими аксессуарами нивхского типа не так давно обнаружил Тецу Масумото в амурском селении Булава. Здесь жили ульчи, нанайцы, нивхи, а также род Куйсали айнского происхождения, у которого и сделали находку. Сохранились сведения, согласно которым пояс был изготовлен в 1890-е годы на Нижнем Амуре, в с. Удан, и назывался *ямпа* (дословно «шуметь»).

Рис. 51. Ритуал изгнания айнами Хоккайдо злого духа «Эдзосима кикан», Хата Авакимару (1799–1800). Университет Хоккайдо

именно тогда злые духи становились наиболее активными (рис. 51) [Munro 1963: 62]. Издавая крики и потрясая мечами, айны иногда пытались вернуть тело утонувшего человека. Считалось, что его отняла нечистая сила [Арутюнов, Щебеньков 1992: 142; Mimura 2001: 155].

Т. Сасаки обратил внимание на айнскую традицию использовать не сверкающие полированные клинки, а патинированные, потускневшие изделия. Отчасти это объясняют предания о «мечелюдоде» (айнск. *ипэ-там*, *эмусь-ипэ*): меч, который рубит, меч, который сверкает, стальной меч — все они приносят несчастья (рис. 52) [Sasaki Toshikazu 2001: 131]. Хотя многие мечи и «сокровища» айнов были довольно старые и нередко плохого качества, особую ценность им придавал «возраст». Айны верили в то, что чем древнее меч, тем он магически сильнее; например старые мечи приносили больше удачи на охоте [Munro 1963: 62].

Не только мечи, но и такие их элементы, как гарды (яп. *цуба*; айнск. *сэхпа*), были важным культовым атрибутом (рис. 53). Они могли оставаться на мечах, но часто использовались отдельно —

Рис. 52. Клинок меча айнов Хоккайдо *эмусь-ипэ*. Муниципальный музей г. Хакодате. Источник: [Baba, Kodama 2000: 25]

Рис. 53. Гарда японского производства айнов Сахалина *сэхна*. МАЭ РАН (№ 1052-151)

как амулеты, подвески на *инау* или декоративные детали ожерелья *тамасай*. При болезни гарды прикладывали к больному месту — считалось, что это один из самых эффективных способов лечения. Высоко цена *сэхна*, айны хранили их отдельно в плетеных сумочках *капон* или деревянных футлярах [Самарин 2004: 5].

Иногда к айнам попадали дорогие высококачественные изделия. Так, по словам одного из участников голландской экспедиции (1643), гарды на мечах хоккайдских айнов были выложены мелким золотом [Анучин 1876: 83]. Изделия, имевшие более простую форму,

туземцы иногда производили сами. На Хонсю в местностях Намиока и Хатинохэ (префектура Аомори) при раскопках айнских поселений удалось найти формы для литья гард, датирующиеся XV–XVII вв. [Самарин 2004: 6]. Известно, что гарды делали и нивхи Северного Сахалина.

Для изготовления гард айны могли использовать самые разные, порой неожиданные материалы. В лаборатории археологических исследований Сахалинского государственного университета хранится *сэхна* из бронзового зеркала (диаметр изделия 65 мм, толщина 3 мм), сделанная на юго-западе Сахалина. Археологи обнаружили ее в погребении № 9 могильника Кузнецово-1 (Невельский район) [Там же: 31]. Имеется также фрагмент деревянного изделия, найденного на Сахалине в айнском могильнике Южная-8 (Корсаковский район). Это гарда традиционной японской формы *мокко* (в виде креста с широкими округлыми концами), покрытая слоем черного лака толщиной 1 мм и с медной окантовкой, скрепленной с диском медными гвоздиками. Очевидно, что такие предметы у айнов были ритуальными [Там же: 13].

§ 6. Навершия шлемов

Айны в качестве священных объектов почитали такие элементы японского защитного снаряжения, как украшения в виде рогов (яп. *кувагата*), использовавшихся японцами на самурайских шлемах. Называли их *пэра-усь-томи-камуй* или *кирау-усь-томи-камуй* («божество, у которого произрастают рога») (рис. 54).

Рис. 54. Роговидные изделия *пэра-усь-томи-камуй*. «Эдзосима кикан», Хата Авакимару (1799–1800). Университет Хоккайдо

Араи Хакусэки отмечал в «Эдзоси», что *кирау-усь-томи-камуи* служили амулетом, который аборигены Хоккайдо помещали в изголовье больного или же проводили им по телу, изгоняя духа болезни [Sasaki Toshikazu 2001: 132]. Кроме того, произнося над этими священными атрибутами молитву, они стремились отогнать заклятых врагов, в торжественных случаях использовали их как символ власти [Sasaki 1993: 222; Utagawa 2003: 230].

Поскольку японцы украшения *кувагата* изготавливали из металла, то и у айнов они, как правило, были металлическими. Однако в письменных источниках имеется информация о деревянных рогах, которые айны делали сами, видимо, по японским образцам [Utagawa 2003: 230].

Хранили навершия шлемов спрятанными в горных пещерах и других труднодоступных местах. Поэтому до сегодняшнего дня до нас дошли лишь немногие, в основном обнаруженные случайно²⁷ [Sasaki Toshikazu 2001: 132; Utagawa 2003: 230]. Самая значительная коллекция наверший *кирау-усь-томи-камуи* хранится в Токийском государственном музее.

Шаманство

Шаманство следует признать органической частью религиозной системы айнов — оно получило широкое распространение у всех их территориальных групп. На Сахалине местные магические практики объединяли в себе типичные сибирские традиции, при этом в основе значительная часть атрибутики и терминологии являлась нивхской [Прокофьева 1961: 44; Таксами, Косарев 1990: 225]. Шаманство на Хоккайдо обнаруживает много черт, сближающих его с соответствующими обычаями на Рюкю, а также с японским шаманством [Косарев URL: <http://kosarev.press.md/Ainu>].

При бесспорном заимствовании сахалинскими айнами различных компонентов духовной культуры нивхов, они тем не менее обладали самобытной традицией. В частности, наряду с нивхской

²⁷ Известны находки роговидных наверший из памятников Цунотамура (г. Курияма), Кодомари-Каннондзи-кэйдай (г. Сякотан), Минамиитидзё: (г. Саппоро), Сибэяри (г. Сидзунай), Нукабирагава № 2 (г. Биратори). Памятник Нукабирагава № 2 интересен тем, что фрагмент рога находился в айнской могиле (погребение № 6) [Utagawa 2003: 230].

терминологией существовала собственная. Так, шаманы назывались *тусу-куру* (*гуру*) или *тусу-айну* — «люди двойной жизни», а не *чам*, как у нивхов, или *саман/сяман*, как у тунгусоязычных народов. Было и название *тусу-махнеку* — шаманка. Считалось, что женщины весьма искусны в магии, в частности в борьбе с нечистой силой²⁸.

К помощи шаманов прибегали не только в надежде избавиться от злых духов, но и для общения с силами потустороннего мира — прорицаниям шаманов верили беспрекословно [Полонский 1871: 385]. В частности, шаман мог предсказать хорошую погоду, благоприятную для длительного путешествия, дать указание охотнику, ставшему вдруг неудачником, что ему следует сделать, чтобы вернуть счастье [Пилсудский 2012: 117]. Кроме того, шаманы умели отыскивать потерянные вещи, показывать «фокусы» и всевозможные трюки, подчас сложные и малообъяснимые (превращать сломанные вещи в целые, предметы из дешевого материала в те же вещи, но из более дорогого и т.п.) [Добротворский 1875: 63]. Нередко *тусу-куру* играли роль народных певцов и сказителей.

Самой частой причиной обращения к шаманам были болезни, возникавшие, по мнению айнов, из-за «отчуждения души». Некоторые из них не причиняли конкретную боль, но вызывали усталость и изнеможение. Э. Онуки-Тирни по этому поводу писала: «Обычная процедура — просить шамана совершать обряды, иногда каждый вечер, до тех пор пока душа шамана не обнаружит, чья душа завладела больным человеком и что необходимо предложить неприкаянной душе для того, чтобы она могла оставить тело» [Онуки-Тирни 1996, № 4: 38]. Такой «неприкаянной» могла стать душа того, кто погиб неестественной смертью. Она содержала отрицательную энергию, избавиться от которой было непросто. Существовали еще другие болезни, включая травмы, ожоги, порезы и т.п. Те из них, которые требовали проведения серьезного обряда, назывались *арака*. Айны также верили, что шаманы могут оживлять умершего человека или даже медведя, отправляться в мир мертвых и возвращать оттуда души людей.

²⁸ Поскольку женщинам не разрешалось общаться с богами, перед каждым сеансом староста лично должен был произнести молитву. Лишь после этой процедуры шаманка впадала в транс [Таксами, Косарев 1990: 227].

Умение шамана редко передавалось по наследству, чаще шаманом становился человек (независимо от своей воли), чье поведение отличалось от поведения других членов общины, с кем приключалось что-нибудь необычное или же кто обладал неординарными способностями [Добротворский 1875: 58; Пилсудский 1995: 306]. Считалось, что шаманская сила у «новичков» возрастала постепенно, с увеличением практики.

За свои «услуги» шаман обязательно получал плату, даже от своих ближайших родственников. Таким образом, айны заручались покровительством духов-помощников. Плата была небольшой, при этом назначал ее не шаман, а человек, обратившийся за помощью. Самыми значимыми для шамана вещами были металлические и кожаные изделия (топоры, рыболовные крюки, гарды мечей, ремни). Сверх этого за лечение больных всегда взималась собака. По словам Б. О. Пилсудского, таких собак *тусу-куру* долго у себя не держали, но убивали, принося в жертву духам [Пилсудский 2012: 112].

У каждого шамана непременно имелись собственные духи-помощники (айнск. *тусу-камуй*). Они служили посредниками в общении с божествами и вообще оказывали «хозяину» самую разную помощь. К шаманским духам, в частности, относились «повелители фокусов» *хэцире-камуй* или *нубуру-камуй*. Шамана, который мастерски демонстрировал «фокусы», называли *хэцире-камуй кара айну* (*хэцире-тусу-айну*), что означало управляющий духами фокусов [Добротворский 1875: 63].

По мнению Э. Онуки-Тирни, *тусу-камуй* не были настоящими божествами, и точную их принадлежность определить весьма трудно. Так, помощниками шамана становились некоторые необожествляемые насекомые и птицы (кузнечики, вороны, журавли, утки), объекты растительного происхождения (корни аконита). От *камуйе* они получали всю необходимую шаману информацию [Онуки-Тирни 1996, № 4: 71]. Наконец, кроме духов-помощников, каждому шаману помогали особые божества: «...один, например, просит помощи у луны, у огня, у бога высоких гор... другой свои мольбы направляет к богу облаков и солнцу» [Пилсудский 2012: 113].

Во время камлания шаман подражал звукам, издаваемым животными-слугами. Делалось это настолько искусно, что все присутствующие на камлании сразу же узнавали, кого именно изображал жрец. Считалось, что если один из духов покидал шамана, то он лишался сил и возможности совершать обряды [Там же: 112].

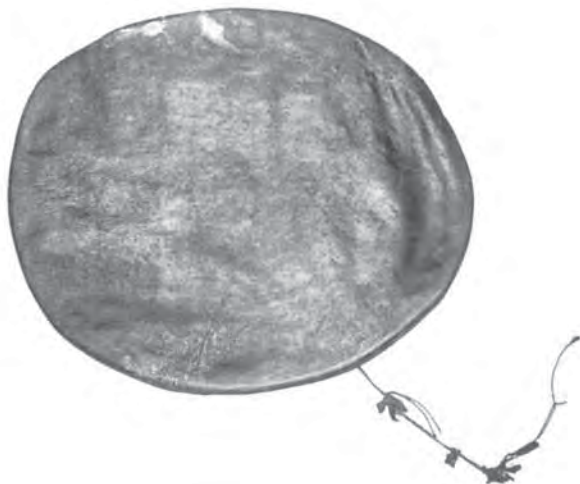

Рис. 55. Бубен айнов Сахалина *кацё*. МАЭ РАН (№ 700-25).
Источник: [Айнские коллекции 1998: 47]

Главным инструментом сахалинских шаманов выступал бубен с колотушкой (рис. 55). Айны называли бубны *ачок* или *катя/катё/кацё* (термин в основе нивхский), а колотушки — *техни/рехни* (слово исконно айнское). Они были аналогичны изделиям, бытовавшим в Сибири и на Аляске [Мамчева 2003: 60; Прокофьева 1961: 442; Sasaki 1995: 77].

По айнским верованиям, в бубне обитали таинственные силы, а также концентрировались призванные шаманом духи. Кроме того, айны считали, что бубен воплощает внешнюю душу шамана, имеющую облик животного, при этом колотушка мыслилась как его часть [Мамчева 2001: 192].

Бубны были овальной, неправильной формы, по размеру несколько меньше нивхских. Узкий и толстый обруч (обечайка) изготавливался из ели японской, ильма, ивы, а мембрана — из рыбьей, нерпичьей, оленьей кожи или кожи кабарги (на мужских бубнах самца, а на женских — самки). Кожу дубили и приклеивали к обручу клеем. На внешней стороне обруча мог выдалбливаться желоб для лучшего натяжения кожи. Крестовину делали из веревок, иногда сходящихся в центре к небольшому кольцу [Арутюнов, Щебенков 1992: 119; Мамчева 2003: 64]. Рисунков на бубнах не было.

Колотушка бубна имела форму плоской лопаточки с ручкой, длиной около 24 см. Материалом чаще служило дерево, гораздо реже — кость животного, например голень собаки. Ударный конец обклеивался собачьей шкурой, снятой с лапы. Кость и шкура брались с лапы не случайно: колотушка, как отмечалось, была частью животного, воплощенного в бубне, и некоторые народы даже называли ее «ногой» бубна [Мамчева 2003: 73].

В отличие от бубна, на колотушку иногда наносили символические изображения. Б. О. Пилсудскому приходилось видеть резной рисунок фантастического зверя *кусаку*, который якобы смотрел внутрь больного человека и рассказывал все о его болезни [Арутюнов, Щебенков 1992: 119; Мамчева 2001: 201]. Кроме того, колотушка помогала в борьбе со злыми духами. Согласно легендам, из нее выползла змея, которой духи не могли противостоять [Мамчева 2001: 191].

Показательно, что на Хоккайдо бубны с колотушками в шаманских действиях не использовались. Здесь обходились «жгутами» из соломы, сосновыми ветками и прочими подручными предметами²⁹ [Спеваковский 1992: 303].

В культурах народов Сибири считалось, что после смерти шамана умирал и его бубен. Кожу бубна резали ножом, обод надламывали. Иногда ритуальные предметы, принадлежавшие шаману, хоронили вместе с ним, порой же вешали у могилы. Несколько иным был соответствующий обычай у айнов. Когда шаман умирал, кожу с его бубна сдирали и бросали в лесу (рядом ставили *инау*), а обод передавали новому шаману [Мамчева 2001: 190]. В повседневной жизни, когда бубном не пользовались, его вешали на стену, прикрепляя наверху дощечку с *инау* от злых духов [Арутюнов, Щебенков 1992: 119].

Среди личных атрибутов шамана, кроме бубнов, были округлые шапочки из тюленьей кожи (у женщин), головные повязки из хлопчатобумажной материи, венцы из стружек *хэтоумуе*, небольшие цепочки, деревянные жезлы, черепа животных и птиц [Кюннер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 56; Лебедев 2006: 59]. Киндаити Кёсукэ к исконным шаманским аксессуарам причислял

²⁹ По некоторым сведениям, айны Сахалина приносили «плоские барабаны» (шаманские бубны) главе клана Мацумаэ (Хоккайдо) в качестве дани [Кюннер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 15].

и пояса *кань-кух*³⁰ [Kindaichi 1941: 27]. К сожалению, очень мало информации о том, какая именно роль отводилась каждому предмету во время камлания. Но некоторые из них все же описаны. Побывав на камлании в одном из айнских селений на берегу Охотского моря, Б. О. Пилсудский писал: «На голову одели старую, уже почерневшую шапку, скорее корону из скрученных в шнурки стружек, к ним была добавлена одна свежая и белеющая такая же веревочка. В эту корону были воткнуты три новых, только что приготовленных, кудряво заструженных палочки по 8–10-ти сантиметров в длину каждая: две с боков короны и одна спереди; выглядели они как три рожка. Сзади к короне были привязаны длинные болтающиеся тонкие стружки, сияющие серебряной белизной... В той короне сидят шаманские духи, и с момента, как он ее надел на голову, начинается уже их воздействие» [Пилсудский 2012: 114].

Шаманские обряды проводились в любое время года, однако предпочтение отдавалось зимнему сезону, поскольку зимой айны были меньше заняты. Время определялось периодом после захода солнца. Место шаману отводилось в доме возле очага, помещение освещали лишь очажные угли [Онуки-Тирни 1996, № 4: 69]. Непосредственно перед камланием шаман соответствующим образом готовил бубен, кроме того, он обращался к божеству очага и другим важным духам и возвещал собравшимся причину обряда.

Подготовка бубна заключалась в том, что инструмент держали над углями, грели и сушили. Очевидно, это делали не только для того, чтобы прогреть и сильнее натянуть мембрану, но и для того, чтобы с помощью огня и дыма «очистить» священный предмет, подобно тому как поступали нивхи. Грея бубен, клали в огонь лапу ели, дававшую много дыма и резкий запах (если шаман был мужчиной), либо листовницу, листья растения *нухча* (багульник) и покрашенный сухой лук (если шаманила женщина). Духи якобы реагировали на эти запахи и становились более активными. В то же время набор растений показывает, что их дым и запах возбуждающе действовали на психику шамана [Мамчева 2003: 96; Онуки-Тирни 1996, № 4: 69]. Погружение шамана в транс помогали достигнуть некоторые добавки растительного происхождения, потребляемые им: небольшое количество паракрезола из растения *нухча*, алкалоид,

³⁰ По мнению японского ученого, полный женский костюм айнов берет свое начало в шаманизме [Kindaichi 1941: 27].

содержащийся в корнях аконита. Кроме того, в начале и конце обряда шаман пил морскую воду с настоящими в ней растениями. Он мог выпить две-три чаши, но считалось, что пил не столько шаман, сколько его духи-помощники [Онуки-Тирни 1996, № 4: 69].

Во время камлания *тусу-куру* держал бубен левой рукой за крестовину и бил колотушкой по мембране или обручу, создавая тем самым определенный ритм (рис. 56). Некоторые шаманы опускали бубен немного вниз, «благодаря чему он своею тяжестью натягивал короткие веревки» [Пилсудский 1995: 301; Прокофьева 1961: 442; Kasai 1943: 18]. В 1946 г. Б. А. Жеребцов наблюдал на Сахалине, в селении Сирахама, камлание пожилой айнки: «С полузакрытыми глазами в диком танце с бубном старуха, распустив волосы, визгливо выкрикивала странные, малопонятные слова... ноги ее бессменно выделявали странные движения, в то время как рука, держащая колотушку, постоянно выбивала правильный ритм... так продолжалось часа 2–3 без перерыва» [Таксами, Косарев 1990: 227].

Рис. 56. Камлание айнского шамана на Сахалине. РЭМ (№ 2448-44)

Существенно то, что во время камлания требовался человек, который толковал послания, переданные шаману божеством посредством духа-помощника. Дело в том, что божественные послания передавались шаману не на обычном, общепонятном языке, а на языке духов [Онуки-Тирни 1996, № 4: 69].

Редкий шаманский обычай айнов Курильских островов отметил в 1741 г. О. Аргунов — он касался мести за воровство, когда пострадавший не мог отыскать вора и обращался к шаману. В этом случае «шаман или шаманка шаманят немного, взяв над жилкой китовой, сивучьей или нерпичьей нашептав, оную жилу бросает в огонь и как станет корчить на огне оную жилу, то так же де в то время у онаго вора сволочет жилы ручные или ножные, хотя он где не был...» [Полевой 1988: 80].

Случалось, что шаманом завладевали злые духи, которые побуждали его против собственной воли заниматься колдовством. Если человек становился жертвой такого шамана, с ним происходили необычные вещи — мужчина, например, «кашлял кровью вместе с наконечником стрелы и ритуальными деревянными стружками» [Онуки-Тирни 1996, № 4: 74]. В этом случае родные мстили, жертвуя аналогичные предметы духу-помощнику собственного шамана, который якобы эти предметы «возвращал» злему шаману³¹. Отправляясь в малоизвестные места, айны нередко старались обезопасить себя от шаманских происков заранее. Для этого брали с собой в дорогу специальные средства, такие, например, как мозг небольшого дятла. «Лишь только путешествующий почувствует себя плохо, он спешит выпустить себе несколько капель крови (хотя бы из пальца) и добавляет ее к мозгу дятла, затем ставит это лекарство возле себя на всю ночь. Утром обыкновенно его не находят — оно поедается вечно кружащим духом шамана. Путешествующий поправляется, но потом почти всегда узнает, что одновременно с его выздоровлением умер какой-то шаман» [Пилсудский 2012: 113].

По свидетельствам многих исследователей, между шаманами нередко существовала вражда, сопровождавшаяся множеством разных интриг. К сожалению, более или менее конкретной информации об этой стороне жизни *тусу-куру* не сохранилось.

³¹ Айны считали, что злые духи, направляясь к жертве, принимали облик птиц, похожих на коршунов. По преданиям, старики, обладавшие особым чутьем, выслеживали их и стреляли.

Следует упомянуть о шаманстве, распространенном на северо-востоке о-ва Хонсю среди японцев. В прошлом местное японское население жило здесь по соседству с айнами и их предками, активно смешивалось с ними, воспринимая многие обычаи, однако традиции айнского и японского шаманизма существенно различаются.

Одно из отличий прослеживается в инструментарии шаманов. Важнейшим атрибутом японского шамана (шаманки) был лук. Во время обряда его натягивали, обращались к духам, после чего проносили: «Уходи без промедления», — и выпускали стрелу [Фролова, Ямада 2013: 66]. Кроме луков, японские шаманы использовали четки, гонг и некоторые другие предметы, каких не было у айнов.

Примечательно, что у алтайских и некоторых сибирских народов лук (наряду с бубном) в шаманстве также имел первостепенное значение, более того, и лук, и бубен нередко назывались одним словом. Даже нивхи Сахалина применительно к бубнам иногда использовали выражение «стреляющий предмет» (нивхск. *кас*) [Там же: 68]. Относительно айнов такой информации нет. Тем не менее обзор верований и культовых практик айнов, а также различных культовых предметов приводит к мысли о близком их сходстве с мировоззрением и религиозными убеждениями народов Сахалина и низовьев Амура, в первую очередь нивхов. Яркие примеры наряду с шаманизмом дают культы огня, медведя, предков и многие другие аспекты духовной культуры.

Глава VI

ВОЕННОЕ ДЕЛО

Айны на войне

В прошлом мирная жизнь айнов часто нарушалась межэтническими и междоусобными войнами (айнск. *туми*). Капитан голландского судна де Фрис, побывавший на Сахалине в 1643 г., отмечал, что у многих туземцев головы были покрыты рубцами и ранами — свидетельствами их участия в больших побоищах.

По словам айнов, с которыми общались этнографы в конце XIX — начале XX в., некогда войны были настолько опустошительными, что поголовно гибло население целых деревень. Так, на Сахалине прекратило существование селение Поропетункотан, в котором обитали около 200 айнов (на его месте русскими был основан пост Муравьевский). В предания вошли памятные обильным кровопролитием сражения при устье Найбучи между тарайкинскими айнами и ороками, с одной стороны, и найбучинскими и мацумайскими айнами — с другой. У Найбучи некогда располагалось множество айнских селений, но ко второй половине XIX в. сохранилось только одно с двумя юртами [Добротворский 1875: 33].

Наряду с крупномасштабными военными конфликтами частыми были мелкие взаимные набеги, которые заканчивались, как правило, лишь несколькими жертвами [Онуки-Тирни 1996, № 3: 113]. Поводом для стычек чаще всего становилась борьба локальных групп за лучшие места обитания или нарушение границ промысловых угодий. Острый недостаток пищи нередко заставлял айнов пренебрегать установленными правилами. Эти и другие причины конфликтов приводили к кровной вражде, когда стороны стремились отомстить за прежние обиды.

Ранние сведения о столкновениях айнов со своими соседями — нивхами — содержатся в китайских хрониках династии Юань (конец XIV — начало XV в.). Нивхи вынуждены были просить помощи у юаньских властей ввиду частых нападений на них айнов.

В 1264 г. войска Юань организовали военный поход, чтобы дать отпор «непрощеным гостям». Столкновения с нивхами, а также с китайскими войсками происходили как на Сахалине, так и на материке. Используя вместительные лодки, айны переправлялись через Татарский пролив и нападали на противника. Предполагается, что сражения случались близ озера Кизи, но подробных сведений об этом нет¹ [Емоги 2008: 53].

Гораздо больше сведений сохранилось о войнах между айнами и японцами на Эдзо (Хоккайдо), подробно зафиксированных японскими летописцами, в частности в хрониках Мацумаэского клана. Это были, как правило, войны айнов за независимость.

Одно из крупнейших восстаний на Эдзо вспыхнуло в 1456 г. Поводом для выступления послужил конфликт между японцем и айном, который пришел в кузницу купить нож. Цена оказалась слишком высокой. Возник спор, переросший в ссору, в результате которой пришедший был убит. Для айнов, давно относившихся к японцам с неприязнью, случайное происшествие стало последней каплей в чаше терпения и вызвало открытую волну недовольства.

Восстание, начавшееся стихийно, постепенно приняло организованную форму. Среди айнов выдвинулся родоплеменной вождь Косямаин, которого поддержало около 4 700 туземцев западной части Эдзо и около 9 250 туземцев восточной части острова. Восточное войско возглавил сам Косямаин, а руководство западным взял на себя один из его сторонников. Вооружившись луками и отравленными стрелами, облачившись в доспехи из деревянных пластин, мятежники атаковали японские крепости [Лим 2008: 161].

Айнам удалось захватить десять из двенадцати японских укреплений на полуострове Осима; выстояли только форты Мобэцу и Ханадзава. В Ханадзава в это время находился влиятельный самурай Такэда Нобухиро (1431–1494) [Арутюнов, Щebenьков 1992: 63; Лим 2008: 161].

¹ В настоящее время в Приамурье и Приморье «черные копатели» часто находят гарды, напоминающие *цуба*, и клинки японских мечей. Хороший пример — два клинка (один с гардой), предположительно XVII в., обнаруженные в погребениях (погребения не атрибутированы). Важно, что на клинках сохранилась гравировка, выполненная в айнском стиле [Пастухов 2013: 193].

Оказавшись на грани полного истребления, японцы избрали Нобухиро главнокомандующим и решили дать генеральное сражение в местечке Нанаэхама. В этой битве айны прибегли к давно испытанной практике — стали осыпать врагов отравленными стрелами. Сначала им удалось значительно продвинуться вперед. Однако японцы, пользуясь тем, что дальность полета айнских стрел была сравнительно небольшой, и держась на более дальнем расстоянии, уничтожали айнских воинов из своих мощных луков. Кроме того, Такэда Нобухиро убил Косямаина и его сына. По крайней мере, это утверждается в хрониках Мацумаэского клана. Надо сказать, что приписывание такого рода подвигов, обеспечивающих победу высокопоставленным персонам, — прием, неоднократно использованный японскими летописцами издревле, и в большинстве случаев это, скорее всего, легенды. Но так или иначе, погибли вождь восстания и его наиболее вероятный преемник. Хотя сопротивление повстанцев еще некоторое время продолжалось, в 1458 г. оно было окончательно подавлено [Лим 2008: 164; Позднеев 1909, т. 2: 92–93].

В 1512 г., когда главой Мацумаэского дома стал наследник Такэда Нобухиро Какидзакэ Мицухиро (1456–1518), айны восточных областей подняли крупный мятеж под предводительством братьев Сёя и Кодзи. Они вынудили капитулировать защитников Синоридатэ, Усукэсидатэ (Хакодатэ) и ряда других укреплений. Многие князья покончили жизнь самоубийством. В 1514 г. под ожесточенным натиском туземцев японцы заперлись в последнем опорном пункте — замке Одатэ (Токуяма). Когда же в 1515 г. айны подошли к его стенам и стали готовиться к штурму, Какидзакэ Мицухиро предложил им заключить мир. В ходе переговоров он устроил в замке пир, на котором вероломно перебил вождей. В конце концов и этот мятеж был подавлен. Благодаря победе Какидзакэ Мицухиро возвысился над другими начальниками укреплений и получил реальную власть в Мацумаэ [Лим 2008: 164; Позднеев 1909, т. 2: 69; Kikuchi 1999: 62].

Крупные восстания произошли при Какидзакэ Ёсихиро (1479–1545), третьем представителе рода Такэда. В 1525 и 1529 гг. айны выступили под руководством Танасягаси, а в 1536 г. смуту возглавил его зять Тарикона.

Хотя японцы понесли значительные потери, атаки айнов в 1525 г. удалось отбить довольно быстро. Согласно летописям

Мацумаэ, когда во время очередной вылазки туземцы пытались перелезть через палисад, Какидзаки Ёсихиро лично вступил с ними в бой [Позднеев 1909, т. 2: 70]. Но в 1529 г. победа японцам далась гораздо труднее. Вначале командующие войсками Кудо Сукэканэ и его младший брат Кудо Сукэмуноэ получили приказ встретить мятежников в Сэтанай. От численно превосходивших сил айнов они потерпели поражение, Сукэканэ был убит, а Сукэмуноэ укрылся в замке Ваки (подведомственное укрепление замка Кацуяма) и от имени князя Ёсихиро обратился к айнам с предложением заключить мир. Однако, как только Танасягаси приблизился на расстояние полета стрелы, Какидзаки Ёсихиро со сторожевой башни поразил его выстрелом из лука. После этого японцы перешли в наступление и, загнав айнов в болото Хисиикэ, перебили их [Там же].

В 1536 г. поднял мятеж предводитель западных айнов Тарикона, которого к этому подтолкнула жена из-за мести за смерть тестя. И на этот раз князь Мацумаэ прибег к хитрости: доверчивых айнов, свято чтивших обычаи гостеприимства, заманили в замок на пир и убили [Там же: 71].

Десятилетиями японцы несли крупные потери и убытки от постоянных айнских волнений. В конце концов сын Ёсихиро — Какидзаки Суэхиро (1507–1595) — перешел к «политике умиротворения туземцев». В 1550 г., затеяв переговоры с раздачей подарков, он заключил с айнами восточных и западных земель мир, взял с них клятву верности и ввел в айнских деревнях должность старейшины (*отона*). После этого некоторых старейшин поселили на землях княжества и даже определили на довольствие. Взамен они должны были ежегодно подносить князю дары и выказывать повинование [Там же: 73].

Здесь следует отметить, что Мацумаэское княжество, со временем попадавшее во все большую вассальную зависимость от японских сёгунов, не рассматривалось из «центра» как полноправная территориальная единица, подобная хотя бы землям отдельных кланов на севере Хонсю, в Тохоку. Сознвая юридическую несообразность, часто сменяющие друг друга военные лидеры старались устранить ее, ведя переговоры с домом Мацумаэ, наделяя его разными полномочиями и отдавая всякого рода указания. Мацумаэские же князья стремились и узаконить «сверху» существование своего удела, образованного некогда стихийно, и в то же время

де-факто удерживать независимость, которая приносила им огромные доходы, тогда как в случае полного подчинения «центру» они могли потерять все или большую часть своей выгоды. Из этого следовала их политика лавирования, преувеличения истинных размеров владений на Эдзо, угождения сёгунам при вопиющем несоблюдении их распоряжений.

В конце XVI в., когда в Японии усиливались попытки объединить страну, Андо Санэсуэ и Какидзаки Ёсихиро (1548–1616), пятый внук Такэда Нобухиро, встретились с Тоётоми Хидэёси, захватившим власть. Они обсудили с новым лидером ряд вопросов о северных территориях и заручились его поддержкой.

Когда в 1591 г. на северо-востоке Хонсю владетель земель Кунохэ Огасавара Масадзанэ поднял мятеж, Тоётоми Хидэёси распорядился покарать мятежника, и Какидзаки Ёсихиро немедленно откликнулся на этот призыв. Он выдвинулся в поход, взяв не только собственных солдат, но и айнских воинов. При осаде замка Масадзанэ айнам приказали стрелять отравленными стрелами, от которых умирали даже легкораненые. В итоге замок был захвачен и разорен, а предводитель мятежников убит.

В 1593 г. Какидзаки Ёсихиро на очередной аудиенции у Тоётоми Хидэёси получил чин *сима-но ками*, то есть «глава острова» Эдзо (Хоккайдо), а после смерти Хидэёси в 1604 г. закрепил свое положение у нового правителя Токугава Иэясу. Собственно только тогда в южной части острова Эдзо появилось княжество Мацумаэ. Это было крохотное владение: его границы начинались от мыса Сиокуби на востоке и достигали Кумаиси на западе. Центром княжества стал замок Фукуяма, строительство которого завершилось в 1606 г. Ёсихиро Какидзаки в очередной раз поменял фамилию и стал именоваться Мацумаэ. С этого времени фамилия Андо окончательно отошла на второй план, тогда как глава острова получил право контролировать торговые суда с Хонсю и других районов Японии, тем самым монополизировав торговлю с айнами.

В 1643 г., при Мацумаэ Удзихиро (1622–1648) — восьмом внуке Такэда Нобухиро, восставали айны западных земель (область Сэтанай) под началом Хэнаукэ; в 1648 г. воевали между собой туземцы *мэнаси-куру* и *сикото-куру* [Позднеев 1909, т. 2: 83; Kikuchi 1999: 87]. Правление же десятого внука Такэда — Мацумаэ Норихиро (1659–1720) — в 1669 г. ознаменовалось крупнейшим за всю историю выступлением айнов под предводительством Сякусяина.

Этому восстанию предшествовала борьба за промысловые угодья, развернувшаяся в 1648 г. между вождем айнов из Хаэ (относились к группе *сюму-куру* («люди с Запада»)) по имени Онибиси и вождем айнов из Сибэтяри (относились к группе *мэнаси-куру* («люди с Востока»)), которого звали Камокутаин. Род Камукотаина занимал обширную территорию от Фуцунаи до Сибэтяри (область Сидзунай). Айны же Хаэ селились у одноименной реки, а также по рекам Сару и Момбэцу [Лим 2010: 182].

В 1648 г. во время совместного пира Камокутаина и Онибиси сподвижник первого по имени Сякусяин по какой-то причине убил сородича Онибиси, но отказался выплатить потерпевшей стороне традиционный откуп (айнск. *цукунай*). Началась затяжная кровная вражда. Спустя несколько лет, в 1653 г., люди Онибиси убили Камокутаина и предводителем айнов Сибэтяри стал Сякусяин.

Вражда Хаэ и Сибэтяри обострилась в 1666 г. Сначала Сякусяин отказал Онибиси в просьбе поделиться медвежонком, спустя некоторое время убил еще одного его родственника (который будто бы нарушил границу охотничьих угодий), а в 1668 г. напал на самого Онибиси [Лим 2010: 185; Kikuchi 1999: 87]. В момент нападения вождь был в доме японского начальника над рудокопами Бунсиро в верховьях Сибутяри. Крепость Сякусяина располагалась совсем рядом, и его людям не составило труда выследить заклятого врага и нанести ему смертельный удар [Позднеев 1909, т. 2: 94, 96].

Сестра Онибиси, жена айнского вождя Утомасы из Сару, приехала в группу *хаэ*, и по ее указанию айны возвели укрепление на реке Ацубэцу. Сякусяин попытался взять его штурмом, но атака была отбита. Тогда Сякусяин приказал воинам дожидаться, когда мужчины уйдут на охоту, вновь повел их на крепость и разорил ее. Дома сожгли, имущество разграбили, а сестру Онибиси убили [Арутюнов, Щебенков 1992: 74].

Айны Хаэ селились недалеко от владений Мацумаэ и пользовались некоторым расположением главы клана. Поэтому сторонники Онибиси обратились к нему с просьбой помочь с вооружением. Однако Мацумаэ Норихиро навстречу им не пошел, возможно, опасаясь за безопасность клана, а может быть, не желая нести убытки от торговли с Сякусяином и его людьми. Зять Онибиси Утафу вновь отправился за помощью в Мацумаэ, но на обратном пути умер от оспы [Лим 2010: 184; Kikuchi 1999: 87]. Тогда в среде айнов появи-

лись слухи, что Утафу отравили и что японцы будут убивать айнов, подмешивая в еду яд.

Пользуясь этим, Сякусяин сумел погасить раздоры айнов, сплотив их в войне против Мацумаэ. В результате в 1669 г. айны выступили, начиная с запада от Масикэ и вплоть до области Сирануси на востоке. Лишь некоторые — с мыса Соя и острова Рисири — не присоединились к восставшим, а другие — из долины Исикари — сохранили нейтралитет. Тем не менее война стала всенародной.

Началось с того, что туземцы разграбили в Сибэтяри казенные и купеческие суда, прибывшие из Мацумаэ, перебив около 400 японцев. Спаслись немногие — лишь к 1670 г. они добрались до Мацумаэ. Тем временем многочисленные отряды повстанцев уже сметали японские гарнизоны на пути к этой цитадели.

Айны обеспечивали мобильность военных передвижений условными сигналами (дым и огни костров), передававшимися от одной горы к другой, так они поддерживали связь и быстро передавали указы Сякусяина. Казалось, ничто их уже не остановит [Лим 2010: 189]. Население Мацумаэ, осознавая смертельную опасность, начало массовое бегство на Хонсю. У мацумаэского князя катастрофически не хватало воинов для обороны владений. В этой ситуации кланы Цугару (Хиросаки), Намбу (Мориока, Хатинохэ) и Сэндай получили приказ бакуфу мобилизовать силы и оказать Мацумаэ помощь. От клана Цугару, например, на Эдзо отправился отряд в 700 воинов (в официальном докладе бакуфу — 500), который возглавил Сугияма Хатибэй. Но в Мацумаэ воспротивились продвижению союзных войск на земли княжества, так как названные кланы были его давними противниками и конкурентами в торговле на севере [Kikuchi 1999: 92]. Помощь «союзников» могла обернуться захватом собственных территорий.

Через некоторое время сёгун Токугава Иэцуна (1651–1681) повелел одному из ближайших родственников Мацумаэ Хатидзаэмон Ясухиро прибыть на Эдзо, сменить молодого князя Норихиро (тому было лишь 17 лет) и взять командование на себя. Между тем Сякусяин назначил начальником своего войска Сицирицязмаэна. Под его началом повстанцы выдвинулись в местность Куннуи.

Мацумаэский военачальник Какидзаки Сакудзаэмон построил в Куннуи ограду, поставил сторожевую башню и вместе с 500 местными рудокопами организовал оборону. Из Мацумаэ к нему на подмогу спешно отправили 120 воинов во главе с Сато Гондзаэмон,

150 — под началом Мацумаэ Гидзаэмон и 130 человек, которыми командовал Ниида Сэхээ. Руководил всеми ставленник сёгуна Ясухи-ро. В Куннуи местные и прибывшие войска общей численностью около 1 тыс. человек объединились.

Айны хотели поджечь поля, чтобы спалить выстроенный японцами палисад, но не смогли этого сделать и, перейдя реку, вступили в бой. Он начался в 6 часов утра и продолжался до 12 часов дня [Позднеев 1909, т. 2: 97]. В отличие от айнов, основным оружием которых являлись луки, японцы были вооружены ружьями. Это решило исход сражения. Повстанцы не выдержали обрушившегося на них ливня пуль и побежали.

Потерпев поражение при реке Куннуи, остатки айнских дружин отошли в крепость Сякусяина в Сибэтяри. Тогда японцы, прибегнув к помощи лояльных айнов, уговорили Сякусяина и его сына по имени Канририка заключить соглашение. Однако оно оказалось военной хитростью. В местечке Бибоку во время торжества по случаю мира Сякусяин, его сын и сподвижники были убиты. Основной опорный пункт сопротивления пал [Там же].

Восстание Сякусяина всерьез обеспокоило не только Мацумаэ, но и бакуфу. В ставке опасались, не спровоцируют ли айны нападение на Японию соседних племен: по географическим представлениям того времени, остров Эдзо и материк соприкасались. Но все закончилось благополучно. Княжество Мацумаэ расставило войска почти во всех районах по побережью Японского моря до мыса Соя, а большинство айнских вождей приняло клятву-договор о верности и послушании.

Несмотря на ужесточившийся контроль, восстание Сякусяина не стало последним в борьбе айнов за независимость. В 1789 г., при тринадцатом потомке Такэда Нобухиро, Мацумаэ Митихиро (1754—1832), в очередной раз взбунтовались айны Кунашира и Киитаппу (Эдзо (район Мэнаси)). Восстание спровоцировал произвол купца Хидая Кюбээ, который, приехав на Эдзо, стал откупщиком мацумаэского князя и монополизировал заготовку древесины [Арутюнов, Щебенков 1992: 78; Самарин 2010: 381].

В восстании приняло участие около 200 айнов под руководством вождя Мамэкири. Они атаковали японские торговые фактории и суда. При столкновениях на Кунашире, в районах Томари, Тифукарубэцу и Фурукамаппу, были убиты 22 японца, а на Эдзо, в Сибэцу, Уэнбэцу и других районах области Мэнаси — еще 49 чело-

век. Жертвами стали управляющие, служащие, переводчики, владельцы кораблей и один *асигару* (пехотинец) клана Мацумаэ. Нескольким японцам удалось спастись. Вернувшись в Мацумаэ, они сообщили о случившемся. Тут же была организована карательная экспедиция. В ее состав вошли 260 воинов во главе с Мацуи Хироцугу и Ниида Масатоси.

Японские отряды не стали вступать с бунтарями в открытый бой. При посредничестве трех влиятельных вождей — Цукиноэ с Кунашира, Сёнка из Нокамаппу и Икотой из Аккэси — присягнувших японцам на верность, им удалось уговорить восставших сдаться. 130 человек с Кунашира и из Мэнаси доставили в Нокамаппу, заключили под стражу, принудили выплатить дань. Предводителей же (ими были признаны Мамэкири, Хонисиайну, Инукума, Сакэтирэ, Нотютона) и непосредственных виновников восстания приговорили к смерти. Но в день казни айны снова подняли бунт [Kikuchi 1999: 122, 123]. Заключенные попытались вырваться наружу. Опасаясь того, что стены темницы не выдержат, японцы сквозь окна открыли огонь из ружей и луков, а затем ворвались внутрь и зарубили оставшихся в живых. Всего были убиты 37 человек [Самарин 2010: 381; Kikuchi 1999: 123].

Цукиноэ и его сподвижников наградили за проявленное усердие. По указу главы клана художник Какидзаки Хакиё нарисовал 12 наиболее отличившихся из них. Портреты получили название «Исю:рэцудзо:» («Серия изображений эдзоских вождей»)² (рис. 1). Хидая Кюбээ ввиду очевидности и тяжести его вины лишили всех прав в *басё*, заменив новым служащим. Кроме того, по ходу следствия был проведен поиск оружия, и в песчаных дюнах у моря, близ селений, нашли спрятанными 103 лука, 68 поясных мечей, 57 копий и 4 тяжелых меча [Самарин 2010: 381].

Через некоторое время бакуфу, чтобы разобраться в причинах периодических беспорядков, направило в северные земли инспекторов. На этом фоне возник «русский» вопрос. Могами Токунай в 1786 г. в составе экспедиционного отряда высадился на островах Итуруп и Уруп и повстречался там с русскими. Это было неприятное открытие для японских правителей.

² Все айны в парадном одеянии. Вождь Икотой облачен в красный кафтан русского производства. Копье при этом японское, а нижний халат — маньчжурский.

Рис. 1. Айн Икотой. «Исю:рэцудзо:», Какидзакэ Хакиё (1790).
Муниципальная библиотека г. Хакодате. Источник: [Uchida 2004a: 87]

Хотя в окружении бакуфу возникали различные проекты относительно северных территорий, управления ими и тамошними жителями, все прогрессивные идеи сводились на нет. Айны при этом оказались на грани вымирания, некоторые из них, например Икотой — вождь местности Аккэси, бежали от гнета японских предпринимателей на отдаленные острова гряды [Таксами, Косарев 1990: 51; Kikuchi 1999: 137]. В конце концов айны были полностью разоружены — и в прямом смысле, поскольку им запретили иметь оружие, и в экономическом, и в морально-духовном. К XIX в. у них уже не было сил и средств на сопротивление.

На Курилах айнам нередко доводилось отстаивать свои права не только на юге гряды, защищаясь от японцев, но и на более север-

ных островах, вступая в схватки с российскими промышленниками и казаками. Яркий пример — экспедиция на Камчатку и Курилы Ивана Козыревского: в 1713 г. его отряд провел ожесточенный бой с айнами. Освоение Курил И. Черным в 1766—1767 гг. также сопровождалось жестокими мерами, а колонизация острова Уруп в 1795 г. промысловиками под руководством В. Звездочетова вызвала истребление курильцами части колонистов.

Навыки военного дела и фортификации

При необходимости боевых действий против крупных сил противника, как правило, объединялись от одной до нескольких речных групп, каждая из которых включала несколько патрикланов. Руководили ими союзные вожди [Таксами, Косарев 1990: 146]. В состав отряда, по всей видимости, мог входить любой мужчина, способный держать оружие, поскольку особого военного сословия у айнов не было. Дружины формировались по мере необходимости.

В письменном источнике Хата Авакимару «Эдзосима кикан» (1799—1800) сообщается, что на войне айны следовали особым правилам поведения, которые, к сожалению, не описываются [Hata Awakimaru 1799—1800 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>].

Нельзя исключать, что в прошлом у айнов была система военной подготовки как часть программы воспитания мужчины. Такая подготовка существовала у многих коренных народов Сибири и берингоморского побережья Северной Америки. Ее цель состояла в том, чтобы с молодого возраста научить человека владеть различными видами оружия, уметь противостоять хорошо вооруженному и защищенному противнику, развить такие качества, как выносливость и ловкость. В этой связи обращает на себя внимание подготовка детей к обычаю *укар* (битье палкой), описанная в третьей главе, а также сохранившиеся в айнской культуре состязания в борьбе. Состязания, непосредственно связанные с охотой, могли оказаться полезными и на поле брани [Арутюнов, Щебенков 1992: 117].

Известно, что в некоторых районах Хоккайдо существовала игра под названием «Подозрение» (айнск. *ирацу-упоно*), представлявшая собой род танца с элементами борьбы и служившая для разрешения споров. Играющие разделялись на две группы, каждая адресовала другой разные припевки, после чего стороны сходились

и начинали бороться. Победителем признавалась та сторона, участники которой повергли на землю больше противников [Там же: 123]. Но не только игры и состязания, но и кулачные схватки в прошлом были не редкостью. В частности, рассказывая о нелюбви сахалинских айнов к наемным работам, М. М. Добротворский вскользь сообщал: «Чувка-унтара стали только недавно работать на японцев, а прежде любили только драться» [Добротворский 1875: 87].

Интересное открытие сделал на Сахалине Б. О. Пилсудский. Он зафиксировал предания о том, что ороки, считавшиеся на острове самыми проворными, в бою могли уклоняться от стрел и ловить их руками. Как он писал, «умение не только стрелять из лука, но и вывертываться от стрел имело раньше место и у орочей... та же черта встречается в рассказах, относящихся лишь к северным тарайкинским айнам, соседям ороков... Следовательно, можно предположить, что ороки привезли этот обычай в военном искусстве из своей прежней родины» [Пилсудский 1989: 49].

В одной из легенд о войне айнов с ороками, которую Б. О. Пилсудский записал на Сахалине в 1903 г., говорится о двух тарайкинских мужчинах, учившихся воевать: «...(один) натянул лук, (а) один мужчина стоял на расстоянии; затем масса людей все стояли вместе; все люди, держа луки, вложили (тупые) деревянные стрелы сначала в луки; когда (они) вложили (стрелы) в луки — один человек // при этом был // стоящим на некотором расстоянии — люди выстрелили в этого человека (тупыми) деревянными стрелами. Он уклонился (от) всех стрел, в то же время (он) схватил (их) все руками, (он) схватил много этих стрел; (он) сделал // так, что// ни одна стрела не поразила его...» [Пилсудский 2004: 89].

В прошлом, когда мирная жизнь часто прерывалась крупными и мелкими военными столкновениями, брать в руки оружие приходилось и женщинам. Сохранились свидетельства о том, что айнки, в случае крайней необходимости вступавшие в боевые схватки, умело действовали и короткими ножами, и копьями [Ohnuki-Tierney 1972: 443].

Как ни странно, в письменных источниках не сохранилось упоминаний о том, что айны сражались верхом. Между тем, как отмечалось в предыдущей главе, хоккайдцы умело ездили на лошадях, а во время охоты даже стреляли на скаку. Сложно понять эту информационную лауну и с учетом того, что предки айнов *эмиси* одинаково искусно воевали и в пешем строю, и в конном.

В сражениях неизбежны ранения, часто тяжелые. По свидетельствам миссионера Луиса Фройса (1565), раненные на поле брани айны обмывали раны соленой водой, что было единственным способом их лечения [Анучин 1876: 80, 86]. Но очевидно, что это свидетельство основано на частном наблюдении. В других источниках имеются сведения о некоторых более сложных лечебных способах. Так, Хаяси Сихэй в труде «Сангоку цу:ран дзусэцу» (1785) отмечал, что для лечения ушибов, резаных ран, а также простуды и нарывов айны пользовались растением «цинанхум хвостатый» (айнск. *икэма*) [Щепкин 2011: 143]. По данным Ф. М. Депрерадовича, на небольшие раны привязывали крысиную шкуру, а при более значительных делали перевязки, присыпая рану порошком из толченых костей какого-либо животного [Депрерадович 1877: 31]. Раны могли дезинфицировать даже табаком [Кюннер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 48].

В войнах применялись стрелы, отравленные смертоносным ядом аконита, и при ранении такой стрелой единственное средство спасения — немедленно вырезать отравленный участок плоти и промыть рану [Осипова 2008: 61].

Для защиты своих территорий — промысловых угодий, мест расселения — от соседних племен и японских колонистов айны возводили *тяси*. Это слово по-айнски означает оборонительный пункт, крепость. Оно состоит из *ти* (мы) и *аси* (ставить) [Utagawa 1992: 332]. *Тяси* относились к типу укреплений, сочетающих черты естественной и искусственной фортификации: их устраивали в труднодоступных местах, используя особенности рельефа, и дополняли сооружением валов, рвов и палисадов [Шубина 1999: 227].

Обнаружение в археологических памятниках *тяси* следов от столбов, располагавшихся в несколько рядов, показало, что палисадов могло быть несколько [Murakami 2006: 78]. Это подтверждает информация о крепости с двойной изгородью в Кусиро, в местности Тясикоцу [Позднеев 1909, т. 2: 31]. Имеется интересная информация о *тяси* Сикаотоси в Аккэси. С внутренней стороны рва здесь пролегал квадратная в плане оборонительная изгородь высотой 2,5–3 м с большой дверью на двух засовах. По углам располагались две смотровые вышки из толстых сосновых досок, а во внутреннем пространстве — несколько домов [Murakami 2006: 88, 91, 93]. Подробное описание устройства Сикаотоси стало возможно благодаря не только археологическим данным, но и записям де Фриса, сделан-

ным в 1643 г., в которых упоминается это укрепление. Информация о крепостных вышках есть и в японских письменных источниках. По записям Могами Токунай «Ватарисима хикки» (1808), айны использовали их для того, чтобы осыпать сверху врагов отравленными стрелами [Utagawa 1992: 332].

На одной из картин Хирако Сэйрю «Кумаокури дзу» («Праздник проводов медведя») (середина XX в.) из собрания Педагогического университета Хоккайдо (Хакодатэ) показан медвежий праздник (рис. 2) [Baba, Kodama 2000: 39]. Интересно, что торжество проходит на площадке с невысокой оградой и вышкой, которая не имеет отношения к празднику. Хотя это художественное полотно нельзя принимать за полностью достоверный источник, но можно предположить, что медвежий праздник справляется в *тяси*.

Наиболее ранние письменные сведения о *тяси* в основном относятся ко второй половине XVII в. — времени противостояния айнов Хаэ и Сибэтъяри. Археологические источники свидетельству-

Рис. 2. «Кумаокури дзу» («Праздник проводов медведя»).
Хирако Сэйрю (середина XX в.). Педагогический университет Хоккайдо.
Источник: [Baba, Kodama 2000: 39]

ют об использовании айнами *тяси* уже в XIII–XIV вв., тогда как XVII в. считается периодом их активного строительства [Kobayashi 1999: 23; Utagawa 1992: 341]. Согласно японским летописям, крепости являлись средством обороны враждующих сторон. Отсюда вожди руководили боевыми действиями, здесь вели переговоры, праздновали победу над противником или заключение торговых сделок. В ходе ожесточенных боев многие *тяси* сжигались, но вместо них появлялись новые [Лим 2008: 147; Kikuchi 1999: 102]. Ученые установили, что сооружение крепости занимало не так уж много времени: на строительство малого укрепленного пункта уходило три-четыре дня, а большого — месяц [Murakami 2006: 78, 93].

На волне мощного антияпонского восстания в XVII в. *тяси* быстро превращались в оплот сопротивления клану Мацумаэ — там, где появлялись группы крепостей, собирались крупные силы мятежников. Можно сказать, что в районах концентрации *тяси* происходила консолидация айнов [Utagawa 1992: 347].

Известно, что на Хоккайдо, Хонсю (в префектуре Аомори) и Курильских островах среди айнов бытовали такие названия крепостей, как *боро-тяси* (*поро-тяси*) (большой укрепленный пункт), *бон-тяси* (*пон-тяси*) (малый укрепленный пункт), *кимун-тяси* (горный укрепленный пункт), *буэн-тяси* (плохой укрепленный пункт), *рай-тяси* (оставленный (вышедший из строя) укрепленный пункт) и *уфуй-тяси* (сгоревший укрепленный пункт) [Коно 1999: 139; Нагано 1995: 97]. Приведенные описательные названия не дают полного представления о разновидностях крепостей. На основе длительного изучения фортификации Хоккайдо археологи предложили классификацию по местоположению, выделив укрепления: на отдельно стоящих холмах; гребнях и вершинах гор; узких и длинных уступах, окруженных с двух сторон болотом либо другим естественным препятствием; крутых утесах, возвышающихся над рекой или морем [Kaiho 2002: 20; Moriga 2001: 97].

На сегодняшний день только на Хоккайдо обнаружено около 500 остатков *тяси*. Среди них — крепость в бассейне реки Рибэцу, предположительно имевшая отношение к восстанию Танасягаси (1529), укрепленный пункт на морском утесе в Куширо (XVII в.), несколько крепостей в бассейне реки Сару и ее притоках [Moriga 2001: 94]. На левом побережье реки Сару, в частности, располагаются *тяси* Абэцу (Пинтомэ), Юой и Поромой, а на ее притоке Нукабира — *тяси* Ниой. На памятниках Ниой и Абэцу инвентарь залегал

под пеплом вулкана Тарумаэ в (1667). Следовательно, действие этих укреплений ограничилось второй половиной XVII в. Инвентарь же, обнаруженный в Юой и Поромой, относится к периоду айнской культуры Средних веков и Нового времени (до XIX в.), что свидетельствует о раннем их появлении и длительном существовании [Morioka 2001: 100].

Среди находок, сделанных в *тяси*, наиболее многочисленными оказались металлические изделия: ножи (*тяси* Ниой), монеты (*тяси* Юой, Поромой), котелки (*тяси* Ниой, Абэцу, Поромой), гвозди (*тяси* Кусиро), мотыги, курительные трубки (*тяси* Ниой), серпы, долота, наконечники стрел (*тяси* Поромой), мечи (яп. *тати*) (*тяси* Юой), фрагменты доспехов (яп. *харамаки*) (*тяси* Абэцу) [Kato 1984: 320]. Обнаружены также импортные керамические сосуды, включая чаши, тарелки (*тяси* Рибэцу, Юой, Поромой), костяные гарпуны (*тяси* Поромой), стеклянные бусы (*тяси* Юой, Кусиро) и каменные артефакты [Ibid.].

Сочинения Хата Авакимару «Эдзосима киан» (1799–1800) и Хата Авакимару, Мураками Тэйсукэ и Мамия Риндзо «Эдзо сэй-кэй дзусэцу» (1823) содержат иллюстрации, на которых изображены *тяси* айнов Хоккайдо и Сахалина (рис. 3). К сожалению, относи-

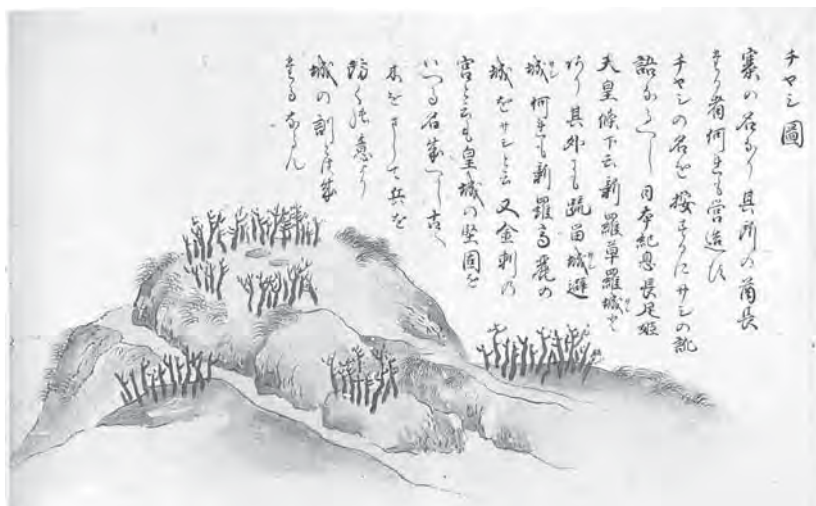

Рис. 3. Укрепление айнов Хоккайдо *тяси*. «Эдзосима кикан», Хата Авакимару (1799–1800). Университет Хоккайдо

тельно укрепления на Сахалине пояснений нет, а само оно показано довольно условно, будучи частью большой панорамы. Заметно лишь, что крепость окружена земляным валом.

На Сахалине обнаружено более десятка памятников, которые можно отнести к категории *тяси*, а также несколько комплексов, условно обозначенных как «крепости китайского типа». Разделение памятников на *тяси* и китайские крепости обусловлено своеобразием их формы и размеров [Шубина 1999: 228].

Сахалинские *тяси* возводились около водоемов (моря, озера, реки) на возвышенном месте и иногда включали жилища-полуземлянки. Вопросы их датировок и этнической принадлежности трудны и окончательно не решены, поскольку «большинство обследованных памятников... вовсе не содержали признаков айнского присутствия», зато конструктивные особенности жилищ, а также особенности каменного, костяного и керамического инвентаря подсказывали, что функционирование поселений относится ко времени существования охотской культуры. Примером может служить памятник Белокаменная-тяси [Там же: 228, 245]. Ныне исследователи полагают, что одним из существенных отличий охотских укрепленных пунктов от айнских выступает расположение жилищ: охотцы строили землянки по преимуществу внутри крепости, айны же — снаружи [Murakami 2006: 93].

К сахалинским укреплениям со следами пребывания айнов можно отнести Пильво 3 (Смирныховский район) и Асанай 4 (Невельский район). Пильво 3 расположено в 3 км южнее с. Пильво, к северу от перешейка, соединяющего мыс Корсакова с берегом, а Асанай 4 — на морской террасе, в 0,5 км к северу от устья реки Асанай. В первом укреплении, кроме скопления рыбных костей, раковин моллюсков, отщепов, обнаружены керамические котелки с ушками внутри и бронзовые пластины с отверстиями, во втором — каменные орудия, сосуды сусуйского типа и железный наконечник копья. Оба памятника датируются XIII–XVIII вв. [Горбунов, Андропов, Горбунова URL: www.poronaiskmuseum.ru; Горбунов URL: www.poronaiskmuseum.ru].

Кроме двух упомянутых *тяси*, открыт комплекс оборонительных сооружений Сокол (Долинский р-н). Он расположен на заболоченной низменности, образованной р. Малый Такой, и в отличие от Пильво и Асанай не содержит находок. Укрепление представляет собой систему земляных валов-насыпей круглой или овальной фор-

мы, снабженных с двух сторон воротами. Ориентация ворот по сторонам света различна. Все валы около 2 м высоты, датированы приблизительно II тыс. н.э. Аналогичные *тыся* встречаются на Хоккайдо [Прокофьев, Горобец 1991: 120].

В свое время остатки укрепленного пункта на юго-восточном побережье Сахалина (на расстоянии около 2,5 миль от Сирануси, в поселении Когохо) описал японский путешественник Мамия Риндзо. Этот форт, по его описанию, был «с трех сторон обнесен насыпным валом, за которым располагались некогда заполненные водой рвы. Кто и когда построил их? ... Нам не известны ни имена, ни даты. Однако сомнительно, что этот форт был построен местными жителями» [Описание 1990: 99].

Укрепленные пункты наподобие *тыся* айны создавали и на Курильских островах. По материалам, собранным на Курилах японским археологом Коно Цунэкичи в 1900 г., крепости находились на Итурупе, островах Большой Курильской гряды (от Кунашира до о. Шумшу) и Шикотане [Прокофьев 2000: 66, 67]. Дальнейшие археологические исследования выявили оборонительные сооружения на средних Курильских островах Ушишире, Расшуа, Шиащкотане, Онэкотане, Парамушире (между болотами Пэтто и Шипэтто). В некоторых из них раскопаны котлованы жилищ. Точное время сооружения крепостей не установлено. Весьма вероятно, что это были айнские сооружения, предназначенные для долговременной обороны [Там же: 70].

Защитное снаряжение

У айнов как воюющего народа наряду с оружием имелись доспехи разных видов. На хоккайдском и сахалинском диалектах они назывались *хаёкпэ*, *хаёппэ* или *аёппэ*. Такого рода защитное снаряжение уже в древности было распространено во всем тихоокеанском бассейне от северо-западного побережья Северной Америки до Японии. Глинкиты и эскимосы-чугачи носили панцири из тонких деревянных, вертикально расположенных пластинок, оплетенных китовыми сухожилиями, алеуты — несколько отличавшиеся по конструкции изделия, но также собранные из вертикальных дощечек. Доспехи берингоморских эскимосов, чукчей и коряков состояли из костяных пластин [Корсун 2004: 30]. Кроме того, чукчи и азиатские эскимосы применяли на войне кожаные ленточные доспехи

в форме раструба, расширявшегося книзу, из ряда горизонтальных полос, скрепленных ремнями. Каждая последующая полоса находилась на предыдущую, благодаря чему доспех можно было легко собирать сверху и подвязать к поясу, чтобы было легче передвигаться. Грудь воина защищала прямоугольная пластина.

Похожие панцири, а также изделия, сплетенные из травы наподобие циновок, использовали ительмены. С. П. Крашенинников писал: «Куяки или латы делали они из рогож своих или чирелов (травяная циновка), также из нерпичьих и моржовых кож на ремни изкроенных, которые ремни один под другой подвязывали так, что они могли складываться как фижмы. Надевали их с левого боку, и как душагрейку завязывали на правом. Сзади пришивали высокую доску для защиты головы, а спереди такую же к груди, токмо короче» [Крашенинников 1994, т. 2: 67].

Что же касается доспехов японцев, то ранние кирасы IV–VI вв. были металлическими. Их делали из нескольких плотно соединенных вместе массивных пластин и называли *танко*:. В VI–IX вв. распространились доспехи континентального (корейского) типа *кэйко*: или *какэёроу*, состоявшие из множества металлических или кожаных пластинок, прошнурованных по вертикали кожаными ремешками, а в VIII в. — китайского типа *мэно:ко*: из пластинок, нашитых на матерчатые халаты. Далее наступила эпоха классических японских доспехов *ёроу*.

Несмотря на некоторое внешнее сходство, появление пластинчатых панцирей у народов крайнего северо-востока Сибири, видимо, не было связано с японским влиянием — «костяной пластинчатый панцирь являлся местным высоким техническим достижением» [Антропова 1957: 216]. Такое предположение основывается как на сведениях о древних доспехах из китайских письменных источников, так и на анализе истории межкультурных связей.

Богатый материал для изучения ранних доспехов у айнов и их предков дают археологические работы. Судя по данным археологии, в эпоху Кофун элементы японского вооружения и защитного снаряжения стали попадать к *эмиси* — аборигенам северо-восточных областей Хонсю. Об этом свидетельствуют такие находки, как навершие рукояти меча типа *кэйто* и железный шлем *сёкакуцуки-кабуто*, который условно называют *эмиси-но кабуто* (шлем *эмиси*) (рис. 4). Последний был обнаружен в захоронениях Кофун Эдзомори р-на Уэда в Мориока (префектура Иватэ) и датируется серединой VII в.

Рис. 4. Металлический шлем «эмиси-но кабуто» из памятника Эдзомори (середина VII в.).
Источник: [Chinju:fu 2004: 2]

Рис. 5. Деревянный шлем из укрепления Токутан. Комитет по вопросам образования г. Яйти.
Источник: [Suzuki 2008: 243]

Трудно сказать определенно, кто именно использовал эти предметы, но, скорее всего, это были влиятельные *эмиси*.

Вероятно, в IX–XI вв. (период активного противостояния *эмиси* и японцев) железные доспехи и шлемы у воинственных туземцев не были редкостью. Однако для рядовых воинов это было слишком дорого, поэтому они обходились более дешевыми изделиями. При исследовании остатков укрепления Токутан (префектура Иватэ) археологи обнаружили деревянный шлем (рис. 5) [Suzuki 2008: 243]. Этот очень редкий и ценный экспонат свидетельствует о разнообразии защитного снаряжения, использовавшегося в «северных войнах» того времени.

Из области Тохоку предметы вооружения попадали на Хоккайдо. При археологических раскопках в Мидоригаока (г. Кусиро) был обнаружен железный шлем *хосикабуто* с полусферическими заклепками. Он датируется второй половиной XI — первой половиной XII в. Такой же шлем конца XII в. археологи нашли в Эндамакка (г. Румои). Очевидно, уже на ранней стадии становления айнской культуры аборигены Хоккайдо использовали японскую продукцию.

В то же время археологические находки в могильниках Приамурья IX–XIII вв. свидетельствуют о том, что туземцы получали продукцию континентального происхождения, которая, по всей видимости, ввозилась на Сахалин. Это были металлические доспехи ламеллярного типа, правда, они «встречаются не столь часто

и обычно только в виде отдельных пластин или кусков...» [Васильев 2006: 169]. Так, множество обломков обнаружено в Корсаковском могильнике (погребение № 62), здесь же найдена часть доспеха и шлем (около погребения № 87). На некоторых деталях есть повреждения от ударов стрел и мечей. Но один раз на Дубовой Релке в Хабаровском крае удалось найти целый доспех (с полуистлевшими костями). Он представлял собой короткую (до пояса) рубашу с короткими рукавами. Стальные пластинки связывались между собой кожаными сыромятными ремешками. На черепе сохранились мелкие железные пластинки — остатки шлема [Там же: 169, 209].

В письменных источниках информация об айнском защитном вооружении относится к довольно позднему времени. Тем не менее здесь упоминаются некоторые архаичные изделия. В «Хокуибункайёва» Мамия Риндзо (1810), в разделе о *сумэрэнкуру* (нивах), есть рисунок доспеха типа *мэно:ко*: (получили широкое распространение в Китае в VII, а в Японии в VIII в.). По данным Мамия Риндзо, эти доспехи вместе со шлемами назывались *бэтти* (рис. 6) [Описа-

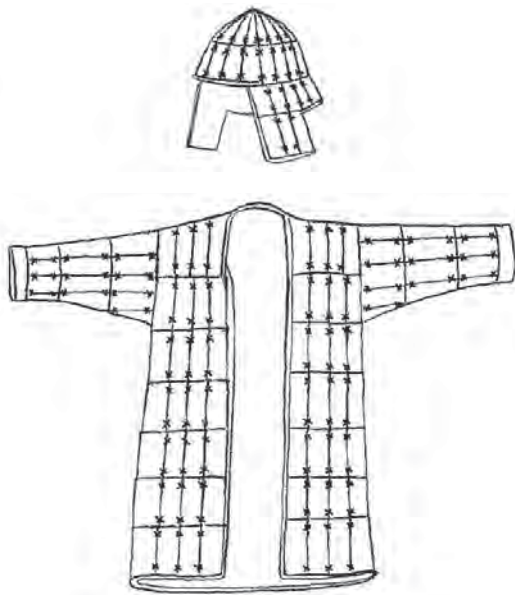

Рис. 6. Доспех айнов Сахалина «бэтти». «Хокуибункайёва», Мамия Риндзо, Мураками Тэйсукэ (1810). Источник: [Nihon kaschu: 2007: 91]

ние 1990: 124; Nihon kashu: 2007: 91]. К инородцам Сахалина, в том числе и айнам, *бэтти* попадали из Маньчжурии от нанайцев [Иванов 1970: 172; Описание 1990: 124]. Они очень ценились, и в военное время ими пользовались вожди и состоятельные люди. По мнению Л. Шренка, слово *бэтти* — это искаженное на японский манер название железных нивхских лат *печ* [Шренк 1899: 258].

Айнские воины в доспехах, напоминающих *бэтти*, изображены на иллюстрациях «Эдзо кунко:ки» — в повествовании о похождениях Минамото Ёсицунэ на Эдзо, автор — Эйракуся Иссуэй (1853). О правдоподобности изображений в этом литературном памятнике говорить сложно — произведение было написано «для широкой публики» и представляло собой «собрания данных из разных старых книг, разукрашенные только автором» [Позднеев 1909, т. 2: 38]. Но хотя сама история — лишь легенда, и айны, и предметы их быта, включая вооружение, изображены реалистично. Кирасы на воинах пластинчатые, надеты поверх *аттусу*. Шишаки шлемов также в основном пластинчатые, остроконечные, нижняя часть, закрывающая шею и плечи, выполнена из шкуры (рис. 7) [Eirakusha 1853 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>].

В культуре айнов Сахалина, кроме *мэно:ко:*, сохранилась еще одна разновидность старинных доспехов — *кэйко:*. Японцы носили такие доспехи в VI–IX вв. Два *кэйко:* обнаружил в 1933 г. на Южном Сахалине японский археолог Ито Нобуо (рис. 8, 9). Они хранились в айнской семье Като, жившей в селении Хигаси-Тарайка, и передавались из поколения в поколение как родовая реликвия [Sugimura 2000: 327].

Установлено, что доспехи изготовлены из шкур животных: один — из оленя, другой — сивуча, без металлических элементов. Изображение герба *мицудомоз*, выполненное лаком, форма пластин *кодзанэ* и в целом способ изготовления изделия, набранного из множества рядов плотно подогнанных друг к другу кожаных ремешков, указывают на японское происхождение, при этом довольно позднее (скорее всего, не ранее XVII в.) [Прокофьев 2002: 75; Nihon kashu: 2007: 84; Sasaki Toshikazu 2001: 133; Sugimura 2000: 327].

Фрагменты еще одного айнского доспеха *кэйко:* хранятся в собраниях Токийского государственного музея. Это панцирь и часть защитной пластины с гербом в виде двух правосторонне направленных запятых (рис. 10). Мелкие пластины, из которых состоит панцирь,

Рис. 7. Айнские воины в доспехах. Фрагменты иллюстраций к повествованию «Эдзо кунко:ки». Эйракуся Иссуй (1853).
 Источник: [Eirakusha 1853 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp/hoppodb/>]

Рис. 8. Кожаный доспех айнов Сахалина *хаёкнэ* (тип *кэйко*;) (слева). Отделение археологии Университета Тохоку. Кожаный доспех айнов Сахалина *хаёкнэ* (справа). Сахалинский областной краеведческий музей. Источник: [Ainubunkaten 1972: 36 (фото М. М. Прокофьева)]

Рис. 9. Айн в доспехе *хаёкнэ*.
Источник: [Kawayoroi URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

Рис. 10. Фрагменты айнского доспеха *хаёкнэ* (тип *кэйко*).

Панцирь и часть защитной пластины с гербом.

Токийский государственный музей

(№ 28618). Источник: [То:kyo:kokuritsuahakubutsukan 1992: 230]

расположены в восемь рядов. Они изготовлены из кожи и соединены между собой ремешками. О месте происхождения этого уникального предмета данных нет [То:kyo:kokuritsuahakubutsukan 1992: 230].

У сахалинских айнов в ходу были не только архаичные японские доспехи, но и более современные, железные (айнск. *гайокунэ*). Фрагменты двух металлических панцирей найдены в Сирануси, еще один — в Райтиси (селение Староайнское) и один — в Серароко [Кондратенко, Прокофьев 2005: 260; Пилсудский 1914: 81; Sugimura 2000: 331]. Предположительно, их привезли на Сахалин айны, переселившиеся с Хоккайдо [Прокофьев 2005: 8].

Латы из Райтиси можно отнести к *тосэй-гусоку*. Их обнаружил Б. А. Жеребцов при обследовании айнского родового кладбища. Находка включала панцирь, оплечья, наручи и шлем — итого восемь элементов (рис. 11). Интересно, что у основания панциря были привязаны куски медвежьей шкуры с шерстью, скорее всего амулет [Прокофьев 2005: 80; Кондратенко, Прокофьев 2005: 260]. Доспех из Серароко, найденный Б. О. Пилсудским, находился среди фамильных сокровищ одного из местных старост [Пилсудский

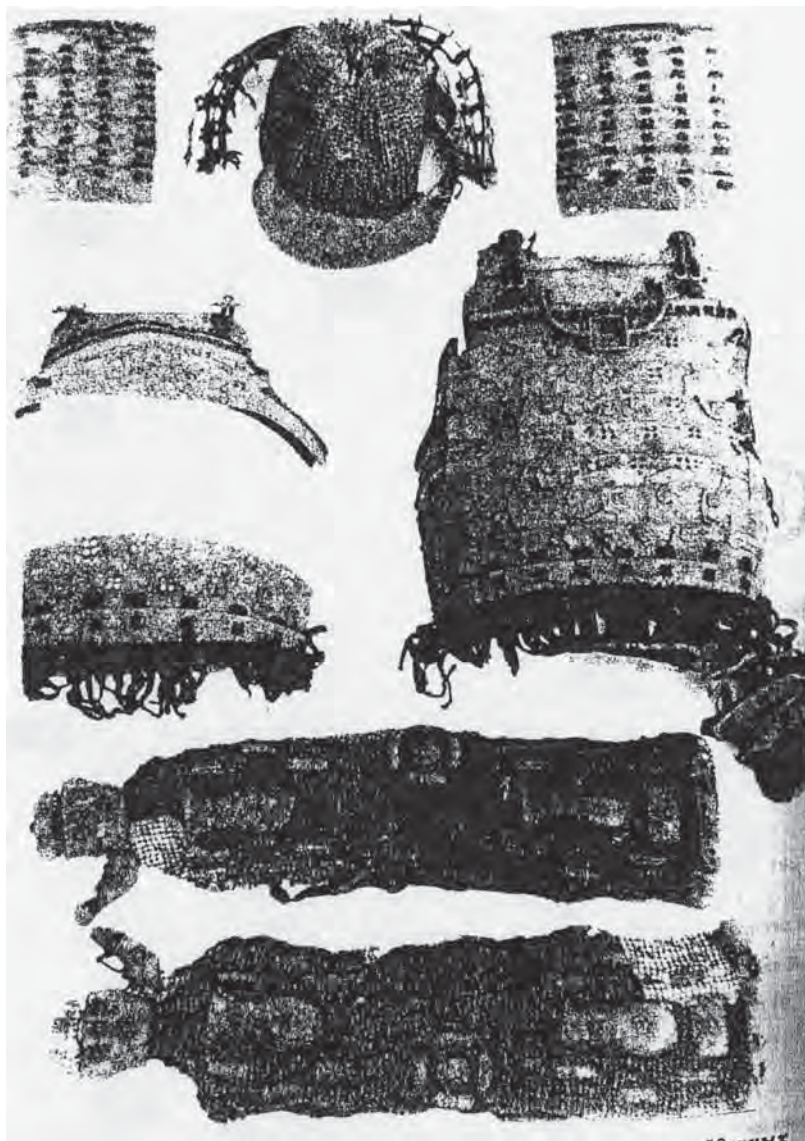

Рис. 11. Фрагменты японского металлического доспеха из айнского селения Староайнское (Райтиси).
Источник: [Кондратенко, Прокофьев 2005: 260]

1914: 81]. Как видим, импортные доспехи даже тогда сохранялись в семьях сахалинских айнов как родовая реликвия.

Естественно, японские защитные принадлежности использовались и айны Хоккайдо. Неоднократно их фрагменты обнаруживаются в археологических памятниках острова. Так, в памятнике Биби 8 были обнаружены детали *ёрои*, а в *тяси* Абэцу — *харамаки* (рис. 12, 13). В погребении Суэхиро I Р-45 (с двумя костяками) среди погребального инвентаря содержались две металлические детали и множество кожаных пластинок *кодзанэ* [Morioka 2001: 99, 143].

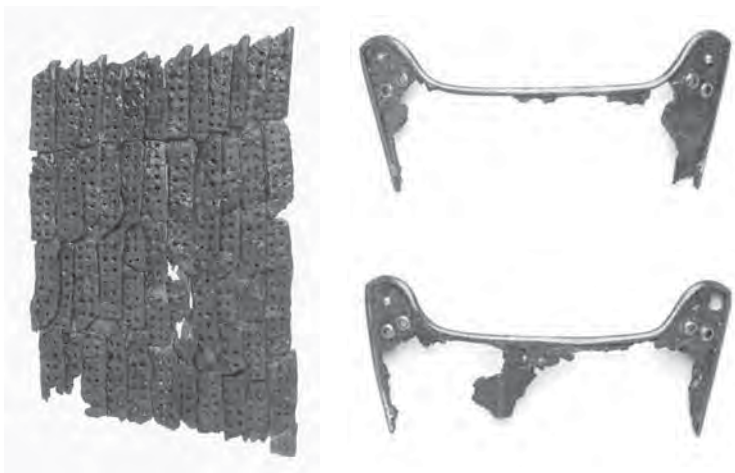

Рис. 12. Фрагменты японского доспеха *харамаки* (пластины *вакиита* и *кусадзури*) из *тяси* Абэцу (Хоккайдо) периода Средние века — Новое время. Комитет по вопросам образования г. Бирамори. Источник: [Morioka 2001: 99]

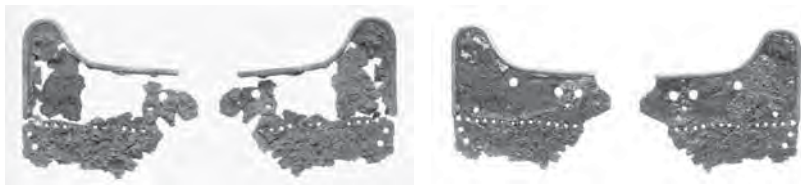

Рис. 13. Фрагменты японского доспеха *ёрои* из памятника Биби 8 (Хоккайдо) эпохи Сацумон — второй половины XVII в. Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Источник: [Morioka 2001: 143]

Не исключено, что железные элементы доспехов айны использовали для вторичной переработки. Пластинки (яп. *кодзанэ*), например, подходили для починки железных котелков. По мнению К. Мориока, извлеченные из *тяси* Абэцу фрагменты панциря туземцы применяли именно как сырье [Ibid.: 114].

Информация о шлемах японского производства у айнов также подтверждается археологическими находками. Фрагменты шлемов типа *хосикабуто* были обнаружены в Осамунай (г. Фукагава), Минамиитидзэ (г. Саппоро), близ раковинной кучи Комаба (г. Сидзунай); фрагменты шлемов типа *судзикабуто* — близ *тяси* Торари I (г. Рикубэцу), в *тяси* Сэтанай (г. Сэтана), а также в Ацума (рис. 14). Шлем из Торари датируется приблизительно концом XIV в., шлем из Комаба — второй половиной XVI — началом XVII в., шлем из Ацума — XIV — концом XVI в. Нельзя однозначно утверждать, что все обнаруженные вещи принадлежали айнам. Тем не менее вместе со шлемом в Осамунай найдены меч, фрагменты металлических изделий (в том числе пластинки от доспехов *кодзанэ*), а также ушные украшения и бусины. Шлему в Торари сопутствовали японский доспех, меч, наконечник копья и котелок [Utawawa 2003: 228]. Другими словами — некоторые находки шлемов сопровождалась типично айнскими предметами, такими как ушные серьги, бусины, котелок.

Редкую находку сделал в свое время Ито Нобуо. На юго-западном побережье Сахалина, в селении Чирай, он разыскал боевой шлем. На момент обнаружения айны наделяли шлем магическими свойствами и использовали как средство целительства [Прокофьев 2006: 116]. К сожалению, подробного описания не сохранилось, а сам бесценный предмет был утерян.

Рис. 14. Шлем *хосикабуто* из памятника Осамунай (Хоккайдо).
Источник: [Utawawa 2003: 227]

Конечно, кроме японских доспехов и шлемов, у айнов бытовали и китайско-маньчжурские воинские принадлежности. В работе Араи Хакусэки «Эдзоси» (1720), например, есть иллюстрация маньчжурских лат с пометкой, что они являлись предметом меновой торговли с народами Сахалина (рис. 15, 16). Нет ничего удивительного в том, что у туземцев, находившихся под маньчжурским влиянием, в ходу были маньчжурские латы, а под японским — японские; при контактах в ходе обмена они переходили из рук в руки.

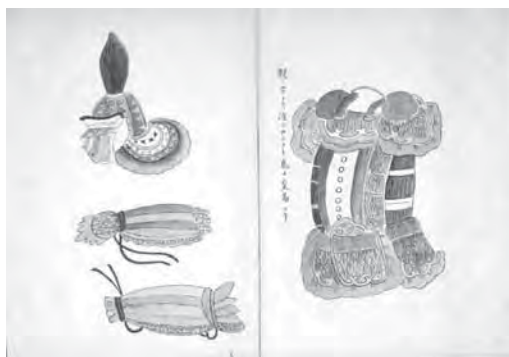

Рис. 15. Доспехи китайского типа, доставлявшиеся на Сахалин с материка в качестве товара меновой торговли. «Эдзоси», Араи Хакусэки (1720).

Источник: [Arai 1720 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

Рис. 16. Маньчжурский шлем и фрагменты маньчжурского доспеха, обнаруженные на Сахалине.

Источник: [Шренк 1899: табл. XLIV]

К сожалению, об исконных айнских доспехах известно мало. Это кажется странным, если учитывать активное участие айнов в длительных войнах. Л. Шренк по этому поводу заметил: у народов низовьев Амура самодельных панцирей осталось мало потому, что в их культурах высоко ценились прежде всего импортные товары, а изделиям собственного производства не придавалось никакого значения [Шренк 1899: 259]. Видимо, то же можно сказать об айнах.

Из сохранившихся артефактов следует отметить защитную пластину для шеи и оплечье из коллекций Токийского государственного музея, которые в 1927 г. преподнес музею Токугава Ёрисада (1892–1954) (рис. 17). Пластина сделана из цельного куска дерева прямоугольной формы, вырез для шеи — полукруглый. В верхней и нижней частях пластины есть несколько сквозных отверстий (в двух из них фрагмент кожаного ремешка), а на лицевой стороне — рисунок черного цвета: три кольца слева и справа большие, а между ними — чуть меньшего размера, расположенных по прямой и соединенных горизонтальной чертой. Вниз от центрального кольца идет короткая вертикальная черта, которая соединяется с еще одной горизонтальной чертой, слева и справа оканчивающейся кружками [То:кю:kokuritsuhakubutsukan 1992: 230].

Согласно каталогу, экспонат представляет собой часть доспеха айнов Хоккайдо. Упомянутое оплечье состоит из трех рядов довольно крупных деревянных пластин, соединенных кожаными ремешками. Место приобретения не установлено [Ibid.].

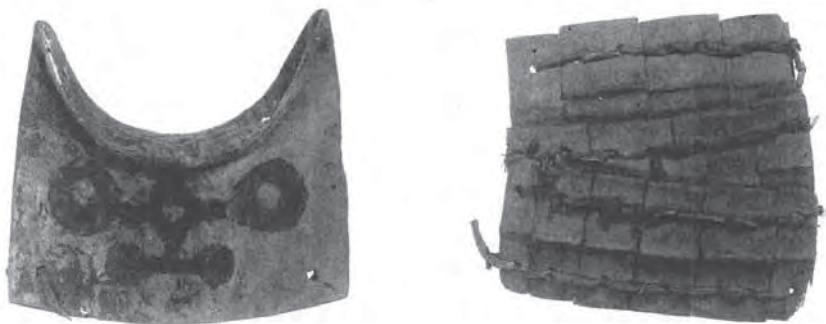

Рис. 17. Фрагменты айнского доспеха. Защитная пластина для шеи с рисунком и оплечье. Токийский государственный музей (№ 28618, 28619). Источник: [То:кю:kokuritsuhakubutsukan 1992: 230]

Некоторые сведения о самодельных средствах защиты в бою айнов Сахалина сохранились в письменных источниках. Известно, например, что в XIX в. на Сахалине были в ходу доспехи из веревок, старых сетей или лососевой кожи, покрывавшиеся липкой землей или корой (айнск. *кусари*) [Кюнер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 26; Batchelor 1926: 269]. Близким аналогом *кусари*, думается, можно считать нивхский веревочный доспех *кэ-печ* (рис. 18). Нивхские *кэ-печ* напоминали короткую рубашку или куртку без рукавов, сплетенную из веревок и крапивной пряжи. Такие «безрукавки» носили поверх обыкновенной собачьей шубы. Во время боя они оставались распахнутыми на груди [Шренк 1899: 259, 260].

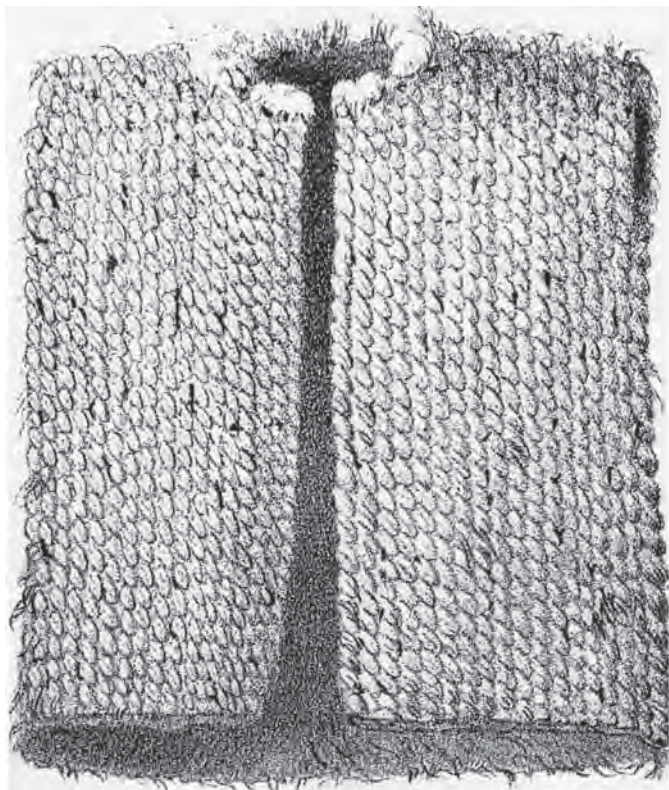

Рис. 18. Нивхский веревочный доспех *кэ-печ*.
Источник: [Шренк 1899: табл. XLIV]

Рис. 19. Сахалинский айн в самодельных доспехах
и разновидность айнского самодельного кожного доспеха.
Источник: [Nishizuru 1942: 63, 79]

Нелишне упомянуть, что айны надевали панцири не только для битвы, но и при охоте на медведя — сохранилась редкая фотография экипированного таким образом охотника с копьём в руках (рис. 19) [Прокофьев 2006: 112; Nishizuru 1942: 103]. Трудно понять, в какой именно доспех облачен охотник, но напоминает он стеганую рубаху из плотной ткани и кожи.

Отдельного внимания заслуживают доспехи, которые представлены на страницах японских письменных источников и, видимо, принадлежали айнам Хоккайдо. В уже упоминавшемся сочинении Араи Хакусэки «Эдзоси» (1720) изображены латы *ёкупэ* (названные *гусоку* — общим наименованием защитного снаряжения в то время) из кожи сивуча (рис. 20) [Arai 1720 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]. Этот рисунок воспроизведен в более позднем источнике Хаяси Сихэй «Сангоку цу:ран» (1785). В обоих случаях изображения нечеткие и не дают ясного представления о форме снаряжения; можно разобрать лишь несколько рядов кожаных пластин, что напоминает японскую кирасу самурая без нижней

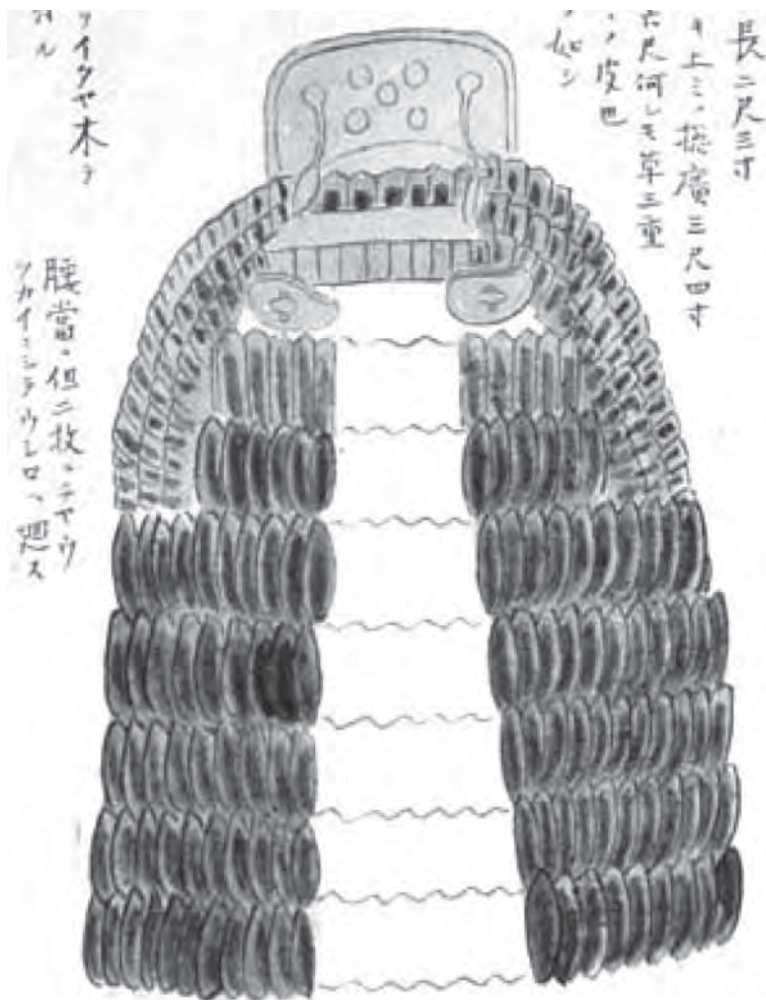

Рис. 20. Доспех айнов Хоккайдо ёкунэ.
«Эдзоси», Арай Хакусэки (1720).

Источник: [Arai 1720 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

части — «юбки» *кусадзури*. Согласно пояснительному тексту, доспех был изготовлен из трех слоев кожи и по высоте достигал около 65 см [Arai 1720 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>; Hayashi 1785 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>].

В комментариях «Эдзоси» речь также идет об айнских шлемах, наручах и поножах. Сообщается, что шлемы назывались *контти* (так же, как зимние головные уборы) или *такаракаузь*, но конструктивные особенности не указаны. Что касается наручей и поножей, то, по «Эдзоси», они изготовлялись из дерева и хлопчатобумажной ткани (названия не указаны) [Arai 1720 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>; Hayashi 1785 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>].

Примечательно, что шлемы *такаракаузь* упоминаются в японском источнике «Эдзоданхикки». Здесь сказано, что айны делали их из дерева.

Работа Сато Гэнрокуро «Эдзосю:ихои» (1786) дает представление о другом защитном снаряжении — *аённэ*, длиной около 185 см, изготовленном из кожи кита и принадлежавшем айну Касумоэрэ (рис. 21). Кожа разрезана на узкие длинные полосы, скрепленные

Рис. 21. Доспех айнов Хоккайдо *аённэ*.
«Эдзосю:ихои», Сато Гэнрокуро (1786).

Источник: [Sato 1786 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp/hoppodb>]

между собой [Sato 1786 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]. Судя по изображению, *аёппэ* — ленточный доспех. Он характерен для народов крайнего северо-востока Сибири [Антропова 1957: 210]. Такие изделия были отмечены С. П. Крашенинниковым у ительменов, ближайших соседей курильских айнов, так что они, попав в айнскую культуру, могли бытовать как на Курилах, так и на Сахалине и Хоккайдо.

Своеобразные латы *аёкпэ* представлены в труде Хата Авакимару «Эдзосима кикан» (1799–1800). Автор условно относит их к типу японских *утикакэ-ёрои* (рис. 22). В пояснении к иллюстрации указывается, что так выглядели айнские самодельные пластинчатые

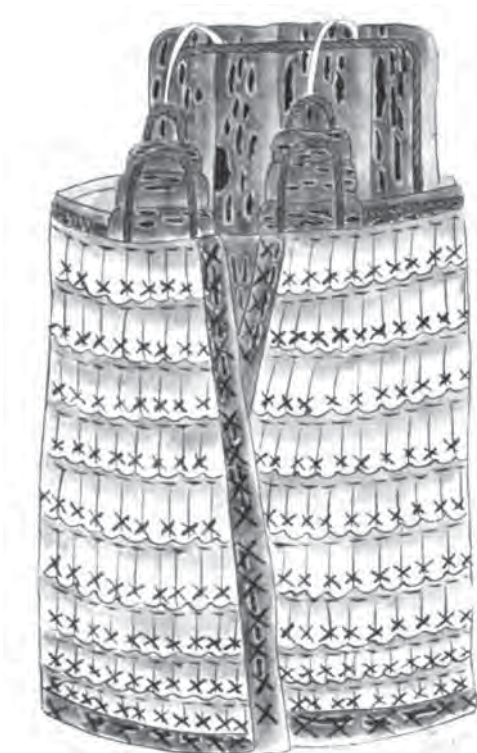

Рис. 22. Айнский доспех *аёкпэ*. «Эдзосима кикан», «Эдзоти танкэнки» (рукопись с выдержками из «Эдзосима кикан»), Хата Авакимару (1799–1800).
Источник: [Hata 1799–1800 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

доспехи из дерева и шкуры и что шлемы айны сами не делали, а использовали готовые японские изделия [Hata Awakimaru 1799–1800 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>].

Рисунок действительно передает тип пластинчатого доспеха из шкуры морского животного, снаружи обшитого плотно подогнанными друг к другу деревянными пластинами. Хотя Хата Авакимару соотносит этот образец с японским *утикакэ-ёрои*, очевидно большее родство с традициями Севера. По форме он напоминает костяные пластинчатые панцири чукотского типа. Хата Авакимару сообщает, что один из подчиненных айнского вождя Тобэцу, которого звали Сиримэкисю, обладал 10 комплектами доспехов, и среди них один был необычайно красивым.

В конце XVIII в. Ямагути Тэцугоро в записях «Эдзосю:и» описал айнские латы *аёббэ*, подобные японским, включавшие нагрудник, оплечья и нечто, напоминающее защитную «юбку» *кусадзури* (рис. 23). Рисунок этих лат выполнен очень условно, никаких

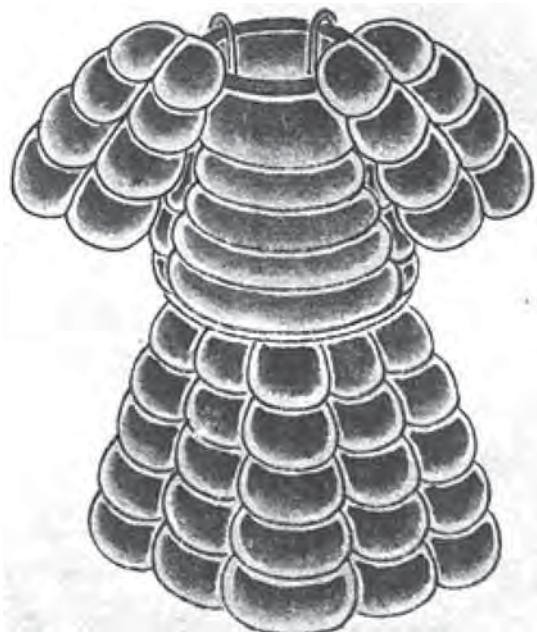

Рис. 23. Доспех айнов Хоккайдо *аёббэ*. «Эдзосю:и», Ямагути Тэцугоро (вторая половина XIX в.). Источник: [Ainu-no uoigo вторая половина XIX в. URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

деталей не приводится, поэтому сказать что-либо о происхождении предмета сложно. Из пояснительного текста лишь следует, что он изготовлен из кожи сивуча и что в Мацумаэ сивучей называли *todo* [Ainu-no uoŋoi вторая половина XIX в. URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>].

О защитном снаряжении курильских айнов повествуют российские источники. Так, в конце XVII — начале XVIII в. казаки упоминали доспехи курильцев, называя их «куяки сбруйные», но без точного описания. Чуть позднее, во второй половине XVIII в., чиновник Д. Шабалин, посетивший близлежащие к Хоккайдо Курильские острова, уточнил, что «куяки» эти, включая кирасы и шлемы, были собраны из мелких досок, а на шлемах имелось по одному обручу [Анучин 1876: 91; Таксами, Косарев 1990: 43]. Сведения Д. Шабалина подтверждает итальянский миссионер Джироламо де Анджелис. Согласно записям итальянца «*Relatione del Regno di Iezo*» (1618–1621), латами айнам служили короткие кафтаны с нашитыми на них дощечками [Анучин 1876: 82].

В целом, по письменным и этнографическим источникам можно заключить, что в Средние века айны широко использовали в военных целях собственные, самодельные, и покупные доспехи. Покупные — японские или маньчжурские — были представлены пластинчатыми латами из кожи или железа. Самодельные доспехи, изготавливавшиеся из плотных тканей, кож, веревок, деревянных пластин, напоминали защитное снаряжение народов Приамурья и крайнего северо-востока Сибири.

Вооружение

Из записей Джироламо де Анджелиса «*Relatione del Regno di Iezo*» (1618–1621) следует, что оружием айнам служили луки, отравленные стрелы, копья и мечи [Анучин 1876: 82]. При этом луки и копья традиционно были их основными охотничьими орудиями (подробно рассмотрены в предыдущих разделах), а мечи — важнейшими атрибутами культа.

Информацию итальянского миссионера подтверждают различные источники. Например, казаки в начале XVIII в. к вооружению курильцев также относили мечи, копья, луки со стрелами (рис. 24). Не случайно и то, что после подавления восстания айнов Кунашира и Мэнаси японцы обнаружили в числе спрятанного

Рис. 24. Сражение айнов Хоккайдо с русскими.
«То:кай ява», Оути Хиросада (1860). Источник: [Greay 1884: 73]

мятежниками оружия более сотни луков, 57 копий, 68 поясных и 4 тяжелых меча [Самарин 2010: 381]. А. С. Полонский подчеркивал, что наиболее значимая роль в войнах отводилась лукам [Полонский 1871: 383].

Если говорить о мечах, то на протяжении столетий айны, а еще раньше — их предки *эмиси* пользовались изделиями японского производства. Как и доспехи, они попали в северные районы Японии уже в древности. Первые свидетельства об этом относятся к эпохе Кофун: в археологических памятниках *эмиси* Тохоку встречаются длинные *тати* типа *кэйто*: (яп. *кэйто*:-но *тати*) и небольшие *варабитэто*: (этих особенно много). Видимо, местные жители получали их от японцев в качестве даров или товара меновой торговли [Sasaki Kaoru 2001: 133]. Установлено также, что *варабитэто*: вместе с *тати* типа *кэнуки* (яп. *кэнуки*-но *тати*) в VII–VIII вв. ввозились на Хоккайдо.

Позже среди айнов широкое распространение получили мечи *тати*, *утигатана* (*катана* и *вакидзаси*), а также ножи *танто*: (*косигатана*). Много изделий *тати* представлено типом *хирадзукури* (лезвие с плоской поверхностью) [Sasaki Toshikazu 2001: 123]. Пере-

численные разновидности туземцы различали прежде всего по размеру и способу отделки, о чем свидетельствуют названия. В числе названий встречаются такие, как *таннэп* — «длинная вещь», *таннэп-икор* — «длинная дорогая вещь», *такнэ-п-икор* — «короткая дорогая вещь», слова *эмусь*, *там*, *тамамнэ*, *мутбэ*, *арамкопастэп* или *со-сам-ус-нэ* (рис. 25, 26) [Batchelor 1926: 293; Kayano 2002: 293; Sasaki Toshikazu 2001: 122].

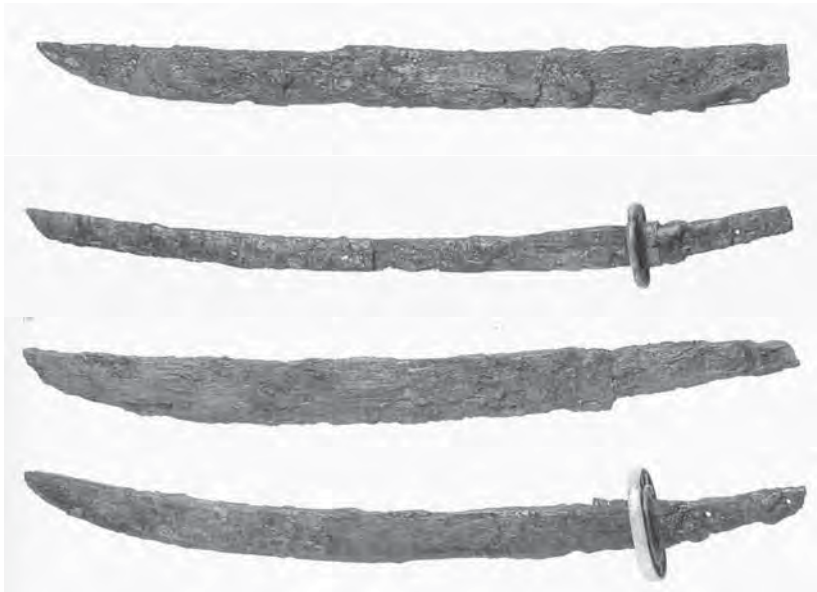

Рис. 25. Мечи *эмусь* из захоронений Нибутани № 1 и 2 периода Средние века — Новое время. Комитет по вопросам образования г. Бирамори. Источник: [Morioka 2001: 107, 108]

Рис. 26. Меч *эмусь* (тип *тати-кэнуки*) из *тяси* Юой периода Средние века — Новое время. Комитет по вопросам образования г. Бирамори. Источник: [Morioka 2001: 100]

По известным данным, курильские айны за старую японскую «саблю» (меч) охотно платили по 20 штук морских бобров и считали это выгодной сделкой [Шренк 1899: 257]. Таким образом, мечи стоили очень дорого. К сахалинским айнам, культура которых испытывала сильное влияние с материка, иногда попадали и маньчжурские сабли. Случалось, что их впоследствии использовали как откуп за какую-либо провинность [Кюннер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 15].

В культовой практике или торжественных церемониях туземцы могли использовать и копии японских мечей, вырезанные из дерева. Кроме того, часто к японским или маньчжурским клинкам и гардам добавляли самодельные рукоять и декоративные элементы (рис. 27). Такую продукцию, как правило, называли *эмусь* [Sasaki Toshikazu 2001: 122]. Наконец, клинки нередко заказывали японским кузнецам. Японцы делали их из мягкого железа или латуни, что, с одной стороны, удешевляло изделие, а с другой — делало его малоэффективным в бою. Бывало, что на клинках кузнецы гравировали линии, дополняя их различными узорами и отверстиями [Mimura 2001: 155].

В собраниях Музея антропологии и этнографии РАН хранится деревянный меч *ни-эмусь* (*ни* — дерево, деревянный, *эмусь* — меч), приобретенный у айнов западного побережья Сахалина, в селении Маука. В описи указано, что это модель деревянной сабли, по образцу которой айны в Японии заказывали стальные. Обращает на себя внимание криволинейный орнамент на всей поверхности клинка. Возможно, у айнов этот мотив ассоциировался со змеей и имел магическое значение. В Японии сохранились стальные мечи со схожим рисунком.

Декоративные элементы оружия изготавливались из оленьего рога и металла. Костяные аксессуары делали сами айны, а метал-

Рис. 27. Меч *эмусь* с самодельными рукоятью и элементами монтировки МАЭ РАН (№ 839-135). Источник: [Айнские коллекции 1998: 88]

лические (из серебра, позолоченной бронзы, латуни, свинца) приобретались у японцев [Sasaki Toshikazu 2001: 127]. Металлические накладки были округлые, четырехугольные, фигурные, односторонне выпуклые или плоские. Их собирали из нескольких частей, например деревянной или медной основы с серебряной фольгой, украшенной тисненым орнаментом (рис. 28). К рукояти меча эти детали крепились медными гвоздиками [Шубина, Самарин, Горбунов 2001: 319]. Участники голландской экспедиции, побывавшей на Хоккайдо в 1643 г., встречали айнов с мечами, рукояти и ножны которых, «сходные с японскими», были украшены серебром и японскими надписями [Анучин 1876: 83]. Поскольку айны тогда японской грамоты не знали, очевидно, что надписи выполнили японцы.

Боевых мечей айнов до настоящего времени сохранилось немного. Археологи иногда обнаруживают их в погребениях. В частности, это находки *утигатана* в Каминокуни (конец XVI — начало XVII в.) и Кусиро. Предполагают, что на ранней стадии торговых отношений с айнами японцы продавали им мечи хорошего качества. Однако с началом массовых восстаний клинковое оружие по мере подавления восстаний целенаправленно изымалось, а в торговлю поступал товар заведомо низкого качества. Таким образом,

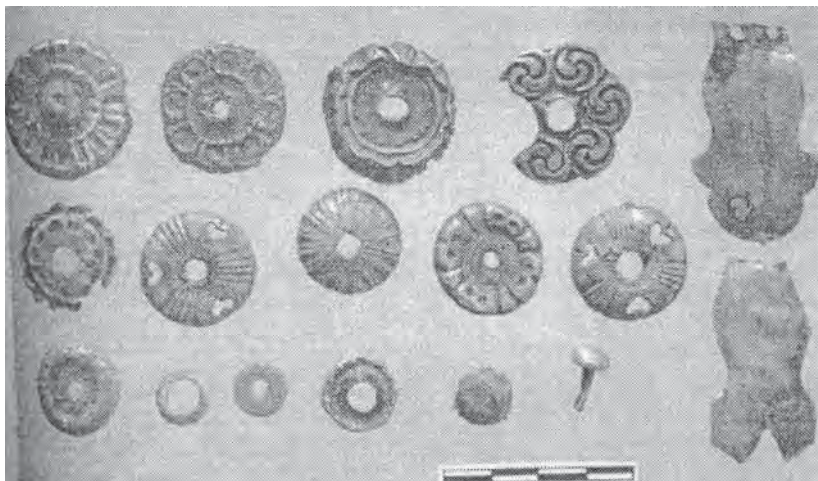

Рис. 28. Украшения-накладки из меди и серебряной фольги из могильника на реке Богатой. Источник: [Шубина, Самарин, Горбунов 2001: 319]

Рис. 29. Айны Хоккайдо в бою. «Сюндо: хэнтай», Ниияма Сицу (конец XVIII в.). Государственный этнологический музей Лейпцига

со временем мечи у туземцев утратили функцию вооружения и превратились в предметы культа (рис. 29).

Несколько слов следует сказать о ножнах, которые на Хоккайдо и Сахалине назывались *сая* (так же, как на японском языке), а на Камчатке — *кэмуспе*. Как правило, это были деревянные кустарные изделия, украшенные резным орнаментом. Наряду с ними у айнов бытовали и ножны японского производства, декорированные латунными накладками с изображением гербов и растительных мотивов (рис. 30).

Как и самим мечам, ножнам придавался особый сакральный смысл. В фольклоре айнов сохранились предания о том, что герой в трудную минуту пользовался покровительством богов — животных, изображавшихся на ножнах. Эти изображения (волки, медведи, драконы и т.п.) оживали и помогали герою справиться с врагами [Невский 1972: 26].

Рис. 30. Ножны айнов Курильских островов *сая* с латунными накладками. МАЭ РАН (№ 820-1)

Рис. 31. Айн с мечом на перевязи, перекинутой через плечо. Хако Сандзин (середина XIX в.). МАЭ РАН (№ 811-23)

Способы ношения мечей отличались своеобразием. Наиболее распространено было подвешивание к бедру при помощи портупей (рис. 31). Информация о таких портупях встречается у Арай Хакусэки в «Эдзоси» (1720) [Kikuchi 1999: 200].

На Хоккайдо портупей назывались *эмусац*, а на Сахалине — *эмуса*. Они состояли из ленты, оканчивающейся петлями с декоративными квадратными лоскутками, и соединительного шнура. Когда перевязь перекидывалась через плечо, шнур предохранял от чрезмерного расхождения обоих концов в стороны. Ленты делали из луба (иногда с добавлением хлопчатобумажных нитей), а петли — из рыбьей кожи, шкуры зверя или хлопчатобумажной ткани. Середина ленты была заужена и не украшалась, поскольку эта часть всегда находилась на плече. Концы же всегда расширялись и вместе с петлями покрывались орнаментом — вышивками и аппликациями [Sasaki 1995: 51].

Миссионер Луис Фройс в 1565 г. отметил иной способ ношения меча, без ленты: «Свой меч или саблю они привязывают к голове таким образом, что рукоятка его торчит выше плеча» [Анучин 1876: 80]. На некоторых картинах айну-э можно увидеть похожее изображение: меч находится за спиной, но на перевязи, перекинутой через плечо (рис. 32). Возможно, первый способ айны использовали для торжественных церемоний, а два других — во время сражений: человеку, передвигавшемуся среди деревьев, кустарников и в густой траве, удобнее было держать меч за спиной.

Рис. 32. Способ ношения айнами Хоккайдо меча за спиной.
«Эдзоси», Араи Хакусэки (1720).

Источник: [Arai 1720 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

Кроме мечей, айны владели еще одним грозным оружием ближнего боя — деревянными палицами (айнск. *суту*). Они получили широкое распространение в айнской культуре и, согласно письменным источникам, использовались не только на войне, но и на охоте, в судебной практике и культурах³ [Batchelor 1926: 458; Кауано 2002: 281]. Помимо всего прочего, при помощи *суту* туземцы в прошлом избавлялись от пленных — по данным голландской экспедиции (1643), их убивали «ударом большой тяжелой палицы по голове» [Анучин 1876: 87].

Обычно *суту* снабжались утяжелителями из камней или кусков железа. Эти предметы привязывали шнурами к ударной поверхности сбоку. Ударная часть была ребристая и с небольшим шипом на конце⁴. Шип служил для фиксации шнура, который в нижней части дубинки крепили к рукояти. Рукоять чаще всего оканчивалась утолщением с петлей [Museum of Ethnography 1999: 31]. Палицы такой конструкции пользовались у айнов наибольшим признанием. В руках опытного воина это оружие могло поспорить с мечом или копьем. Были и другие разновидности дубинок, отличавшиеся в основном оформлением ударной части.

В упомянутом уже не раз «Эдзо сэйкэй дзусэцу» (1823) содержится подробное описание палиц пяти видов (рис. 33). Первый представлял классический вариант с ребристой поверхностью (айнск. *ру-уй-суту*). Слово *ру* переводится как «желоб», *уй* — «есть», а название в целом — «*суту* с желобами». Вторая разновидность отличалась формой в виде дисков с неровными краями, напоминающей расположенные в ряд шестеренки (айнск. *си-ай-усь-суту*). Согласно пояснительному тексту, *си* на айнском языке означало

³ Палицами, например, избивали, когда молились о хорошей погоде, попутном ветре или избавлении от болезнетворного духа [Ainu-no ko:gei 2008: 70]. Вот как описывается изгнание болезни в «Хигаси эдзо ико» (список сочинения «Эдзо сэйкэй дзусэцу»): «При эпидемической болезни из травы делают чучело человека и ставят его против той стороны, откуда пришла болезнь, а над одним из людей из того места совершают *укар...*» [«Хигаси эдзо ико» 2013: 132, 144]. Как правило, били легко. Чтобы смягчить удары, дубину обматывали хлопчатобумажной тканью.

⁴ В коллекции американского этнографа Х. М. Хиллера имеется дубинка айнов Хоккайдо, на ударной поверхности которой вырезаны два рельефных изображения змеи. Подобного рода изделия больше нигде не встречаются.

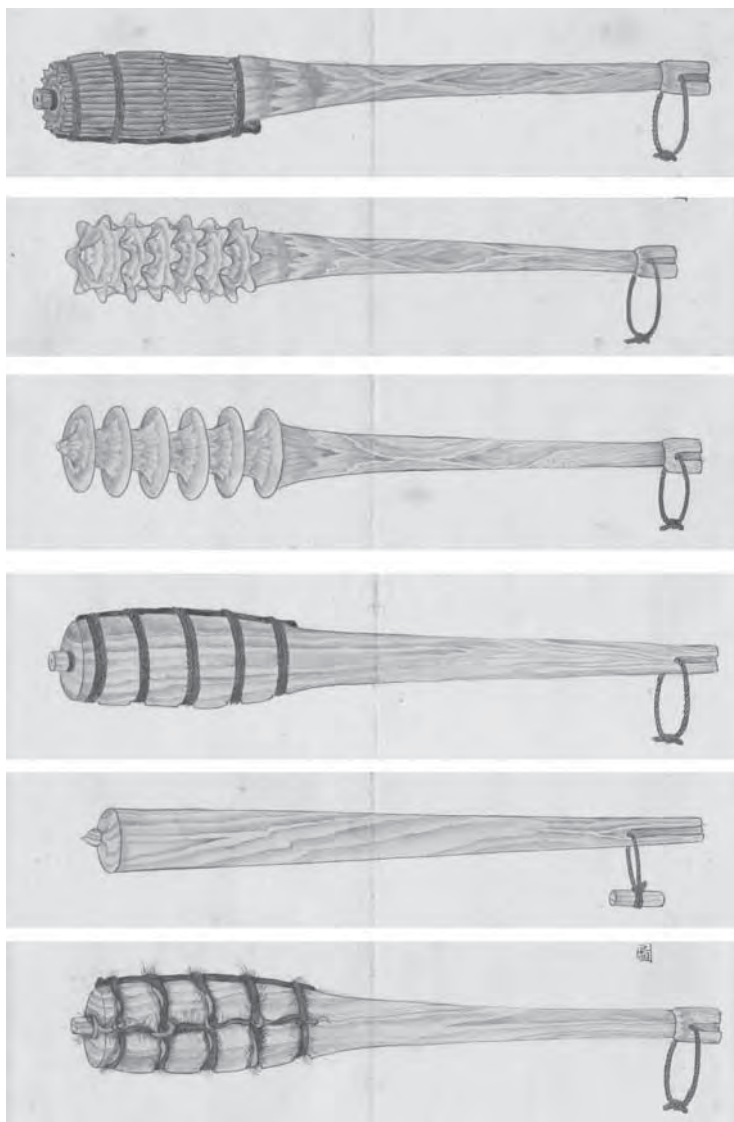

Рис. 33. Дубинки *ру-уй-суту*; *си-ай-уесь-суту*; *акам-суту*;
 2 разновидности *рарак-суту*; *кэ-п-уй-суту*. «Эдзо сэйкэй дзусэцу»,
 Хата Авакимару, Мураками Тэйсукэ, Мамия Риндзо (1823).
 Токийский государственный университет

«бугорок», *ай* — «колоть, причиняя боль», *усь* — «есть». Словом, это «дубинка, на которой есть колющие бугорки». Третий вид был похож на предыдущий, но не с шестеренками, а с дисками правильной формы (айнск. *акам-суту*). В данном случае *акам* — «колесо», «диск», а *акам-суту* — «дубинка с дисками». Четвертый вид включал два подвида: дубинки с гладкой поверхностью, постепенно расширявшиеся от вершины к концу, и аналогичные изделия с привязанным утяжелением. Обе формы назывались *рарак-суту*, или «дубинки гладкие». К последнему, пятому, виду относились палицы со жгутами из шкуры морзверья, намотанными поперек и вдоль (айнск. *кэ-п-уй-суту*). Слово *кэ* означало «шкура животного», *п* — «вокруг», *уй* — «есть», целиком же название можно перевести как «дубинка, обмотанная шкурой» [Hata, Murakami, Mamiya 1823; «Хигаси эдзо ико» 2013: 131, 130].

В цитируемом источнике акцент делается на то, что палицы использовались в судебной практике для наказаний. Однако в действительности, надо полагать, назначение описанных орудий было шире, и они еще играли роль боевого оружия.

Глава о *суту* заканчивается словами, что, согласно слухам, существовало множество других дубинок, однако составитель их не видел и поэтому не упомянул [Ibid.]. С учетом данных из других

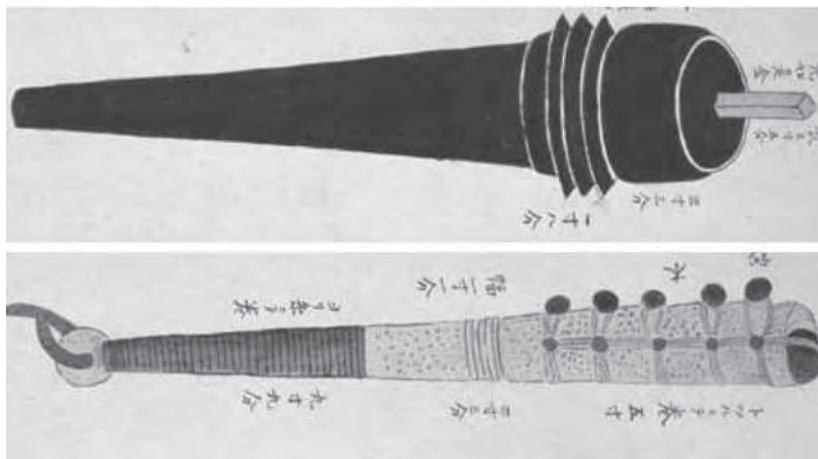

Рис. 34. Боевые дубинки *сёкинэ* (вверху) и *суту-ути* (*мэка-ути*) (внизу). «Эдзоси», Арай Хакусэки (1720).

Источник: [Arai 1720 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

письменных источников можно понять, что ассортимент дубинок действительно был достаточно широким.

Так, в работах Араи Хакусэки «Эдзоси» (1720) и Хаяси Сихэй «Сангоку цу:ран» (1785) изображены типы *суту*, не похожие на уже перечисленные (рис. 34). Первый назывался *сёкинэ*. Его отличиями были металлическое острие, выступавшее спереди, и ряд кольцевых выступов на ударной части. Под рисунком поясняется, что такие дубинки достигали в длину 182 см и применялись на войне для того, чтобы протыкать ступню противника. Второй тип, *суту-ути* или *мэка-ути*, представлял собой палку, обвязанную шнурами с шипообразными выступами. Подробных пояснений нет, но, судя по всему, *суту-ути* также использовались в бою [Arai 1720 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>; Hayashi 1785 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]. У Араи Хакусэки есть изображение еще одной необычной палицы с граненой ударной поверхностью и длинной рукоятью. Как отмечалось ранее, такие орудия пускали в ход при разрешении конфликтов [Arai 1720 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]. Информация об их происхождении и даже названии отсутствует. Похожая дубинка встречается лишь на иллюстрациях «Эдзо кунко:ки» [Eirakusha 1853 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>].

Показательны формы *сёкинэ* и *суту-ути*: у первой ударная поверхность (с копьевидным клинком) обнаруживает сходство с китайскими дубинками *ланъабан*, а у второй (с шипообразными выступами) — с японскими дубинками *канабо* (*тэцубо*). Интересно также, что на китайских *ланъабан*, кроме торцевого клинка, часто делалось множество боковых зубьев в виде волчьих клыков [Асмолов 1993: 67]. Именно такие дубинки изображены в «Эдзо кунко:ки» (рис. 35). Здесь же есть рисунки «классических» *сёкинэ* с металлическими наконечниками [Eirakusha 1853 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]. Можно предположить, что айны пользовались не только оригинальными, исконными палицами, но и оружием с элементами, заимствованными у соседних народов.

Между тем у нивхов получили распространение боевые дубинки, отличавшиеся по форме от айнских. Это *мунгче* — узкие палки с круглыми или слегка обозначенными углами, сверху донизу покрытые едва заметными надрезами в виде спирали. Л. Шренк предположил, что «палицы» нивхов возникли по образцу японского оружия [Шренк 1899: 260].

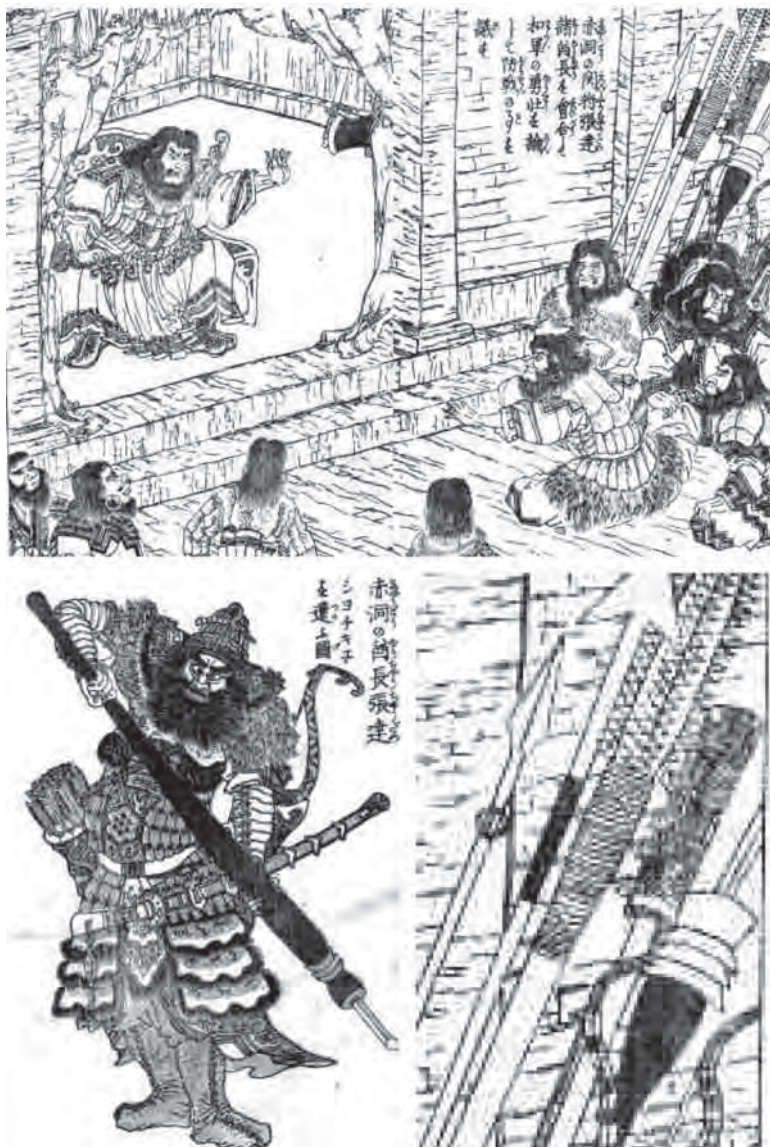

Рис. 35. Боевое вооружение айнов. Иллюстрации к повествованию
«Эдзо кунко:ки». Эйракуся Иссуй (1853).

Источник: [Eirakusha 1853 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

Важную особенность айнских *суму* отметил Л. Я. Штернберг: их, по его мнению, совершенно не знали северные народы. Доказывая южное происхождение айнов, ученый сравнивал их с орудиями австронезийских племен, предполагая, что дубинки у айнов существуют с глубокой древности [Штернберг 1929: 344]. Действительно, в археологических памятниках культуры дзёмон нередко встречаются каменные жезлы *сэкибо* (об этом речь шла во второй главе). Так что *сэкибо* вполне могли стать прототипом *суму*, выполняя при этом двойную функцию — ритуального предмета и эффективного оружия, как это было у полинезийцев [Кондратенко, Прокофьев 2005: 255]. Интересно, что некоторые полинезийские палицы аналогичны по форме айнским.

Свидетельства из разных источников — письменных, археологических, этнографических — дают объемное представление о хорошо развитом военном деле у айнов. Хотя профессиональное воинское сословие у них не сложилось, однако ратное мастерство находилось на высоком уровне, а защитное снаряжение и вооружение было надлежащего качества. Применение оружия в бою предусматривало как атакующие, так и защитные движения, поэтому, без сомнения, требовало сформированных умений и навыков. О соответствующей тренировочной системе подробная информация, к сожалению, не сохранилась.

Несмотря на то что многое из традиционного айнского наследия безвозвратно утрачено, дальнейшее изучение археологических и письменных источников позволит расширить знания по военной истории северных районов Японии и прилегающих территорий и более четко осознать роль, которую играли айны в средневековых войнах.

Глава VII

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Некоторые аспекты материальной культуры айнов заслуживают особого внимания, поэтому вынесены в отдельную главу.

Жилища

Традиционными жилищами айнов и их предшественников — носителей культур дзёмон, дзокудзёмон и сацумон — были землянки. В зависимости от эпохи и региона они варьировали по форме, размерам и внутреннему устройству, однако между ними прослеживается явная преемственность. Постепенно айны Хоккайдо отказались от землянок (возможно, под влиянием японцев), тогда как айны Сахалина и Курильских островов продолжали сооружать их вплоть до XIX в. [Deriha 1999: 42].

Вполне закономерно, что землянкам отводилась особая роль в регионах с холодным климатом. В айнской культуре они обладали характерными чертами, которые показывают доминирование строительств традиций народов Дальнего Востока, Восточной и Северо-Восточной Азии.

Информации о земляных жилищах хоккайдцев — *той-мисэ* — сохранилось очень мало. А. Э. Лаксман, например, во время пребывания на Хоккайдо в 1792–1793 гг. отмечал, что туземцы проживали в основном «у берегов», исключая зимний период, когда, спасаясь от стужи, перебирались в лесные места по вершинам рек. Описание «зимних жилищ» отсутствует, но, по всей видимости, это были именно землянки [Анучин 1876: 97]. Кроме того, В. М. Головин, находившийся в плену у японцев с 1811 по 1813 г., прямо указывал, что айны Хоккайдо, так же как и айны Сахалина, зимой жили в земляных юртах. В японских хрониках сведений, касающихся айнских *той-мисэ*, нет, но об их устройстве можно судить по прототипам древних жилищ «доайнского» времени, а также по землянкам айнов Сахалина и Курильских островов. Судя по всему, каркас состоял из

нескольких опорных столбов и идущих под наклоном жердей: снизу жерди упирались в землю, наверху сходились. Покрытием служили тростник, древесная кора, стебли и листья бамбука, укреплявшиеся поперечными жердями. Ко входу пристраивались небольшие крытые сени, а внутри сооружался очаг. Функции дымохода и окон выполняли отверстия в крыше.

Гораздо больше известно о наземных жилищах хоккайдцев (айнск. *тисэ*) (рис. 1, 2). Их строительство требовало значительных усилий и времени, поэтому создавались *тисэ* всегда совместными усилиями родственников и соседей.

Перед постройкой дома следовало выбрать подходящее место и обратиться к духам, чтобы те одобрили выбор. Для этого ритуала сооружали треножник с крюком — символическое изображение дома (айнск. *тисэ-нока*). К крюку подвешивали котелок, под ним разводили небольшой огонь. Обычай предписывал хозяину будущего дома вознести молитву и лечь спать. Если сон оказывался плохим, не оставалось ничего другого, как искать новое место [Арутюнов, Шебенков 1992: 159]. Когда же подходящее место было найдено, приступали к заготовке материала и его обработке. На каркас дома шла любая твердая древесина, а для покрытия, как и у землянок, использовали тростник, бамбук или древесную кору. Древесину заготавливали в горах, что требовало специальных обрядов жертвования *инау* «хозяину» леса и духам деревьев.

Рис. 1. Наземное жилище айнов Хоккайдо *тисэ*. МАЭ РАН (№ 529-68)

Рис. 2. Каркас наземного жилища айнов Хоккайдо.
Государственный этнологический музей Осака (№ К-0002281).
Источник: [Chishima, Karafuto, Hokkaido 2011: 147]

Отношение айнов к лесу и деревьям, типично анимистическое, было особо трепетным: каждое дерево рассматривалось как «таинственный человек, сокрытый внутри». Кроме того, айны считали, что деревья, как и люди, жили родами и имели своего хозяина [Штернберг 1905: 303]. После того как дерево срубали и ставили *инау*, его душа должна была возродиться.

Доставив лесоматериалы в селение, айны снимали кору с бревен и жердей. Нижнюю часть бревен, предназначенных для опорных столбов, обжигали на огне, а сухую траву вязали в снопы. Затем начинались строительные работы. Прежде всего надо было собрать четырехскатную крышу. Для этого из бревен делали прямоугольную обвязку с несколькими поперечными балками, в специальные зарубки наклонно ставили стропила и крепили их к коньковой перекладине. После этого ставили дополнительные боковые и поперечные жерди. Места соединений всех деталей перевязывали виноградной лозой, размягченной над огнем, или веревкой из луба липы. Ту часть стропил, которая упиралась в обвязку, предварительно прожигали раскаленным на огне металлическим стержнем. Через прожженные отверстия пропускали веревки, тем самым усиливали наиболее важные части каркаса. Всю конструкцию покрывали снопами соломы [Nomoto 2004b: 56; Ainu seikatsu... Tateru 2010: 6, 10].

Далее приступали к сооружению стен. Сначала устанавливали опорные столбы — их вкапывали в ямы обожженной стороной. В верхней части столбов были небольшие развилки, на них и водружали крышу (рис. 3).

После установки крыши опорные столбы соединяли в несколько рядов поперечными жердями, поверх которых укладывали траву [Ainu seikatsu... Tateru 2010: 26]. С наружной стороны трава могла прижиматься дополнительными жердями [Арутюнов, Щербеньков 1992: 159]. Наконец, с фронтальной стороны жилища сооружалась небольшая пристройка — сени, вход в которые располагался сбоку.

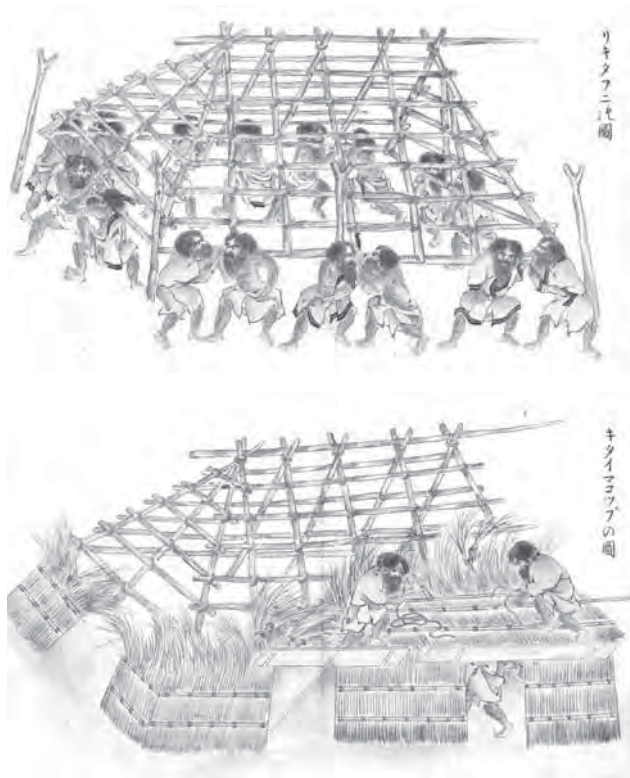

Рис. 3. Установка крыши на опорные столбы и покрытие каркаса жилища травой. «Эдзо сэйкэй дзусэцу», Хата Авакимару, Мураками Тэйсукэ и Мамия Риндзо (1823). Токийский государственный университет

Внутреннее убранство айнского дома имело ряд особенностей, прежде всего земляной пол. Его устилали слоем сухой травы толщиной до 50 см и циновками (рис. 4, 5) [Deriha 1999: 42]. Со временем

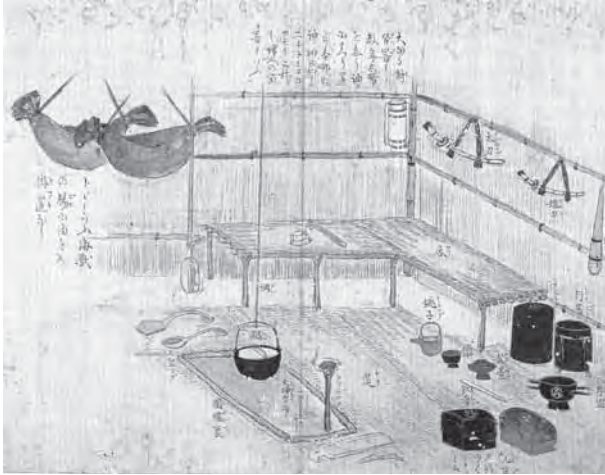

Рис. 4. Интерьер наземного жилища айнов Хоккайдо с земляным полом и циновками. «Эдзосима кикан», Хата Авакимару (1799–1800).
Университет Хоккайдо

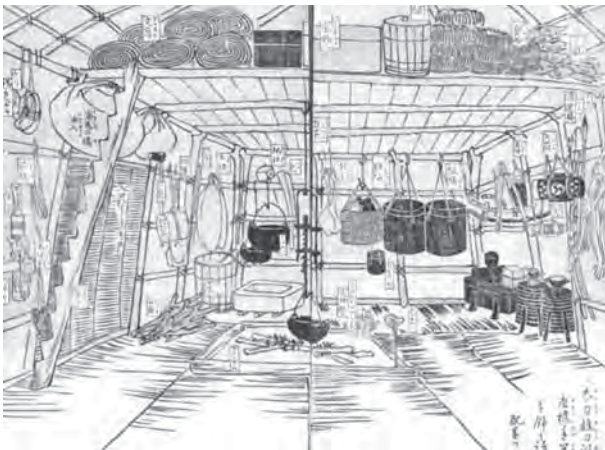

Рис. 5. Интерьер наземного жилища айнов Хоккайдо с земляным полом и циновками. «Токати нисси», Мацуура Такэсиро (1858).
Источник: [Matsuura 1859 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

под японским влиянием хоккайдские айны стали делать дома с дощатыми полами и дверями, например в селениях Сяри и Беккай (рис. 6) [Hitchcock 1891: 469].

В жилом помещении с противоположной стороны от входа (с востока или севера в зависимости от месторасположения гор и истоков рек) всегда находилось «священное окно» *пуяра*. Через него, по айнским воззрениям, поддерживалась связь между духами — хозяевами жилища и божествами внешнего мира. Подходить и заглядывать в окно запрещалось (закрывалось оно лишь в непогоду). Справа от входа располагались два обычных окна — большое и малое. Через большое втаскивали в дом убитого медведя, через малое — рыбу. Дымоходом служило отверстие в крыше. Окна и дымоход в случае необходимости занавешивались циновками. Циновками укрывались и стены — неорнаментированными в повседневной жизни и орнаментированными на время празднеств [Sasaki 1995: 10]. Циновки представляли собой важнейшую часть интерьера.

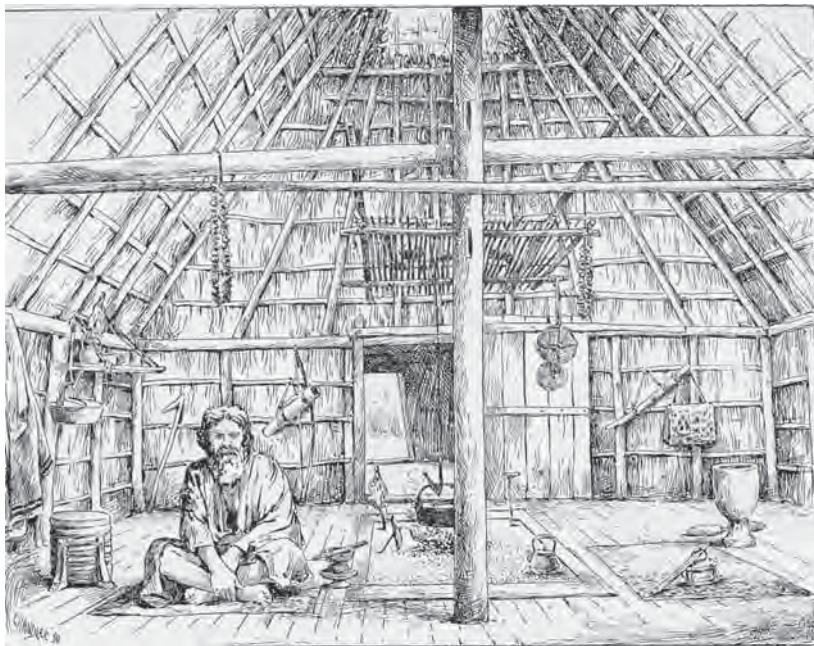

Рис. 6. Интерьер наземного жилища айнов Хоккайдо с дощатым полом в сел. Беккай. Источник: [Hitchcock 1891: pl. СIII]

Изготовление циновок было сложным и кропотливым делом, занимались которым женщины. Материалом служили осока, рогоз, мискант, мягкий колосняк. Для переплетения основы использовались крученые нити из волокон крапивы, луба липы, реже — бересклета, а для орнамента — окрашенные стебли, окрашенное волокно луба (ильма, липы) или цветные полосы хлопчатобумажной ткани. Примечательно, что рогоз на айнском языке назывался *си-кина*, что означало «истинная трава» [Ainu seikatsu... Amu 2010: 9]. Чаще всего циновки делали именно из него.

У хоккайдских айнов получили распространение орнаментированные циновки длиной около 2 м и шириной 1 м, которые назывались *титарапэ*, *титарпэ*, *никапумпэ*, *оникапумпэ*, *оникапумбэ*, *оникапун-кина* или *инау-со* (рис. 7). По праздникам они могли использоваться как настенные украшения и подстилки для ритуальной лакированной посуды, а в повседневности — для заворачивания ценных предметов. Спросом также пользовались сходные полуорнаментированные изделия *оникапун-титарапэ* (рис. 8) [Ainu-no shiki 1999: 96; Ainu seikatsu... Amu 2010: 23; Batchelor 1926: 86, 337; Kayano 2002: 176]. Словом *соккар* или *сокарабэ* называли простые напольные циновки из мисканта, которые в жилом помещении стелили поверх сухой травы. Сверху дополнительно клали рогозные *кина*, таким образом сохраняя пол в тепле [Ainu-no dento: minka URL: <http://www.chinetsu.jp>]. Циновки *кина* были без орнамента, с небольшими цветными бордюрами из хлопчатобумажной ткани, размером от 1 м и более [Ainu seikatsu... Amu 2010: 9]. Их могли называть *яттуй*, *аутки* или *тома* и использовать как шторы. Кроме того, слово *тома* в некоторых районах Хоккайдо указывало на погребальные изделия [Добротворский 1875: 311; Batchelor 1926: 240, 478, 552; Kasai 1943: 65; Kayano 2002: 336, 448, 478].

Сахалинские айны большие настенные циновки с геометрическим узором из окрашенного луба (в длину они могли достигать более 4 м) называли *ахтэ-ки-руса*, а напольные без орнамента — *руса* или *суфке* (рис. 9) [Roshia minzokugakuhakubutsukan 2005: 40]. Встречались и другие названия. Наконец, к айнам попадали японские циновки из рисовой соломы *мосиро* [Добротворский 1875: 144, 176].

Самым значимым элементом в интерьере *тисэ* был располагавшийся в центре жилого пространства очаг (айнск. *апэ-о-и* (Хоккайдо), *инумбэ* (Сахалин)). Он имел форму четырехугольной деревянной рамы с песком и золой и считался местопребыванием

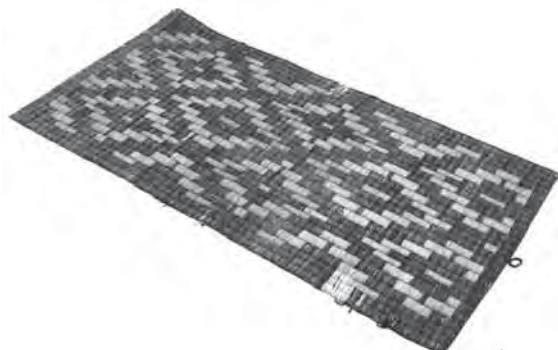

Рис. 7. Циновка айнов Хоккайдо *титарнэ*. РЭМ (№ 5102-297)

Рис. 8. Циновка айнов Хоккайдо *оникапун-титаранэ*. РЭМ (№ 2813-12)

Рис. 9. Циновка айнов Сахалина *axтэ-ки-руса*. РЭМ (№ 2812-14)

«хозяйки огня» (айнск. *апэ-хути-камуй* (Хоккайдо), *ундзи-камуй* (Сахалин)). В больших домах на Сахалине могло быть по два очага, также находившихся в центральной части жилища [Пилсудский 2004: 80]. Женщины проводили здесь основное время, занимаясь приготовлением пищи, ведением хозяйства и воспитанием детей, мужчины же бывали лишь в свободное от работы время, отдыхая и куря трубки, с которыми никогда не расставались (рис. 10). Когда приходили гости, все рассаживались вокруг очага в соответствии со своим положением. Наиболее престижным признавалось место позади очага, напротив входа, как правило, к востоку от него. Оно предназначалось для почетных гостей. Справа усаживались хозяева (муж, затем жена), слева — рядовые гости, а спиной ко входу — низшие по положению домочадцы. Если гостей не было, то члены семьи занимали левую сторону [Арутюнов, Шебеньков 1992: 161].

Весь очаг и все его детали воспринимались как священные объекты и живые существа — божества.

Рис. 10. Айны у очага.

«Ainu fu:zoku jyu:nikagetsu byo:bu».
Хирасава Бёдзан (вторая половина XIX в.). Музей-архив северных народов г. Хакодатэ.

Источник: [Hirasawa 2003: 5]

Рис. 11. Осветительный прибор айнов Хоккайдо *ратчак*. Муниципальный музей г. Хакодате.

Источник: [Baba, Kodama 2000: 98]

Деревянная рама очага при этом считалась «подушкой» хозяйки огня, поэтому загрязнять ее, а также помещать сверху дрова и любые посторонние предметы строго запрещалось [Онуки-Тирни 1996, № 4: 40]. Внутри рамы айны устанавливали несколько *инау*, осветительный прибор (айнск. *ратчак*), раздвоенную ветку для наматывания ниток (айнск. *ка-нит*). Ветку использовали главным образом на Хоккайдо.

Осветительные приборы делали из створок раковин морских гребешков. Створку устанавливали в расщепе тальникового колышка, наливали в нее жир, помещали внутрь хлопчатобумажный фитиль, а колышек втыкали в песок (рис. 11). Айны пользовались и лучинами из щепок или кусочков коры, а также различного вида подсвечниками и другими приспособлениями, распространенными в конце XIX — начале XX в.¹

У айнов северных Курильских островов бытовали каменные лампы (айнск. *ханабэ-хойна*), аналогичные ительменским. Они представляли собой вытянутый трапециевидный брусок с углублением, в который наливался жир морских животных и помещался фитиль. Фитиль состоял из высушенной травы [Suzuki 2014: 154]. Известно, что ительмены осветительные приборы подобного рода ставили на деревянную

подставку в наклонном положении, «чтобы сало или ворвань

¹ В собраниях Государственного этнологического музея Осака хранится подсвечник айнов Сахалина в виде коряги с металлическим шипом, у которого расходящиеся снизу ветки служат подставкой (айнск. *тяхраку*). В Российском этнографическом музее есть аналогичное изделие с подставкой из древесного капа, а также фонарик-светильник фабричного производства, состоящий из семи медных цилиндров, с резервуаром для масла [Фукуси, Дэриха 2007: 110]. Фабричные изделия попадали к айнам от японцев или русских.

от нагревания пламени могли стекать к светильне...» Светильню (фитиль) делали из пучка сухой травы, мха или тряпок и помещали на краю сосуда [Иохельсон 1930: 375]. По всей видимости, способы установки ламп у айнов и ительменов были похожи.

Несколько каменных ламп с Курильских островов периода айнской культуры, обнаруженных при археологических раскопках, в настоящее время хранится в Муниципальном музее г. Хакодате [Suzuki 2014: 154].

Кроме каменных изделий, курильские айны использовали для освещения жилищ лампы, состоявшие из большой створки раковины и массивной подставки, округлой в сечении. Такие приборы описал и проиллюстрировал в одной из своих работ Тории Рюдзо.

Все кухонно-хозяйственные принадлежности, помещавшиеся рядом с очагом, обожествлялись — считались подданными богини огня [Спеваковский 1988: 80; Таксами, Косарев 1990: 121]. Среди них были, например, щипцы для углей и кочерга. Щипцы представляли собой пару деревянных или металлических палочек, соединенных на концах шнуром. Деревянные назывались *анэ-пасуй*, металлические — *канэ-анэ-пасуй*. Кочергой служила дощечка с зубцами и короткой ручкой (айнск. *анэ-кирай*) [Кауано 2002: 35].

Чтобы разжечь огонь, айны применяли кремни и кресала, но курильцы еще в середине XIX в. по особым случаям прибегали к трению с помощью дощечки с углублением (айнск. *ирарин*), давящего бруска, лучка с ремнем и палочки-сверла (айнск. *качир*). Доску придерживали ногой, левой рукой упирались в верхний конец палочки, а правой рукой водили лучок, ремень которого соединялся с палочкой (рис. 12, 13). Добывание огня трением было характерно для народов Северо-Востока — чукчей, коряков, ительменов, хотя инструментов у них несколько различался. Так, в отличие от простых прямоугольных дощечек у айнов Курил, чукчи применяли резные человеческие фигурки, рассматривая их как духов-покровителей жилища. Полученный трением огонь считался родовым сокровищем.

Не всегда огонь в очаге удавалось развести быстро — для раздувания пламени у айнов Хоккайдо и Сахалина были специальные веера из перьев коршуна (рис. 14). Рукоятку веера вырезали из дерева и украшали искусной резьбой. В собраниях Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН сохранился веер сахалинских айнов, называемый *ракуф*, а в Российском этнографическом музее — аналогичный веер *таку*. Согласно М. М. Добротворскому, веера также на-

Рис. 12. Палочка с дощечкой для разжигания огня айнов Курильских островов. Государственный этнологический музей Осака (№ К-0002345, К-0002346).

Источник: [Chishima, Karafuto, Hokkaido 2011: 147]

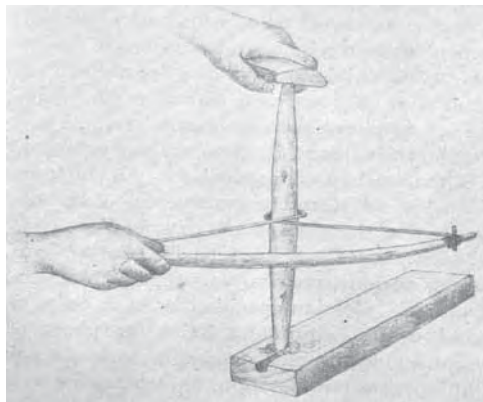

Рис. 13. Разжигание огня. Источник: [Тоги 1919: 239]

Рис. 14. Веер для раздувания пламени айнов Сахалина *ракуф*. МАЭ РАН (№ 829-485). Источник: [Айнские коллекции 1998: 32]

зывали *анки*, *аонги*, *аонке*, *авонке*, *авонги*, то есть словами, заимствованными из японского языка (яп. *оги*) [Добротворский 1875: 5, 14, 19].

Далее, в центре жилища, прямо над очагом, размещалась четырехугольная деревянная рама для высушивания одежды, вяления и копчения рыбы. К раме крепился крюк — на Хоккайдо его называли *су-ват*, на Сахалине — *су-аони*, *су-ауни* или же *ёхне* (рис. 15). На крюк подвешивали котлы [Там же: 108, 309]. Интересно, что женщины, постоянно хлопочущие у очага, не имели права общаться с духами, но могли в любое время обратиться с просьбой к богине огня и вознести ей молитву.

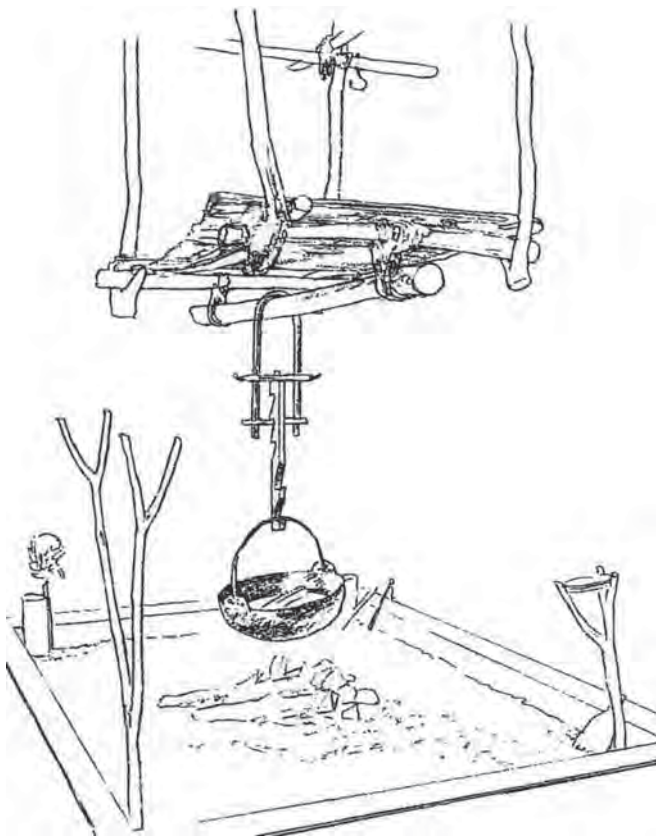

Рис. 15. Очаг айнов с сопутствующими атрибутами.

Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Источник: [Morigoika 2001: 118]

Во внутреннем устройстве *тисэ* значительное пространство занимали места для сна. Спали айны на нарах, располагавшихся с правой и левой сторон от входа, а при недостатке мест на нарах укладывались и на полу. Как правило, нары слева предназначались для главы дома, а справа — для членов семьи. И те и другие могли занавешиваться циновками [Левин, Дубровина 1969: л. 43]. Циновок также устилали постель. Постельные циновки иногда орнаментировались, у айнов Сахалина они назывались *ато-руса* или *понтусьпе*. В некоторых районах Хоккайдо (Токати, Кусиро, Китами) циновкам предпочитали шкуры животных. Мужчины и дети спали на медвежьих или оленьих шкурах, женщины — только на оленьих [Арутюнов, Щебенков 1992: 193]. Значительно отличались обычаи айнов северо-западного побережья Сахалина, где взрослым устилали постель шкурой оленя, а детям — кабарги. На использование медвежьих шкур в этом регионе существовало табу [Онуки-Тирни 1996, № 2: 62].

Кроме циновок и шкур, к постельным принадлежностям относились подголовники разных форм. Это могли быть небольшие сундучки, складные подставки, подушки из старой подбитой ватой одежды или свернутых циновок, иногда с пришитой к ним ветошью [Фукуси, Дэриха 2007: 110]. Подушки из циновок использовались чаще всего. На Хоккайдо и Сахалине их называли *тининуйнэ*, на Сахалине — *мут-хуру* или *муфтару* [Batchelor 1926: 77; Nishizuru 1942: 64].

Описанный тип *тисэ* был наиболее типичным на Хоккайдо, однако в разных районах острова существовали серьезные локальные отличия. В конце XIX в. на них указал Р. Хичкок. Так, крыши жилищ в селении Беккай (близ Нэморэ) покрывались с наружной стороны соломой таким образом, что плавно переходили в стены (рис. 16). Сени примыкали с фронтальной стороны, боковых окон не было (дымоходом и окнами служили отверстия в крыше), солома на стенах и крыше дополнительно укреплялась горизонтально положенными жердями. Вместе с тем каркас и интерьер дома ничем особенным не отличались [Hitchcock 1891: 451, 452].

О таких наземных домах, как в Беккай, можно судить по японским рисункам из труда Хата Авакимару «Эдзосима кикан» (1799–1800), совместного сочинения Хата Авакимару, Мураками Тэйсукэ и Мамия Риндзо «Эдзо сэйкэй дзусэцу» (1823), а также по работам Мацуура Такэсиро «Эдзо манга» (1859) и «Хигасиэдзо нисси» (1863–1865) (рис. 17, 18, 19). К сожалению, внутреннее устройство нигде

Рис. 16. Наземное жилище айнов Хоккайдо в сел. Беккай. Источник: [Hitchcock 1891: pl. C]

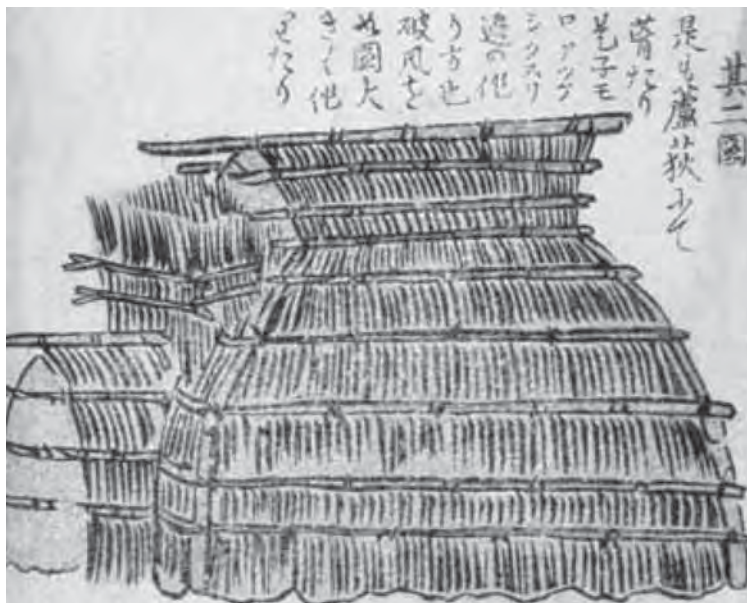

Рис. 17. Наземное жилище айнов Хоккайдо *сяри-кикитай-мисэ*. «Эдзо манга», Мацуура Такэсиро (1859). Источник: [Matsuura 1859 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

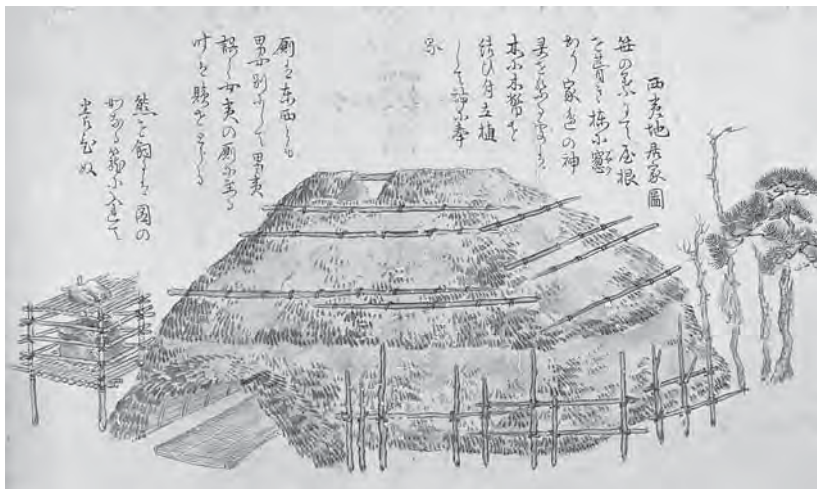

Рис. 18. Наземное жилище айнов Хоккайдо *тисэ*. «Эдзосима кикан», Хата Авакимару (1799–1800). Университет Хоккайдо

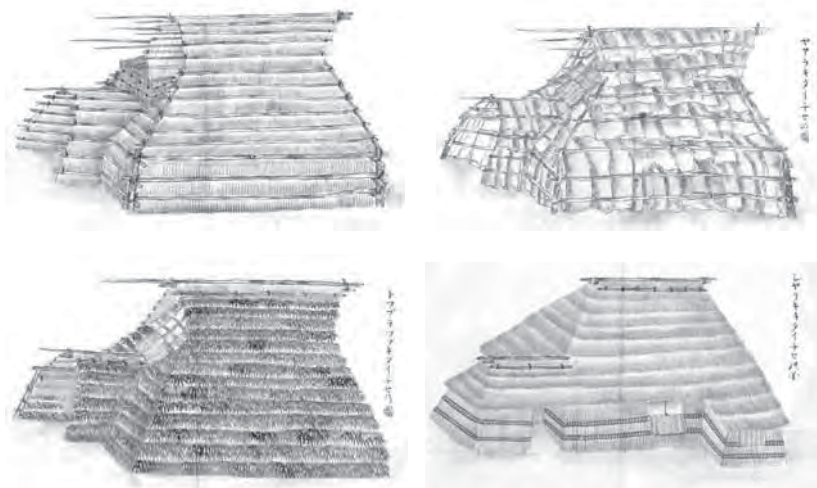

Рис. 19. Наземные жилища айнов Хоккайдо: *тисэ* (вверху слева), *яра-китай-тисэ* (вверху справа), *топпураппу-китай-тисэ* (внизу слева), *сяри-кикитай-тисэ* (внизу справа). «Эдзо сэйкэй дзусэцу», Хата Авакимару, Мураками Тэйсукэ, Мамия Риндзо (1823). Токийский государственный университет

не показано. В пояснительных текстах сказано, что каркасы в районах Неморо и Китами покрывались корой (дома назывались *яара-китай-мисэ*), в Каваками и Токати — низкорослым бамбуком (дома назывались *тонпуранну-китай-мисэ*), а в Сираой, Хидака, Аккэси и Кусири — тростником и мискантом (дома назывались *сяри-китай-мисэ*) [Matsuura 1859 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>; Nomoto 2004b: 56]. Эти названия отражали не конструктивные особенности домов, а материал, который использовался для их покрытия.

Примечательно, что некоторые архитектурные отличия вне зависимости от регионов демонстрировали дома старейшин. Среди жилищ прочих членов общины они выделялись бóльшими размерами и особым убранством: потолочные перекрытия покрывались дзельквой, а самые важные детали обрабатывались огнем, благодаря чему приобретали благородный черный цвет с блеском [Арутюнов, Щебенков 1992: 165]. Сохранилось и описание построек упрощенного типа (айнск. *этуй-мисэ*), в которых жили бедняки или одинокие айны. Такие жилища включали двускатную крышу длиной около 3 м с каркасом из двух балок, конька и отходящих в стороны жердей. Опорных столбов не было, жерди покрывались камышом [Там же]. Таким образом, айнские *мисэ* могли выступать маркером социального положения их владельца.

Дома айнов Сахалина отличались существенным своеобразием. Среди земляных жилищ здесь выделялось несколько типов: коллективные жилища большого размера, в которых проживало от двух до четырех-пяти родственных семей, и небольшие землянки, рассчитанные на одну-две семьи. Первые строились в северных районах Сахалина, вторые — в южных.

Ямы сахалинских землянок были значительно глубже хоккайдских, около 1 м, каркас состоял из четырех столбов с поперечными балками наверху и четырех наклонных жердей, верхние концы которых перекрещивались, а нижние упирались в края ямы. К опорным жердям наклонно приставлялись жерди стен либо доски. Таким образом, вся конструкция принимала форму четырехгранной пирамиды. Пирамида заваливалась ветками, корой и землей, и снаружи жилище становилось округлым (рис. 20, 21, 22). Вход сооружался на откосе, как правило, с южной стороны, закрывался выдвигной дощатой дверью. Нередко ко входу пристраивались небольшие сени, крытые ветками и травой. Внутри жилища айны попадали при помощи лестницы в виде бревна с зарубками.

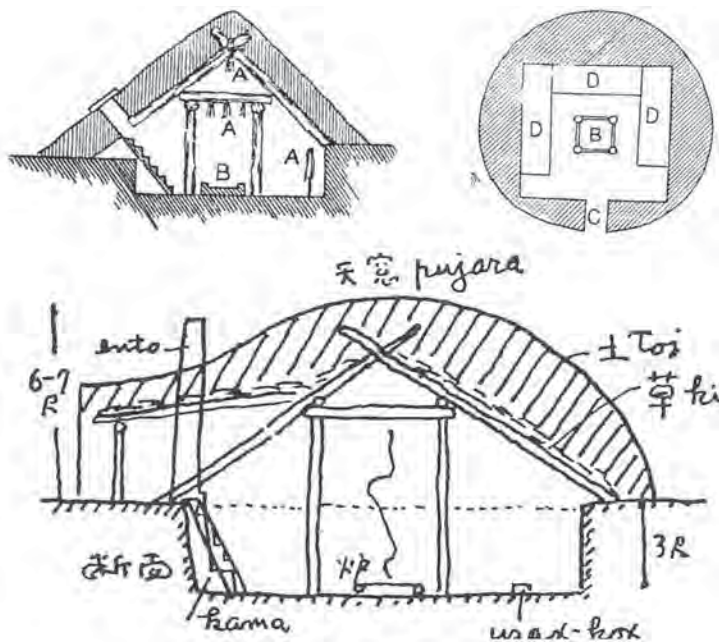

Рис. 20. Схема устройства подземных жилищ айнов Сахалина *той-мисэ*.
Источник: [Тоги 1919: 243]

Рис. 21. Подземное жилище айнов Сахалина.
Государственный этнологический музей Осака (№ К-0002710,
К-00002346). Источник: [Chishima, Karafuto, Hokkaido 2011: 44]

Рис. 22. Подземные жилища айнов Сахалина.
Источник: [Vachera (Batchelor) 1999: 294; Nishizuru 1942: 37]

О внутреннем убранстве известно, что у трех стен устраивались нары. Нижняя часть стен и нары покрывались циновками, справа от входа сооружалась печь (рис. 23, 24). В малых землянках печь иногда размещалась в центре. Высота печи, выложенной из глины, позволяла вешать над ней котлы [Левин, Дубровина 1969: л. 46]. В больших землянках у каждой семьи был отдельный очаг, в котором жгли угли из печи и возле которого обогревались. Такие очаги

Рис. 23. Внутреннее устройство подземного жилища айнов Сахалина. «Карафуто фу:дзоку дзу», Мамия Риндзо, Мураками Тэйсукэ (1828). Токийский государственный музей

Рис. 24. Внутреннее устройство подземного жилища айнов Сахалина. Источник: фото из японских коллекций

располагались между опорными столбами. Дымоходное отверстие служило и окном [Nishizuru 1942: 35; Sasaki Toshikazu 2001: 170]. В некоторых землянках сооружалась прямая труба (айнск. *этно*): «Она шла от очага в сени, над которыми поднималась на поларшина вверх» [Депрерадович 1877: 7; Шренк 1899: 23]. По ночам трубы закрывали, чтобы сохранить тепло внутри [Пилсудский 2004: 92]. В случае, если труба была короткой, для дыма в крыше (над сенями) оставлялось отверстие [Левин, Дубровина 1969: л. 46]. По данным Мамия Риндзо, под свесом крыши айны устраивали полки для хранения продуктов и питья, а ценные вещи и запасы продуктов размещали в специальных хранилищах [Описание 1900: 107].

Дома, подобные описанным, строились в селении Ниитой и других районах Сахалина. Между тем в селении Сирахама получили распространение жилища с одним опорным столбом в центре. Его верхняя часть служила опорой для балок, располагавшихся крестообразно, с двух сторон от столба устраивались очаги. Верхняя же часть таких жилищ практически не отличалась от землянок в Ниитой: сбоку приставлялись жерди, их обкладывали ветками, травой, засыпали землей, а на откосе делали вход и окно [Hasebe 2004: 112; Nishizuru 1942: 35; Sasaki Toshikazu 2001:170].

Трудно сказать, насколько комфортно чувствовали себя айны в землянках. Однако, по описанию Ф. М. Депрерадовича, «для человека, разбитого трудной ездой на собаках, после ночлегов в холодных летних юртах или, что еще чаще, ночлегов в лесу под открытым небом, нередко при вьюге со снегом, землянка... делается относительно привлекательным и приятным местом отдыха» [Депрерадович 1877: 7; URL: www.sati.archaeology.nsc.ru/ethno]. Так или иначе, в земляных жилищах находились до февраля—марта. Считалось, что если к этому времени не покинуть зимник, здоровье окажется под угрозой [Описание 1990: 107].

Установлено, что айнские землянки с четырьмя столбами напоминали нивхские [Шренк 1899: 23]. Можно предположить, что окно, служившее одновременно и дымоходом, в торжественных случаях играло роль «священного окна», как и у нивхов. Во время медвежьего праздника, по данным В. И. Иохельсона, нивх со шкурой и мясом убитого медведя попадал в юрту не через вход, а через дымовое отверстие по бревну с зарубками. В конце праздника все ритуальные принадлежности, как и кости медведя, также извлекались из юрты через дымоход [Иохельсон 1908: 17].

При изучении земляных жилищ сахалинских айнов неизбежно обращение к археологическим памятникам, в которых обнаружены следы полуземлянок, имевших распространение на ранней стадии становления айнского этноса (поселения Охотское-3, Стародубское-3, Седых-1). Это слабоуглубленные ямы различной формы (некоторые 5–6-угольные, охотского типа (Охотское-3)), с деревянным каркасом из вертикальных опорных столбов и наклонных перекладин, опиравшихся на внутреннюю обвязку. В некоторых жилищах устраивались открытые кострища, располагавшиеся по центру, в других — глинобитные или каменные печи. Наружу от печей шли дымоходы [Шубина 2002: 55]. Существенно то, что на Хоккайдо жилища подобного устройства обнаруживаются в археологических памятниках периода Сацумон: как известно, сацумонцы и охотцы длительное время контактировали. Сахалинские жилища памятника Охотское-3 датируются XII–XVI вв. н.э., а одно из жилищ памятника Стародубское-3 — XV–XVI либо XVII в. По времени и находкам из культурных слоев они ближе всего соотносятся с айнскими [Василевский 1995а: 95; Шубина 2002: 59, 61].

Перейдем к рассмотрению конструктивных особенностей наземных жилищ (айнск. *тисэ*, *сах-тисэ*) сахалинских айнов. Как и землянки, они отличались от *тисэ* айнов Хоккайдо и состояли из опорных столбов, соединенных балками, стен из жердей, двухскатной крыши, покрытия из коры хвойных деревьев (чаще всего елей) (рис. 25, 26) [Депрерадович 1877: 6; Добротворский 1875: 79]. Чтобы покрытие крепче держалось на стенах, снаружи его дополнительно прижимали поперечными жердями, которые перевязывали расщепленными корнями японской ели *эдзомацу*. Наконец, внутри ставили две распорки *утурума*, удерживавшие стены от падения внутрь. Вход в сени, находившийся по обыкновению с южной стороны, закрывался либо грубой циновкой, либо дощатой дверью. Примечательно, что дверь не отворялась, а отодвигалась на японский манер по специальным пазам. С противоположной стороны от входа располагалось священное окно *нуйяра*.

В разных местностях внутреннее убранство домов несколько отличалось. Это хорошо видно при сравнении отчетов, составленных этнографами в конце XIX — начале XX в. В целом можно отметить, что посредине дома находились один или два очага, над очагом — четырехугольник из жердей для сушки одежды, вяления

Рис. 25. Наземное жилище айнов Сахалина *tucse*. «Китаэдзо гатё:»,
Судо Канэнори (1857). Источник: [Sudo 1857:
Муниципальная библиотека г. Хакодатэ]

Рис. 26. Модель каркаса наземного жилища айнов Сахалина *tucse*.
Государственный этнологический музей Осака (№ К-0002708).
Внешний вид наземного жилища айнов Сахалина *tucse*.
Источник: [Chishima, Karafuto, Hokkaido 2011: 44; Nishizuru 1942: 34]

и копчения рыбы, крюк для котла (рис. 27, 28). Отверстие в крыше, как и в землянках, служило и дымоходом, и окном; боковых окон не было. При необходимости это отверстие завешивали циновкой.

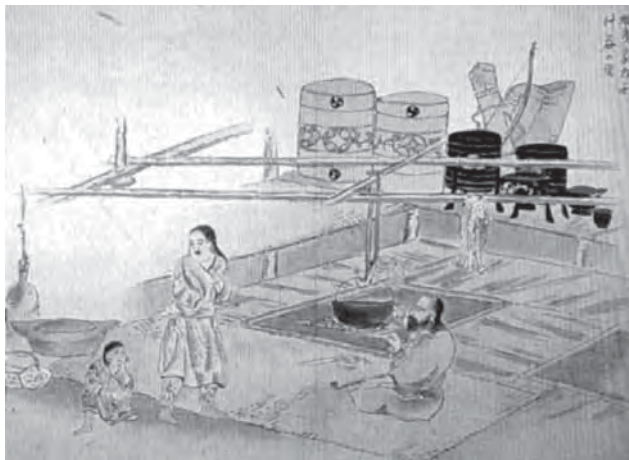

Рис. 27. Интерьер наземного жилища айнов Сахалина. «Китаэдзо гатё:», Судо Канэнори (1857). Источник: [Otsuka 2004: 92]

Рис. 28. Интерьер наземного жилища айнов Сахалина. РЭМ (№ 2448-45)

Земляной пол также устилали циновками. По стенам размещались всякие хозяйственные принадлежности, полки для одежды и домашнего скарба. Вокруг стен устраивались нары с выдвигаемыми ящиками под ними — здесь не только сидели и спали, но и хранили различные вещи [Анучин 1876: 197; Добротворский 1875: 35]. Кроме этого, возле входа айны ставили емкости для воды и съестных припасов, кадки для помоев, а у противоположной стены — котлы и лакированные сосуды для вина [Васильев 1914: 9; Депрерадович 1877: 6]. В сенях же обычно держали щенков, корыта для корма собак, дрова, сети, циновки, лыжи, сани [Анучин 1876: 111, 197].

Когда же наступали холода, снаружи дома устанавливали дополнительные поперечные жерди, поверх них накладывали солому, а сверху размещали еще один ряд жердей (рис. 29) [Nishizuru 1942: 35; Kasai 1943: 65]. По этому поводу Ф. М. Депрерадович писал, что, хотя айны зимой и утепляли свои дома, это было малоэффективным средством, так как, едва угасал огонь в очаге, температура в юрте становилась такой же, как вне юрты [Депрерадович 1877: 6]. Она могла понижаться до 18–20 градусов мороза. Но даже при этом айны, сидя перед очагом, раздевались доната и спали всю ночь, прикрывшись только собачьей шкурой [Анучин 1876: 197; Добротворский 1875: 36].

Рис. 29. Наземное жилище айнов Сахалина с утеплением из травы.
МАЭ РАН (№ 1472-38)

Уже в XVII в. под японским влиянием у айнов Хоккайдо получили распространение дома с дощатыми стенами. Иногда их снаружи утепляли корой². Позже такой тип жилья появился и на Сахалине. Внутри помещения могли находиться тонкие деревянные перегородки и деревянный пол [Анучин 1876: 85, 87, 197; Депрерадович 1877: 6; Nishizuru 1942: 35]. Таким образом, традиционные дома приобретали черты японского типа, как, например, в селении Пуре [Васильев 1914: 9, 13].

Со временем в устройстве *тисэ* на Сахалине (а еще раньше на Курилах) проявляется и русское влияние. Во второй половине XIX — начале XX в. мореплаватели видели в селении Отани дома со стенами из теса или тонких брусьев, наложенных срубом или установленных стоймя [Васильев 1914: 9; Добротворский 1875: 35]. Срубную конструкцию айны заимствовали у русских. Б. О. Пилсудский писал: «До 1899 г. айны жили исключительно в своих первобытных юртах и землянках; теперь же на одном восточном берегу из числа 95 хозяйств 27 человек имеют, кроме айнских юрт, и дома русского типа, в которых живут зимою. Все они средней величины — крестьянские избы иногда с сенями, отапливаемые небольшими железными печками; но двое имеют красивые, чистые и просторные дома в несколько комнат с голландскими печами... На западном берегу... строятся дома японского типа» (рис. 30) [Пилсудский 1907а: 103]. Общая тенденция такова, что дома японского типа распространялись у айнов западного побережья, а русского типа — на восточном берегу [Левин, Дубровина 1969: л. 47]. Технология строительства теплых бревенчатых домов в конечном счете оказала важное влияние на традиционный уклад туземцев — она положила конец сезонным передвижениям [Онуки-Тирни 1996, № 1: 25].

Столь же упорядоченной на основе религиозных норм, что и интерьер, была внешняя организация айнского жилья. Снаружи, напротив «священного окна», айны размещали алтарь *нусасан*. Справа от алтаря ставили клетку для медведя и амбар. Место между домом и алтарем использовалось для проведения медвежьего праздника. Кроме этого, во дворе располагались сушилка для вяления мяса и рыбы (айнск. *кам-кума* и *чеп-кума*), колодец (айнск. *вакката-уси*),

² В коллекциях Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН хранится модель жилища, покрытого берестой.

Рис. 30. Дом сахалинских айнов полурусского типа в селении Найбучи.
РЭМ (№ 2611-55)

а позади дома за дорогой — уборная [Римский-Корсаков 1858: 5]. Усадьба, как правило, окружалась палисадом.

Традиционно амбары (айнск. *ну*) делали на высоких сваях, вкапывая их в землю. Поверх свай устанавливали дощатый настил, а на нем — каркас с бревенчатой обшивкой [Арутюнов 1965: 945]. Амбары могли быть большими, со стенами и крышей — *отумам-ну*, и малыми, с одной лишь крышей — *коумна-ну* (рис. 31) [Арутюнов, Щербеньков 1992: 163]. Айны хранили там зерно, юколу и прочие запасы пищевых продуктов. Лестницей служило бревно с зарубками.

На Сахалине клетка для медведя была известна под названиями *сэт*, *камуй-сэт*, *исо-тисэ* или же *камуй-тисэ*, что означает «дом божества», а на Хоккайдо — *хэпэр-тус* (рис. 32) [Спеваковский 1988: 134; Кауано 2002: 402]. На зиму клетку укутывали соломой (рис. 33) Маленького медвежонка выращивали в доме и перемещали в клетку только после того, когда тот подрастал.

Уборная на айнском языке называлась *асинру* (*асин* — выходить (из дома); *ру* — дорога), дословно «выходить на дорогу» (рис. 34)

Рис. 31. Амбар айнов Хоккайдо *пу*. МАЭ РАН (№ И 782-102)

Рис. 32. Медвежья клетка айнов Сахалина *камуй-тисэ*. РЭМ (№ 2611-75)

Рис. 33. Медвежья клетка айнов Сахалина *камуй-тисэ*, покрытая соломой. МАЭ РАН (№ 1472-75)

Рис. 34. Уборная айнов Хоккайдо *асиру*. Фото Киносита Сэйдзо. Источник: [Kindai 2001: 75]

[Кауано 2002: 18]. Сохранилась фотография, на которой запечатлена уборная из деревни Сираой (Хоккайдо). Хорошо видно, что это яма с дощатым настилом, вокруг которой стоят четыре столба с поперечными перекладинами, обвязанными тростником. Сверху сооружена плоская крыша, двери нет. По айнским поверьям, божество уборной (айнск. *рукор-камуй*) было женского пола и обладало особой силой. В некоторых особых случаях, например при тяжелых родах, к нему обращались за помощью: пожилая женщина брала в руки серп, посох, подходила к уборной и произносила молитвы [Kindai 2001: 75].

Подворье у сахалинских айнов, при некоторых специфических чертах, в целом напоминало дворы хоккайдцев. При этом изгородь с *инау* и клетка помещались всегда на восточной (священной) стороне двора, а амбары нередко ставились на противоположной — западной, за дорогой [Онуки-Тирни 1996, № 2: 84].

Существенно отличались как от хоккайдских, так и от сахалинских типы жилья курильских айнов. Область их расселения всегда условно делилась на южный и северный ареалы. Жилища северных курильцев представляли собой неглубокие прямоугольные ямы с деревянным каркасом, собиравшимся из плавника — выброшенных морем стволов деревьев. Каркас — четыре столба с обвязкой — поддерживал кровлю. В отличие от домов хоккайдского и сахалинского типа, кровля была плоской, ее делали из жердей. По сторонам кровли ставились дополнительные жерди, придававшие стенам дома наклон. Готовое сооружение покрывалось травой или тростником, а с наружной стороны дополнительно укреплялось параллельно идущими жердями (рис. 35) [Позднеев 1909, т. 1: 94; Torii 1919: 238; URL: www.sati.archaeology.nsc.ru/ethno]. Если у домостроителей имелись доски, их использовали для внутренней обшивки. Вход в жилище находился сбоку и запирался деревянной дверью. Между небольшими узкими сенями и главным помещением могла быть дополнительная дверь. В остальном устройство жилищ мало отличалось от домов других регионов: в середине помещения располагался очаг, в крыше — отверстие-дымоход; земляной пол устилался циновками, а нары, располагавшиеся под наклонами боковых стен, обкладывались травой. Внутреннее убранство ограничивалось несколькими японскими предметами и кухонными принадлежностями — чашками и котлами [Позднеев 1909, т. 1: 94; Полонский 1871: 379].

На северных Курилах айны также строили однокомнатные землянки, которые засыпали сверху землей, а входом служил дымо-

Рис. 35. Полуподземные жилища айнов Курильских островов *той-мисэ* и модель землянки ительменов Камчатки.

Источник: [Kamczatka 2003: 68; Torii 1919: pl. XVIII]

ход в крыше, и, кроме того, землянки, состоявшие из двух или трех комнат, как, например, на острове Шумшу (рис. 36) [Анучин 1876: 91]. Здесь комнаты отделялись друг от друга короткими узкими и низкими проходами, с дверьми с обоих концов, пол был ступенчатый, а очаг находился в дальнем помещении. В «лучших» домах под русским влиянием размещались грубо сделанные столы, стулья, полки, и «в каждом из них было нечто вроде божницы, на которой стояли блестящие раскрашенные изображения Спасителя и Богородицы, а в некоторых — портрет русского государя» [Позднеев 1909, т. 1: 94; Torii 1919: 238].

Таким образом, в целом по северокурильским жилищам можно сказать, что если однокомнатные землянки напоминали жилища ительменов, коряков Камчатки и алеутов, то двухкомнатные — эскимосов. Это в очередной раз показывает, что айны здесь испытали существенное влияние народов крайнего Северо-Востока. Между тем юрты айнов на Южных Курилах существенно отличались

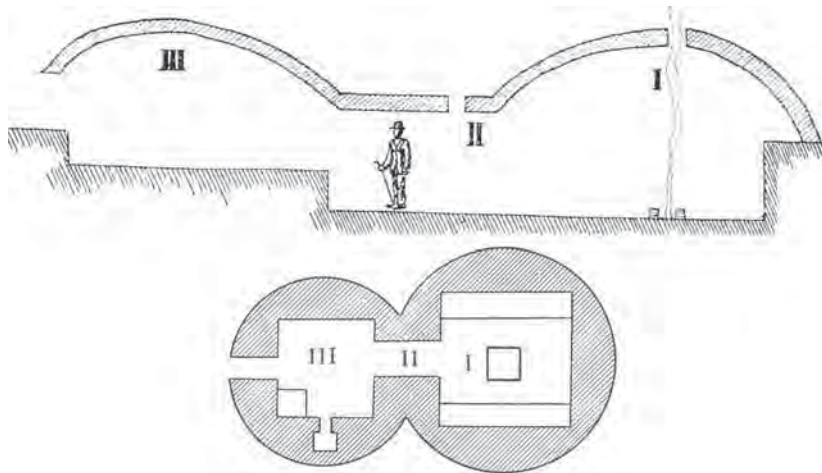

Рис. 36. Устройство полуподземного жилища айнов Курильских островов.
Источник: [Тории 1919: 237, 238]

от жилища на севере гряды. Их строили в форме усеченной пирамиды, покрытой со всех сторон травой (видимо, трава накидывалась поверх жердей, как и на Сахалине) [Полонский 1871: 379]. Кроме того, в разных районах были локальные отличия.

На Шикотане, судя по модели из коллекции Государственного этнологического музея Осака (поступление Тории Рюдзо), землянки состояли из каркаса в виде четырех опорных столбов и обвязки. С торцов между опорными столбами устанавливали по одному длинному столбу с коньковой балкой. Обвязка и балка соединялись стропилами, образуя двухскатную крышу. Сбоку пристраивались сени с небольшим коридором. Они изготавливались из тонких жердей и имели плоскую крышу (рис. 37). Айны Итурупа, кроме того, сооружали наземные дома, аналогичные хоккайдским, с деревянным каркасом и покрытием из травы или тростника, иногда дополнительно утепленным сверху слоем коры. Крыши у таких домов были пологие, вход завешивался циновкой, а окна закрывались досками [Позднеев 1909, т. 1: 88]. О разнообразии курильских жилищ свидетельствуют и наблюдения одного из участников голландской экспедиции Корнелиса Куна. Дома айнов Кунашира, писал он, покрывались травой, но стены состояли из коры больших деревьев, сшитой вместе полосками шкур. В центре жилища находился очаг,

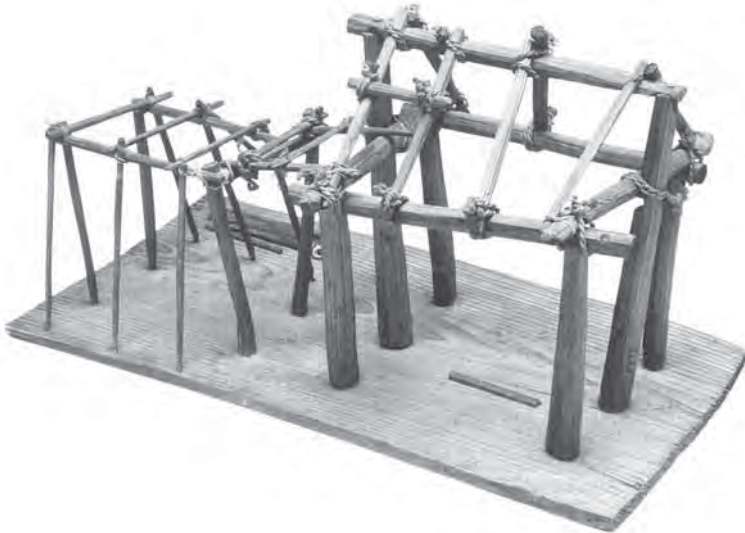

Рис. 37. Каркас полуподземного жилища айнов южных Курильских островов. Государственный этнологический музей Осака (№ К-0002708).
Источник: [Chishima, Karafuto, Hokkaido 2011: 44]

а для вытяжки дыма использовались два отверстия [Плавание 1990 URL: <http://www.vostlit.info>]. Все приведенные сведения, конечно, отрывочны и дают лишь общее представление, но правомерен вывод о том, что южнокурильские айны находились под значительным влиянием туземцев Хоккайдо.

Утварь

Айнская утварь представлена всевозможными чашками, мисками, подносами, ложками, коробками и прочими изделиями, которые можно классифицировать прежде всего по материалу, форме и месту производства. Преобладающим материалом было дерево, а подсобным — растительные волокна, железо, кора, материалы на основе глины и стекло.

§ 1. Керамика, фарфор и стекло

Показательным примером существования гончарного ремесла у айнов (иногда неправомерно оспариваемого) служат котелки

с ушками внутри (яп. *найдзидо:набэ*) (рис. 38, 39). Изготавливая их еще в не столь отдаленные времена, айны подражали железным японским изделиям.

Рис. 38. Керамический котелок айнов Хоккайдо из памятника Райтогоро. Лаборатория археологии Токийского государственного университета. Источник: [Kobayashi 1999: 22]

Рис. 39. Керамический котелок айнов Сахалина в подвешенном виде. «Китаэдзо тибу», Мамия Риндзо, Мураками Тэйсукэ (1810). Токийский государственный музей

Рис. 40. Железный котелок айнов Хоккайдо над очагом. «Эдзо сэйкэй дзусэцу», Хата Авакимару, Мураками Тэйсукэ и Мамия Риндзо (1823).
Токийский государственный университет

Найдзидо:набэ вошли в обиход туземцев Хоккайдо в XII–XIII вв. В то время они использовались одновременно с железными котелками. Но в XVII в. японские железные котелки, в том числе с висячими ушками, массово распространяются на Хоккайдо, вследствие чего айнская керамическая продукция практически полностью исчезает (рис. 40) [Takahashi 2001: 24]. Однако до последнего времени керамику, в частности керамические котелки, производили айны Сахалина, Курильских островов и Камчатки. На Сахалине они были обнаружены в жилище *татэана* (относится к периоду XVII–XIX вв.), а на южной оконечности п-ова Камчатки — в раковинной куче (датируются XVII в.). Есть и другие примеры [Mamiya 1943: 39; Utagawa 1992: 356].

В свое время японский антрополог И. Коганэи получил у старосты Шикотана, выходца с северокурильского острова Шумшу, подробную информацию о том, как изготавливалась айнская керамика. Ее делали из смеси глины и песка с добавлением травы *ноканки* [Позднеев 1909, т. 1: 52; Таксами, Косарев 1990: 132]. По словам курильцев, сначала из теста изготавливали кольцо, называемое *тоикарюу* (*той* — земля, глина; *карюу* — обруч). Из такого кольца (или колец) лепили сосуд, потом наполняли его водой и ставили на огонь для прокаливания. Вода начинала испаряться, и когда сосуд оказывался полностью сухим, его вынимали из огня. Из колец можно было изготавливать посуду любой формы, но чаще всего она была двух видов: типа сковороды (айнск. *тойсу*) и в форме тарелки (айнск. *тоусара*). К краям сковороды прикреплялись ручки, в которые продевалась веревка для подвешивания ее над очагом [Таксами, Косарев 1990: 132]. Вероятно, эта информация касается и котелков с внутренними ушками [Позднеев 1909, т. 1: 52–53].

Данные И. Коганэи о керамических котелках дополняют сведения, полученные на Сахалине Мамия Риндзо. По его данным, котелки назывались *тоёсю* или *камойсю*, второе означало «священный сосуд». Они были с двумя ушками-держателями и кожаным ремешком *тонари*. Перед обжигом глиняную заготовку туземцы заворачивали в березовую кору [Описание 1990: 107].

Самодельная керамическая продукция не ограничивалась перечисленными видами. В Британском музее сохранился небольшой кувшин с округлым туловом, вытянутой зауженной шейкой и расширенным венчиком. Высота кувшина около 13 см, диаметр 11 см. Тулово по всей поверхности покрыто надколами. Данное изделие предположительно было изготовлено айнами Хоккайдо и поступило в музей в 1909 г. от Мэри Стоупс.

Гораздо большим разнообразием отличалась импортная керамика. Ф. Ф. Зибольд отмечал, что айны охотно покупали у японцев «горшки, фарфор и медные изделия, необходимые для хозяйства» [Зибольд 1854: 254]. Музейные экспонаты, а также археологические находки подтверждают слова ученого — в айнской культуре японская керамика была представлена широким набором мисок, чашек, тарелок и т.п.

В этот ассортимент входили *сурибати* — глиняные конусообразные миски с плоским дном, выполненные обжигом при высокой температуре, пепельного цвета, со штриховкой из коротких

линий на внутренней поверхности. Они производились разными мастерскими Японии, в том числе Карацу (Кюсю, область Сага), Бидзэн (Хонсю, область Окаяма), Этидзэн (Хонсю, область Фукуи) и Судзу (Хонсю, область Исикава) [Kato 1984: 315; Nihonshi jiten 1999: 221]. Самой распространенной на Хоккайдо была продукция из Судзу — через п-ов Ното, где располагались мастерские, пролегал морской торговый путь в северные земли. Наиболее ранние находки на Хоккайдо мисок Судзу сделаны в районе Каминокуни, в Такэутиясики. Они датируются концом XII — началом XIII в., то есть второй половиной эпохи Сацумон.

Значительное количество находок Судзу приходится на XIV в. и первую половину XV в. (памятники Биби 8, Сэтана, Судзакидатэ и др.) (рис. 41). Большинство из них обнаружено в южной части острова [Utagawa 1992: 327]. Встречаются также *сурибати* других мастерских, в частности из регионов Бидзэн и Карацу (памятники Ируэкаси и Биби 8). В целом они датируются второй половиной XVII — серединой XVIII в.

Распространение керамики Судзу отражает важный этап расширения сферы морской торговли японцев на севере. Примерно на это же время приходятся и другие находки японской посуды — чашек (яп. *ван*, *тэнмокуван*) и тарелок (яп. *сара*, *оосара*). Встречаются изделия мастерских Карацу (памятники Мияносавы, Биби 8; *тяси* Поромой), Бидзэн, Кё, Имари (памятник Биби 8), Сэто и Мино

Рис. 41. Керамическая миска *сурибати* из памятника Кацуямадатэ XV–XVI вв. Комитет по вопросам образования г. Каминокуни.

Источник: [Matsuzaki 2001:70]

(*тяси* близ р. Рибэцу), а также фрагменты фарфоровых изделий без указания места производства (памятники Нибутани, Ируэкаси; *тяси* Юой) (рис. 42, 43). Все они были в ходу у айнов с середины XV в. по середину XVIII в. [Morioka 2001: 99; Kato 1984: 315, 321].

Рис. 42. Японская керамика из памятника Биби 8 середины XV — середины XVIII в. Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Источник: [Morioka 2001: 150]

Рис. 43. Керамическая тарелка Карацу из *тяси* Поромой (слева). Комитет по вопросам образования г. Биратори. Керамическая тарелка Карацу из памятника Мияносавы (справа). Комитет по вопросам образования г. Каминокуни. Источник: [Matsuzaki 2001: 86; Morioka 2001: 101]

Важное место в керамике Хоккайдо отводилось тарелкам и чашкам китайского производства (яп. *то:дзики*) из белого или голубого фарфора. Большая часть этой продукции относится к эпохе Мин (1368–1644). На Хоккайдо она доставлялась в XIV–XVI вв. через Хонсю либо через Приамурье и использовалась как айнами (памятники Охаманака (Ёити), Юканбоси С 15 (Отацу), Биби 8, Кацуямадатэ (Каминокуни); *тяси* Тоя 2 (Кусиро), *тяси в* Сэтана; погребения Хассаму, Энива)), так и японцами (памятники Синоридате (Хакодате), Мобэцу (Камиисо), Одатэ (Мацумаэ), Хииси, Кацуямадатэ (Каминокуни), Оннайдатэ (Фукусима), Судзакидатэ (Каминокуни), Могуса (Мацумаэ), Татэдзё (Ацусабу), Гэнва 8 (Отобэ), Симовакамацу (Китахияма), Суэхиро (Титосё)) (рис. 44, 45) [Matsuzaki 2001: 49; Utagawa 1992: 330]. В айнских памятниках китайский фарфор нередко сопровождается железными котелками с ушками внутри и другими предметами быта.

В конце XIX — начале XX в. сведения об айнской керамике — тарелках, бутылках, чайниках, чашках — не раз встречаются в сообщениях путешественников. Например, известно, что керамические чайники у айнов Сахалина назывались *тосин*, фарфоровые японские чашечки для водки и чая, «очень тонкие и прозрачные», — *каба-чаван* (*каба* — «тонкий», *чаван* — «фарфор»), фарфоровые чашки или стаканы — *чаван-итаньки*, керамические чашки — *сюма-итаньки* [Добротворский 1875: 111, 333, 415, 444]. А. В. Римский-Корсаков видел в айнском жилище на Сахалине японский фарфоровый кувшин в травяной оплетке [Там же: 444].

Рис. 44. Тарелки китайского производства из памятника Кацуямадатэ XV–XVI вв. Комитет по вопросам образования г. Каминокуни.

Источник: [Matsuzaki 2001: 70]

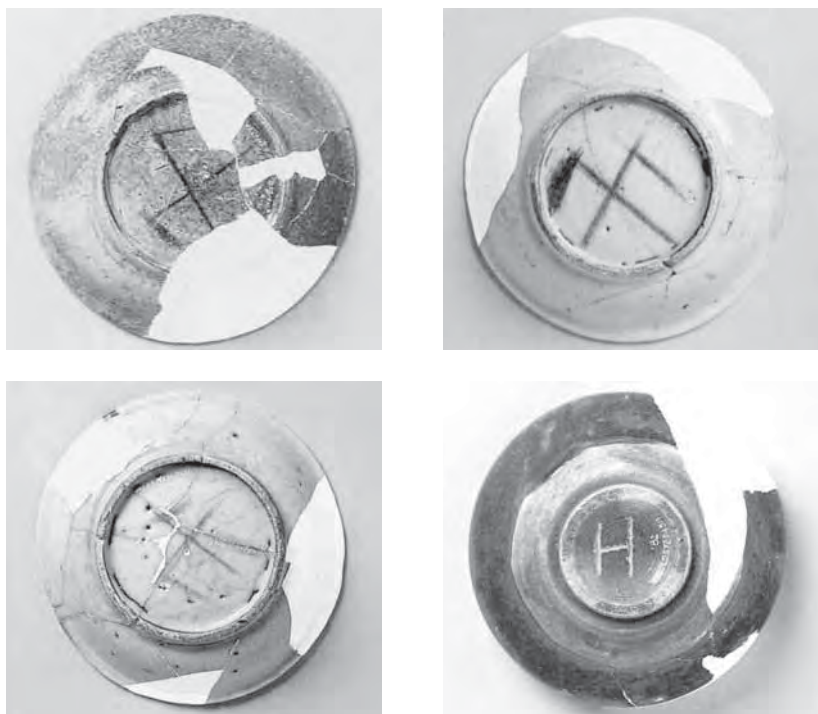

Рис. 45. Китайские керамические тарелки (вверху и внизу слева) и японский сосуд *тэнмоку* производства Сэто-Мино (внизу справа) из памятника Кацуюмадатэ XV–XVI вв. (на дне сосудов нацарапаны айнские знаки *сирочи*). Комитет по вопросам образования г. Каминокуни. Источник: [Matsuzaki 2001: 77]

Керамическую посуду айнов Хоккайдо можно часто видеть и на японских картинах XIX в. *айну-э*. Это кувшины, вазы (в том числе с поливой), бутылочки, использовавшиеся на медвежьих праздниках. Причем некоторые сосуды нарисованы с отбитыми горлышками. Видимо, айны ценили даже разбитую керамику [Анучин 1876: 111].

В отличие от импортной керамики, стекло у айнов имело очень ограниченное применение, особенно это касается айнов Сахалина. Хотя у них были специальные слова для обозначения стеклянной посуды, но таких терминов мало. Так, стеклянные чашки назывались *пинторо-чаван*, а стеклянные рюмки и стаканы — *пинтаро-*

итаньки (*пинтаро* — «стекло») [Добротворский 1875: 252]. Некоторые сведения об употреблении стекла сообщил Б. О. Пилсудский. В частности, он отметил, что, когда мужчины отдавали женщинам остатки недопитого сакэ (*па-кесэ*), те сливали их в стеклянные бутылки или глиняные сосуды [Пилсудский 1914: 97]. Многие данные свидетельствуют о том, что стекло у айнов — довольно позднее явление, не успевшее войти в этническую культуру.

§ 2. Дерево

Хотя в XV–XIX вв. керамика у айнов пользовалась большим спросом, все-таки главенствовала и в повседневном быту, и в ритуалах посуда из дерева. После эпохи Сацумон роль деревянной утвари среди айнов возрастала по мере того, как сокращалось традиционное керамическое производство [Sasaki 1995: 62]. Не удивительно, что мастерство обработки дерева туземцы довели до совершенства.

Деревянную утварь, как и керамику, можно разделить на две группы: изделия собственного производства и привозные. Особенно айны ценили привозные лакированные вещи, украшенные изящными гербами и причудливым растительным орнаментом. Пользовались ими лишь в торжественных случаях. Но зачастую собственные изделия айнов не уступали импортным по красоте и качеству исполнения. Они имели изощренные формы и покрывались богатой резьбой. Уже в XVII–XIX вв. японцы настолько высоко ценили предметы декоративно-прикладного искусства своих северных соседей, что приобретали их как сувениры (яп. *эдзомиягэ*) [Otsuka 1993: 118].

Достоинства айнской деревянной утвари во многом определялись наносимым на нее орнаментом. Именно на изделиях из дерева различные орнаментальные изыски выглядят как самые совершенные. Всеобщим признанием у айнов пользовался геометрический орнамент, прямолинейно-криволинейный, переходящий в определенных случаях в растительный. Излюбленными мотивами были одиночные или парные спирали, широкие ленты, узоры «фигурная скобка» и «сетки» [Иванов 1961: 369]. Значение сеточного декора ученые трактуют по-разному; вероятнее всего, в основе лежало изображение чешуи — ромбической (змеи) и округлой (рыбы) [Арутюнов 1965: 947].

Среди разнообразной посуды айнов Сахалина в первую очередь следует назвать долбленые чашки *сикаримпа*, дословно «круглая

вещь». Чаще всего их делали из березы или рябины японской, диаметром около 12 см и высотой 10 см. Форму подчеркивали симметрично приподнятые с двух сторон края и небольшой поддон (рис. 46). Хотя *сикаримпа* не орнаментировались, но могли покрываться тонким слоем бесцветного лака или просто шлифоваться [Добротворский 1875: 37; Sasaki 1995: 14, 62]. Использовались они, как правило, для твердой пищи, реже — для супа [Muraki 2004: 77]. Айны бережно хранили *сикаримпа*, передавая из поколения в поколение, так что со временем предметы эти приобретали темный оттенок.

Суповыми чашками сахалинским айнам служили овальные сосуды с ручкой-ушком на одном конце (реже на двух), без поддона, называвшиеся *нипапо* или *чепэ-нипапо* (рис. 47). Как и *сикаримпа*,

Рис. 46. Чашка айнов Сахалина *сикаримпа*. РЭМ (№ 4926-69)

Рис. 47. Чашка айнов Сахалина *чепэ-нипапо*. МАЭ РАН (№ 700-13).
Источник: [Айнские коллекции 1998: 46]

их лакировали или шлифовали, а ручки покрывали резным орнаментом и инкрустировали бусинами. Слово *чепэ-нипано* означает «деревянный сосуд для рыбы», что и указывает на назначение [Nishizuru 1942: 43]. Впрочем, иногда из такой посуды ели мясные блюда, иногда пили сакэ [Muraki 2004: 77].

По форме *чепэ-нипано* напоминали китайские чашки *эр-бэй*. Однако на китайских изделиях ручка крепилась с самой длинной стороны тулова, а на айнских — с короткой [Sasaki 1995: 62]. Можно провести аналогии с посудой народов низовьев Амура — нивхов, ороков, удэгейцев и др., тем более что сахалинские айны подверглись сильному культурному влиянию этих народов. Не исключено, что в прошлом *чепэ-нипано* бытовали и на Хоккайдо [Sasaki 1995: 62]. Соответствующие образцы сохранились в Музее Токийского университета и в Государственном этнологическом музее Осака.

Айны Хоккайдо долбленные чашеобразные сосуды собственно производства, включая чашки, миски и даже подносы, собирательно называли *нима*. Они различались по форме и размерам [Batchelor 1926: 304; Kayano 2002: 347; Muraki 2004: 77]. Крупные сосуды могли называть *поро-нима* (*поро* — большой), малые — *пон-нима* (*пон* — маленький), а круглые изделия — *патти* (рис. 48) [Ябунака 2007: 106; Muraki 2004: 76]. По функциональному назначению существенных ограничений не было. Если маленькие *нима* как нельзя лучше подходили для подачи к столу рыбных блюд, каш, различных плодов, то большие — для их приготовления.

Рис. 48. Миска айнов Хоккайдо *поро-нима*. РЭМ (№ 2813-34)

Отдельную категорию представляла собой утварь, использовавшаяся при варке сакэ. По большей части она была импортная, но некоторые атрибуты айны делали сами. В частности, это лохани *сакэ-намптэп* — неглубокие овальные тарелки, выдолбленные из куска дерева, в которых охлаждали кашницу — полуфабрикат сакэ [Кауано 2002: 252].

На Хоккайдо иногда встречалась такая разновидность столовой посуды, как небольшие чайные блюдца *цядай* в виде фигурной пластинки с округлым углублением. Украшенные резным орнаментом, часто они представляли собой исключительно сувенирные изделия. Об этом говорит и название, заимствованное из японского языка, в котором слово *тядай* (*тятаку*) означает «деревянное блюдечко для чайной чашки».

Как отмечалось в четвертой главе, необходимым атрибутом для приготовления зерна служили чашеобразные ступы *нису* и двусторонние песты *инуна*. В ступах толкли просо и другие культуры, при этом старики обходились ступами меньшего размера — *саматки-нису*. Обитатели Хоккайдо использовали также небольшие ступки *типор-нима* (*типор-нинан*), растирая в них икру кеты или симы [Ibid.: 312]. По форме *типор-нима* были круглые, овальные или прямоугольные, нередко с ручкой на одной стороне (рис. 49). Икру растирали, приправляли картофелем и другими овощами, после чего ели с кашей.

Рис. 49. Ступка айнов Сахалина *типор-нима*. Музей народа айну (№ 60711). Источник: [Baba, Kodama 2000: 90]

Среди самобытной продукции айнов Сахалина — вместительные сосуды, известные на восточном побережье как *отока*, а на западном — как *хорима* (рис. 50) [Ябунака 2007: 106; Karafuto ainu minzokushi 2004: 30]. Они напоминали корыта прямоугольной или овальной формы, иногда с двумя ручками по бокам, длиной 80–90 см, шириной 30 см и высотой 5–10 см, но встречаются и округлые емкости диаметром 20–50 см и высотой 5–10 см. Их использовали исключительно для приготовления пищи [Добротворский 1875: 235]. Название *отока* в некоторых местностях могли заменять другие слова. Так, согласно описям Российского этнографического музея, вытянутые углубленные блюда с ручками по краям из Отасаму и Тарантомари назывались *иямэ*, плоское блюдо без ручек из района Тоннай, в которое складывали нерпичье мясо, — *шиохни*. Как свидетельствуют коллекции Государственного этнологического музея Осака, схожие с *отока* (*хорима*) изделия прежде бытовали и у айнов Курильских островов. В музее хранятся курильские прямоугольные «корыта» с орнаментированными ручками.

По мнению некоторых ученых, обработка дерева выдалбливанием у айнов Сахалина достигла более высокого уровня, нежели у айнов Хоккайдо. Это объясняется тем, что изделия японского производства были на Хоккайдо значительно доступнее [Sasaki Toshikazu 2001: 160; Kohara 1999: 205]. Вот почему деревянная продукция сахалинских айнов отличалась разнообразием форм и богат-

Рис. 50. Корытообразный сосуд айнов Сахалина *отока*.
РЭМ (№ 2812-109)

ством декора. Но айны изготавливали не только долбленные сосуды, но и вещи из гнутого дерева. К такой продукции относятся цилиндрические коробки с дугообразной ручкой наверху, служившие для сбора и хранения ягод, а также для переноски воды. Некоторые из них украшались резьбой.

Среди кухонной утвари обращают на себя внимание цельно-резные подносы из багряника японского, ореха, тиса или аралии. На них могли замешивать тесто, мыть продукты, подносить еду [Dubreul 1999: 299]. Сохранились экземпляры со следами от режущих инструментов — свидетельство того, что эти предметы использовались как доски для нарезки. Богато декорированные подносы имели высокую художественную ценность. Иногда они играли роль подставок для чашек, иногда — подарков или продуктов меновой торговли [Muraki 2004: 76].

Подносы айнов Хоккайдо назывались *uma* и отличались разнообразием форм. Встречаются квадратные, прямоугольные, круглые, овальные, полукруглые, ромбические изделия или в форме сегмента (рис. 51). Как правило, дно было плоским, а бортики, как и у японских подносов, — четко выраженными и приподнятыми. Украшением служил вихревой орнамент, дополнявшийся кривыми линиями, скобками, спиралями. По центру нередко располагалось изображение двух или четырех завитков. Свободные поля могли заполняться элементами «рыбьей чешуи» и «морских волн», но такой декор считается сравнительно новым [Sasaki 1995: 15, 64].

Рис. 51. Цельнорезной деревянный поднос айнов Хоккайдо *uma*. МАЭ РАН (№ 345-7). Источник: [Айнские коллекции 1998: 11]

Некоторые *ита* содержат костяные вставки. Их делали не только для устранения дефектов дерева, но и для украшения. Иногда готовые предметы японские мастера покрывали прозрачным или красным лаком.

На Сахалине получили распространение подносы *сикари-нисось* — круглые (*сикари* — круглый) и *нисось* — овальные, четырехугольные или шестиугольные. В отличие от хоккайдских аналогов, края у них выделялись незначительно, лишь слегка приподнимаясь вверх, на дне же вырезался небольшой поддон круглой или квадратной формы (рис. 52) [Muraki 2004: 76]. Отличало *нисось* и то, что по бокам часто делались ручки — фигурные или в форме углов (у шестиугольных подносов), иногда с отверстием для подвешивания (рис. 53). Встречаются овальные и подпрямоугольные *нисось* без ручек.

Рис. 52. Цельнорезной деревянный поднос айнов Сахалина *сикари-нисось*. МАЭ РАН (№ 700-226). Источник: [Айнские коллекции 1998: 57]

Рис. 53. Цельнорезной деревянный поднос айнов Сахалина *нисось*. РЭМ (№ 2812-28)

При декорировании сосудов айны Сахалина нередко использовали ленточный орнамент и цветочные мотивы. Более того, богатую резьбу часто дополняла инкрустация бисером [Karafuto ainu minzokushi 2004: 34; Muraki 2004: 77]. Стоит отметить, что многие из сохранившихся старых подносов имеют характерный черный цвет и покрыты копотью. Дело в том, что у айнов категорически запрещалось мыть атрибуты медвежьего праздника — их только протирали мягкими деревянными стружками [Прокофьев 2005: 8].

В Государственном этнологическом музее Осака хранится несколько редких подносов курильских айнов. Среди них — прямоугольный поднос со скошенными углами и высоко приподнятым бортиком, украшенный треугольными резными насечками, которые опоясывают бортик по верхнему краю и покрывают дно. На дне насечки образуют пять кругов: один — в центре, остальные — по углам. Боковые круги соединяют с центральным короткие звенья. Еще один представленный там поднос — квадратный, со скругленными углами — также украшен резными насечками, расположенными поверх бортика и изнутри, где они образуют диагональный крест в сочетании с прямым крестом. Последний состоит из резных линий. В свободных полях помещены знаки, напоминающие цифру «6». Орнамент из насечек, аналогичный описанному, не встречается ни на Хоккайдо, ни на Сахалине.

Сахалинские айны пользовались не только подносами, но и кухонными досками овальной или подпрямоугольной формы, которые назывались так же, как и подносы у айнов Хоккайдо, — *ута*. Они напоминали *нисось* без боковых ручек и служили для разделки рыбы (рис. 54). Продольные боковые стороны таких досок были приподняты, имели дно, уплощенное и слегка вогнутое к центру. Некоторые доски снабжались отверстием для подвешивания. На Сахалине и Хоккайдо у айнов также получили распространение

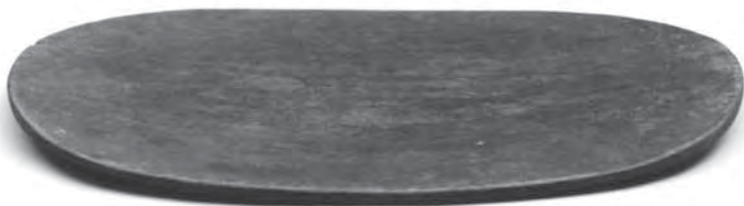

Рис. 54. Кухонная доска айнов Сахалина *ута*. РЭМ (№ 4926-48)

доски, комбинированные с мисками, — *мэноко-нима* или *мэноко-ита* (рис. 55). Эти предметы могли оформляться фигурным вырезом и резным орнаментом [Кауано 2002: 430; Muraki 2004: 77].

Наряду с цельнорезной деревянной утварью у айнов бытовали оригинальные составные изделия, например четырехугольные подносы, обшитые по краям планками, внешне напоминающие крышки ящиков и японские столики *о-дзэн*. Днище изготавливалось из одной-двух досок, бортики соединялись с днищем деревянными гвоздиками (рис. 56). Такие подносы на Хоккайдо назывались *оттикэ* или *очикэ*, а на Сахалине — *очки* (как и японские низкие

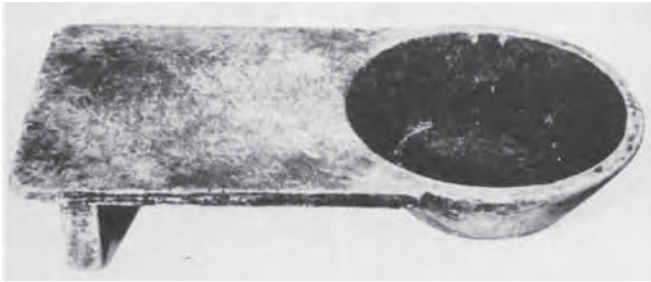

Рис. 55. Кухонная доска айнов Хоккайдо, комбинированная с миской *мэноко-ита*. Собрание Кодама Мари. Источник: [Ainubunkaten 1972: 23]

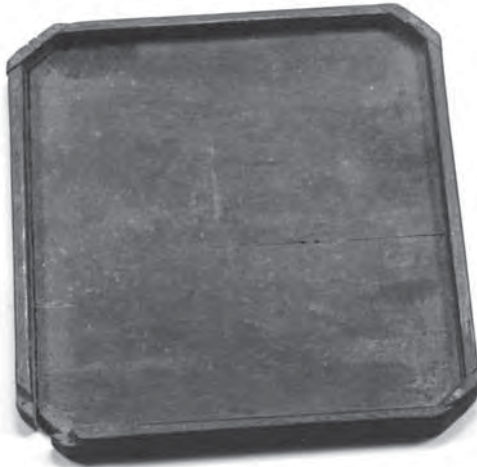

Рис. 56. Поднос с надставными бортиками айнов Сахалина *очки*. РЭМ (№ 4926-80)

Рис. 57. Поднос из травы айнов Хоккайдо *руса*.
Источник: [Ainubunkaten 1972: 17]

столики) [Прокофьев 2005: 26; Nishizuru 1942: 51]. В среде айнов Сахалина *очки* служили для раскладки медвежьего мяса на ритуальном празднике. По наблюдениям Б. О. Пилсудского, на каждый поднос клали кусок с костью, одно ребро, несколько мелко нарезанных кусков мягкого мяса и немного жира [Пилсудский 1914: 136]. Видимо, таким же образом поступали и айны Хоккайдо. Иногда аналогичные подносы делались не из дерева, а плелись из стеблей рогоза. Их называли *руса* (рис. 57).

В набор кухонной утвари и столовой посуды входили такие предметы, как поварешки, ложки, вилки, лопаточки и палочки.

Поварешки у айнов Сахалина были известны под названием *касю*, *касюв*, *касюх* или *касюп*. Их вырезали из тополя, березы, яблони, длиной около 60 см. Черпаки у *касюв* имели округлую форму, а ручки — небольшой изгиб. Они могли оканчиваться утолщением, фигурным вырезом или отверстием (через отверстие иногда продевались подвески). Во время варки мяса и рыбы поварешками перемешивали варево и по мере необходимости вынимали готовую пищу из котла³ [Добротворский 1875: 123]. Судя по описям айнских коллекций Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого

³ Во время медвежьего праздника Б. О. Пилсудский наблюдал, как «ложками» *касюв* с длинными, украшенными плоской и горельефной резьбой ручками, айны извлекали из котлов куски мяса убитого медведя.

Рис. 58. Поварешка айнов Сахалина *поро-касюв*.
МАЭ РАН (№ 700-12/3). Источник: [Айнские коллекции 1998: 14]

РАН, при помощи *касюв* иногда раскладывали по тарелкам рис и разливали супы [Прокофьев 2005: 44; Таксами 1969: 355].

Очевидно, слово *касюв* у айнов Сахалина было собирательным и могло указывать не только на поварешки, но и на ложки. Например, когда к слову *касюв* прибавлялась частица *пон* (маленький), то получалось слово *пон-касюв*, обозначавшее столовые ложки [Добро-творский 1875: 123]. Когда говорили *поро-касюв* (*поро* — большой), то имели в виду именно поварешки (рис. 58).

В Российском этнографическом музее хранятся суповые ковши с длинными ручками и округлыми или слегка вытянутыми черпаками, которые числятся под названием *охабки* (были доставлены с Сахалина из селения Б. Такоэ). По форме они идентичны *касюв* (за исключением некоторых изделий, напоминающих ложки). Кроме этого, у М. М. Добро-творского есть упоминания о *соромпе* — больших деревянных уполовниках, также напоминающих *касюв* [Добро-творский 1875: 308; Ябунака 2007: 106; Karafuto ainu minzokushi 2004: 38]. Все это свидетельствует о том, что в зависимости от диалекта названия одних и тех же предметов могли отличаться.

Айны Хоккайдо поварешки в общем называли *касуп* или *кашуп* (рис. 59, 60). Эти названия, так же как и у айнов Сахалина, являлись собирательными — добавляя к слову *касуп* те или иные частицы, получали слова для обозначения разных поварешек, а также ложек. Длина поварешек колебалась от 35 до 60 см.

Некоторые *касуп* хоккайдские айны различали по назначению. Суповые поварешки именовали *рур-касуп*, поварешки для зачерпывания и размешивания рисовой массы при варке сакэ — *сакэ-касуп*, а поварешки для каши — *саё-касуп* (рис. 61) [Kayano 2002: 473, 252]. Отличить их по форме очень сложно. Черпаки могли быть круглые, округлые, чуть зауженные к концу и напоминавшие форму листа. Рукоять — в виде прямой или слегка изогнутой планки, нередко с характерным выступом на конце, которым поварешку

Рис. 59. Поварешка айнов Хоккайдо *касуп* из памятника Биби 8 второй половины XVII — середины XVIII в. Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо.
Источник: [Morioka 2001: 135]

Рис. 60. Поварешка айнов Хоккайдо *касуп*. РЭМ (№ 4926-31)

Рис. 61. Поварешки айнов Хоккайдо *саё-касуп* (слева) и *руп-касуп* (справа).
Муниципальный музей г. Хакодате (№ 591, 592).
Источник: [Baba, Kodama 2000: 90]

цепляли за край сосуда *синтоко*, где варили сакэ, или подвешивали на деревянную конструкцию с крюком, располагавшуюся над очагом [Munro 1963: 10]. Аналогичные изделия бытовали на Курилах. Они представлены в коллекциях МАЭ РАН и Государственного этнологического музея Осака.

Ложки получили распространение в среде айнов ввиду традиционной диеты, включавшей супы и каши. На Сахалине и Хоккайдо их собирательно называли *нера* (*нэра*). Как правило, *нера* делали слабоуглубленными, овальной, листовидной или фигурной формы, а рукоятки — изогнутыми, с орнаментом. Сахалинские изделия от хоккайдских отличали более удлинённые очертания и более богатый резной декор. В зависимости от размера черпака, ложки делились на *поро-нера* (*поро* — большой), достигавшие длины 35–38 см, и *пом-нера* (*пон* — маленький) длиной около 25–30 см (рис. 62, 63). Ими иногда пользовались как поварешками — для разливания супов, вытаскивания из котлов рыбы и т.п. [Латышев, Прокофьев 1988: 17, 46]. Набор ложек, подобных описанным *нера*, есть в Российском этнографическом музее. В описи они значатся как *пира* (вариант *нера*).

Скорее всего, изделия типа *нера* также назывались *сорумпе* (по М. М. Добротворскому, это «плоский черпак для вытаскивания рыбы из котла; остроконечная ложка для мешания пищи в котлах»),

Рис. 62. Ложка айнов Сахалина *пом-нера*. МАЭ РАН (№ 700-8).
Источник: [Айнские коллекции 1998: 13]

Рис. 63. Ложка айнов Сахалина *поро-нера*. МАЭ РАН (№ 700-9)

созорумпи и *имехне* (рис. 64) [Добротворский 1875: 308; Ябунака 2007: 106]. Примечательно, что черпаки многих ложек *имехне* из коллекций Российского этнографического музея имеют форму стилизованной раковины [Roshia minzokugakuhakubutsukan 2005: 67]. Более того, в коллекциях других музеев сохранились ложки с черпаками из раковины моллюска, которые выглядят весьма архаично (рис. 65).

Пера с плоскими черпаками сахалинские айны иногда называли *цейбе-пера* (рис. 66). Как считает В. Д. Косарев, слово *цейбе* дословно означает «вещь еды-рыбы» (*цеп* + *и* + *нэ*). Понятие «рыба» у айнов связывалось с едой вообще. Использовались *цейбе-пера* как для размешивания пищи, так и для еды «густых» блюд.

Рис. 64. Ложки айнов Сахалина *имехне*. Государственный этнологический музей Осака (№ К-0002465, К-0002477).

Источник: [Chishima, Karafuto, Hokkaido 2011: 142]

Рис. 65. Ложка, изготовленная из раковины. Собрание Кодама Мари.

Источник: [Ainubunkaten 1973: 21]

Рис. 66. Ложка айнов Сахалина *цейбе-пера* (*це-эйбе-пэра*).

МАЭ РАН (№ 700-10)

У курильских айнов также были в ходу *пера* разных видов. Об этом можно судить по коллекциям Государственного этнологического музея Осака и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, где хранятся ложки с округлыми и листовидными черпаками, слабоуглубленными и плоскими. Некоторые изделия аналогичны сахалинским, у других форма иная. Например, есть ложка с плоским черпаком, напоминающим наконечник стрелы, а также с трапециевидным плоским черпаком и декоративной пластиной на конце рукояти. Описанные предметы можно сравнить с соответствующими изделиями народов Нижнего Амура — нивхов, орочей, негидальцев, ульчей и др. [Смоляк 1966: 98; Шренк 1899: 136]. Айнские *имехне*, в частности, мало отличались от нивхских *митр* (*мытыр*). Данный факт дает повод говорить если не о заимствовании, то, по крайней мере, о близком родстве [Латышев, Прокофьев 2006: 50, 51; Kohara 1999: 206; Roshia minzokugakuhakubutsukan 2005: 79, 80].

Отличие кухонно-столового инструментария у айнов Сахалина и туземцев Хоккайдо состояло в том, что, кроме ложек, они традиционно пользовались вилками — малыми (дву- или трехзубыми), называвшимися *кито-энись*, и большими (четырёх- или шестизубыми) — *кито-сукэнись* (рис. 67) [Доброворский 1875: 138; Латышев, Прокофьев 1988: 42]. Их делали из того же материала, что и ложки. Если большие вилки айны использовали для помешивания в котле стеблей черемши, которой приправляли рыбную и мясную пищу, и для того, чтобы доставать их оттуда, то более мелкие — для еды [Доброворский 1875: 138; Латышев, Прокофьев 1988: 42; Таксами 1969: 361].

Рис. 67. Вилка айнов Сахалина *кито-энись*. МАЭ РАН (№ 829-365)

Хранили ложки и вилки в специальных деревянных футлярах, различавшихся формой. Так, у сахалинских айнов получили распространение орнаментированные плоские коробки *этинопэ* или *эти-пойнэ* (для ложек) и пеналы с крышкой *сяка-оп* или *сако* (для вилок) (рис. 68, 69). Кроме этого, в створках футляров для курительных трубок, называвшихся *сахка-о*, держали палочки — айны, как и японцы, ели, пользуясь палочками [Добротворский 1875: 74].

Палочки для еды были четырехугольные в сечении, деревянные, с заостренными концами (из тиса, тутового дерева, ореха) или костяные, называвшиеся на Хоккайдо *инэ-насуй* (*инэ* — есть, кушать, *насуй* — палочки), а на Сахалине — *сахка*. Кроме них, на Хоккайдо распространились так называемые *пара-насуй* (*нэра-насуй* *нэра*, *хэра*), деревянные (из гортензии, багряника японского, ореха), оканчивающиеся лопаточкой. У *инэ-насуй*, в отличие от японских *хаси*, в большинстве случаев были миниатюрные подвески и несложный резной декор. А среди *пара-насуй* встречались палочки, плавно расширяющиеся от одного конца к другому, а также изделия с четко выделенным «черпаком» и тонкой ручкой

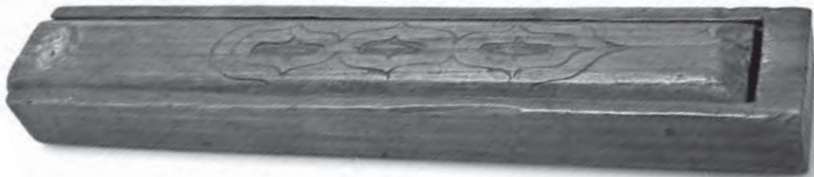

Рис. 68. Футляр айнов Сахалина для хранения вилок *сяка-оп*.
МАЭ РАН (№ 700-19)

Рис. 69. Футляр айнов Сахалина для хранения ложек *этинопэ*.
Источник: [Nishizuru 1942: 1]

(рис. 70, 71). И те и другие орнаментировались. Палочками *пара-пасуй* ели, как правило, старики и дети, но когда на стол подавались студни или кисели — все члены семьи [Арутюнов, Щебенков 1992: 169].

Рис. 70. Лопаточки айнов Хоккайдо *пара-пасуй* из памятника Юканбоси С15 XI—XIII вв. (вверху) и Биби 8 второй половины XVII — середины XVIII в. (внизу). Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Источник: [Morioka 2001: 145, 151]

Рис. 71. Разновидности лопаточек айнов Хоккайдо *пара-пасуй*. Собрание Кодама Мари; Аудитория антропологии отдела естественных наук Токийского государственного университета. Источник: [Ainubunkaten 1973: 15, 20]

В кухонном обиходе айнов, кроме ложек, вилок и палочек, важное место отводилось лопаточкам *ситонэра* и *эципе* (*эципех*, *цеибеп*). *Ситонэра* изготавливали из клена мелколистного или магнолии, придавая характерную веслообразную форму с прямоугольным или трапециевидным «черпаком» и ручкой, оканчивавшейся кольцом или выступом с отверстием (рис. 72, 73). На «черпаке» делали два-три прорезных отверстия, расположенных в ряд. Если отверстий не было, свободное поле заполняли резным орнаментом. В основном такими лопаточками пользовались айны Хоккайдо, например, для вылавливания из котла клецек и их нарезки [Kohara 1999: 205]. Лопаточки же *эципе* (*эципех*) или *цеибеп* бытовали на Сахалине и представляли собой узкие пластинки из березы, багряника японского или ореха, плавно расширявшиеся к «черпаку» (рис. 74) [Прокофьев 2005: 36, 91]. Ручки оканчивались фигурным навершием, где, как правило, помещались знаки собственности *итокна*. На некоторых изделиях в верхней части просверливалось отверстие для подвешивания и наносился несложный орнамент. Лопаточками *эципе*

Рис. 72. Лопаточка айнов Хоккайдо *ситонэра* из памятника Биби 8 эпохи Сацумон — второй половины XVII в. Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Источник: [Morioka 2001: 135]

Рис. 73. Лопаточка айнов Хоккайдо *ситонэра*. РЭМ (№ 5102-56)

Рис. 74. Лопаточки айнов Сахалина *цеибеп*. РЭМ (№ 2812-75)

Рис. 75. Ларец айнов Хоккайдо *сувоп*. МАЭ РАН (№ 839-20).
Источник: [Айнские коллекции 1998: 33]

Рис. 76. Ларец-подголовник айнов Хоккайдо *сувоп*. Муниципальный музей
г. Хакодатэ. Источник: [Ainubunkaten 1973: 23]

айны ели густую кашеобразную пищу⁴ [Добротворский 1875: 287; Ainubunkaten 1972: 16; Nishizuru 1942: 49].

Быт айнов дополняли ящики или сундуки для хранения ценных вещей (ножей *макири*, украшений и пр.). В общем они назывались *сувоп*, *икор-о-сувоп* (*икор* — сокровище), *суоп* или *супох*, на Сахалине также встречалось название *сомпану*. Их делали из сосны, багряника японского и других пород дерева, как правило, с крышкой наверху. С лицевой стороны украшали богатым резным орнаментом. Элементы айнского декора нередко сочетались с японскими мотивами (рис. 75). Были у айнов и выдвигаемые конструкции, напоминающие спичечный коробок, а также сундуки с крышками, оформленными двумя выступами по краям, — иногда ими пользовались как подголовниками (рис. 76).

⁴ Разновидностью *эцине* были зауженные в центре пластинки с прямоугольными «черпаком» и ручкой [Латышев, Прокофьев 1988: 44]. Но такие изделия туземцы изготовляли нечасто.

Как уже отмечалось, айны высоко ценили разного рода лакированную посуду японского производства. Хотя и на Хоккайдо, и на Сахалине произрастало лаковое дерево (айнск. *усси-ни*), но айны не владели технологией добычи лакового сока и изготовления лака (яп. *урусси*, айнск. *усси*). Правда, среди самодельной утвари айнов встречаются лакированные предметы (так называемая «псевдолаковая» посуда), но, без сомнения, их покрывали лаком японские мастера [Sasaki 1995: 61].

Распространение у айнов лаковой продукции имело в значительной мере культовый характер, будучи связано с изготовлением и ритуальным распитием сакэ. Ассортимент соответствующих изделий включал бочонки, чашки, черпаки, подставки, столики и коробки [Munro 1963: 60, 61; Sasaki Toshikazu 2001: 144, 156]. Ритуальная утварь должна быть красивой, отличаться от повседневной, поэтому японские изделия завоевали всеобщее признание у туземцев [Sasaki Toshikazu 2001: 156].

Наибольшей популярностью пользовались бочонки на ножках (яп. *хокай*). На айнском языке они назывались *синтоко* (*синдого*) или *кэма-ус-синтоко*, что дословно означает «лакированный сосуд с ножками» (рис. 77). По праздникам в них держали сакральные на-

Рис. 77. Сосуд с ножками и крышкой айнов Хоккайдо *синтоко*. Муниципальный музей г. Хакодатэ (№ 919). Источник: [Baba, Kodama 2000: 99]

питки, а в повседневной жизни хранили крупы, рис, бобы и прочие пищевые продукты [Matsuura 1981: 203; Munro 1963: 60].

Изготавливали *синтоко* из древесины криптомерии. Поверхность тулова (круглого, квадратного или многоугольного) нередко делалась ребристой за счет накладных деревянных ободков и покрывалась лаком. Ножки, которых могло быть три или четыре, декорировались накладными металлическими пластинками с рельефным орнаментом, тулово и крышка украшались гербами [Sasaki Kaoru 2001: 134]. К числу наиболее распространенных японских гербов можно отнести эмблему в виде трех запятых, наносившуюся красной краской.

Названия бочонков *синтоко* иногда различались в зависимости от назначения предмета и его внешнего вида. Так, изделия с особо богатым декором хоккайдские айны называли *капар-пэ-синтоко*. Сосуды большой вместимости для варки сакэ у айнов Хоккайдо и Сахалина именовались *сакэ-кор-синтоко* или *сакэ-кар-синтоко*, а бочонки, опоясанные стружками (во время приготовления сакэ), — *инау-кор-синтоко* [Sasaki Toshiyazu 2001: 151]. Особо выделялись лакированные *синтоко*, выполненные в технике *магэмоно* (из гнутой щепы) (рис. 78). Айны Хоккайдо называли их *маса-синтоко* или *ватти-рэвэп*, тогда как айны Сахалина — *пон-синтоко* (*пон* — маленький) или *уок-кай*. В них держали не только пищевые продукты, но и лакированные чашки [Прокофьев 2005: 54; Baba, Kodama 2000: 39; Kayano 2002: 481; Nishizuru 1942: 51].

Рис. 78. Сосуд из гнутой щепы айнов Хоккайдо *маса-синтоко*. РЭМ (№ 2813-33а, б)

У некоторых *синтоко* на тулове в верхней и нижней частях были обхватывающие пояски, поэтому их называли *кут-о-синтоко* (*кут* — пояс) (рис. 79) [Кауано 2002: 216]. Поясками снабжались и кадки, собранные из дощечек (яп. *тару*): у айнов Хоккайдо — *онтаро*, а у айнов Сахалина — *онтаро* или *онтара*. Они могли дополняться крышками и покрываться лаком (рис. 80). Известно, что лакированные кадки нередко служили емкостью для сакэ и в этом случае назывались обобщенно *сакэ-кар-синтоко* — *синтоко* для сакэ [Baba, Kodama 2000: 39].

Рис. 79. Сосуд с обхватывающими поясками айнов Хоккайдо *кут-о-синтоко*. Источник: [Кауано 2002: 216]

Рис. 80. Лакированная кадка с крышкой айнов Хоккайдо *онтаро*. РЭМ (№ 2813-29а, б)

Отметим, что айны называли *синтоко* не только бочонки, но и составные лакированные емкости для пищи в виде нескольких корбков с крышкой и специальной подставкой, цилиндрические или в форме многоугольника (яп. *дзикиро*:) (рис. 81) [Кауано 2002: 197]. Как и в случае с бочковидными сосудами, если у таких предметов был богатый декор с золотым напылением, то название менялось на *капар-нэ-синтоко* [Ibid.]. Кроме того, в коллекциях Российского этнографического музея хранится необычный по форме деревянный сосуд с зауженным горлышком, покрытый черным лаком, украшенный растительным орнаментом и с гербом в виде трех запятых. Экспонат был приобретен у айнов Хоккайдо в селении Биратори. Его этническое название и назначение неизвестны [Российский этнографический 2007: 337]. Рисунок подобного изделия без лакового покрытия, но с резным орнаментом встречается в одной из работ Ф. Ф. Зибольда [200 JAHRE 1996: 142]. Оба сосуда в точности повторяют форму керамических ваз. Скорее всего, деревянные предметы японцы изготовили специально для айнов, а те использовали их для хранения пищевых продуктов или сакэ.

Рис. 81. *Синтоко* в виде составной коробки. Музей народа айну (№ 60668).
Источник: [Baba, Kodama 2000: 24]

Среди столовой утвари малых размеров широкое применение имели деревянные чашки *итанки*. К ним относились японские суповые пиалы (яп. *сиру-ван*), нередко с крышками, и чашки для сакэ (яп. *сакадзуки*) (рис. 82). Крышки к чашкам на Сахалине назывались *укусибэ*, а на Хоккайдо — *пута* (напоминает японское слово *фута* с тем же значением) [Кауано 2002: 389; Nishizuru 1942: 53]. *Итанки* отличались широким применением: из них пили сакэ (как и из их крышек), ели супы и каши. Например, после мясного или рыбного бульона айны ели кашу из *итанки* [Пилсудский 1914: 137].

Удивительно то, насколько высоко айны ценили чашки. По данным Б. О. Пилсудского, у всей японской посуды (включая чашки) в айнских семьях была своя «родословная», которую айны хорошо знали и передавали друг другу [Там же: 72]. Более того, без лакированных чашек не обходилось никакое праздничное застолье. Если во время медвежьего праздника чашек для гостей не хватало, их занимали у соседей (даже собирали со всех домов села). Каждый хозяин при этом помечал свои вещи зарубками на дне с лицевой стороны, чтобы потом было легче разобраться и избежать недоразумений [Там же]. На чашки иногда помещали знаки предков *синэитокпа* [Utawawa 1992: 238].

Рис. 82. Чашка *итанки*. МАЭ РАН (№ 829-526).
Источник: [Айнские коллекции 1998: 76]

Рис. 83. Старинная чашка айнов Хоккайдо *хуско-итанки*. «Эдзосима кикан», Хата Авакимару (1799–1800). Университет Хоккайдо

Из разного рода чашек айны более всего ценили старинные изделия *хидэхира*, которые называли *хуско-итанки*. По сведениям путешественника Хата Авакимару (1760–1808), это были лаковые пиалы большого размера, снаружи черные, изнутри красные, декорированные цветками деревьев хурмы, нарисованными красным лаком (рис. 83) [Sasaki Toshikazu 2001: 157]. Наряду с *хуско-итанки* ценились и такие предметы, как инкрустированная перламутром чашка из коллекций Музея антропологии и этнографии РАН, доставленная с Сахалина, к сожалению, без указания истории происхождения.

Б. О. Пилсудский отмечал, что среди обычных церемониальных *итанки* айны выделяли «мужские» и «женские», различая их по размеру, а также декору. Женские чашки представляли собой изделия красного цвета без рисунков, довольно небольшие; мужские — черного цвета с декором в виде растительного орнамента или японских гербов, более крупных размеров. Во время церемоний вторые помещались на подставки и назывались *туки* [Пилсудский 1914: 73, 97].

Сакэ из бочонков айны разливали всегда лакированными ковшами на длинных ручках (яп. *хисяку*). Обобщенно их называли *писаку* (*писакку*), но были и специальные слова — *иомарэ-писакку* или *иомарэн*. Первый термин означал ковши с длинной ручкой и небольшим черпаком (без носика), второй — с широким черпаком и более короткой ручкой (рис. 84) [Пилсудский 1914: 80; Кауано 2002: 79; Sasaki 1995: 55]. Наряду с бочонками и чашами *писаку* играли в культовых действиях исключительно важную роль.

Церемониал распития священного напитка предусматривал использование не только больших *синтоко*, в которых сакэ изготавливали и хранили, и маленьких *итанки*, из которых его пили, но и сосудов среднего размера — лакированных чаш (на японском языке *тарай* или *нурицубо*, а на айнском — *пацци*, *пацы* (Хоккайдо) или *пахци* (Сахалин)). Они были деревянные, лакированные, с цветочным и гербовым орнаментом из золотого напыления *маки-э* или рисунка, выполненного коричневой и красной красками. Японское слово *тарай* происходит от *тэраи*, что означает «мыть руки». В древности японцы набирали в *тарай* горячую воду, которую использовали для мытья рук, ног, головы [Daijisen 1995: 1674]. Айны такие сосуды приспособили для сакэ. По праздникам женщины наполняли их ковшом из бочонков *синтоко* и затем ковшами же разливали напиток гостям по маленьким чашкам. Нередко чаши попадали к айнам в комплекте с крышками в виде тарелок (айнск. *пута*). Эти комплекты назвались *пута-ун-пацци* или *эпутакам* (рис. 85) [Кауано 2002: 389; Tanaka 1992: 12, 36].

Рис. 84. Ковш айнов
Хоккайдо *писакку*.
Источник: [Кауано 2002: 79]

Рис. 85. Чаша с крышкой айнов
Хоккайдо *пута-ун-пацци*.
РЭМ (№ 2816-104а, б)

Среди *тарай* встречались чаши с двумя парами длинных ручек по бокам (яп. *цунодарай*) — *кирау-усь-пацци*, а также чаши с двумя ручками-ушками (яп. *миמידарай*) — *токомусь-пацци* или *кисарусь-пацци* (рис. 86, 87). Первые распространились в Японии с эпохи Хэйан, а вторые — с периода Эдо. Главным образом они служили для мытья рук и полоскания рта, в том числе во время церемонии чернения зубов (рис. 88). У айнов обе разновидности вошли в обиход в XVII–XIX вв. как емкости для сакэ.

Рис. 86. Чаша айнов Хоккайдо с двумя ручками-ушками *токомусь-пацци*.
Музей народа айну (№ 60682).
Источник: [Baba, Kodama 2000: 41]

Рис. 87. Чаша айнов Сахалина с четырьмя ручками *кирау-усь-пацци*.
РЭМ (№ 2816-109)

Рис. 88. Сосуды *цунодарай* и *хандзо*: в быту у японцев.
Источник: [Nihonshi jiten 1999: 784]

Иногда виночерпии разливали сакэ особыми чашами с носиком (яп. *катакути*): на Хоккайдо — *эунуп*, а на Сахалине — *эуно*, *эумо* или *эу-ноти* (рис. 89). Ковшом их наполняли из *синтоко*, после чего подносили напиток гостям. Кроме *эунуп*, в ходу была группа сосудов с носиками, известных под общим названием *эиусь* (в словах *эунуп* и *эиусь* компонент *эиу* (*этю*) или *эу* означает «нос»). В японской культуре все эти разновидности использовались для наливания сакэ или горячей воды, а в айнской — исключительно сакэ [Daijisen 1995: 2219]. Перечислим основные разновидности *эиусь*. Во-первых, к ним относились лакированные емкости с цилиндрическим туловом, крышкой, боковой петлеобразной ручкой (яп. *юто*); во-вторых, изделия с цилиндрическим туловом и ручкой-дужкой наверху (яп. *хисагэ*), в-третьих, сосуды со сферическим или чашеобразным туловом и крышкой (яп. *хандзо*); в-четвертых, сосуды с цилиндрическим туловом, крышкой, боковой ручкой в виде длинного хвата, ковши с длинным хватом, а также чайнички с крышкой и ручкой-дужкой, похожие на *хисагэ* (яп. *тё:си*) (рис. 90, 91). Изображение *тё:си*, в частности, можно увидеть на одной из иллюстраций сочине-

Рис. 89. Чаша с носиком айнов Хоккайдо *эунуп*. РЭМ (№ 8761-10216). Источник: [Российский этнографический 2007: 337]

Рис. 90. Сосуд айнов Хоккайдо *хандзо*. Источник: [Кауано 2002: 141]

Рис. 91. Сосуд айнов Сахалина *хисагэ*. РЭМ (№ 4926-92а, б)

Рис. 92. Сосуд айнов Хоккайдо *të:cu*. Фрагмент иллюстрации с интерьером жилища. «Эдзосима кикан», Хата Авакимару (1799–1800). Университет Хоккайдо

ния Хата Авакимару «Эдзосима кикан» (1799–1800) (рис. 92) [Ainu-no shiki 1999: 93; Kayano 2002: 141; Sasaki Kaoru 2001: 134].

В набор деревянной импортной утвари айнов, кроме вышеперечисленных изделий, входили также такие предметы, как палочки для еды, ложки, столики и коробки. Все они тоже очень ценились. Японскими палочками (яп. *хаси*, айнск. *инэпасуй*) айны пользовались так же, как собственными, а ложками (яп. *мэсидзякуси*) раскладывали рис и другие блюда. Ложки по японской традиции были без орнамента, с широким плоским округлым черпаком. В собрании Музея антропологии и этнографии хранится такая ложка, приобретенная у айнов западного побережья Сахалина. По описи она числится как *пито-сакуси*. Похожие ложки можно увидеть на картинах айну-э, например в одной из работ художника Хирасава Бёдзан.

Низкие японские обеденные столики (яп. *о-дзэн*) айны называли на манер самодельных подносов с надставными бортиками — *оттикэ*, *очикэ* или *очики* (рис. 93). Как правило, их доставали в торжественных случаях, при приеме гостей или церемониальном питье сакэ. Во время трапезы в семейном кругу посуду ставили на пол, застеленный циновками.

Рис. 93. Столик айнов Хоккайдо *очикэ*. РЭМ (№ 8761-10217).
Источник: [Российский этнографический 2007: 213]

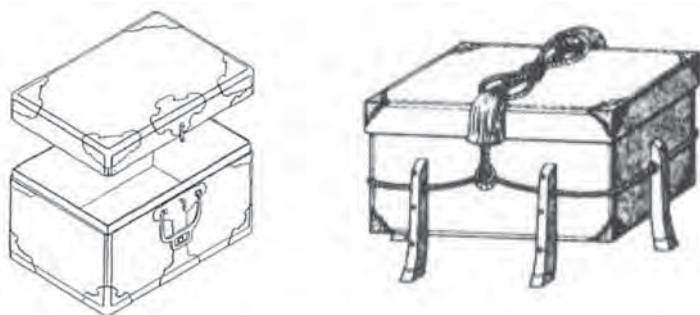

Рис. 94. Ларцы японского производства *каравто* (слева) и *поро-каравто* (справа). Источник: [Кауано 2002: 201; Nihonshi jiten 1999: 253]

Что касается ящиков, то к айнам от японцев попадали большие лакированные сундуки для хранения одежды, шлемов и панцирей (айнск. *поро-каравто*). В них хранили одежду, шелковые ткани, украшения и прочие традиционные ценности. У японцев туземцы также приобретали небольшие переносные лари без ножек, с висящими ручками по краям (яп. *ниинакарабицу*), известные как *каравто* и служившие в основном для хранения одежды (рис. 94) [Daijisen 1995: 566; Кауано 2002: 201]. Особенно красивые лакированные ларцы японского производства айны нередко называли собирательным словом *икор-о-сувон*, что дословно можно перевести как «ящичек для хранения сокровищ» [Арутюнов, Щебеньков 1992: 85]. В языке сахалинских айнов зафиксировано и название *кори* [Добротворский 1875: 144].

Конечно, на Сахалин попадала и русская домашняя утварь. Русские ящики с крышками или сундуки были известны среди местных айнов под названием *сипох* [Там же: 296]. Однако количество товаров, завозимых из России, как и из Китая, значительно уступало потоку изделий из Японии. В этом отношении влияние японцев на айновское население было несравнимо значительнее.

§ 3. Металл

Среди металлических изделий наиболее широкое применение у айнов получили японские котелки — железные, медные, чугунные. На Хоккайдо и Сахалине их называли *су*. Существовали и более конкретные названия, обусловленные размерами котелков: *поро-су* (большие котелки), *хайканну-су* (котелки средней величины) и *пон-су* (маленькие котелки) [Кауано 2002: 418, 568]. К некоторым из них прилагались деревянные крышки.

Металлические котелки вошли в обиход айнов примерно в XII–XIII вв. В самом начале распространение получили изделия с ушками внутри (бытовали в айновской культуре приблизительно до XVII в.), а с XIV в. — железные котелки с ушками, выведенными наружу, иногда с небольшими ножками (рис. 95).

Рис. 95. Железный котелок айнов Хоккайдо *су*.
Музей народа айну (№ 11867). Источник: [Baba, Kodama 2000: 25]

Рис. 96. Приготовление пищи в котелках. Хирасава Бёдзан
(середина XIX в.). МАЭ РАН (№ 5794-2)

В котелках айны готовили различного рода пищу, при проведении медвежьего праздника, например, варили мясо медведя (рис. 96) [Прокофьев 2005: 7]. В Российском этнографическом музее хранится котелок, в котором, согласно описи, хоккайдские айны вытапливали рыбий жир. Он снабжен тремя ножками, ушками для ручки, выведенными над котелком, и носиком [Ябунака 2007: 106]. Такие изделия с носиками встречались в айнской культуре довольно редко.

По данным Л. Шренка, нивхи и нижнеамурские народы широко пользовались не японскими, а китайскими котлами [Шренк 1899: 135]. Китайская продукция на Сахалине попадала и к айнам, но встречалась она реже японской.

Айны держали в хозяйстве и японские чайники, называвшиеся *танькама* [Добротворский 1875: 358]. Несколько таких изделий хранится в коллекциях Государственного этнологического музея Осака. В Сахалинском областном краеведческом музее также представлен ковш для воды [Прокофьев 2005: 53]. Судя по тому, что на этом ковше просматриваются следы нагара, в нем могли готовить пищу [Там же]. Кроме всего прочего, из жести от банок айны Хоккайдо изготавливали терки и своеобразные сковородки с отверстиями, применявшиеся для поджаривания бобов Их можно увидеть в собраниях Российского этнографического музея [Ябунака 2007: 106].

В целом же импортной металлической утвари у айнов было значительно меньше, чем деревянной, однако ее значимость нельзя недооценивать, ведь именно распространение металлических котелков некогда способствовало отказу обитателей Хоккайдо от масового производства керамики и переходу к использованию других материалов.

§ 4. Кора

В повседневной жизни айнов немаловажную роль играли собственные изделия из древесной коры, прежде всего из бересты. Берестяные сосуды могли изготавливаться на короткое время, например во время ночлега или привала в горах, а также в домашних условиях для постоянного использования.

Навыки производства сосудов из коры издревле существовали у японцев на Хонсю, в районе Тохоку. Однако на айнов местные японские традиции не оказали существенного влияния [Sasaki 1995: 68]. При сравнении же берестяных изделий айнов с таковыми у нивхов, ороков или нанайцев можно увидеть ряд сходств и в форме, и в орнаменте.

Широкое распространение у айнов получили плоские четырехугольные короба, которые на Хоккайдо называли *яр-нима*, а на Сахалине — *татанката* (рис. 97). Их делали из коры березы или сакуры, иногда оплетали верх по периметру ивовым прутьем. В такой

Рис. 97. Сосуд из коры айнов Сахалина *татанката*.
МАЭ РАН (№ 700-242)

таре держали продукты, например сушеную рыбу. Кроме плоских *яр-нима*, не меньшим спросом пользовались коробки с высокими бортами из бересты, коры пихты или других деревьев. В разных местностях они отличались и названиями, и формой. Так, на Хоккайдо преобладали квадратные изделия *яр-итанки*, а на Сахалине — квадратные, прямоугольные и округлые *ханката* или *ханкатах* (рис. 98, 99) [Добротворский 1875: 140; Karafuto ainu 1996: 37; Кауано 2002: 450; Nishizuru 1942: 55]. Впрочем, как считал М. М. Добротворский, слова *ханката* или *хонката* (то же, что и *ханкатах*) у сахалинских айнов могли быть общими названиями для берестяных сосудов в целом [Добротворский 1875: 140].

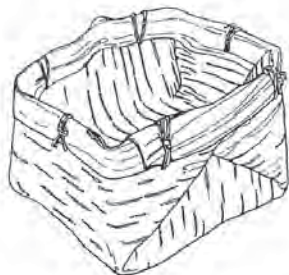

Рис. 98. Сосуд из коры айнов Хоккайдо *яр-итанки*.
Источник: [Кауано 2002: 450]

Рис. 99. Сосуд из коры айнов Сахалина *ханкатах*.
Музей народа айну (№ 62248). Источник: [Baba, Kodama 2000: 89]

Для зачерпывания воды как нельзя лучше подходили ведерки из бересты или коры сакуры: на Хоккайдо — *яр-ни-атуси*, на Сахалине — *ни-атуси*, *сарани* или *сараниси* (рис. 100, 101). Дно у них было деревянным и вставлялось отдельно, сверху крепилась ручка-дужка [Karafuto ainu 1996: 37; Kayano 2002: 450; Nishizuru 1942: 55]. Спросом также пользовались большие берестяные турсуки для воды *че-вакка-та* и ковши с длинными деревянными ручками «для питья и для вычерпывания воды из байдар», у хоккайдских айнов —

Рис. 100. Сосуд из коры айнов Хоккайдо *яр-ни-атуси*.
Источник: [Kayano 2002: 451]

Рис. 101. Сосуд из коры айнов Сахалина *ни-атуси*.
МАЭ РАН (№ 700-22/2, № 829-422)

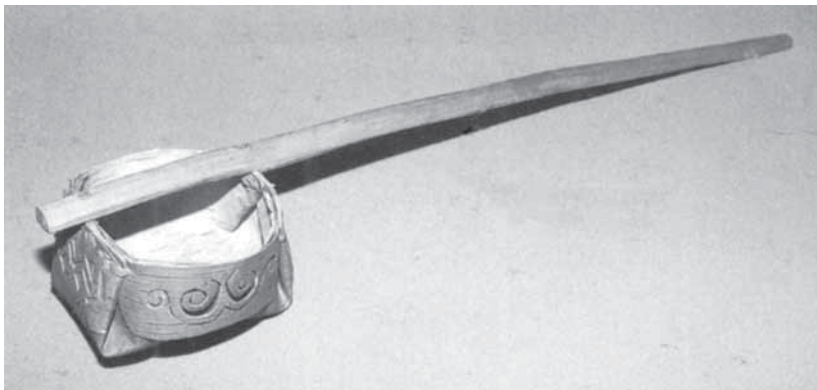

Рис. 102. Ковш айнов Сахалина *каакум*. МАЭ РАН (№ 700-243).
Источник: [Айнские коллекции 1998: 58]

яр-писакку, а у сахалинских — *каакум* или *каккуми* (рис. 102) [Добротворский 1875: 37, 113, 148; Шренк 1899: 135; Nishizuru 1942: 54, 103]. И туруски, и ковши, нередко покрывавшиеся резным орнаментом, напоминали нивхские [Латышев, Прокофьев 2006: 51].

По данным известного японского антрополога Цубои Сёгоро, среди кухонной утвари у айнов встречались сосуды из бересты, обмазанные землей. За неимением в хозяйстве металлических котелков в них можно было варить пищу [Позднеев 1909, т. 1: 32].

§ 5. Прочие материалы

Важное место в кулинарии айнов занимал жир, для хранения и перевозки которого широко использовались желудки, легкие и мочевые пузыри морских животных [Арутюнов, Шебеньков 1992: 184]. На Сахалине, в частности, бытовали сосуды из желудка морского конька *поро-писэ* (*писэ* — желудок) и желудка сивуча — *куфтэ-ре* или *куттыр* [Добротворский 1875: 157; Nishizuru 1942: 55]. Они были разных форм, например в виде бутылочки с горлышком, деревянным дном, крышкой⁵ (рис. 103) [Ябунака 2007: 106].

Сохранились свидетельства о том, что некогда айнам Сахалина суповыми чашками служили створки раковин морского гребешка.

⁵ По наблюдениям Э. Онуки-Тирни, сосуды наполняли жиром при варке мяса. Когда он всплывал на поверхность котла, его вычерпывали и помещали в заранее приготовленную емкость [Онуки-Тирни 1996, № 2: 62].

Рис. 103. Сосуд из желудка сивуча айнов Сахалина *куттыр*. МАЭ РАН (№ 700-28). Источник: [Айнские коллекции 1998: 48]

В отдаленных северных селениях их так ценили, что покупали как посуду [Депрерадович 1877: 52]. Посуду для твердой пищи делали также из листьев подбела японского, магнолии и других растений, о чем свидетельствует рисунок в работе Мацуура Такэсиро «Тэсионисси» (1861), на котором изображена четырехугольная коробка, свернутая из листьев магнолии [Matsuura № С-27 (время составления ксилографа не установлено)]. По форме она напоминает японские коробки *хиратэ*.

Интересные наблюдения в свое время были сделаны Тории Рюдзо. По словам ученого, сахалинские айны использовали выдолбленные пни, чтобы варить мясо и рыбу в воде, нагретой раскаленными камнями. То же самое касалось и курильских айнов: «...передвигаясь с острова на остров для рыбной ловли и охоты, они не могли брать с собой ломкую глиняную посуду и поэтому варили свою пищу в выдолбленных пнях, налитых водой и согретой горячими камнями» [Иохельсон 1930: 377].

В целом относительно материалов для изготовления бытовой утвари можно отметить, что, хотя привозная японская продукция ценилась айнами очень высоко и использовалась повсеместно, она все-таки не смогла полностью вытеснить большинство изделий собственного производства, которые во многом были связаны с материальной культурой народов Сахалина и низовьев Амура.

Одежда

Ткачество и изготовление одежды были у айнов исключительно женской прерогативой. Традиционно одежда включала изделия из шкур наземных и морских животных, перьев птиц, рыбьей кожи, из древесного луба, волокон растений и травы. Украшением служили аппликация и вышивка. Наряду с общепринятыми материалами достаточно рано получили распространение шелковые и хлопчатобумажные изделия японского и китайского производства [Sasaki Toshikazu 2001: 30]. Позже от русских к айнам попала льняная продукция.

Самые ранние письменные свидетельства об айнской одежде приходится на XVI в. Вещи, которые сохранились в Японии и за рубежом, относятся к периоду не ранее XVIII в. [Ainu-no ifukubunka 2001: 6]. Поэтому целостное представление о том, что айны носили в древности, составить трудно. Очевидно лишь то, что на каком-то этапе в ткачестве произошли серьезные изменения. Это было связано с употреблением новых материалов — шелка и хлопчатобумажных тканей. Между тем некоторые изделия из шкур и луба выглядят очень архаично, вероятно, они весьма древние по происхождению.

Общее понятие одежды у айнов передается формантой *ми/ими*. Она входит в названия самых разных типов. Например, *сарамне-ими* значит «шелковый халат» (*сарамне* — шелк), *пирика-ими* — «красивый халат» (*пирика* — красивый) и т.п. [Добротворский 1875: 284; Karafuto ainu 1996: 14; Nishizuru 1942: 75; Sasaki Toshikazu 2001: 71, 194]. Слово *ими* иногда несло и определенную смысловую нагрузку — указывало на халаты японского покроя. Айны Сахалина называли их также *чимись* (*чимись*), в то время как у айнов Хоккайдо похожий термин *чимип*, слова *чими-амбе*, *амипи ми-амбэ* использовались для обозначения одежды в целом [Добротворский 1875: 84, 169, 170, 410; Kayano 2002: 75; Batchelor 1926: 76, 180; Nishizuru 1942: 72].

Отметим также, что айны Хоккайдо изделия из шкур, перьев и рыбьей кожи обозначали словами с частицей *ур* (шкура, кожа): *кап-ур* (одежда из шкур), *чен-ур* (одежда из рыбьей кожи), *пан-ур* (одежда из перьев птиц), орнаментированную продукцию — термин *тикир-нэ* (на хоккайдском диалекте *тикир*, а на сахалинском *тикири* означало «вышивка») [Sasaki Toshikazu 2001: 72]. Остальные названия были более или менее специализированные.

В целом одежда значительно различалась в зависимости от сезона. Если летом айны обходились набедренной повязкой и распашным халатом, подвязанным поясом, то зимой облачались в меховые одеяния.

§ 1. Одежда из шкур животных

С большой долей вероятности можно предположить, что древнейшая айнская одежда представляла собой изделия из шкур животных [Ainu-no ifukubunka 2001: 6]. В зависимости от региона преобладал тот или иной материал.

По данным голландской экспедиции 1643 г., а также по более поздним наблюдениям Мацуура Такэсиро, на Хоккайдо айны носили одежду из шкур медведей и оленей. О покрое ничего не сообщается, но на картинах айну-э кисти Хирасава Бёдзан туземцы изображены в меховых накидках поверх халатов из луба (рис. 104). Видимо, именно так выглядело зимнее облачение хоккайдцев. При этом кусок шкуры мог пришиваться к халату. Утепленные таким образом халаты сохранились до наших дней в музейных коллекциях [Ainu-no ifukubunka 2001: 7; Kodama 1998: 5; Sasaki Toshikazu 2001: 169]. А. Э. Лаксман, посетивший Хоккайдо в конце XVIII в., упоминает также одежду из шкур выдр и лисиц [Анучин 1876: 97]. Сведений же о халатах из шкур морских животных нет.

У айнов Сахалина, живших в более холодном климате, ассор-

Рис. 104. Айн Хоккайдо в накидке из медвежьего меха на охоте. Хирасава Бедзан (середина XIX в.). Библиотека Университета Тэнри (№ 217-9-436707). Источник: [Ainu-no shiki 1999: 70]

тимент теплой одежды был гораздо шире. Кроме шкур медведей, оленей и лисиц, использовались шкуры собак, для оторочки — зайцев, енотовидных собак, енотов, росомах, белок, куниц. Эти одеяния носили в основном мужчины, отдавая предпочтение изделиям из собачьего меха (айнск. *сэта-рус*, *сэта-русь*, *сэта-ур*) и меха медведя (айнск. *исо-рус*) (рис. 105) [Таксами, Косарев 1990: 297; Шренк 1899: 96; Kodama 1999: 25; Roshia minzokugakuhakubutsukan

Рис. 105. Мужская одежда айнов Сахалина из собачьего меха *сэта-рус*. РЭМ (№ 5110-117)

2005: 120]. Не меньшим спросом пользовались шубы из шкур морских животных: тюленей, бобров, котиков и сивучей, но носили их главным образом женщины. Самой дорогой считалась одежда из тюленьих шкур (айнск. *охко*) (рис. 106).

Рис. 106. Женская одежда айнов Сахалина из тюленьей шкуры *охко*.
Источник: [Айнские коллекции 1998: 18, № 700-162]

Не исключено, что некоторые виды теплой одежды, в том числе собачьи шубы, сахалинские айны некогда восприняли от нивхов [Sasaki Toshikazu 2001: 66]. Именно поэтому они часто соответствовали маньчжурскому типу. То же можно сказать и о штанах — в отличие от айнов Хоккайдо, кроме поясной одежды, айны Сахалина (мужчины), подобно нивхам, носили штаны.

В основном шубы были составными, отрезными по талии, с прямым разрезом спереди или неглубоким запахом левой полы на правую (по образцу маньчжурских халатов). Нижняя часть — условно говоря, «юбка» — часто собиралась из вертикальных меховых полос и дополнялась клиньями. Рукава пришивные, снабжались матерчатými обшлагами. В пройме они были широкими, иногда со вставной ластовицей, а к концам зауженными. Воротник мог отсутствовать, вместо него по вороту, левой и правой полочкам шла цельная обтачка. В других случаях у шубы был воротник стойкой, а на полочках пришивались тесемки.

Для шитья айны применяли нити из сухожилий животных или волокон крапивы. Украшали готовые изделия аппликациями из цветных полосок хлопчатобумажной ткани и вышивкой [Ainu-no ifukubunka 2001: 7; Sasaki 1995: 8; Tsuda 2004: 61]. Чаще всего аппликации представляли собой цветной бордюр в сочетании с несложным геометрическим узором.

При изготовлении взрослой и детской одежды подход был избирательным: даже если использовали один и тот же материал, например собачий мех, обращали внимание на его качество — детскую одежду, в отличие от взрослой, шили либо из брюшной части шкуры, либо из шкуры молодого животного [Кодама 2007: 94].

Среди женщин повсеместно получили распространение нагельные рубахи *моур* (рис. 107). Дословно *моур* означало «маленькая одежда». Их изготавливали из шкур оленя, барсука, выдры, нерпы и других животных, из хлопчатобумажных тканей и фланели [Васильев 1914: 10; Добротворский 1875: 34; Шренк 1899: 96; Ainu-no ifukubunka 2001: 10; Sasaki 1995: 30, 44]. Рукава и стан у тканых изделий могли выполняться из различного материала, а ворот — обшиваться дополнительным куском материи. Надевали *моур* через голову. Ту часть, которая оставалась открытой (на груди), застегивали пуговицами или стягивали завязками [Kindaichi 1941: 27].

На Курильских островах айны носили одежду из шкур медведей, оленей, лисиц, собак, нерпы, тюленя и морского бобра. Сохра-

Рис. 107. Женская нательная одежда айнов Хоккайдо из хлопчатобумажной ткани *моур*. РЭМ (№ 2807-26)

нились свидетельства о том, что в шитье детской одежды там отдавали предпочтение собачьим шкурам, а в шитье женской — коже сивуча. Иногда использовались невыделанные шкуры животных [Sasaki Toshikazu 2001: 70, 71].

Все изделия из шкур (а также из перьев, рыбьей кожи и травы) айны считали «второсортными» — их не использовали в качестве парадного одеяния [Ibid.: 44]. Но в повседневной жизни, особенно при холодном климате, меховая одежда была незаменима.

§ 2. Одежда из перьев птиц

Ареал бытования одежды из перьев (айнск. *пан-ур*) охватывал всю территорию расселения айнов, однако наибольшее распространение она получила на Курильских островах (рис. 108, 109, 110). Ее делали из шкурок морских и речных птиц — уток, бакланов, альбатросов, орлов, лебедей, урил, топорков, гагар, глупышей, кайр [Kindaichi 1941: 27; Kodama 1999: 26]. Видимо, птичьи шкурки хорошо защищали от холода, поскольку некоторые айны носили *пан-ур* зимой.

Рис. 108. Айны Хоккайдо в традиционной одежде, исполняющие танец *тапкал*. «Эдзосима кикан», Хата Авакимару (1799–1800).
Университет Хоккайдо

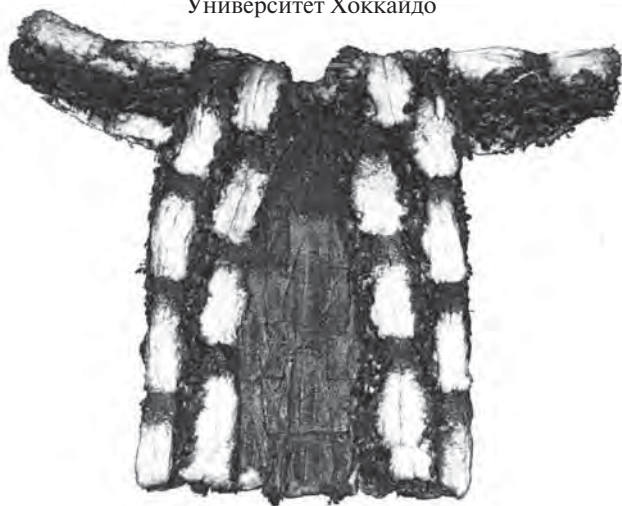

Рис. 109. Одежда айнов Хоккайдо из шкурок птиц *пан-ур*.
Государственный этнологический музей Лейпцига (№ OAs 14006).
Источник: [Kodama 1999: 38]

Рис. 110. Одежда айнов Курил из шкурок птиц *rap-ur*.
Источник: [Тоги 1919: pl. XII]

Ранние сведения о *rap-ur* предков айнов *эмиси* встречаются в средневековых источниках серии «Сётоку-тайси э-дэн». Так, на картине из храма Хонсё-дзи в Андзё (приблизительно XIV в.) изображены десять туземцев, на некоторых из них — одеяние из перьев в виде оплечий и коротких юбок. Предводители «варваров», кроме того, подносят принцу Сётоку перья, прося его о пощаде [Kojima 2009: 101]. Интересно, что нередко на иллюстрациях «Сётоку-тайси э-дэн» XIV в. (из храма Корю-дзи в Киото, Дзёгу-дзи в Ибараки и др.) фиксируются *эмиси* с таким необычным элементом одежды, как пелерина, изготовленная также из перьев. Подобного рода аксессуары издавна бытовали у гавайских племен⁶. Причина, по которой японцы изображали *эмиси* в пелеринах, отсутствовавших как у самих японцев, так и у других соседних народов, остается загад-

⁶ На Гавайских островах вожди во время различных церемоний носили пелерины наряду с плащами и шлемами (также из перьев) [Климова 1984: 166].

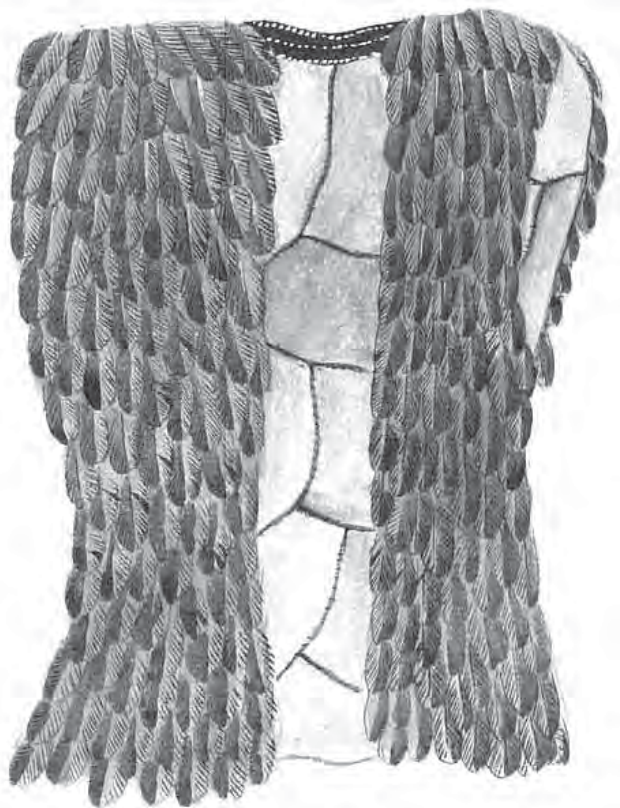

Рис. 111. Одежда айнов Курил из шкурок птиц *pan-ur*. «Эдзо сэйкэй дзусэцу», Хата Авакимару, Мураками Тэйсукэ и Мамия Риндзо (1823).
Токийский государственный университет

кой. Трудно предположить, что их выдумали в качестве одного из показательных элементов представителей «чуждой культуры».

Известно, что *pan-ur* были распашными и нераспашными, в виде безрукавок и с рукавами (рис. 111) [Sasaki Toshikazu 2001: 194]. При этом шкурки могли выворачивать наизнанку. Их сшивали нитями из крапивы, хлопчатобумажной материи или из жил сивуча [Позднеев 1909, т. 1: 95; Ainu ko:geihinten 1999: 38]. По записям С. П. Крашенинникова, айны также часто шили платья не из одного материала, а «из чего получится; редкую курильскую парку увидишь, которая бы не из лоскутья разных зверей и птиц была сделана».

Сохранились подробные сведения о широкой женской рубаше курильцев, надевавшейся через голову перьями внутрь. Она имела разрез спереди (до половины длины), у ворота завязывалась шнуром, концы которого украшались клювами тупика и небольшими кусочками меха. Складка над поясом использовалась вместо кармана, в ней носили мелкие вещи и даже еду. С наружной стороны такая парка украшалась желтыми перьями и ярко выкрашенными клювами тупиков. Края и ворот обшивались узкими полосами тюленьего меха.

Одежда, подобная описанной, была длиннее мужской и не подпоясывалась, «по всей вероятности потому, что обыкновенно они (женщины) не носят штанов» [Позднеев 1909, т. 1: 95]. Мужчины же иногда носили *пан-ур* вместе со штанами [Sasaki Toshikazu 2001: 194]. Штаны тоже могли изготавливаться из птичьих шкурок [Позднеев 1909, т. 1: 96].

Примечательно, что изделия из шкурок или перьев птиц (гагары, баклана, тупика и пр.) были основной повседневной одеждой у алеутов. Осенью в дождливую погоду ее выворачивали перьями наружу и носили как дождевик, а летом использовали перьями внутрь. Так поступали и айны. Предполагают, что в этом отношении айны испытали сильное влияние алеутов, ительменов и жителей Северной Америки [Sasaki Toshikazu 2001: 196]. Хотя накидки из птичьих шкурок бытовали и у японцев, но на айнов они влияния не оказали.

§ 3. Одежда из рыбьей кожи

Традиционной у айнов Сахалина и Курильских островов была одежда из рыбьей кожи, известная под общим названием *кая* (рис. 112). Лучшим материалом для *кая* признавалась кожа кеты и горбуши. На Сахалине халаты из этого материала называли *чуф-чеп-кая* и *чемой-кая* или *хэмой-кая*. Их носили главным образом женщины, подпоясываясь ткаными или кожаными поясами, в том числе с металлическими нашивками [Добротворский 1875: 126; Пилсудский 1914: 68, 78; Латышев, Прокофьев 1988: 50].

Одеждой *кая* пользовались чаще, чем, например, одеждой из тюленьей шкуры. Она успешно заменяла халаты из крапивного волокна (айнск. *рэтартэ*) или луба (айнск. *аттуси*) [Таксами, Косарев 1990: 123; Hasebe 2004: 110].

Подобно шубам, *кая* собирали из множества кусков, делали отрезные по талии, расклешенные, с пришитыми зауженными

Рис. 112. Женская одежда айнов Сахалина из рыбьей кожи *кая*. МАЭ РАН (№ 202-46). Источник: [Айнские коллекции 1998: 10]

к концам рукавами⁷. В отличие от нивхских или нанайских изделий, у которых пола запахивалась слева направо, у айнских был прямой разрез спереди, и они не требовали аналогичного запаха. Воротник же изготовлялся в форме стойки, шали или отсутствовал вовсе. Тогда айны обтачивали ворот, как у шуб.

Сшивались халаты нитями из сухожилий или волокон крапивы [Tsuda 2004: 61]. Кожу рыбы предварительно обрабатывали. Интересно, что методы обработки у приамурских народов и айнов различались. У первых заготовку отбивали молотом, после чего одежда оставалась мягкой в течение длительного времени, а у вторых «вымачивали» в жире кеты. Но в этом случае халаты быстро затвердевали, поэтому большинство айнских экспонатов из рыбьей кожи, хранящиеся в музеях, твердые и непригодны для использования [Sasaki Toshikazu 2001: 91].

⁷ На изготовление халата уходило 40–50 рыбьих шкурок [Онуки-Тирни 1996, № 2: 91].

Украшением служили аппликации из хлопчатобумажных тканей темно-синего, светло-голубого, черного или красного цветов. Ими обшивали подол, ворот и окончания рукавов. Дополнялось все это вышивкой. В местах, где на заготовке находились спинные плавники, обязательно пришивали овальные или фигурные кусочки рыбьей кожи. Наложение таких заплат взамен удаленных плавников как элемент декора айны Сахалина, вероятно, переняли от ульчей и нанайцев [Sasaki 1995: 8].

Предполагается, что некогда халаты из рыбьей кожи были в ходу не только на Сахалине и Курилах, но и на Хоккайдо, но они не сохранились [Kodama 1999: 26].

§ 4. Одежда из травы

Вероятно, одежда из травы — *кэра* — наряду с изделиями из шкуры и кожи использовалась айнами издревле. Впервые информация о ней фиксируется на картинах упоминавшейся серии «Сётоку-тайси э-дэн». Самая ранняя (1069) содержит изображение трех обнаженных туземцев северо-восточной области Хонсю — *эмиси* — в коротких юбках. На картинах 1323 и 1324 гг. также можно видеть *эмиси* в юбках из травы, но надетых поверх хлопчатобумажных халатов и шаровар, при этом у одного из персонажей имеются и оплечья. Хотя картины «Сётоку-тайси э-дэн» передают лишь общее представление о «варварах», становится понятным, что в то время их одежда во многом ассоциировалась именно с изделиями из травы. Кроме того, айнская одежда *кэра* показана в более поздних источниках — сочинениях Хата Авакимару «Эдзосима кикан», Хата Авакимару, Мураками Тэйсукэ и Мамия Риндзо «Эдзо сэйкэй дзусэцу», Мацуура Такэсиро «Эдзо манга» (раздел «Эторофухито дандзё-но дзу») и на картине *айну-э* художника Хаясака Бунрэй (1797–1867) (рис. 113).

Рисунок Хаясака Бунрэй вполне реалистично передает облачение хоккайдского охотника: на нем *кэра* в виде «безрукавки» с широкими оплечьями, надетой поверх одежды из шкуры животного и подпоясанной плетеным веревочным шнуром. «Безрукавка» изображена также в «Эдзо сэйкэй дзусэцу» и запечатлена на фотографии из фотоархива Музея антропологии и этнографии РАН (рис. 114). «Эдзо сэйкэй дзусэцу», в частности, содержит информацию о назначении *кэра*. Согласно источнику, айны надевали их при морозе для защиты от ветра и вьюги. Фотография же интересна тем,

Рис. 113. Айн Хоккайдо в одежде из травы *кэра*. Фрагмент иллюстрации «Эдзосима кикан», Хата Авакимару (1799–1800). Университет Хоккайдо

Рис. 114. Айн в накидке из травы *кэра*. МАЭ РАН (№ 529-56)

что на ней показан айн Сахалина и что накидка из травы у него надета поверх халата, видимо хлопчатобумажного.

Другой тип *кэра* представлен в работах «Эдзосима кикан» и «Эдзо манга» — это длинные халаты. Если первый источник описывает одежду айнов Хоккайдо, то второй — айнов о-ва Итуруп.

Судя по японским письменным источникам начала XIX в., *кэра* широко использовались айнами Курильских островов, в том числе на Итурупе. С. П. Крашенинников отмечал, что курильские айны изго-

тавливали их из «чирелов» (циновок) [Таксами, Косарев 1990: 47; Sasaki Toshikazu 2001: 71].

По мнению японского ученого Киндаичи Кёсукэ, *кэра* — это разновидность японских соломенных накидок *мино*. Более того, японские лесорубы и фермеры на северо-востоке Хонсю нередко называли свои накидки так же, как и айны, а в районе Цугару префектуры Аомори в ходу были орнаментированные *дэтакэра* («щегольские соломенные плащи»), украшавшиеся по вороту красивой вышивкой [Kindaichi 1941: 30] (рис. 115). Однако проследить связь между японскими и айнскими травяными накидками сложно, особенно учитывая то, что оригинальных *кэра* до настоящего времени практически не сохранилось. Видимо, в обеих культурах этот тип одежды прошел свой путь развития, завоевав широкое признание, с одной стороны, благодаря прекрасным качествам, с другой — доступности материала (травы) и относительной простоте изготовления.

Рис. 115. Японская одежда *дэтакэра*.
Источник:
[Amano 1983: 52]

§ 5. Одежда из древесного луба и растительного волокна

Самым известным айнским одеянием по праву считаются халаты из древесного луба *аттуси* (на Сахалине — *ахрусь*, *артусь*), бытовавшие в культуре айнов Хоккайдо, Сахалина и Курильских островов, а также халаты из растительного волокна *рэтартэ* (*тэтартэ*, *тэтарапэ*), которые носили в основном айны Сахалина и Курил (рис. 116, 117). Это была универсальная одежда, которую надевали и в будни, и на торжества, если не хватало богатого праздничного наряда.

Слово *аттуси* состоит из *ат* — «луб» и *туси* (*тус*, *рус*) — «кожа животного». По мнению Б. О. Пилсудского, это лишний раз показывает, что прежде айны одевались исключительно в шкуры и что их одежда из луба или волокон — относительно позднее приобретение [Пилсудский 2004: 201].

Аттуси и *рэтартэ* представляли собой распашную одежду с прямым разрезом, без отложных полок по бортам. Стан сшивался из двух полос, образующих левую и правую стороны халата, рукава

Рис. 116. Одежда из луба айнов Хоккайдо *аттуси*. МАЭ РАН (№ 345-28).
Источник: [Айнские коллекции 1998: 12]

Рис. 117. Одежда из крапивного волокна айнов Сахалина *рэтарэ*.
РЭМ (№ 5110-135)

были вшивные, широкие в пройме и сужающиеся к запястью, чаще всего без ластовиц. Рукав кроился из одного прямоугольного куска ткани, который с верхнего конца загибался внутрь по прямой линии, а с нижнего — по косой (яп. *модзирисодэ*). Оба конца сшивались с лицевой стороны халата (сбоку), нижняя часть рукава при этом получалась треугольной формы. Реже рукава делались из прямоугольной материи, оба конца которой кроились под небольшим углом или по кривой и сшивались снизу. Со временем айны под японским влиянием стали делать широкие рукава квадратной формы. Воротники изготовлялись в виде шали либо прямой полосы ткани, вшивавшейся сзади по линии шеи. В начале XX в. под влиянием европейцев у сахалинских айнов на *рэтарнэ* появились отложные воротники [Карапетова 2009: 48].

И *аттуси*, и *рэтарнэ* часто надевали на голое тело (не считая набедренной повязки), запахивая на левую сторону. Некоторые подпоясывали, а некоторые завязывали тесемками (если таковые имелись) в области груди и талии [Kindaichi 1941: 24]. Несмотря на то что носили обе разновидности и летом, и зимой, подкладок не делали. Правда, *аттуси* иногда обшивались шкурами [Кюнер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 271. Л. 33; Tsuda 2004: 61]. В сильные холода айны могли надевать по два халата или использовать в качестве верхней одежды хлопчатобумажные и ватные японские халаты, а также шубы из тюленьих или собачьих шкур [Добровотворский 1875: 34; Uchida 2004a: 86, 96]. Айны Сахалина под *аттуси* зимой надевали штаны.

Ранние сведения об *аттуси* содержатся в японском письменном источнике «Эдзосимаки» (предположительно 1681 г.). Речь здесь идет о неких *о:куэдзо*, которые носили шкуры животных, а также изделия из коры липы (айнск. *нипэсь*, *синипэсь*, яп. *сина*, лат. *Tilia Japonica*) [Sasaki 1995: 31]. Кроме липы, материалом для изготовления *аттуси* на Хоккайдо традиционно служили луб вяза японского (айнск. *тикисани*, яп. *харунирэ*, лат. *Ulmus japonica*) и луб семейства вязов — ильм (айнск. *ат-ни*, яп. *охэ*., лат. *Ulmus laciniata*) [Sasaki Toshikazu 2001: 87].

Одежду из луба липы айны часто называли *нипэсь*, а одежду из луба ильма — *ат-ни*. Последняя получила наиболее широкое распространение. В ходу также были красноватые халаты из ильма — *никап-аттуси*, которые надевали по праздникам [Кауано 2002: 341; Kindaichi 1941: 25]. По словам Э. Онуки-Тирни, сахалинские айны красные лубяные халаты использовали не только в ритуальных целях, но и как одежду стариков [Онуки-Тирни 1996, № 2: 92].

На Сахалине для производства одежды из древесного луба — *ахрусъ* (*артусъ*) — в основном шли ильм (айнск. *кара-ни*) и вяз (айнск. *опив-ни*) [Добротворский 1876: 34; Sasaki 1995: 91]. Халаты из *кара-ни* имели красноватый оттенок, а из *опив-ни* — беловато-желтоватый. Если же следовать «Хокуибункайёва» (Мамия Риндзо, 1810 г.), лубяным изделиям сахалинцы предпочитали халаты из крапивного волокна *дэтарубэ* (*рэтарнэ*), поскольку ильма и вяза на острове не хватало [Sasaki 1995: 91]. Эта одежда была белого цвета (иногда пепельного оттенка), по мягкости превосходила *аттуси* [Ainu-no ifukubunka 2001: 7]. По данным Хата Авакимару, для изготовления *рэтарнэ* также использовались целаструс (яп. *нихай* (*цуру:мэмодоки*)) и еще одно растение, ботаническая принадлежность которого не определена [Sasaki 1995: 40].

Изделия из крапивы, в свою очередь, не получили распространения на Хоккайдо. Быть может, это связано с тем, что, в отличие от *аттуси*, процесс изготовления *рэтарнэ* занимал больше времени и сил. Впрочем, существует предположение, что *рэтарнэ* некогда носили и айны Хоккайдо [Ainu-no biso:i 1998: 5].

Ткани и для *аттуси*, и для *рэтарнэ* изготавливались на наспинном станке. Готовое изделие кроилось на полосы: две шло на изготовление стана и две — на рукава, пришивавшиеся к стану отдельно.

Если заготовка сшивалась нитями из ильма (на *аттуси*) или крапивного волокна (на *рэтарнэ*) при помощи петельного шва, то на аппликации и вышивку пускали хлопчатобумажные или шелковые нити. Первые получили распространение на Хоккайдо (черные, темно-синие, белые), вторые — на Сахалине (красного, желтого, синего и других цветов) [Ainu-no ifukubunka 2001: 8]. Вышивка чаще всего делалась поверх аппликаций декоративным (разновидность французского узла *коучинг* (*couching stitch tape*)) или цепочкообразным (тамбурным) стежком [Sasaki 1995: 92]. На сахалинских *ахрусъ* она иногда заходила за пределы аппликации и распространялась на основу [Karafuto ainu 1996: 9].

Своеобразны полосатые *аттуси* айнов Хоккайдо, при изготовлении которых цветные хлопчатобумажные или лубяные окрашенные нити вплетали прямо в ткань [Ainu-no biso:i 1998: 5]. На Сахалине подобные изделия из крапивы (*рэтарнэ*) с использованием хлопчатобумажных, льняных или лубяных нитей (ильма или вяза) назывались *ка-ахрусъ* (рис. 118) [Депредадович 1877: 4; Ainu ko:geihinten 1999: 27; Nishizuru 1942: 68; Sasaki 1995: 91]. Халаты *ка-*

Рис. 118. Полосатый халат *аттуси* айнов Хоккайдо (вверху) и полосатый халат *рэтартнэ* (*ка-ахрусъ*) айнов Сахалина (внизу). РЭМ (№ 5102-133, № 2806-66)

ахрусъ из крапивного волокна и ильма, например, есть в коллекции известного собирателя Кодама Сакудзаэмон [Karaфuto ainu 1996: 10].

Материал и форма аппликаций также различались в зависимости от региона. Так, для плотного светло-коричневого луба *аттуси* и *ахрусъ* наиболее всего подходил геометрический орнамент из прямых черных или темно-синих полосок хлопчатобумажной ткани. Напротив, мягкие белесые *рэтартнэ* хорошо смотрелись с более сложными узорами из полос и розеток различных цветовых гамм (красной, голубой...). Ткань могла быть японской хлопчатобумажной либо китайского производства, включая муслин [Sasaki 1995: 40; Sasaki Toshikazu 2001: 93, 94].

По количеству элементов орнамента мужские халаты отличались от женских. Мужская одежда выглядела более нарядной, декор у нее мог размещаться на спине, подоле, полах, окончаниях рукавов и воротнике. Орнаментальное убранство женских халатов, так же как и детских, чаще ограничивалось узорным бордюром. Но в далеком прошлом и мужские, и женские халаты украшались довольно скром-

но, разница в декоре не была такой очевидной. Например, ранние образцы обшивались лишь каймой без вышивки. Затем появились *аттуси* (на Хоккайдо), *рэтартэ* и *ахрусъ* (на Сахалине) с небольшими аппликациями у ворота и с вышивкой. Постепенно зона покрытия орнаментом увеличивалась. В обиход вошли халаты, украшавшиеся сложными аппликациями на спине, подоле, рукавах (распространяются в XVIII — начале XIX в.), полосатые (широко известны с середины XIX в.), а затем с аппликациями необычно крупных размеров. При этом простые изделия без особых украшений были в обиходе айнов на протяжении всей их истории как «одежда для повседневного использования» [Sasaki Toshikazu 2001: 52; Tsuda 2004: 62].

С течением времени менялось не только декоративное убранство костюма, но и форма. Это было связано с инокультурными влияниями. Так, в XVII—XIX вв. в результате контактов с японцами у айнов Хоккайдо на некоторых видах одежды появились отложная полка, накладные воротники и широкие прямоугольные рукава (яп. *хиросодэ*). Одежда айнов Сахалина постепенно усваивала элементы маньчжурско-китайских традиций, что выразилось в появлении своеобразных воротников и застежек [Kodama 1999: 26].

Между тем орнаментальные мотивы не заимствовались или заимствовались менее всего. Среди распространенных видов айнского орнамента выделяются «шипообразный» (в виде скобок) *айусъ* и спиралевидный *морэу*. Второй широко использовался и на деревянных, и на ткацких изделиях. И хотя информация о нем встречается только в сравнительно поздних письменных источниках, очевидно, что это весьма древнее художественно-символическое достояние [Sasaki Toshikazu 2001: 96].

Зарождение и распространение *морэу* среди амурских народов, а также айнов происходило в глубокой древности, о чем свидетельствуют спиралевидные изображения на камнях периода неолита. Хотя нанайцы, проживавшие в районах центрального течения реки Амур, некоторые элементы *морэу* восприняли у китайцев и затем познакомили с ним другие малые народы, в целом развитие спиралевидного орнамента происходило на местной основе.

Исследователи давно спорят по поводу значения *морэу*. Некоторые склонны трактовать его как рисунок глаза в функции оберега от злых духов [Dubreul 1999: 293]. Духи же на одежде никогда не изображались. Айны были уверены, что им это не понравилось бы и разлило.

Сохранились записи об айнских орнаментах, сделанные на Хоккайдо в начале XVII в. миссионером Джироламо де Анджелисом. Он писал по поводу одежды с нашивками в виде крестов: «Я спрашивал их, для чего они носят столько крестов на платьях? Они старались показать, что это им нравится, но были в затруднении объяснить, почему выбрали для украшения этот знак, а не какой-нибудь другой» [Анучин 1876: 82].

Показательно, что на Сахалине *аттуси* (*ахрусъ*) и *рэтартэ* среди ороков и нивхов, чьи культурные области соприкасались с областью проживания айнов, не получили распространения. На Курильских островах одежду из луба и крапивного волокна также носили только айны [Добротворский 1875: 34, 120; Sasaki Toshikazu 2001: 71, 88]. А между тем лубяные изделия издавна пользовались спросом у японцев, хотя они и отличались от айнских.

Основу японского костюма для повседневного использования составляли распашные халаты с отложной полкой, небольшим стоячим воротником, запахивавшиеся на правую сторону и подпоясывавшиеся поясами. Их делали из шелка, пеньковой материи или хлопка [Ксенофонтова 1977: 149]. От них отличалась одежда крестьян и рабочих, основными компонентами которой были не только халаты, но и штаны *момохики* (короткие и узкие, иногда на подкладке) или шаровары *момтэ*. Такой костюм дополнялся нагеленниками, нарукавниками, полотенцами, передниками.

Плечевая спецодежда была довольно короткая и без отложной полки. Для ее изготовления использовалась либо черная, либо темно-синяя хлопчатобумажная ткань [Sasaki Toshikazu 2001: 60]. В ходу также были изделия из пеньки, волокон липы японской, пуэрарии, глицинии, крапивы, папоротника осмунда, папоротника орляка японского, конопля, бананового дерева, а также луба тутового дерева. Несмотря на то что в зависимости от региона эти изделия назывались по-разному (в северо-восточных районах Хонсю — *сасико*, *сакэри*, *сакиори*, *канацуру*, *хиккакэ*), все они обладали сходными чертами (рис. 119). Основными отличиями от айнской одежды являлись короткая длина куртки и штаны [Ibid.].

Несколько особняком стояла японская одежда рыбаков и моряков, которые часто использовали не только короткую, но и длинную одежду из луба без поясных компонентов. Это дает основание предположить, что такая одежда могла стать прототипом традиционной айнской, то есть *аттуси*, вошедших в обиход айнов, по мне-

Рис. 119. Японская одежда *сасико* (префектура Фукусима).
Источник: [Amano 1983: 46]

нию некоторых ученых, сравнительно поздно [Kindaichi 1941: 25; Sasaki Toshikazu 2001: 63]. Впрочем, не менее убедительна гипотеза, согласно которой истоки *аттуси* восходят к айнской культуре и именно айны оказали влияние на японцев [Арутюнов 1957: 10; Kikuchi 1999: 211].

Достоверно известно, что в XVIII–XIX вв. японцы, проживавшие на северо-востоке Хонсю и на Хоккайдо, охотно носили айнские халаты, а также изделия собственного производства с айнским декором. Судя по японским письменным источникам, отношение самих японцев к айнской одежде из луба было неоднозначным. С одной стороны, местное население ценило эту одежду, с другой — власти не поощряли ее ношение. Японские путешественники, исследовавшие северо-восточные районы Японии, удивлялись, неоднократно встречая японцев в столь необычных нарядах.

Интересные наблюдения содержатся в записях Сугаэ Масуми, посетившего в 1788 г. провинции Муцу и Дэва на севере Хонсю. У моря в районе Сэтоси путешественник встретил местных жителей, строивших дорогу. В «Сотогахамы дзутахи» (1788) автор писал, что многие из них были одеты в айнские *ацуси* из древесного волок-

на и одежду из пеньковой ткани (яп. *ханада*) собственного производства. В его более позднем сочинении «Маки-но асацую» (1793) сообщается, что в деревне Сэкинэ области Симокита жители носили одежду *эдзо-но симаори*, по всей видимости, *аттуси*, украшенные полосами [Otsuka 1993: 116]. Значительный интерес представляют также записи и зарисовки Цуда Эйсаку (1882), во время поездки в Симокита обратившего внимание на крестьянку в халате с айнскими орнаментами, выполненными при помощи аппликаций и вышивок, «О:миндзуи» Хирано Садахико (1788), где речь идет об одежде охотников из Утэцу области Цугару также с айнским декором, и «Хокко:нитироку» Кимура Кэндзи (1793), где упоминаются айнские *ацуси* у населения Аомори (рис. 120) [Ibid.: 111, 116, 121].

Рис. 120. Японцы области Симокита (префектура Аомори) в одежде с айнским орнаментом. «Ю:ёку никки», Цуда Эйсаку (1882).
Источник: [Otsuka 1993: 121]

В рыболовецких поселениях области Симокита *аттуси* до недавнего времени хранились во многих семьях. Они являлись предметом гордости владельца, служили определенным показателем его статуса. Привозили *аттуси* не только рыбаки, но и сезонные рабочие, которые периодически отправлялись на Эдзо (Хоккайдо) на лесоразработки, иногда путешественники [Kikuchi 1999: 211]. Одежда, похожая на *аттуси* местного производства, в Цугару и Симокита шилась японцами даже в XX в.

Особенно широкое распространение изделия наподобие *аттуси* получили на Эдзо среди японского населения княжества Мацумаэ (рис. 121). Хата Авакимару в «Эдзосима кикан» (конец XVIII в.) свидетельствовал, что они здесь назывались *ацуси*, пользовались спросом у женщин; передники *маэдарэ* женщины здесь часто украшали айнским орнаментом [Otsuka 1993: 118]. Кроме этого, описа-

Рис. 121. Японцы области Мацумаэ (Хоккайдо) в одежде с айнским орнаментом. «Эдзосима кикан», Хата Авакимару (1799–1800). Университет Хоккайдо

ние одежды с характерным декором на территории Мацумаэ имеется в источниках «Эдзофу:дзоку дзусики» (конец XVIII в.), «Мацумаэ-сайдзикисо:ко:» (начало XIX в.), «Мацумаэ кико:» (середина XIX в.) и других письменных памятниках XIX в. [Ibid.: 119].

Со временем влияние *аттуси* на японскую одежду распространилось еще шире. Этому способствовали торговцы, доставлявшие на Хонсю различные товары с Эдзо, в том числе и тканые изделия. Они быстро стали объектами подражания. Так, уже в XVIII–XIX вв. на улицах Эдо можно было видеть рабочих, плотников и пожарных в куртках *ацуси* (тип *хантэн*), украшенных по подолу айным декором [Ibid.: 122]. В Киото и Осака появились районы, известные производством толстых хлопчатобумажных тканей *ацудэ*, прототипом которых, скорее всего, послужили *аттуси* [Sasaki Toshikazu 2001: 50; Otsuka 1993: 123]. Более того, одежда *аттуси* (под названием *ацуси*) стала использоваться в театре кабуки для подчеркивания иноземных обычаев [Kikuchi 1999: 210].

§ 6. Одежда из шелка и хлопчатобумажной материи

Такие материалы, как шелк, а позднее хлопок, завоевали в айном обществе большое признание. Однако изначально для айнов это был слишком дорогой товар, поэтому в течение длительного времени они продолжали изготавливать одежду из древесного луба. Импортные же ткани, полученные либо при торговом обмене, либо как вознаграждение за работу, берегли для украшений или шитья парадных костюмов [Арутюнов, Щебенков 1992: 182; Ryo:sho:ji 1993: 18; Sasaki 1995: 37]. Иногда к айнам попадала и готовая одежда, японская или маньчжурская. В торжественных случаях наиболее состоятельные айны надевали ее поверх традиционных халатов.

Трудно сказать, когда именно к айнам начала поступать импортная тканая продукция. Очевидно, это происходило на начальном этапе меновой торговли с соседними народами. Известно, что японские шелковые халаты бытовали у туземцев уже в XVI в., широкое же распространение изделия японского производства получили лишь с конца XVIII в.

В общем японская одежда у айнов называлась *косонтэ* (*косондэ*, *косонто*). Этот термин был применим и к маньчжурским халатам, хотя их чаще называли *мантю-косонтэ*. Специальными словами именовались шелковые наряды и ткани — *сарампе* (*сарамбэ*) или *сарампе-ими*. Большое значение придавалось их расцветке. Араи

Рис. 123. Айн в парадном одеянии.
«Эдзосима кикан»,
Хата Авакимару (1799–1800).
Университет Хоккайдо.

Рис. 122. Накидка японского
покроя *тинбаори*.
Собрание Кодама Мари.
Источник: [Baba, Kodama 2000: 23]

Хакусэки сообщал, что среди шелковой продукции выделялись пестрые изделия и изделия с драконами, которые имели право носить только мужчины, занимавшие высокую социальную ступень⁸ [Добротворский 1875: 146, 284; Ainu-no rekishi 2002: 14; Batchelor 1926: 259, 415; Kayano 2002: 238, 258; Sasaki 1995: 31].

Некоторые виды одежды айны называли искаженными иноязычными наименованиями. Например, длинные японские накидки без рукавов *дзинбаори* стали известны как *тинбаори* (рис. 122, 123).

⁸ Отношение айнов к драконам в разных районах было неоднозначным. Известно, что туземцы северо-западного побережья Южного Сахалина, почитавшие драконов как небесных божеств (айнск. *канна-камуй*), избегали долго хранить их изображения, в том числе на китайской одежде [Онуки-Тирни 1996, № 4: 61].

Халаты маньчжурского типа значительно отличались по покрою от прочих разновидностей одежды. Они были цельнокроевыми, с клиньями и запахом левой полы на правую. Рукава от проймы постепенно сужались и могли оканчиваться манжетами «лошадиное копытце», типичными для маньчжурского костюма. Иногда халаты снабжались воротниками-стойками.

По мере распространения в айнском обществе хлопчатобумажных тканей (конец XVIII — XIX в.) туземцы стали шить из них одежду не только праздничную, но и для повседневного использования. Хлопок оказался мягче и удобнее для ношения, кроме этого, в отличие от *амтуси*, хлопчатобумажная ткань легче поддавалась кройке и шитью.

Одежда шилась (либо перешивалась, если это были готовые японские халаты) по традиционному образцу (*амтуси*), покрывалась аппликациями и вышивками, нередко дополняясь другими тканями [Kodama 1999: 27; Nishizuru 1942: 72; Sasaki Toshikazu 2001: 94]. В основном айны применяли шитье по краю ткани в обкрутку, а также шитье обметыванием петель — словом, как и при изготовлении одежды из шкур животных и кожи рыбы [Tsuda 2004: 64; Ainu-no biso:i 1998: 5]. Рукава могли сшиваться и в боковом шве, и снизу, нижняя линия рукава в последнем случае нередко становилась изогнутой. Нити для шитья были хлопковые или же из крапивного волокна.

Во времена, когда тканей у айнов было мало, хлопчатобумажные халаты делали из множества старых лоскутков. Их собирали в течение долгого времени, например, для изготовления *руумнэ* требовалось два-три года. Лишь постепенно одежду из лоскутков вытеснили изделия, у которых стан и рукава кроились из одного куска материи [Ainu-no ifukubunka 2001: 7].

Среди хлопчатобумажной одежды айнов выделялось несколько устойчивых разновидностей: *тикаркарнэ* (*тининуйнэ*), *руумнэ*, *капарамип* (*тининнинуп*), распространенные на Хоккайдо; *тидири* (*чинчири*) или *тикири-ими*, бытовавшие и на Хоккайдо, и на Сахалине. Иногда их изготовляли из другого материала, но на первом месте всегда стоял хлопок. В местности Сидзунай на Хоккайдо одежду *капарамип* называли *тикаркарнэ*. Некогда ее носили и мужчины, и женщины, но теперь надевают лишь женщины [Shizunai chiho: 1993: 85].

За основу *тикаркарнэ* (*тининуйнэ*) часто бралась готовая японская одежда — летние кимоно без подкладки *хитозэ*, летние халаты

Рис 124. Одежда айнов Хоккайдо *тикаркарпэ* (*тиннуйпэ*).
Собрание Кодама Сакудзаэмон. Источник: [Baba, Kodama 2000: 64]

юката, кимоно на легкой подкладке *авасэ* и пр. Ткань могла быть плотной и толстой или мягкой, узорчатой, как, например, *моокамомэн*. Айны перешивали их, украшая аппликациями с вышивкой (рис. 124) [Ainu-no biso:i 1998: 6; Ainu-no ifukubuka 2001: 9; Deriha 1999b: 35]. Аппликации представляли собой сложный геометрический узор из прямых хлопчатобумажных полосок черного или темно-синего цвета. Он покрывал либо всю одежду, либо отдельные ее части. Ширина полос и их месторасположение в разных местностях варьировали. Вышивка в виде скобок и завитков делалась белыми или светлыми цветными нитями, эффектно выделявшимися на темном фоне. В общем покроем и орнаменте *тикаркарпэ* были такими же, как у *аттусу* [Deriha 1999b: 36]. Если у айнов не было готовых импортных халатов (в качестве заготовки), то они все (от начала до конца) делали из кусков ткани.

Другая разновидность — *тидири* (в области Сидзунай — *чинчирин*, на Сахалине — *тикири-ими*) — отличалась отсутствием аппликаций (рис. 125). Материалом для изготовления часто служила черная хлопчатобумажная ткань, реже — бархат или сарж. Ценились, как

Рис. 125. Одежда айнов Хоккайдо *тидири*. РЭМ (№ 5102-138)

и *тикаркарпэ*, изделия традиционного покроя, сшитые самостоятельно, или японские халаты, перешитые на айнский манер [Ainu-no ifukubunka 2001: 10; Shizunai chiho: 1993: 86]. И те и другие покрывались вышивкой. А поскольку она в данном случае оставалась единственным украшением *тидири*, нити подбирали особенно тщательно — по материалу (шелковые или хлопчатобумажные), толщине и цвету. В одних местностях предпочитали одноцветную вышивку, в других — цветную. Сложной задачей при этом было найти оптимальное композиционное решение — все зависело от таланта мастерицы. Сохранились *тидири*, украшенные по всей поверхности: со стороны спины (вышивка разделялась на верхний и нижний сектора), по подолу, воротнику и окончаниям рукавов. Обилием орнамента особенно отличались халаты, которые изготавливались с XIX в.⁹ [Ainu-no biso:i 1998: 5; Kodama 1999: 29; Tsuda 2004: 64].

⁹ Необычный по красоте халат айнов Сахалина, сплошь расшитый цветными нитями, есть в коллекциях Кодама Сакудзаэмон. В описи он числится как *пирика-тикириими* (*пирика* означает «красивый») [Karafuto ainu 1996: 13].

Рис. 126. Одежда айнов Хоккайдо *руумнэ*. МАЭ РАН (№ 839-87 а).
Источник: [Айнские коллекции 1998: 35]

Одним из самых красочных айнских нарядов считается насыщенный аппликациями и вышивками *руумнэ* (рис. 126). Между тем изготовляли *руумнэ* из старых кусков хлопчатобумажной материи, добываясь «стандарта» *аттусу* [Kodama 1999: 28]. Ассортимент тканей для аппликаций был довольно широким и включал шелковые лоскутки, одноцветные или узорчатые обрезки хлопчатобумажной одежды, шерстяной муслин, ситец. Черные и темно-синие ткани практически не использовались, в цветовой гамме преобладали белые и красные цвета. Аппликации набирали из прямолинейных или слегка изогнутых полос, в некоторых местах зауженных. Когда их составляли, получались кривые линии. Сверху по традиции наносили вышивку (рис. 127) [Ainu-no biso:i 1998: 5; Kodama 1999b: 28; Deriha 1999b: 35]. Наряднее всего выглядели изделия, стан которых состоял из расшитых узором японских материй. Орнамент мог быть в полоску или клетку, содержать сложный растительный мотив. Удивительным образом айнский и японский орнаменты переплетались между собой и органично дополняли друг друга.

Халаты *капарамип* (*тининни-нун*) легко узнать по аппликации из большого куска белой хлопчатобумажной ткани. Иногда аппликацию нашивали на спину во весь рост человека, иногда опоясывали ею одежду сзади, спереди и с боков. Такого атрибута не было ни на какой другой одежде. В случае отсутствия широкой белой материи брали два куска и сшивали их; затем, как правило, дополняли вышивкой. Для изготовления стана нередко использовались узорчатые хлопчатобумажные одеяла *футон*. Рукава же могли делать из других тканей [Ainu-no biso:i 1998: 5].

Рис. 127. Образец орнамента на одежде *руунтэ*. Источник: [Ainu-no yosooi 1999: 6]

По всей видимости, *капарамип* получили распространение среди айнов в конце XIX — первой половине XX в., когда белые тканые полотна для аппликаций стали в большом количестве доставляться с Хонсю. Один из ранних образцов такой одежды в собрании Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН относится именно к этому времени (рис. 128) [Ainu-no biso:i 1998: 5; Ainu-no ifukubunka 2001: 9].

Рис. 128. Одежда айнов Хоккайдо *капарамип*. МАЭ РАН (№ 839-195).
Источник: [Айнские коллекции 1998: 38]

На Сахалине, кроме уже упомянутых *тикири-ими*, были распространены халаты из маньчжурских, японских или русских тканей *чимпай* или *эарь-ими*. Хлопчатобумажную одежду иногда собирательно именовали *усэ*, дословно «обыкновенный». Другие термины определяли следующие типы: одежду из отбеленной хлопковой ткани японского и маньчжурского производства называли *тэтарэ-усэ* — «белая одежда», а японские фланелевые халаты — *кехурутэ* (с широкими рукавами — *чо-хурутэ*) [Добротворский 1875: 34, 132; Nishizuru 1942: 72].

Разумеется, японские хлопчатобумажные халаты были дороже самодельных *аттуси* или *рэтэпнэ* и служили платой за работы на рыбных промыслах [Депрерадович 1877: 5].

На Курильских островах спросом пользовалась и хлопчатобумажная, и шелковая одежда собственного или японского покроя [Полонский 1871: 380]. Скорее всего, эти изделия мало отличались от тех, которые бытовали на Хоккайдо и Сахалине.

Из айнской одежды, используемой поныне, известны лубяные *аттуси*, а также матерчатые *тикаркарпэ*, *тидири*, *руумпэ* и *капарамип* [Hirasawa 2003: 6]. Остальные разновидности вышли из употребления, и теперь их можно увидеть лишь в музеях.

Сопутствующие атрибуты одежды

К этим атрибутам следует отнести головные уборы, пояса, передники, штаны и некоторые другие предметы. В основном они имели региональные отличия, некоторые использовались лишь в районах с холодным климатом.

§ 1. Головные уборы

К летним головным уборам относились прежде всего конусообразные шляпы, распространенные у айнов Сахалина. На японском и айнском языках они назывались одинаково — *каса* (рис. 129). Изготовлением *каса* занимались мужчины. Материалом служила кора, как правило, береста, края отделявались ротангом. Считается, что такие изделия тяготели к нивским. Но если нивхи свои шляпы украшали пышным завиткообразным орнаментом, то айны обходились простой, неорнаментированной продукцией. По данным И. Ф. Крузенштерна, сахалинские айны еще носили конусообразные шляпы из соломы [Крузенштерн 1810: 82; Шренк 1899: 96]. Они

могли быть японского или китайского типа и попадали к туземцам от соседей как продукт меновой торговли. Айна в китайском головном уборе изобразили, например, Кодама Тэйрё и Ниияма Сицу (рис. 130, 131) [Die Ainu 2002: 98].

Помимо конических головных уборов, по праздникам айны Сахалина носили шляпы с полусферической тульей и широкими поля-

Рис. 129. Шляпа айнов Сахалина *каса*. МАЭ РАН (№ 700-121). Источник: [Айнские коллекции 1998: 17]

Рис. 131. Сахалинский айн в конической шляпе китайского типа. «Сюндо: хэнтай», Ниияма Сицу (конец XVIII в.). Государственный этнологический музей Лейпцига

Рис. 130. Сахалинский айн в конической шляпе китайского типа. «Айну сэйсо:дзу», Кодама Тэйрё (середина XVIII в.). Музей народа айну (№ 80001). Источник: [Die Ainu 2002: 98]

Рис. 132. Шляпа айнов Сахалина *инаукаса*. МАЭ РАН (№ 829-329). Источник: [Айнские коллекции 1998: 27]

ми, называвшиеся *инаукаса* или *танникаса*. По форме они напоминали изделия с материка, но, как следует из названия, делались на манер *инау* — из стружек (рис. 132, 133). При изготовлении *инаукаса* айны тонко обстругивали иву или дерен — породы, имевшие белую текстуру. Затем стружки вили в длинные веревки и плели из них поля с тульей, обвязывая нитями из волокон крапивы. Для большей прочности применяли декоративные пластинки из китового уса или полоски коры: четыре полоски пропускали поперек полей и собирали на макушке, сюда же помещали небольшой, плетеный из стружек диск.

Зимние головные уборы отличались от летних бóльшим разнообразием — это были капюшоны и меховые шапки. Капюшоны — *контти* — носили преимущественно айны Хоккайдо (и мужчины, и женщины). Их надевали во время охоты в горах и вообще при работах вне дома (рис. 134).

Изготавливались капюшоны из древесного луба или хлопчатобумажной материи, иногда подбивались ватой, орнаментировались аппликациями и вышивками. На верхушке прикреплялись кисти

Рис. 133. Сахалинский айн в шляпе *инаукаса*. МАЭ РАН (№ 1472-36)

Рис. 134. Айны Хоккайдо на охоте (фрагмент). «Сюндо: хэнтай», Ниияма Сицу (конец XVIII в.). Государственный этнологический музей Лейпцига

разных форм. Это мог быть небольшой шнур на вате, отрез ткани в виде треугольника либо креста. К ним нередко добавлялись обереги: стружки, коренья растения «ластовень», кусочки заячьего меха [Ainu monyo: -no bi 2006: 197; Ainu-no ko:gei 2008: 18].

Конти предусматривались для холодной погоды, поэтому закрывали всю голову, кроме лица. Мужские капюшоны, в отличие от женских, были с треугольным выпуском сзади (рис. 135). У женских капюшонов от переднего бордюра книзу отходили небольшие, сужающиеся к концам лоскутки, к которым пришивались завязки (рис. 136). В разных регионах форма *конти* могла различаться [Tsuda 2004: 68; Tsuda 2008: 194; Sasaki Toshikazu 2001: 169].

Отдельный интерес представляют детские головные уборы. В коллекциях Российского этнографического музея есть много детских капюшонов из айнского селения Биратори на Хоккайдо (рис. 137). Они выполнены из однотонной или узорчатой хлопчато-

Рис. 135. Капюшон айнов Хоккайдо *контти* мужской. МАЭ РАН (№ 345-26/2). Источник: [Айнские коллекции 1998: 11]

Рис. 136. Капюшон айнов Хоккайдо *контти* женский. Музей археологии и антропологии Пенсильванского университета (А-402).
Источник: [Ainu-no ko:gei 2008: 18]

Рис. 137. Капюшон айнов Хоккайдо *контти* детский. РЭМ (№ 2807-40)

бумажной ткани, орнаментированы аппликациями и вышивками, по форме напоминают квадрат, с узкими тесемками. В отличие от капюшонов взрослых, детские выглядят более красочно.

Помимо капюшонов, на Хоккайдо в ходу были шапки *хахка*. Их делали из шкур животных и птиц [Арутюнов, Шебеньков 1992: 190; Batchelor 1926: 211]. В Музее антропологии и этнографии РАН, например, хранится *хахка* из шкурки филина.

Айны Сахалина зимой носили в основном хлопчатобумажные шапки на вате. Они делились на женские *махнэку-хахка* или *махнэку-икам-хахка* (*махнэку* — «женщина, женский») и мужские — *икам-хахка*, или просто *хахка* (*хакка*) [Baba, Kodama 2000: 72; Roshia minzokugakuhakubutsukan 2005: 116]. *Махнэку-хахка* были с округлой тульей и околышем, без наушников, с внешней стороны украшались орнаментами из аппликаций и вышивок, иногда с добавлением бисера. На макушке помещалось украшение в виде шнурка из кусочков хлопка и ветоши (рис. 138). *Икам-хахка* отличалась тем, что сзади постепенно расширялась книзу и имела небольшой вырез,

Рис. 138. Женская зимняя шапка айнов Сахалина *махнэку-икам-хахка*. МАЭ РАН (№ 700-292).
Источник: [Айнские коллекции 1998: 22]

Рис. 139. Мужская зимняя шапка айнов Сахалина *икам-хахка*. МАЭ РАН (№ 700-40). Источник: [Айнские коллекции 1998: 14]

благодаря которому получалось два треугольных выпуска. С обоих концов выпуски снабжались декоративными кистями (рис. 139). Внутренняя сторона головного убора часто обшивалась лисьим, собачьим, заячьим, тюленьим или оленьим мехом (шапки из лисьего меха назывались *сумари-хахка*). Края отворачивались мехом наружу, изнутри снизу подшивались небольшие «наушники» [Кодама 2007: 97; Nishizuru 1942: 74; Sasaki Toshikazu 2001: 169]. В музейных коллекциях еще встречаются шапки, которые называются *китай-кор-хахка* [Karafuto ainu 1996: 19; Hasebe 2004: 110]. По конструктивным особенностям и декору они не отличаются от *икам-хахка*, название же составляют слова *китай* — темя; *кор* — иметь; *хахка* — шапка. Очевидно, это один из вариантов наименования.

Заслуживают внимания две разновидности женских зимних шапок из хлопчатобумажной ткани на вате, называвшиеся *хахка* или *атампуса*. Одна — с околышем (типа *махнэку-хахка*) и отдельно подшитыми с двух сторон прямоугольными отрезами ткани, которые снабжались завязками и служили для защиты ушей и щек от холода (рис. 140). Другая — без околыша. Она достигала плеч, целиком закрывая голову и сзади, и с боков (рис. 141). Открытым оставалось только лицо, а снизу были два выступа с завязками, с помощью которых шапка застегивалась на подбородке. Верхняя часть иногда орнаментировалась и украшалась жгутом, как на *махнэку-хахка* [Karafuto ainu minzokushi 2004: 14].

Рис. 140. Женская зимняя шапка айнов Сахалина *тампуса*. РЭМ (№ 2806-17)

Рис. 141. Женская зимняя шапка айнов Сахалина *хахка*. РЭМ (№ 5110-107)

В МАЭ РАН сохранились похожие на *тампуса* хлопчатобумажные изделия с бисером. По описи они значатся как детские. К детским относились также шапочки из птичьих шкурок *сика-бокка* и капюшоны. Последние изготавливались из ярких японских шелков и надевались детям перед проведением медвежьего праздника [Пилсудский 1914: 108].

Зимние головные уборы сахалинские айны иногда называли *кондзи*, *конци*, *кончи* или *конди*, а курильские и камчатские — *кончи* или *контче*. В отличие от названий айнов Хоккайдо, приведенные слова не имели отношения к капюшонам и были обобщающими [Добровольский 1875: 143; Ainu kara-no messe-ji 2003: 59]. В Российском этнографическом музее, например, есть женская шапка *хахка*, занесенная в опись как *конци*, а в Музее антропологии и этнографии — шапка из шкурки морской утки с хлопчатобумажной подкладкой, которая значится как *цькап-кондзи* (*цькап*, *тикап* — «птица», *кондзи* — шапка) (рис. 142). Известно, что айны называли

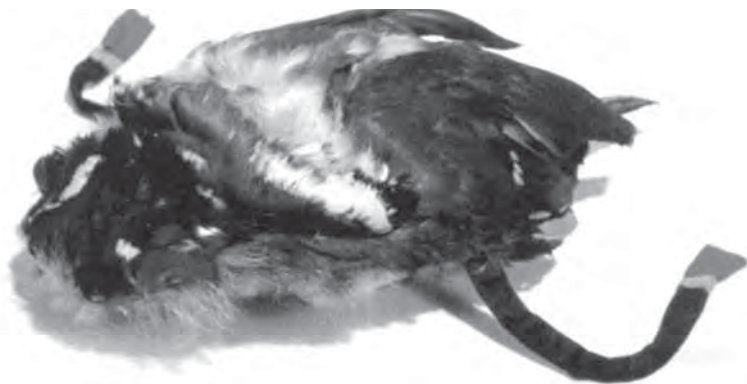

Рис. 142. Шапка айнов Сахалина из шкурки морской утки *цъкап-кандзи*. МАЭ РАН (№ 829-370). Источник: [Айнские коллекции 1998: 29]

цъкап-кандзи также *цикап-хахка* и надевали при охоте на нерпу, чтобы обмануть животное [Латышев, Прокофьев 1988: 77].

Айны Курильских островов носили *атаннуса* и *икам-хахка*. Материалом для некоторых головных уборов служили лисий мех, тюленьи шкуры и косточки перьев [Позднеев 1909, т. 1: 96; Полонский 1871: 380; Sasaki Toshikazu 2001: 169]. Более подробной информации нет.

Кроме капюшонов и шапок, у айнов получили распространение налобные повязки и кольцевидные головные уборы — «венцы». «Венцы» были особенно распространены на Сахалине. Их делали из тканей (хлопчатобумажных, бархатных), растений (виноградной лозы, осоки, рогоза), древесного волокна (луба ильма), древесных стружек, ваты, шкур животных. Все материалы комбинировали, украшая бисером. Иногда изделия дополняли с боков небольшими лоскутками ткани, а сверху — крестовидной матерчатой перетяжкой.

В зависимости от региона названия кольцевидных уборов несколько отличались: в селении Маука их называли *хэтоммойб*, в Б. Такоэ — *хэтоумуе*, в Тарантомари — *ноипороину*. Были и такие названия, как *хэтомуйех*, *инау-хэтоммойб* (слово *инау* указывает на то, что «венец» сплетен из стружек или в нем присутствуют стружки), *орикон-хэтоммойб* («венец» из осоки *орикон*), а также *махнэку-хэтоммойб* («венец» женский). Носили такие уборы зимой и летом мужчины и женщины.

Рис. 143. Женская головная повязка айнов Сахалина для повседневного использования *хэтоммойб*. РЭМ (№ 2806-22)

Рис. 144. Лечебная повязка айнов Сахалина *хэтоммойб*. МАЭ РАН (№ 700-185). Источник: [Айнские коллекции 1998: 19]

Следует отметить, что среди «венцов» встречаются изделия для повседневного пользования, лечебные и ритуальные (рис. 143, 144). «Венцы», сплетенные из древесных стружек в виде широкого кушака, обрамленного хлопчатобумажной тканью, служили для лечения головной боли, а уборы из древесных жгутов или веревок играли культовую роль [Штернберг 1905: 295].

На культовое или лечебное назначение указывают некоторые *ноипороину* из Российского этнографического музея: к одной из них (на перетяжке сверху) прикреплена небольшая деревянная фигурка птицы, к другой — фигурка животного, еще к одной (спереди) — отрезок материи, напоминающий глазную повязку. Видимо, деревянные фигурки — это амулеты, а материя — лечебная повязка для глаз.

Отдельного рассмотрения требуют налобные повязки, известные под общим названием *матаннусь*. По форме *матаннусь* делились на два вида — с расширенной центральной частью и двумя узкими завязками по краям, а также одинаковой ширины по всей

Рис. 145. Налобная повязка айнов Хоккайдо *матаннусь*. Государственный этнологический музей Осака (№ Н-0145911). Источник: [Chishima, Karafuto, Hokkaido 2011: 155]

Рис. 146. Налобная повязка айнов Хоккайдо *матаннусь*. МАЭ РАН (№ 345-60). Источник: [Айнские коллекции 1998: 12]

длине (рис. 145, 146). Изготавливали их из хлопчатобумажной материи, реже — из шелковой ткани или ильма, украшали аппликациями и вышивками. Айны Сахалина также использовали бисер. У повязок с расширенной центральной частью тесемки обвязывались вокруг головы и завязывались узлом на лбу. *Матаннусь* в виде кушака по праздникам повязывались узлом спереди, а в повседневной жизни — сзади [Tsuda 2004: 68]. В целом в зависимости от ситуации способ ношения мог отличаться.

По мнению исследователей, изначально *матаннусь* носили только мужчины — чтобы волосы во время охоты в горах не растрепались и человек не уподобился злему духу. В настоящее время, тем не менее, головы повязывают только женщины — во время праздников и ритуалов [Ainu-no rekishi 2002: 16; Ainu-no ifukubunka 2001: 18; Kayano 2002: 423; Tsuda 2004: 68].

Чаще всего женщины носят повязки в виде кушака (одинаковой по всей длине ширины) черного цвета, иногда с белой вышивкой. На Хоккайдо их называли *хэкокарин*, а на Сахалине — *чепанун* (*чипанун*) (рис. 147) [Арутюнов, Щебенков 1992: 189; Kayano 2002: 396; Tsuda 2004: 68]. Обобщающим названием женских налобных повязок у айнов Сахалина выступали также *сапа-муй* (*сапамуйэх*) (*сапа* — «голова», *муй* — «завязывать», «связывать») и *паумбе*, а у ай-

нов Хоккайдо — *па-сина*, *пакэ-сина*, *сапа-сина* или *сапа-сина-амбэ* [Batchelor 1926: 414; Nishizuru 1942: 74; Tsuda 2008: 194].

В повседневной жизни айны Сахалина носили также длинные черные платки *сенькаки* или *тэ-ненькой*, которыми обертывали голову наподобие чалмы. М. М. Добротворский сравнивал их с японскими

Рис. 147. Женская налобная повязка айнов Сахалина *чепануп*.
Собрание Кодама Сакудзаэмон.
Источник: [Baba, Kodama 2000: 73]

налобными повязками, но без точного описания. Между тем у айнов Хоккайдо завоевали признание японские полотенца [Добротворский 1875: 24, 34; Кюннер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 33]. Айны Курил также «покрывали голову куском сукна» [Полонский 1871: 380].

Кроме налобных повязок и платков, почтенные старики на Хоккайдо в торжественных случаях надевали широкие орнаментированные (или без орнамента) «обручи» из бересты. Л. Я. Штернберг отмечал, что у айнов имелся ряд мифов об их происхождении и что они являлись «обязательным убором во время религиозных празднеств и пиршеств, а также для шаманов при камлании» [Штернберг 1929: 343; Кодама 2007: 96]. О том, как выглядели эти уборы, можно судить по сохранившимся до настоящего времени музейным экспонатам (рис. 148).

Рис. 148. Берестяной головной убор айнов Хоккайдо. МАЭ РАН
(№ 839-105/3). Источник: [Айнские коллекции 1998: 36]

§ 2. Наушники

На Сахалине айны, в основном мужчины, в холодное время года пользовались специальными наушниками (айнск. *кисаракаму*, *нотэкарись*) из нерпичьей кожи или меха, обшитыми хлопчатобумажной тканью и, как и прочие элементы костюма, украшенными аппликациями и вышивками (рис. 149). Сходные изделия бытовали в культурах, с одной стороны, нивхов, с другой — японцев. В айнских собраниях Российского этнографического музея, например, хранятся наушники японского производства *кисара-пукуру*, сшитые из серого драпа на белой байковой подкладке. Таким образом, айны могли делать наушники сами или приобретать готовые у соседних народов.

Рис. 149. Наушники айнов Сахалина *кисаракаму*. МАЭ РАН (№ 700-35).
Источник: [Айнские коллекции 1998: 48]

§ 3. Глазные повязки

Появление в айнской культуре такого атрибута, как глазная повязка (айнск. *сикахках*, *сикахка* или *каккиро*), было вызвано специфическими глазными болезнями. По данным этнографов, айны весьма страдали от этих болезней вследствие «нечистоплотности, постоянного дыма в юртах и сильных ветров с песчаной или ледяной пылью» [Анучин 1876: 198]. Кроме того, обострениям глазных инфекций способствовало ослепительное сияние снежного покрова.

«Наглазники» представляли собой широкий отрез хлопчатобумажной ткани с двумя лентами-завязками по бокам. Отрез ткани нередко орнаментировался аппликациями, вышивками и бисером [Добротворский 1875: 292; Nishizuru 1942: 4; Shigeki 1999b: 186]. Такого рода изделия часто встречаются в коллекциях разных музеев, в том числе в Музее антропологии и этнографии. Экспонат, храня-

Рис. 150. Глазная повязка айнов Сахалина *оккао-ськахка* (вверху). МАЭ РАН (№ 700-252). Пожилой айн с аналогичной повязкой на глазах (внизу). Источник: [Айнские коллекции 1998: 21; Nishizuru 1942: 4]

щийся здесь, в 1903 г. приобрел на Восточном побережье Сахалина Б. О. Пилсудский (рис. 150). Он сшит из хлопчатобумажной ткани черного и желтого цветов, украшен стеклянными бусинами и по описи значится как *оккао-ськахка*¹⁰.

§ 4. Шарфы

Сведения о шарфах, как и о наушниках и глазных повязках, касаются в основном айнов Сахалина. По словам Ф. М. Депрерадовича, например, сахалинские айны (и мужчины, и женщины) носили на шее боа (айнск. *тонохпе, тонокпе*). Для их изготовления использовали беличьи хвостики [Депрерадович 1877: 5]. Два таких боа удалось обнаружить среди айнских коллекций в Российском этнографическом музее: один — из кружочков меха кабарги, нанизанных

¹⁰ По мнению В. Д. Косарева, данное название следует правильно произносить *охкайо-сикахка* (мужская глазная повязка). Возможно, ошибка была допущена при составлении описи.

Рис. 151. Боа айнов Сахалина *тонохпе*. РЭМ (№ 2806-38)

на матерчатый шнур, второй — из кусочков оленьего меха (рис. 151). Не исключено, что эти предметы айны приобретали у народов Нижнего Амура [Кодама 2007: 98]. По крайней мере, широкого распространения среди айнов они не получили.

Согласно наблюдениям этнографов, боа широко бытовали и на Амуре, и в некоторых районах Сибири (у якутов, юкагиров, эвенков). В низовьях Амура их носили мужчины — на шее или на голове [Смоляк 1984: 147].

У М. М. Добротворского есть запись о том, что в холодное время и при сильном ветре сахалинские айны надевали на шею шарфы *трекутумбе* [Добротворский 1875: 34]. *Трекутумбе* — то же, что *рэкутумпэ* — название шейных айнских украшений в виде матерчатой ленты, о которых речь пойдет далее. Подробного описания *трекутумбе* нет, поэтому неясно, о каком «шарфе» писал исследователь.

§ 5. Пояса

Поскольку основной айнской одеждой был распашной халат, то пояс (айнск. *кут*) оказывался незаменимым. Поясами затягивали одежду на талии и, кроме того, к ним подвешивали предметы первой необходимости — ножи, курительные трубки, кисеты [Хагинака 1992: 128].

Пояса называли собирательным словом *кут*, на Хоккайдо еще встречалось название *куци*, а на Сахалине — *куци* или *кух*. Для некоторых разновидностей этого атрибута существовали специальные термины.

Изготовлением поясов занимались женщины, они ткали их на станках, аналогичных *аттусикар-нэ* (станки для изготовления *аттуси*). Пояс должен был выглядеть нарядно, ведь, кроме практической роли, он рассматривался как важная часть украшения костюма. В тех или иных местностях *кут* различались формой и декором. Для айнов Хоккайдо типичны изделия из луба, а также пояса с вплетенными крапивными и цветными хлопчатобумажными нитями (рис. 152) [Sasaki 1995: 49]. В ширину они были около 10 см и достигали такой длины, чтобы можно было обвязаться два раза [Tsuda 2004: 60]. Оба конца покрывались хлопчатобумажными тканями и оставались всегда спереди. Айны Сахалина ткали пояса из тех же материалов, что и хоккайдские, но предпочтение отдавали узким крапивным кушакам шириной, по данным М. М. Добротворского, «в два пальца». Назывались они *анэ-кут* (айнск. *анэ* — тонкий) (рис. 153) [Добротворский 1875: 13, 260]. В обиходе были также

Рис. 152. Пояс айнов Хоккайдо из луба и хлопчатобумажной ткани *кут*. МАЭ РАН (№ 839-65). Источник: [Айнские коллекции 1998: 83]

Рис. 153. Пояс айнов Сахалина из луба и хлопчатобумажной ткани *анэ-кут*. МАЭ РАН (№ 829-372). Источник: [Айнские коллекции 1998: 30]

Рис. 154. Пояс айнов Сахалина из хлопчатобумажной ткани и крапивы *поро-кут*. МАЭ РАН (№ 700-50а).

Источник: [Айнские коллекции 1998: 15]

анэ-кут из крапивных и хлопчатобумажных нитей и из луба, обшитые хлопчатобумажной тканью и украшенные вышивками и голубыми бусинами. Как правило, у перечисленных разновидностей поясов на концах пришивались широкие отрезки ткани, что отличало их от хоккайдских аналогов. Повязывались они так, что оба конца располагались либо спереди, либо с левой стороны [Tsuda 2004: 66].

Кроме узких *анэ-кут*, сахалинские айны носили широкие крапивные пояса *пара-кут*, *поро-кут* или *поро-куци* (*поро* означало большой, а *пара* — широкий) (рис. 154) [Добротворский 1875: 13, 260; Латышев, Прокофьев 1988: 79]. Их украшали продольными полосами окрашенных волокон, а с обоих концов обшивали хлопчатобумажными лоскутками с вышивками и бусинами [Baba, Kodama 2000: 74]. У женщин также были кожаные пояса с металлическими накладками и кольцами *кань-кух* или *канэ-кух* (рис. 155) [Sasaki 1995: 38]. Предполагается, что в прошлом они применялись в культовой практике, что подробно было рассмотрено в другой главе.

Курильские айны пользовались узкими поясами, напоминавшими сахалинские, и широкими расшитыми поясами из хлопчатобумажной ткани с металлическими кольцеобразными застежками или пуговицами (рис. 156). Последние сохранились в коллекциях Государственного этнологического музея Осака. Они назывались *ю-кут* и, по мнению Т. Сасаки, отражали русское влияние [Ibid.: 9].

Рис. 155. Айны Сахалина в традиционной одежде.
Источник: [Тогii 1919: pl. XX]

Рис. 156. Пояс курильских айнов *ою-кут*. Государственный этнологический музей Осака (№ К-0002382).
Источник: [Chishima, Karafuto, Hokkaido 2011: 82]

§ 6. Передники

Передники в айнской культуре известны как элемент украшения, нежели часть рабочей одежды, необходимой в хозяйстве. Поэтому они часто покрывались традиционным орнаментом и использовались во время важных церемоний или исполнения танцев. Общепотребительное название передников — *маэтарэ* (*мантари*, *маэдари*, *маэтари*, *майдари*) — скорее всего, происходит от японского *маэкакэ* [Латышев, Прокофьев 1988: 78; Ainu-no rekishi 2002: 16; Кауано 2002: 425]. На Сахалине также встречалось обозначение *икутуни* [Добротворский 1875: 83].

По форме передники *маэтарэ* были четырехугольные, с двумя тесемками, и достигали такой длины, что прикрывали колени. Их изготавливали из луба или хлопчатобумажной ткани, а украшали аппликациями из полос хлопчатобумажных тканей и вышивкой (рис. 157). Декор на хлопчатобумажных изделиях чаще ограничи-

Рис. 157. Передник айнов Хоккайдо из луба *маэтарэ*. РЭМ (№ 8762-17096)

Рис. 158. Передник айнов Сахалина из хлопчатобумажной ткани *маэтарэ*. МАЭ РАН (№ 700-47). Источник: [Айнские коллекции 1998: 15]

вался вышивкой (рис. 158). Иногда айны приобретали готовые японские передники, но в этом случае обязательно дополняли их собственным орнаментом [Ainu-no ifukubunka 2001: 19].

Хотя ныне передники носят только женщины, в прошлом их надевали и мужчины [Ainu-no rekishi 2002: 16]. Можно предположить, что они служили одним из элементов защиты для охотников и рыбаков на промыслах, как это было у нанайцев, ульчей, негидальцев, орочей, удегейцев. Нижнеамурские народы делали их в виде трапециевидного или прямоугольного полотнища из рыбьей кожи, ровдуги или грубой ткани. Знали передники и нивхи. В то же время у подавляющего большинства других народов Сибири и Севера этот элемент одежды отсутствовал [Смоляк 1984: 172, 175].

§ 7. Рукавицы и полуперчатки

В сильные морозы айны Сахалина носили рукавицы — *матумэрэ* или *хок-матумэрэ* (рис. 159). В основном их шили из шкур собак, оленей, нерп, реже — из меха зайцев, белок и других животных. Меха комбинировались, а снаружи нашивалась хлопчатобумажная ткань [Sasaki Toshikazu 2001: 168; Roshia minzokuhakubutsukan 2005: 116]. Иногда для большого пальца оставлялось отверстие с клапаном, украшением же по традиции служили аппликации из хлопчатобумажных тканей и вышивки. Похожие рукавицы широко использовали айны Камчатки (назвались *эммук*), а также малые народы низовьев Амура. Известно, например, что на Амуре изделия с прорезью у основания пальца и клапаном являлись важным аксессуаром одежды охотников [Добротворский 1875: 458; Смоляк 1984: 147; Sasaki 1995: 8].

Рис. 159. Рукавицы айнов Сахалина *матумэрэ*. МАЭ РАН (№ 829-368).
Источник: [Айнские коллекции 1998: 69]

Повсеместно у айнов получили распространение полуперчатки. Они были двух видов: полностью облегавшие кисть руки (айнск. *тиками-котэ*) и закрывавшие лишь тыльную сторону (айнск. *тэ-кумпэ*) (рис. 160, 161) [Tsuda 2004: 69]. На их изготовление шли хлопчатобумажные ткани, луб, шкуры животных. Орнамент выполнялся в виде аппликаций и вышивок [Sasaki 1995: 93]. На запястье полуперчатки завязывали тесемками¹¹. Кроме того, на Сахалине айны

¹¹ В МАЭ РАН хранятся хлопчатобумажные *тэкумпэ*, которые по описи числятся как «полурукавички с застежками, японские».

Рис. 160. Полуперчатки айнов
Хоккайдо *тиками-котэ*.
РЭМ (№ 2807-23/2)

Рис. 161. Полуперчатки айнов
Сахалина *тэкумпэ*.
РЭМ (№ 5110-179/2)

Рис. 162. Нарукавники айнов
Сахалина *мойсима*. МАЭ РАН
(№ 202-65 аБ). Источник:
[Айнские коллекции 1998: 41]

носили своеобразные нарукавники *мойсима* — длинные матерчатые ленты с завязками на концах, которыми подвязывали рукава при езде на собачьих упряжках (рис. 162). Скорее всего, *мойсима* были заимствованы у нивхов [Добротворский 1875: 172; Ainu-no yosooi 1999: 16; Roshia minzokugakuhakubutsukan 2005: 116].

§ 8. Штаны

Штаны изначально не были типичны для костюма айнов. Упоминание о них впервые встречается у М. Риндзо в «Хокуибункайёва» (1810). По наблюдениям путешественника, туземцы Сахалина носили их вместе с шубами.

Б. О. Пилсудский зафиксировал предания о том, что нивхи при первой встрече с айнами были удивлены отсутствию у них такой важной зимней одежды, как штаны, и что впоследствии айны переняли их [Пилсудский 1909: 12]. Согласно Л. И. Шренку и М. М. Добротворскому, штаны, как и головные уборы, айны надевали не всегда.

Так или иначе у сахалинских айнов в XIX в. были распространены японские хлопчатобумажные штаны *момохики*, а также самодельные из собачьих шкур. Первые назывались в общем *опомнэ*, а вторые — *опомнэ* или *сэта-опомнэ* (*сэта* — собака) (рис. 163). На *сэта-опомнэ* шли шкуры белых собак [Nishizuru 1942: 76].

В словаре М. М. Добротворского айнские штаны обозначены как *умумби* или *омумбэ*. Он предполагает, что основа — *ому-ун-бе*,

Рис. 163. Штаны айнов Сахалина из хлопчатобумажной ткани *опомнэ*. РЭМ (№ 2807-66)

дословно «предмет ноги» [Добротворский 1875: 369]. Штаны называли и словом нивхского происхождения *ойо* [Анучин 1876: 198; Nishizuru 1942: 76; Sasaki Toshikazu 2001: 67]. Кроме того, со ссылкой на японский источник «Моисиогуса» М. М. Добротворский отмечал, что подштанники айны называли *инаси, исима* (женские) или *геракецу* [Добротворский 1875: 56, 85, 96].

У айнов Хоккайдо штанов не было. Известно, что айны Итурупа (относились к культурному ареалу Хоккайдо) также не носили штанов. Но в письменных источниках изредка встречаются упоминания о штанах айнов с других Курильских островов. По Крашенинникову, у курильских айнов они назывались *ойо*, а у камчатских — *омомпе* [Там же: 218, 224].

Очевидно, что айны Сахалина, Курильских островов и Камчатки пользовались штанами не только из-за холодного климата, но и в силу обычая ездить на собачьих упряжках, в отличие от айнов Хоккайдо, которые собачьими нартами не пользовались [Sasaki Toshikazu 2001: 169].

§ 9. Набедренные повязки и «пояса целомудрия»

Набедренные повязки как часть айнской одежды представляют особый интерес. Исследователи давно задаются вопросом: откуда у народа, живущего в северных климатических условиях, этот атрибут, присущий народам тропиков?

Набедренные повязки айнов разделялись на женские и мужские и могли отличаться по форме в зависимости от региона. На Хоккайдо мужские назывались *тэна* («ткань»), на Сахалине — *тэна, чошке*, или *аттусь-чошке* (повязка из луба) [Добротворский 1875: 426; Batchelor 1926: 473]. Их изготавливали из луба, волокон крапивы, привозной хлопчатобумажной ткани.

И сахалинские, и хоккайдские *тэна* состояли из полосы ткани без орнамента размерами примерно 60×20—30 см, к которой перпендикулярно пришивались одна длинная или две узкие тесьмки так, что получалось изделие в форме буквы «Т» (рис. 164, 165). Кусок ткани и тесьма часто были из разного материала, например из луба и шелка или из крапивного волокна и хлопчатобумажной материи. Тесьма обвязывалась вокруг талии, а полоса ткани пропусклась через промежность и завязывалась на тесьме спереди. Иногда оставшийся конец ткани оставляли свободно висеть.

Рис. 164. Айн Сахалина
в набедренной повязке *тэпа*.
МАЭ РАН (№ 3312-371)

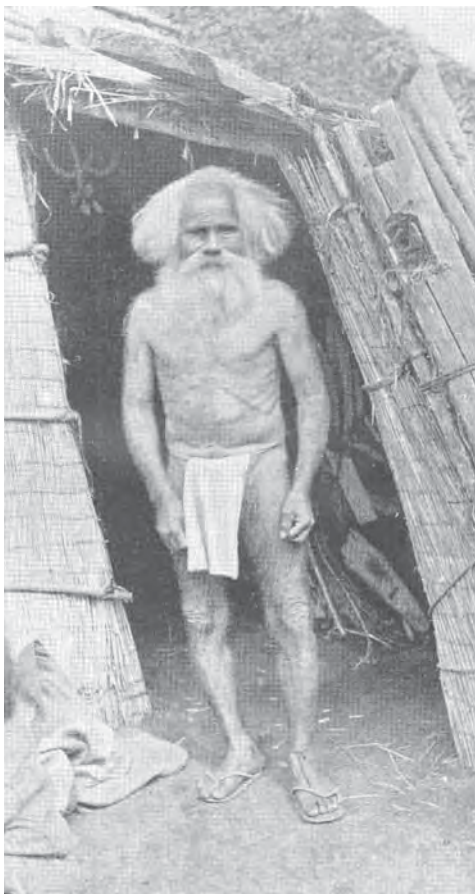

Рис. 165. Айн Хоккайдо
в набедренной повязке *тэпа*.
Источник: [Hitchcock 1892: pl. LXXXIX]

Считается, что в целом мужские айньские повязки тождественны таковым у австронезийских народов. Кроме того, они отчасти напоминали японские [Арутюнов, Щебенков 1992: 189; Кюннер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 271. Л. 33; Штернберг 1929: 342].

Тории Рюдзо обратил внимание на набедренные повязки айнов Курильских островов в виде полосы ткани длиной около 60 см

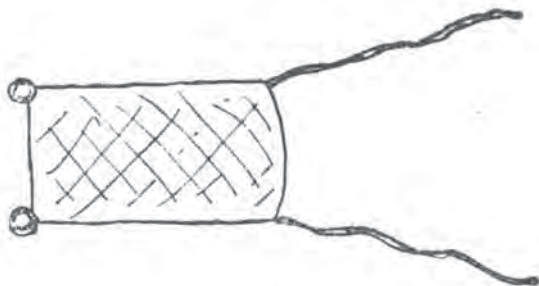

Рис. 166. Набедренная повязка айнов Курильских островов.
Источник: [Тогii 1919: 158]

с завязками и двумя петлями (рис. 166). Их особенностью было то, что тесьму на талии пропускали через петли, после чего завязывали [Montandon 1937: 87; Тогii 1919: 158]. Скорее всего, петли можно считать собственным изобретением айнов.

Женские набедренные повязки вошли в научную терминологию как «пояса целомудрия» или «пояса стыдливости». Их обязательно носили замужние женщины¹². Хоккайдский вариант представлял собой тонкую тесьму из крапивного волокна, коры целаструса или ильма (айнск. *пон-кут* (маленький пояс)) с небольшим кусочком ткани (или несколько кусочков) в форме ромба (айнск. *исьма*) [Kindaichi 1941: 30]. Назывались такие изделия *упусорон-кут*, *упонро-кут* (пояс на теле), *упсор* (пазуха, лоно), *упсор-ун-кут*, либо *ра-ун-кут* (нижний пояс) (рис. 167) [Арутюнов, Ще-

Рис. 167. Женские набедренные повязки айнов Хоккайдо *упсор-ун-кут*: *ким-ун-камуй* (слева) и *рэн-ун-камуй* (справа). Источник: [Мунго 1963: 14]

¹² У Б. О. Пилсудского встречается упоминание о девичьих набедренных повязках *цяхцянки*. Однако их описания, а также сведений относительно истории бытования нет [Аjnu-нуса 2004: 242].

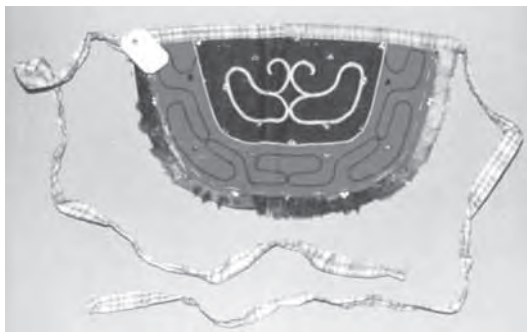

Рис. 168. Женская набедренная повязка айнов Сахалина *чах-чанка*. МАЭ РАН (№ 700-227а). Источник: [Айнские коллекции 1998: 20]

беньков 1992: 190; Хагинака 1992: 128]. На Сахалине получили распространение пояса в виде тесьмы с широким отрезком ткани в форме полуовала или прямоугольника, крепившимся посередине (рис. 168). Украшениями служили аппликации, вышивка, бисер. Эти пояса называли *чах-чанка* или *чах-чанки* [Kagafuto ainu 1996: 27].

Пояса целомудрия прежде всего были особым знаком, определявшим родство по материнской линии. По их виду и способу надевания судили о женской родословной. Эти пояса бережно передавались по наследству. Кроме того, по айнским поверьям, «нижний пояс» *ра-ун-кут* был связан с природными силами и богиней огня — обладательницей такого же пояса. Поэтому в трудных ситуациях женщины уповали на *ра-ун-кут* как на оберег, ожидая помощи всемогущего божества [Арутюнов, Щебенков 1992: 191].

§ 10. Наголенники

Если у айна не было поясной одежды, то ему непременно требовались наголенники, чтобы защищать ноги ниже колен, где халат их уже не прикрывал. Особенно остро потребность в наголенниках ощущалась на промыслах в тайге и горах, но были и праздничные варианты, предназначавшиеся для торжественных церемоний.

На Хоккайдо наголенники назывались *хось*, летний вариант — *сак-хось* (рис. 169) [Кауано 2002: 254; Tsuda 2004: 69]. Изготавливали их из кусков хлопчатобумажной материи, луба (ильма, вяза, липы), оленьей шкуры или рогоза, нередко пришивали подкладку и украшали аппликациями и вышивками. Для торжественных случаев наиболее подходили *хось* из хлопчатобумажной ткани с орнамен-

Рис. 169. Наголенники айнов Хоккайдо из хлопчатобумажной ткани *хось*. МАЭ РАН (№ 839-82/2). Источник: [Айнские коллекции 1998: 85]

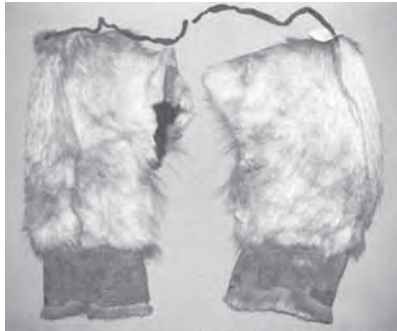

Рис. 170. Наголенники айнов Сахалина из собачьего меха *хось*. МАЭ РАН (№ 700-158). Источник: [Айнские коллекции 1998: 54]

том, для повседневного пользования — из луба или других материалов без украшений.

Хлопчатобумажные наголенники изготавливались в виде трубки, сшивавшейся почти по всей длине либо только в верхней части, или четырехугольного куска ткани, который оборачивался вокруг голени. У тех и у других имелась специальная тесьма (могла располагаться и сверху, и снизу), которой *хось* привязывали к голени.

У айнов Сахалина в обиходе были матерчатые наголенники, известные как *хось* или *гампаки* (мужские наголенники могли называться *охаю* (*огаю*)-*гампаки*, женские — *махнеку-гампаки*), а также наголенники из шкуры оленя, нерпы или собаки [Karafuto ainu 1996: 25; Tsuda 2004: 69]. Изделия из собачьего меха сверху обшивались тканью, а снизу дополнялись хлопчатобумажными надставками (рис. 170) [Добровотворский 1875: 76].

§ 11. Обувь

Айны носили обувь нескольких видов, которые можно условно разделить на летние и зимние. При этом пользовались обувью не всегда. Так, по наблюдениям А. Э. Лаксмана, на Хоккайдо с весны до поздней осени, вплоть до выпадения снега, туземцы ходили босыми. Однако известно, что хоккайдцы все же носили летние сандалии, плетенные из виноградной лозы или коры орехового дерева (айнск. *суту-кэр*), и деревянные изделия (айнск. *пиракка*) наподобие японских *гэта* (рис. 171, 172, 173) [Анучин 1876: 97; Hitchcock

Рис. 171. Обувь айнов Хоккайдо из виноградной лозы *суту-кэр*. МАЭ РАН (№ 839-98а, б).

Источник:

[Айнские коллекции 1998: 85]

Рис. 172. Деревянная обувь айнов Хоккайдо *пиракка* из памятника Биби 8 середины XV — второй половины XVII в. (слева) и второй половины XVII — середины XVIII в. (справа). Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Источник: [Morioka 2001: 119]

Рис. 173. Деревянная обувь айнов Хоккайдо *пиракка*. РЭМ (№ 2807-37/2)

1891: 493; Кауано 2002: 281]. Деревянные сандалии часто приобретали у японцев.

Летняя обувь айнов Сахалина напоминала хоккайдскую. Здесь в дорогу надевали сандалии из рисовой соломы, осоки или виноградной лозы *варанджи* (от японского *варадзи*), а в селах, если было грязно, — деревянные *пиракха* (то же, что и *пиракка*, то есть *гэта*) [Депрерадович 1877: 5; Добротворский 1875: 34; Шренк 1899: 96]. Детскую обувь делали и из хлопчатобумажной ткани. По мнению Л. Шренка, использование деревянной обуви отличало айнов от нивхов и других амурских народов [Шренк 1899: 96].

Наиболее общее название зимних сапог у айнов — *киро* и его производные: на Хоккайдо — *кэри*, *кэр*; на Сахалине — *киро*, на Курильских островах — *кэри*, *кир* [Добротворский 1875: 137]. Между тем в обуви различных регионов наблюдаются специфические черты. Среди хоккайдских айнов широкое распространение получили изделия из шкуры оленя (айнск. *юк-кэр*) и рыбьей кожи (айнск. *чеп-кэр*) (рис. 174) [Арутюнов, Щебеньков 1992: 189]. Первые изготавливали из шкуры с ног животного с тонким волосяным покровом — камусом. Копыта могли служить каблуками. Сшивали все нитями из оленьих сухожилий [Там же: 192]. Из рыбьей кожи наиболее пригодным материалом для обуви считалась кожа горбуши. Некогда жители прибрежных районов специально выменивали ее на жир морских животных и использовали для производства сапог [Кауано 2002: 453]. Разновидностью *чеп-кэр* были изделия, нижняя часть которых изготавливалась из рыбьей кожи, а верхняя, по образцу наголенников — из луба. Их тоже носили зимой [Ainu ko:geihinten 1999: 45].

Рис. 174. Обувь айнов Хоккайдо из оленьей шкуры *юк-кэр*.

Источник: [Кауано 2002: 453]

Рис. 175. Снегоступ айнов Сахалина с сапогом из шкуры животного. МАЭ РАН (№ 700-142/2ab). Источник: [Айнские коллекции 1998: 18]

В обуви из шкур и рыбьей кожи айны вставляли на снегоступы (рис. 175). При этом обувь из шкур считалась более удобной [Hitchcock 1891: 492].

У сахалинских айнов зимняя обувь была намного разнообразнее, нежели у айнов Хоккайдо. Ее делали из шкур морских и реже — наземных животных, без подошвы, с треугольной вставкой на подъеме (амурский тип) [Смоляк 1984: 148]. Нередко разные материалы сочетались: на нижнюю часть шла кожа сивуча или чевицы (сахалинский таймень), а на голенища — шкура нерпы или темно-синяя даба (айнск. *киро*). меховые голенища, как правило, по верхнему краю выворачивали и обшивали полосой хлопчатобумажной ткани с вышивкой (этим они напоминали нивхские изделия) (рис. 176). Внутри сапог набивали мягкую траву — разновидность осоки (айнск. *муникиро*)¹³ [Добротворский 1875: 70; Полевой 1995: 151; Шренк 1899: 96; Ainubunkaten 1972: 30].

Торбаса *киро* могли отличаться между собой не только материалом, но и формой. Например, у некоторых головка делалась короткой, и такие изделия айны называли *тённа-киро* [Roshia minzokugakuhakubutsukan 2005: 117].

¹³ Согласно описи Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН сапоги из сивуча и нерпы могли называться *камуй-киро*.

Рис. 176. Обувь айнов Сахалина из кожи сивуча и шкуры нерпы *киро*. МАЭ РАН (№ 202-54а, в).
Источник: [Айнские коллекции 1998: 10]

Рис. 177. Обувь айнов Сахалина из рыбьей кожи *киро*.
Собрание Кодама Сакудзаэмон. Источник: [Vaba, Kodama 2000: 77]

Не менее популярной была обувь из рыбьей кожи (айнск. *киро*, *че-ка-киро*, *чикарика-киро*) (рис. 177). Подходящим материалом для нее считали кету или горбушу, для оторочки использовали хлопчатобумажную ткань. Сшивали *че-ка-киро* нитями из сухожилий животных или крапивы.

Отметим, что мужские сапоги не отличались от женских, кроме названия: к слову *киро* добавляли *охкаю* или *охкаё* («мужской»), получалось *охкаю-киро* [Добротворский 1875: 421; Nishizuru 1942: 76]. М. М. Добротворский также упоминает сапоги сахалинских айнов *эту-кор-киро* — с длинными и тонкими носками, загнутыми кверху (*эту* — «носок»). Это была обувь для дома, а также для слепых стариков, которые не отходили далеко от своего жилища и, следовательно, не могли споткнуться [Добротворский 1875: 77].

Сапоги *эту-кор-киро* удалось обнаружить в одной из коллекций МАЭ РАН, привезенной с Сахалина Б. О. Пилсудским. Они представляют собой обычные торбаса с кожаной головкой (по всей видимости, кожа морского животного), голенищами, сшитыми из кусков шкуры нерпы и хлопчатобумажной оторочкой. Отличает эту обувь конструкция носка — он загнут кверху и плотно прошит. Впрочем, носок не такой большой (2 см), как следует из описания М. М. Добротворского. Можно предположить, что в некоторых случаях он мог быть и больше.

Интересно, что сапоги, подобные *эту-кор-киро*, пользовались значительным спросом среди ульчей и нивхов, при этом относились они к разряду женской праздничной обуви. При раскрое делали сильно вытянутый носок, образующий выступ, его стягивали и подгибали вверх [Смоляк 1984: 182].

Думается, что бытование сапог с вытянутым и загнутым носком на Нижнем Амуре не ограничивалось перечисленными народами. Появление же их в данном регионе, без сомнения, можно объяснить китайско-маньчжурским влиянием.

У айнов Курильских островов пользовались спросом сапоги из рыбьей кожи и тюленьей шкуры, схожие с сахалинскими, а также высокие сапоги до колен (айнск. *кэри*) из шкуры сивуча [Позднеев 1909, т. 1: 96]. Последние известны по собранию Государственного этнологического музея Осака, куда в 1899 г. их с о-ва Шикотан привез Тории Рюдзо (рис. 178). Кроме того, в японских письменных источниках первой половины XIX в. содержатся сведения об обуви из морского бобра [Климов 2012: 81]. Курильских айнов в такой обуви видели японские чиновники в 1805 г., когда те посещали Сахалин.

По всем данным, айнский костюм обладал ярко выраженными региональными отличиями. Они были обусловлены, с одной стороны, климатическими условиями, с другой — этнокультурными влияниями соседних народов. Такие составные компоненты одеж-

Рис. 178. Сапоги айнов Курильских островов из шкуры сивуча *кэри*.
Государственный этнологический музей Осака (№ К-0002376).
Источник: [Chishima, Karafuto, Hokkaido 2011: 152]

ды, как меховые шапки, шарфы, наушники, рукавицы, штаны, получили распространение главным образом среди айнов северных районов с холодным климатом.

Украшения

Богатство айнской культуры в числе многих других артефактов показывают их украшения, разнообразные и искусные. Их носили и по будням, и особенно в праздники; все разнообразие украшений условно можно разделить на головные (серьги), шейно-нагрудные (ожерелья), наручные (браслеты и кольца).

Серьги издавна надевали и мужчины, и женщины (в настоящее время их используют в основном только женщины), а ожерелья, браслеты и кольца были чисто женскими принадлежностями [Ainu-no biso:i 1998: 16; Sasaki 1995: 48].

§ 1. Серьги

Первое свидетельство, касающееся айнских серег, дает археологический материал. Это оловянные изделия, найденные на Хоккайдо в местности Ацума в женском и мужском погребениях первой

половины XIV в. (памятник Оникисибэ-2, могилы № 1; № 3) [Inui 2011: 62]. Далее информация о том, что хоккайдские айны носили в ушах серебряные кольца либо лоскутки шелковой материи, встречается в записях начала XVII в. итальянского миссионера Джироламо де Анджелеса. Позднее их описания и рисунки появляются у других путешественников. По Б. О. Пилсудскому, айнские женщины на Сахалине любили носить сразу по несколько пар серег, особенно если отправлялись в гости [Пилсудский 2004: 129].

На Хоккайдо серьги называли *нинкари*, а на Сахалине — *нинкари* или *ипуйно*. Чаще всего это были кольца с подвесками, диаметром 5–7 см, их изготавливали из латунной, реже серебряной проволоки или прутка (рис. 179, 180). Подвесками служили металлические и стеклянные шарики (нередко с ажурной резьбой), овоидные бусины, красные тряпицы [Прокофьев 2005: 68; Hasebe 2004: 110].

Шотландский ученый Н. Г. Манро рассматривал серьги айнов как амулеты, предохранявшие ушные раковины от проникновения через них в тело человека злых духов [Munro 1963: 61]. Думается, изначально *нинкари* должны были играть не декоративную, а в первую очередь магическую роль.

Ношение серег не было характерно лишь для айнов, они широко распространились у народов Дальнего Востока; по данным Л. И. Шренка, их носили все жители Нижнего Амура. Между тем японцы ушными украшениями не пользовались.

Много коллекций айнских серег собрано в российских и зарубежных музеях. Некоторые экспонаты отличаются тщательной отделкой и качеством материала, другие же скромны и непритязательны. В прошлом серьги наряду с различными украшениями и деталями одежды указывали на социальное и имущественное положение владельца.

Рис. 179. Серьги айнов Хоккайдо *нинкари* из памятника Кацуямадатэ XV–XVI вв. Комитет по вопросам образования г. Каминокунни. Источник: [Matsuzaki 2001: 77]

Рис. 180. Серьги айнов Хоккайдо *нинкари*. РЭМ (№ 2807-18/2)

§ 2. Ожерелья

Наиболее привлекательным женским украшением, без сомнения, были ожерелья — связки стеклянных бус, часто с подвесками. Они назывались *тамасай*, *имут* и *имухсай* (рис. 181, 182). Для ожерелий с подвеской существовали особые названия — *ситоки* (то же, что и «подвеска») либо *имут-ситоки* [Karafuto ainu 1996: 17; Batchelor 1926: 181; Kayano 2002: 297].

Рис. 181. Ожерелье айнов Хоккайдо *тамасай* из памятника Пипауси I периода Средние века — Новое время. Комитет по вопросам образования г. Биратори.
Источник: [Mogioka 2001: 109]

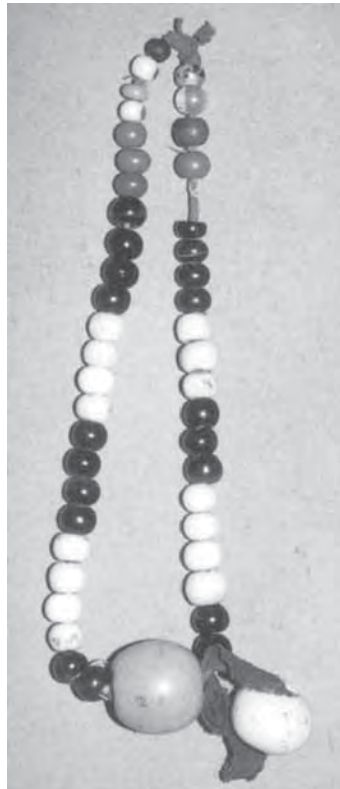

Рис. 182. Ожерелья айнов Хоккайдо *тамасай*. МАЭ РАН (№ 839-76).
Источник:
[Айнские коллекции 1998: 84]

Бусины ожерелий варьировались по размеру. Условно их можно разделить на малые, средние и большие. Наиболее крупные достигали 4–5 см, самые мелкие — 3 мм. Изделия диаметром до 1 см были, как правило, китайского производства и попадали к айнам с материка через нивхов [Ainu-no biso:i 1998: 16]. Бусины крупнее 1 см представляли собой японскую продукцию [Sasaki Toshikazu 2001: 170]. Японцы делали их для айнов на Хонсю в Эдо и Осака, а на Хоккайдо — в Мацумаэ [Ainu-no rekishi 2002: 16]. Чаще всего встречаются слегка приплюснутые шарики голубого, белого, черного и желтого цветов [Tsuda 2004: 67]. Эти бусины нанизывались на нити, которых в одном ожерелье могло быть до трех. Изредка можно обнаружить большие ожерелья с шестью связками бус. Столь роскошные украшения собраны в частной коллекции Кодама Мари.

Стеклянные бусины на ожерельях айны иногда дополняли кусками агата, янтаря, всевозможными кристаллами. Кроме того, между бусинами они вставляли японские или маньчжурские монеты с отверстием посередине (айнск. *ичени*, *ичани*), а также серебряные, латунные, свинцовые, деревянные, керамические шарики [Baba, Kodama 2000: 81].

Что касается *тамасай* (*имут-ситоки*, *ситоки*) с декоративными подвесками, каждая из них могла представлять собой высокохудожественный образец искусства, поэтому такие украшения стоили очень дорого (рис. 183). Подвесками служили металлические гарды мечей, зеркала, кольца, круглые или фигурные пластины (айнск. *ситоки*) японского, реже китайского производства [Sasaki 1995: 48]. Наряду с этим использовались и простые деревянные изделия собственного изготовления. Их могли наклеивать на металлическую основу [Tsuda 2004: 67].

Самая старая находка ожерелья *тамасай* сделана археологами на Хоккайдо в упомянутом женском погребении первой половины XIV в. (памятник Оникисибэ-2 (могила № 1)) [Inui 2011: 62]. Украшение состояло из стеклянных бусин (округлых, приплюснутых, трубчатых), нескольких монет и тонкой медной пластины, напоминающей по форме гарду японского меча — с прямоугольным отверстием по центру и двумя округлыми отверстиями в верхней части. Важно, что, кроме находки из Оникисибэ-2, найдены бусины и небольшая металлическая пластина округлой формы в полуподземном жилище заключительного периода Сацумон в Нэмуру (памятник Хониой). Предполагается, что это тоже были части *тамасай*

Рис. 183. Ожерелье айнов Хоккайдо *ситоки*. «Эдзоси», Араи Хакусэки (1720). Источник: [Arai 1720 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>]

[Ibid.: 64]. В таком случае налицо прямая преемственность между украшениями сацумонцев и айнов.

Киндаити Кёсукэ видел истоки происхождения *тамасай* в шаманизме [Kindaichi 1941: 27]. Вполне возможно, что исключительно декоративным элементом парадного женского одеяния айнов ожерелья, как и серьги, стали со временем. В этой связи заслуживают внимания бронзовые зеркала. Они, обнаруживаемые и на *ситоки*, издавна играли в дальневосточных и восточноазиатских культурах важную роль. В синтоизме, например, зеркало рассматривается как воплощение духа богини Аматаэрасу. Зеркалу поклонялись как подобию солнечного диска. Айны, в свою очередь, почитали деревянный диск с изображением двух свернувшихся змей, называемый *чуф-камуй* — «солнечный бог» (в айнской культуре змея имела непосредственное отношение к божеству солнца). Таким образом, зеркалу — символу японского солнечного божества соответствовали дискообразные изображения айнского солнечного бога [Окладникова 1995: 144]. Можно предположить, что и круглые декоративные пластины на ожерельях *ситоки* некогда имели отношение к тем же культам, выполняя функции покровительства и защиты.

Среди народов Сибири получили распространение зеркала китайского производства. Их называли *толи* и часто использовали на шаманских костюмах [Тэцу 2000: 122]. У ульчей и нанайцев, например, *толи* ассоциировались со щитом шамана, защищавшим от злых духов, с магическим предметом, помогающим предвидеть будущее, отражать добро и зло. Нанайцы верили, что при помощи *толи* можно не только узнать будущее, но и защититься от стрел врагов [Там же]. Более того, по верованиям нивхов, бронзовые зеркала были важными атрибутами проводов души в загробный мир, а также вместилищем духов-помощников [Там же: 123]. Возможно, подобные представления оказали влияние и на айнов. Но, кроме магической роли, в древности у амурских народов, как и у айнов, ожерелья служили социальным маркером их владельца. По «Внешним описаниям» китайской летописи «Ляодун чжи» («Описании области Ляодун»), составленной при династии Мин (1368–1644), предки нынешних нанайцев *цилели* (мужчины) вешали на уши жемчуг, а на шею носили железную гривну, «по наличию [этих украшений] узнают, бедны они или богаты» [Сунь Цзинь-цзы 2001: 58].

Как полагал Д. Н. Анучин, ссылавшийся на Луиса Фройса (1565) и других иезуитов, зеркало на груди айнов — не что иное, как

Рис. 184. Ожерелья айнов Хоккайдо *рэкутумпэ*. МАЭ РАН (№ 345-13).
Источник: [Айнские коллекции 1998: 43]

«большая медная бляха, носимая... для защиты от стрел» [Анучин 1876: 80]. Хотя данная информация в других источниках не встречается, предположение о защитных функциях ожерелий выглядит вполне правдоподобно.

Разновидностью айнских шейных украшений были изделия, называвшиеся на Хоккайдо и Сахалине *рэкутумпэ* (*трэкутумпэ*) — черные хлопчатобумажные ленты с тесемками (шириной около 3 см и длиной 55–60 см), к которым пришивались морские раковины, металлические пластины или бусины (рис. 184) [Левин, Дубровина 1969: л. 42; Ainu-no biso:i 1998: 16; Tsuda 2004: 67]. Изучение сохранившихся донные образцов *рэкутумпэ* позволяет выделить несколько устойчивых типов: в виде ленты с накладными пластинами; ленты с пришитым спереди четырехугольным кусочком материи; с прикрепленными перпендикулярно двумя другими лентами, на которых подвешивалась гарда японского меча или декоративная подвеска.

§ 3. Браслеты и кольца

Вместе с серьгами и ожерельями айнские женщины любили носить браслеты, известные на Хоккайдо и Сахалине под названием *тэк-орум-кане*, *тэк-орум-кани* или *тэк-ун-кани* [Добротворский 1875: 357; Batchelor 1926: 471]. Слово *тэк* или *тэ* в этих названиях значит «рука», а *кани* или *кане* — «металл».

Металлические браслеты представляли собой пластину из меди или медных сплавов, согнутую в овальное полукольцо (рис. 185). Диаметр достигал 7 см, поверхность часто украшалась гравировкой. Изготовлением таких украшений занимались японцы. Кроме металлических, айны пользовались и деревянными браслетами собственного производства, которые называли *тэк-ун-ни* (*ни* — дерево) [Tsuda 2004: 67].

Видимо, в древности ассортимент браслетов был шире. Так, в женском погребении памятника Оникисибэ-2 (первая половина XIV в.) найден железный браслет предположительно материкового происхождения. Похожее изделие обнаружено в Энива, в многослойном памятнике Юканбоси Е-7 [Inui 2011: 66].

Кольца, дополнявшие набор наручных украшений, айнки надевали по несколько штук (рис. 186, 187) [Добротворский 1875: 35]. Женщин с кольцами, в частности, встречал в 1643 г. в районе залива Анива капитан голландского судна де Фрис [Анучин 1876: 86]. Назывались кольца по-разному: *торун-кани*, *тун-кани*, *момпе* (*помпе*)-*торун-кани*, *момпе-тун-кани*, *аскепет-тек-орун-кани*. Слова *момпе* и *аскепет* можно перевести как «палец», а *торун-кани* — как «кольцо».

Как и браслеты, *торун-кани* были и японские, и самодельные. Их делали из железа, свинца или дерева. Возможно, от японцев айны получали и золотые изделия. По крайней мере, в айнском языке есть слово *те-конкани*, означающее «золотое кольцо» (*те* — рука, *конкани* — золото) [Добротворский 1875: 8, 173].

Рис. 185. Браслет айнов Хоккайдо (детский) *текутис*. РЭМ (№ 2807-21)

Рис. 186. Медное кольцо айнов Хоккайдо *торун-кани* из памятника Биби 8 середины XV — второй половины XVIII в. Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Источник: [Morioka 2001: 119]

Рис. 187. Ручные и поясные украшения айнов Сахалина.
МАЭ РАН (№ 1472-29)

Принадлежности для курения

§ 1. Трубки

Многие путешественники неоднократно отмечали, что айны, особенно мужчины, не могли обходиться без табака и чрезвычайно любили курить. Но применение табака не ограничивалось курением. Его использовали в судебной практике (для испытания подозревавшихся в каких-либо проступках айнок), культах (как посредник в общении с божеством, жертвоприношение, защитник от злых духов), медицине (для дезинфекции ран). В первом случае девушку заставляли выкурить несколько трубок, затем выбить пепел в чашку с водой и эту воду выпить. Культовое применение выражалось, например, в том, что во время путешествия в горах щепотку табака бросали горному духу, а при общении с божествами табак держали в руках, надеясь тем самым избежать ошибок в словах [Кюнер. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 302. Л. 48, 56; Mimura 2001: 156].

Когда и каким путем табак попал в айнскую культуру, точно не установлено. Известно лишь, что айнское слово *тампаку* (*тамбаку*) происходит от японского *табако* [Sasaki 1995: 74]. Видимо, обычай курить табак распространился среди айнов в то же время, что и у японцев, — на рубеже XVI–XVII вв.

Наравне с рисом и сакэ табак был одной из самых ценных статей торговли японцев со своими северными соседями. В различных районах Хоккайдо айны выращивали его даже самостоятельно. За неимением табака курили листья подбела японского или полыни [Mimura 2001: 156]. Как отмечал Ф. М. Депрерадович, айны Сахалина обходились «листьями какого-то растения, если не ошибаюсь, просто лапушника» [Депрерадович 1877: 16].

Курительные принадлежности включали трубки (айнск. *кисэри*), табакерки (айнск. *тампаку-он*), кисеты (айнск. *кахкомо*), футляры для трубок (айнск. *кисэри-он*) и огнива (айнск. *миро*) [Добро-творский 1875: 77; Кауано 2002: 298]. В коллекциях Российского этнографического музея хранится специальный чурбан для рубки табака (место приобретения не установлено), а в Музее антропологии и этнографии — камень с выдолбленным углублением для углей, использовавшихся для раскуривания трубок (айнск. *ику-сума*) [Российский этнографический 2007: 236].

Среди курительных трубок наибольшее распространение получили японские изделия, реже использовались маньчжурские

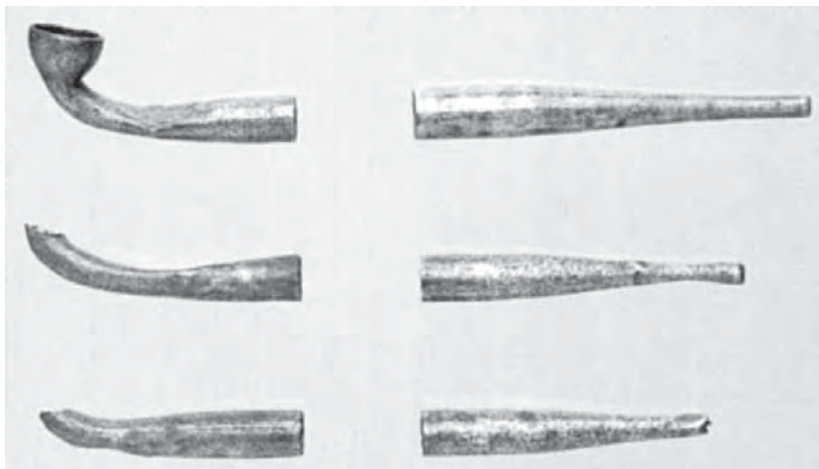

Рис. 188. Курительные трубки айнов Хоккайдо *кисэри* из памятника Опаусиной 1 периода Средние века — Новое время. Комитет по вопросам образования г. Биратори. Источник: [Morioka 2001: 105]

Рис. 189. Курительная трубка айнов Сахалина *кисэри*. РЭМ (№ 2808-17)

или собственные (рис. 188, 189). Японские трубки состояли из медных или латунных чубуков с чашечками, мундштуков и бамбуковых или деревянных вставок (айнск. *кисэри*). Со временем они видоизменялись: чашечка, в которую набивался табак, становилась меньше, чубук постепенно терял кривизну и выпрямлялся [Mimura 2001: 156].

В айнских коллекциях Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН хранится чукотская трубка (рис. 190). Она имеет толстый многогранный чубук, сужающийся к одному концу, со свинцовым мундштуком, а также чашечку, расположенную перпендикулярно к стволу [Антропова 1995: 244]. Нижняя часть трубки снабжена тремя прямоугольными отверстиями с заглушками (следы технологического процесса). Заглушки обмазаны смолой. Внутри

Рис. 190. Курительная трубка айнов Курильских островов *кисэри*.
МАЭ РАН (№ 810-1)

трубки — стружки. Очевидно, данное изделие использовалось айна-ми исключительно в культовых целях.

Самодельные трубки айны изготавливали из дерева, корней, стеблей, глины и камня. Известно, что деревянные трубки назывались *ни-кисэри*, а каменные — *сума-кисэри* («каменная трубка»). В айнском языке, кроме этого, существовали названия *сэрэмпо* и *ичерэмпо*, скорее всего общеупотребительные.

О каменных *сума-кисэри* известно очень мало, однако в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого можно увидеть и их. Это две трубки (в описи ошибочно указано «глиняные») с округлыми чашечками и прямыми чубуками (без мундштука), доставленные в 1880-е годы И. С. Поляковым с Южного Сахалина. Чубуки снабжены медными кольцами, на одной чашечке заметен геометрический орнамент. Обе трубки — редкие и ценные экспонаты. Керамическая же продукция до настоящего времени почти не сохранилась.

Мундштуки на самодельных трубках могли быть из стеблей бамбука или медные (японского производства, называвшиеся *оту*). Но айны нередко обходились и без них [Добротворский 1875: 348; Sasaki 1995: 75].

На медвежьем празднике его участники курили особые трубки с разветвлениями, которые назывались *камуй-кисэри* и тоже изготавливались самостоятельно (рис. 191) [Sasaki 1995: 74]. Такие редкие ритуальные предметы можно увидеть, например, в собраниях Токийского государственного музея.

§ 2. Табакерки, кисеты, футляры для трубок

Для переноски трубок айны использовали специальные футляры с табакерками. Они делались из различных материалов разнообразной формы.

Рис. 191. Ритуальная курительная трубка *камуй-кисэри*.
Государственный этнологический музей Осака (№ К-0002267).
Источник: [Chishima, Karafuto, Hokkaido 2011: 158]

Чаще всего табакерки были деревянными в форме коробочки, напоминающей японские *инро*, или в виде двустворчатой раковины. Айны Хоккайдо называли и то и другое *тампаку-оп*, айны Сахалина — *тампаку-оп*, *инуморо* или *отоморумне* (такие были инкрустированы оленьим рогом) (рис. 192). Сосуд и крышка *тампаку-оп* скреплялись шнуром и соединялись с *кисэрисаси* — футляром для трубки. На *кисэрисаси* и табакерках вырезались всевозможные орнаментальные мотивы, шнур украшался костяной застежкой [Добро-творский 1875: 235; Sasaki 1995: 74; Kayano 2002: 203].

На Сахалине также бытовали прямоугольные кисеты в виде сумочек из тюленьей или рыбьей кожи, коры, тканей (плиса, хлопчатобумажной материи), травы, шкур животных (айнск. *кахкомо*,

Рис. 192. Деревянная табакерка айнов Сахалина *тампаку-оп*.
РЭМ (№ 2808-26b)

киндзи), а на Курильских островах — коробочки, изготовленные с применением китового уса и слюды. В последнем случае прослеживается русское влияние. Сумочки айны снабжали клапаном и тесьмой (айнск. *ках-комо*), лицевую сторону покрывали орнаментом (рис. 193). Орнамент (аппликации и вышивки) был геометрическим или криволинейным, из причудливо переплетающихся завитков и скобок. Кисеты из травы чаще украшали цветным матерчатым бордюром и узором из окрашенных стеблей травы, как у циновок (рис. 194) [Добротворский 1875: 124, 142; Karafuto ainu 1996: 36; Karafuto ainu minzokushi 2004: 72].

Кроме прямоугольных кисетов, на Сахалине в ходу были кисеты с закругленными углами из кожи горбуши (айнск. *кахпа*) [Про-

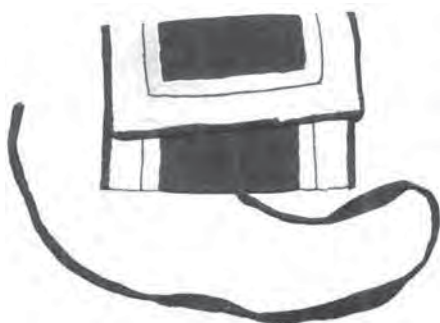

Рис. 193. Кисет из рыбьей кожи и хлопчатобумажной ткани айнов Сахалина *ках-комо*. МАЭ РАН (№ 700-260).
Источник: [Айнские коллекции 1998: 60]

Рис. 194. Кисет из травы айнов Сахалина *ках-комо*. МАЭ РАН (№ 3125-6).
Источник: [Айнские коллекции 1998: 95]

кофьев 2005: 69]. Подобные изделия часто служили женщинам для переноски мелких вещей (айнск. *катабара*).

Если говорить о футлярах для трубок, у айнов Сахалина получили распространение орнаментированные пеналы-трубки (айнск. *отокохпэ*, *отокоппэ*) и пеналы из двух длинных створок с утолщением на конце (айнск. *кисэри-оройо*, *кисэри-омани*, *кисэри-амани*) (рис. 195, 196). Последние отличались тем, что в одной из створок находился желобок для трубки, а во второй — углубление, в котором помещались палочки для еды. Сложенные створки перехватывал ремешок в форме кольца [Добротворский 1875: 75]. Двустворчатые футляры также назывались *ириморо*. Отправляясь в дорогу, айны вешали их на пояс вместе с ножом и костяным распутивателем узлов [Там же: 34].

Рис. 195. Футляр для трубок айнов Сахалина из двух створок *кисэри-омани*. МАЭ РАН (№ 615-1а, б). Источник: [Айнские коллекции 1998: 12]

Рис. 196. Футляр для трубок айнов Сахалина в виде трубки *отокохпэ*. РЭМ (№ 2808-26б)

На Хоккайдо футлярами для трубок служили плоские пластины (айнск. *кисэри-оп*), как и сахалинские аналоги, украшавшиеся резным орнаментом. На одном конце пластины делалось отверстие чуть меньше чашечки трубки. Трубка вставлялась в него, а со стороны мундштука крепилась к пластинке тесьмой, которую использовали и для подвешивания футляра к поясу (рис. 197) [Sasaki 1995: 74]. Реже подобных деревянных изделий встречались футляры, сшитые из шкуры.

Следует отметить, что в эпоху Мэйдзи среди японцев получили распространение принадлежности для курения, включавшие мешочки для трубки (либо футляр с крышечкой), а также небольшую сумочку (яп. *сагэтабакоирэ*) [Shiryo: 1993: 69]. И футляр, и сумочка соединялись шнурком с *нэцкэ* (рис. 198). В общих чертах такой комплект и способ его монтировки напоминали айнские. Не исключено, что приборы *сагэтабакоирэ* появились у японцев под айнским влиянием.

Рис. 198. Японский футляр для курительной трубки с табакеркой и подвеской (префектура Исикава).
Источник: [Аmano 1983: 72]

Рис. 197. Футляр с трубкой айнов Хоккайдо *кисэри-оп* и табакерка *тампаку-оп*.
Источник: [Кауано 2002: 298]

§ 3. Футляры для огнива

Как и у всех курильщиков прошлого во многих частях света, у айнов среди курительных принадлежностей числились кресало, кремь и трут, известные как огниво. Айны носили эти атрибуты в небольших коробочках, сумочках или мешочках. На Сахалине и Курильских островах бытовали коробочки, состоявшие из двух половинок, задвигающихся одна в другую (айнск. *миро*, *карома*, *карон*, *ках-комо*) (рис. 199). В длину они достигали около 8 см, в ширину — 10–12 см, изготовлялись из бересты, кожи сивуча или других животных; в пути их подвешивали к поясу с левой стороны [Karafuto ainu 1996: 36; Добротворский 1875: 77, 121, 171; Baba, Kodama 2000: 93]. По некоторым сведениям, в *миро* могли насыпать табак. Кроме таких коробочек, сахалинские айны пользовались сумочками (айнск. *карон*) и мешочками (айнск. *туйома*, *туйома*, *туйомап*, *руй-омах*, *руй-омап*) длиной 17–20 см и шириной 14–15 см (рис. 200). Мешочки делали из тюленьих шкур, украшали орнаментом из хлопчатобумажных аппликаций, вышивок, бисера. Как и *миро*, их подвешивали к поясу на левом боку [Baba, Kodama 2000: 93].

Рис. 199. Коробочка для кремня и огнива айнов Сахалина *миро*.

МАЭ РАН (№ 700-133а).

Источник: [Айнские коллекции 1998: 53]

Рис. 200. Сумочка для кремня и огнива айнов Сахалина *руй-омах*.

МАЭ РАН (№ 700-138).

Источник: [Айнские коллекции 1998: 17]

Рис. 201. Сумочка из травы для кремня и огнива айнов Хоккайдо *кароп*.
Источник: [Кауано 2002: 203]

Рис. 202. Сумочка из травы для кремня и огнива айнов Курильских островов *кароку*.
МАЭ РАН (№ 809-15).
Источник: [Айнские коллекции 1998: 24]

Айны Хоккайдо, как правило, курительные принадлежности носили в прямоугольных сумках с клапаном и тесьмой (айнск. *кароп*), сделанных из осоки, рогоза, шкур животных или луба (рис. 201). Сумки украшали бордюры из хлопчатобумажной ткани, геометрический и криволинейный орнаменты из матерчатых аппликаций, вышивок и окрашенных стеблей травы, вплетенных в основу. Кожаные коробки и мешочки на Хоккайдо использовались редко [Кауано 2002: 203].

Сумочки, подобные хоккайдским, были и у курильских айнов (айнск. *кароку*). Их делали из рогоза, мягкого колосняка, крапивы или шкуры морских животных (рис. 202).

Широкий ассортимент айнских курительных принадлежностей в очередной раз свидетельствует о близости традициям других народов Сахалина и Нижнего Амура. В частности, многие из этих предметов находят аналогии у нивхов и ороков.

Музыкальные инструменты

В праздники, а часто и по будням айны брали в руки музыкальные инструменты и пели под их аккомпанемент. Ныне в употреблении остались лишь некоторые из них [Akibe 1995: 7; Muraki 2004: 80].

§ 1. Язычковые

Этот тип инструментов широко известен у народов Сибири, Дальнего Востока, Центральной Азии. На Сахалине он получил наибольшее распространение у нивхов, и, видимо, не случайно язычковые (варганы) ороков и айнов были идентичны нивхским [Мамчева 2005: 271].

Айны знали варганы двух видов: из бамбука, называвшиеся *муккур* (айны Сахалина иногда называли *мухкун*), и из металла — *канимуккур* (*канимухкун*). В длину они достигали 10–15 см (рис. 203) [Karafuto ainu 1996: 34; Muraki 2004: 80]. Если бамбуковые варганы относились к типу пластинчатых инструментов (с вырезанным на пластине язычком и веревочкой для подергивания), то железные — дугообразных (язычок крепился к подковообразной рамке с удлиненными концами). Второй тип считают более поздним и развитым

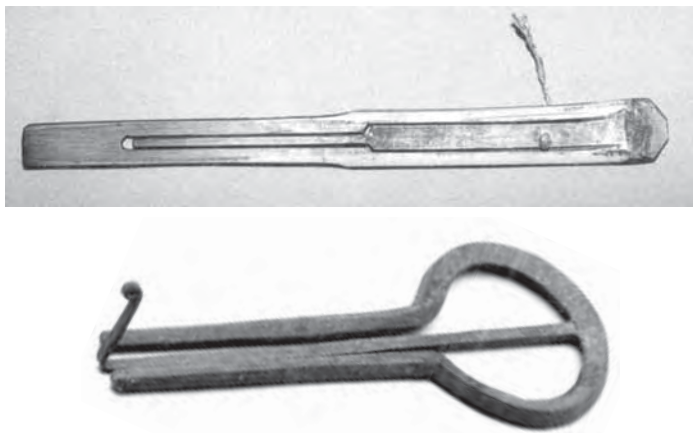

Рис. 203. Варган из бамбука айнов Сахалина *муккур* (вверху). МАЭ РАН (№ 700-27/2). Железный варган айнов Хоккайдо *канимуккур* (внизу). Государственный этнологический музей Осака (№ К-0001933). Источник: [Айнские коллекции 1998: 48; Chishima, Karafuto, Hokkaido 2011: 150]

Рис. 204. Айнка с варганом *муккур* — фрагмент свитка «Айну фу:дзоку эмаки», Нисикава Хокуё (1882). Муниципальная библиотека г. Хакодатэ. Источник: [Uchida 2004a: 93]

[Мамчева 2005: 275]. Хранили *канимуккур* в деревянных футлярах, состоящих из двух половинок, которые нередко покрывали орнаментом.

У Б. О. Пилсудского имеется описание игры на железном варгане. Молодая девушка «держала инструмент в зубах и ударяла по тонкой и узкой пластинке большим пальцем правой руки, издавая слабые, но ритмичные металлические звуки» [Пилсудский 1914: 141]. Эта краткая запись подтверждает, что принципы игры на рамных (дугообразных) и пластинчатых инструментах отличались. Именно для металлических варганов характерно ударное звукоизвлечение, при котором язычок заставляют вибрировать ударами пальца [Мамчева 2005: 279].

Играли на *муккур* не только женщины (рис. 204), но и мужчины. При этом варган часто использовался как средство общения между молодыми возлюбленными: «...двое договаривались об определенной мелодии, служившей сигналом для любовной встречи» [Онуки-Тирни 1996, № 2: 100].

Лирическая музыка, исполняемая на варгане, нередко представляла собой историю без слов. Так, «одна мелодия рассказывала о том, как мать, плача и падая в снег, разыскивала своего потерявшегося в снегу ребенка. Другая говорила о покинувшем возлюбленном» [Арутюнов, Щебенков 1992: 119].

§ 2. Струнные

Область распространения айнского аналога цитры включала, с одной стороны, побережье Охотского моря на Хоккайдо, где инструменты были известны под названием *ка*, с другой — Сахалин. На Сахалине такие «цитры» айны называли *тонкори* (рис. 205).

Рис. 205. Пятиструнный музыкальный инструмент айнов Сахалина *тонкори*. РЭМ (№ 64-11)

Название *тонкори*, по всей видимости, появилось в языке сахалинских айнов не случайно. Скорее всего, это заимствование из ульчского языка. Издавна в культуре ульчей бытовали однострунные смычковые инструменты с резонатором в виде полого цилиндра, которые хотя и отличались по форме от айнских «цитр», но назывались схоже — *тэнгкэрэ*¹⁴ [Смоляк 1985: 277].

Корпус *тонкори* изготовлялся из тиса, пихты сахалинской, магнолии, рябины японской либо сосны. Нижняя часть представляла собой выдолбленный кусок дерева выпуклой формы, а верхняя — тонкую прямую доску, которая прикреплялась к остову. Струны делали из крапивного волокна или сухожилий животных. Известно, что струны из китовых жил назывались *куймэ-ни-эка*. Чаще всего *тонкори* были с пятью струнами и гораздо реже — с тремя или шестью [Депрерадович 1877: 32; Латышев, Прокофьев 1988: 78; Nishizuru 1942: 81; Uchida 2004b: 114].

Каждая часть *тонкори* имела название, которое соответствовало части человеческого тела (голова, шея и пр.). Нередко внутрь корпуса помещали стеклянную бусинку или камешек — айны воспринимали их как сердце инструмента [Muraki 2004: 80].

¹⁴ А. В. Смоляк убедительно доказывает, что сахалинские айны в прошлом активно контактировали не только с нивхами, но и с ороками и жителями Амура — ульчами. Более того, еще в XIX в. ульчи в некоторых районах Южного Сахалина проживали в близком соседстве с айнами, хотя, в отличие от айнов, их нельзя считать постоянными жителями острова [Смоляк 1985: 275].

Рис. 206. Айн Хоккайдо с ка. «Эдзосима кикан»,
Хата Авакимару (1799–1800). Университет Хоккайдо

Чаще всего на *тонкори* играли, желая передать особые переживания, например чувство печали (рис. 206) [Nishizuru 1942: 92]. Кроме того, Ф. М. Депрерадович наблюдал, как при лечении пожилой айнки звуки из *тонкори* извлекал шаман, произнося при этом молитвы и заклинания¹⁵ [Депрерадович 1877: 32]. Айны верили, что игра на *тонкори* отгоняет дурные болезни и злых духов [Арутюнов, Щебенков 1992: 119].

Если варганы, подобные айнским, были распространены у нивхов и других народов Нижнего Амура, то «цитры» использовали преимущественно айны. Хотя среди японских иллюстративных источников есть, например, изображение орокской женщины с *тонкори* («донгари») («Ороккодзоку фу:дзоку дзукан (ヲロツコ族風俗図巻)» («Иллюстрации обычаев ороков»)), подобного рода примеры — скорее исключение.

У айнов Курильских островов в конце XIX в. под влиянием русских появились балалайки. Широкого распространения они не получили, но, несмотря на это, несколько инструментов кустарного производства сохранилось до настоящего времени. Один из уникальных экспонатов находится в Муниципальном музее г. Хакодате.

¹⁵ Во время игры, отмечал Ф. М. Депрерадович, шаман старался подражать различным природным звукам, таким как пение птиц [Депрерадович 1877: 32]

§ 3. Духовые

Духовые инструменты в айнской культуре представлены несколькими разновидностями флейт. Одна из них имела форму прямой, расширяющейся от одного конца к другому трубки, которую делали из скрученной коры орехового дерева или сакуры (айнск. *нэськоникарин*, *нэськоникарэф*) (рис. 207). Такими флейтами пользо-

Рис. 207. Флейта *нэськоникарэф* из коры сакуры.

Токийский государственный музей. Источник: [Sasaki 1995: 78]

вались айны Хоккайдо и Сахалина¹⁶. Кроме того, они получили распространение на Хонсю, в префектуре Иватэ, и в некоторых других районах, а также в Сибири [Kayano 2002: 357; Matsuura 1859 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>; Sasaki 1995: 77]. Нанайцы и удэгейцы, например, во время охоты на косуль и изюбря применяли трубы из бересты (нан. *бунику*). При изготовлении таких труб полосу коры вначале подогревали на огне, благодаря чему она начинала скручиваться, а затем вытягивали, придавая коническую форму. Для жесткости по длине прикрепляли несколько деревянных реек. Получались своего рода манки, при помощи которых охотник точно воспроизводил голос самца, самки или детеныша [Самар 2011: 55]. В Туве аналогичные инструменты (тув. *мургу*, *амырга*) использовались во время охоты на маралов. Изготавливались они из бересты либо из двух половинок разрубленного пополам и выдолбленного изнутри дерева [Даржа 2008: 368]. Берестяные изделия имели форму рулончика, который при отправлении на охоту смачивали и растягивали. Дули в узкий конец, втягивая воздух в себя [Прокофьева 2011: 193]. Похожие инструменты бытовали у хакасов и шорцев (шор. *тыргы*).

¹⁶ Очевидно, что некогда термин *нэськоникарэф* обозначал флейты из коры орехового дерева, поскольку название инструмента включает слово *нэсько* — «ореховое дерево».

Рис. 208. Флейта айнов Сахалина деревянная. РЭМ (№ 5110-189)

Можно предположить, что в недалеком прошлом и у айнов *нэсь-коникарип* были не столько музыкальными, сколько звукоподражательными инструментами. Но свидетельств этого не сохранилось.

В Российском этнографическом музее хранится деревянная труба с расширением на конце, перевитая в трех местах обмоткой из древесной коры (80,5×10,8 см) (рис. 208). Этот инструмент был доставлен с Сахалина, из селения Найбучи, и по описи числится как *тонкури*. В описи явно допущена ошибка. Такого вида трубы больше нигде не встречаются.

У айнов были и бамбуковые флейты, называвшиеся на Хоккайдо *топ* (так же, как и бамбук), *тирэкэтэ-топ* (*тирэкэтэ*, *рэкэтэ* — «играть»), *фуйэтон*, *карэттэ* или *топ-карэттэ*, а также флейты из какалии копьевидной, известные у хоккайдских айнов как *тирэкэтэ-куттар*, а у сахалинских — *нэхкуту-рэкэтэ* (*тирэкэтэ-куттар* и *нэхкуту* — айнские названия растения) [Chiba 1996: 55; Kasai 1943: 17; Kayano 2002: 318; Nishizuru 1942: 82]. В «Эдзо манга» Мацуура Такэси-ро писал, что айны Сахалина духовые инструменты из какалии копьевидной, так же как и само растение, могли называть *тирэкарэт* [Matsuura 1859 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>] (рис. 209).

Из духовых инструментов айнов отметим еще раковины моллюсков *цубу* (трубача), которые служили сигнальными трубами [Омская сенсация 2008: 56]. Их подробного описания не сохранилось. Известно также, что звуками особых «труб» айны призывали призраков, которым пришел срок возвратиться в мир людей, возродившись в новорожденном ребенке [Кнорозов 1989: 2].

У ближайших к айнам Сахалина соседей — нивхов — бытовали длинные трубы из высушенного стебля растения (нивх. *кални*), а также небольшие костяные флейты с четырьмя звуковыми отверстиями [Благодатов 1958: 206]. Информации об аналогичных айнов

Рис. 209. Музыкальные инструменты айнов Сахалина: флейта *нэськоника-рэф*, флейта *пэхкуту-рэхтэ* (*тирэкарэт*), бубен *камбэ*, варган *муккур*, пятиструнная «арфа» *тонкори*. Мацуура Такэсиро, «Эдзо манга» (1859).

Источник: [Matsuura 1859 URL: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp/>]

ских флейтах нет. Таким образом, прослеживаются отличия в духовной культуре двух народов.

§ 4. Ударные

Из ударных инструментов айны знали бубны, а также, предположительно, особые «музыкальные бревна». Бубны подробно рассматривались в разделе, посвященном культовым атрибутам. Что же касается «музыкальных бревен», то некоторые исследователи считают, что у айнов они не получили распространения. Однако, по Л. Я. Штернбергу, описывавшему айнские обычаи, по такому бревну на Сахалине туземцы стучали палочками в такт распеваемой песне [Арутюнов 1965: 947; Мамчева 2003: 8; Тураев 2010: 95; Штернберг 1929: 357].

Хорошо известно, что «музыкальные бревна» бытовали у народов Северного Сахалина, Нижнего Амура и Приморья¹⁷. Нивхи называли их *зас*, *зас-тяс*, *тятядь*, *тятянд* или *чачанд*, нанайцы — *одзану*, ульчи — *удядю*, орочи — *удзадзинки*, негидальцы — *тумкэвун*. Они имели аналогичное строение и функцию, считались женским инструментом и являлись важным атрибутом медвежьего праздника¹⁸ [Мамчева 2003: 15]. Однако у айнов такого рода инструменты не сохранились или не найдены.

Таким образом, ответить на вопрос, были ли «музыкальные бревна» у сахалинских айнов, пока нельзя. Эту культуру приходится восстанавливать по крупицам, ведь многие обычаи и связанные с ними артефакты давно утрачены. Остается надеяться на удачу и успех в поисках, на обнаружение новой информации в письменных источниках или открытия археологов.

Рассмотренный пласт материальной культуры всесторонне раскрывает этнокультурное своеобразие айнов: открытость для инокультурных влияний, с одной стороны, и стремление к архаичности, сохранению исконных традиций — с другой. При этом открытость к заимствованиям сопровождалась изменением не только формы, но часто и функций привнесенных элементов.

В целом на протяжении столетий айнская культура сочетала два направления — развитие с трансформацией самобытных элементов и переосмысление на собственной основе внешних инноваций.

¹⁷ Л. Я. Штернберг обнаружил аналоги музыкальному бревну на Филиппинах [Штернберг 1929: 357]. Известно также, что музыкальное бревно получило распространение в Южном Китае и Северо-Западной Америке [Мамчева 2003: 15; Тураев 2010: 95].

¹⁸ Количество музыкантов, как правило, варьировалось от 2 до 20 человек. Музыка сопровождалась пением, при этом были тексты песен, установленные для каждого конкретного ритуала, а также тексты, исполняющиеся произвольно [Мамчева 2003: 35; URL: <http://www.ihist.uran.ru>]. Удары и раскачивание бревна во время медвежьего праздника означали отправку души медведя на небо [Колосовский. Растительная символика... URL: <http://www.icrap.org/ru/kolosovski-10-1.html>].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплексный анализ разных аспектов айнской культуры в широком временном срезе подводит к выводу о том, что история происхождения айнов уходит своими корнями в древнюю дзёмонскую культуру. Об этом свидетельствуют как антропологические данные, так и археологические находки.

По данным антропологии, среди различных групп дзёмонцев айны обнаруживают наибольшее сходство с хоккайдским типом, определяющим генетические связи с населением Северо-Восточной Азии. При этом важными, если не решающими в этногенезе айнов следует признать периоды Дзокудзёмон и Сацумон, когда местные традиции стали приобретать выраженные айнские черты. Эта тенденция прослеживается и в материальной культуре: хотя уже в эпоху Дзёмон полуподземные жилища, погребения, водные транспортные средства, некоторые рыболовные и охотничьи орудия, а также орнамент похожи на айнские, убедительные и неоспоримые параллели с айнами появляются в последующее время.

Наряду с населением культуры сацумон значимую роль в этногенезе айнов сыграли носители охотской культуры. Под их влиянием происходило становление присущих аинам верований, культурной практики и специфической системы ритуалов, центральное место в которых занял культ медведя.

Следует отметить тот факт, что айнов от дзёмонцев отличают частичное вытеснение в их культуре керамики деревянной продукцией и отсутствие навыков лакировки. Пока не удастся объяснить, почему айны, высоко ценившие японскую лакированную продукцию, утратили исконные навыки производства лака. Это лишь показательная частность, а если шире, то различия прослеживаются в погребальном обряде (преобладание могил с вытянутыми костяками, появление мумифицированных захоронений), промысловой деятельности (использование отравленных стрел), строительстве (бытование полуподземных жилищ ительменского и эскимосского типов). Учитывая все это, можно констатировать, что айнская культура с момента ее появления на протяжении веков развивалась в русле традиций народов северо-восточного и тихоокеанского регионов.

В настоящее время айны проживают в 72 муниципалитетах (городах, поселках и деревнях) Хоккайдо, 59,5 % приходится на административные округа Хидака и Ибури. Некоторые из них до недавнего времени подвергались дискриминации, поэтому старались скрыть свое происхождение. Наиболее часто дискриминация проявлялась в области образования [Левковская 2010: 199, 202; Спеваковский 2003: 43].

Жизненный уклад, природопользование и система хозяйственных занятий современных айнов претерпели кардинальные изменения. Наряду с таким традиционным видом хозяйственной деятельности, как рыболовство, получило развитие сельское хозяйство, охота же окончательно сошла на нет.

Кроме рыбных промыслов и сельского хозяйства, организованных на рыночной основе и не имеющих ничего общего с традиционным природопользованием, айны вовлечены в некоторые отрасли добывающей промышленности, а также, не в последнюю очередь, туристический бизнес, с которым связаны организация этнических праздников и развитие народных ремесел. В основном из этих источников айны черпают средства для того, чтобы не только демонстрировать остатки своей уникальной культуры, но и сохранять и развивать ее.

К сожалению, рыночная основа не вполне способствует этой национальной цели. Показательно, что такие зрелищные мероприятия, как «праздник маримо», устраиваемый ежегодно на озере Акан, отнюдь не традиционны — они созданы совсем недавно для развития туристической индустрии. Кроме того, многие праздники до того театрализованы, что «лишь в общих чертах напоминают торжественные действия айнской старины» [Спеваковский 1998: 87]. Однако пожилые айны все же стараются приобщить молодое поколение к древним обычаям и тем самым способствовать сохранению традиций.

Среди старинных социально-ритуальных мероприятий для айнов первостепенное значение всегда имел обряд отправки медведя, кульминацией которого было умерщвление животного. Теперь в силу следования законодательству об охране природы проведение такого обряда практически невозможно. Один раз медвежий праздник проводился в 1970-е годы в селении Нибутани, другие — в 1980–1990-е годы в населенных пунктах Тикабуми и Сираой.

Кроме праздника отправки медведя, айны Хоккайдо проводят много других зрелищных представлений, таких как «праздник пер-

вого в сезоне лосося» или «праздник спуска на воду новой лодки» [Там же: 89, 93].

Важное для самосознания народа празднество устраивают жители поселка Сидзунай, где когда-то располагалась ставка айнского исторического героя, вождя и воителя Сякусяина. В 1970 г. в Сидзунай был открыт памятник Сякусяину, которому айны с тех пор приносят жертвы, проводя поминальный обряд. Позднее в селении Каминоку стали чествовать другого национального героя — Косямаина [Там же: 98].

В Японии издавна собирали многочисленные айнские коллекции (ныне только в музеях числится около 30 тыс. экспонатов). Ведущими в этом процессе стали Токийский государственный музей, Государственный этнологический музей Осака, муниципальные музеи Хоккайдо в Момбэцу, Асахигава, Уракава, Сидзунай и других городов. Ценные экспонаты хранятся в собраниях многих университетов, муниципальных обществ, частных коллекциях.

Широко известен Музей айну, основанный в 1984 г. в населенном пункте Сираой, на месте большого айнского селения [Шубина 1988: 175]. Это музей под открытым небом, включающий жилые дома, амбары, клетки для медведей и другие составные айнской деревни¹. Подобного рода музеи находятся еще в Ноборибэцу и Кусиро — посетители всегда с большим интересом посещают эти места, воссоздающие особую атмосферу жизни айнов.

Перспектива сохранения и возрождения айнской культуры встречает много препятствий. Особенно остро стоит вопрос сохранения языка. Некоторые специалисты не без оснований уже относят его к мертвым. Поскольку подлинных носителей айнского языка становится все меньше, а фактически — почти не осталось, при университетах и научных центрах проводятся курсы по его изучению, кроме этого, в ряде учебных заведений устраиваются лекции по айнской культуре и всевозможные мастер-классы.

¹ Весь комплекс занимает около 20 гектаров. Для основной экспозиции, насчитывающей около 5 тыс. единиц хранения, отведено специальное здание. Среди сотрудников — японские специалисты по айнской культуре, а также айны, владеющие родным языком, самобытными ремеслами и знанием фольклорного наследия. В музее постоянно проводятся различные театрализованные представления, издаются каталоги, сборники научных трудов, выпускается сувенирная продукция, устраиваются выставки, в которых принимают участие и зарубежные музеи [Шубина 1988: 178].

Сохранение и популяризация айнской культуры — приоритетные направления государственной политики Японии. Немаловажное значение здесь отводится Фонду изучения и развития айнской культуры, основанному в 1997 г. Фонд частично существует за счет бюджета государства, частично — губернаторства Хоккайдо, а также на пожертвования населения, организаций и предприятий. Кроме того, в 1997 г. был введен в действие Закон о развитии айнской культуры, а также распространении знаний и просвещения в области айнских традиций. Айны впервые получили право называться этнической группой [Левковская 2010: 203; Спеваковский 2003: 46].

Примечательно, что за последнее время значительно увеличилось количество японцев, женатых на айнках, среди которых есть представители среднего класса и интеллигенции — преподаватели, музейные работники, дилеры. Существенно возросла доля айнов, женатых на японках, при этом появились вполне состоятельные люди, занятые собственным малым бизнесом [Арутюнов 2007: 135]. В среднем уровень жизни айнов постепенно повышается. С ними проводятся консультации по вопросам трудоустройства, им выделяются денежные субсидии, предоставляются средства на решение жилищных проблем. В Японии и за рубежом организуются выставки по айнской тематике, публикуются каталоги и научные статьи.

Общий успех всех мероприятий хотя и не грандиозен, но в целом достаточно заметен — это один из наиболее успешных проектов в мире по сохранению народа и его культуры [Там же: 137]. Хотелось бы надеяться, что изучение айнской истории и культуры будет способствовать их сохранению и развитию.

БИБЛИОГРАФИЯ

Справочные издания, каталоги

1. Айнские коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Токио, 1998.
2. *Антропова В. В.* Лыжи // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 79–105.
3. *Горбачева В. В.* Коллекции по культуре айнов, японцев, китайцев, корейцев, монголов // Российский этнографический музей. СПб., 2001. С. 204–209.
4. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981. Т. 2.
5. *Иванов Н. Н.* Поляков И. С. // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 14.
6. *Иванов С. В.* Орнамент айну // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 369–434.
7. Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961.
8. Каталог выставки, посвященной 125-летию со дня рождения Б. О. Пилсудского, в Сахалинском областном краеведческом музее. Южно-Сахалинск, 1991.
9. *Латышев В. М., Прокофьев М. М.* Каталог этнографических коллекций Б. О. Пилсудского в Сахалинском областном краеведческом музее. Южно-Сахалинск, 1988.
10. *Латышев В. М., Прокофьев М. М.* Каталог этнографических коллекций Б. О. Пилсудского в Сахалинском областном краеведческом музее (1898–1899, 1903–1905). 2-е изд., доп. и испр. Южно-Сахалинск, 2006.
11. *Маак Р.* Альбом рисунков к путешествию на Амур, совершенному от Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. СПб., 1859.
12. Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1.
13. Омская сенсация. Серия акварелей Бёзана Хирасавы «Жизнь и обычаи айнов» из собрания Омского областного музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля. М., 2008.
14. *Петрова О. П., Горегляд В. Н.* Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг. М., 1963. Вып. 1.

15. *Прокофьев М. М.* Каталог-указатель айнских коллекций Сахалинского областного краеведческого музея (конец XIX — первая половина XX в.) // Айны: проблемы истории и этнографии / Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея. Южно-Сахалинск, 1988. Вып. VI. С. 143–159.

16. *Прокофьев М. М.* Каталог коллекций Б. А. Жеребцова по этнографии айнов Южного Сахалина из селения Староайнское (Райтиси) за 1948 г. в собрании Сахалинского областного краеведческого музея. Южно-Сахалинск, 2005.

17. *Прокофьева Е. Д.* Шаманские бубны // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 435–493.

18. *Прыткова Н. Ф.* Верхняя одежда // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 227–328.

19. Российский этнографический музей: Каталог айнских коллекций. Токио, 2007.

20. *Самарин И. А.* Гарды: Каталог коллекций музеев Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 2004.

21. *Синицын А. Ю.* Оружие и боевое снаряжение японских самураев: Каталог коллекций МАЭ. СПб., 1999.

22. *Смоляк А. В.* Народы Нижнего Амура и Сахалина: Фотоальбом. М., 2001.

23. Энциклопедия уральских мифологий. Новосибирск, 2001. Т. 2: Мифология манси.

24. Японское искусство VII–XIX вв. Послание древней столицы Нара: Каталог выставки. Нара, 1991.

25. 200 Jahre Siebold. Die Japansammlungen Philipp Franz und Heinrich von Siebold. Shi:boruto fushi-no mita nihon. Seitan 200 nen kinen (Япония, которую увидели отец и сын Зибольды. К 200-летию со дня рождения). То:кьо:, 1996.

26. A dictionary of Japanese art terms. Tokyo, 1990.

27. AINU kara-no messe:ji — monozukuri to kokoro (Послание от айнов — ремесло и душа). Sapporo, 2003.

28. AINU ko:geihinten tekekarpe — onna-no waza. Doitsu korekushon kara [Tekekarpe — textilkunst und anderes kunsthandwerk der Ainu, aus deutschen Sammlungen] (Тэкэкарпэ и предметы прикладного искусства айнов из немецких коллекций): Kat. Kreiner Josef, Kodama Mari. Shiraoui, 1999.

29. AINU ko:geiten — Saharin ainu-no seikatsubunka (Культура быта айнов Сахалина — выставка предметов прикладного искусства айнов). Sapporo, 1998.

30. Ainu minzoku monyo: shu. Shishu:-no sashikata, tachikata-no sekai (Собрание айнских орнаментов. Мир вышивки и кройки). Sapporo, 2010.
31. Ainu monyo:-no bi. Sen-no inochi, ikizukukatachi (Красота айнского орнамента. Одухотворенность линии). Sapporo, 2008. P. 194–195.
32. Ainu seikatsu bunka saigen manyuaru. Amu (goza) (Пособие по возрождению айнского быта. Плетение (циновки)). Sapporo, 2010.
33. Ainu seikatsu bunka saigen manyuaru. Iomante (kuma-no tamaokuri. Do:gu hen) (Пособие по возрождению айнского быта. Иомантэ (провода души медведя. Аксессуары)). Sapporo, 2010.
34. Ainu seikatsu bunka saigen manyuaru. Oru (jyuhii) (Пособие по возрождению айнского быта. Ткачество (одежда из древесной коры)). Sapporo, 2010.
35. Ainu seikatsu bunka saigen manyuaru. Tateru (sosen-no jidai-no chise zukuri) (Пособие по возрождению айнского быта. Строительство (изготовление жилища *тисэ* времен предков)). Sapporo, 2010.
36. Ainubunkaten. Tenjihin zuroku (Выставка айнской культуры: Каталог экспонатов). Oomiya, 1972.
37. Ainu-no biso:i. Tosa Hayashi korekushon-no sekai (Айнские наряды. Мир коллекций Тоса Хаяси). Sapporo, 1998.
38. Ainu-no ko:gei. Pen Shirubania daigaku ko:kogaku jinruigaku hakubutsukan Hira: korekushon (Прикладное искусство айнов. Коллекция Хиллера из Музея археологии и антропологии Пенсильванского университета). Sapporo, 2008.
39. Ainu-no yosooi — dento: to so:zo: (Айнские наряды — традиции и творчество). Sapporo, 1999.
40. Ajnu-nuša itaku-čomen Bronislaw Pilsudski kari. Karaxtun itaku / Айнско-русский словарь по Брониславу Пилсудскому. Сахалинский диалект. Около 6000 слов и выражений / Авт.-сост. В. Д. Косарев. // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского (при Сахалинском музее). Южно-Сахалинск, 2004. Вып. 7. С. 207–436.
41. Baba, Kodama korekushon ni miru kita-no tami ainu-no sekai (Мир северного народа айну в коллекциях Баба и Кодама). AINU-Northern People and their World. Baba and Kodama collections. Sapporo, 2000.
42. *Batchelor J.* An Ainu-English-Japanese dictionary. То:кьо:, 1926.
43. Chinju:fu isawaju: to emishi-no sekai tanbo: (Изучение цитадели Исава как военного ведомства и мира эмиси). Mizusawa, 2004.
44. *Chiri Mashiho.* Chimei ainugo shojiten (Малый словарь айнского языка и топонимов). То:кьо:, 2000.

45. Chishima, Karafuto, Hokkaido: ainu-no kurashi: doitsu korekushon wo chu:shin ni (Жизнь айнов Тисима, Карафутто, Хоккайдо: по материалам музейных коллекций, главным образом Германии)¹. Sapporo, 2011.
46. Daijisen (Большой толковый словарь «Дайдзисэн»). То:кюо:, 1995.
47. *Du Yu. Tong dian* (Всеобщий свод). Běijīng, 1992. Vol. 5. P. 4998.
48. Hokkaido: kaitaku kinenkan. So:go: annai (Музей истории освоения Хоккайдо: Сводный ознакомительный справочник). Sapporo, 2007.
49. Hoppo: minzoku shiryō: ten (Выставка материалов по северным народам). Sapporo, 1990.
50. Jyo:mon jidai kenkyu: jiten (Энциклопедический словарь по культуре дзёмон). То:кюо:, 2001.
51. Kamczatka i jej ludy autochtoniczne w fotografii, tekstach i ekspozycjach Benedykta Dybowskiego. Warszawa, 2003.
52. Kamon. Shireba shiruhodo (Гербы. Знать больше, чем знаешь). То:кюо:, 2001. P. 244–247.
53. Karafuto ainu — Kodama korekushon (Айны Сахалина — коллекция Кодама). Sapporo, 1996.
54. Karafuto ainu minzokushi — ko:gei ni miru waza to takumi (Описание айнов Карафутто — искусство и мастерство). Sapporo, 2004.
55. *Kayano Shigeru. Ainugo jiten* (Словарь айнского языка). То:кюо:, 2002.
56. Kindai Shiraoi ainu-no ayumi. Shiraoi kotan (Поступью айнов Сираой в Новейшее время. Деревня Сираой). Shiraoi, 2001.
57. Ko:jien, daigohan (Большой толковый словарь «Кодзиэн». 5-е изд.). То:кюо:, 1998.
58. Kodai hoppo: seikai ni ikita hitobito — ko:ryu: to ko:eki (Люди, заселявшие в древности северные земли, — культурный обмен и торговля). Sapporo, 2008.
59. Kyu:takushokukan shozo: minzokushiryō: korekushon. Shiryō: mokuroku (Каталог этнографических коллекций Музея колонизации (1919–1942 гг.)). Sapporo, 2003.
60. *Moes R. Mingei: Japanese folk art from the Brooklyn Museum collection*. Brooklyn, 1985.
61. Museum of Ethnography, Budapest Barathosi Balogh Collection Catalogue. Budapest, 1999.

¹ Названия Тисима, Карафутто и Эдзо, традиционно использовавшиеся японцами для обозначения Курильских островов, Сахалина, Хоккайдо, здесь и далее оставляем без перевода в соответствии с тем, как они указаны в источнике.

62. Nihon kasshu: daizukan (Большая энциклопедия японского доспеха). То:кьо:, 2007.
63. Nihongo daijiten, dainihan (Большой толковый словарь японского языка. 2-е изд.). То:кьо:, 1995.
64. Nihonshi В уo:goshu: (Сборник терминов по японской истории В). То:кьо:, 1998.
65. Nihonshi jiten (Словарь по японской истории). То:кьо:, 1999.
66. *Noma Seiroku*. The art of Japan. Late Medieval to Modern. То:кьо:; N. Y., L., 1978. Vol. 2.
67. *Numada Yorisuka*. Nihonmonsho:gaku (Наука о японских гербах). То:кьо:, 1928.
68. Roshia minzokugakuhakubutsukan ainu shiryo:ten — roshia ga mita shimaguni-no hitobito (Выставка айнской коллекции Российского этнографического музея «Островные люди глазами России»). Sapporo, 2005.
69. Ryo:sho:ji shiryo: mokuroku (Каталог вещей из Рёсёдзи). Shiraoi, 1993.
70. Saishin nihon ko:kogaku уo:go jiten (Новейший терминологический словарь по японской археологии). То:кьо:, 1999.
71. Shiryo: nihonrekishizuroku (Описание данных по японской истории в рисунках). То:кьо:, 1993.
72. Shizunai chiho:-no ainu ifuku (Айнская одежда области Сидзунай). Shizunai, 1993.
73. Sobieto renpo: kyokuto: sho:su:minzoku ten (Выставка по малым народностям советского Дальнего Востока). Shiraoi, 1987.
74. Tanaka Chu:zaburo korekushon mokuroku (Каталог коллекций Танака Тюдзабуро). Shiraoi, 1992.
75. The 62nd special exhibition “Jomon Culture of Northern Japan / Objects of Jomon Spirit and Art”. Sapporo, 2006.
76. То:кьо:kokuritsuhakubutsukan zuhanmokuroku. Ainu minzoku shiryo:hen (Иллюстрированный каталог Токийского национального музея. Материалы по народности айну). То:кьо:, 1992.
77. Xin tang shu / Ed. Ouyang Xiu, Song Qi (Новая история [династии] Тан / Сост. Оуян Сю, Сун Ци). Вмїјing, 1986. Vol. 20. P. 6208.

Литература на русском языке

78. Акулов А. Ю. Реконструкция традиционных представлений айнов о мире (по материалам анализа фольклорных текстов) // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского (при Сахалинском музее). Южно-Сахалинск, 2010. Вып. 14. С. 167–203.

79. Александров А. В., Арутюнов С. А., Бродянский Д. Л. Палео-металл северо-западной части Тихого океана. Владивосток, 1982.
80. Алексеев В. П. Динамика антропологических особенностей населения тихоокеанского бассейна // Проблемы тихоокеанской археологии. Владивосток, 1985. С. 5–41.
81. Анарина Н. Г. Японский театр но. М., 1984.
82. Антропова В. В. Вопросы военной организации и военного дела у народов крайнего северо-востока Сибири // Сибирский этнографический сборник II / Труды Института этнографии им. Миклухо-Маклая. Новая серия. М.; Л., 1957. Т. 35. С. 99–245.
83. Антропова В. В. Трубки народов Сибири // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1995. Вып. 2–3. С. 235–251.
84. Анучин Д. Н. Племя айнов // Труды антропологического отдела. М., 1876. Т. XX. Кн. 2. Вып. 1. С. 79–203.
85. Анучин Д. Н. О людях русской науки и культуры. М., 1952.
86. Арутюнов С. А. Об айнских компонентах в формировании японской народности и ее культуры // Советская этнография. 1957. № 2. С. 3–14.
87. Арутюнов С. А. Этническая история Японии на рубеже нашей эры // Восточно-азиатский этнографический сборник–2 / Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. М., 1961. Т. 73. С. 137–175.
88. Арутюнов С. А. Древний восточноазиатский и айнский компоненты в этногенезе японцев: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1962.
89. Арутюнов С. А. Айны // Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965. С. 942–954.
90. Арутюнов С. А. Айны острова Хоккайдо // Северные просторы. 2001. № 1. С. 77–81.
91. Арутюнов С. А. Этнос без этничности: айны сегодня // Этнографическое обозрение. 2007. № 2. С. 132–137.
92. Арутюнов С. А., Щебенков В. Г. Древнейший народ Японии. Судьбы племени айнов. М., 1992.
93. Асмолов К. В. История холодного оружия. М., 1993. Ч. 1.
94. Асташенкова Е. В., Пискарева Я. Е. Акитадзэ — археологический памятник эпохи средневековья Японии // Ойкумена. 2014. № 1. С. 9–21.
95. Бабцева И. И. Б. О. Пилсудский и музей общества изучения Амурского края (Неопубликованные документы из фондов Приамурского государственного объединенного музея им. В. К. Арсеньева) // Б. О. Пилсудский — исследователь народов Сахалина: Материалы междунар. науч. конф. (31 октября — 2 ноября 1991 г., Южно-Сахалинск). Южно-Сахалинск, 1992. Т. 1. С. 102–105.

96. *Благодатов Г. И.* Музыкальные инструменты народов Сибири // Сб. МАЭ. М.; Л., 1958. Т. XVI. С. 187–207.

97. *Боднев И. А.* Ранние керамические комплексы Японии // Исследования молодых ученых в области археологии и этнографии. Новосибирск, 2001. С. 11–41.

98. Буддизм в Японии. М., 1993.

99. *Василевский А. А.* Коррекция радиоуглеродных датировок и абсолютная хронология археологических культур на о. Сахалин // Общество изучения Сахалина и Курильских островов. Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1995а. № 2. С. 93–109.

100. *Василевский А. А.* Происхождение и родство островных народов Восточной Азии (обзор зарубежной антропологической литературы) // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1995б. № 3. С. 143–159.

101. *Василевский А. А.* Памятники Эпидзёмона на Сахалине // Okhotsk Culture Formation, Metamorphosis and Ending. Sapporo, 2002а. P. 1–23.

102. *Василевский А. А.* Сусуя и Эпидзёмон // Okhotsk Culture Formation, Metamorphosis and Ending. Sapporo, 2002б. P. 85–100.

103. *Василевский А. А.* Каменный век острова Сахалин. Южно-Сахалинск, 2008.

104. *Василевский А. А., Грищенко В. А., Кузьмин Я. В., Орлова Л. А.* Хронология и периодизация эпохи неолита на Сахалине и Курильских островах (по данным радиоуглеродного датирования) // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии. Хабаровск, 2009. С. 74–79.

105. *Василевский А. А., Грищенко В. А., Кузьмин Я. В., Орлова Л. А.* Периодизация, рубежи и контактные зоны эпохи неолита в островном мире дальневосточных морей (в свете радиоуглеродной хронологии памятников Сахалина и Курильских островов) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2010. № 1 (41). С. 10–25.

106. *Василевский А. А., Кузьмин Я. В., Горбунов С. В., Шубина О. А.* Радиохронология памятников археологии I тыс. до н.э. — II тыс. н.э. на Сахалине и Курильских островах // Амуро-Охотоморский регион в эпоху палеометалла и Средневековья. Хабаровск, 2003. Т. 1. С. 37–46.

107. *Василевский А. А., Плотников Н.* Периодизация айнской культуры на Сахалине // Б. О. Пилсудский — исследователь народов Сахалина. Южно-Сахалинск, 1992. Т. 2. С. 119–124.

108. *Васильев В. Н.* Краткий отчет о поездке к айнам островов Иезо и Сахалина. СПб., 1914.

109. *Васильев С. А., Березкин Ю. Е., Козинцев А. Г.* Сибирь и первые американцы. СПб., 2009.
110. *Васильев Ю. М.* Погребальный обряд покровской культуры (IX–XIII вв. н.э.). Владивосток, 2006.
111. *Васильевский Р. С.* Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск, 1971.
112. *Васильевский Р. С.* Древние культуры тихоокеанского Севера. Новосибирск, 1973.
113. *Васильевский Р. С.* По следам древних культур Хоккайдо. Новосибирск, 1981.
114. *Васильевский Р. С., Лавров Е. Л., Чан Су Бу.* Культуры каменного века Северной Японии. Новосибирск, 1982.
115. Взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке. М., 1988. Т. 2. С. 81–82.
116. Вокруг света с Крузенштерном. СПб., 2005.
117. *Воробьев М. В.* Древняя Япония. М., 1958.
118. *Воробьев М. В.* Япония в III–VII вв. М., 1980.
119. Восточноазиатские лаки. Методика реставрации, исследования. М., 2000.
120. *Гаген-Торн Н. И.* Лев Яковлевич Штернберг. М., 1975.
121. *Голубев В. А.* Встреча с айном Яманака Китаро // Полевые исследования на Сахалине и Курильских островах. Южно-Сахалинск, 1989. Вып. 7. С. 115–121.
122. *Голубев В. А., Кононенко Н. А.* Каменный инвентарь неолитического поселения Кузнецово III (юго-западное побережье о. Сахалина) // Новые материалы по первобытной археологии юга Дальнего Востока. Владивосток, 1987. С. 3–15.
123. *Голубев В. А., Плотников Н. В., Тарасов О. В.* Духовная культура айнов о. Сахалин в свете новых археологических источников // XXVII съезд КПСС и задачи музейного строительства в Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1986. С. 14–15.
124. *Голубев В. А., Прокофьев М. М.* Изображения животных и рыб в искусстве охотской культуры // Первобытное искусство. Новосибирск, 1976. С. 116–120.
125. *Горбачева В. В., Каранетова И. А.* Айнские коллекции в Российском этнографическом музее // Российский этнографический музей: Каталог айнских коллекций. Токио, 2007. С. 39–56.
126. *Горюнов Н.* Тайны айну // Всемирный следопыт. СПб., 2005. № 16. С. 35–41.
127. *Грицкевич В. П.* От Немана к берегам Тихого океана. Минск, 1986.

128. *Грищенко В. А.* Археологические исследования на поселении Чайво-6, пункт 2, в Ногликском районе Сахалинской области // Ученые записки Сахалинского государственного университета. Южно-Сахалинск, 2008. Вып. VII. С. 26–37.
129. *Грищенко В. А.* Ранний неолит острова Сахалин: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009.
130. *Грищенко В. А., Можжев А. В.* Раскопки поселения Славная 4 и стоянки Славная 5 на Сахалине // Археологические открытия 2006 года. М., 2009. С. 548–549.
131. *Даржа В. К.* Традиционные мужские занятия тувинцев. Кызыл, 2008.
132. *Дебец Г. Ф.* Антропологическое изучение Советского Севера // Советский Север. М., 1934. № 6. С. 58–79.
133. *Депрерадович Ф. М.* Этнографический очерк Южного Сахалина // Сборник историко-статистических сведений о Сибири. СПб., 1877. Т. 2. С. 1–67.
134. *Деревянко А. П.* Палеолит Тихоокеанского бассейна // Проблемы тихоокеанской археологии. Владивосток, 1985. С. 42–124.
135. *Дерюгин В. А.* К вопросу определения понятия «охотская культура» // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2008. № 1. С. 58–66.
136. *Дерюгин В. А.* Проблемы классификации, периодизации керамики эпохи палеометалла Северо-Восточного Приамурья // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии. Хабаровск, 2009. С. 47–73.
137. *Дерябин В. Е., Давыдова Д. С.* Антропологические варианты в составе японцев // Этнографическое обозрение. М., 2010. № 1. С. 116–130.
138. *Дикова Т. М.* Археология Южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М., 1983.
139. *Добротворский М. М.* Айнско-русский словарь. Казань, 1875.
140. Древние фудоки (Хитати, Харима, Бунго, Хидзэн) // Памятники письменности Востока. М., 1969. XXVIII. С. 12–339.
141. *Елизарьев В. Н.* Подлинная история Курильских островов и Сахалина XVII–XX вв. М., 2007.
142. *Ермакова Л. М.* Культы и верования в раннем периоде японской культуры // Синто. Путь японских богов. СПб., 2002. Т. 1. С. 7–42.
143. *Жущиховская И. С.* Керамика раннего периода культуры Дзёмон (по материалам памятника Оокубо) // Российская археология. 2012. № 1. С. 5–15.

144. *Жущиховская И. С., Шубина О. А.* Периодизация имчинской неолитической культуры в свете анализа керамической традиции // Новые материалы по первобытной археологии юга Дальнего Востока. Владивосток, 1987. С. 7–11.
145. Занятие части о-ва Сахалина (из записок лейтенанта Н. Бошняка) // Морской сборник № 10. СПб., 1859. Т. XLIII. С. 391–413.
146. *Зибольд Ф. Ф.* Путешествие по Японии или описание японской империи в физическом, географическом и историческом отношениях. СПб., 1854. Т. II.
147. *Иванов С. В.* Орнаментика, религиозные представления и обряды, связанные с амурской лодкой // Советская этнография. 1935. № 4–5. С. 62–84.
148. *Иванов С. В.* Скульптура народов Севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л., 1970.
149. *Иванов С. В.* Маски народов Сибири. Л., 1975.
150. *Иванов С. В., Левин М. Г.* Старинные культовые изображения медведей у сахалинских айнов // 250 лет Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого / Сб. МАЭ. Т. XXII. Л.; М. 1964. С. 200–222.
151. *Игнатович А. Н.* Буддизм в Японии. Очерк ранней истории. М., 1987.
152. Из научного архива Б. О. Пилсудского. «Некоторые сведения об отдельных айнских стойбищах на о. Сахалине» [не ранее 1907 г.] // Исторические чтения. Южно-Сахалинск, 1995. Вып. 1. С. 27–38.
153. *Иноуэ К.* Неотосланное (?) письмо Б. Пилсудского к председателю Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии В. В. Радлову // Б. О. Пилсудский — исследователь народов Сахалина. Южно-Сахалинск, 1992. Т. 1. С. 83–86.
154. *Иофан Н. А.* Культура древней Японии. М., 1974.
155. *Иохельсон В. И.* Древние и современные подземные жилища племен северо-восточной Азии и северо-западной Америки // Иохельсон В. И. Международные конгрессы американистов. СПб., 1908. С. 9–48.
156. *Иохельсон В. И.* Археологические исследования на Камчатке // Известия Государственного Русского географического общества. 1930. LXII. Вып. 4. С. 352–384.
157. *Иохельсон В. И.* Коряки. Материальная культура и социальная организация. СПб., 1998.
158. *Исао У.* Охотская и Тэбахская культуры // Амуро-Охотоморский регион в эпоху палеометалла и Средневековья. Хабаровск, 2003. Т. 1. С. 77–88.
159. Искусство японских оружейников. Л., 1987.

160. История Золотой империи / Пер. Г. М. Розова, коммент. А. Г. Малявкина. Новосибирск, 1998.
161. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества, 1845–1895. СПб., 1896. Ч. 2. Отд. IV.
162. История Японии с древнейших времен до 1868 г. М., 1999. Т. 1.
163. *Ицуки Н.* Охотская культура на о. Хоккайдо // Б. О. Пилсудский — исследователь народов Сахалина. Южно-Сахалинск, 1992. Т. 2. С. 124–133.
164. *Кабо В. Р.* Айнская проблема в новой перспективе // Советская этнография. 1975. № 6. С. 42–50.
165. *Каранетова И. А.* Традиционная одежда айнов (по материалам коллекций РЭМ) // Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии: Материалы междунар. науч. конф. СПб., 2009. С. 48–52.
166. Каталог гор и морей (Шань хай цзин) / Пер., коммент. Э. М. Яншиной. М., 1977.
167. *Киддер Дж. Э.* Япония до буддизма. Острова, заселенные богами. М., 2003.
168. *Китахара Д.* Инау // Российский этнографический музей: Каталог айнских коллекций. Токио, 2007. С. 127–129.
169. *Климов В. Ю.* Рукопись «Дело о повторном разбое русских на [землях] Эдзо» 「魯人再掠蝦夷」 (Родзин сайряку Эдзо) // Невские чтения: Междунар. симпозиум в честь 120-летия со дня рождения Н. А. Невского: Тез. и докл. СПб., 2012. С. 79–81.
170. *Климова Н. З.* Собрание экспедиции Дж. Кука в коллекциях МАЭ и в зарубежных музеях // Культура народов Индонезии и Океании / Сб. МАЭ. Т. XXXIX. Л., 1984. С. 161–169.
171. *Кнорозов Ю. В.* Формула возрождения у айнов // Красный маяк. 1989. 8 февр. С. 2.
172. *Кнорозов Ю. В.* Селения айнов на Итурупе // Красный маяк. 1990. 11 окт. С. 3.
173. *Кнорозов Ю. В.* Селения айнов на острове Итуруп (по материалам экспедиции 1989 г.) // Материалы полевых этнографических исследований 1988–1989 гг. СПб., 1992. С. 175–178.
174. *Кнорозов Ю. В., Прокофьев М. М.* Формула возрождения у айнов / Опыт расшифровки знаков-пиктограмм на надмогильных столбах — асьни из фондов Сахалинского областного краеведческого музея // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 1995. № 2. С. 209–221.
175. *Кнорозов Ю. В., Соболева Е. С., Таксами Ч. М.* Пиктографические надписи айнов // Древние системы письма. Этническая семиотика. М., 1986. С. 268–295.

176. *Ковальский В.* Европейский календарь (Бронислав Гинет-Пилсудский в Европе, 1906–1918) // Б. О. Пилсудский — исследователь народов Сахалина. Южно-Сахалинск, 1992. Т. 1. С. 16–27.
177. *Кодама М.* Одежда и украшения айнов // Российский этнографический музей: Каталог айнских коллекций. Токио, 2007. С. 93–98.
178. *Коззики* — Записи о деяниях древности. Свитки 2-й и 3-й. СПб., 1994.
179. *Козинцев А. Г.* Новые краниологические данные к вопросу о происхождении айнов (частота заднескуловой щели) // Краткое содержание докладов научной сессии, посвящ. основным итогам работы в десятой пятилетке. Л., 1983. С. 40–41.
180. *Козинцев А. Г.* О роли восточноазиатских монголоидов в формировании антропологического состава населения Японии (по данным краниоскопии) // Проблемы общей и региональной этнографии (к 75-летию А. М. Решетова). СПб., 2007. С. 160–166.
181. *Козинцев А. Г.* Индонезийцы, индейцы и протоморфные монголоиды Западной Сибири // Индонезийцы и их соседи / Маклаевский сборник. СПб., 2008. Вып. 1. С. 355–360.
182. *Козырева Р. В.* Древний Сахалин. Л., 1967.
183. *Кондратенко А. П., Прокофьев М. М.* Вооружение айнов // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 2005. № 12. С. 254–263.
184. *Коно Цунэкичи.* Часи — айнские крепости (эдзо) // Общество изучения Сахалина и Курильских островов. Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1999. № 2. С. 139–143.
185. *Корсун С. А.* О сходных элементах в культурах народов Сибири и Аляски // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 2004. Вып. 10–11. С. 27–38.
186. *Косарев В. Д.* Айны: идеология природопользования // Айны: проблемы истории и этнографии (Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея). Южно-Сахалинск, 1988. Вып. VI. С. 89–103.
187. *Косарев В. Д.* «Айнская проблема» сегодня: кто такие дзёмонцы и кто такие айны? // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского (При Сахалинском музее). Южно-Сахалинск, 2008. № 12. С. 187–222.
188. *Косарев В. Д.* «Изначальные»: складывание древнеяпонского государства как полиэтничный процесс // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 2010. № 17. С. 140–168.
189. *Косарев М. Ф.* Мировоззренческие аспекты традиционной погребальной обрядности (по сибирским материалам) // Краткие

сообщения Института археологии. Общие проблемы изучения погребального обряда. М., 2010. Вып. 224. С. 33–51.

190. *Котани Е.* Вклад Дж. Бэчелора, современника Б. О. Пилсудского, в сбор материалов по айнам // Б. О. Пилсудский — исследователь народов Сахалина. Южно-Сахалинск, 1992. Т. 1. С. 57–64.

191. *Кочешков Н. В.* Тюрко-монголы и тунгусо-маньчжуры. Проблемы историко-культурных связей на материале народного декоративного искусства XIX–XX вв. СПб., 1997.

192. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. СПб., 1994. Т. 1–2.

193. *Крейнович Е. А.* Нивгху. Южно-Сахалинск, 2001.

194. *Крузенштерн И. Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах по повелению Его Императорского Величества Александра Первого, на кораблях Надежде и Неве. СПб., 1810. Ч. 2.

195. *Ксенофонтова Р. А.* Из истории собирания японских коллекций Кунсткамеры (XVIII — начало XIX в.) // Культура народов зарубежной Азии и Океании / Сб. МАЭ. Т. XXV. Л., 1969. С. 280–303.

196. *Ксенофонтова Р. А.* Коллекция японской керамики и фарфора второй половины XIX — первой трети XX столетия в МАЭ // Культура народов зарубежной Азии / Сб. МАЭ. Т. XXIX. Л., 1973. С. 95–131.

197. *Ксенофонтова Р. А.* Японская одежда // Одежда народов зарубежной Азии / Сб. МАЭ. Т. XXXII. Л., 1977. С. 111–149.

198. *Ксенофонтова Р. А.* Японское традиционное гончарство XIX — первой половины XX в. М., 1980.

199. *Кузнецова Е. А.* Появление и распространение бронзовых зеркал на территории Японских островов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1997. Т. 3. С. 215–218.

200. *Кузьмин Я. В.* Геохронология и палеосреда позднего палеолита и неолита умеренного пояса Восточной Азии. Владивосток, 2005.

201. *Кучинский А.* Научная деятельность Бронислава Пилсудского в Польше // Б. О. Пилсудский — исследователь народов Сахалина. Южно-Сахалинск, 1992. Т. 1. С. 27–36.

202. *Кюнер Н. В.* Айны. Этнографический очерк // Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 271, 302 [статья написана в 1939–1940 гг.].

203. *Кюнер Н. В.* География Японии. М., 1927.

204. *Кюнер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

205. *Лавров И. П.* Об изобразительном искусстве нивхов и айнов (из материалов Амуро-Сахалинской экспедиции) // Краткие сообщения Института этнографии. М.; Л., 1949. Т. V. С. 32–39.

206. *Лантев С. В.* Очерки по археологии и истории Японии. М., 2007.
207. *Латышев В. М.* Сахалин в судьбе Бронислава Пилсудского // Б. О. Пилсудский — исследователь народов Сахалина. Южно-Сахалинск, 1992. Т. 1. С. 7–16.
208. *Латышев В. М.* Сказки и предания сахалинских айнов из записей Бронислава Пилсудского // Бронислав Пилсудский. Фольклор сахалинских айнов. Южно-Сахалинск, 2002. С. 3–10.
209. *Лебедев А. Г.* Праздничная и ритуальная одежда айнов // Записки Гродековского музея. Хабаровск, 2006. Вып. 15. С. 55–60.
210. *Левин М. Г.* Амуро-Сахалинская антрополого-этнографическая экспедиция // Краткие сообщения Института этнографии. М.; Л., 1949а. Т. V. С. 19–25.
211. *Левин М. Г.* Антропологические исследования на Амуре и Сахалине (предварительное сообщение) // Краткие сообщения Института этнографии. М.; Л., 1949б. Т. V. С. 25–31.
212. *Левин М. Г.* Древние переселения человека в Северной Азии по данным антропологии // Происхождение человека и древнее расселение человечества / ТИЭ. М., 1951. Т. XVI. С. 469–496.
213. *Левин М. Г.* Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока // ТИЭ. М., 1958. Т. 36.
214. *Левин М. Г., Дубровина Е. Т.* Айны. 1969 // Архив МАЭ РАН. Ф. к. 1. Оп. 1. № 787.
215. *Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Древнее расселение человечества в Восточной и Юго-Восточной Азии // Происхождение человека и древнее расселение человечества / Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. М., 1951. Т. XVI. С. 325–354.
216. *Левковская А. Ю.* История народа айну и их современное положение // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 2010. № 17. С. 195–208.
217. *Лим С. Ч.* Айнская татуировка // Общество изучения Сахалина и Курильских островов. Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1993. № 4. С. 70–79.
218. *Лим С. Ч.* История взаимоотношений айнов и японцев в период раннего феодализма в Японии (до XV в.) // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 2008. № 15. С. 139–168.
219. *Лим С. Ч.* История айнского сопротивления японской экспансии в 1669–1789 годах в Эдзо // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 2010. № 17. С. 169–193.
220. *Маак Р.* Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в 1855 г. СПб., 1859.

221. *Мамчева Н. А.* Шаманские музыкальные инструменты аборигенов Сахалина // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 2001. № 8. С. 188–219.
222. *Мамчева Н. А.* Обрядовые музыкальные инструменты аборигенов Сахалина. Южно-Сахалинск, 2003.
223. *Мамчева Н. А.* Нивхские варганы // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 2005. № 12. С. 271–284.
224. *Медведев В. Е.* Корсаковский могильник. Новосибирск, 1991.
225. *Мельникова Т. В.* Коллекция айнских ритуальных палочек — икуниси из собрания Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н. И. Гродекова // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 1997. № 4. С. 139–144.
226. *Мещеряков А. Н.* Древняя Япония. Буддизм и синтоизм. М., 1987.
227. *Мещеряков А. Н.* Роль синто и буддизма в формировании государственной идеологии древности // Синто. Путь японских богов. СПб., 2002. Т. 1. С. 136–147.
228. *Мещеряков А., Грачев М.* История древней Японии. СПб., 2003.
229. *Моисеев В. Г.* О происхождении носителей охотской культуры северного и восточного Хоккайдо (по краниологическим данным) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2008. № 1. С. 134–141.
230. *Моисеев В. Г.* О происхождении населения островов Рюкю: интеграция краниометрических и краниоскопических признаков // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2009. № 4. С. 146–152.
231. *Молодякова Э. В.* Мингэй — народные промыслы японцев // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 4. С. 123–127.
232. *Мурасаки К.* Записи Б. Пилсудского любовных песен Сахалинских айнов / Пер. с англ. В. Г. Сваловой // Б. О. Пилсудский — исследователь народов Сахалина: Материалы междунар. науч. конф. (31 октября — 2 ноября 1991 г., Южно-Сахалинск). Южно-Сахалинск, 1992. Т. 2. С. 45–47.
233. *Нагано С.* Быт туземцев на Карафуто: айну, ороchon и гиляков [27 декабря 1929 г.] // Исторические чтения. Южно-Сахалинск, 1995. Вып. 1. С. 96–104.
234. *Намба Т.* Об «инау» о. Сахалина и о. Хоккайдо // Б. О. Пилсудский — исследователь народов Сахалина. Южно-Сахалинск, 1992. Т. 1. С. 127–128.
235. *Невский Н. А.* Айнский фольклор. М., 1972.

236. Нихон сёки — *Анналы Японии*. СПб., 1997. Т. 1: Свитки I–XVI; Т. 2: Свитки XVII–XXX.
237. *Новикова О. Г.* История восточных лаков. Обзор литературы // Восточноазиатские лаки. Методика реставрации, исследования. М., 2000. С. 11–18.
238. *Носов К. С.* Вооружение самураев. М.; СПб., 2003.
239. *Огихара С., Кохара Т.* Айнские коллекции в России // Российский этнографический музей: Каталог айнских коллекций. Токио, 2007. С. 11–22.
240. *Огихара Шинко.* Бёдзан Хирасава — бытописатель-маргинал // Омская сенсация. Серия акварелей Бёзана Хирасава «Жизнь и обычаи айнов» из собрания Омского областного музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля. М., 2008. С. 33–35.
241. *Окладников А. П.* К вопросу о древнейшем населении Японских островов и его культуре // Советская этнография. 1946. № 4. С. 11–33.
242. *Окладников А. П., Бродянский Д. Л., Чан Су Бу.* Тихоокеанская археология. Владивосток, 1980.
243. *Окладникова Е. А.* «Вануату в зеркале искусств» и проблема этнокультурных контактов в бассейне Тихого океана // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1995. Вып. 2–3. С. 124–160.
244. *Онуки-Тирни Э.* Айны северо-западного побережья Южного Сахалина / Пер. с англ. и примеч. Т. П. Роон // Общество изучения Сахалина и Курильских островов. Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1996. № 1. С. 3–33; № 2. С. 57–105; № 3. С. 89–127; № 4. С. 35–77.
245. Описание северного Эдзо, сделанное Мамя Риндзо / Пер. и аннотация Джона А. Харрисона, пер. на рус. яз. В. В. Переславцева // Общество изучения Сахалина и Курильских островов. Краеведческий бюллетень. 1990. № 2. С. 58–130.
246. *Осипова М. В.* Обычаи и обряды айнов в системе культурного взаимодействия с аборигенами Нижнего Амура и о. Сахалин: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2006.
247. *Осипова М. В.* Айны острова Сахалин: Традиции и повседневность. Очерки обрядовой культуры. Хабаровск, 2008.
248. *Осипова М. В.* Потомки сахалинских айнов на Нижнем Амуре // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского (при Сахалинском музее). Южно-Сахалинск, 2010. Вып. 14. С. 204–214.
249. *Островский А. Б.* Мифология и верования нивхов. СПб., 1997.
250. *Пастухов А. М.* Сабли из случайных находок на Амуре в контексте комплекса вооружения приамурских племен XVII века — попытка атрибуции // Этнографическое обозрение. М., 2013. № 2. С. 188–197.

251. *Пилсудский Б. О.* Краткий очерк экономического быта айнов на о. Сахалине // Записки Общества изучения Амурского края. Владивосток, 1907а. Т. X. С. 87–157.

252. *Пилсудский Б. О.* Отчет Б. О. Пилсудского по командировке к айнам и орокам о. Сахалина в 1903–1905 гг. // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. СПб., 1907б. № 7. С. 20–52.

253. *Пилсудский Б. О.* Аборигены о-ва Сахалина // Живая старина. СПб., 1909. Вып. 2–3. С. 1–14.

254. *Пилсудский Б. О.* На медвежьем празднике айнов о. Сахалина // Живая старина. СПб., 1914. Т. 23. Вып. 1–2. С. 67–162.

255. *Пилсудский Б. О.* Из поездки к орокам о. Сахалина в 1904 г. Южно-Сахалинск, 1989.

256. *Пилсудский Б. О.* Тусу-куру (из записной книжки этнограффа) // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 1995. № 2. С. 304–319.

257. *Пилсудский Б. О.* Материалы для изучения айнского языка и фольклора (*Pilsudski B. Materials for the study of the Ainu language and folklore.* Srasow, 1912) / Пер. с англ. В. Д. Косарева // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского (при Сахалинском музее). Южно-Сахалинск, 2004. № 7.

258. *Пилсудский Б. О.* Японские заметки. Южно-Сахалинск, 2012.

259. *Позднеев Д.* Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материкам Азии и России. Йокохама; Токио, 1909. Т. 1; Т. 2, ч. 1.

260. *Полевой Б. П.* Неопубликованное сочинение О. Аргунова о северных айнах (К 250-летию начала камчатских исследований С. П. Крашенинникова) // Советская этнография. 1988. № 3. С. 72–83.

261. *Полевой Б. П.* Первое известие с Амура о японцах (1652 г.) // Общество изучения Сахалина и Курильских островов. Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1994. № 3. С. 96–100.

262. *Полевой Б. П.* Сахалинские коллекции П. И. Супруненко // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 1995. № 2. С. 144–155.

263. *Полонский А. С.* Курилы // Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1871. Т. 4. С. 367–576.

264. *Полонский А. С.* Курилы / Вступ. ст. и примеч. В. О. Шубина // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1994. № 3. С. 3–86.

265. *Поляков И. С.* Отчет об исследованиях на острове Сахалине, в Южно-Уссурийском крае и в Японии. СПб., 1884.

266. *Попов А. А.* Техника у долган // Советская этнография. 1937. № 1. С. 91–135.

267. *Попов А. А.* Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия // Сб. МАЭ. М.; Л., 1955. Т. XVI. С. 41–146.

268. *Потанов Л. П.* Айны — жители Южного Сахалина и Курильских островов (Выставка в Ленинградском государственном музее этнографии) // Советская этнография. 1946. № 2. С. 216–217.

269. *Прокофьев М. М.* Археологические памятники о. Итуруп (по результатам разведок 1983, 1985 гг.) // XXVII съезд КПСС и задачи музейного строительства в Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1986. С. 18–20.

270. *Прокофьев М. М.* Находки керамических изделий культуры сацумон с календарной символикой на о. Итуруп (по материалам Курильского и Сахалинского областных краеведческих музеев) // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1995. № 3. С. 135–139.

271. *Прокофьев М. М.* История музея в фотографиях. Сахалинский музей в 1930–1960 гг. // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 1997. № 4. С. 55–65.

272. *Прокофьев М. М.* Курильские острова в до- и протоисторическое время: новые горизонты поисков // Записки Гродековского музея. Хабаровск, 2000. Вып. 1. С. 50–71.

273. *Прокофьев М. М.* Японские археологи и этнологи-исследователи Южного Сахалина и Курильских островов. Материалы к биографиям ученых. Ито Нобуо (1908–1987 гг.) и археология Карафуто: открытия и находки, изменившие представления о древнем прошлом юга острова и культуре сахалинских айнов // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 2002. № 4. С. 69–89.

274. *Прокофьев М. М.* Японские ученые — исследователи Южного Сахалина и Курильских островов (конец XIX — первая половина XX в.). Библиографические очерки. Южно-Сахалинск, 2006. Книга первая.

275. *Прокофьев М. М., Горбеев В. Я.* Открытие новой айнской крепости на Южном Сахалине // Общество изучения Сахалина и Курильских островов. Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1991. № 2. С. 117–127.

276. *Прокофьев М. М., Дерюгин В. А., Горбунов С. В.* Керамика культуры сацумон и ее находки на Сахалине и Курильских островах. Южно-Сахалинск, 1990.

277. *Прокофьев М. М., Кобко В. В.* Коллекции Б. О. Пилсудского по этнографии малых народов Нижнего Амура и Сахалина в собрании

музеев Дальнего Востока России // Б. О. Пилсудский — исследователь народов Сахалина. Южно-Сахалинск, 1992. Т. 1. С. 97—102.

278. *Прокофьев М. М., Косарев В. Д.* Петроглифы острова Итуруп в связи с проблемой протописьменности айнов // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2010. № 14. С. 107—132.

279. *Прокофьев М. М., Павлюченко Ю. Н.* Водный транспорт аборигенов Сахалина // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 1995. № 2. С. 243—257.

280. *Прокофьева Е. Д.* Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб., 2011.

281. *Раков В. А., Горбунов С. В.* Морские биоресурсы в культуре сахалинских айнов в XIII—XVIII вв. // Мустье Забайкалья, загадочные догу и другие древности тихоокеанских стран. Владивосток, 2010. С. 210—236.

282. *Решетов А. М.* История формирования коллекций и изучения народов зарубежной Азии в МАЭ // Собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР. К 100-летию образования первого академического этнографического центра / Сб. МАЭ. Т. XXXV. Л., 1980. С. 98—107.

283. *Римский-Корсаков В. А.* Случаи и заметки на винтовой шхуне «Восток» (из воспоминаний командира) // Морской сборник. СПб., 1858. № 5. Т. XXXV. С. 1—46.

284. Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1799—1815: Сборник документов. М., 1994.

285. Русские землепроходцы и мореходы: Из истории открытия и освоения Сибири и Дальнего Востока. М., 1982.

286. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. М., 1989.

287. *Салимова Г. Д.* Источники изучения материальной культуры айнов (XIX — начало XX в.) // Проблемы выявления и сохранения памятников истории освоения Сахалина и Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1989. С. 49—51.

288. *Самар А. П.* Традиционное собаководство нанайцев. Владивосток, 2011.

289. *Самарин И. А.* Раскопки многослойного поселения Чиркова-1 в 1992 г. // Okhotsk Culture Formation, Metamorphosis and Ending. Sapporo, 2002. P. 24—29.

290. *Самарин И. А.* О выявлении памятного места, связанного с историей айнского восстания на острове Кунашир в 1789 г. // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 2010. № 17. С. 181—385.

291. *Сасаки С.* Сантан коэки — торговля народов Нижнего Амура и Сахалина в XVIII—XIX вв. // Б. О. Пилсудский — исследователь народов Сахалина. Южно-Сахалинск, 1992. Т. 1. С. 119—127.
292. *Сем Т. Ю.* Семиотика шаманских ритуалов (по материалам тунгусских народов Сибири и Дальнего Востока) // Шаманизм народов Сибири. СПб., 2006. С. 568—626.
293. *Сем Т. Ю.* Семиотика ритуальных предметов айнов в коллекции Российского этнографического музея // Российский этнографический музей: Каталог айнских коллекций. Токио, 2007. С. 135—139.
294. *Смоляк А. В.* Экспедиция Невельского 1850—1854 гг. и первые этнографические исследования XIX в. в Приамурье, Приморье и на Сахалине // Советская этнография. 1954. № 3. С. 77—82.
295. *Смоляк А. В.* Ульчи. Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М., 1966.
296. *Смоляк А. В.* Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего амура и Сахалина. М., 1984.
297. *Смоляк А. В.* Айны Сахалина в XIX в. и их контакты с коренным населением // Proceedings of the International Symposium on V. Piłsudski's Phonographic Records and the Ainu Culture (September 16—20, 1985). Sapporo, 1985. С. 272—280.
298. *Смоляк А. В.* Погребальные обряды нанайцев и ульчей // Похоронно-поминальные обычаи и обряды. М., 1993. С. 144—172.
299. *Спеваковский А. Б.* Айнская терминология родства // Советская этнография. 1986. № 2. С. 45—56.
300. *Спеваковский А. Б.* Духи, оборотни, демоны и божества айнов (религиозные воззрения в традиционном айнском обществе). М., 1988.
301. *Спеваковский А. Б.* Древнее погребение на о. Шикотан и проблема этногенеза айнов // Советская этнография. 1989. № 5. С. 50—63.
302. *Спеваковский А. Б.* Айны: проблемы истории и традиции этноса: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1992.
303. *Спеваковский А. Б.* Современные айнские праздники // Сборник Коммерческого университета. Отару, 1998. № 95. С. 81—102.
304. *Спеваковский А. Б.* Айнская общность за последнее столетие (в сравнении с коренными народами Сибири и Дальнего Востока) // Language Studies. 2003. № 11. Р. 41—49.
305. *Степанова А. С.* Иллюстрации Кавахара Кэйга в «Ниппоне» Ф. Ф. фон Зибольда // Кюнеровский сборник: Материалы Восточно-азиатских и Юго-Восточноазиатских исследований. 2011—2012. СПб., 2013. Вып. 7. С. 265—272.
306. *Стефан Д.* Курильские острова. Русско-японский рубеж на Тихом океане / Пер. на рус. яз. В. В. Переславцева // Общество изуче-

ния Сахалина и Курильских островов. Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1990. № 2. С. 21–130.

307. Судзуки К., Дэриха К. Средства передвижения и приспособления для переноски грузов // Российский этнографический музей: Каталог айнских коллекций. Токио, 2007. С. 115–117.

308. Сунь Цзинь-цзы. Древние народы Приморья и Приамурья в китайских письменных источниках / Пер. с кит. яз. А. Л. Ивлиева // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай: Материалы междунар. науч. конф. (Владивосток, 21–26 сентября 1998 г.). Владивосток, 2001. С. 52–64.

309. Сэнсом Дж. Б. Япония. Краткая история культуры. СПб., 1999.

310. Табарев А. В. Освоение человеком тихоокеанских побережий на рубеже плейстоцена и голоцена: дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2004.

311. Таксами Ч. М. Материалы МАЭ по этнографии айнов Южного Сахалина (XIX — начало XX в.) // Культура народов зарубежной Азии и Океании / Сб. МАЭ. Т. XXV. Л., 1969. С. 337–362.

312. Таксами Ч. М. Система культов у нивхов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.) / Сб. МАЭ. Т. XXXIII. Л., 1977. С. 90–116.

313. Таксами Ч. М. Поездка к айнам о. Хоккайдо // Материалы полевых этнографических исследований. СПб., 1996. Вып. 3. С. 129–137.

314. Таксами Ч. М. Айнские коллекции Музея антропологии и этнографии Российской академии наук // Айнские коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Токио, 1998. С. 107–110.

315. Таксами Ч. М., Косарев В. Д. Кто вы, айны? Очерк истории и культуры. М., 1990.

316. Трофимова Т. А. К айнской проблеме // Антропологический журнал. М., 1932. № 2. С. 89–104.

317. Туземное хозяйство низовьев Амура в 1927–28 году (По материалам обследования 1928 г.). Хабаровск; Благовещенск, 1929.

318. Тураев В. А. Айны // Народы Северо-Востока Сибири. М., 2010. С. 74–95.

319. Тьерд де Граф. Встречи голландцев с сахалинскими айнами // Б. О. Пилсудский — исследователь народов Сахалина. Южно-Сахалинск, 1992. Т. 2. С. 92–99.

320. Тэцу М. Шаманский пояс рода ульчей айнского происхождения с Нижнего Амура // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2000. № 1. С. 118–124.

321. *Утида Ю.* Деятельность Б. О. Пилсудского в Сираой (исследования по записям Б. Пилсудского и рассказам, услышанным в Сираой) // Б. О. Пилсудский — исследователь народов Сахалина. Южно-Сахалинск, 1992. Т. 1. С. 71–76.

322. *Федорчук В. Д.* Археологические исследования Поронайского историко-этнографического музея в 1993–1994 гг. // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 1995. № 2. С. 29–53.

323. *Федорчук В. Д.* Археологические комплексы северного побережья залива Терпения с круглодонной керамикой, орнаментированной жемчужинами // Okhotsk Culture Formation, Metamorphosis and Ending. Sapporo, 2002. P. 44–47.

324. *Фролова Е. Л., Ямада Х.* Шаманизм и фольклор айнов, японцев и народов Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. Новосибирск, 2013. Т. 12. Вып. 4. С. 65–71.

325. *Фукуси Х., Дэриха К.* Жилище, предметы убранства и утварь // Российский этнографический музей: Каталог айнских коллекций. Токио, 2007. С. 109–111.

326. *Хагинака М.* Сита химо — пояс целомудрия // Б. О. Пилсудский — исследователь народов Сахалина. Южно-Сахалинск, 1992. Т. 1. С. 128–133.

327. *Хасанова М. М.* Река в мировоззрении народов Нижнего Амура (к проблеме культурогенеза) // Реки и народы Сибири. СПб., 2007. С. 182–216.

328. *Хасэбэ К.* Характеристика айнских предметов. Орудия труда и промыслов в системе жизнеобеспечения айнов // Российский этнографический музей: Каталог айнских коллекций. Токио, 2007. С. 85–89.

329. «Хигаси эдзо ико» («Свод материалов о восточных айнах») из коллекции Института восточных рукописей Российской академии наук / публ. текста, пер. и коммент., авт.-сост. В. В. Щепкин, Тосикадзу Сасаки, Акихиса Танимото. Саппоро, 2013.

330. *Чард Ч. С., Морлан Р. Е.* Абсолютная хронология каменного века Японии // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970. С. 109–138.

331. *Чебоксаров Н. Н.* Основные принципы антропологических классификаций // Происхождение человека и древнее расселение человечества / Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. М., 1951. Т. XVI. С. 291–322.

332. *Чепелев В. Р., Прокофьев М. М.* Водные средства передвижения у народов Нижнего Амура и Сахалина (из истории судостроения и судостроительной техники) // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 1998. № 5. С. 190–206.

333. *Шафрановская Т. К.* Загадочный народ Дальнего Востока // Глобус. Л., 1967. С. 243–248.
334. *Шафрановская Т. К., Комиссаров Б. Н.* Айны на страницах дневника Е. Е. Левенштерна // Советская этнография. 1985. № 1. С. 80–87.
335. *Шостакович Б. С.* Малоизвестные источники о жизни и деятельности на Сахалине Бронислава Пилсудского // Б. О. Пилсудский — исследователь народов Сахалина. Южно-Сахалинск, 1992. Т. 1. С. 76–83.
336. *Шренк Л. И.* Об инородцах Амурского края. СПб., 1883. Т. 1; 1899. Т. 2; 1903. Т. 3.
337. *Штернберг Л. Я.* Культ инау у племен айну // Ежегодник Русского антропологического общества. СПб., 1905. Т. 1, ч. 4. С. 289–308.
338. *Штернберг Л. Я.* Культ орла у сибирских народов. Этюды по сравнительному фольклору // Сб. МАЭ. Л., 1925. Т. V. Вып. 2. С. 717–740.
339. *Штернберг Л. Я.* Айнская проблема // Сб. МАЭ. Л., 1929. Т. VIII. С. 334–376.
340. *Штернберг Л. Я.* Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны: Статьи и материалы. Хабаровск, 1933.
341. *Шубин В. О.* Новые данные по археологии Сахалина и Курильских островов // XXVII съезд КПСС и задачи музейного строительства в Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1986. С. 12–14.
342. *Шубин В. О.* Новые данные о позднем неолите Курильских островов // Новые материалы по первобытной археологии юга Дальнего Востока. Владивосток, 1987. С. 11–15.
343. *Шубин В. О.* Жизнь «курильцев» на Камчатке в 1877–1888 гг. // Общество изучения Сахалина и Курильских островов. Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1992а. № 4. С. 37–52.
344. *Шубин В. О.* Курильские острова в период 1867–1877 гг. // Общество изучения Сахалина и Курильских островов. Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1992б. С. № 4. 3–14.
345. *Шубин В. О.* Новые материалы о переселении «курильцев» на Камчатку // Общество изучения Сахалина и Курильских островов. Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1992в. № 4. С. 15–36.
346. *Шубина О. А.* Стационарные раскопки неолитического поселения Имчин XII на Северном Сахалине // XXVII съезд КПСС и задачи музейного строительства в Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1986. С. 23–24.
347. *Шубина О. А.* Айнский музей в Японии // Айны: проблемы истории и этнографии (Этнографические исследования Сахалинского

областного краеведческого музея). Южно-Сахалинск, 1988. Вып. VI. С. 175–181.

348. *Шубина О. А.* Дореволюционные археологические исследования на Сахалине и современное состояние археологической изученности острова // Б. О. Пилсудский — исследователь народов Сахалина. Южно-Сахалинск, 1992. Т. 1. С. 112–119.

349. *Шубина О. А.* Этапы заселения древним человеком укрепленного поселения Белокаменная-гяси на Южном Сахалине // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 1999. № 6. С. 227–252.

350. *Шубина О. А.* Археологические раскопки древнего поселения Охотское-3 на Южном Сахалине в 2000–2001 гг. // *Okhotsk Culture Formation, Metamorphosis and Ending*. Sapporo, 2002. P. 50–61.

351. *Шубина О. А., Жущиховская И. С.* К вопросу о выделении локальных культур в неолите северного Сахалина // XXVII съезд КПСС и задачи музейного строительства в Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1986. С. 16–17.

352. *Шубина О. А., Самарин И. А., Горбунов С. В.* Древние поселения и могильник на реке Богатой // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 2001. № 8. С. 307–337.

353. *Щепкин В. В.* Трактат Хаяси Сихэй «Кайкоку Хэйдан» как памятник военно-политической мысли Японии эпохи Эдо (1603–1867): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.

354. *Ябунака Т.* Утварь для хранения и употребления пищи. Табакокурение // Российский этнографический музей: Каталог айских коллекций. Токио, 2007. С. 105–106.

355. *Янишина О. В., Лапина З. С.* Керамический комплекс осиповской культуры поселения Хумми-1 в Приамурье // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. СПб., 2008. Т. 1: Археология. Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырье и приемы обработки. С. 154–171.

356. Японские сказания о войнах и мятежах. СПб., 2012.

357. Японское декоративное искусство. Нэцкэ. Керамика. Лаки. Металл. М., 1973.

Литература на западноевропейских языках

358. *Adachi N., Shinoda K., Umetsu K., Kitano T., Matsumura H., Fujiyama R., Sawada J., Tanaka M.* Mitochondrial DNA Analysis of Hokkaido Jomon Skeletons: Remnants of Archaic Maternal Lineages at the Southwestern Edge of Former Beringia // *American Journal of Physical Anthropology*. 2011. Vol. 146. Issue 3. P. 346–360.

359. *Adachi N., Shinoda K., Umetsu K., Matsumura H.* Mitochondrial DNA Analysis of Jomon Skeletons From the Funadomari Site, Hokkaido, and Its Implication for the Origins of Native American // *American Journal of Physical Anthropology*. 2009. Vol. 138. Issue 3. P. 255–265.
360. *Batchelor J.* The Ainu. Tokyo, 1926.
361. Die Ainu. Portrat einer Kultur im Norden Japans: Ausstellung anlässlich der 30-jährigen Städtepartnerschaft Sapporo–München 1972–2002. München, 2002.
362. *Dodo Yukio, Ishida Hajime.* Population of Japan as Viewed from Cranial Nonmetric Variation // *Journal of the Anthropological Society of Nippon*. Tokyo, 1990. Vol. 98, № 3. P. 269–287.
363. *Dubreul Chisato O.* Ainu art: The beginning of tradition // *Ainu: Spirit of a Northern People*. Los Angeles, 1999. P. 287–300.
364. *Fitzhugh William W.* Ainu Ethnicity: A History // *Ainu: Spirit of a Northern People*. Los Angeles, 1999. P. 9–26.
365. *Fujimura H.* Life and death // *Ainu: Spirit of a Northern People*. Los Angeles, 1999. P. 268–277.
366. *George C.* The chrysanthemum in Japanese art // *Transactions and proceedings of the Japan Society*. L., 1893–1895. Vol. 3.
367. *Gorbulnov S. V., Amano T.* Archeological Materials from Kalinino-1, 2 and Ivanovka in Southwestern coast of Sakhalin // *Okhotsk Culture Formation, Metamorphosis and Ending*. Sapporo, 2002. P. 160–169.
368. *Graburn N.* Saranip and tenki: Ainu basketry and North Pacific Affinities // *Ainu: Spirit of a Northern People*. Los Angeles, 1999. P. 301–308.
369. *Greey E.* The bear-worshippers of Yezo and the island of Karafuto (Saghalin). Boston, 1884.
370. *Hitchcock R.* The Ainos of Yezo, Japan. Report of the U.S. National Museum [for the year ending June 30, 1890]. 1 ed. Washington, 1891. P. 429–498.
371. *Hori I.* Folk religion in Japan. Continuity and change. Chicago; L., 1968.
372. *Junko H.* Ancient Jomon of Japan. N. Y., 2004.
373. *Kabanoff A. M.* The Ainu materials collected by Nikolai Nevski // *Lingua Poznaniensis*. Poznan, 1991. Vol. 32–33. P. 112–124.
374. *Kaburagi M., Ishida H., Goto M., Hanihara T.* Comparative studies of the Ainu, their ancestors, and neighbors: assessment based on metric and nonmetric dental data // *Anthropological Science*. 2010. Vol. 118. № 2. P. 95–106.
375. *Kindaichi K.* Ainu life and legends. Tokyo, 1941.
376. *Kodama M.* Clothing and ornamentation // *Ainu: Spirit of a Northern People*. Los Angeles, 1999a. P. 313–326.

377. *Kohara T.* Foods of choice // *Ainu: Spirit of a Northern People*. Los Angeles, 1999. P. 202–207.
378. *Koop A. J.* Costume // *Guide to the Japanese textiles*. L., 1920. Pt. 2.
379. *Kotani Yoshinobu.* Ainu Collections in North America: Documentation Projects and the Frederick Starr Collections // *Ainu: Spirit of a Northern People*. Los Angeles, 1999. P. 136–147.
380. *Kozintsev A. G.* Ainu, Japanese, Their Ancestors and Neighbours: Cranioscopic Data // *Journal of the Anthropological Society of Nippon*. Tokyo, 1990. Vol. 98. № 3. P. 247–267.
381. *Kozintsev A. G.* Ainu origins in the light of modern physical anthropology // *Homo*. N. Y., 1993. Vol. 44. № 2. P. 105–127.
382. *Kreiner J.* The European Image of the Ainu as Reflected in Museum collection // *Ainu: Spirit of a Northern People*. Los Angeles, 1999. P. 125–131.
383. *L'art du Grand Nord*. P., 2001.
384. *Maraini F.* Ikupasui: it's not a mustache lifter! // *Ainu: Spirit of a Northern People*. Los Angeles, 1999. P. 327–334.
385. *Montandon G.* La civilization ainou. P., 1937.
386. *Munro N. G.* Ainu creed and cult. N. Y., 1963.
387. *Nobukatsu A., Koji D.* Japanese Ainu collections // *Ainu: Spirit of a Northern People*. Los Angeles, 1999. P. 176–182.
388. *Ohnuki-Tierney Emiko.* Spatial Concepts of the Ainu of the Northwest Coast of Southern Sakhalin // *American Anthropologist*. N. Y., 1972. Vol. 74. № 3. P. 426–457.
389. *Olschleger H.* Technology, settlement, and hunting ritual // *Ainu: Spirit of a Northern People*. Los Angeles, 1999. P. 208–221.
390. *Olschleger H. D.* Ainu Collections in European Museums // *Japanese Collections in European Museums*. Bonn, 2011. Vol. I. P. 129–143.
391. *Ozawa Hiroyuki.* The great festivals of Japan, spectacle and spirit. Tokyo; N. Y.; L., 1999.
392. *Richard S.* Ainu history: an overview // *Ainu: Spirit of a Northern People*. Los Angeles, 1999. P. 67–73.
393. *Sasaki Toshikazu.* On ainu-e — Pictorial Description of Ainu life and customs // *European studies on Ainu language and culture*. München, 1993. P. 217–227.
394. *Sasaki Toshikazu.* Ainu-e: a historical review // *Ainu: Spirit of a Northern People*. Los Angeles, 1999. P. 79–85.
395. *Shigeki Akino.* Spirit-Sending Ceremonies // *Ainu: Spirit of a Northern People*. Los Angeles, 1999a. P. 248–255.
396. *Shigeki Akino.* The Ainu Museum Foundation // *Ainu: Spirit of a Northern People*. Los Angeles, 1999b. P. 183–186.
397. *Siebold P. F.* Studien über die Aino. Berlin, 1881.

398. *Siebold P. F.* Nippon. Archiv zur Beschreibung von Japan und dessen Neben- und Schutzländern: Jezo mit den südlichen Kurilen, Krafto, Koorai und den Liukiu-Inseln. Würzburg; Leipzig, 1897. Vol. 2.

399. *Spevakovskiy A. B.* Ainu collections in the Museum of St. Petersburg // European studies on Ainu language and culture. Munchen, 1993. P. 207–214.

400. *Torii R.* Etudes Archeologiques et Ethnologiques. Les Ainou des Iles Kouriles // Journal of the college of science. Imperial University of Tokyo. Tokyo, 1919, January 29th. Vol. XLII. Art. 1.

401. *Tsuda N.* A personal Rebirth through Ainu traditional Basketry // Ainu: Spirit of a Northern People. Los Angeles, 1999. P. 309–312.

402. *Wada K.* Ainu shamanism // Ainu: Spirit of a Northern People. Los Angeles, 1999. P. 261–267.

403. *Watanabe Hitoshi.* The Ainu ecosystem // Ainu: Spirit of a Northern People. Los Angeles, 1999. P. 198–201.

404. *Yanshina O. V., Kuzmin Y. V., Burr G. S.* Yankito, the Oldest Archaeological Site Cluster on the Kurile Islands (Russian Far East) // Current Research in the Pleistocene. 2009. Vol. 26. P. 30–34.

Литература на японском языке

405. *Abe Chiharu.* Daikibo shu:raku-no shutsugen — Hokkaido: nambu-no juo:mon shu:raku — (Возникновение крупных поселений — поселения эпохи Дзёмон в южной части Хоккайдо) // Куи:sekki — juo:mon bunka. Hokkaido: kodai-1 (Культура древних каменных орудий и культура дзёмон. Древняя история Хоккайдо. Ч. 1). Sapporo, 2001. P. 90–109.

406. Ainu ko:geihinten tekekarpe — onna-no waza. Doitsu korekushon kara / Tekekarpe-Textilkunst und anderes Kunsthandwerk der Ainu, aus deutschen Sammlungen: Kat. Kreiner Josef, Kodama Mari. Hokkaido:, 1999.

407. Ainu-no ifukubunka — kimono-no chiho:teki tokucho: ni tsuite (Культура айнской одежды — о региональных особенностях кимоно). Shiraoui, 2001.

408. Ainu-no rekishi to bunka (История и культура айнов). Shiraoui, 2002.

409. Ainu-no shiki to seikatsu. Tokachi ainu to eshi Hirasawa Буо:zan (Времена года и быт айнов. Айны района Токати и художник Бёдзан Хирасава). Saitama, 1999.

410. *Akibe Tokuhei.* Ainu mingū (Айнская утварь) // Ainuminzoku shashin, kaiga shu:sei, daini maki (Собрание фотографий и картин по айнской народности. Ч. 2). То:кью:, 1995. P. 4–7.

411. *Amano Takeshi*. Mingu-no mikata — kokoro to katachi (Взгляд на народную утварь — душа и форма). То:кю:, 1983.
412. *Amano Tetsuya*. Ohotsuku buka to wa nanika (Об охотской культуре) // Zokujuyo:mon — ohotsuku bunka. Hokkaido:-no kodai-2 (Дзокудзёмон и охотская культура. Древняя история Хоккайдо. Ч. 2). Sapporo, 2003. P. 110–133.
413. *Amemiya Mizuo*. Minami Kyu:shu:-no shoki teiju: (Оседлость на начальной стадии (Дзёмон) на юге Кюсю) // Ko:kogaku jyu:paru (Журнал по археологии). То:кю:, 1998. № 429. P. 29–33.
414. *Aoki Aiko*. Biratori chiho:-no seikatsu nit suite (О жизни в области Биратори) // Ainuseikatsushi (Описание жизни айнов). Sapporo, 1984. P. 91–123.
415. *Aono Tomoya*. Esan bunka to ko:eki (Культура эсан и торговля) // Zokujuyo:mon — ohotsuku bunka. Hokkaido:-no kodai-2 (Дзокудзёмон и охотская культура. Древняя история Хоккайдо. Ч. 2). Sapporo, 2003. P. 10–29.
416. *Bachera: Jyon* (Batchelor John). Ainu-no kurashi to densho: — yomigaeru kodama (Жизнь айнов и их наследие — эхо из прошлого) / Ainu life and lore — echoes of a departing race. Sapporo, 1999.
417. *Chiba Nobuhiko*. Karafuto ainu-no ongaku (Музыка айнов Сахалина) // Karafuto ainu — Kodama korekushon (Айны Сахалина — коллекция Кодама). Shiraoi, 1996. P. 49–56.
418. *Chiri Mashiho*. Seikatsushi minzokugakuhen (Описание быта и вопросы этнографии). То:кю:, 1973. Vol. 3.
419. *Chiri Mitsumi*. Ainu monyo:-no sekai (Мир айнского орнамента) // Ainuminzoku shashin, kaiga shu:sei, daisan makii (Собрание фотографий и картин по айнской народности. Ч. 3). То:кю:, 1995. P. 4–7.
420. *Deriha Koji*. Ainu bunka (Айнская культура) // Ainu bunka-no seiritsu (Становление айнской культуры). Sapporo, 1999a. P. 24–30.
421. *Deriha Koji*. Ainu-no ifuku (Айнская одежда) // Ainu bunka-no seiritsu (Становление айнской культуры). Sapporo, 1999b. P. 34–39.
422. *Deriha Koji*. Hitobito-no sumai (Жилища местного населения) // Ainu bunka-no seiritsu (Становление айнской культуры). Sapporo, 1999c. P. 40–42.
423. *Emori Susumu*. Ainu minzoku-no rekishi (История айнского народа). Urayasu, 2008.
424. *Hasebe Kazuhiro*. Karafuto ainu-no i shoku jyu: (Одежда, пища и жилища айнов Карафутто) // Karafuto ainu minzokushi — ko:gei ni miru waza to takumi (Описание айнов Карафутто — искусство и мастерство). Sapporo, 2004. P. 110–113.

425. *Hata Awakimaru, Murakami Teisuke, Mamiya Rinzo*. Ezo seikei zusetu (Иллюстрированное описание быта эдзо). То:кю: kokuritsu daigaku (Государственный токийский университет), 1823.

426. Higashiezo iko: (Обзор восточных эдзо) // ОР СПб. Филиал ИВ РАН. № С-201. Рукопись. XIX в.

427. *Hirakawa Yoshinaga*. Kinsei ainu fumbo-no ko:kogakuteki kenkyu: (Археологическое исследование айнских погребений Нового времени) // Hokkaido:-no kenkyu: daini maki ko:ko hen II (Изучение Хоккайдо. Сборник по археологии II). Osaka, 1984. P. 376–418.

428. *Hirakawa Yoshinaga*. Satsumon bunka (Культура сацумон) // Ainu bunka-no seiritsu (Становление айнской культуры). Sapporo, 1999. P. 11–19.

429. Hirasawa Byo:zan-hitsu “Ainu fu:zoku ju:nikagetsu byo:bu” («Ширма с айнскими обычаями двенадцати месяцев» кисти Хиросава Бёдзан). Nakodate, 2003.

430. Hokkaido:-no kiso: bunka o saguru — kita kara minami kara (Исследование культуры Хоккайдо — северные и южные корни). Sapporo, 2003.

431. *Inui Tetsuya*. Atsuma-no iseki o sasaeta mono. Ko:eki, shika shigen (Предметы из археологических памятников Ацума. Товарообмен и оленьи ресурсы) // Ainu shi o toinaosu. Seitai, ko:ryu:,bukakesho: (Возвращаясь к вопросу об истории айнов. Экология, взаимные обмены, культурное наследие). То:кю:, 2011. P. 57–80.

432. *Inui Yoshihiro*. Hokkaido:-no do:butsugata doseihin (Глиняные изделия в форме животных с Хоккайдо) // Zokuju:mon — ohotsuku bunka. Hokkaido:-no kodai-2 (Дзокудзёмон и охотская культура. Древняя история Хоккайдо. Ч. 2). Sapporo, 2003. P. 100–103.

433. *Kaiho Mineo*. Matsumaehan-no seiritsu (Становление клана Мацумаэ) // Ezochi-no kogo (Во времена Эдзо). Sapporo, 2002. P. 10–20.

434. *Kasai Takechiyo*. Karafuto ainu-no minzoku. Karafutocho: haku-butsukan so:sho 9 (Народность айну Карафутто. Сборник Музея губернаторства Карафутто. № 9). То:кю:, 1943.

435. *Kato Kunio*. Hokkaido:-no chu:seibo ni tsuite (О захоронениях средних веков на Хоккайдо) // Hokkaido:-no kenkyu: daini maki ko:ko hen II (Изучение Хоккайдо. Сборник по археологии II). Osaka, 1984. P. 307–333.

436. *Kawakami Shin*. Biratori chiho:-no seikatsu nit suite (О жизни в области Биратори) // Ainuseikatsushi (Описание жизни айнов). Sapporo, 1984. P. 127–195.

437. *Kikuchi Isao*. Ainu minzoku to nihonjin. Higashi ajia-no naka-no ezochi (Айнская народность и японцы. Земли Эдзо внутри восточно-азиатского региона). То:кьо:, 1999.
438. *Kikuchi Isao*. Matsumaehan to ainu (Клан Мацумаэ и айны) // Ainu-no rekishi to bunka I (История и культура айнов 1). Sendai, 2003. P. 174–183.
439. Kindaichi Kyosuke. Ainu-no kenkyu: (Изучение айнов). То:кьо:, 1925.
440. *Kitahara Jirota*. Karafuto ainu-no rekishi (История айнов Карафуту) // Karafuto ainu minzokushi — ko:gei ni miru waza to takumi (Описание айнов Карафуту — искусство и мастерство). Sapporo, 2004. P. 100–109.
441. *Kobayashi Yukio*. Najitetsunabe to chashi (Железные котелки с ушками внутри и укрепления *тяси*) // Ainu bunka-no seiritsu (Становление айнской культуры). Sapporo, 1999. P. 21–23.
442. *Kodama Mari*. Ainu-no ifuku (Айнская одежда) // Ainu-no biso:i. Tosa Hayashi korekushon-no sekai (Айнские наряды. Мир коллекций Тоса Хаяси). Sapporo, 1998.
443. *Kodama Mari*. Ainu-no ifuku (Айнская одежда) // Ainu ko:geihinten tekekarpe — onna-no waza. Doitsu korekushon kara [Tekekarpe — textilkunst und anderes kunsthandwerk der Ainu, aus deutschen Sammlungen] (Тэкэкарпэ и предметы прикладного искусства айнов из немецких коллекций): Kat. Kreiner Josef, Kodama Mari. Hokkaido:, 1999b. P. 25–29.
444. *Kojima Kyoko*. Ainubunka-no seiritsu kara ranjyuku made (От становления айнской культуры до периода ее расцвета) // Senju:min ainu minzoku (Аборигены айны). То:кьо:, 2004. P. 18–24.
445. *Kojima Kyoko*. Emishi, ezo kara ainu e (От эмиси и эдзо к айнам). То:кьо:, 2009.
446. *Kumagai Hitoshi*. Hokkaido:-no jyo:mon doki (Дзёмонская керамика Хоккайдо) // Ку:sekki — jyo:mon bunka. Hokkaido: kodai-1 (Культура древних каменных орудий и культура дзёмон. Древняя история Хоккайдо. Ч. 1). Sapporo, 2001. P. 138–137.
447. *Kumagai Kumiko*. Kodai emishi-no bunka (Культура древних эмиси) // Ainu-no rekishi to bunka I (История и культура айнов 1). Sendai, 2003. P. 14–23.
448. *Kumamoto Shunro*. Do:to:hokubu-no zokujuo:mon bunka (Культура дзокудзёмон северо-восточной области Хоккайдо) // Zokujuo:mon — ohotsuku bunka. Hokkaido:-no kodai-2 (Дзокудзёмон и охотская культура. Древняя история Хоккайдо. Ч. 2). Sapporo, 2003. P. 50–69.

449. *Kuzuno Tatsujiro*. Shizunai chiho:-no seikatsu ni tsuite (О жизни в области Сидзунай) // *Ainuseikatsushi* (Описание жизни айнов). Sapporo, 1984. P. 199–223.

450. *Mamiya Rinzo*. Kitaezo zusetu (Иллюстрированное описание айнов северного Эдзо (Сахалина)). Karafutocho: hakubutsukan so:sho 8. (Сборник Музея губернаторства Карафутто. № 8), Toyohara, 1943.

451. *Matsumoto Naoko*. Juo:mon-no mura to shakai (Поселения и общество эпохи Дзёмон). То:кю:, 2005.

452. *Matsumoto Takehaya*. Emishi-no ko:kogaku (Археология эмиси). То:кю:, 2006.

453. *Matsuura Takeshiro*. Yu:bari nisshi (Юбарский дневник). 1860 // ОР СПб. Филиал ИВ РАН. № С-23. Ксилограф. (Время и место издания не установлены).

454. *Matsuura Takeshiro*. Teshio nisshi (Тэсиоский дневник). 1861 // ОР СПб. Филиал ИВ РАН. № С-27. Ксилограф. (Время и место издания не установлены).

455. *Matsuura Takeshiro*. Ainujinbutsushi [Matsuura Takeshiro gencho “Kinsei ezojinbutsushi”] (Описание айнов [оригинал Мацуура Такэсиро «Описание эдзо Нового времени»]). То:кю:, 1981.

456. *Matsuzaki Mizuho*. Konjyu: suru wajin. Ainu-no sekai (Мир совместного проживания вадзин и айнов) // *Yomigaeru kita-no chu:- kinsei; Horidasareta ainubunka* (Возрождающиеся Средние века и Новое время северных областей; Археологические памятники айнской культуры)². Sapporo, 2001. P. 44–86.

457. Meijyo: o yuku (Прогулка по известным замкам). То:кю:, 2005. № 48.

458. *Mimura Shin*. Ainubunka-no henyo: ~ hakkutsu shiruo: to dense shiryo: (Трансформация айнской культуры. Вновь обнаруженные и передающиеся из поколения в поколение материалы) // *Yomigaeru kita-no chu:- kinsei; Horidasareta ainubunka* (Возрождающиеся Средние века и Новое время северных областей; Археологические памятники айнской культуры). Sapporo, 2001. P. 154–161.

459. *Morioka Kenji*. Sarugawa ry:iki isekigun ni miru ainu-no fu:kei (Облик айнов по находкам из памятников, расположенных в районе реки Сару) // *Yomigaeru kita-no chu:- kinsei; Horidasareta ainubunka* (Возрож-

² Вадзин — в научной литературе племени Ямато, а также японское население в противовес коренным жителям северо-восточных и северных областей Японии.

дающиеся Средние века и Новое время северных областей; Археологические памятники айнской культуры). Sapporo, 2001. P. 88–152.

460. *Murakami Koichi*. Chashi-no chikuzo: gijyutsu ni kansuru ko:satsu (Взгляд на искусство строительства *тясу*) // Ainu bunka to Hokkaido:-no chu:sei shakai (Айнская культура и средневековое общество Хоккайдо). Sapporo, 2006. P. 77–95.

461. *Murakami Noboru*. Nihon retto: to:bu ni okeru jyo:monjidai so:so:ki gyu:kisenmon doki-no hennen — kanto: chiho: o chu:shin ni (Периодизация керамики *рю:кисэн* периода протодзёмон восточной части островов Японского архипелага — с центром в области Канто:) // Kodai dai 120 go: (Древние времена. № 120). То:кью:, 2007. P. 1–28.

462. *Muraki Miyuki*. Kurashi-no katachi (Бытовые стороны жизни) // Senju:min ainu minzoku (Аборигены айны). То:кью:, 2004. P. 70–81.

463. *Niiyama Shitsu*. Shundo: hentai (Превращения несмышленишей). late 18th centure. Raiputsuhi minzokugaku hakubutsukan (Государственный этнологический музей Лейпцига).

464. *Nishizuru Sadayoshi*. Karafuto ainu (Айны Карафуту). Karafutocho: hakubutsukan so:sho 5. (Сборник Музея губернаторства Карафуту. № 5). Toyohara, 1942.

465. *Nomoto Masahiro*. Inogi-no katachi (Духовная сторона жизни) // Senju:min ainu minzoku (Аборигены айны). То:кью:, 2004а. P. 40–54.

466. *Nomoto Masahiro*. Chise-no ko:zo: (Устройство *мусэ*) // Senju:min ainu minzoku (Аборигены айны). То:кью:, 2004б. P. 56–59.

467. *Oshima Naoyuki*. Jyo:mon-no uchi to mura soshite kaizuka (Дома и деревни, а также раковинные кучи эпохи Дзёмон) // Kyu:sekki — jyo:mon bunka. Hokkaido: kodai-1 (Культура древних каменных орудий и культура дзёмон. Древняя история Хоккайдо. Ч. 1). Sapporo, 2001. P. 110–129.

468. *Otsuka Kazuyoshi*. Ainu fu:zoku-no wajin shakai ni okeru juyo: moho: ni tsuite (О восприятии айнских обычаев и подражании им в обществе вадзин) // Nihonjin to nihonbunka-no keisei (Становление японской культуры). То:кью:, 1993. P. 109–124.

469. *Otsuka Kazuyoshi*. Karafuto ainu minzokushi — dento: to gendai (Описание айнов Карафуту — традиции и современность) // Karafuto ainu minzokushi — ko:gei ni miru waza to takumi (Описание айнов Карафуту — искусство и мастерство). Sapporo, 2004. P. 90–99.

470. *Ouchi Hirosada*. То:kai yawa (Вечерние рассказы о восточных эдзо) 1860 // ОР СПб. Филиал ИВ РАН. № С-28. Ксилограф. 1861.

471. *Sasaki Kaoru*. Ainu to “Nihon” — minzoku to shu:kyo:-no horro:shi (Айны и «Япония» — история северных народностей и религий). То:кью:, 2001.

472. *Sasaki Toshikazu*. Ainu-no ko:gei (Прикладное искусство айнов) // *Nihon-no bijutsu* (Искусство Японии) 11. То:кьо:, 1995. № 354.
473. *Sasaki Toshikazu*. Ainubunkashi no:to (Заметки по айнской культуре). То:кьо:, 2001.
474. *Sasaki Toshikazu*. Ainushi-no jidai e (Навстречу эпохе истории айнов). Sapporo, 2013.
475. *Shibata Shinichi*. Jyo:mon-no uchi (Дома Дзёмон) // *Kyu:sekki — jyo:mon bunka*. Hokkaido: kodai-1 (Культура древних каменных орудий и культура дзёмон. Древняя история Хоккайдо. Ч. 1). Sapporo, 2001. P. 134–137.
476. *Shoda Shinya*. Mushicho:ri denrai. Higashi ajia to nihon (Традиция приготовления пищи на пару. Восточная Азия и Япония) // *Bunkazaigaku-no shin chihei* (Новые горизонты в изучении культурного наследия). То:кьо:, 2013. P. 842–870.
477. Sudo 1857 — Муниципальная библиотека г. Хакодате. Sudo Kanenori. Kitaezo gacho: (Иллюстрированный альбом о северных эдзо). 1857.
478. *Sugimura Takao*. Karafuto kurashi-no danso: (Изменения в жизни на Карафутто). Sapporo, 2000.
479. *Sugiura Shigenobu*. Нокухен-но jyo:mon buka (Культура дзёмон северных окраин) // *Kyu:sekki — jyo:mon bunka*. Hokkaido: kodai-1 (Культура древних каменных орудий и культура дзёмон. Древняя история Хоккайдо. Ч. 1). Sapporo, 2001. P. 202–227.
480. *Suzuki Kenti*. Chishima ainu-no ishirampu (Каменные лампы айнов Курильских островов) // *Hokkaido: ko:kogaku* (Археология Хоккайдо). Sapporo, 2014. № 50. P. 151–166.
481. *Suzuki Takuya*. Emishi to To:hoku senso: (Эмиси и войны в Тохоку). То:кьо:, 2008.
482. *Tabata Aki*. Shiraoui chiho:-no seikatsu nit suite (О жизни в области Сираой) // *Ainuseikatsushi* (Описание жизни айнов). Sapporo, 1984. P. 13–88.
483. *Takabatake Takamune*. Oho:tsuku bunka-no shinko: to girei (Верования и обряды охотской культуры) // *Zokuju:mon — ohotsuku bunka*. Hokkaido:-no kodai-2 (Дзокудзёмон и охотская культура. Древняя история Хоккайдо. Ч. 2). Sapporo, 2003. P. 162–181.
484. *Takahashi Hayato*. Satsumonbunka kara ainubuka e (От культуры сацумон к айнской культуре) // *Yomigaeru kita-no chu:- kinsei*; *Hori-dasareta ainubunka* (Возрождающиеся Средние века и Новое время северных областей; Археологические памятники айнской культуры). Sapporo, 2001. P. 22–31.

485. *Takahashi Masakatsu*. Ebetsu bunka-no seiritsu to hatten (Становление и развитие культуры Эбэцу) // *Zokujuyo:mon — ohotsuku bunka. Hokkaido:-no kodai-2* (Дзокудзёмон и охотская культура. Древняя история Хоккайдо. Ч. 2). Sapporo, 2003. P. 30–49.

486. *Tezuka Kaoru*. Shokubutsusei shokuryo: saishu to no:ko: (Сбор растительной пищи и земледелие) // *Ainu bunka-no seiritsu* (Становление айнской культуры). Sapporo, 1999. P. 31.

487. *Tobu Chiharu*. Ainu minzoku makiri saya-no keijyo: hensen (Трансформация ножен айнских макири) // *Ainuminzoku shashin, kaiga shu:sei, daisan maki* (Собрание фотографий и картин по айнской народности. Ч. 3). То:кью:, 1995. P. 150–151.

488. *Tsuda Nobuko*. Ifuku-no katachi (Формы одежды) // *Senju:min ainu minzoku* (Аборигены айны). То:кью:, 2004. P. 60–69.

489. *Tsuda Nobuko*. Ainu-no mi shitaku (Аксессуары айнов) // *Ainu monyo:-no bi. Sen-no inochi, ikizukukatachi* (Красота айнского орнамента. Одухотворенность линии). Sapporo, 2008. P. 194–195.

490. *Uchida Yuichi*. Egakareta ainu minzoku kurashi (Жизнь айнов, запечатленная в живописи) // *Senju:min ainu minzoku* (Аборигены айны). То:кью:, 2004а. P. 84–96.

491. *Uchida Yuichi*. Karafuto ainu shinko: to seikatsu (Культы и повседневная жизнь айнов Карафута) // *Karafuto ainu minzokushi — ko:gei ni miru waza to takumi* (Описание айнов Карафута — умение и мастерство в прикладном искусстве). Sapporo, 2004b. P. 114–117.

492. *Ueno Kazuo*. Juo:momjin-no no:butai — rondon ho:koku “kamigami-no su:gakushi”. (Театр но: людей эпохи Дзёмон — отчет из Лондона «История математики богов»). То:кью:, 2004.

493. *Ushiro Hiroshi*. Oho:tsuku bunka (Охотская культура) // *Ainu bunka-no seiritsu* (Становление айнской культуры). Sapporo, 1999. P. 3–10.

494. *Ushiro Hiroshi*. Ohotsuku bunka-no doki, sekki, kokkakuki (Керамика, каменный и костяной инвентарь охотской культуры) // *Zokujuyo:mon — ohotsuku bunka. Hokkaido:-no kodai-2* (Дзокудзёмон и охотская культура. Древняя история Хоккайдо. Ч. 2). Sapporo, 2003. P. 134–161.

495. *Utagawa Hiroshi*. Ainubunka seiritsushi (История становления айнской культуры). Sapporo, 1992.

496. *Utagawa Hiroshi*. Ainubunka-no keisei katei o meguru shiron — ishinzai moshikuwa ikor-teki sonzai o kangaeru (Процесс становления айнской культуры с точки зрения бытования у айнов дорогого имущества как символа престижа) // *Kokuritsurekishiminzokuhakubutsukan kenkyu: ho:koku* (Научные доклады Национального историко-этнографического музея). 2003. P. 217–249.

497. *Watanabe Hitoshi, Nishimoto Toyohiro, Oshima Minoru, Kirikae Hideo.* Ainu minzoku cho:sa. Asahigawa chiho: (Изучение айнов. Асахигавы) // Ainu minzoku bunka zai cho:sa ho:kokusho (Доклады по изучению культурных ценностей айнов). Sapporo, 1982.

498. *Wilkinson Jane.* Ni:ru Go:don Manro:, sono kakegae-no nai onkei (Нэйл Гордон Манро, великодушный благодетель) // Umi o watatta ainu-no ko:gei. Eikokujin ishi Manro:-no korekushon kara (Прикладное искусство айнов, которое пришло из-за моря. Из коллекций англичанина доктора Манро). Sapporo, 2000. P. 55–86.

499. *Yanagi Soetsu.* Ainu e-no mikata (Взгляд на айнов) // Ainu minzoku shashin, kaiga shu:sei, daigo maki (Собрание фотографий и картин по айнской народности. Ч. 5). То:кью:, 1995. P. 4–11.

500. *Yoshimoto Shinobu.* Hokkaido: to sono shu:hen chiiki ni miru ami to ori-no konseki (Следы вязания и ткачества на Хоккайдо и сопредельных территориях) // Ainu bunka to Hokkaido:-no chu:sei shakai (Айнская культура и средневековое общество Хоккайдо). Sapporo, 2006. P. 121–163.

501. *Yoshimoto Shinobu.* Sekai-no shokki to orimono (Ткацкие станки и текстиль мира). Osaka, 2013.

Интернет-ресурсы

502. *Василевский А. А.* История археологических исследований и основные проблемы изучения каменного века на острове Сахалин [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://journal.sakhgu.ru/archive/2004-05-2.doc>.

503. *Василевский А. А.* Каменный век острова Сахалин [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/Home/pub/Data/vasil/?html=vasilevski.htm&id=1568>.

504. *Василевский А. А., Горбунов С. В., Кузьмин Я. В.* Радиоуглеродная и календарная хронология археологических культур Сахалина и Курильских островов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://journal.sakhgu.ru/archive/2005-05-1.doc>.

505. *Горбунов С. В.* Список археологических памятников Невельского района [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.pogonaiskmuseum.ru.

506. *Горбунов С. В., Андронов О. П., Горбунова С. Ю.* Археологические памятники Западного побережья Сахалина (от мыса Жонкьер до мыса Корсакова) [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.pogonaiskmuseum.ru.

507. Государство Бохай (698–926 гг.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fegi.ru/PRIMORYE/HISTORY/bohai.htm>.

508. *Дерюгин В. А.* Север Японского архипелага и окружающий мир в VII–XIII вв. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kosarev.press.md/Satsumon-Okhotsk.htm>.

509. История династии Юань «Юань-ши» / по изданию: Известия о народах Амура и Сахалина в исторических документах XIII–XIV вв. // Ученые записки СахГУЮ. 2003. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIV/1360-1380/Yuan_si/text1.htm.

510. История Древней Японии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://historu.rin.ru>.

511. История Японии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.

512. Источники пищи древних айнов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://neolitica.ru/article.php?id=21>.

513. Каменный век [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://history.rin.ru/cgi-bin/history.pl?num=3726>.

514. *Кернер В. Ф.* Медведь в обрядах перехода // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург, 2003. С. 49–66 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ihist.uran.ru/index/gu/articles?paper_id=11.

515. Кокоро — духовная культура Японии. Священные птицы в японской культуре [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russia-japan.nm.ru>.

516. *Колосовский А. С.* Растительная символика в ритуалах медвежьего праздника у нивхов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.icgap.org/ru/kolosovski8-1.html>.

517. *Колосовский А. С.* Растительная символика медвежьего праздника у ульчей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.icgap.org/ru/kolosovski-10-1.html>.

518. *Кондратенко А. П.* Вопросы реконструкции жилищного комплекса айнов в связи с этнокультурными контактами в северо-восточной части Тихого океана [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.sati.archaeology.nsc.ru/Home/pub/Data/KON.rtf.

519. *Косарев В. Д.* Айны Хоккайдо, Сахалина и Курил: Проблемы расового сложения и этнического развития [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kosarev.press.md/Ainu%20-HSK.htm>.

520. *Косарев В. Д.* «Восемьдесят царств» на «восьми островах»: Проблемы ранней государственности Японии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kosarev.press.md/Japan%20poliethn%20new.htm>.

521. *Левкин Г. Г.* Саморазоблачение китайского историка // Наука и природа Дальнего Востока. 2004. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.levking.ru/samos.htm>.

522. *Лонов А. А.* Жилища [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.sati.archaeology.nsc.ru/ethno/index.html?n=10&p=44.

523. *Осипова М. В.* Волшебные сказки страны айнов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.icgar.org/ru/osipova12-1.html>.

524. Плавание М. Г. де Фриса в северных водах Тихого океана (1643 г.) // Общество изучения Сахалина и Курильских островов. Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1990. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Niederlande>.

525. Поронайский краеведческий музей. Каталог экспонатов музея [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.poronaismuseum.ru.

526. Российская газета: Дальний Восток. 03.04.2008. № 4628 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2008/04/03/reg-dvostok/ainu.html>.

527. *Хакомори Кэндзиро.* Хитаками и конные всадники эмиси [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.emishi-ezo.net/NITAKAMI.htm>.

528. *Чан Су Бу.* Период кофун в Японии // Очерки тихоокеанской археологии. Владивосток, 1988. С. 117–138 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kronk.narod.ru/library/chan-1988.htm>.

529. Яёй — бронзово-железный век [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.cultline.ru.

530. *Ainu-no dento: minka «chise»* (Традиционный жилой дом айнов «тисэ») [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.chinetsu.jp/cise01.php>.

531. *Ainu-no yoroi (ayobbe) / Abe (Sapporo)* (Айнский доспех ёрои (аёббэ) / Абэ (Саппоро)) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp/hoppodb>.

532. *Ainu to torikabuto* (Айны и аконит) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.yasei.com/ainutotorikabuto.html>.

533. *Arai Hakuseki. Ezo shi* (Описание Эдзо). 1720 // *Норро: shiryō: de-ta be-su* (База данных по северным территориям) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp/hoppodb>.

534. *Vakumatsuki Mororan fu:butsuzu* («Виды Мороран заключительного периода правления сёгуната Токугава»). Середина XIX в. // *Норро: shiryō: de-ta be-su* (База данных по северным территориям) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp/hoppodb>.

535. *Eirakusha Issui. Ezo kunko:ki* (Записи о выдающихся заслугах (Ёсицунэ) на Эдзо). 1853 // *Норро: shiryō: de-ta be-su* (База данных по северным территориям) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp/hoppodb>.

536. Nakodate ku:ko: isekigun (Группа памятников аэропорта Хакодатэ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://isikari.genin.jp/kitanokodaisi/kitanojiyomon/nakanoB>.

537. *Hata Awakimaru*. Ezoshima kikan (Об увиденном на Эдзо). 1799–1800 // Норпо: shiryō: de-ta be-su (База данных по северным территориям) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp/hoppodb>.

538. *Hayashi Shihei*. Sangoku tsu:ran zuzetsu (Общий обзор трех стран с приложением карт). 1785 // Норпо: shiryō: de-ta be-su (База данных по северным территориям) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp/hoppodb>.

539. Но:keishu:ko:bo to kofun (Погребения типа *хо:кэйсю:ко:бо* и курганы *кофун*) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.e-obs.com/heo/heodata/n665.htm>.

540. Iomante — kuma-no tamaokuri (Иомантэ — проводы медведя) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.frpac.or.jp/kodomo/html/bunka/dougu>.

541. Jo:mon bunka (zenki)-no setsumeï (Разъяснения относительно культуры дзёмон раннего периода) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.city.kitami.lg.jp/tok_isekijidai04/joumonzenki3.jpg.

542. Jo:mon jidai (Эпоха Дзёмон) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ja.wikipedia.org/wiki>.

543. Juo:mon jidai-no sumai o sagaru (Исследование жилищ эпохи Дзёмон) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hi-it.net/~els-syakai/nie0822.htm>.

544. Juo:monjin-no kokoro-no katachi, doki to dogu (Душа носителей культуры дзёмон, керамические сосуды и фигурки догу) [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.hokkaido-jin.jp/zukan/story/02/02.html.

545. Kawayōrōi o chakushi yumiya o motsu Karafuto ainu-no cho:ro: (Айнский старейшина Карафуго в кожаных доспехах, с луком и стрелой). Конец XIX — начало XX в. // Норпо: shiryō: de-ta be-su (База данных по северным территориям) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp/hoppodb>.

546. Kodaijin to ainu (Древние люди и айны) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://homepage3.nifty.com/yoshihito/emishi.htm>.

547. Kodai-no morisaki (Древние наконечники гарпунов) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kanesan.michikusa.jp/kodaimori.html>.

548. *Kodama Teiryō*. Ezo kokufu: zue (Иллюстрации обычаев эдзо). Вторая половина XVIII в. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp>.

549. *Kumamoto Shunro*. Ohotsuku hito to shi (Носители охотской культуры и смерть) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.um.u-tokyo.ac.jp/publish_db/2002Okhotsk/03/3700.htm.

550. *Mamiya Rinzo*. Kitaezo zusetu (Иллюстрированное описание северных эдзо). Середина XIX в. // Норпо: shiryu: de-ta be-su (База данных по северным территориям) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp/hoppodb>.

551. *Matsuda Denjuro*. Hokuidan (Повествование о северных эдзо). Начало XIX в. // Норпо: shiryu: de-ta be-su (База данных по северным территориям) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp/hoppodb>.

552. *Matsuura Takeshiro*. Ezo manga (Зарисовки из жизни и быта эдзо). 1859 г. // Норпо: shiryu: de-ta be-su (База данных по северным территориям) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp/hoppodb>.

553. *Matsuura Takeshiro*. Ishikari nisshi (Исикарский дневник). 1860 г. // Норпо: shiryu: de-ta be-su (База данных по северным территориям) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp/hoppodb>.

554. Minzokugaku-no senkakusha Torii Ryu:zo-no mita Ajia (Азия, которую увидел ученый этнограф Тории Рюдзо) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://d.hatena.ne.jp/nori_catalyst/20090124/1232766901.

555. *Mogami Tokunai*. Ezokoku fu:zoku ninjyo:-no sata fuzu (Иллюстрированное дополнение к записям о нравах и обычаях на Эдзо). 1790 г. // Норпо: shiryu: de-ta be-su (База данных по северным территориям) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp/hoppodb>.

556. Nishiezo zukan (ken—kon) (Иллюстрации западного Эдзо в двух частях). Вторая половина XIX в. // Норпо: shiryu: de-ta be-su (База данных по северным территориям) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp/hoppodb>.

557. О-хака-но gekishi (История погребений) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www5f.biglobe.ne.jp/~ohaka/ohakanorekisi_framepage.html.

558. Оho:tsukubunka (Охотская культура) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.city.kitami.lg.jp/tok_isekijidai10/isekijidai10.htm.

559. Оho:tsukubunka ki (Период охотской культуры) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www2.ttcn.ne.jp/~kobuta/nekosann/kiso/nenn3.htm>.

560. Sannaimaruyama iseki (Памятник Саннай-Маруяма) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bekkan.web.infoseek.co.jp/74sannaimaruyama_iseki/sannaimaruyama_ikeki.htm.

561. *Sato Genrokuro*. Ezoshu:ihoi (Приложение к Заметкам об эдзо). 1786 г. // Норпо: shiryo: de-ta be-su (База данных по северным территориям) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ambitious.lib.hokudai.ac.jp/hoppodb>.

562. *Satsumon doki* (Керамические сосуды эпохи Сацумон) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dokuyoi.pref.hokkaido.lg.jp/hk/bns/19museum-guide.htm>.

563. *Taisho:3 iseki* (Памятник Тайсё 3) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pref.hokkaido.lg.jp/ks/sbs/joumon/remains/11.htm>.

564. *Takeda Osamu*. Oho:tsuku hito-no sumai (Жилища охотцев) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.um.u-tokyo.ac.jp/publish_db/2002Okhotsk/03/3500/htm.

565. *Tokoro iseki* (Остатки древности Токоро) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://inoues.net/ruins/tokoro_iseki.htm.

566. *Uenohara iseki* (Памятник Уэнохара) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://inoues.net/ruins/uenohara.html>.

567. *Utagawa Hiroshi*. Ainu jiseihin-no kenkyu: shikakeyumi, wana (Изучение самодельной продукции айнов: самострелы и ловушки). 1996 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://repository.dl.itc.u-tokyo.ac.jp/dspace/bitstream/2261/4441/1/KJ00004312411.pdf>.

568. *Utagawa Hiroshi*. Oho:tsukuhito-no yuku e (Следы охотцев) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.um.u-tokyo.ac.jp/publish_db/2002Okhotsk/03/3800.html.

569. *Zokujuo:mon bunka-no setsume*i (Разъяснения относительно культуры дзокудзёмон) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.city.kitami.lg.jp/tok_isekijidai08/isekijidai08.htm.

Научное издание

Андрей Михайлович Соколов

АЙНЫ: ОТ ИСТОКОВ ДО СОВРЕМЕННОСТИ
Материалы к истории становления айнского этноса

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Редактор *Т. В. Никифорова*
Корректор *Е. З. Чикадзе*
Компьютерный макет *Н. И. Паиковской*

Подписано в печать 8.12.2014.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура NewtonPS. Усл. печ. л. 45. Уч.-изд. л. 49.
Тираж 200 экз. Заказ № 3279.

МАЭ РАН
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Отпечатано в ООО «Издательство “Лема”»
izd_lemma@mail.ru

ISBN 978-5-88431-259-3

